

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

2

« НАУКА »

1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

2.(228)

АПРЕЛЬ – МАЙ – ИЮНЬ

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель),
д. филол. н. *В.И. Абаев*, член-корр. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
к.и.н. *В.К. Афанасьева*, д.и.н. *О.Д. Берлев*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
д.и.н. *Е.С. Голубцова*, д.и.н. *А.А. Губаев*, член-корр. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*,
д.и.н. *И.М. Дьяконов*, д. филол. н. *В.В. Иванов*, д.и.н. *Ю.К. Колосовская*,
д.и.н. *В.И. Кузищин* (зам. председателя), член-корр. АН Украины *С.Д. Крыжицкий*,
д.и.н. *А.М. Лесков*, д. филол. н. *В.А. Лившиц*,
акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*, д.и.н. *И.Л. Маяк*,
акад. АН Грузии *Г.А. Меликишвили*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*, акад. РАН *В.И. Молодин*,
д.и.н. *Р.М. Мунчаев*, член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, д.филол.н. *А.А. Россиус*,
акад. АН Армении *Г.Х. Саркисян*, д.и.н. *И.С. Свенцицкая*, к.и.н. *В.М. Смирин*,
д.и.н. *И.С. Чичуров*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

Е.В. Антонова, *А.Н. Бадер*, *Л.С. Байун*, *А.А. Вигасин*,
Ю.В. Виноградов (зам. главного редактора), *В.А. Головина* (зам. главного редактора),
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *М.М. Дандамаева*, *А.И. Иванчик*,
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *И.С. Клочков*, *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузищин, *Ю.Н. Литвиненко*, *Л.П. Маринович*, *А.Б. Никитин*,
А.И. Павловская, *А.В. Подосинов*, *Д.С. Раевский*,
С.Ю. Сапрыкин (ответственный секретарь), *А.В. Седов*, *А.Л. Смышляев*,
М.К. Трофимова, *В.И. Уколова*, *Э.Д. Фролов*, *С.В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

Ye. Antonova, *A. Bader*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *M. Dandamayeva*,
E. Frolov, *V. Golovina*, *A. Ivantchik*, *S. Karpuyk*, *I. Klochkov*, *G. Koshelenko*,
V. Kuzishchin, *Yu. Litvinenko*, *L. Marinovich*, *A. Nikitin*, *A. Pavlovskaya*, *A. Podosinov*,
D. Raevsky, *S. Saprykin*, *A. Sedov*, *S. Shkunayev*, *A. Smyshlyayev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *A. Vigin*, *Yu. Vinogradov*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

Т.А. Баскакова

МОДЕЛИ РЕЛИГИОЗНОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ

*(Ассмановская концепция "теологического дискурса" в Египте и вопрос о ее применимости к религиозной истории других ближневосточных обществ II – начала I тысячелетия до н.э.)**

С середины 80-х годов немецкий египтолог Я. Ассман публикует работы, обобщающие итоги его исследований и рассчитанные на историков религии и культурологов. В двух из них – «Египет: теология и благочестие ранней цивилизации» (1984)¹ и «Маат: праведность и бессмертие в древнем Египте» (1990)² – он по существу предлагает новый методологический подход к религии древнего Египта и к религиям древнего Востока вообще. Обе эти книги (в отличие от третьей – «Культурная память»³) анализируют только египетский материал, но работа «Маат...» содержит большое теоретическое заключение (гл. IX)⁴, в котором автор рассматривает вопрос о месте древнеегипетской религии в общемировой религиозной истории. В предлагаемой статье предпринята попытка дать краткий обзор религиозной истории четырех регионов – Месопотамии, Хеттского государства, Угарита и Египта – под тем (или слегка измененным) углом зрения, который использует в своих работах Я. Ассман, и выявить (в самых общих контурах) модели, или варианты, их религиозного развития.

Не будучи специалистом-ассириологом, я могу опираться, разумеется, только на доступные мне переводы месопотамских, хеттских и угаритских текстов, однако надеюсь, что сумею привлечь внимание коллег-неегиптологов к концепции Ассмана. Вероятно, это также заставит их задуматься о возможных критериях единообразного подхода к религиозной истории разных стран, о параметрах, по которым различные варианты религиозного развития могут быть сопоставлены, поддаются сравнению друг с другом.

1. КОНЦЕПЦИЯ АССМАНА И ВОЗМОЖНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ЕГО МОДЕЛИ РЕЛИГИОЗНОГО РАЗВИТИЯ ЕГИПТА

Книга Ассмана «Египет: теология и благочестие...», представляя собой совершенно оригинальное исследование источников, в то же время подводит итог достижениям немецкоязычных египтологов послевоенного времени, которые по-новому поставили

* Статья написана при поддержке РГНФ. Код проекта 95-06-17406.

¹ Assmann J. Ägypten: Theologie und Frömmigkeit einer früher Hochkultur. Stuttgart, 1984; рус. пер.: Ассман Я. Египет: Теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999.

² Assmann J. Ma'at: Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im alten Ägypten. München, 1990; 2. Aufl. 1995.

³ Idem. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992 (в книге содержатся очерки о зарождении исторического сознания у египтян, хеттов, евреев и греков).

⁴ Assmann. Ma'at... S. 273–288.

вопросы о ранних формах мифа (З. Шотт⁵), о сути египетского политеизма (Э. Хорнунг⁶), о значении появления представлений о трансцендентном боге (З. Моренц⁷), о «личном благочестии» (З. Моренц, Х. Бруннер, Г. Фехт, Э. Отто⁸), о египетском понимании политики и истории (Э. Хорнунг, Э. Отто⁹). Работа Ассмана посвящена проблеме зарождения в рамках традиционных религиозных представлений теологического дискурса о сути божества, эволюции египетских верований в сторону пантеизма и монотеизма, генезису и последствиям реформы Эхнатона.

Ассман выделяет два пласта египетской религии: «имплицитный» (традиционные верования, почти не меняющиеся на протяжении веков и не нуждающиеся ни в каких объяснениях, комментариях, «дискурсе») и «эксплицитный» (оторванный от культовой практики процесс разработки представлений о сути божества, «теологический дискурс»). Своеобразие любой религии, как он считает, определяется тем, в каких «измерениях» (Dimensionen) мыслится возможным контакт человека и бога (Gottesnähe). Для египетской «имплицитной» религии он выделяет три таких измерения: «локальное», или «политическое» (боги присутствуют в храмах каждого города; они «вселяются» в храмовые изображения, и люди вступают с ними в контакт, осуществляя предписанные ритуальные действия); «космическое» (богов можно увидеть, поскольку они воплощены, зримо присутствуют в космических телах и явлениях – планетах, воде, воздухе) и «мифологическое» (миф и слово вообще служат главным способом установления контакта между человеком и богом). «Теологический дискурс» возникает на сравнительно поздней стадии общественного развития в результате глубокого общественного и идейного кризиса, ставшего под сомнение справедливость богов (в Египте – после распада Древнего царства), и только при наличии определенных социологических предпосылок (например, когда сложился некий профессиональный слой людей, способных создавать подобные тексты, специальные литературные жанры и т.д.). Далее «теологический дискурс» развивается *на фоне* сохраняющих свое значение «имплицитных» верований.

Ассман показывает всю сложность, изощренность египетского язычества, проследившая по текстам этапы развития «солнечной теологии», которая видела в верховном божестве *организующий принцип* вселенной, дарующий каждому живому существу (включая и животный мир) свет, пропитание, защиту, т.е. саму возможность жизни.

Он анализирует взрывообразное распространение (после религиозных гонений, имевших место при Эхнатоне) «четвертого измерения» египетской религии – «личного благочестия», представления о возможности непосредственного контакта каждого человека с избранным им богом и о моральной ответственности перед ним. Параллельно с «личным благочестием» после эпохи Амарны (XIV в. до н.э.) развивается представление о том, что все боги суть лишь части тела единого божества, плоть которого совпадает с космосом, а мыслящая и обладающая волей душа – трансцендентна и для человека непознаваема.

Эта концепция Ассмана получила более полное развитие в книге «Маат: праведность и бессмертие в древнем Египте». Буквальное значение древнеегипетского слова *маат* – «правда», «справедливость». Оно было именем богини, воплощавшей единый принцип, от соблюдения которого зависело, по представлениям египтян, гармо-

⁵ Schott S. Mythe und Mythenbildung im alten Ägypten. Lpz, 1945.

⁶ Hornung E. Der Eine und die Vielen. Ägyptische Gottesvorstellungen. Darmstadt, 1971.

⁷ Morenz S. Die Herkunft des transzendenten Gottes in Ägypten. B., 1964.

⁸ Idem. Gott und Mensch im alten Ägypten. Lpz, 1964; Brunner H. Grundzüge der altägyptischen Religion. Darmstadt, 1983; Fecht G. Literarische Zeugnisse zur «Persönlichen Frömmigkeit» in Ägypten: Analyse der Beispiele aus den ramessidischen Schulpapyri. Heidelberg, 1965; Otto E. Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit. Ihre geistesgeschichtliche und literarische Bedeutung. Leiden, 1954.

⁹ Hornung E. Geschichte als Fest. Darmstadt, 1966; idem. Zum altägyptischen Geschichtsbewußtsein // Archäologie und Geschichtsbewußtsein. München, 1982. S. 13–30; Otto E. Geschichtsbild und Geschichtsschreibung in Ägypten // Welt des Orients. 1966. Bd 3. S. 161–176.

ничное функционирование общества и космоса. Принцип «маат» лежит в основе имплицитной религии египтян.

Ассман заинтересовался этой проблемой в связи со своим увлечением концепцией «осевого времени» Карла Ясперса, в 70–80-х годах ставшей темой нескольких международных коллоквиумов, в которых приняли участие ведущие историки античности, востоковеды и социологи. Новейшие междисциплинарные исследования, во многом прояснив характер «культур осевого времени», по сути, оставили открытым вопрос о том, какие этапы культурного развития им предшествовали. В самых общих чертах характер первых цивилизаций (Египет, Передняя Азия, классический Китай) определил австрийский политолог Эрих Фогелин, опубликовавший в 1956–1987 гг. многотомное сочинение «Порядок и история»¹⁰. Он разработал теорию «космологических империй», основанных на сочетании двух принципов – «суммодеизма» (почитания верховного бога – творца мира, гаранта нормального функционирования космоса и царя богов) и идеи божественно санкционированной царской власти (царь в подобных обществах выступает как сын верховного бога или его наместник на земле).

Предпринимаемая детальное, основанное на обширном массиве первоисточников, исследование древнеегипетской концепции миропорядка, Ассман стремился прояснить вопрос о характере ранних, «космологических» цивилизаций вообще, и, в частности, уточнить, что представляли собой так называемые «языческие» религии. Под «маат» он понимает концепцию миропорядка, характерную для *всех* ранних цивилизаций.

Ассман пришел к выводу, что концепция «маат» подразумевает прежде всего взаимность человеческих обязательств – у ее истоков стоят представления о солидарности, выработавшиеся в родовом обществе. Однако действовавший в родовом обществе принцип «дружелюбия» (*amity* – термин принадлежит этнографу Мейеру Фортезу¹¹), «предписанного альтруизма», предполагал полярное разделение мира на «своих» и «чужих» и действовал в рамках сравнительно небольшой, физически обособленной родовой группы. Концепция «маат» возникает в совершенно иных культурных условиях – в первых больших государствах, где «горизонт коллективной идентификации» непомерно расширяется и единственным интегрирующим началом является фигура царя.

«Маат» как система моральных ценностей и предписаний занимает промежуточное положение между «естественными», имплицитными моральными ценностями первобытных земледельцев, скотоводов и воинов, передаваемыми в основном через посредство устного предания, и альтернативными, рациональными, эксплицитными этическими системами религиозных и философских движений, сект, школ «осевого времени». «Маат» возрастает на почве централизованных древневосточных государств и представляет собой ориентированную на государственные нужды этику послушания, сотрудничества и самоконтроля. Это – сложная, уже в значительной мере эксплицитная, казуистически структурированная этика «поучений» («литературы мудрости»), но она еще не знает трансцендентных, не связанных с государством истин, лежащих в основе этических систем «осевого времени». «Маат» предполагает *право* каждого человека на справедливость, а *требования* свои распространяет на всех, включая царя, «ибо тот, кто желает не осуществлять собственную волю (посредством насилия), но (коммуникативным путем) добиваться повиновения своим приказам, должен опираться на порядок, накладывающий ограничения и на него самого»¹². Ранние государства возникают в таких обществах, в которых уже давно существует социальное неравенство, и берут на себя функцию обуздания права сильного (уже в социальном, а не в физическом смысле), создания и сохранения «правового пространства».

¹⁰ Voegelin E. Order and History. V. I–V. 1956–1987.

¹¹ Fortes M. Verwandtschaft und das Axiom der Amity // F. Kramer, C. Sigrist (Hgg.). Gesellschaften ohne Staat II. Genealogie und Solidarität. Frankfurt, 1978. S. 120–164.

¹² Assmann. Ma'at... S. 277.

«Маат» – это моральный интегративный принцип, распространяющий «справедливость», ранее действовавшую в узких пределах родовой группы, на все племена, регионы, народы и социальные подразделения общества, на весь космос. «Маат» – одновременно и мораль, и религия, потому что земное государство царя мыслится как одна из провинций всекосмического государства верховного бога. «Маат» обосновывает необходимость государства, ибо во всех древневосточных идеологиях царь выступает как защитник слабого от произвола сильного, как гарант права, как посредник между людьми и богами.

Принцип «маат» соответствует явлению, которое Э. Дюркгейм назвал «механической солидарностью», подразумевая под этим отсутствие индивидуального сознания, его практически полное совпадение с коллективным сознанием той или иной группы¹³. Поэтому по мере развития индивидуализма (и упадка государственности) концепция «маат» вступает в полосу кризиса и – в Египте – вытесняется «личным благочестием», представлением об ответственности индивида непосредственно перед богом, а не перед своими «ближними» и царем.

Вышеизложенная концепция Ассмана, сформулированная, однако, как все его блестящие идеи, несколько фрагментарно, представляется мне ценной прежде всего тем, что предполагает (и обосновывает) типологическую общность религиозных систем первых централизованных государств. Далее, Ассман намечает двухступенчатую эволюцию внутри этих религиозных систем: имплицитная теология (= идеология «маат») – зарождение и развитие на ее фоне эксплицитной теологии, теологического дискурса (= «личного благочестия»?). Наконец, Ассман подчеркивает неразрывную связь на этой стадии общественного развития морали и религии, т.е. предлагает расширить круг источников, обычно используемых специалистами по истории религий.

Понятие «личное благочестие» («личная религия») используют не только применительно к Египту, но и применительно к Месопотамии: Торкильд Якобсен считает это явление характерным для месопотамской религии II тыс. до н.э.¹⁴ и отмечает, что оно присутствовало также у хеттов и египтян¹⁵. Он полагает, что те и другие заимствовали этот феномен из месопотамской культуры, т.е. универсальность распространения «личного благочестия», в общем, признается ориенталистами – вопрос лишь в объяснении причин этого явления и понимании его сути. Ассман, как кажется, несколько запутывает ситуацию, не проводя четкого разграничения между «личным благочестием» и дискурсом о внутренней сути верховного божества, который со временем (в Египте) вырабатывает представление о всекосмическом едином боге. Эти две линии переплетаются между собой, однако «личное благочестие» имеет (или может иметь в других культурах) гораздо более широкую социальную базу, нежели круг лиц, способных адекватно воспринимать сложные концепции профессиональных теологов, а потому заслуживает особого рассмотрения.

Представляется, что введенное Ассманом понятие «теологический дискурс», само по себе очень плодотворное, должно быть расчленено на несколько «линий». Если признать, что «теологический дискурс» рождается в результате кризиса централизованной государственной власти и усиления индивидуалистических тенденций, то интересно было бы рассмотреть по отдельности дискурс «официальный» и «частный». Рассуждая теоретически, первый может включать в себя «государственный» теологический дискурс (его задача – каждый раз обосновывать новые формы государственности: централизованное государство, бюрократизированное централизованное государство, империю и, в частности, объяснять выдвигание какого-то бога на роль общегосударственного) и, в более узком смысле, дискурс о царской власти (обосновывающий благость власти царя для подданных). Ко второму можно отнести памятники «личного благочестия» и другие формы «интеллектуального» теологи-

¹³ Durkheim E. Die elementaren Formen des religiösen Lebens. Frankfurt, 1981. Passim.

¹⁴ Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М., 1995. С. 170–190.

¹⁵ Там же. С. 176.

ческого дискурса (в большей или меньшей степени оппозиционные по отношению к господствующим религиозным доктринам).

Что касается «имплицитной религии», то Ассман сознательно исключает из сферы своего исследования весьма значимую ее часть – представления о загробном мире (в книге «Маат...» рассматривается только идея загробного суда – гл. V). При сравнении вариантов религиозного развития необходимо хотя бы вкратце коснуться и этой темы. Далее в нашей статье, в разделах, посвященных имплицитной религии, основное внимание будет уделено вопросу о соответствии или несоответствии базовых верований того или иного народа концепции «маат».

2. «ИМПЛИЦИТНАЯ» ТЕОЛОГИЯ КАК ФОН «ЭКСПЛИЦИТНОГО» ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА. «ЛОКАЛЬНЫЕ» КУЛЬТЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУТИ БОЖЕСТВА В МЕСОПОТАМИИ, ХЕТТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ, УГАРИТЕ И ЕГИПТЕ

Месопотамия. В Месопотамии формирование единой системы религиозных верований завершается примерно ко времени III династии Ура (XXII в. до н.э.). Именно в эту эпоху складывается канонический пантеон богов и происходит слияние (отождествление) шумерских и аккадских культов, окончательное редактирование и запись шумерских этимологических мифов. Самые ранние из дошедших до нас записей литературно-мифологических текстов на аккадском языке датируются временем правления династии Иссина и Старовавилонским периодом (конец XIX – начало XVI в. до н.э.).

Базовыми в системе «имплицитных» верований жителей этого региона оказываются представления об «аморальности» богов¹⁶ (если говорить о ранних памятниках, то наиболее ярко подобное представление выражено в шумерском мифе об Энки и Нинмах, которые, напившись пива, стали «на пари», соревнуясь в своей изобретательности, лепить людей – больных и уродов), об утилитарных мотивах сотворения человека (возникновение учения о том, что люди были сотворены, дабы приносить богам жертвы, исследователи склонны относить к периоду III династии Ура; эта идея четко сформулирована в шумерских мифах об Аншан и Лахар и об Энки в Нинмах), о безрадостности загробного существования¹⁷. Все три идеи прослеживаются на всем протяжении месопотамской истории. Пожалуй, самое впечатляющее описание ужасов подземного мира содержится в поздней, ассирийской версии Поэмы о Нергале и Эрешкигаль:

Нергал к Стране без Возврата направил мысли...
К пути, чьи дороги ведут без возврата,
К дому, где жаждут живущие света,
Где пища их – прах, где еда их – глина.
Одеты, как птицы, одеждою крыльев.
Света не видят, живут во мраке.
Где каждый угол полон вздохов.
Днем и ночью, подобно горлице, стонут...¹⁸

¹⁶ Ассириолог Дж. Лоусон в своем исследовании о месопотамском понятии «судьба» пишет: «Месопотамские боги не имели никаких определенных моральных обязательств по отношению к человечеству» (*Lawson J.N. The Concept of Fate in Ancient Mesopotamia of the First Millennium. Towards an Understanding of Šimtu.* Wiesbaden, 1994. P. 129).

¹⁷ Об этом см. *Bottero J. La mythologie de la mort en Mésopotamie ancienne // Death in Mesopotamia. Papers Read at the XXVIe Rencontre Assyriologique Internationale.* Copenhagen, 1980. P. 25–43. В заключительных строках статьи автор делает такой вывод: «В сфере представлений о смерти и загробном мире единственное глубокое убеждение, которое “предшествовало” всякой мифологической разработке данной темы и накладывало на нее отпечаток, заключалось в том, что смерть кладет конец всему, что есть в нашем бытии позитивного, светлого, шумного, радостного, активного, утешительного и счастливого. Это свое убеждение жители древней Месопотамии никогда не меняли» (p. 43).

¹⁸ Пер. В. Афанасьевой, см.: Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. М., 1981. С. 83.

Но ведь столь же страшным (даже для самих богов) подземный мир предстает и в гораздо более древних шумерских мифах об Инанне и Думузи¹⁹, и в шумерской песне «Гильгамеш и дерево hulurru»²⁰, перевод заключительной части которой был включен в вавилонскую, классическую версию «Песни о Гильгамеше», созданную много веков спустя. И.С. Клочков пишет: «Боги вавилонян не обладали той универсальностью, которая обеспечивала бы известную неуничтожимость личности, причастной им. В этом, так сказать, промежуточном положении и заключается трагизм вавилонского религиозного сознания и один из истоков их (вавилонян и шумеров) скрытого глубинного пессимизма»²¹. Жители Месопотамии боялись своих мертвецов, хотя нередко хоронили их в городах или даже под полами своих домов²² и заботились об обеспечении их заупокойного культа²³. По мнению Ж. Боттеро, представления о подземном мире на протяжении истории Месопотамии трансформировались таким образом, что если вначале в умерших видели просто «бывших живых», то потом их стали считать антагонистами тех, кто остался на земле²⁴.

Своеобразной ответной реакцией на мрачный характер религии, не дающей человеку «психологического комфорта», можно считать широкое распространение магической практики и в официальных культах, и в «народных» верованиях. Если вспомнить, например, тематику аккадских заклинаний (любовное заклинание – ок. 2200 г. до н.э., заклинание для роженицы, колыбельная песня-заговор, заговор против зубной боли, заговор против болезни²⁵), то трудно не почувствовать, что, вопреки официальной доктрине, согласно которой люди были сотворены, чтобы служить богам, создатели этих текстов высоко ценили человеческую жизнь, в том числе ее бытовую сторону. Странное дело: в отличие от Египта, где на протяжении почти всей истории, как правило, самым почитаемым богом человека был его «городской» бог, т.е. один из великих богов, культ которого справлялся коллективно, в храме, в Месопотамии особую роль в жизни человека играли «его» личный бог (*ilija* – «мой бог»), для которого создавалось святилище в доме, духи-хранители конкретного индивида *шеду* и *ламассу*, боги-хранители улиц²⁶. Все эти божества занимали низшую ступень в пантеоне – но ведь великие боги, как считали жители этого региона, не заботились о нуждах маленьких людей.

Можно было бы предположить, что роль гаранта справедливости в человеческом обществе в Месопотамии принял на себя, как это было в Египте, царь. Действительно, цари Аккадской династии (Нарам-Син), III династии Ура, Иссина, Ларсы, Старовавилонской династии (Рим-Син) считались богами²⁷; их имена использовались в теофорных личных именах (например: «Саргон – мой бог», «Царь – мой бог» – Аккадская династия)²⁸. В эпоху III династии Ура было создано учение о божественной, единой и вечной царственности (нам-лугаль), которая с начала времен передавалась от одного царя к другому; люди клялись именем царя (т.е. он выступал как гарант права), царь принимал титулы «Солнечное божество своей страны», «Бог для всех земель»,

¹⁹ См. *Якобсен*. Сокровища тьмы... С. 37–92 (особенно описания подземного мира – с. 68 и 85).

²⁰ О поэме см. *Афанасьева В.К.* Гильгамеш и Энкиду: Эпические образы в искусстве. М., 1979. С. 85–89; пер. заключительной части И.М. Дьяконова, см. Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем»). М.–Л., 1961. С. 83–87.

²¹ *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983. С. 136.

²² *Bottero*. Op. cit. P. 36–37.

²³ *Ibid.* P. 37–38; *Skaist A.* The Ancestor Cult and Succession in Mesopotamia // *Death in Mesopotamia...* P. 123–128.

²⁴ *Bottero*. Op. cit. P. 43.

²⁵ См.: Я открою тебе... С. 196–203.

²⁶ См. *Клочков*. Духовная культура... С. 44–46; *Lambert W.G.* The Historical Development of the Mesopotamian Pantheon: A Study in Sophisticated Polytheism // *Unity and Diversity: Essays in the History, Literature and Religion of the Ancient Near East*. Baltimore–London, 1975. P. 191; *Якобсен*. Сокровища тьмы... С. 181.

²⁷ *Steiner G.* Altorientalische «Reichs»-Vorstellungen im 3. Jahrtausend v. Chr. // *Power and Propaganda: A Symposium on Ancient Empires*. Copenhagen, 1979. S. 133–134.

²⁸ *Westenholz A.* The Old Akkadian Empire in Contemporary Opinion // *Power and Propaganda...* P. 111.

«Бог для человечества». Тогда же вновь, после Раннединастического периода, цари стали принимать эпитеты «пастырь» (*sipad*), «пастырь страны и четырех сторон света», «пастырь черноголовых» и др. (которые еще чаще употреблялись при последующих династиях)²⁹. Как выразился ассириолог Х. Ниссен, «централизованное государство вынуждено было выступить с собственной идеологией, со своими программами в искусстве, религии и литературе – просто для того, чтобы отмежеваться от локальной, интровертной традиционной идеологии местных центров»³⁰.

Централизованное государство пришлось возрождать из руин в период Старовавилонской династии³¹. Тогда, в Законах Хаммурапи, была достаточно полно сформулирована концепция, которую можно считать соответствием египетской концепции «маат» (ее истоки восходят к царским эпитетам, связанным с понятием «пастырь», к надписям правителей Лагаша³², к законам царя из династии Исина Ишме-Дагана и ряду других документов³³). Из преамбулы к Законам мы узнаем, что царь взшел на престол, «...чтобы *справедливость* в стране заставить сиять, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого... для блага народа»³⁴. Именно в Старовавилонский период отходит на второй план обряд «священного брака» царя и жрицы, замещающей Инанну или другую богиню; обряд этот был связан с культами общинных богов плодородия. Не случайно и то, что в правление Хаммурапи на главенствующую роль в пантеоне выдвигается, наряду со «столичным» богом (богом весеннего солнца) Мардуком, Шамаш – бог Солнца, справедливости и суда³⁵. (До этого главенствующую роль играл Энлиль, «Господин Дуновения», – бог Ниппура, культового центра месопотамских городов еще в догосударственную эпоху.) Вместе с тем и при Хаммурапи власть месопотамского царя представляла собой «кумулятивное господство»: в преамбуле к своим Законам этот правитель выступает как представитель каждой общины своего государства в отдельности перед ее богом; его государство было достаточно рыхлым (и недолговечным)³⁶.

Мы должны сделать вывод, что в Месопотамии централизованное «бюрократическое» государство и характерная для него религия («суммодеизм», концепция «справедливости»-маат) только-только начинают складываться к XVIII в. до н.э. К этому времени уже глубоко укоренились в сознании народа три негативные «константы» имплицитной религии, о которых говорилось выше (обусловленные в конечном итоге трагической историей этого региона, который, в отличие от Египта, всегда был «проходным двором» для кочевников и иных завоевателей, а ко времени Старовавилонского царства успел пережить два периода раздробленности), и выработался психологический комплекс «индивидуализма» – что-то вроде примитивного («имплицитного») «личного благочестия». И.С. Ключков характеризует этические представления жителей Месопотамии II тыс. до н.э. так: «Вавилонянин был занят прежде всего своими личными проблемами и делами, его интересы обращены к дому, семье, родне, соседям. Все, что происходило за пределами квартала или поселения,

²⁹ Steiner. Op. cit. S. 132–133.

³⁰ Nissen H.J. Short Remarks on Early State-Formation in Babylonia: Answer to Steiner and Westenholz // Power and Propaganda... P. 147.

³¹ В самом начале Старовавилонской династии существовал даже специальный жанр «плачей о городах», в котором постоянно повторялся мотив высокой смертности населения в результате засухи, голода и эпидемий, см. Vanstiphout H.L.J. The Death of an Era: The Great Mortality in the Sumerian City Laments // Death in Mesopotamia... P. 83–89.

³² См. Якобсен. Сокровища тьмы... С. 99–102.

³³ См. главу «Царь и “праведность”» в кн.: Klengel H. Hammurapi von Babylon und seine Zeit. В., 1976. С. 96–103.

³⁴ Хрестоматия по истории древнего Востока / Под ред. А.А. Вигасяна. М., 1997. С. 126 (Пер. Л.А. Липина под ред. В.А. Якобсона).

³⁵ См. Klengel. Op. cit. S. 150–151. В старовавилонское время существовали и храмы дочери Шамаша, богини справедливости Китту, см. Ключков. Духовная культура... С. 149.

³⁶ Larsen M.T. The Tradition of Empire in Mesopotamia // Power and Propaganda... P. 81.

уже далеко от него. Рядовой вавилонянин – это частный человек *rag excellance*... забота об общественном благе лежала на царе или правителе, а делами храма вершили высокопоставленные жрецы или царские чиновники»³⁷ (т.е. собственно население, в отличие от Египта, в поддержании системы «маат» никак не участвовало).

Хетты. У хеттов крупное территориальное государство сложилось во второй половине XVII в. до н.э. (Древнехеттское царство). Большинство божеств древнехеттского пантеона были хаттскими (т.е. неиндоевропейскими, заимствованными у хаттов – одного из племен Малой Азии, говорившего на языке, близком к абхазо-адыгской группе). Хаттскими в тот период были и мифы, которые обычно использовались в религиозных обрядах. С Древнехеттского периода существовало представление о Совете богов, на который собирается тысяча локальных богов Хеттского царства. Однако были и главные божества, считавшиеся покровителями царской власти (в Древнехеттский и Среднехеттский периоды, т.е. с XVII по XV вв., – боги Грозы и Солнца, известные у хеттов под разными именами, «Солнечное божество Земля»).

В хеттской литературе – так же, как в месопотамской – встречаются высказывания о сотворении человечества в целях обеспечения богов жертвами (эпический цикл песен о Кумарби, речь Эа к богам: «... Зачем уничтожить людей вы хотите? Обряды богам не свершат и в жертвенник кедр не положат!...»³⁸; миф о Хедамму: «...Если бы вы уничтожили человечество, оно перестало бы чтить богов, и некому стало бы приносить вам в жертву хлеб и питье»³⁹; гимн Солнцу, XV в. до н.э.: «Пусть расцветет страна, пусть урожаи // В ней будут, и достанутся богам // Тогда в обилье жертвоприношенья...»⁴⁰), прослеживается негативное отношение к судьбе мертвых (Песнь об Улликумми: «Мертвых я видел своими глазами на Темной земле, // Праху подобны они»⁴¹), гнев богов может быть непонятным с точки зрения человека (Миф об исчезновении и возвращении Телепинуса⁴²). Однако все это переживается как бы с меньшей интенсивностью, меньшим трагизмом, чем в Месопотамии.

На богов можно воздействовать магическими обрядами⁴³. Да и вообще, им не свойственна особая «злокозненность», разве что гневливость⁴⁴. Со времен Древнехеттского царства существует представление об иерархической зависимости бог–царь–подданные, обеспечивающей справедливость и порядок на земле. Так, Миф о Телепинусе кончается припиской, объясняющей, какой магический обряд необходим для умиротворения божества, и заключительным «выводом»: «Телепинус стал заботиться о царе и царице и о стране хеттов и им обеспечил жизнь и жизненную силу на будущие времена...»⁴⁵. В одной древнехеттской надписи сказано: «Мне, царю, бог Солнца и бог Грозы вручили страну и дом мой. И я, царь, охраняю свою страну и свой дом»⁴⁶. Царь имеет четко определенные обязанности и перед богами, и перед подданными. Так, в новохеттских копиях древнехеттских наставлений царю мы читаем: «Смотри за боль[ным], дай [хлеб голодному], [дай воду] жаждущему, [дай]... [масло], [дай] одежду

³⁷ Клочков. Духовная культура... С. 150.

³⁸ Луна, упавшая с неба: Древняя литература Малой Азии / Пер. В.В. Иванова. М., 1977. С. 146.

³⁹ Цит. по: Вильгельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 107.

⁴⁰ Луна, упавшая с неба... С. 109.

⁴¹ Там же. С. 140.

⁴² Там же. С. 55–61.

⁴³ Магия широко применялась и в официальных, и в народных обрядах, причем ее конкретные методы в обоих случаях были совершенно идентичны. Однако в Хеттском государстве установилась царская монополия на совершение магических обрядов: их могли выполнять гадатели, жрецы, сам царь, но не «старые женщины» (так называются в хеттских текстах колдуньи, совершающие магические обряды для частных нужд). См. Луна, упавшая с неба... С. 28, 211–239.

⁴⁴ Недаром в Песни об Улликумми, о которой речь пойдет ниже, каменное чудовище Улликумми противопоставляется всем другим богам: «Человек этот глух, // Ничего он не слышит. // Человек этот слеп. // Ничего он не видит. // Милосердия нет у него!» (Луна, упавшая с неба... С. 133).

⁴⁵ Луна, упавшая с неба... С. 61.

⁴⁶ Там же. С. 46 (строительная обрядовая надпись).

[голому]... [дай] обувь...»⁴⁷. Каждое лето царь совершает военные походы, в которых ему помогают боги; весной и осенью он объезжает вместе с царицей важнейшие города страны, участвуя в ритуальных праздниках. «Царские празднества» становятся наглядной демонстрацией справедливости царя, ибо предусматривают приношение «подарков» подданными и ответные щедрые раздачи «кормлений» и подарков царем⁴⁸. В.Г. Ардзинба предлагает рассматривать такие празднества как «характерную форму социального общения (царя с подданными, всего коллектива с богами) и как архаичную, первоначально единую форму "управления" коллективом»⁴⁹ – кстати, форма эта удивительным образом напоминает порядок, который в Египте был введен (или возрожден после архаической эпохи?) Тутмосом III и просуществовал вплоть до эпохи Рамессидов⁵⁰. Не идет ли речь об институте, характерном для идеологий, основанных на концепции «маат»? Со своими вельможами царь был связан договорными отношениями⁵¹.

Культовые фигуры умерших предков хранились в домах (Нуза)⁵², да и сами могилы устраивались под полами домов (Богазкёй⁵³, Алалах хеттского периода⁵⁴), в календаре Нузы был специальный «месяц отцов» (*атманашве*)⁵⁵ – все это может свидетельствовать о том, что умершие в представлении хеттов каким-то образом поддерживали связь со своими родными и потомками и оказывали на их жизнь благотворное влияние.

Угарит. Все памятники Угарита датируются XIV–XIII вв. до н.э. Как и у хеттов, у ханаанеян из Угарита существовало представление о Собрании богов: здесь оно мыслилось как пиршество, на котором решаются важные вопросы⁵⁶.

Характерным для угаритской религии было представление о «комплементарности» добра и зла (образы Муту и Баалу, чья борьба постоянно возобновляется, но никогда не приводит к окончательной победе одной из сторон, ибо сама смерть, Муту, несет в себе необходимое для жизни начало)⁵⁷.

Угаритские боги, несмотря на свою «необузданность», в целом воспринимались верующими как защитники людей. Об этом прежде всего свидетельствуют теофорные личные имена, в которых то или иное божество выступает как «отец», «мать», «брат», «сестра», «господин», «госпожа», «царь», «судия» (dn), «помощник» ('qb, 'dr) человека, а человек соответственно как «отрок» (n'g), «клиент» (gr), объект милости (yd) или справедливого суда (tpt) бога⁵⁸. Далее, есть божества, которые специально покровительствуют местным жителям: «Бог Отцовский» (по мнению И.Ш. Шифмана, покровитель племени или союза племен⁵⁹) и «Силач Баалу» – покровитель Угарита и царь богов. Сам Баалу считался подателем дождя и урожая, его три дочери-жены были богинями плодородия.

⁴⁷ Пер. В.Г. Ардзинбы, см. *Герни О.Р.* Хетты. М., 1987. С. 21.

⁴⁸ Этим праздникам целиком посвящена книга: *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982 (обобщающие выводы – с. 156–160).

⁴⁹ Там же. С. 160. См. также «Послесловие» В.Г. Ардзинбы в кн.: *Герни*. Ук. соч. С. 216–222.

⁵⁰ См. *Kemp B.* Ancient Egypt: Anatomy of a Civilization. L.–N.Y., 1989. P. 208, 212–213, 218; *Kaiser W.* Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit I: Zu den Smw-Hr // *ZÄS*. 84. S. 119–132 (об архаической эпохе); *Kruchten J.-M.* Le Décret d'Horemheb. Traduction, commentaire épigraphique, philologique et institutionnel. Bruxelles, 1981. P. 96–114 (о датировке нововведения временем Тутмоса III).

⁵¹ См. *Weinfeld M.* The Loyalty Oath in the Ancient Near East // *Ugarit-Forschungen*. Neukirchen-Vluyn, 1976. 8. S. 379–414.

⁵² *Вильхельм*. Ук. соч. С. 99.

⁵³ *Герни*. Ук. соч. С. 148.

⁵⁴ *Вулли Л.* Забытое царство. М., 1986. С. 131–132.

⁵⁵ *Вильхельм*. Ук. соч. С. 99.

⁵⁶ См. *Шифман И.Ш.* Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв. до н.э.). М., 1987. С. 93.

⁵⁷ См. Там же. С. 64. М. Астур пишет об угаритской религии: «Обычно хтонические божества и духи в конечном счете ассоциировались с плодородием и добрым здоровьем», см. *Astour M.C.* The Nether World and its Denizens at Ugarit // *Death in Mesopotamia...* P. 231.

⁵⁸ *Шифман*. Ук. соч. С. 93.

⁵⁹ Там же. С. 84–85.

Угаритский царь не обожествлялся, но был в некотором роде особым, ритуально чистым существом. От его здоровья и способности иметь потомство напрямую зависело благополучие общества⁶⁰. Кроме того, он должен был утверждать справедливость и заботиться о слабых. Так, в Поэме о Карату⁶¹ старший царевич Йацциб требует, чтобы больной отец передал ему власть, обосновывая свои притязания следующим образом:

Ты погрузил в бесчинство руки свои,
Ты не решаешь по праву дело вдовы,
Не разбираешь по закону тяжбу убогого,
Не прогоняешь того, кто идет на слабого!
Пред лицом своим ты не кормишь сироту,
За спиной твоею (т.е. в пренебрежении у тебя) – вдова⁶².

Царь устраивал ритуальные пиршества для своих старших дружинников, на которых держал с ними совет. Его отношения с общинами строились на основе «договора», а вторая крупная категория населения, *bnš mlk* – «люди царя», получала непосредственно от царя земельные и другие пожалования⁶³. Таким образом, земной «порядок» был отражением небесного порядка, царь же играл роль связующего звена между двумя мирами, ибо мог приносить жертвы богам и просить их о собственном благополучии и благополучии всего общества (Поэма о Карату). Что касается жрецов, то они входили в комплекс царско-государственного хозяйства и, подобно чиновникам, получали от царя земельные участки в условное владение и другие выдачи⁶⁴.

Между миром богов и земным миром поддерживается связь, важное звено которой – умершие (между прочим, участвующие в трапезах в доме верховного бога Илу), Об этом свидетельствуют, помимо факта захоронения умерших в домах⁶⁵, данные о культовых сообществах и «рапаитах»⁶⁶. Угаритские умершие (*mtm*) обозначаются также словом *ilm* – «боги»⁶⁷, т.е., как и в Египте, здесь считалось, что КАЖДЫЙ человек после смерти становится богом. Соответственно не было и того страха перед загробным миром, что испытывали жители Месопотамии. Угаритяне верили, что над духами умерших властвуют благие боги – богиня солнца Шапаш или вавилонский солнечный бог Шамаш⁶⁸ – и что в подземном мире есть некие области («страна *Dbg*» и «поля *Šhlmtm*»), которые можно охарактеризовать эпитетами *p'm* – «добрый», и *ysm* – «прекрасный»⁶⁹.

Египет. В Египте единое территориальное государство (и соответствующий ему религиозно-идеологический комплекс) складывается значительно раньше, чем в Месопотамии. Как показал Дж. Бэйнс, базовые представления о царской власти (начальная часть титулатуры, иконография, представления об основных функциях царя и царском ритуале *хеп-сед*) формируются уже при так называемой нулевой династии (примерно XXXI–XXX вв. до н.э., археологический период «Нагада III») ⁷⁰ и, по крайней мере внешне, будут очень мало меняться на всем протяжении египетской истории! В период IV династии (XXVI–XXV вв. до н.э.), т.е. в эпоху «великих пирамид»,

⁶⁰ Там же. С. 26–28.

⁶¹ Угаритский эпос / Введ., пер. с угарит. и коммент. И.Ш. Шифмана. М., 1993. С. 10–52.

⁶² VI, 44–50 (Там же. С. 63).

⁶³ Шифман. Культура... С. 28–29; Helzer M. The Internal Organization of the Kingdom of Ugarit. Wiesbaden, 1982. P. 3–48.

⁶⁴ См. Helzer. Op. cit. P. 131–139.

⁶⁵ Astour. Op. cit. P. 228.

⁶⁶ См. Шифман. Культура... С. 80–82.

⁶⁷ Astour. Op. cit. P. 232.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Margalit B. Death and Dying in the Ugaritic Epics // Death in Mesopotamia... P. 249.

⁷⁰ Baines J. Origins of Egyptian Kingship // Ancient Egyptian Kingship. Leiden–New York–Köln, 1995. P. 105–124.

Египет, по словам Бэйнса, стал «одним из самых высокоцентрализованных государств, которые когда-либо были известны»⁷¹, «бюрократической» деспотией в полном смысле этого слова. Правда, Б. Кемп, обобщив огромный археологический материал, показал, что на всем протяжении III тыс. шел направляемый царским двором процесс «колониализации умов», насаждения единообразной религиозной культуры «поверх» местных традиций, остатки которых сохранялись и в более позднее время, уже как «народная культура»⁷². Однако гальки необычной формы, фигурки ежей, свиней и других животных, которые современные археологи находят в святилищах «классических» богов, явно не могли конкурировать с разработанными доктринами и ритуалами, с архитектурой и изобразительными памятниками «официальной» религии – тем более, что всякие основы общинной организации в Египте были разрушены в результате характерной для Древнего царства практики перемещения по всему государству трудовых «команд»⁷³.

Главным отличительным признаком египетской «имплицитной» религии является ее ярко выраженная оптимистичность, базовое представление о «маат» – гармоничном и справедливом устройстве космоса и человеческого общества. Идея «маат» впервые засвидетельствована при II династии⁷⁴: один из ее царей, Сехемиб, известен также под именем Перенмаат, «Выходящий ради *маат*». Характеризуя религиозные взгляды египтян периода V династии, Х. Гёдеке пишет: «Факт одновременного почитания Хатхор и Ра нам следует понимать как выражение представления, что мир как таковой является манифестацией божественного, что он упорядочен. Это – чрезвычайно позитивное отношение к миру и его жизни, превращающее саму жизнь в аспект религии»⁷⁵.

Пожалуй, лучше всего идея «маат» сформулирована в «Поучении царю Мерикара» (XXII в. до н.э.) – памятнике, который, собственно говоря, является уже «эксplikацией» традиционных представлений, вызванной к жизни именно их кризисом. В этом тексте фараону дается такой совет: «Твори истину, и ты будешь жить долго на земле. Сделай, чтоб умолк плачущий, не притесняй вдову, не прогоняй человека из-за имущества его отца. Не вреди вельможам из-за их мест. Остерегайся наказывать несправедливо...»⁷⁶. Сама вертикаль боги–царь–подданные описывается в этом тексте следующим образом: «Обиждены люди, паства бога. Ради них он создал небо и землю, (когда) изгонял жадность вод. Создал он воздух, чтобы жили их (носы), ибо они – образы его во плоти. Ради них он восходит в небо; для них он создал травы, скот, птиц и рыб, чтобы кормиться этим... Ради них он творит дневной свет и движется (в небе), чтобы их видеть. Возле них он воздвиг себе часовню, и когда они стенают – он слышит. Для них он создал из благоухания правителя (пеленателей), покровителя, чтобы поддерживать спину немощного (перевод этого места у Ассмана: «Он сотворил для них владык, (обретших власть еще) в яйце, дабы укрепить спину слабого»); для них он создал заклинания, чтобы отражать десницу бедствий»⁷⁷.

Более ранних египетских текстов, излагающих эту концепцию, нет. Но именно близость к царю обеспечивала человеку должность, а следовательно, и доходы, и возможность такого погребения, которое давало гарантии благополучного загробного

⁷¹ Ibid. P. 142.

⁷² Kemp. Ancient Egypt... P. 53–91.

⁷³ См. Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988.

⁷⁴ См. Goedicke H. Unity and Diversity in the Oldest Religion of Ancient Egypt // Unity and Diversity... P. 207; Baines. Origins... P. 128.

⁷⁵ Goedicke. Unity and Diversity... P. 208.

⁷⁶ Пер. Р.И. Рубинштейн, см. Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. I. М., 1980. С. 32. О композиционной структуре и идейном содержании этого текста см. Демидчик А.Е. Представления о египетской государственности в «Поучении царю Мерикара»: Автореф. дис... канд. истор. наук. М., 1994.

⁷⁷ Пер. А.Е. Демидчика, см. Демидчик А.Е. Наставления совершенному. «Поучение царю Мерикара», древнейшее рассуждение о благочестии // Совершенный человек: Теология и философия образа. М., 1997. С. 299. См. также: Ассман. Египет... С. 95.

существования⁷⁸. А кроме близости к царю для загробной судьбы человека весьма значимыми были его отношения с коллегами и собратьями, от чьей доброй воли зависела сохранность заупокойных памятников и поддержание культа⁷⁹. Идеология «маат» – идеология коллективистская. В египетском варианте она подразумевала четко очерченный круг конкретных обязанностей – и для богов, и для людей, и для царя, игравшего роль посредника между теми и другими⁸⁰.

Египтяне далеко не случайно считали классикой своей литературы именно поучения. Это был жанр, наиболее пригодный для передачи коллективного опыта, присущих данной цивилизации правил поведения людей. Об этом прекрасно сказано уже в «Поучении Птаххотепа»:

Дурак тот, кто не слушает,
Он не сможет сделать ничего вообще...
Он делает то, чего люди не любят,
И за это его ругают каждый день...
Сын же, который слушает, принадлежит к свите Хора,
Если он слушал, все у него будет хорошо.
Когда он состарится и добьется уважения,
Он будет так же говорить со своими детьми,
Обновляя учение своего отца.
Каждый человек учит своими действиями,
Он будет говорить со своими детьми,
Чтобы и они потом говорили с их детьми.
Показывай пример, ни на кого не нападай,
Пока справедливость стоит прочно, твои дети (или: потомки) будут жить⁸¹.

Вторая отличительная черта египетской имплицитной религии, вытекающая из концепции «маат» (а также из веры в магическую силу *любого* слова и изображения), – отсутствие страха перед загробным существованием. То есть страх, конечно, был, но смерть воспринималась как некий опасный порог, преодолеть который, как правило, удается всем, после чего умерший оказывается в ином мире, открывающем перед ним безграничные новые возможности (и опасные, и обольстительные одновременно). Минимальный погребальный инвентарь (заупокойная стела или особая магическая формула, которую каждый грамотный человек мог нацарапать на скале) обеспечивала сытное существование, близость в ином мире родных, даже домашних животных и др. Гробница давала возможность перенести в загробный мир свое имя, множество слуг, любимые развлечения и многое другое. В «Беседе разочарованного со своим Ба» отношение к смерти выражено так:

Мне смерть представляется ныне
Исцелением больного,
Исходом из плена страдания.
Мне смерть представляется ныне
Благовонною миррой,
Сиденьем в тени паруса, полного ветром.
Мне смерть представляется ныне
Лотоса благоуханьем,
Безмятежностью на берегу опьянения...⁸²

⁷⁸ См. Assmann. Ma'at... S. 92–108.

⁷⁹ Ibid. S. 60–91.

⁸⁰ См. Hornung E. Maat – Gerechtigkeit für Alle? // Hornung E. Geist der Pharaonenzeit. 2. Aufl. Zürich–München, 1990. S. 131–145.

⁸¹ Эпиллог. Пер. М. Лихтхайм, см. Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature (далее – AEL). V. I. Berkeley – Los Angeles, 1975. P. 75. Об этом произведении см. Fecht G. Der Habgierige und die Maat in der Lehre des Ptahhotep. Glückstadt, 1958.

⁸² Перевод В. Потаповой, см. Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973. С. 99–100.

В кризисный период после падения Древнего царства царские заупокойные тексты стали, практически, достоянием всех – и каждый человек знал, что после смерти он войдет в сообщество богов, станет «Осирисом – таким-то»⁸³. Это не могло не наложить сильнейший отпечаток на психологию египтян, не способствовать росту индивидуализма, одним из выражений которого было, видимо, такое широко распространенное в Египте явление, как грабежи гробниц⁸⁴.

Третья особенность египетской религии – детализированность и высокая степень абстрактности представлений о божестве. Уже в «Поучении царю Мерикара» (Первый переходный период) различаются бог, «сделанный из камня, изваянный из меди» (т.е. культовые изображения), и тот бог, который «скрыл себя» (истинный бог, не ведомый людям)⁸⁵. Эта идея обусловила возможность необычайно сложного теологического дискурса. Египтяне были даже способны создавать религиозные культы «искусственно» (о чем свидетельствует их религиозная «политика» в Нубии)⁸⁶. Вообще, тот Египет, который мы знаем, – сложное бюрократическое государство, и все «архаичное» в этой стране предстает в неузнаваемо переделанном, усложненном, «окультурированном» облике⁸⁷.

3. «ГОСУДАРСТВЛЕНИЕ» РЕЛИГИИ: ДИСКУРС О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Месопотамия. Окончательное оформление концепции «суммодеизма» происходит в Месопотамии только в Касситский период. Именно тогда (не ранее XIV в. до н.э.) была сделана дошедшая до нас запись поэмы «Энума элиш» («Когда вверху...»)⁸⁸, обосновывавшей выдвижение Мардука на роль верховного божества. В этой поэме Мардук включается в традиционную картину сотворения мира. Он – младший бог, образ, созданный богом Эйа; но – «немыслимо облик его совершенен»⁸⁹. Мардук спасает старших богов от грозящей им гибели, завершает сотворение мироздания (как упорядоченной совокупности космических феноменов), устанавливает ритуалы богов и создает их жилище – небесный Вавилон. Он же создает человека – но исключительно для удобства богов («Воистину я сотворю человека. // Пусть богам послужит, чтоб те отдохнули»⁹⁰)! В благодарность за все это боги передают Мардуку верховную власть: «Собрались на Совет великие боги... Над всеми богами ему дали царенье, // Над богами небес и земли власть ему дали»⁹¹. В той же поэме решается проблема соотношения локальных и государственных культов. Локальные культы сохраняются («Воистину поделят богов черноголовые между собою!»⁹²), но некоторые второстепенные божества

⁸³ См. *Silverman D.P.* The Nature of Egyptian Kingship // *Ancient Egyptian Kingship*. P. 81.

⁸⁴ Документы о грабежах гробниц (в русском переводе) опубликованы в кн.: *Лурье И.М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X вв. до н.э. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 220–286.

⁸⁵ Пер. Р.И. Рубинштейн, см. *Хрестоматия...* 1980. С. 35.

⁸⁶ См. *Дейнека Т.А.* Обоснование внешней политики Египта в царских надписях XVIII династии: Автореф. дис... канд. истор. наук. М., 1992. С. 22.

⁸⁷ Например, огромное большинство архитектурных, изобразительных, литературных памятников, которые создавались в строгом соответствии с едиными правилами, и потому в них почти отсутствует «фольклорный» элемент: *Kemp.* *Ancient Egypt...* P. 137–180 и др. (о градостроительстве и архитектуре); *Assmann J.* *Hierotaxis. Textkonstitution und Bildkomposition in der ägyptischen Kunst und Literatur // Form und Mass. Beiträge zu Sprache, Literatur und Kunst des alten Ägypten (Fs. Gerhard Fecht).* Wiesbaden, 1987. S. 18–42 (о рельефах); *Fecht G.* *Die Form der altägyptischen Literatur. Metrische und stylistische Analyse // ZÄS.* 1964. 91. S. 11–63; 1965. 92. S. 10–32 (о литературе). Быть может, той же причиной объясняется и отсутствие в Египте связанных изложений мифов, см. *Assmann J.* *Die Verborgenheit des Mythos in Ägypten // GM.* 1977. 25. S. 1–25.

⁸⁸ Пер. В. Афанасьевой, см.: Я открою тебе... С. 32–50; см. также *Якобсен.* *Сокровища тьмы...* С. 191–218.

⁸⁹ I, 93 (Я открою тебе... С. 34).

⁹⁰ VI, 7–8 (Там же. С. 44).

⁹¹ VI, 95–100 (Там же. С. 47).

⁹² VI, 119 (Там же. С. 48).

отождествляются с Мардуком (заключительный список 50 имен Мардука⁹³). Наконец, текст поэмы становится частью ежегодно справляемого ритуала новогоднего праздника.

Несмотря на внушительность этой картины (поэма-ритуал дожила до Новоассирийского периода, только тогда вместо Мардука в роли верховного бога выступал уже Ашшур), она явно не дает никаких гарантий справедливости в человеческом обществе. В Месопотамии вертикаль боги–царь–подданные оказывается как бы разорванной: «праведные» поступки людей или царя не обеспечивают сами по себе благополучия страны; бедствия, посылаемые богами, могут быть совершенно немотивированными. Эта мысль с особенной драматичностью выражена в поэме «Царь всех обиталищ...»⁹⁴, созданной в период раздробленности страны, наступивший после падения Касситской династии (XI–X вв. до н.э.). Мардук временно оставляет свой престол и передает бразды правления богу чумы Эрре (Нергалу). Тот же (непонятно, почему) развязывает в Месопотамии гражданскую войну, усугубленную вторжением кочевников и эпидемией моровой язвы. Советник Эрры, бог огня Ишум, резюмирует суть его действий следующим образом:

Воитель Эрра! Правого предал ты смерти
И неправого предал ты смерти,
Кто пред тобой повинен, предал ты смерти,
Кто пред тобой неповинен, предал ты смерти⁹⁵.

Ишуму удастся «успокоить» гнев Эрры, и рассказ о бесчинствах последнего кончается неожиданным для современного читателя восклицанием: «На бесчисленные годы владыке Нергалу и воителю Ишуму слава!»⁹⁶. Суть поэмы, видимо, заключается в том, что, как бы несправедливо не поступали боги, единственная допустимая реакция человека – попытаться их умиловить.

Наиболее полное выражение дискурс о царской власти (о царе как гаранте справедливого мирового устройства) обретает в Новоассирийский период (X–VII вв. до н.э.), в связи с необходимостью обоснования перехода к новой форме государства – империи.

Резко увеличивается число эпитетов царя, которые следуют обычно в таком тематическом порядке: 1) легитимность власти, 2) военные качества, 3) физическая сила, молодость, 4) высокие моральные качества, 5) гражданская деятельность, 6) взаимоотношения с богами, 7) слава⁹⁷. Теперь вертикаль боги–цари–подданные характеризуется в официальных надписях (которые, по мнению А.К. Грейсона, могли зачитываться и перед живой аудиторией⁹⁸) так: «В начале моего царствования, в первый год моего правления, когда Шамаш, судия, простер свою добрую сень надо мной и я величественно воссел на престол, а он вручил мне скипетр, пасущий человеков...» (Анналы Ашшурнацирапала II⁹⁹); «Я, Шаррукин, царь четырех сторон света, пастырь Ассирии, хранитель обрядов Эллия и Мардука, внимательный к решениям Шамаша... чтущий слово великих богов со страхом и не престающий их предначертаний, верный царь, рекущий добро... из чьих уст не исходят слова притеснения, мудрец среди государей вселенной...» (Письмо Саргона II богу Ашшуру¹⁰⁰); «Шамаш, Адад и Иштар решением своим непреложным устроение царствования моего повелели... Под

⁹³ Табл. VII (Там же. С. 50).

⁹⁴ Пер. В.А. Якобсона, см. Я открою тебе... С. 98–120; о поэме см. Якобсен. Сокровища тьмы... С. 254–255; Lawson J.N. The Concept of Fate in Ancient Mesopotamia. P. 36–38.

⁹⁵ IV, 104–107 (Я открою тебе... С. 116).

⁹⁶ V, 39 (Там же. С. 119).

⁹⁷ Об ассирийской царской титулатуре см. Tadmor H. History and Ideology in the Assyrian Royal Inscriptions // Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons in Literary, Ideological and Historical Analysis. Papers of a Symposium held in Cetona (Siena) June 26–28, 1980. Roma, 1981. P. 13–33; Liverani M. Critique of Variants and the Titulary of Sennacherib // Ibid. P. 231–249.

⁹⁸ Grayson A.K. Assyrian Royal Inscriptions: Literary Characteristics // Assyrian Royal Inscriptions... P. 35–47.

⁹⁹ Пер. И.М. Дьяконова, см. Я открою тебе... С. 251.

¹⁰⁰ Пер. И.М. Дьяконова, см. Там же. С. 256.

властью моей изливалось плодородие, в годы мои копилося изобилие» (Анналы Ашшурбанапала¹⁰¹). Другие темы официальных надписей – особо тесная связь царя Ассирии и его бога (царь видит бога во сне, отчитывается перед ним и т.д.); свершение военных походов по велению богов, непосредственная помощь богов в сражениях и передача в их храмы царем «сокровищ» из добычи; мотив трусости и раздробленности врагов, необходимости их физического истребления; мотив «устроения» завоеванных территорий: они должны поставлять в Ассирию подати, а взамен получают порядок, справедливость, защиту со стороны царя¹⁰².

Однако эта достаточно логичная идеологическая концепция не очень соответствовала историческим реалиям эпохи, наполненной бесконечными военными походами, мятежами уже завоеванных территорий (особенно упорно сопротивлялся власти Ассирии Вавилон), жестокими расправами над противниками и внутридинастийной борьбой. Герман Шпикерман характеризует эпоху Саргонидов (конец VIII–VII в. до н.э.) как период религиозно-идеологического кризиса, неуверенности в будущем и приводит данные о возрастании при дворе роли гадателей-астрономов, прорицателей, толкователей снов и пр.¹⁰³

В Нововавилонский период (VI в. до н.э.) предпринимались попытки отождествить Мардука с важнейшими богами пантеона, представить его «как монотеистического бога». Однако эти взгляды нашли выражение в единичных текстах; в отличие от Египта (см. ниже), в Месопотамии они не получили широкого распространения¹⁰⁴.

Хетты. У хеттов окончательное оформление идеологии «суммодеизма» происходит в Среднехеттский период (XV в. до н.э.). Именно тогда заимствуется хурритский эпос («Поэма о царствовании на небесах»¹⁰⁵ и «Песнь об Улликуми»¹⁰⁶). Бог Грозы, издавна считавшийся покровителем царской власти, отождествляется с героем этого эпоса Тешубом, который является потомком Ану и спасает богов от страшной катастрофы (столкновения с каменным чудовищем, которое имеет иную, чем боги, природу, не знает жалости и не вступает с богами ни в какие контакты). Мне кажется, одной из целей авторов хеттских версий этих текстов могла быть демонстрация того факта, что Хеттское государство выдвинулось на роль великой державы в ряду других великих держав, что хеттский верховный бог не «провинциален», но связан с богами Месопотамии и хурритской Сирии (прежде всего Митанни).

Примерно в это же время создается скальное святилище Язылыкая близ Богазкёя, в котором представлен хурритский пантеон: бог грозы Тешуб, богиня Иштар-Шаушка, боги Луны и Солнца и др. Это святилище будет сохранять свое значение до конца Новохеттского периода (XIV–XIII вв.). В Новохеттский период царь принимает титул «Мое Солнце» и на рельефах над его головой начинает изображаться крылатый солнечный диск.

«Империальный» дискурс разворачивается в анналах, повествующих о подвигах новохеттских царей – Суппилулиумы и Мурсилиса II¹⁰⁷. По своей тематике он почти полностью совпадает с ассирийским, отличаясь от последнего, пожалуй, лишь менее подробной разработкой тех же сюжетов.

Угарит. Угаритские мифологические тексты в большинстве своем были записаны при царе Никмадду (XIV в. до н.э.)¹⁰⁸. Интересующие нас сюжеты здесь как бы «вывернуты наизнанку». Угарит – крошечное государство, и почвы для возникновения

¹⁰¹ [Введение], 6–7, 51. Пер. В. Афанасьевой, см. Там же. С. 274–275.

¹⁰² Liverani M. The Ideology of the Assyrian Empire // Power and Propaganda... P. 297–317; Spieckermann H. Juda unter Assur in der Sargonidenzeit. Göttingen, 1982. S. 307–372.

¹⁰³ Spieckermann. Op. cit. S. 229–306.

¹⁰⁴ Lambert. Historical Development. P. 197–198; Якобсен. Сокровища тьмы... С. 263–265.

¹⁰⁵ Луна, упавшая с неба... С. 114–124.

¹⁰⁶ Там же. С. 125–140.

¹⁰⁷ Güterbock H.G. The Deeds of Suppiluliuma as Told by his Son, Mursilis II. // JCS. 1956. 10. № 2. S. 41–68; № 3. S. 75–98; № 4. S. 107–130; Götzе A. Die Annalen des Mursilis. B. – Lpz, 1933.

¹⁰⁸ Шифман. Культура... С. 59.

государственного теологического дискурса, обосновывающего возвышение одного бога над другим, здесь вроде бы нет. Тем не менее, согласно одному мифу, бог Баалу строит себе дворец «как у (других) богов», чтобы стать подлинным царем Угарита и всего мира¹⁰⁹.

В Угарите не могло быть и собственного «имперского» дискурса, но образ богини Анату словно бы воплощает в себе ценности воинского сословия *марьянну*, вплоть до такой мелкой детали, как отрубание голов и кистей рук сраженных ею противников (кстати, подобный обычай существовал и у египетских, и у ассирийских воинов):

Под нею, как жнивье, головы,
Над нею, как саранча, кисти,
Как обрубки в куче, – кисти храбрых...
Расширилась печень ее,
Смехом наполнилось сердце ее,
В веселье печень Анату окунула,
Когда колена она погружала в кровь смелых,
Браслеты – в кровь храбрых¹¹⁰.

Египет. По сути дела, «огосударствление» религии произошло в Египте уже на заре истории, ибо царская власть не представляла собой нечто более или менее отдельное от культа богов, как в Месопотамии, а была неразрывно связана с этим культом¹¹¹. В Египте теологический дискурс рождается не из необходимости обоснования новой, бюрократизированной формы государства, а из кризиса этого государства (в Первый переходный период). Кризис приводит к падению авторитета царской власти, к сомнению в справедливости богов и к распаду социальных связей, к росту индивидуализма (и зарождению «личного благочестия»?¹¹²). Сомнения в справедливости богов будут преодолены очень быстро, с восстановлением политической стабильности в стране¹¹³. Но если в эпоху Древнего царства царь практически затмевал в сознании своих подданных богов (до V династии храмы богов вообще не строились, а культ Ра, справлявшийся в царских пирамидальных комплексах IV династии и в солнечных храмах V, был теснейшим образом связан с культом самого царя¹¹⁴), то цари XI династии и Среднего царства попытаются опереться на авторитет бога своего родного города – Амуна Фиванского¹¹⁵, который почти на всем протяжении дальнейшей истории Египта будет считаться государственным богом и «царем богов». С другой стороны, они создадут так называемое «лоялистское учение»¹¹⁶, согласно которому личное благополучие подданных прямо зависит от милости царя.

¹⁰⁹ Там же. С. 66–69.

¹¹⁰ Эпизод из мифа о строительстве дворца для Баала, пер. И.Ш. Шифмана (Там же. С. 52–53).

¹¹¹ Литература по проблеме «божественности» фараона огромна. См. библиографию в кн.: *Ancient Egyptian Kingship*. Очень убедительная концепция о характере взаимоотношений между фараоном, «младшим богом», и его «отцом», солнечным богом Ра, изложена в статье: *Berlev O. The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt // Studies presented to Hans Jacob Polotsky. Beacon Hill (Mass.), 1981. P. 361–377.*

¹¹² Зарождение личного благочестия М. Лихтхайм датирует Средним царством (*Lichtheim M. Ancient Egyptian Autobiographies Chiefly of the Middle Kingdom. A Study and an Anthology. Göttingen, 1988. P. 30, 134*), Ж. Познер – временем Тутмоса III – Аменхотеп II (*Posener G. La piété personnelle avant l'âge amarnien // RdE. 1975. 27. P. 195–210*). См. также *Brunner H. Persönliche Frömmigkeit // LÄ. IV. Sp. 951.*

¹¹³ См. *Fecht G. Der Vorwurf an Gott in den «Mahnworten des Ipu-wer»: Zur geistlichen Krise der ersten Zwischenzeit u. ihrer Bewältigung. Heidelberg, 1972.*

¹¹⁴ См. *Hawass Z. The Programs of the Royal Funerary Complexes of the Fourth Dynasty // Ancient Egyptian Kingship. P. 221–253; Posener-Kriéger P. Les Archives du temple funéraire de Néferirkarê-kakai: les papyrus d'Abousir. V. 1–2. Cairo, 1976.*

¹¹⁵ О возвышении культа Амона и связи этого процесса с политическим развитием страны см. *Павлова О.И. Амон Фиванский. Ранняя история культа (V–XVII династии). М., 1984.*

¹¹⁶ См., например: *Posener G. Littérature et politique dans l'Égypte de la XII Dynastie. P., 1956; idem. L'Enseignement Loyaliste. Sagesse Égyptienne du Moyen Empire. Genf, 1976; Assmann J. Weisheit, Loyalismus und Frömmigkeit // Studien zu ägyptischen Lebenslehren. Fribourg, 1979. S. 11–72; idem. Die «loyalistische Lehre» Echnatons // SAK. 8. 1980. S. 1–32.*

Обе эти линии будут продолжены в Новом царстве. Я. Ассман в своих работах¹¹⁷ подробно исследует развитие теологического дискурса, представляющего Амуна (а еще раньше, в отдельных заклинаниях Текстов саркофагов времени Среднего царства, – бога солнечного света и воздуха Шу) в качестве творца мира и благодетеля людей. Вследствие высокой степени абстрактности египетских религиозных представлений этот дискурс ко времени Рамессидов выльется в идеологию пантеизма, отождествляющую Амуна со всеми другими богами. Согласно этой новой идеологии, бог есть одновременно воздух, вода (нильское половодье), свет (солнце и луна), а также личность, к которой можно обратиться с просьбой и которая «возмещает» каждому его праведные или нечестивые поступки:

Твоя кожа – свет,
А дыхание – огонь жизни...
Твоя плоть – дыхание для каждого носа,
Тобою дышат, для того чтобы жить.
Тебя пробуют на вкус – ты имеешь вкус Нила...
Люди бегают у тебя по лицу,
И это – твое воплощение как бога земли¹¹⁸.

Космос интерпретируется как совокупность трех составляющих личности Бога:

Всех богов трое:
Амун, Ра и Птах, – равных которым нет.
Тот, кто скрывает свое имя, будучи Амуном, –
Его можно увидеть в облике Ра,
А тело его (т.е. культовое изображение. – Т.Б.) есть Птах¹¹⁹.

Что касается «царского дискурса» («лоялистского учения»), то он развивается как бы в постоянном соперничестве с «личным благочестием»¹²⁰. Цари XVIII династии пытаются убедить своих подданных в том, что они – подобия бога (Хатшепсут, например, говорит о себе: «Образ ее божествен, // характер ее божествен, // делает она вещь всякую как бог, // просветленность ее как у бога»¹²¹); творят на земле его волю, ибо являются единственными, кто способен ее постичь (Тутмос I, по словам его дочери Хатшепсут, был «единственным, входящим в замыслы создавшего его»¹²²); наконец, что они поддерживают в стране справедливое устройство и заботятся о своих подданных (Хатшепсут: «Я возвеличила правду, любимую им [= Ра], // ибо я знаю, что он живет ею. // Это – хлеб мой, я вдыхаю благоухание ее, // ибо я емь воистину одна плоть с ним»¹²³).

Это соперничество выливается в амарнский кризис, когда царь практически делает себя единственным объектом почитания своих подданных¹²⁴. Недавно исследователь амарнских рельефов У.Р. Джонсон привел достаточно убедительные аргументы в защиту идеи, что амарнский кризис начался с обожествления Аменхотпа III, принявшего на себя роль солнечного бога – творца мира и того самого «Атона», соправителем которого был его сын Эхнатон, выступавший, как считает Джонсон, в роли «Шу»¹²⁵.

¹¹⁷ Assmann J. Re und Amun. Zur Krise der polytheistischen Weltbilds in Ägypten der 18–20 Dynastie. Fribourg, 1983; Ассман. Египет... С. 244–363.

¹¹⁸ Гимн Амону. Пер. Я. Ассмана, см. Ассман. Египет... С. 346.

¹¹⁹ Гимн Амону (pLeiden J 350, IV, 21 сл.). Пер. Я. Ассмана. (Там же С. 351).

¹²⁰ См. Дейнека Т.А. Рец. на кн.: N.-Chr. Grimal. Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIX dynastie à la conquête d'Alexandre. P., 1986 // ВДИ. 1991. № 3. С. 197–203.

¹²¹ «Легенда о юности Хатшепсут», рассказ о посещении Нижнего Египта, стк. 2–3, в кн.: Naville É. The Temple of Deir El Bahari. Pt. III. 1894–1908. Pl. 56–57.

¹²² Карнакская надпись Хатшепсут, стк. 3, см. Urk. IV. S. 265–274 (№ 87).

¹²³ Надпись в Спесос Артемидос, стк. 9–10, см. Gardiner A. Davies's Copy of the Great Speos Artemidos Inscription // JEA. 1946. 32. P. 43–56.

¹²⁴ См. Ассман. Египет... с. 232–253.

¹²⁵ Johnson W.R. Amenhotep III and Amarna: Some New Considerations // JEA. 1996. 82. P. 65–82.

После краха амарнской «политики» фараоны пытаются поддерживать «лоялистское учение», согласно которому царь является творцом и кормильцем отдельного человека и человечества в целом. Несмотря на то, что запрета на культы других богов уже не существует, это учение находит отклик у приближенных царя – до тех пор, пока царская власть сохраняет реальную силу (характерная для него фразеология встречается в частных надписях еще при Рамсесе II)¹²⁶. Потом начинается стремительное падение престижа царской власти, происходит окончательная победа «личного благочестия» и культа Амуна, а в Поздний период сама милость царя трактуется как обусловленная волей богов («Я вышел оправданным из дома царя по приказу богов»¹²⁷).

Новое царство – эпоха египетской империя. Египетский «имперский» дискурс имеет много точек соприкосновения с хеттским и ассирийским, отличаясь, однако, от последних большим разнообразием тем и постепенной выработкой представлений о благодеятельности власти фараона для лояльных ему иноземных подданных¹²⁸.

4. «ЛИЧНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ» И «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ» ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Месопотамия. В начале II тыс. до н.э. происходят изменения в концепции «личного бога»¹²⁹: если ранее он считался бессильным против демонов и должен был обращаться за помощью к великим богам, то теперь человек надеется в основном на его помощь; первопричиной постигшего человека несчастья считается совершенный им грех (ритуального или морального свойства)¹³⁰. В заклинаниях серий «Утешение сердца божия», «Да отпустит!»¹³¹, «Шурпу»¹³² и других (сохранившихся в записях первой половины I тыс., но восходящих ко II тыс.) по-разному трактуемое понятие греха играет огромную роль, ставится проблема идентификации греха – первопричины несчастья; одна из концепций – («справедливого) воздаяния за грехи» – влечет за собой убежденность в справедливости бога и его заботе о «сырых». Так, в заклинании-молитве к Иштар (самая ранняя хеттская редакция относится к середине II тыс.) говорится:

Иштар, ты царишь полновластно, ты заступница людская!...
Своих подданных ты судишь по справедливости и правде!
Ты призреваешь убогих и сырых, каждый день ты их разгибаешь спины!
Так смилуйся надо мною, госпожа земли и неба, ты, пастырь людей бесчисленных!¹³³

Важно, что эта идея возникает не в официальных религиозных текстах, но в «частных» покаянных псалмах, большая часть которых обращена к личному богу.

«Интеллектуальный» теологический дискурс рождается во II тыс. из тех же покаянных псалмов, от которых на первых порах он почти неотличим (старовавилонская поэма о невинном страдальце¹³⁴, в которой формулируется новая проблема: «Прегрешенья, что сделал, – не знаю»¹³⁵). В Месопотамии он, как правило, выражает оппозиционные по отношению к господствующей религиозной доктрине взгляды и, видимо, является результатом (частичного?) кризиса «личного благочестия» («частичного» не в смысле его глубины, а потому, что линия «личного благочестия», выраженная, например, в покаянных псалмах, продолжала развиваться параллельно «интеллек-

¹²⁶ Ockinga B.G. Zum Fortleben des «Amarna-Loyalismus» in der Ramessidenzeit // WO. 1983. 14. S. 207–215.

¹²⁷ Надпись царского писца Веннофера, см. Otto. Die biographischen Inschriften... S. 112.

¹²⁸ См. Дейнека. Обоснование внешней политики Египта...

¹²⁹ О связи этих изменений с индивидуализацией самосознания личности см. главу «Человек Старовавилонского периода как личность» в кн.: Klengel. Op. cit. S. 91–96.

¹³⁰ Якобсен. Сокровища тьмы... С. 170–190.

¹³¹ Пер. И. Клочкова, см.: Я открою тебе... С. 242–246.

¹³² Пер. II таблички (которую можно рассматривать как параллель к египетской «Отрицательной исповеди») см. Клочков. Духовная культура... С. 199–203.

¹³³ Пер. В. Афанасьевой: Там же. Стк. 2, 25–27. С. 228 сл.

¹³⁴ О поэме см. Клочков. Духовная культура... С. 117 сл.

¹³⁵ Пер. И. Клочкова, см. Я открою тебе... С. 216 сл. (цитируется стк. 14).

туальному дискурсу»). Его трагическая тональность обусловлена исходными установками здешнего религиозного сознания – неверием в справедливость богов, возможность счастливой жизни в загробном мире и т.д. Цель дискурса – определить, как должен вести себя в подобной ситуации человек.

Среднеавилонская версия «Невинного страдальца»¹³⁶ (ок. XIII в. до н.э.) постулирует идею иррациональности, непознаваемости для человека воли богов:

Но что мило тебе, угодно ли богу?
Не любезно ли богу, что тебя отвращает?
Кто же волю богов в небесах постигнет?
Мира подземного кто угадает законы?
Бога пути познает ли смертный?¹³⁷

Человеку в любом случае не остается иного, как только уповать на волю богов.

«Вавилонская теодицея»¹³⁸ (XI в. до н.э.) рассматривает ту же проблему еще более подробно, формулируя ее в более общем плане, применительно ко всему человечеству («Идут дорогой успеха те, кто не ищет бога, // Ослабли и захирели молившиеся богине...»¹³⁹) и предлагая сразу несколько альтернативных вариантов ее решения: непознаваемость воли богов; «запоздалое» справедливое воздаяние за поступки людей; принципиальная греховность самого человечества, присущая ему от сотворения мира (по замыслу богов – «Царь богов Нарру, человек созданный, // Зулуммар великий, добывший их глину, // Царица, лепившая их, владычица Мами, // Кривую речь человечеству дали; // Наделили его навсегда несправедливостью и ложью...»¹⁴⁰). Вывод поэмы все тот же: герой просто уповает на неожиданную милость и помощь богов (личного бога и богини).

В глобальном масштабе та же проблема ставится в «Сказании об Атрахасисе»¹⁴¹ (известном в нескольких версиях, от второй половины XVII до VI в. до н.э.). В начале поэмы повторяется официальная доктрина о том, что люди были сотворены, дабы облегчить участь богов, однако труд людей описывается с явной симпатией:

Загрубели руки от тяжелой работы.
Киркой и лопатой строили храмы,
Сооружали большие каналы,
Для пищи людской, пропитанья божья...¹⁴²

В поэме рассказывается, что богов раздражал «людской гомон»¹⁴³ и они сначала наслали на людей голод, а потом устроили потоп. Оба эти акта прямо осуждаются («Злое дело уготовил людям Энлиль»¹⁴⁴); более того, боги сами пугаются потопа и ведут себя отнюдь не по-геройски:

Ану услышал голос потопа.
Шум потопа дрожать богов заставил.
Энки! Его помutilись мысли,
Когда сыны его перед ним поверглись!
Нинту, величайшая из владычиц, –
Тряслись в лихорадке ее губы!..

¹³⁶ Пер. В. Афанасьевой: Там же. С. 217–220. О поэме см. *Клочков. Духовная культура...* С. 119–121.

¹³⁷ II, 34–38 (Я открою тебе... С. 218).

¹³⁸ Пер. И. Клочкова: Там же. С. 235–241; анализ поэмы: *Клочков. Духовная культура...* С. 67–130. И.С. Клочков пишет: «Быть может, "Теодицею" даже следует понимать как сознательное продолжение темы, поднятой автором "Невинного страдальца" (имеется в виду среднеавилонская версия поэмы. – Т.Б.)» (Там же. С. 130).

¹³⁹ VII, 70–71 (Я открою тебе... С. 237).

¹⁴⁰ XXVI, 276–280 (Там же. С. 241).

¹⁴¹ Пер. В. Афанасьевой: Там же. С. 51–75.

¹⁴² Табл. I, vii. 336–339 (Там же. С. 59).

¹⁴³ Табл. I, vii. 355 (Там же. С. 60).

¹⁴⁴ Табл. II, viii. 35 (Там же. С. 68).

Когда села она, и они в слезах сели.
Словно овцы перед кормушкой, сгрудились...
Потоп устроили, не подумав...¹⁴⁵

Позволив герою поэмы спастись от потопа, боги отнюдь не отказываются от своего замысла избавиться от неприятного «шума» и решают ограничить рождаемость людей, т.е. вносят в человеческую жизнь «дозированное зло», никак не связанное с греховностью или праведностью жертв:

Да будет отныне иное людям:
Одни рожают, другие не будут!
Да живет средь людей Пашиту-демон,
Да вырвет младенца с колен роженницы!..¹⁴⁶

Этот мотив, напоминающий древний миф об Энки и Нинмах (в котором боги лепили больных и уродов, в том числе женщину, не способную рожать) и одно рассуждение из «Разговора господина с рабом»¹⁴⁷ («Из детей лишь треть здоровых, две трети – убогих»¹⁴⁸), свидетельствует о высокой смертности в стране, об (относительно) низком уровне жизни – ничего подобного, например, в египетской литературе мы не встретим.

Мысли о «несправедливости» богов влекут за собой постановку новых проблем – смысла человеческой жизни и преодоления ужаса предстоящей смерти. Наиболее радикальный вывод делается в так называемом «Разговоре господина с рабом» (предположительно датируется X в. до н.э.): *никакой* тип человеческого поведения, обусловлен ли он альтруистическими или корыстными мотивами, не может обеспечить благополучного существования. В этом достаточно кратко произведении отрицаются постулаты официальной религии и «личного благочестия» («Приучишь ли ты своего бога ходить за тобой как собака, // Раз он требует от тебя то обрядов, то послушания, то еще чего-то!»¹⁴⁹), обязательность повиновения царской власти («Царь в дальний поход тебя отправит, // Пошлет неведомою дорогой, // Днем и ночью страдать он тебя заставит»¹⁵⁰), целесообразность заупокойного культа¹⁵¹, «гедонистические» ценности¹⁵² и посмертная слава, к которой стремится герой «Эпоса о Гильгамеше» («Поднимись и пройди по развалинам древним...»¹⁵³, ср. «Гильгамеш»: «Поднимись и пройди по стенам Урука...»¹⁵⁴), выгодность ростовщичества и «злодейства»¹⁵⁵, наконец – ценность человеческой жизни вообще и стабильность социальных различий в частности¹⁵⁶.

Классическое рассмотрение специфической для Месопотамии проблемы смертности человека содержится в ниневийской версии «Эпоса о Гильгамеше»¹⁵⁷, в основных чертах сложившейся во второй половине II тыс. до н.э. Эпос пользовался популярностью практически на всем протяжении месопотамской истории (в его основе лежат шумерские героические песни, сложившиеся между XXVII и XXIII вв. до н.э.) и постоянно перерабатывался, впитывая в себя идеи «интеллектуального дискурса». Последняя по времени версия представляет собой внутренне цельное произведение, в котором все сюжетные мотивы окрашены глубокими философскими раздумьями.

¹⁴⁵ Табл. III, ii, 23–29; iv, 18–20; v, 42 (Там же. С. 72–73).

¹⁴⁶ Табл. III, vii, 1–5 (Там же. С. 75).

¹⁴⁷ Пер. В.А. Якобсона: Там же. С. 204–208.

¹⁴⁸ IV, 33 (Там же. С. 205).

¹⁴⁹ VIII, 60–61 (Там же. С. 207).

¹⁵⁰ I, 7–9 (Там же. С. 204).

¹⁵¹ IV, 29–38 (Там же. С. 205).

¹⁵² II, 10–16; VII, 46–52 (Там же. С. 204, 206).

¹⁵³ X, 76–78 (Там же. С. 208).

¹⁵⁴ Табл. I, i, 16–19, XI, 303–305 (Там же. С. 7 и 82).

¹⁵⁵ IX, 62–69; VI, 39–45 (Там же. С. 206–207).

¹⁵⁶ XI, 79–86 (Там же. С. 208).

¹⁵⁷ Эпос о Гильгамеше. Пер. И.М. Дьяконова. М. – Л., 1961. См. также *Tigay J.H. The Evolution of the Gilgamesh Epic. Philadelphia, 1982; Афанасьева. Гильгамеш и Энкиду...; Якобсен. Сокровища тьмы... С. 219–247.*

Первый эпизод – встреча Гильгамеша с Энкиду – раскрывает сущность человеческой цивилизации: переход к цивилизованному образу жизни рассматривается как некое грехопадение, но в то же время цивилизация несет в себе несомненные блага (одежду, более утонченную пищу, городскую жизнь и, самое главное, возможность дружбы¹⁵⁸). Во втором эпизоде (поход в кедровый лес и убийство Хумбабы) молодые герои (один из них – царь) стремятся создать себе «вечное имя», совершив подвиг на благо людей («Давай, его вместе уьем мы с тобою, // И все, что есть злого, изгоним из мира!»¹⁵⁹). Характерно, что, отправляясь в поход, Гильгамеш и Энкиду рассчитывают на все то, чем была обставлена повседневная жизнь рядового вавилонянина: жертвы Шамашу, помощь личного бога и богини, талисманы, сновидения – но все это отнюдь не гарантирует благоприятного исхода их предприятия. Всерьез они могут полагаться только друг на друга, и отсюда – постоянно повторяющийся в этом эпизоде мотив страха перед божественным миром. В третьем эпизоде (Гильгамеш отвергает любовь Иштар; убийство небесного быка) человек, несмотря на свое бессилие, пытается утвердить собственное достоинство в споре с богиней, добиться осуществления своих желаний («Мы быка небесного гнали во гневе, // Не достигла богиня исполненья желаний, // Только наше с тобою исполнилось желанье!»¹⁶⁰). Моральные качества богини прямо осуждаются, перечисляются ее «прегрешения» и «скверны»¹⁶¹. Один из исследователей эпоса, Дж. Х. Тигей, считает, что произведение враждебно именно по отношению к Иштар, а не к богам вообще¹⁶². Такой точке зрения противоречит, как кажется, факт включения в последнюю часть поэмы описания потопа, кусок из «Сказания об Атрахасисе», где выражена мысль о несправедливости и трусости богов¹⁶³. Тигей в рамках своей концепции не может объяснить литературную функцию этого эпизода (предполагает лишь, что он «отдаляет развязку»¹⁶⁴).

Четвертый эпизод (смерть Энкиду) целиком посвящен проблеме смертности человека¹⁶⁵. Энкиду заранее предчувствует свою смерть, и его предсмертное видение¹⁶⁶ – одно из самых мрачных и впечатляющих описаний смерти в месопотамской литературе. Если с точки зрения официальной религии смерть человека – ничтожное, заурадное событие, то Гильгамеш описывает смерть своего друга как трагедию, затрагивающую и всех его сограждан, и саму природу. Уже в этом выражается его бунт против богов. Гильгамеш осознает смерть Энкиду как свой собственный будущий удел и удел человечества вообще. В пятой, заключительной части поэмы он пытается обрести фактическое бессмертие, но эта задача оказывается невыполнимой (рассказ о потоке и эпизод со змеей). Зато в этой части дается сразу несколько возможных ответов на вопрос о смысле человеческой жизни. Первый ответ – «гедонистический» (разговор с Сидуря):

Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,

¹⁵⁸ Энкиду становится «другом» Гильгамеша в старовавилонской версии, в шумерских песнях он именуется «рабом».

¹⁵⁹ Табл. II, iii, 6–7 (Эпос. С. 21).

¹⁶⁰ Табл. VI, 186–188 (Там же. С. 45).

¹⁶¹ Табл. VI, 89–91 (Там же. С. 42).

¹⁶² *Tigay*. Op. cit. P. 69 f.

¹⁶³ Этот эпизод – одно из трех самых поздних добавлений к поэме (наряду с первой частью пролога, I, 1–8 и табл. XII).

¹⁶⁴ *Tigay*. Op. cit. P. 239.

¹⁶⁵ Эта проблема была сформулирована уже в шумерской песне «Гильгамеш и гора бессмертного»:

В моем городе люди смертны, горюет сердце!
Люди уходят, скорбит сердце!
Через стену городскую свесился я,
Трупы в реке увидел я,
Разве не так уйду и я?..

¹⁶⁶ Табл. VII, iv, 14–54 (Афанасьева. Гильгамеш... С. 90).

Жизнь в своих руках удержали.
Ты ж, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй супругу –
Только в этом дело человека!¹⁶⁷

Второй ответ – «героический» (обеспечение себе «вечного имени» в результате деяний на благо людей). Он содержится в самом конце поэмы, в горделивом указании царя Гильгамеша на заложенные им стены города Урука, а также в прологе (I, 9–19). Наконец, третий ответ – «традиционный» (XII таблица): участь человека в загробном мире может быть отчасти улучшена, если он родил много сыновей или пал, как герой, в сражении.

Мы столь подробно остановились на этих памятниках, чтобы продемонстрировать цельность «интеллектуального дискурса» в Месопотамии, взаимозависимость пронизывающих его тем.

Хетты. Первые тексты «интеллектуального» теологического дискурса относятся к XV в. до н.э. Это «Гимны Солнцу»¹⁶⁸, пропитанные «личным благочестием» и неожиданно близкие по тональности восприятия мира современным им и чуть более поздним (амарнским и рамессидским) египетским текстам. Солнце – «праведный судья», осуждающий дурной поступок, а не только обрядовую нечистоту¹⁶⁹, воздающий за добродетель, устанавливающий обряды и законы всей страны, защитник «обиженных и сиротливых»¹⁷⁰. Солнце – «царь богов», «озаряющий все страны» и вершащий суд даже и над зверями¹⁷¹.

Молитва Кантуцилиса¹⁷² (сына хеттского царя, жреца в Куммани, столице Кицуватны), тоже относящаяся к Среднехеттскому периоду, продолжает разрабатывать проблематику, характерную для «личного благочестия» – опять-таки в том же направлении, что и египетские тексты: Бог (Солнечное Божество Земли?) руководит человеком на протяжении всей его жизни, вступая с ним в контакт посредством оракулов, снов, гаданий (ср. египетские царские надписи XVIII династии). Бог – «отец и мать» человека; их отношения строятся на принципе взаимности.

В Новохеттский период «личное благочестие» становится частью официальной царской идеологии. В это время царь часто изображается в объятиях своего бога-покровителя. В «Автобиографии Хаттусилиса III»¹⁷³ вмешательство богини Иштар прослеживается уже по конкретным событиям жизни царя; вводится понятие «божественного чуда» (в Египте аналогичное понятие обозначалось термином *биаит*): «Богиня, госпожа моя, всегда держала меня за руку. Я был тем человеком, кому была явлена власть богини, и перед лицом богов в божественном чуде я шел...»¹⁷⁴. В данном случае концепция «божественного чуда» используется в целях апологии царя: для оправдания его вступления на престол (происходившем в обстановке борьбы с другим претендентом, Аршадаттасом), которое, как рассказывается в надписи, богиня заранее предсказала.

¹⁶⁷ Табл. X, iii, 3–14 (Там же. С. 64–65).

¹⁶⁸ Луна, упавшая с неба... С. 105–110 и 18–19.

¹⁶⁹ Тексты 1, 2, 3. Там же. С. 105–108.

¹⁷⁰ Текст 3. Там же. С. 105–108.

¹⁷¹ Тексты 2, 3. Там же. С. 105–108.

¹⁷² Там же. С. 111–113.

¹⁷³ Там же. С. 194–203.

¹⁷⁴ Там же. С. 195.

Частичные кризисы «личного благочестия» происходят в связи с общенародными бедствиями – чумными эпидемиями, политическими неурядицами. В «Молитве во время чумы»¹⁷⁵ (XV в. до н.э.) проблема «невинного страдальца» возникает в особом преломлении, как проблема ответственности многих невинных за грехи отдельных личностей: «... пусть невинные не погибнут вместе с виновными! Если виновен один город, или один дом, или один человек, о боги, пусть только он один погибнет!»¹⁷⁶. При этом факт совершения греха кем-то из людей и справедливость богов как таковая не отрицаются. В новохеттских «Молитвах Мурсилы во время чумы»¹⁷⁷ царь пытается обнаружить конкретные причины несчастья, которые в конечном счете объясняются не несправедливостью богов, но греховностью его отца и предшественника, Суппилулиумаса. Здесь впервые высказывается мысль о том, что царь может совершить грех и разрабатывается концепция греха: грех переходит на сына; он бывает ритуальным (прекращение жертвоприношений у реки Мала-Евфрат), моральным (убийство Тудхалияса) или свершенным на уровне международных отношений (нарушение договора с Египтом, т.е. клятвы, данной богам); грех должен быть возмещен (специальным жертвенным обрядом).

В целом в хеттском «интеллектуальном» дискурсе темы несправедливости богов и смертности человека отсутствуют, а тема «невинного страдания» дается в специфически царском, «мягком» преломлении: союз царя и бога могут нарушить отдельные проступки того или иного правителя, но подобный конфликт в принципе легко устраним.

Угарит. Данных о «личном благочестии» нет, что неудивительно ввиду краткости существования этого государства. Угаритянам вообще, как уже говорилось, свойствен более оптимистический взгляд на мировое устройство, нежели жителям Месопотамии. Памятники «интеллектуального» дискурса здесь единичны. К ним можно отнести стихотворение о судьбе человека:

Где эти цари [великие...]
Жизнь, вся она [...] проклятье для взора;
Жизнь, что без радости, чем лучше смерти?
За благополучие одного только дня –
Дни болей и год погружения в 36000 бед...
Люди, что делают, сами не знают,
Смысл дней и ночей их богу известен.
Работу на человека кто не наложит?
Плохо о человеке кто не скажет?
Убогого кто не притеснит?
Калека быстроногого обгоняет,
Богатый к бедному руку свою простирает.
Такова участь добродетельного.
От Эа определена судьба,
По воле бога в[ыпадает жребий?]¹⁷⁸.

Однако поскольку это произведение дошло до нас в записи на шумерском и аккадском языках, его можно считать заимствованным из месопотамской литературы или написанным под ее влиянием.

Перекликается с месопотамской литературой (Эпосом о Гильгамеше) и второе произведение подобного рода – Поэма об Акхите¹⁷⁹. В ней идет речь о борьбе царевича с всемогущей богиней Анату, которая хочет отнять у него чудесный лук. Акхит

¹⁷⁵ Там же. С. 103–104.

¹⁷⁶ Там же. С. 104.

¹⁷⁷ Там же. С. 182–191.

¹⁷⁸ Шифман. Культура... С. 130–131.

¹⁷⁹ Шифман. Угаритский эпос. С. 154–288.

отвергает и любовь богини, и предложенное ею бессмертие. Даже убийство царевича не приносит богине ни реальной, ни моральной победы: Аххит перед смертью успевает сломать лук, его отец проклинает богиню и благословляет свою дочь на кровную месть. Характерно, однако, что, по мнению И.Ш. Шифмана, поэма должна была кончатся примирением людей с богами: воскрешением Аххита и его браком с Анату, становящейся, таким образом, «невесткой народа»¹⁸⁰.

Египет. «Личное благочестие», как мы уже говорили, очевидно, зародилось в Египте в Первый переходный период. Но первые памятники с развитой идеологией этого типа – царские. Хатшепсут впервые употребляет термин *биаит* – «чудо», рассказывая об оракуле Амуна, который предрек ее будущее воцарение, и специально подчеркивает, что подобное произошло в первый раз¹⁸¹. На божественный оракул, предревший его будущее воцарение, ссылается и Тутмос III¹⁸², а Аменхотпу II и Тутмосу IV боги являются во сне¹⁸³. Тутанхамон в так называемой «Реставрационной стеле»¹⁸⁴ обвиняет царей Амарны именно в том, что боги не общались с ними посредством оракула. Классический текст «личного благочестия» – Поэма о Кадешской битве¹⁸⁵, в которой рассказывается, как Амун спас Рамсеса II, попавшего в безвыходную военную ситуацию.

«Личное благочестие» становится общенародным явлением после эпохи Амарны. Именно тогда бог (чаще всего Амун, иногда – «городской бог») выступает в гимнах как защитник слабого, милостивый судья, способный простить раскаявшегося грешника:

Каждый говорит: «Мы принадлежим тебе!» –
Сильные и слабые вместе,
Богатые и бедные, как одни уста,
Все одновременно.
Твоя прелесть заключена в сердцах их всех,
Ни одно сознание не лишено (понимания) твоей красоты.
Разве вдовы не говорят: «Ты наш супруг!», –
А дети: «Ты наш отец и наша мать»?¹⁸⁶

В эпоху Рамессидов к божественному оракулу обращаются представители всех категорий египетского населения – по таким, например, поводам, как необходимость найти вора, укравшего одну цинковку, или узнать, получит ли человек служебное повышение¹⁸⁷. «Личное благочестие» сохраняется до конца египетской истории, но в I тыс. до н.э. обнаруживает некоторые симптомы кризиса. С конца эпохи Рамессидов распространяется представление об «иррациональности» поведения богов («Поучение Аменемопе»). Анализируя биографические надписи Позднего периода, Э. Отто отмечает в них такие черты, как отсутствие уверенности в божественном воздаянии за праведный поступок, недоверие к заупокойному культу и ориентацию на земную жизнь, оплакивание судьбы умершего и др. Вместе с тем, по его мнению, преобладает в этих надписях чувство примиренности с тем, что послано человеку богом¹⁸⁸.

¹⁸⁰ Шифман. Культура... С. 88.

¹⁸¹ Блок 287 так называемой «Красной часовни» Хатшепсут, см. *Yoyotte J. La date supposée du couronnement d'Hatshepsout // Kémi. 1968. 18. P. 85–92* (публикация); *Assmann J. Die Zeit Hatschepsuts und Thutmosis III. in religionsgeschichtliche Sicht // Ägyptens Aufstieg zur Weltmacht. Mainz, 1987. S. 47–55.*

¹⁸² «Надпись о юности Тутмоса III», см. *Urk. IV. S. 155–175 (№ 64).*

¹⁸³ «Большая стела Аменхотпа II в Гизе», пер. М. Лихтхайм, см. *AEL. II. P. 39–43; «Стела сфинкса» Тутмоса IV, см. Urk. IV. S. 1539a–1544 (№ 486).*

¹⁸⁴ Пер. Ю.Я. Перепелкина, см. *Хрестоматия... 1997. С. 55–58.*

¹⁸⁵ Пер. М.А. Коростовцева. Там же. С. 58–71. См. также *Fecht G. Das «Poème» über die Qades-Schlacht // SAK. 11. 1984. S. 281–334; Assmann J. Krieg und Frieden im alten Ägypten: Ramses II. und die Schlacht bei Kadesch // Mannheimer Forum 83/84. Mannheim, 1984. S. 175–231.*

¹⁸⁶ Гимн (рChester Beatty IV rto 7.11–8.7). Пер. Я. Ассмана, см. *Ассман. Египет... С. 340.*

¹⁸⁷ См. *Лурье. Ук. соч. С. 315–318.*

¹⁸⁸ *Отто. Die biographischen Inschriften. S. 20–118; 119–125 (выводы).*

Интересно, что в Египте почти отсутствует оппозиционный «интеллектуальный» дискурс с характерными для него темами несправедливости богов и незаслуженных страданий человека. Ситуация социальных (и природных) бедствий описывается в «Пророчестве Неферти»¹⁸⁹ и «Речении Ипувера»¹⁹⁰. Но виновниками такого положения вещей в обоих случаях оказываются сами люди, которые нарушают законы «маат». Поэтому ситуация не представляется окончательно безнадежной: «Пророчество Неферти» заканчивается обещанием прихода благого царя, а «Речение Ипувера» – рекомендациями «уничтожить врагов резиденции», соблюдать ритуальные предписания (11, 1–10), специальным обращением к царю (?), напоминанием о благополучном состоянии страны.

В более общем плане последствия нарушения «маат» (в сфере межличностных отношений) рассматриваются в «Жалобах Хахеперра-сенеба»¹⁹¹ и «Беседе разочарованного со своим Ба»¹⁹². В обоих произведениях подчеркивается неразрывная связь между состоянием общества, моральными установками людей и их способностью к правильной (в смысле: не лживой, выполняющей коммуникативную функцию) речи:

Вся страна в великом несчастье,
Никто не свободен от преступления,
Сердца жадны...
Сердце не принимает правды,
Никто не терпит, когда ему говорят о происходящем,
Человек любит только свои слова.
Каждый основывается на лжи,
Правильная речь оставлена («Жалобы Хахеперра-сенеба»¹⁹³);
Кому мне открыться сегодня?
В сердцах воцарилась корысть.
Что толку – искать в них опоры?
Кому мне открыться сегодня?
Нет справедливых,
Земля отдана криводушным («Беседа разочарованного со своим Ба»¹⁹⁴).

Еще одна тема египетского «интеллектуального» дискурса (достаточно маргинальная, если говорить о египетской литературе в целом) – незаслуженные несчастья, неожиданно вторгающиеся в жизнь людей. Эта тема, кажется, является центральной в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение»¹⁹⁵. Сказка рассказывается чиновнику, который после неудачной экспедиции боится предстать перед царем. Рассказчик советует ему (в соответствии с концепцией «маат») положиться на свою речь: «...спасение человека – в устах его, ибо слово пробуждает снисхождение»¹⁹⁶. В качестве примера он повествует о своем несчастье: кораблекрушении и встрече с неведомым божеством. Тогда «речевой контакт» с божеством-змеем состоялся и все кончилось хорошо. Однако это произведение имеет еще один вставной эпизод (центральный по

¹⁸⁹ Пер. Н.С. Петровского, см. Хрестоматия... 1980. С. 53–56.

¹⁹⁰ Пер. В.В. Струве. Там же. С. 42–53.

¹⁹¹ Пер. М. Лихтхайм, см. AEL. I. P. 145–149.

¹⁹² Пер. М. Лихтхайм, см. AEL. I. P. 163–169; см. также Renaud O. Le Dialogue du Désespéré avec son âme. Une interprétation littéraire. Genève, 1991.

¹⁹³ Lichtheim. Op. cit. P. 148.

¹⁹⁴ Пер. В. Потаповой, см. Поэзия и проза... С. 99. См. также Lichtheim. Op. cit. P. 167; Renaud. Op. cit. P. 28.

¹⁹⁵ Пер. М.А. Коростовцева, см. Поэзия и проза... С. 33–38; пер. М. Лихтхайм, см. AEL. I. P. 211–215. См. также: Игнатов С.С. «Сказка о потерпевшем кораблекрушение» в контексте истории и культуры древнего Египта эпохи Среднего царства: Автореф. дис... канд. истор. наук. СПб., 1994; Kurth D. Zur Interpretation der Geschichte des Schiffbrüchigen // SAK. 1987. 14. S. 167–179.

¹⁹⁶ Стк. 18–19, пер. Коростовцева, см. Поэзия и проза... С. 33.

своему композиционному положению, а значит, в соответствии с правилами египетской риторики, и по смысловой нагрузке¹⁹⁷): змей рассказывает о постигшем его самого непоправимом несчастье – неожиданной гибели всех его братьев и детей. Похожий эпизод имеется в «Беседе разочарованного со своим Ба». Ба рассказывает притчу о человеке, чью жену и невинных детей сожрали крокодилы, кажется, для того, чтобы показать: пред лицом столь великого несчастья все, на что жалуются человек, выглядит вполне поправимым¹⁹⁸. После кризиса идеологии «маат» (обусловленного победой «личного благочестия», идеологии индивидуализма) эта тема получает дальнейшее развитие в высказываниях о непредсказуемости завтрашнего дня («Поучение Аменемпе»¹⁹⁹, глава 5) и необходимости полагаться на непонятную для человека волю бога («Поучение Анхшешонка»²⁰⁰, 11, 23 и 12, 3: «Помести дела свои в руку бога», «Человек не знает дней своего несчастья»; «Поучение папируса Инсингер»²⁰¹, рефрен: «Судьба и удача, которые приходят, – это бог их посылает»). Важно, однако, что подобное мироощущение не подразумевает разочарования в справедливости богов и не влечет за собой отказа от жанра «поучений». В «Поучении папируса Инсингер», например, говорится: «Не предпочитай смерть жизни в несчастье из-за отчаяния. // Бог возвращает довольство, (но) мертвые не возвращаются. // Он творит добро посредством судьбы в конце старости» (19, 18–20); «Бог не забывает о наказании ни для одного преступления» (20, 11); «Трудностей, когда нет вины, не надо бояться. // Время беды не заставляет божьего человека отчаяться» (21, 1–2).

Проблема смерти, загробного существования человека играет в египетском религиозном дискурсе огромную роль, но решается совершенно иным, нежели в Месопотамии, образом. В так называемой Книге мертвых²⁰², произведении, сложившемся как целое к началу Нового царства (середина XVI в. до н.э.) и относящемся одновременно и к «ямплицитной», и к «эксплицитной» сферам религиозного опыта, Человеко-Бог принимает на себя ответственность за поддержание космического порядка (в редкой редакции 175 главы – в папирусах Ани и Лейденском – говорится, что боги совершали и злые, и добрые деяния²⁰³, но человек разделяет ответственность за дурные деяния богов и должен их исправить); разработка понятия греха приводит к определению тончайших градаций правил человеческого общежития (так называемая «Отрицательная исповедь»²⁰⁴); существование в загробном мире мыслится исполненным драматизма, но вместе с тем открывающим безграничные новые возможности; человек желает, путем новых воплощений, изведать все разнообразие форм жизни (животных, растительных, «божественных» и отсутствующих на земле). Заклинания Книги мертвых – достойные всех, результат переработки и развития адаптированных к нуждам «частных лиц» царских текстов. Они поражают широтой спектра ощущений – от отождествления себя с мировой владыкой и угроз богам до ощущения грозящих отовсюду опасностей (в том числе таких, как возможность оказаться в ситуации, когда придется питаться калом или ходить вниз головой). Иногда противоположные эмоции сливаются в рамках одного заклинания:

¹⁹⁷ См.: *Fecht. Die Form...; idem. Stilistische Kunst // Handbuch der Orientalistik. 2. Auflage. I. Abt. I. Bd 2. Abschn. Leiden, 1970. S. 19–51; idem. Prosodie // L.A. IV. Sp. 1127–1154.*

¹⁹⁸ Стк. 69–80, *Renaud. Op. cit. P. 25, 40–41* (интерпретация этой и следующей притч Ба как композиционного центра «Беседы»); p. 56–58 (смысловая интерпретация).

¹⁹⁹ Пер. М. Лихтхайм, см. *AEL. II. P. 146–163.*

²⁰⁰ Пер. М. Лихтхайм, см. *AEL. III. P. 159–184.*

²⁰¹ Пер. М. Лихтхайм, см. *Ibid. P. 184–217.*

²⁰² Далее цитируется по переводу: *Ägyptisches Totenbuch. Übersetzt und kommentiert von Gregoire Kolpaktchy. Bern etc: O.W. Barth Verlag, 1988. См. также The Ancient Egyptian Book of the Dead / Transl. by R.O. Faulkner. London: British Museum Publications, 1985; Das Totenbuch der Ägypter. Übers. von E. Hornung. Zürich–München, 1979.*

²⁰³ *Kolpaktchy. Op. cit. S. 281–284; Faulkner. Op. cit. P. 175; Hornung. Op. cit. S. 365.*

²⁰⁴ *Kolpaktchy. Op. cit. S. 188–190; Faulkner. Op. cit. P. 31–32; Hornung. Op. cit. S. 234–236. Рус. пер. 125 главы М.А. Коростовцева см. Хрестоматия... 1997. С. 76–78.*

...И вот, когда после смерти душа улетает,
Труп разрушается и расплывается,
Его вывернувшиеся члены отпадают,
Полная смрада гниет плоть,
Превращаясь в тошнотворную жижу,
В клубок, наполненный кишасщими червями,
И так кончает человек...
Он уходит под застывшим взглядом бога Шу,
Как и все богини, все боги уходят...
Я продолжаю существовать! Воистину, я продолжаю существовать!
Я живу, смотрите на меня, я живу!
Я чувствую, как силы жизни захлестывают меня! (глава 154, 20–27, 55–57)²⁰⁵.

Но все же преобладающее мироощущение в Книге мертвых таково:

Я есмь бог Атум,
Одинокий путник среди небесной пустыни.
Я есмь бог Ра,
Тот, что на первобытной заре,
Подобно богу Нуну,
Медленно восходил.
Я – великий бог, породивший себя сам.
Тайная сила моего имени
Создает небесный порядок богов.
Боги не препятствуют моему пути;
Я есмь Вчерашний день,
Я знаю Завтрашний день...
Боги, вслед которым я спешу,
Протяните навстречу мне свои руки!
Ибо богом стал я,
Равным вам!.. (глава 17, 1–5, 15)²⁰⁶;
Двери неба предо мной открыты,
Не противятся мне земные двери...
Предо мной земля с каналами и реками;
Я могу шагать по ней, куда захочу... (глава 68, 1–2, 16–17)²⁰⁷.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный материал, как мне кажется, в целом подтверждает правильность ассмановской концепции: связь имплицитной теологии всех четырех регионов с идеей «маат» и зарождение на определенном, относительно позднем, этапе их исторического развития «теологического дискурса» (везде, кроме Угарита, он включает и линию «личного благочестия»).

Вместе с тем, конкретные проявления религиозной жизни в каждом регионе настолько своеобразны, что имеет смысл говорить по меньшей мере о трех «моделях» религиозного развития древних ближневосточных обществ.

Наиболее четкие различия прослеживаются между «египетской» и «месопотамской» моделями. Они рознятся уже исходными, «имплицитными» представлениями о божестве и отношениях между «божественным» и «человеческим» миром. Очевидно, в Месопотамии образовался некий временной «зазор» между разрушением первобытной системы ценностей вследствие образования централизованного государства (при Ш

²⁰⁵ Kolpaktchy. Op. cit. S. 247–249; Faulkner. Op. cit. P. 153; Hornung. Op. cit. S. 332–333.

²⁰⁶ Kolpaktchy. Op. cit. S. 71–72; Faulkner. Op. cit. P. 44–45; Hornung. Op. cit. S. 59–60, 64.

²⁰⁷ Kolpaktchy. Op. cit. S. 124–125; Faulkner. Op. cit. P. 69–70; Hornung. Op. cit. S. 143–144.

династии Ура?) и созданием соответствующей этому государству ценностной системы «маат».

Этот «зазор» заполнило «личное благочестие», распространившееся уже на «до-эксплицитной» стадии развития религии («личные» добрые демоны *шеду* и *ламассу*, почитание *ilija* – «моего бога» – в домах). «Личное благочестие», в какой бы форме оно не существовало, подразумевает индивидуалистическую идеологию – не случайно в месопотамской литературе отсутствует тема коллективистских ценностей, столь характерная для египетских поучений.

Вместе со всей «имплицитной» системой верований «имплицитное личное благочестие» впоследствии переживает глубокий кризис, приводящий к возникновению, наряду с «дискурсивным личным благочестием», особой, характерной именно для Месопотамии, линии «оппозиционного» дискурса.

В Египте мы наблюдаем противоположную картину – сохранение почти на всем протяжении истории страны веры в светлую упорядоченность космоса и общества, в «добрую волю» богов; основной конфликт возникает здесь не между официальным культом либо «личным благочестием» и отрицанием целесообразности того и другого, но по вопросу о том, кто – бог или фараон – должен быть главным объектом «личного благочестия». Поэтому здесь более, нежели в других странах, развита «царская» линия дискурса.

В конечном счете разница между «месопотамской» и «египетской» моделями была, вероятно, во многом обусловлена историческими судьбами этих регионов: изолированностью Египта (в III тыс. и, частично, первой половине II тыс. до н.э.), его защищенностью от набегов извне, стабильностью фараоновской власти и социальной системы, высоким уровнем жизни – с одной стороны; с другой же – отсутствием всех этих условий в Месопотамии, где постоянно менялись царствующие династии, куда вторгались кочевники, где социальная система болезненно менялась, не гарантируя человеку никакой защиты от ростовщичества, распада общин и т.д.

Что касается хеттского и угаритского обществ, то они сложились позднее, заимствовали кое-какие религиозные идеи извне, в готовом виде, были достаточно «открыты» для проникновения новых веяний. Эти общества кажутся мне менее сложными по своей структуре, чем месопотамское и египетское (в смысле отсутствия столь развитой бюрократической системы, как в Египте, или столь острых социальных противоречий, как в Месопотамии, или столь длительной культурной традиции, столь широкого слоя «профессионалов» теологического дискурса, как в обоих «великих» государствах). Отсюда – относительная неразработанность теологической тематики вообще и, в частности, почти полное отсутствие таких тем, как справедливость или несправедливость богов, смысл человеческого существования, проблема смерти. В обоих обществах власть царя была менее «абсолютной», чем в Месопотамии и Египте, во многом базировалась на договорных отношениях, на представлениях, восходящих к родовому строю (угаритское представление о том, что царь должен быть здоров, способен к деторождению), и потому, возможно, здесь естественно воспринималась идея о благостности его правления для подданных. В заключение хотелось бы привлечь внимание коллег к тому обстоятельству, что ассмановская концепция «теологического дискурса», важность которой для изучения религиозной истории вполне очевидна, нуждается в подробнейшей дальнейшей проработке, уточнении количества и существенных характеристик отдельных видов («линий») дискурса, чтобы затем можно было бы исследовать процесс взаимодействия различных направлений религиозной мысли.

THE MODELS OF RELIGIOUS DEVELOPMENT
OF ANCIENT NEAR EASTERN SOCIETIES

T.A. Baskakowa

Jan Assmann in his books «Ägypten: Theologie und Frömmigkeit einer früher Hochkultur» (Stuttgart, 1984) and «Ma'at: Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im alten Ägypten» (München, 1990) expounded his original concept of the religious development of Egypt, the concept, which, as he thinks, is valid for all early Oriental cultures of the period between the stage of state formation and that of the «Axial time». The aim of the present article is to give a comparative survey of the religious history of four regions – Mesopotamia, Anatolia (the Hittite state), Syria (Ugarit) and Egypt – in order to test the applicability of Assman's method in the fields of Orientalistic other than Egyptology.

The presented material in the whole confirms the validity of Assman's concept: the implicit theology of all four regions was connected with the idea of *ma'at* (the just and harmonious weltorder), and in the definite, rather late period of their historical development in all the four regions there arose a theological discourse which everywhere except Ugarit included the «line» of «personal piety». But the peculiarities of religious life in each region are so important, that it seems justified to single out three «models», or variants, of religious development.

The most distinct differences can be traced between the «Egyptian» and «Mesopotamian» models. Apparently in Mesopotamia the destruction of the tribal system of values did not coincide in time – as it was in Egypt – with the formation of new value system corresponding to the centralized state since the centralized state in Mesopotamia came into being much later than in Egypt. This «vacuum» was filled with a pessimistic world outlook and personal piety, which in itself is always an individualistic ideology. Later this implicit personal piety together with all the system of implicit religious belief, came into the stripe of crisis, as a result of which there appeared – and became characteristic for Mesopotamia – the «opposition discourse» with its themes of gods' injustice, the search for human existence, the problem of death.

Egypt, on the contrary, was characterized by the faith in orderliness of cosmos and society, in gods' «good will», in collectivistic values. Here the «opposition discourse» was practically absent and the religious discourse was centered upon the problems of the nature of the supreme god and the king as an object of personal piety. The Hittite and Ugaritic states were younger than those of Egypt and Mesopotamia, closer to the tribal societies. Here the theological discourse was relatively unelaborated and some of its themes were borrowed from abroad.

Ю.Н. Литвиненко

САТРАП ПТОЛЕМЕЙ И СОСТРАТ КНИДСКИЙ: ЗАХВАТ МЕМФИСА*

Согласно античной традиции, в 323 г. до н. э. произошел первый раздел империи Александра Македонского, в результате которого Птолемей, сын Лага, получил в сатрапию Египет и соседние территории Аравии и Ливии¹. Источники немногословны относительно обстоятельств Вавилонского раздела, в частности, они умалчивают, почему Птолемею достались именно эти области² и почему он фигурирует первым в приводимых «списках» сатрапов из числа бывших «маршалов» македонского царя³. Предполагается, что царский регент Пердикка передал (об этом говорит Диодор: XVIII. 3. 1; 6. 4) самую лучшую и богатую сатрапию Птолемею, поскольку тот входил в круг ближайших сподвижников Александра, особенно на последних этапах Восточного похода⁴, хотя и не лишено оснований, но двойственная позиция Птолемея во время противоборства сторонников и противников единой империи⁵ застав-

* Начало см. Литвиненко Ю.Н. Сострат Книдский, Птолемей и захват Мемфиса: проблема датировки // ВДИ. 1998. № 1. С. 152–159

¹ *Arr. De rebus succ. Alex.* 5 (далее – *Arr. Succ.*); *Curt.* X. 10. 1; *Diod.* XVIII. 3. 1; *Just.* XIII. 4. 10.

² Версия, что Египет был выбран Птолемеем по той причине, что еще во время египетского похода Александра он будто бы сумел оценить стратегические выгоды местоположения этой сатрапии (см. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 37), кажется малоубедительной, поскольку неизвестно, участвовал ли Птолемей в этом походе (см. Литвиненко. Ук. соч. С. 156. Прим. 23; ср. O'Brien J.M. Alexander the Great. The Invisible Enemy. L. – N.Y., 1992. P. 91). Попутно замечу, что восходящие к античности (*Isocr.* *Busir.* 12–13; *Diod.* I. 30–31; *Strabo.* XVII. 1. 21; *Arr. Anab.* III. 5. 7 и др. – см. ниже) представления о природной укреплённости Египта и его труднодоступности для завоевателей на практике опровергаются самой историей этой страны, только на протяжении I тыс. до н. э. попадавшей под власть эфиопов, нубийцев, ливийцев, ассирийцев, персов, греков и римлян.

³ Это определение заимствовано мною из книги: Heckel W. The Marshals of the Alexander's Empire. L. – N.Y., 1992, посвященной просопографии военачальников армии Александра Македонского.

⁴ Об участии Птолемея в Восточном походе см. Seibert J. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. München, 1969. S. 1 ff.; Heckel. *Op. cit.* P. 222–227. Птолемей становится заметной фигурой в македонском войске скорее всего лишь после прихода Александра в Персию. Арриан (*Anab.* III. 25. 7) пишет, что Александр приблизил к себе Птолемея после казни Филоты осенью 330 г. до н. э., назначив его своим телохранителем (ср. однако: *Arr. Anab.* III. 6. 5–6, где приводится информация, позволяющая предполагать, что данного титула Птолемей был удостоен еще до битвы при Иссе в 333 г. до н. э.). Особенно его роль возрастает во время среднеазиатского и индийского походов (см. 8-ю и 9-ю книги «Истории» Курция Руфа и 4-ю книгу «Анабасиса» Арриана). К концу Восточного похода Птолемей, по-видимому, входил в десятку наиболее близких Александру офицеров (*Arr. Anab.* VI. 28. 4; VII. 4. 6), хотя вряд ли принадлежал к числу его фаворитов (ср. *Ael. Var. Hist.* XII. 16).

⁵ Несмотря на то что Птолемей одним из первых выступил на войсковом собрании против попытки Пердикки узурпировать власть и первым высказался в пользу коллегиального управления империей, в дальнейшем он вместе с Леоннатом и всадниками из числа «знатнейших юношей» занял сторону Пердикки в столкновении с предводителем пешего войска Мелеагром, хотя и не принимал в этом конфликте активного участия (*Curt.* X. 6. 5–15; 7. 16 sqq.). В ходе борьбы за власть летом 323 г. до н. э. между Пердиккой и Мелеагром, закончившейся поражением последнего, Птолемей скорее всего занимал выжидательную позицию и лишь после окончания конфликта приступил к более решительным действиям, восстав, как утверждает Павсаний (I. 6. 2), против сторонников передачи царства Филиппу III Арридею.

ляет усомниться в логичности решения Пердикки⁶ и даже ставит под вопрос справедливость самого высказывания Диодора. Распределение на сатрапии «завоеванной копьем» мировой державы едва ли проходило по заранее написанному сценарию – без войн и конфликтов, неминуемых при разделе власти. Война, начатая Александром в 334 г. до н.э., не закончилась с его смертью в Вавилоне. О нежелании диадохов поддерживать раздел империи «сверху» недвусмысленно говорит Курций Руф на последних страницах своей «Истории»: «Некоторые думали, что провинции были распределены согласно завещанию Александра, но эта молва, хотя и принятая некоторыми писателями, по нашей проверке, оказалась ложной. После разделения империи на части каждый охранял накопленное им богатство в расчете, что когда-нибудь будет поставлен предел чрезмерным домогательствам. Дело в том, что незадолго до этого слуги царя под предлогом завоевания чужих царств по отдельности захватывали огромные пространства без всяких причин для войны, поскольку все жители там принадлежали к одному племени и были отделены от других границами своего царства. Но трудно было довольствоваться тем, что предоставлял случай; когда претендуешь на большее, первое попавшееся кажется неприглядным. Поэтому всем казалось, что лучше самим расширять пределы своих владений, чем получать то, что имелось» (X. 10. 5–8)⁷. В этой связи вызывает сомнение не только мирный, легитимный характер первого раздела империи Александра, но и сам факт его проведения в соответствии с некими «списками», упоминаемыми позднейшими античными авторами. Более реалистичной представляется картина спонтанного, самочинного захвата сатрапий полководцами Александра – захвата, начатого еще при жизни царя и спровоцировавшего последующие войны диадохов за передел наспех поделенной мировой державы⁸.

Еще в меньшей степени известно об обстоятельствах прихода Птолемея в Египет и установления им там своей власти, поэтому любая дополнительная информация по данному вопросу приобретает особую значимость. В своей предыдущей статье, посвященной проблеме датировки приводимого Лукианом (Нирр. 2) эпизода о взятии Мемфиса Состратом Книдским, я попытался показать связь этого эпизода с событиями конца 323–322 г. до н.э. вызванными появлением в Египте Птолемея и его столкновением с Клеоменом из Навкратиса. Рассматриваемый отрывок, и в этом, на мой взгляд, его историческая ценность, позволяет говорить, что захват Птолемеем Египта был вовсе не бескровным и легким, но сопровождался применением военной силы – вопреки основанному на сообщении Диодора (XVIII. 14. 1–2) распространенному еще со времен И. Дройзена мнению о «мягком» характере этой оккупации⁹. В настоящей статье я вновь обращаюсь к данному эпизоду, на этот раз – с целью воссоздать историческую картину упоминаемого Лукианом события.

Приход Птолемея в Египет в 323 г. до н.э. представляется логическим завершением службы этого македонского офицера у Александра. Вполне вероятно, что план захвата одной из лучших сатрапий Птолемея тайно вынашивал еще в Вавилоне – его стратегия военачальника и политика всегда отличалась продуманностью, расчетливостью

⁶ Так, уже в конце 322 г. до н. э. – спустя чуть больше года после Вавилонского раздела – Пердикка выступил из Киликии в поход на Египет (*Diod. XVIII. 25. 6*; ср. *Arr. Succ. 5*, где говорится, что Пердикка, якобы повинувшись приказу Филиппа Арридея, был вынужден поставить во главе сатрапий тех, кого подозревал в заговоре).

⁷ Цит. по: Квинт Курций Руф. История Александра Македонского / Пер. с лат. В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского. М., 1993.

⁸ См. *Curt. IV. 1. 27*: попытки самочинного захвата полководцами Александра отдельных сатрапий Ахеменидской державы наблюдались уже в самом начале Восточного похода; *Iust. XIII. 4. 10–24*: перечислив около 30 военачальников и приближенных Александра, участвовавших в разделе его империи, Юстин делает вывод, намекающий на случайный, отчасти авантюрный характер этой акции: *haec divisio veluti fatale minus singulis contigisset, ita magna incrementorum memoria plurimis fuit*.

⁹ Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. 2. СПб., 1997. С. 48.

и осторожностью¹⁰. Этим замыслам предшествовал Восточный поход, во время которого подготавливался плацдарм для дальнейшего восхождения к вершине власти: оттачивались навыки дипломата-царедворца¹¹, накапливался опыт по ведению разведывательных, боевых и военно-технических операций¹², формировался свой отряд¹³, создавалась материальная база – в виде награбленной на войне добычи¹⁴ – для содержания собственного войска. Возможно, Птолемей одним из первых приступил к реализации своих замыслов по делу наследства Александра, подав тем самым пример остальным диадохам. Не потому ли его имя – первое в «списках» наследников?

У нас нет данных о том, какими силами располагал Птолемей, придя в Египет. По словам Диодора (XVIII. 14. 1–2), Птолемей начал вербовать наемников и формировать армию после того, как завладел египетской казной, насчитывавшей 8000 талантов – иными словами после упоминаемого Лукианом захвата Мемфиса и упоминаемой Павсанием (I. 6. 3) расправы над Клеоменом. Однако вряд ли можно было овладеть хорошо укрепленным городом¹⁵, не располагая собственным войском¹⁶ и, что особенно важно для проведения военных операций в специфических условиях Нильской долины (большая река, сложная ирригационная инфраструктура, болота, соседствующие с пустыней), не имея под рукой опытных в военном деле специалистов. Как сообщает Диодор, в стратегии Птолемея, по крайней мере на начальных этапах его правления, большую роль играл личностный фактор – новый сатрап первым делом окружил себя «толпой друзей» (XVIII. 14. 2), союзников и лично преданных ему людей (XVIII. 28. 6; 33. 4–5), получивших впоследствии привилегированный статус «царских друзей»¹⁷. Среди них особое место занимали интеллектуалы: подобно Александру Македонскому Птолемей (а затем и его сын Птолемей Филадельф) охотно привлекал на службу специалистов в области военного дела, техники, строительства, точных и прикладных наук – об этом убедительно свидетельствует просопография раннептолемеевского двора¹⁸. Скорее всего именно во время захвата Египта и последующей подготовки к отражению вторжения Пердикки, когда Птолемию пришлось преодолевать сопротивление Клеомена, а затем укреплять страну оснащенными «всяческой военной техникой» (βέλεισι παντοδατοῖς) гарнизонами (Diod. XVIII. 33. 3), в круг его приближенных мог попасть военный инженер Сострат Книдский – одна из наиболее знаменитых и одновременно загадочных фигур эпохи первых Птолемеев¹⁹.

¹⁰ Бенгтсон. Ук. соч. С. 41.

¹¹ Arr. Anab. IV. 8. 9; 13. 7; Curt. VIII. 1. 45, 48; 6. 22; IX. 6. 15.

¹² Arr. Anab. II. 11. 8; III. 29. 7; IV. 16. 2; 21. 4; 23. 3; 24. 10, 39; 25. 2 sqq.; 29. 1 sqq.; Curt. III. 9. 7; VIII. 10. 21; 13. 18 sqq., 23, 27; 14. 15; IX. 10. 6–7.

¹³ Arr. Anab. III. 18. 9; 29. 7; Ind. 18. 5; Curt. III. 9. 7; VII. 10. 11.

¹⁴ Curt. IX. 10. 6–7; Diod. XVII. 104. 5–6.

¹⁵ О военном гарнизоне в Мемфисе накануне прихода в Египет Птолемея см. Литвиненко. Ук. соч. С. 158 сл.; о мемфисском гарнизоне в птолемеевскую, римскую и византийскую эпохи см. Thompson D.J. Memphis under the Ptolemies. Princeton, 1988. P. 16, 82 ff., 269 f.; Calderini. Diz. s.v. Μέμφις. № 1.

¹⁶ Так, один из участников Восточного похода, Аминта, сын Антиоха, предавший Александра и бежавший после битвы при Иссе в ноябре 333 г. до н. э. на Кипр, а оттуда – в Египет, где он добрался до Мемфиса и осадил там персидский гарнизон, имел с собой войско, насчитывавшее 4 тыс. человек (Curt. IV. 1. 29–33; ср. Arr. Anab. II. 13. 2–3, где говорится о восьмидесятичной войске Аминты).

¹⁷ Просопография Л. Морена (Mooren L. The Aulic Titulature in Ptolemaic Egypt. Brussel, 1975. № 1–8) насчитывает восемь дошедших до нас имен «царских друзей» Птолемея I, включая Сострата Книдского, который сохранил этот титул и при Птолемеи II, но нет сомнений, что в действительности их было больше; см. Weber G. Dichtung und höfische Gesellschaft. Die Rezeption von Zeitgeschichte am Hof der ersten drei Ptolemäer. Stuttgart, 1993. S. 133 ff.; ср. S. 139 f. – автор ошибочно причисляет Сострата Книдского к φίλοι лишь Птолемея Филадельфа.

¹⁸ См. PP. VI. P. 212 ss. Из интеллектуального окружения первых двух Птолемеев отметим архитектора Динохара (=Динократа), военных конструкторов и изобретателей Дионисия Александрийского и Ктесибия, математиков и астрономов Евклида, Конона Самосского и Тимохара, инженера Феникса; см. также Weber. Op. cit. S. 136. Anm. 6; S. 137 f. Anm. 5; S. 146 f. Anm. 6.

¹⁹ Как правило, с именем Сострата Книдского связывают: 1) строительство Фаросского маяка в Алек-

Несмотря на значительность дел, совершенных Состратом из Книды, сыном Дексифана, точные даты и подробные факты его жизни и карьеры нам не известны, вследствие чего нельзя с уверенностью говорить, что во всех представленных источниками случаях (Сострат-архитектор, Сострат – сановник и дипломат, Сострат-инженер) речь идет об одном и том же лице²⁰. В первую очередь, это касается двух упоминаний имени Сострата без патронима и этника²¹: у Секста Эмпирика (*Adv. gram. I. 276*) и в афинском декрете 270/69 г. до н. э. в честь Каллия из Сфетта²². В обоих случаях говорится о Сострате – царском посланнике²³, причем лишь в последнем из них упоминаемые события имеют датировку (286–285 гг. до н. э.)²⁴, тогда как из анекдота Секста Эмпирика вообще не ясно, о каком времени и чьем посольстве идет речь²⁵. Происходящие из Дельф и с Делоса эпиграфические памятники, в которых Сострат Книдский предстает либо как строитель или посвяtitель (FD. III. 1. 299; Choix. 23, 24), либо как устаиваемый почестей птоломеевский сановник (Choix. 21, 22), в основном датируются 80–70-ми годами III в. до н. э.²⁶ и, таким образом, хронологически сопоставимы с афинским декретом, упоминающим о дипломатической миссии некоего Сострата, которого Птолемей I послал осенью 286 г. до н. э. в осажденные Афины для посредничества в переговорах афинян с Деметрием Полиоркетом. Данное обстоятельство позволяет со значительной степенью вероятности отождествлять птоломеевского посланника Каллиева декрета с Состратом Книдским²⁷, концом карьеры которого следует считать скорее всего 70-е годы III в. до н. э., а началом – с учетом предлагаемой мною датировки захвата Мемфиса при сатрапе Птолемее – 323 г. до н. э.²⁸ Восходящая к П. Пердризе и до сих пор встречающаяся у исследователей идея о том, что расцвет карьеры Сострата Книдского приходится на эпоху Птоле-

сандрии, «висячей площадки» (*palis ambulationis*) в Книде и, возможно, каких-то сооружений в Дельфах: 2) дипломатическую деятельность – прежде всего, успешное проведение переговоров с Антигоном (Одноглазым или Гонатом?) и Деметрием Полиоркетом; 3) захват Мемфиса в результате «поворота и разделения Нила»; см. *Mooren*. *Op. cit.* P. 56 f.

²⁰ Ср. *Lenschau Th.* // *RE. Suppl. VII. Kol. 1221 f. № 4b*; *Olshausen E.* *Prosopographie der hellenistischen Königsgesandten. Teil I. Louvain, 1974. S. 35. № 21, 1*; *Clayton P.A., Price M.J.* *The Seven Wonders of the Ancient World. L. – N.Y., 1988. P. 144 f.*

²¹ Имя «Сострат» (*Σώστρατος*) – весьма распространенное в греческой ономастике эллинистического Египта. Так, просопграфия папирусного «архива Зенона», датируемого серединой III в. до н. э., насчитывает свыше десятка человек с этим именем (P. L. Bat. XXI. P. 423 f.); о распространенности этого имени в греческой эпиграфике см. *Amandry P.* *Dédicaces delphiques* // *BCH. 1940–1941. 64–65. P. 63*; *A Lexicon of Greek Personal Names* / Ed. P.M. Fraser, E. Matthews. I–III. Oxf., 1987–1997. s. v. *Σώστρατος* (свыше 350 упоминаний).

²² *Shear T.L.* *Kallias of Sphettos and the Revolt of Athens in 286 B.C.* // *Hesperia. Suppl. XII. Princeton, 1978. P. 22–25.*

²³ Ср. *Olshausen*. *Op. cit.* S. 26, 35 f.

²⁴ *Shear*. *Op. cit.* P. 99.

²⁵ Ср. *OGIS. I. 66. Not. 1*; *Heinen H.* *Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr.* Wiesbaden, 1972. S. 196 f.; *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* *A History of Macedonia. III. Oxf., 1988. P. 294 f., 598. Not. 3.*

²⁶ Ср. *Fraser P.M.* *Two Hellenistic Inscriptions from Delphi* // *BCH. 1954. 78. P. 61.*

²⁷ Ср. *Shear*. *Op. cit.* P. 23 ff.; *Buraselis K.* *Das hellenistische Makedonien und die Ägäis.* München, 1982. S. 94; *Hammond, Walbank*. *Op. cit.* P. 231; *Habicht C.* *Athen in hellenistischer Zeit. Gesammelte Aufsätze.* München, 1994. S. 140 f.; *Hölbl G.* *Geschichte des Ptolemäerreiches.* Darmstadt, 1994. S. 25 f.

²⁸ *Литвищенко*. Ук. соч. С. 156 слл. Свидетельства о более ранних этапах жизни и деятельности Сострата Книдского в источниках не встречаются. Плиний Старший (NH. XXXIV. 51) сообщает о скульпторе Сострате, современнике Александра Македонского и Лисиппа, однако у него скорее всего речь идет об афинском мастере Сострате, сыне скульптора и художника Эвфранора (см. комм. Г.А. Тароняна к изд.: Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994. С. 288. сл. Комм. 5). Историки похода Александра упоминают некоего Сострата (*Curt.* VIII. 6. 7–8), или Сострата, сына Аминты (*Arr. Anab.* IV. 13. 3), одного из участников «заговора пажей» (*Berve H.* *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage.* München, 1926. Bd II. № 738). Даже если предположить, что его патроним – выдумка Арриана, совершенно исключена какая-либо связь этого персонажа с Состратом Книдским.

мея П²⁹, едва ли может быть признана убедительной, поскольку все известные датированные эпизоды этой карьеры, включая «центральный» – строительство знаменитого маяка³⁰, совпадают в основном с эпохой Птолемея I.

Если в старых работах о Сострате Книдском его архитектурный и инженерный таланты не подвергались сомнению³¹, то в позднейшей литературе – под влиянием аргументов П. Фрэзера, приведенных в его фундаментальном труде³², – наметилась тенденция рассматривать Сострата прежде всего как влиятельного и богатого птолемеевского придворного и покровителя, на средства которого были построены маяк в Александрии и, возможно, общественные здания в Книде и Дельфах. Не ставя здесь перед собой задачу исследовать проблему авторства Фаросского маяка и других архитектурных сооружений, которые античная традиция связывает с именем Сострата Книдского, остановлюсь на проблеме: *Сострат Книдский – инженер*, также оспариваемой английским историком³³, и поэтому вновь обращаюсь к свидетельству Лукиана (Hipp. 2) о «повороте и разделении» Нила под Мемфисом. Несмотря на то что Лукиан недвусмысленно относит «повернувшего» воды реки Сострата Книдского – наряду с Архимедом, Фалесом и Эпеем – к числу тех «достойных удивления инженеров, которые, будучи прославленными теоретиками, оставили после себя также и память о своем мастерстве и практических делах»³⁴, П. Фрэзер, комментируя данный эпизод, видит в нем лишь «описание военной операции, за которую, возможно, каким-то образом отвечал Сострат, но вовсе не мирной инженерной деятельности»³⁵. Подобный

²⁹ В конце XIX в. П. Пердризе, полемизируя с более ранними исследователями, склонными считать Сострата Книдского современником эпохи диадохов, целиком относил его к эпохе эллинов (*Perdrizet P. Sostrate de Cnide architecte du Phare // REA. 1899. 1. 4. P. 261 ss.*). Единственный источник, ссылаясь на который, историки могут относить дипломатическую активность Сострата Книдского к позднейшей эпохе соперничества в Эгиде Птолемея Филадельфа и Антигона Гоната, в частности ко времени после Косского морского сражения (*Heichelheim F. // RE. Suppl. VII. Kol. 1221 f. № 11a; Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. I–III. Oxf., 1972. II. P. 53 f. Not. 121; Buraselis. Op. cit. S. 166 f.*), – уже упомянутый рассказ Секста Эмпирика о посольстве Птолемея к Антигону – нельзя считать надежным свидетельством, поскольку описываемые в нем события можно датировать эпохой и Птолемея II, и Птолемея I (*Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten. I–III. Gotha, 1893–1903. II. S. 131. Anm. 2; Sextus Empiricus. In Four Volumes. IV / Ed. R.G. Bury. L. – Cambr. (Mass.), 1945. P. 157. Not. d; Olshausen. Op. cit. S. 35 f. № 21. Anm. 5–6, 13–14*), и даже Птолемея III (ср. OGIS. I. 66. Not. 1). Если все же допустить, что анекдот повествует об успешных переговорах Сострата Книдского с Антигоном Гонатом, состоявшихся сразу после морского боя при Косе в 262 или 256 г. до н. э. (ср. *Tarn W. Antigonos Gonatas. Oxf., 1913. P. 386 f.* – посольство к Антигону датируется английским историком 244 г. до н. э.), то с учетом начала карьеры Сострата Книдского в 323 г. до н. э. к тому времени ему должно было исполниться по меньшей мере 80–90 лет – не слишком ли преклонный возраст для птолемеевского дипломата?

³⁰ *Fraser. Ptolemaic Alexandria. I. P. 20; II. P. 52 ff. Not. 117 ff.* Большинство исследователей полагает, что строительство маяка приходится на время правления Птолемея I, и лишь окончание этого строительства – на первые годы царствования Птолемея II (помимо вышеуказанной работы П. Фрэзера см. *Thiersch H. Pharos. Antike, Islam und Occident. Ein Beitrag zur Architekturgeschichte. Lpz – B., 1909. S. 32; Breccia E. Alexandria ad Aegyptum. Bergamo, 1922. P. 107; Wilamowitz-Moellendorf U. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. B., 1924. Bd I. S. 154; Clayton, Price. Op. cit. P. 143*). Тот факт, что строительство грандиозного маяка скорее всего продолжалось несколько десятилетий, возможно, объясняет различные датировки этого сооружения у Суды (с. v. Фарос – 297 г. до н. э.) и Евсевия (*Chron. ad Olymp. 124.1 – 283/2 г. до н. э.*).

³¹ *Perdrizet. Op. cit. P. 261; Bouché-Leclercq A. Histoire des Lagides. P., 1903. I. P. 120. Not. 1; P. 122. Not. 1; Thiersch. Op. cit. S. 31 ff.; Heichelheim. Op. cit. Kol. 1221 ff.* – последний автор, ссылаясь на коптскую традицию (Иоанн Никиусский), сообщающую о том, что отец Сострата, Дексифан, был одним из александрийских зодчих (ему приписывают строительство Гептастадия – дамбы, соединившей Фарос с городом, – см. *Thiersch. Op. cit. S. 39*), полагает, что Сострат происходил из потомственной семьи книдских архитекторов.

³² *Fraser. Ptolemaic Alexandria. I. P. 18 ff.; II. P. 44 ff.*

³³ *Ibid. II. P. 50 f. Not. 111.*

³⁴ *Luc. Hipp. 2: τῶν μηχανικῶν ἐκείλους δέξινος θαυμάζειν, ὅποσοι ἐν τῇ θεωρίᾳ λαμπροὶ γενόμενοι καὶ μὴ μόνον ὁμῶς τῆς τέχνης καὶ πράγματα τοῖς μετ' αὐτοὺς κατέλιπον.*

³⁵ *Fraser. Ptolemaic Alexandria. II. P. 51.*

аргумент, ставящий под вопрос роль Сострата-инженера, нельзя принимать всерьез (я не говорю уже о сомнительной, на мой взгляд, датировке П. Фрезером этого эпизода³⁶) при рассмотрении интересующей нас проблемы. О какой «мирной инженерной деятельности» может идти речь применительно к эпохе, когда греческий инженерный гений служил по преимуществу войне?

Бесспорно, Восточный поход Александра способствовал росту престижа профессии военного инженера в эллинистическом мире. С того самого момента, когда молодой царь, возомнив себя «новым Ахиллом», метнул с корабля копье в землю Трояды, «приставленный к машине человек» (ὄς ἐπί μηχανῆ τεταμένως), этот «новый Эпей», стал заметной фигурой в греко-македонском войске – достаточно обратиться к описанию похода таким профессиональным знатоком военного дела, как Арриан³⁷. Античная традиция сохранила несколько имен военных инженеров и тесно связанных с ними строителей³⁸, участвовавших в походе Александра, это – конструкторы Диад и Харий, ученики фессалийца Полиида, главного военного мастера при дворе Филиппа П³⁹, саперы Кратес и Горгос⁴⁰, архитекторы Аристокл и Динократ⁴¹. В их (а также их анонимных собратьев по ремеслу) ведении находились метательные машины и всевозможные осадные приспособления (их сборка, транспортировка, установка и эксплуатация)⁴², они отвечали за проведение земляных работ при подготовке к штурму крепостей (сооружение валов, насыпей и плотин, рытье рвов и подкопов и т.д.)⁴³, осуществляли техническое обеспечение переправ через реки (наведение мостов, сооружение плотов, сборка и разборка судов, установка метательных машин на плотках и на берегу и т.д.)⁴⁴, руководили строительством лагерей, крепостей и городов, вошедших в историю под именем «Александрий». Будущие диадохи и цари, «маршалы» Александра могли на практике оценить значение военной ἐμπειρία, неудивительно, что и в дальнейшем, в обстановке «войны всех против всех», эллинистические правители не теряли интереса к военному искусству и военной технике, о чем свидетельствуют как их личные достижения в этой области (Эвмен, Деметрий Полиоркет, Пирр), так и деятельность при их дворах (прежде всего при птолемеевском) выдающихся механиков, инженеров и конструкторов (Дионисий Александрийский, Дамис из Мегалополя, Исидор из Абидоса, Ктесибий, Филон Византийский, Архимед и др.), благоприятствовавшая общему подъему военно-инженерного дела в начале эллинистической эпохи⁴⁵. В эту череду мастеров, обслуживавших военные нужды диадохов, вполне вписывается

³⁶ См. Литвиненко. Ук. соч. С. 153. Прим. 8, 9.

³⁷ Например: *Arr. Anab.* I. 23. 6; II. 19. 6; 21. 1; 26. 2 и др.

³⁸ На эту связь указывает встречающаяся у античных авторов подмена понятий μηχανικός, τέχνης (инженер, мастер) и ἀρχιτέκτων (зодчий, строитель): так, Диодор (XIV. 48. 3) называет военных инженеров Дионисия Сиракузского «архитекторами» (ср. *Vitruv.* X. 16. 3, 4, 10), у Псевдо-Каллисфена (I. 31) руководивший закладкой Александрии Клеомен из Навкратиса назван μηχανικός, а у Юлия Валерия (I. 25) – architectus.

³⁹ *Berve.* Op. cit. II. № 267. 821; *Marsden E.W.* Greek and Roman Artillery. I–II. Oxf., 1969–1971. I. P. 58.

⁴⁰ *Berve.* Op. cit. II. № 237; *Garlan Y.* Recherches de poliorcétique grecque. P., 1974. P. 209 (автор называет Кратеса «инженером-гидравликом», однако у Диогена Лаэртского (IV. 23) он известен как ταφρώροχος – «руководитель окопных работ»; ср. [*Callisth.*] I. 31, где сообщается, что Кратес участвовал в строительстве Александрии).

⁴¹ *Berve.* Op. cit. II. № 249; *Garlan.* Op. cit. 209; Плиний Старший. Естественное знание. Об искусстве. С. 848.

⁴² *Berve.* Op. cit. I. S. 155 ff. Чтобы оценить разнообразие осадных машин и приспособлений в армии Александра, следует обратиться, помимо «Анабасиса» Арриана, к XVII книге Диодора (9. 6; 22. 3, 5; 24. 1, 4; 42. 7; 43. 4, 7; 45. 2; 46. 1–3; 98. 4).

⁴³ *Arr. Anab.* I. 20. 8–9; II. 18 sqq.; 26. 1–4; IV. 2. 2; 21. 4; V. 24. 4; VI. 7. 4–6; *Curt.* IV. 6. 21–23; VII. 6. 23; IX. 8. 13–14 и др.

⁴⁴ *Arr. Anab.* I. 6. 8; III. 7. 1–2; 18. 10; 29. 2–4; IV. 4. 4; V. 3. 5; 7; 8. 1, 4–5; 11–13; 20. 8–10; VI. 1. 1; 14. 4; 15. 1; *Curt.* III. 7. 5; IV. 9. 12; VII. 9. 2–9; VIII. 10. 3, 30–31 и др.

⁴⁵ См. *Marsden.* Op. cit. I. P. 58 ff.; II. P. 6 ff.; *Garlan.* Op. cit. P. 207–211; *Hornblower J.* Hieronymus of Cardia. Oxf., 1981. P. 189, 197 ff.; *Рожанский И.Д.* История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М., 1988. С. 289 слл.

Сострат Книдский, местом инженерных «экспериментов» которого стал Египет времен Птолемея Лага. Но прежде чем перейти к рассмотрению самого раннего из приписываемых Сострату деяний – его «стратегемы» по захвату Мемфиса, я попытаюсь обрисовать тот общий исторический и географический фон, на котором могло произойти интересующее нас событие.

Восточный поход Александра Македонского изменил не только географические представления древних греков об ойкумене⁴⁶, но и само их отношение к открывшемуся им новому миру: от рассказов о нем отдельных путешественников – к его массовой колонизации. В истоках этой перемены лежал сугубо военный, силовой фактор: покоря на своем пути города, народы и царства, греко-македонские воины преодолевали естественные преграды, захватывали и по возможности осваивали (или, напротив, разоряли) новые территории – словом, *покоряли* пространство. В описании похода Александра это «военное давление» на окружающую среду присутствует на каждом шагу: переправы через реки⁴⁷, переходы через горы, болота и пустыни⁴⁸, противоборство с морской стихией⁴⁹, штурм неприступных скал⁵⁰, разрушение городов и селений⁵¹, истребление людей⁵², уничтожение лесов и животных⁵³ и т.д. Именно тогда, во время восточной кампании, закладывались основы военно-колониальной психологии греков эллинистической эпохи. Первыми носителями и проводниками этой психологии были сам Александр и его военачальники, а также их ближайшее окружение. Думаю, что не последнюю роль в распространении новых идей о «варварском» мире и подходов к нему (у их истоков стояли греческие мыслители и идеологи IV в. до н.э.) играли интеллектуалы, имевшие опыт похода на «край света»: философы, историки, географы, первопроходцы-естествоиспытатели (ученик Аристотеля, Александр сам проявлял подобные наклонности, то же касается и его сподвижников⁵⁴), военные инженеры,

⁴⁶ По мнению Дж. Хорнблауэр (Hieronymus of Cardia. P. 86 f.), разделение мира на культурно-географические зоны «Запад» и «Восток» взамен старой ионийской схемы (эллинский центр и четыре варварских стороны света) или более поздней трехчастной (Европа – Азия – Ливия) карты мира впервые вводится в оборот как результат «конфронтационного» военного мышления участниками похода Александра и их современниками, например Иеронимом из Кардии.

⁴⁷ О трудностях переправы войска Александра через реки, а также речной навигации: *Arr. Anab.* III. 7. 5; IV. 5. 7–8; 23. 2; 25. 7; V. 4. 3; VI. 5. 1–4; 8. 8; 12. 2; *Curt.* IV. 9. 15–22; V. 3. 3; VII. 5. 17–18; 10. 15; VIII. 13. 6 sqq.; IX. 2. 1, 8; 4. 9–14; 9. 9 sqq.; *Diod.* XVII. 19. 3; 55. 3; 97; *Plut. Alex.* 16; 60 и др. (см также выше прим. 44).

⁴⁸ *Arr. Anab.* I. 27. 5–8; III. 3. 3–5; 17. 1–5; 18. 2–9; 23. 2 sqq.; 28. 4; VI. 6. 1, 3; 22. 3; 23. 1–3; 24–26; VII. 15. 3; *Curt.* III. 7. 6–7; IV. 7. 5–15; V. 3. 7–8, 16 sqq.; 4. 17 sqq.; 6. 12–15; VI. 4. 20; VII. 3. 6 sqq.; 4. 27–30; 5. 1 sqq.; VIII. 4. 3 sqq.; 11. 5 sqq.; IX. 1. 9 sqq.; 10. 8 sqq.; *Diod.* XVII. 67. 4–5; 68; 82; 104. 5; 105. 6–8; *Just.* XI. 8. 2; XII. 10. 7; *Plut. Alex.* 37; 42; 66.

⁴⁹ *Arr. Anab.* II. 18. 3 sqq.; *Curt.* IV. 2–4; *Diod.* XVII. 41–46.

⁵⁰ *Arr. Anab.* III. 30. 10–11; IV. 18. 5 sqq.; 21. 1 sqq.; 28 sqq.; *Curt.* VII. 11; *Diod.* XVII. 85; *Just.* XII. 7. 12–13; *Plut. Alex.* 58 и др.

⁵¹ *Arr. Anab.* IV. 2. 6; 23. 5; V. 24. 8; VI. 17. 1; *Curt.* IV. 4. 13; V. 6. 1 sqq.; 7. 3–10; VII. 5. 32–33; 6. 21, 23; VIII. 10. 6; IX. 4. 6–7. *Diod.* XVII. 40. 5; 70–72; 91. 4; 102. 5–6 и др.

⁵² *Arr. Anab.* I. 16. 2; 22. 3, 7; 28. 7; II. 11. 8; 24. 2–4; 27. 7; III. 14. 6; 17. 3, 5; 18. 9; 30. 11; IV. 2. 4, 6; 3. 4, 5; 4. 8; 6. 5; 22. 2; 23. 5; 24. 2; 30. 4; V. 17. 7; 18. 2; 24. 5; VI. 6. 3 sqq.; 7. 1 sqq.; 8. 3, 8; 11. 1 и др.

⁵³ *Arr. Anab.* IV. 21. 3; 30. 9; VII. 16. 1; 19. 4; *Curt.* IV. 2. 16, 18; 3. 9; V. 3. 7; VI. 5. 13–21; 6. 28–31; VII. 5. 34; VIII. 1. 11–19; 2. 23–24; 4. 11–12; 10. 8, 30; 11. 8; IX. 1. 4; *Diod.* XVII. 89. 4; *Strabo.* XVI. 1. 11 и др.

⁵⁴ Так, Александр и участвовавшие в его походе философ Каллисфен, флотоводец Непарх и географ Аристокл интересовались проблемой истоков Нила и причинами его ежегодных разливов: *Arr. Anab.* VI. 1. 2–5; *Strabo.* XV. 1. 19, 25; XVII. 1. 5; ср. *Curt.* IV. 7. 5 (во время египетского похода Александр сплавал из Мемфиса в Верхний Египет); 8. 3–4 (вернувшись из экспедиции к оракулу Аммона, Александр собирался посетить Эфиопию); *Lucan. Phars.* X. 272–275 (о неудачной экспедиции, посланной Александром в Эфиопию); см. также *Bonneau D. Liber Aristotelis de inundatione Nili.* Le Caire, 1964 (Extrait des Études de Papyrologie. T. IX). P. 21–23, 31, где приводятся сообщение Максима Тирского (XLI) о том, что Александр расспрашивал жрецов оракула Аммона об истоках Нила, а также комментарий к книге Аристотеля патриарха Фотия о посылке Александром экспедиции в горы Эфиопии для выяснения причин разливов Нила; *eadem.* La sue du Nil. P., 1964. P. 80; *Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander.* I. Oxf., 1980.

прокладывавшие путь в неведомые края. Эти люди в буквальном смысле слова выступали в роли «пионеров» того Востока, который историки нового времени назовут эллинистическим. Однако собственно колониционный этап истории эллинистического Востока (по крайней мере, отдельных его регионов) начнется чуть позже – после Трипарадического мира в 320 г. до н.э. (если не битвы при Ипсе в 301 г. до н.э.), когда закончится этап начатых Александром завоеваний. Поход македонского царя, так и не успевшего покорить всю ойкумену⁵⁵, будет фактически продолжен его преемниками, правда в пределах уже завоеванного, но еще не до конца *покоренного* греками и македонянами пространства. Две египетские кампании – Птолея Лага и Пердикки – в течение первых трех лет после смерти Александра служат тому подтверждением.

Птолемей, вероятно, заранее подготовился к своему приходу в Египет. В пользу данного предположения косвенно свидетельствует тот факт, что с момента кончины Александра и до появления Птолея в долине Нила прошло, если верить ссылке И. Дройзена, основанной на приводимом у Евсевия сообщении Порфирия, о приходе в Египет Птолея не ранее ноября 323 г. до н.э.⁵⁶, как минимум четыре месяца. Если указанная дата верна, нельзя не отметить правильность решения нового сатрапа ступить на египетскую землю в тот момент, когда вода в Ниле уже шла на спад. Исход военной кампании здесь во многом зависел от сроков ее проведения, а их в свою очередь диктовала река.

Нил играл важную роль в военной истории Египта⁵⁷. Наряду с окружающими речную долину пустынями на западе и востоке, порогами и скалистыми горами на юге, морем с лишенным удобных гаваней берегом на севере, сама река, согласно античной традиции, служила Египту «вечной крепостью... неприступной и неодолимой для злоумышленников»⁵⁸. Данное риторическое сравнение Исократу нуждается в уточнении: Нил делал Египет особенно труднодоступным в период своего ежегодного разлива с июля по октябрь, когда долина реки, как пишет Страбон (XVII. 1. 4), превращалась в одно огромное озеро, над которым возвышались лишь острова поселений⁵⁹. Во время разлива Нила (образ, ставший хрестоматийным не только в литературе, но и в искусстве античности – вспомним знаменитую Палестринскую мозаику) военные действия в его долине (по крайней мере как они изображены в античной традиции⁶⁰) напоминали

Р. 263, где указана литература по данной теме. Кроме того, Александр пытался выяснить вопрос о природе Каспийского моря и с этой целью снарядил экспедицию Гераклида (*Arr. Anab.* VII. 16. 1–4; *Plut. Alex.* 44), интересовался (как и Птолемей Лаг) свойствами природной нефти: *Arr. Anab.* IV. 15. 8; *Plut. Alex.* 35. Наконец, Александр поручил Неарху и Онесикриту исследовать побережье Аравийского моря: *Arr. Anab.* V. 5. 1; VII. 20. 9–10; *Ind.* XIX. 9 sqq.; *Curt.* IX. 10. 3; X. 1. 10–16; а готовясь к аравийскому походу, снарядил разведывательные экспедиции Архия, Андросфена и Гиерона вдоль побережья Аравии: *Arr. Anab.* VII. 19. 3–20. 8; ср. *Strabo.* XVI. 1. 11.

⁵⁵ О планах Александра совершить поход на Запад: *Arr. Anab.* V. 26. 2 (собирался покорить всю Ливию до Геракловых Столбов); VII. 1. 2–4; *Plut. Alex.* 68; *Diod.* XVIII. 4. 4 и *Curt.* IV. 4. 18 (хотел отправить экспедицию против Карфагена, которому объявил войну сразу после взятия Тира в 332 г. до н.э.). Эта более поздняя традиция, однако, противоречит утверждению Полибия (I. 2. 5–7) о том, что «македоняне... не помышляли никогда о покорении Сицилии, Сардинии и Ливии» (цит. по изд.: Полибий. Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. Т. 1–3. СПб., 1994–1995).

⁵⁶ Дройзен. Ук. соч. С. 326. Прим. 19.

⁵⁷ В историографии эта тема остается практически неисследованной: за исключением небольшого раздела в замечательной книге Д. Бонно (*La cune du Nil.* P. 74–80), мне не известно ни одной специальной работы о военном-стратегической роли Нила в древности.

⁵⁸ *Isocr.* *Busir.* 12–13: ἀνάπτυξ δὲ τελεῖται τῷ Νεῖλῳ τετελιχσμένην, ὅς... ἀνάλωτος μὲν ὦν καὶ βύσμαχος τοῖς ἐπιβουλεύουσιν; ср. *Diod.* I. 31. 6: Ἡ μὲν οὖν Αἴγυπτος παρταχθεὶν φυσικῶς ὠχύρωται; *Auson.* *Ord. urb.* пом. 4–5: «Эта (Александрия. – ЮЛ.) гордится, что Нил ей оплот, и в прикрытой долине расположила она свои плодородные нивы» (цит. по: Поздняя латинская поэзия / Пер. с лат. М. Гаспарова. М., 1982).

⁵⁹ Ср. *Herod.* II. 97; *Diod.* I. 36. 7–12; *Achill. Tat.* IV. 11–12 и др.

⁶⁰ См., например, описание Плинием Старшим (*NH.* XXXV. 40. 17) картины художника III в. до н.э. Неалка, изобразившего сражение персов и египтян на Ниле, которое скорее всего происходило во время

навмахии, и не всякий противник мог одолеть эту водную стихию⁶¹. Впрочем, в случае если пешее войско подкреплялось речной флотилией и было оснащено всем необходимым для ведения «сухопутных битв на воде» (*Achill. Tat.* IV. 14), разлив Нила мог быть даже на руку противнику⁶². Но в любом случае проведение военных операций в заболоченной речной долине, даже само продвижение армии по стране, пространство которой порой представляло причудливую картину единства суши и воды⁶³, требовало (не это ли требование порождало мнение античных авторов об особой труднодоступности Египта?) знания местных природных условий, режима реки, локальной топографии, маршрута войска. Не удивительно, что, приходя в Египет, завоеватели, как правило, расспрашивали его жрецов о географии страны и природе Нила.

Источники умалчивают о маршруте похода Птолемея на Мемфис. Однако можно попытаться восстановить этот маршрут (см. карту), опираясь на имеющиеся сведения об итинерариях других завоевателей, приходивших в Египет из Азии, тем более что все они стремились достичь Мемфиса примерно одним путем⁶⁴. Этот путь, существовавший, по-видимому, с древнейших времен⁶⁵, лежал через Восточную Дельту и начинался в Пелусии (совр. Телль-Фарама) – «восточных воротах» Египта⁶⁶. Этот стратегический пункт, расположенный в устье восточного рукава Нила, еще с эпохи фа-

разлива реки (ср. комм. Г.А. Тароняна к этому отрывку: Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. С. 596 сл.), а также *Diod.* XVI. 47. 6; *Virg. Georg.* III. 28–29; *Achill. Tat.* IV. 12, 14; *Heliod.* Aeth. IX. 3 sqq.

⁶¹ Как это случилось с полководцем Артаксеркса II Фарнабазом, который летом 373 г. до н.э. одержал победу в Дельте над Нектанебом I, но не смог продолжить наступление из-за начавшегося разлива (*Diod.* XV. 43); с Пердиккой во время его похода на Египет весной-летом 321 г. до н.э. (о чем подробнее см. ниже); с Антигоном Одноглазым и Деметрием Полиоркетом, когда они попытались высадиться в пелусийском устье Нила осенью 306 г. до н.э. (*Diod.* XX. 75–76); возможно, с Антиохом Великим, который, узнав, что Птолемей Филадельф в целях обороны «открывает каналы», отказался от похода на Египет в 219 г. до н.э. (*Polyb.* V. 62. 4–6).

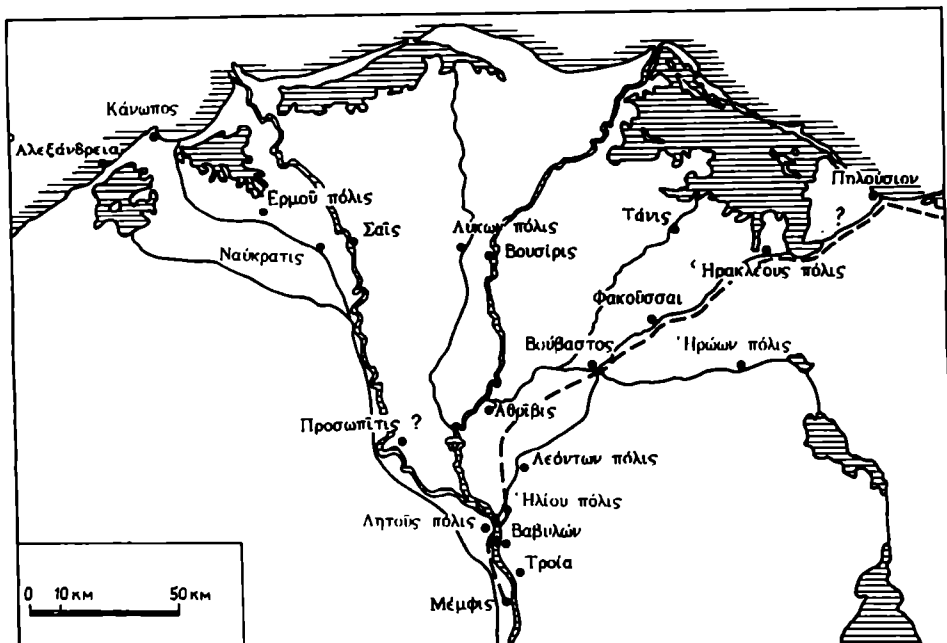
⁶² Так, нубийский царь Пианхи с помощью кораблей захватил Мемфис со стороны речной гавани во время паводка летом 730 г. до н.э., когда вода в Ниле поднялась до уровня крепостной стены (*ARE.* IV. 861, 863, 864); «эфиопский» царь Гидасп успешно использовал свою речную флотилию во время осады Сиены (*Heliod.* Aeth. IX. 5); см. также *Bonneau. La crue du Nil.* P. 75 ss.

⁶³ Эту особенность египетского пейзажа подметил александрийский автор II–III вв. Ахилл Татий (IV. 12): «Многоводный Нил является для них всем: и рекой, и землей, и морем, и болотом, и бывает невиданное зрелище – там можно видеть вместе корабль и мотыгу, весло и соху, руль и серп, пристанище моряков и земледельцев, рыб и быков. По чему ты плыл, то теперь засеваешь; а что засеваешь – это оказывается море возделываемое» (цит. по: Ахилл Татий Александрийский. Левкиппа и Клитофонт. М., 1925).

⁶⁴ В нашем распоряжении имеются данные античных авторов о походах на Египет Камбиса в 525 г. до н.э. (*Herod.* III. 10–13) и Артаксеркса III Оха в 350–349 или 343–342 гг. до н.э. (*Diod.* XVI. 46 sqq.), военачальника Аминты (*Arr. Anab.* II. 13. 2–3; *Curt.* IV. 1. 29–33), Александра Македонского (осенью?) 332 г. до н.э. (*Arr. Anab.* III. 1–3; *Curt.* IV. 7. 2 sqq.), Пердикки в 321 г. до н.э. (*Diod.* XVIII. 33–37). Важное значение имеют папирусные сведения, в частности, информация PSI. V. 543 о проходившем через Дельту караванном пути из Пелусии в Каноп. Для реконструкции стратегического пути на Мемфис также использованы данные географического и топографического словаря А. Кальдерини (*Calderini. Diz.*) и материалы карт, опубликованных в работах: *Gauthier H. Les nomes d'Égypte depuis Hérodote jusqu'à la conquête arabe.* Le Caire, 1935. Pl. V; P. L. Vat. XXI. Map. III (эта карта лежит в основе публикуемой здесь карты); *Orrioux C. Zénon de Caunos, parépidémos, et le destin grec.* P., 1985. P. 314. Fig. 11; *Thompson. Op. cit.* P. 2. Fig. 1; *Strabon. Le Voyage en Egypte. Un regard romain / Ed. J. Yoyotte, P. Charvet.* P., 1997. P. 281–282. Carte III B; IV, 1.

⁶⁵ Косвенным подтверждением этого предположения служит сообщение Диодора (I. 57. 1–5; см. *Burton A. Diodorus Siculus. Book I. A Commentary.* Leiden, 1972. P. 176) о легендарном фараоне Сесострисе, который предпринял ряд мер по укреплению обороноспособности Египта, включая возведение оборонительного вала, тянувшегося через Аравийскую пустыню от Пелусии до Гелиополя и, возможно, прикрывавшего дорогу на Мемфис (ср. *Diod.* XVI. 47. 7, где говорится о хорошей укреплённости прибрежной зоны пелусийского рукава Нила во время похода на Египет Артаксеркса Оха). Не исключено, что именно по этому пути «народы моря» доходили до Гелиополя и Мемфиса, см. *ARE.* III. 608, 610, 612, 613.

⁶⁶ Ср. *Herod.* II. 141. О Пелусии см. *Kees H. // RE.* 1937. Hlbd 37. Kol. 407–415; *Calderini. Diz.* s.v. Πηλούσιον. № 1; из последних работ назову комментированное издание Ж. Йойоттом и П. Шарве XVII книги Страбона: *Strabon. Le Voyage en Egypte...* P. 116, 120. Not. 240–244, 261–262.

Предполагаемый маршрут египетского похода сатрапа Птолемея в 323 г. до н.э.

раонов связывал Египет с Азией – через него проходили торговые трассы (сухопутная и морская)⁶⁷ в Восточное Средиземноморье. Ключевое положение Пелусия, откуда открывался проход в Дельту и к Мемфису, делало его мишенью многих захватчиков по меньшей мере со времен Позднего царства⁶⁸. Отсюда же египетские войска (особенно при Птолемеях) выступали в азиатские походы. Пелусийское устье и контролировавший его форт были хорошо укреплены⁶⁹, с восточной стороны крепость защищал канал (?), переправа через который представляла сложность для неприятельского войска⁷⁰, кроме того Пелусий окружали озера и болота, а к восто-

⁶⁷ Так, пелусийские «заведения для вяления и засола рыбы» и корабельные верфи упоминает Геродот (II. 15, 154). В середине III в. до н.э., когда уже функционировал александрийский порт, Пелусий оставался важным торговым и таможенным пунктом, см. папирусы Зенона: P. Cairo Zen. I. 59012; 59081; P. Col. Zen. II. 112. 2. Not.; PSI. V. 543 и др.

⁶⁸ Herod. II. 30 («стража» Псамметиха I против «арабов и сирийцев»); III. 10–11 (Камбис); Diod. XVI. 46. sqq. (Артахсеркс III); Curt. IV. 1. 29–30 (Аминта); Arr. Anab. III. 1. 1–3 и Curt. IV. 7. 2–3 (Александр Македонский); Diod. XVIII. 33. 1–3 (Пердикка); XX. 74 sqq. (Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет); Polyb. V. 62. 4–5 (Антиох III); XXVIII. 18 и XXIX. 27. 1 (Антиох IV).

⁶⁹ Вряд ли система оборонительных укреплений Пелусия была создана в IV в. до н.э., как полагает Э. Босворт (A Historical Commentary... P. 261), опираясь, по-видимому, лишь на описание Диодором (XVI. 46. 5 sqq.) египетской кампании Артаксеркса III Оха. Во всяком случае, у Геродота (II. 141, 154) упоминаются «станы» (στράτοπέδα) в районе Пелусийского устья, где Псамметих I поселил первых ионийских и карийских наемников, которые при Амасисе были переселены в Мемфис (еще один аргумент в пользу существования оборонительной линии: Пелусий – Мемфис). В римскую эпоху пелусийская крепость была окружена стеной, о чем свидетельствует Страбон (XVII. 1. 21); см. также Curt. IV. 7. 2, где упоминается современный Курцию Руфу «стан Александра», расположенный, вероятно, на подступах к городу. Последние археологические раскопки выявили на месте древнего Пелусия следы греко-римских укреплений: Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 116. Not. 240.

⁷⁰ См. Diod. XVI. 46 sqq.; XVIII. 33 sqq.; XX. 75 sqq., хотя из сообщений Диодора не ясно, идет ли речь о канале или о рукаве Нила. Имеющиеся в распоряжении карты также не проясняют данного вопроса, поскольку не только не обозначают упоминаемый в источниках канал (см., например: Sirabo. XVII. 1. 4, где говорится о канале близ Пелусия, наполняющем «два Болотных озера» к югу от города), но и существенно

ку от него простирались топи, затруднявшие проход в Египет армий завоевателей⁷¹.

Важнейшим после Пелусия пунктом на стратегическом пути в Мемфис был Бубастис⁷², куда можно было добраться как минимум двумя способами: либо «снаружи» Дельты, вдоль правого берега пелусийского рукава, либо «изнутри» Дельты, между ее пелусийским и таниссским рукавами. Последний маршрут на отрезке: Пелусий – Гераклеополь Парва⁷³ – Факусса (совр. Факус) – Бубастис, вероятно, совпадал с караванным путем через Дельту, описание которого содержится в одном из папирусов Зенона (PSI. V. 543)⁷⁴, и скорее всего пользовался большей популярностью⁷⁵ по сравнению с проходившим по преимуществу через пустыню первым маршрутом⁷⁶. Однако во время паводка, когда «внутренний» маршрут делался труднопроходимым⁷⁷, предпочтение отдавалось походу через пустыню, как, вероятно, это случилось с Александром Македонским, чье прибытие в Египет (осенью?) 332 г. до н.э., по-видимому, совпало с разливом Нила в Дельте⁷⁸. Дополнительную сложность для продвижения армии по восточной окраине Дельты, вдоль левого берега пелусийского рукава, представляли: болота, высокая плотность населения в регионе, разветвленная сеть каналов и плотин, хорошая укрепленность береговой линии⁷⁹.

Следующим после Бубастиса ключевым пунктом на пути в Мемфис был Гелиополь⁸⁰ – дорога на него шла между пелусийским рукавом и каналом, тянувшимся от

разнятся между собой как в отношении расположения пелусийского рукава, так и локализации самого Пелусия, что, вероятно, обусловлено значительными – из-за регулярных разливов и речных наносов – изменениями речного русла и морской береговой линии.

⁷¹ *Diod.* I. 30. 4–9 (описание топей Баратр, в которых, по словам Диодора, «исчезали целые армии»); XVI. 46. 5 sqq. (гибель в болоте части войска Артаксеркса Оха); XX. 73. 3 (переход через Баратры армии Антигона Одноглазого); *Strabo.* XVII. 1. 21. Отметим также, что греческое название города Πηλοῖσιον, по всей видимости, происходит от πηλός – «грязь, топь, трясина».

⁷² Совр. Телль-Баста, в древности метрополия одноименного нома (*Strabo.* XVII. 1. 27), см. *Calderini.* Diz. s.v. Βούβαστος. № 1. Указания на возможное стратегическое значение Бубастиса как одной из крепостей на восточной оборонительной линии приводятся у Геродота (II. 137, 166), сообщающего о высоком местоположении этого города и о проживающих в его окрестностях войнах-каласириях, а также у Диодора (XVI. 49 sqq.), который упоминает о захвате Пелусия и Бубастиса войсками Артаксеркса Оха.

⁷³ Совр. Телль-Белим, древнеегипетский Сетроиc, метрополия соседнего с Пелусием Сетроиcского нома, см. *Calderini.* Diz. s.v. Ἡρακλέους πόλις. № 2, 3 (?).

⁷⁴ См. *Orrioux.* Op. cit. P. 105 f. В Бубастисе караванный путь через Дельту поворачивал на северо-запад, к Накратису и Канопу, а военная дорога продолжалась в юго-западном направлении, в сторону Мемфиса.

⁷⁵ Ср. *Kees.* Op. cit. Kol. 411; *Дройзен.* Ук. соч. С. 58.

⁷⁶ Нельзя, однако, исключать возможности того, что с изменением русла пелусийского рукава «внутренний» маршрут на некоторых участках пути становился «внешним» по отношению к Дельте (см., например, карту: *Gauthier.* Op. cit. Pl. V, на которой Пелусий, Сетроиc и Факусса локализованы, в отличие от других карт, на правом берегу пелусийского рукава).

⁷⁷ В одном из папирусов Зенона (P. Mich. Zen. 103. 3–8) приводится картина такого разлива в Западной Дельте, недалеко от Гермуполя Парва, лежащего на вышеупомянутом караванном пути в Каноп. В письме Зенону автор сообщает: «Мы стоим с верблюдами в [деревне] Нехтенибис и не можем спуститься к Гермуполю, так как открыто множество шлюзов, и повсюду разлита вода».

⁷⁸ Согласно Арриану (Anab. III. 1. 3), Александр шел из Пелусия до Гелиополя через пустыню, имея по правую руку Нил.

⁷⁹ См. *Strabo.* XVII. 1. 21; *Front.* II. 5. 6; *Diod.* XVI. 47. 7; 48. 3–4; XVIII. 33. 1 sqq. – в последнем случае следует отметить, что по пути в Мемфис Пердикка дважды пытался переправиться на левый берег пелусийского рукава: вначале, возможно, под Пелусием, хотя данное предположение спорно (см. ниже), а затем напротив некой Верблюжьей крепости, которую, если основываться на информации Диодора об одном вечернем и ночном переходе войска Пердикки, я бы локализовал на караванном пути между Гераклеополем Парва и Факуссой. Несмотря на то что во время этой второй попытки переправы разлив в пелусийском рукаве еще не начался, она оказалась безуспешной для Пердикки, который так и не смог преодолеть сопротивление птолемеевского гарнизона, находившегося в расположенной на противоположном берегу крепости.

⁸⁰ Гелиополь – совр. Араб эль-Хиши и пригороды Каира Аин-Шамс и Матария – крупный религиозный

верхушки Дельты и соединявшим Нил с Красным морем⁸¹. Через этот город жрецов бога Ра и обелисков, который занимал стратегическое положение, находясь у самого начала Дельты⁸² (данный район, по-видимому, был с давних времен основательно укреплен⁸³), прошли войска Камбиса (ср. Strabo. XVII. 1. 27) и Александра Македонского, переправившегося здесь через Нил (Агг. Анаб. III. 1. 3–4) и, следовательно, вошедшего в Мемфис⁸⁴ с севера, со стороны Летопольского нома⁸⁵. Армия противника могла подойти к Мемфису и с востока, пройдя от Гелиополя выше по течению по правому берегу Нила (как это сделал Пердикка – Diod. XVIII. 34. 6 sqq.), и, переправившись на другой берег, штурмовать мемфисские укрепления, в IV в. до н.э. выходявшие прямо к реке⁸⁶. В последнем случае большую роль должен был играть флот нападавших, без которого захват египетской столицы становился проблематичным⁸⁷.

центр древнего Египта, метрополия одноименного нома (Strabo. XVII. 1. 27), см. Calderini. Diz. s.v. 'Ηλιου (πόλις). № 2. На пути между Бубастисом и Гелиополем находились Атрибис (Calderini. Diz. s.v. 'Ατρίβις. № 1), метрополия одноименного нома (локализация этого города на пути из Пелусия в Мемфис спорна: см. P. L. Bat. XXI. Map. III; Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 281. Carte III B), и Леонополь (Calderini. Diz. s.v. Λεόντων πόλις. № 1; P. L. Bat. XXI. Map. III).

⁸¹ От Бубастиса (ср. Herod. II. 158) канал (совр. Исмаилия?) поворачивал на восток и по руслу Вади-Тумилат тянулся через Аравийскую пустыню в сторону Горьких озер и Аравийского (совр. Суэцкий) залива Красного моря, см. Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 120–122. Not. 263–269; P. 281. Carte III B.

⁸² Наиболее подробное описание топографии Гелиополя и его окрестностей дает Страбон (XVII. 1. 27, 29–30). Замечу, что в этом районе, чуть выше по течению Нила, находилась священная крипта, «Дом разлива», где, по представлениям египтян, зарождался разлив Дельты и откуда брал свое начало древний канал (возможно, именно о нем идет речь в хрониках Позднего царства, см. ARE. IV. 266, 278, 394), владавший в Красное море, см. выше прим. 81, а также: Gauthier. Op. cit. Pl. V; Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 124. Not. 279; P. 132. Not. 311, 313.

⁸³ По сообщению Страбона (XVII. 1. 27, 30), Гелиополь лежал на высоком холме (ср. ARE. IV. 870, где упоминается «песчаный холм» Гелиополя), а на противоположном берегу, в Летопольском номе, близ селения Керкесура, находилось «нечто вроде сторожевой башни», послужившей Евдоксу Книдскому «обсерваторией» для его астрономических наблюдений. На правом берегу Нила, чуть выше по течению, было расположено «сильное укрепление» Вавилон (совр. Фустат, старая часть Каира), основанное арамейскими колонистами во времена персидского владычества и просуществовавшее в качестве военной крепости вплоть до арабского завоевания, а южнее Вавилона – поселение Троя (совр. Тура), где, вероятно, тоже проживали военные поселенцы; см. Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 132. Not. 311–313; P. 282. Carte IV. 1. Возможно, Пердикке пришлось переправляться через Нил напротив Мемфиса в неблагоприятный момент – когда уровень воды в Ниле стал подниматься скорее всего из-за начавшегося разлива (Diod. XVIII. 34 sqq.) – по той причине, что македонский военачальник не смог этого сделать раньше, ниже по течению, в оказавшемся неприступным (?) для него районе Гелиополя (ср. с информацией Диодора о том, что к Мемфису армия Пердикки продвигалась ночью в обстановке секретности).

⁸⁴ Мемфис находился на левом берегу Нила в 25–30 км к югу от излучины Дельты (Calderini. Diz. s.v. Μέμφις. № 1; ср. Strabo. XVII. 1. 31).

⁸⁵ См. Calderini. Diz. s.v. Αητοπολήτης. № 1; Thompson. Op. cit. P. 2. Fig. 1; Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 282. Carte. IV. 1.

⁸⁶ По данным топографических и гидрологических исследований, в I тыс. до н.э. Мемфис находился на самом берегу реки. В течение последних двух тысячелетий русло Нила в этом районе значительно отклонилось к востоку, и сегодня развалины древнего города лежат примерно в 3 км западнее Нила, см. Thompson. Op. cit. P. 11–15. Fig. 2, 3.

⁸⁷ См. выше прим. 62: захват Мемфиса нубийским царем Пианхи; Thuc. I. 104: во время восстания ливийца Инара против Артаксеркса I в 460–459 гг. до н.э. часть Мемфиса была захвачена скорее всего со стороны реки афинским флотом, приплывшим на помощь Инару; Arr. Анаб. III. 1. 1–3: Александр Македонский, прибыв с войском и флотом в Пелусий, отправил корабли вверх по реке к Мемфису, а сам с войском пошел к Гелиополю (ср. Curt. IV. 7. 3–5: Александр, приказав армии войти в Пелусий, сам с отборным отрядом, без сопровождения обоза, поплыл (?) вверх по Нилу к Мемфису, а оттуда – «в глубь Египта»: ...pedestribus copiis Pelusium petere iussis ipse cum expedita delectorum manu Nilo amne vectus est... A Memphi eodem flumine vectus ad interiora Aegypti penetrat); Diod. XVIII. 33: расположившись лагерем под Пелусием, Пердикка попытался расчистить старый канал, однако прорыв плотины помешал ему завершить начатое дело и, как представляется, расстроил его планы ввести в пелусийское устье корабли, которые должны были сопровождать его во время похода на Мемфис. Пердикка был вынужден оставить свой флот

Сатрап Птолемей мог прийти со своим войском до Мемфиса по одному из вышеуказанных маршрутов еще поздней осенью 323 г. до н.э. – расстояние от Пелусия до египетской столицы примерно в 200 км (ср. Strabo. XVII. 1. 24, 31) можно было преодолеть за неделю (хотя нельзя исключать вынужденных остановок на пути). Наиболее предпочтительным выглядит предположение, что в Мемфис Птолемей шел по маршруту Александра – даже если он и не участвовал в египетском походе 332–331 гг. до н.э., наверняка, будущий историк этого похода, он был о нем хорошо проинформирован. В этом случае войско Птолемея должно было подойти к Мемфису с севера по левому берегу Нила и приступить к военной операции по взятию города в конце ноября 323 г. до н.э.

Что собой представляла данная операция, какую роль в ней играл Сострат Книдский и в чем заключался смысл его «стратегемы», о которой вскользь упоминает Лукиан? В исследовательской литературе до сих пор нет ответа на этот вопрос в силу чрезвычайной лаконичности нашего единственного источника. Не надо забывать и о его вторичном характере: не исключено, что информация о захвате Мемфиса, почерпнутая Лукианом у кого-то из его современников или более ранних авторов, дошла до него в искаженном виде либо была вольно переосмыслена им самим. Тем не менее факт перед нами, и как *некий исторический факт* (в пользу его историчности свидетельствует не только контекст отрывка, в котором этот факт приведен⁸⁸, но и общий историко-географический фон, на котором могло произойти данное событие), он нуждается в интерпретации. Ниже я предлагаю свою (разумеется, в значительной мере гипотетическую) реконструкцию «мемфисского эпизода», опираясь при этом, наряду с сообщением Лукиана, на другие письменные источники, а также на данные топографии региона, без которых такая реконструкция была бы неполной.

По свидетельству Лукиана, Сострат Книдский, «вернув и разделив реку», помог Птолемею «без осады» завладеть Мемфисом (букв. «взял без осады Мемфис для Птолемея») ⁸⁹. Из этого сообщения следует, что, во-первых, «стратегема» Сострата Книдского, повлиявшая на исход операции, носила военно-инженерный характер, во-вторых, она была связана с Нилом, в-третьих, длительной осаде нападавшие предпочли штурм, который оказался успешным. Если рассматривать военную операцию под Мемфисом во временной последовательности, то в качестве ее основных этапов я бы выделил: переправу через Нил, подход к городу и его штурм. Учитывая, что в роли военного инженера, способного обеспечить успех операции, Сострат Книдский мог выступить на каждом из этих этапов, рассмотрим их по порядку.

Переправа через Нил. Переправа через реку – одна из часто встречающихся тем военной истории античности: достаточно обратиться к историкам похода Александра (см. выше прим. 44, 47) или «Стратегемам» Юлия Фронтинуса⁹⁰. Как показывают источники, переправа через реку была трудным, опасным и технически сложным делом, особенно в боевых условиях, при отсутствии мостов и надежных транспортных средств, а также если речь шла о горной или большой и многоводной реке. Нередко форсирование реки вброд было невозможным, и тогда либо возводились мосты (в некоторых случаях для этой цели использовался речной флот, если таковой имелся под рукой – см. Агг. Anab. V. 7–8), либо сооружались плоты и меха, либо русло реки отводилось в сторону – и войско переходило через обмелевшее старое русло или входило по нему в осажденный город⁹¹. Само собой разумеется, во время подобных

под командованием Аттала в Пелусии (ср. *Diod.* XVIII. 37), что, вероятно, предопределило провал его египетской кампании. Версия И. Дройзена (ук. соч., с. 58), повторенная А.С. Шофманом (Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 73), о том, что Пердикка расчищал канал, чтобы переправиться через пелусийский рукав, кажется менее убедительной.

⁸⁸ Литвищенко. Ук. соч. С. 153 сл.

⁸⁹ *Лис. Нирр.* 2: τὸν Κιθίδιον Σώστρατον, τὸν μὲν Πτολεμαίῳ χειρωσάμενον (καὶ) τὴν Μέμφιν ἄνευ πολιορκίας ἀποστροφῆ καὶ διαίρεσει τοῦ ποταμοῦ.

⁹⁰ Например: I. 4. 8–10; 5. 1–4; II. 13. 5; III. 7. 4–5; IV. 7. 28.

⁹¹ См. *Herod.* I. 75 (переход Креза через Галис); *Herod.* I. 191 и *Xen. Сугор.* VII. 5 (захват Вавилона Киром

переправ возрастала роль технических подразделений войска и на первый план выступала фигура военного инженера.

Переправа через Нил бесспорно относилась к числу наиболее сложных – действительно, не просто преодолеть реку, ширина которой даже при «низкой воде» достигает в районе Мемфиса полукилометра и более. Масштабы Нила были основным и порой труднопреодолимым препятствием на пути вражеских войск. Не случайно, Артаксеркс III Ох, совершивший два похода на Египет (в 350 и 343 гг. до н.э.), оба раза, готовясь к ним, пытался «радикально», в духе Ахеменидов, решить проблему Нила: по сообщению, приписываемому Аристотелю, персидский царь, принимая за Нил то Инд, то Ганг (?), собирался повернуть великие индийские реки вспять и таким образом перекрыть истоки Нила, но, когда ему поведали о масштабах возможных катастрофических последствий этой затеи, отказался от нее⁹². Летом 321 г. до н.э. не смогла перейти Нил вброд прямо напротив Мемфиса армия Пердикки: во время переправы уровень воды в реке внезапно поднялся, и более 2000 человек утонуло или стало добычей крокодилов⁹³. Как правило, чтобы облегчить переправу, выбирались те места, где посередине Нила имелся остров: так было в случае Пердикки (Diod. XVIII. 34. 6–7)⁹⁴ и, вероятно, Александра, перешедшего Нил у Гелиополя – там, где река разделяется на рукава Дельты и образует острова (см. карту)⁹⁵, – и в дальнейшем практиковавшегося «островной десант» при форсировании труднопереходимых рек (например Гидаспа: Arr. Anab. V. 11–13). Так должно было случиться и во время похода Птолемея Лага, если, конечно, верно предположение, что к Мемфису сатрап шел по маршруту Александра⁹⁶. Что касается возможной роли Сострата Книдского при этой переправе, то она вряд ли заключалась в строительстве плотины через Нил, как полагает Ф. Хайхельхайм⁹⁷, или отводе в сторону русла реки, величина которой не позволяла осуществить такие сложные и трудоемкие проекты. На этом этапе военной операции Сострат скорее всего мог выступить в роли конструктора моста через один или оба разделяемых островами рукава Нила⁹⁸, а позднейшая античная традиция

Великим); *Front.* III. 7. 4, 5 и *Polyaen.* VII. 6. 5; VIII. 26 (захват Вавилона Семирамидой и Александром Македонским). Впрочем, к рассказам об отводах русел рек следует относиться с осторожностью, поскольку эти рассказы могли быть навеяны не связанными с деятельностью человека природными феноменами, см. *History of Herodotus in Four Volumes. I* / Ed. G. Rawlinson. L., 1875. P. 201. Not. I (характерно, что сам Геродот скептически относится к истории о Фалесе Милетском, который помог Крезу перейти через Галис); Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М., 1993. С. 508. Прим. 138 (по мнению комментатора, описание Геродотом осады Вавилона скорее относится ко времени Дария I, который захватил город в декабре 522 г. до н.э., когда уровень воды в Евфрате был самым низким); см. также *Arr. Anab.* IV. 3. 1–2, где говорится о том, как войско Александра вошло в Кирополь по руслу пересохшей естественным образом реки, протекавшей через город, и ср. это сообщение Арриана с описанием стратегемы Александра под Вавилоном у Фронтинна и Полиена.

⁹² [Arist]. *De inund. Nil.* 6: ср. *Herod.* I. 189 (Кир II «наказывает» реку Гинд); VII. 35 (Ксеркс «бичует» Геллеспонт).

⁹³ *Diod.* XVIII. 34–36. По всей видимости, переправа Пердикки совпала с началом разлива Нила, приходящимся в этом районе на июль (сам Диодор, пытаясь объяснить причины такого внезапного подъема воды, в частности, говорит о дождях в верховьях Нила), хотя нельзя исключать и другие возможные причины, на которые указывает историк: открытие шлюзов канала где-то выше по течению, углубление русла реки, из-за того что при переправе конницы, слонов и многочисленного пешего войска с речного дна было поднято огромное количество песка и ила.

⁹⁴ См. *Thompson.* *Op. cit.* P. 12, 14–15. Fig. 3.

⁹⁵ Ср. *Calderini.* *Diz. s.v. Αἰγυῖος ἕρσιος*; *Thompson.* *Op. cit.* P. 2. Fig. 1; Strabon. *Le Voyage en Egypte...* P. 281. Carte III B.

⁹⁶ Впрочем, если бы Птолемей решил переправиться в другом месте, он скорее всего сделал бы это напротив Мемфиса, где также находился остров, через который чуть позже попытался совершить переправу Пердикка.

⁹⁷ *Heichelheim.* *Op. cit.* Kol. 1221 f. № 11a.

⁹⁸ Ср. *Arr. Anab.* III. 6. 1, где говорится о постройке моста, по которому армия Александра перешла «через Нил и все каналы близ Мемфиса» на обратном пути из Египта весной 331 г. до н.э. Об умении Сострата Книдского строить мосты, возможно, свидетельствует информация Плиния Старшего (NH. XXXVI.

могла интерпретировать данный факт как «разделение реки» Состратом Книдским.

Подход к Мемфису и его штурм. Картину приближения птолемеевского войска к Мемфису и его последующего захвата нельзя воссоздать без учета данных о топографии города и его окружи. Вкратце рассмотрим их, опираясь на выводы работы Д. Томпсон, в которой на основе письменных и археологических данных подробно рассматривается топография города в птолемеевскую эпоху⁹⁹. Развалины древнего Мемфиса (совр. Мит-Рахина) занимают слегка возвышенный участок площадью 1,5 × 3 км, расположенный в Нильской долине шириной 3–3,5 км и вытянутый вдоль реки с юга на север. В 4 км к западу – северо-западу от города, на краю пустыни, на крутой песчаной платформе высотой 30–50 м находятся царский некрополь Саккары и храмовый комплекс Серапейона. От некрополя Мемфис был отделен древним каналом Фчет (совр. Бар-Либеини)¹⁰⁰, превращавшимся во время паводков в сплошное озеро (так называемое «озеро Фараона»), по которому из города можно было доплыть на лодке прямо до некрополя и дальше – «мимо пирамид» – до самой Дельты (ср. Herod. II. 97). Кроме этого магистрального канала в окрестностях Мемфиса насчитывалось несколько других крупных каналов, а также озер, локализуемых в основном к югу и северо-западу от города¹⁰¹. От наводнений город был защищен высокими (до 6 м) дамбами, тянувшимися параллельно реке – их общая длина достигала около 5 км. На востоке Мемфис граничил непосредственно с Нилом и был укреплен стеной, служившей как для обороны, так и защиты от сильных паводков. Примерно в полукиллометре от восточной стены, посреди Нила, находился достаточно большой остров (Пердикка планировал сделать его плацдармом для нападения на Мемфис). Напротив острова и несколько южнее на левом берегу реки располагались порт, таможня, речная стража и нилометр. Планировка Мемфиса имела четко выраженную двухчастную структуру: большая по территории южная сторона с ее центральным сооружением – храмом Птаха, вокруг которого локализовались городская площадь, торговые ремесленные и жилые кварталы, где проживали египтяне, а также выходцы из Восточного Средиземноморья и Передней Азии (сирийцы, финикийцы, персы) и меньшая северная сторона с ее административно-дворцовым комплексом и цитаделью, примыкавшими с севера греческим и карийским кварталами и царским парком. Цитадель была укреплена каменной (?) стеной (вероятно, отсюда – название цитадели: «Белая крепость/стена», которое иногда давалось всему городу) и могла выдерживать длительные осады¹⁰². Жилые кварталы Мемфиса также были окружены стенами из сырца-кирпича и земляными валами, а роль внешних городских фортификаций, помимо крепостных стен, возможно, играли уже упомянутые защитные дамбы.

Как видно из этого топографического описания, подступы к Мемфису и сам город были защищены природными и искусственными препятствиями, которые требовалось

83) о постройке этим архитектором «висячей площадки для прогулок в Книде» (см. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. С. 131, 747. Прим. 2).

⁹⁹ Thompson. Op. cit. P. 10–20.

¹⁰⁰ Этот канал был фактически продолжением существовавшего с глубокой древности знаменитого Бар-Юсуфа, тянувшегося вдоль западной границы долины Нила от Асьюта до Фаюмского оазиса, см. Orrioux. Op. cit. P. 108 s. Возможно, он упоминается как «западный канал» Мемфиса в относящемся к эпохе Рамзесов III и IV (XX династия) папирусе Харрис (ARE. IV. 338).

¹⁰¹ Ср. Strabo. XVII. 1. 32. О древней и сложной ирригационной инфраструктуре мемфисской долины свидетельствует рассказ Геродота (II. 99) об истории основания города «первым египетским царем» Мином. Ссылаясь на жрецов, Геродот сообщает, что Мемфис был построен на месте, образовавшемся при осушении старого русла Нила: легендарный фараон с помощью плотины, возведенной в 100 стадиях (около 20 км) к югу от города, якобы повернул реку в сторону (действительно, чуть выше по течению Нил делает заметный поворот на восток). В то же время Мин окружил город с севера и запада озером, наполняемым ильмой водой по специально проведенному к нему каналу.

¹⁰² ARE. IV. 805, 859, 861; Herod. III. 13, 91; Thuc. I. 104; Dioid. XI. 74. 4.

преодолеть, прежде чем приступить к его осаде или штурму. Характер военных действий здесь зависел не только от того, с какой стороны (суши или реки) велось наступление на город (для его полной блокады противник должен был располагать, помимо сухопутного войска, речной флотилией), но и сроков кампании (во время разлива Нила в июле – сентябре Мемфис становился более уязвимым со стороны реки, чем суши)¹⁰³. Принимая во внимание, что Птолемей скорее всего должен был подойти к Мемфису по суше с севера, как это сделали до него Аминта¹⁰⁴ и Александр Македонский, и отдавая предпочтение гипотезе о штурме птолемеевским войском городских укреплений лишь со стороны суши, поскольку нет никаких данных, которые бы говорили в пользу того, что по прибытии в Египет Птолемей располагал собственным речным флотом, попытаемся воссоздать примерную картину военной операции и показать, какую роль мог в ней сыграть Сострат Книдский.

В конце ноября, когда, как отмечалось выше, войско Птолемея должно было достичь Мемфисского нома, уровень воды в Ниле уже шел на спад, однако вода еще стояла на полях¹⁰⁵, и подступы к Мемфису с севера и запада были, вероятно, затруднены. Прежде чем приблизиться к городским дамбам и стенам, Птолемею предстояло пройти по частично затопленной долине и на ближайших подступах к городу осушить территорию, требуемую для разбивки лагеря и подготовки к штурму мемфисских укреплений. Упоминания о подобных подготовительных работах при осаде других египетских городов и крепостей встречаются у Фукидида¹⁰⁶, Диодора¹⁰⁷ и в «Розеттском декрете» в честь Птолемея V Эпифана¹⁰⁸. Как видно из этих сообщений, осаждавшие обычно осушали необходимое для их маневров пространство посредством отвода воды из каналов или регулировки в них ее уровня с помощью шлюзов. Данные работы, связанные с ирригационными сооружениями, требовали определенных технических навыков¹⁰⁹, и нет ничего невероятного в том, что за их проведение мог отве-

¹⁰³ Единственное подробное описание военной операции по захвату Мемфиса содержится в датированной VIII в. до н.э. «Стеле Пианхи». Вначале нубийский царь высадился со своим войском на севере от Мемфиса, но обнаружив, что с суши город хорошо укреплен, Пианхи решил штурмовать его со стороны речной гавани, где из-за высокого уровня воды в Ниле у находившихся там кораблей «носовые канаты были привязаны к домам». Захватив с помощью своей флотилии гавань и стоявшие в ней суда, Пианхи распорядился выстроить все корабли вдоль речной стены и с них атаковать город (ARE. IV. 861, 863, 864).

¹⁰⁴ На это намекает сообщение Курция Руфа (IV. 1. 30–31) о том, что Аминта, подойдя к Мемфису со стороны Пелусия, разбил выступивших навстречу персов и запер их в городе, а сам поставил под городом лагерь и начал «опустошать поля».

¹⁰⁵ Естественной задержке воды в озерах и каналах способствовало образуемое неравномерным оттожением ила постепенное понижение нильской долины к западу и востоку от реки, см. *Alleaume G. Les systèmes hydrauliques de l'Égypte pré-moderne. Essai d'histoire du paysage // Mélanges offerts au père Maurice Martin s.j. / Ed. Ch. Décobert. Le Caire. 1992. P. 303 ss.*

¹⁰⁶ *Thuc.* I. 109. 3–4: в 456 г. до н.э. полководец Артаксеркса I Мегабиз изгнал из Мемфиса эллинских воинов, участвовавших в восстании Инара, и запер их на острове Просопитида, расположенном в юго-западной части Дельты (*Calderini. Diz. s.v. Προσωπίτις*). В течение полутора лет Мегабиз осаждал эллинов, пока не осушил канал, отделявший Просопитиду от рукава Дельты, после чего перешел с войском на остров и захватил лагерь эллинов.

¹⁰⁷ *Diod.* XVI. 49. 1–4: в 350 (343?) г. до н.э. фиванец Лакрат, командир одного из отрядов армии Артаксеркса Оха, отвел в сторону воду канала близ Пелусия, засыпал землей пересохшее русло, после чего сумел переправить через него и подвести к городу осадные машины, а затем приступить к его штурму.

¹⁰⁸ *SB. V. 8299. 21–27*: в 198/7 г. до н.э. Птолемей V Эпифан осадил повстанцев в городе Ликополе, расположенном в Бусириском номе Дельты (*Calderini. Diz. s.v. Λίκων πόλις. № 2*). В тот год случился сильный разлив Нила, и река должна была по обыкновению затопить поля, поэтому царь распорядился перекрыть шлюзы рукавов и каналов во многих местах, снарядив на эту работу множество людей (*κατέσχευεν ἕκ πολλῶν τόπων ὀχυρώσας τὰ στόματα τῶν ποταμῶν, χορηγήσας εἰς αὐτὰ χρημάτων πλῆθος οἷκ ὀλίγων*). Таким образом был предупрежден нежелательный для осаждавших сход воды в долину (или осушена уже залитая территория?), и всадники и пехотинцы Птолемея V, преодолев дамбы, рвы и укрепления, захватили мятежный город.

¹⁰⁹ По сообщению Страбона (XVII. 1. 37), прибыль и убыль воды в каналах регулировалась с помощью шлюзов «механиками» (*ἀρχιτέκτονες*). О технических аспектах регулирования уровня воды в нильских

чать военный инженер Сострат Книдский, который именно таким образом «вернул и разделил» воды Нильской долины, чтобы обеспечить ПТОЛЕМЕЕВСКОМУ войску подход к Мемфису и создание у его стен плацдарма для последующего штурма города.

Согласно Лукиану, именно Сострат Книдский захватил без осады Мемфис для Птолемея с помощью поворота и разделения реки. Думаю, что было бы ошибочным интерпретировать буквально данное высказывание, *granum salis* которого – показать, насколько удачной оказалась «стратегема» искусного инженера, предопределившая исход всей военной операции. Вряд ли Сострат командовал войском Птолемея во время штурма и захвата города¹¹⁰ – на него как военного инженера должны были возлагаться другие задачи; сомнительно и то, что Мемфис был взят без осады вообще: если вместо длительной осады хорошо укрепленного города принималось решение о его штурме, то этому штурму обычно предшествовала требовавшая определенного времени техническая подготовка¹¹¹. Последняя, если обратиться к описаниям Восточного похода Александра, включала сооружение валов и насыпей, рытье подкопов и траншей, сборку и установку осадных машин и башен и т.п.¹¹² Египетские реалии вносили свое дополнение в этот перечень военно-инженерных мероприятий – затопление осажденного города, неприятельского лагеря или войска путем: отвода воды из Нила или его каналов (*Heliod. Aeth. IX. 3 sqq.*), разрушения защитных плотин и дамб (ср. *Herod. II. 99; Achill. Tat. IV. 14*), открытия или закрытия створок и шлюзов на реке или каналах (ср. *Diod. XVIII. 35*). Стесненный в средствах (осада Мемфиса могла затянуться, если у осаждавших не было флота) и времени (Клеомену мог прийти на помощь Пердикка), Птолемей предпринял штурм Мемфиса, техническую подготовку которого, по-видимому, провел Сострат Книдский, возможно, сделав «союзником» своего патрона атакующую и разрушительную силу нильской воды.

Подведем итоги исследованию. Предложенная выше реконструкция события, упоминаемого у Лукиана, вовсе не претендует на роль единственно верной. К сожалению, в нашем распоряжении нет аналогичной информации, которая бы приводилась в других источниках, поэтому любая интерпретация уникального анекдота, чьи *Quelle* до сих пор не известны, неизбежно гипотетична. Но означает ли сказанное, что всякое обращение к нему как историческому источнику заведомо бесполезно? Думаю, нет, и в своем исследовании я попытался это показать, соотнеся «мемфисский эпизод» из «Гиппия» с одним из событий эпохи распада империи Александра Македонского и первых войн диадохов (323–320 гг. до н.э.), а именно: с приходом сатрапа Птолемея в Египет и установлением им там своей власти в конце 323 г. до н.э.

Помещенная в конкретные пространственные и временные рамки и сопоставленная с данными других источников, скудная информация Лукиана, как представляется, приобретает значимость и заслуживает внимания. Во-первых, она отчасти восполняет «белые пятна» самого раннего этапа птолемеевской истории, от которого, в отличие от ее более поздних этапов, до нас дошло не так уж много письменных свидетельств, а имеющиеся – еще недостаточно изучены¹¹³. В частности, эта информация проливает

каналов в греко-римское время см. *Bonneau D. Le régime administratif de l'eau du Nil dans l'Égypte grecque. romaine et byzantine. Leiden, 1993. Passim.*

¹¹⁰ Ср. *Fraser. Ptolemaic Alexandria. II. P. 50 f. Not. 111*. Еще менее убедительным представляется комментарий И. Дройзена (ук. соч., с. 328, прим. 60) к *Luc. Hipp. 2* (а не 9, как ошибочно указано в этом издании), намекающий на командование Состратом Книдским птолемеевским флотом.

¹¹¹ См., например, описание осады и штурма Газы Александром Македонским (*Arr. Anab. II. 25. 4; 26–27*) или осады Сиены «эфиопским» царем Гидаспом (*Heliod. Aeth. IX. 2. 3 sqq.*), который «решил не томить своего войска длительным окружением и не пускать в ход осадных приспособлений... но многотрудным и неотвратимым осадным приемом решительно и быстро взять город» (цит. по: Гелиодор. Эфиопика / Пер. с древнегреч. А. Доватура. М., 1965).

¹¹² См. выше прим. 42, 43.

¹¹³ Прежде всего это касается египетских источников, более полный ввод которых в научный оборот наверняка заставит пересмотреть написанную на основе грекоязычной традиции историю Египта после

дополнительный свет на обстоятельства установления Птолемеем Лагом «господства над Египтом» (Magm. Pag. 8), указывая на далеко не мирный характер оккупации страны новым сатрапом, которому, по-видимому, пришлось вступить в вооруженный конфликт с Клеоменом из Навкратиса, закончившийся штурмом Мемфиса, и хорошо вписываясь в исторический контекст «смутной эпохи» диадохов, подтверждает, в противовес Диодору (XVIII. 14. 1–2), информацию Павсания (I. 6. 3) о том, что сатрап Птолемей «держал Египет на военном положении». Во-вторых, сообщение Лукиана о захвате Мемфиса Состратом Книдским способствует пересмотру распространенных представлений об этом персонаже птолемеевской истории как «человеке эпохи эллионов», не имеющем отношения к инженерной или архитектурной деятельности¹¹⁴. Общий фон исторической эпохи, с которой хронологически соотносится рассматриваемый эпизод, позволяет с большой степенью вероятности причислять Сострата Книдского к военным инженерам, связавшим свою карьеру с сатрапом Птолемеем по приходе того в Египет. Позже Сострат не раз демонстрировал свои таланты выдающегося архитектора и дипломата на службе у Птолемеев, но его первым деянием, обеспечившим ему блестящую карьеру в будущем, возможно, стала его помощь Птолемеем при проведении военной операции под Мемфисом. Помимо сатрапа Птолемеев и Сострата Книдского, третьим «героем» моего исследования (и это в-третьих) можно считать Нил, с которым в конечном счете оказалась связанной военно-инженерная выдумка Сострата. Именно Нил, как показывает отрывок Лукиана, мог быть и «врагом», и «другом» приходившим в Египет захватчикам – все зависело от объективных (сроки кампании, сила разлива, маршрут войска, наличие флота) и субъективных (прежде всего присутствие в войске опытных специалистов, знавших режим реки, топографию местности, секреты ирригации и использовавших эти знания в военных целях) факторов. Иными словами, великая река являлась тем «трамплином», о который либо разбивались стремившиеся в Египет завоеватели, либо, опираясь на который, они приступали к захвату страны и покорению ее сложного природного пространства.

SATRAP PTOLEMY AND SOSTRATUS OF CNIDUS: THE CAPTURE OF MEMPHIS

Yu.N. Litvinenko

The article is a continuation of the previous publication by the author (see VDI. 1998. 1. P. 152–159) dealing with an episode about the capture of Memphis by Sostratus of Cnidus through «turning and dividing» the Nile mentioned by Lucian (Hipp. 2). The first part of the study was devoted to the problem of dating of the aforesaid event, which took place, in the author's view, most probably at the end of 323 B.C., while its second (present) part is an attempt to reconstruct a historical and geographical background of the «Memphite episode».

In spite of its unique character Lucian's information is meaningful and worth of interest in case it is set in a concrete historical context and compared with another available sources. First, it makes up (at least partially) a deficiency of our knowledge about the initial period of the Ptolemaic history and testifies in favour of a suggestion that Ptolemy's occupation of Egypt according to the Babylonian «division» was far from being peaceful and easy as it is usually believed by the historians who support upon Diodorus' information concerning those events (XVIII. 14. 1–2). Second, it contributes to an idea, though questioned by P.M. Fraser and his followers, that Sostratus of Cnidus started his career under satrap Ptolemy as a military engineer and explorer of the Nile valley and probably was in charge of either crossing over the river and its canals of Ptolemy's army on its way to Memphis, or technical preparation for the assault of the city which may be based on a destroying force of the Nile waters.

Александра Македонского. В качестве лишь одного из примеров назову слабо используемую специалистами по истории птолемеевского Египта подборку египетских источников об эллинах – h²w nbwt: *Vercoutter J. Les Haou-Nebout // BIFAO. 1949. 48. P. 107–209.*

¹¹⁴ Например: *Perdrizet. Op. cit. P. 261 ss.; Fraser. Ptolemaic Alexandria. II. P. 51.*

© 1999 г.

КОПТСКИЕ ПАМЯТНИКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ «ПОХИЩЕНИЯ ЕВРОПЫ»

Одной из составных частей искусства египтян-христиан (коптов) была быстро привившаяся и пустившая глубокие корни на почве долины Нила греко-римская художественная традиция. Убедительное свидетельство этому – популярность в коптском искусстве античных мотивов, героев и сюжетов вплоть до начала II тыс. н.э.¹

Из необычайно богатого репертуара греко-римской мифологии и литературы в данной работе я остановлюсь лишь на одной группе коптских памятников, а именно тех, на которых изображено «Похищение Европы». Этот миф был очень популярен. Его излагали: Мосх Сиракузский (*Moskhos. I. Idyl.*), Аполлодор (*Biblioth. III. 1. 1–2; 3. 2; 4. 2*), Овидий (*Metamorph. II. 24–48*)². Литературной основой для художников служил греческий миф, согласно которому в «финикийскую царевну» Европу³ влюбился отец богов и людей Зевс. Пленив ее красотой и желая прельстить девушку, он обратился в быка и перенес ее на своей спине через море на Крит, где они и отпраздновали свадьбу. Вот как рассказывает об этом Лукиан: «Европа прогуливалась на берегу моря, играя со своими сверстницами; Зевс, приняв вид быка, подошел к ним, будто для того, чтобы поиграть с ними. Бык был прекрасен, безукоризненно бел, рога красиво изгибались, и взор был кроток! Он прыгал по берегу и так сладко мычал, что Европа решила сесть к нему на спину. Как только она это сделала, Зевс бегом устремился с ней к морю, бросился в воду и поплыл. Европа, испуганная таким оборотом дела, хватается левой рукой за рог быка, чтобы не упасть, а правой сдерживает раздуваемую ветром одежду... Но то, что последовало за этим, было во много раз приятнее... Внезапно улеглись волны, и мягкая тишина спустилась на море... Эроты же... едва касаясь воды ногами, летели над самым морем с зажженными факелами в руках и пели свадебные гимны. Нереиды вынырнули из воды, сидя на дельфинах, все наполовину обнаженные, и рукоплескали шествию. А Тритоны и все остальные морские существа, на которых можно смотреть с удовольствием, составляли хоровод вокруг девушки. Впереди всех мчался на колеснице Посейдон с Амфитритой, прокладывая дорогу плывшему за ним брату. Наконец, на двух Тритонах, запряженных в раковину, ехала Афродита и осыпала всевозможными цветами невесту. В таком порядке

¹ Литература, посвященная усвоению христианами Египта античного наследия, обширна. основополагающие работы по этой теме приведены в моей статье «Античное наследие в искусстве коптского Египта» (ВДИ. 1996. № 1).

² Переводы античных текстов, рассказывающих о похищении Европы, см. Лосев А. Ф. Античная мифология в историческом развитии. М., 1957; П. Овидий Назон. Метаморфозы. Кн. II. М.–Л., 1937. С. 335–338; Мосх Сиракузский. Европа // Феокрит. Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы. М., 1958. С. 151–156; Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 48, 50 сл., 162 сл. Пересказ мифа по Мосху см. Тренчени-Вальдапфель И. Мифология. М., 1959. С. 144–146. Сохранился фрагмент трагедии Эсхила «Карийцы, или Европа» (см. Эсхил. Трагедии. М., 1989. С. 293 сл., фрагм. 62). См. также Jahn O. Entführung der Europa // Dankschrift Bildwerke in Rome. 1881. II. S. 379 f.; Vürteim J. Europa. Amsterdam, 1924.

³ По версии Овидия, Европа была дочерью финикийского царя Атенора, по Гомеру – дочерью Феникса.

шествие двигалось от Финикии до самого Крита. Когда вступили на остров, бык внезапно исчез, и Зевс, взяв Европу за руку, ввел ее, краснеющую и опускающую глаза, в диктейскую пещеру; она уже знала, что ее ожидало...»⁴.

Сюжет похищения Европы Зевсом давал большие возможности художникам для разных вариантов композиционного решения. Обстоятельная статья Мартина Робертсона, посвященная Европе, в «*Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*» и сопровождающие ее более 200 воспроизведений художественных памятников от архаики до середины I тыс. н.э. (большая часть из которых иллюстрирует само похищение Европы)⁵ освобождают меня от рассмотрения античных памятников, выяснения генезиса и типологии этого сюжета и позволяют непосредственно сосредоточить внимание только на произведениях *коптских* мастеров, не нашедших себе места ни в статье Робертсона, ни в работах других авторов, посвященных этой теме⁶.

По моим подсчетам, среди произведений коптских мастеров (скульпторов, ткачей, резчиков по кости) имеется по меньшей мере два десятка изображений Европы с быком-Зевсом⁷. Как и на античных прототипах, на них представлены два варианта сцены. Первый изображает Европу, восседающую на торжественно вышагивающем быке. Это либо начальный, либо финальный этапы истории: Зевс в облике быка с драгоценной ношей только направляется к морю или уже вступает на землю Крита. Второй – запечатлевает быка, плывущего по морю с Европой на спине: фигура животного распластана; нередко рядом – «свадебный поезд» из представительниц морской стихии: nereид, дельфинов, а также рыб, моллюсков, водорослей и т.п.

Исследованием *коптских* памятников с изображением Европы и быка *никто* не занимался. В работах, где упоминались такие произведения (в большинстве случаев – это каталоги или статьи обзорного характера) обычно отмечалось, что изготовлялись они по античным образцам (как правило, ориентировались на александрийские изделия), в деталях проглядывают сасанидские и индийские черты⁸. Ни объяснений, как и почему появились в христианской среде такие произведения, ни их символического осмысления мы не находим. Цель данной статьи – попытаться ответить на эти вопросы. Начну с памятников пластики.

По литературе известны три известняковых плиты со сценой «похищения Европы». При известных отличиях в трактовке сюжета и не всегда удовлетворительной сохранности плит, определить представленную на них сцену особого труда не составляет. Лучше других сохранилась плита, происходящая из Ахнаса и хранящаяся ныне в Коптском музее в Каире (рис. 1, см. вкл. к стр. 64)⁹ (хотя и здесь имеются утраты: сколота левая часть, поврежден круп быка, отбита правая рука Европы). На ней бык представлен вправо, повернувшим голову к девушке. Шея и круп его украшены гирляндами из плоских круглых бляшек, нанизанных на шнур. Почти полностью обнаженная

⁴ Этот пассаж заимствован из «Морских рассказов» Лукиана (пер. С.С. Лукьянова) и передает диалог Зефира и Нота (*Лукиан. Избранные атеистические произведения*. М., 1995. С. 96 сл.).

⁵ *Robertson M. Europe // LIMC. Zürich – München, 1988. Bd IV, 1. P. 76–92* (сюжету отведены с. 78–88), илл. – Bd IV, 2 (Pl. 32–48).

⁶ Не нашли отражения коптские памятники и на состоявшейся в 1988 г. во Франкфурте-на-Майне большой выставке, посвященной образу Европы (*Die Verführung der Europa. Frankfurt a.M., 1988*). Нет даже упоминаний об этих памятниках в 8-томной «Коптской энциклопедии» (*The Coptic Encyclopedia. New York – Oxford – Singapore – Sydney, 1991*).

⁷ Существует другая версия истории: не сам Зевс превратился в быка, но подослал быка к Европе (*Ps.-Eratosth. III; Apollod. II. 5. 7*). Этот «настоящий» бык был известен как Критский, позже именно его одолел Геракл (седьмой подвиг героя); но это сути не меняет.

⁸ *Monneret de Villard U. La sculpture ad Ahnâs. Milano, 1923. P. 45 f; Duthuit G. La sculpture copte. P., 1931. P. 38 f.*

⁹ *Monneret de Villard. Op. cit. P. 45 f. Fig. 11; Zaloscer H. La problème de l'art copte // Les arts plastiques. 1948. № 9–10. P. 365. Fig. 242; idem. Die Kunst im christlichen Ägypten. Wien – München, 1974. S. 108. Abb. 14; Habib R. Classical Mythology in Coptic Art. [S. 1.] [s.d.] Fig. 12.*

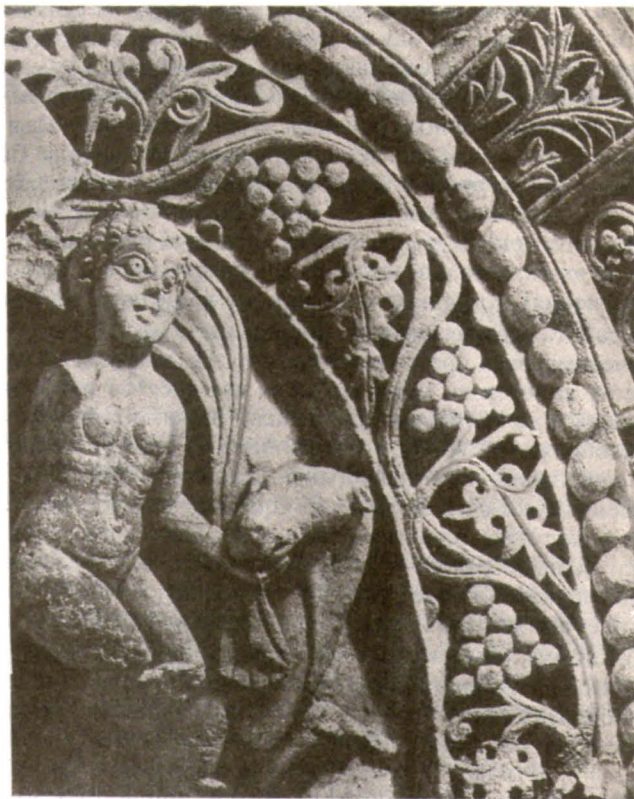

Рис. 3. Известняк. V в. Каир, Коптский музей

девушка, восседающая в позе амазонки, развернута почти в фас. Левою рукою она поддерживает животное за подбородок. Левая нога драпируется складками ткани. За головой Европы с красивой прической видно растение.

Второй памятник (рис. 2, см. вкл. к стр. 64; нынешнее местонахождение его выяснить не удалось)¹⁰ – состоящая из двух кусков плита, обнаруженная во время проводившихся в 1934–1939 годах восстановительных работ на Ниломере на о-ве Рода близ Каира. Это фронтоны ниши. Поверхность плиты местами сбита и очень потерта, поэтому о его деталях судить трудно. В центре представлен бык вправо с по-мужски спящей на нем обнаженной женщиной с развевающимся покрывалом. Правой рукою наездница опирается на круп животного, левой держится за рог (деталь, подмеченная Лукианом). Композиция заключена в полуциркульную дугу, образованную чередующимися по два в ряд растениями. Внизу, слева и справа – ветки аканфа. В верхних углах – по дельфину, как бы уплывающих в разные стороны. Издатель памятника Э. Дриотон подчеркивал его стилистическую близость рельефам Ахнаса, раскопанным в конце прошлого века Э. Навиллем¹¹.

От третьего памятника из собрания Коптского музея (рис. 3)¹² сохранилось чуть больше половины – правая часть ниши: на быке, обращенном вправо, восседает в позе

¹⁰ Drioton E. Les sculptures coptes du Nilomètre de Rodah. Le Caire, 1942. P. 4, 5, 7–9. № 1.

¹¹ Navill E., Lewis T.H. Ahnas al Medineh (Heracleopolis Magna) // Eleventh Memoir of the Egypt Exploration Fund. L., 1894. P. 32–34. Pl. XIV–XVI.

¹² Zaloscer. Op. cit. P. 358. Fig. 237 (определена как «женщина с покрывалом-накидкой»); Habib R. The Coptic Museum. A General Guide. Cairo, 1967. P. 30. № 14; *idem*. Coptic Art // Egypt Travel Magazine. 1969. № 153. P. 8; *idem*. Classical Mythology... Fig. 11 (IV в.).

Рис. 4. Кость. IV–V вв. Балтимор, Галерея Уолтерса

амазонки обнаженная женщина, левой рукой поддерживая морду животного, за ее спиной развевается покрывало. Справа фрагментарно сохранилось обрамление из виноградной лозы, «бусин» и прямоугольников с чередующимися листьями аканфа. Происхождение этой плиты не зафиксировано, но типажем моделей, характером обработки камня, набором мотивов обрамления она с наибольшей полнотой отвечает общим представлениям о скульптуре Ахнаса. Таким образом, все три представленных здесь рельефа вполне можно связать с так называемой «ахнасской группой» и датировать V в.¹³

Безошибочно определяется сюжет и на костяной плакетке IV–V вв., хранящейся в галерее Уолтерса (инв. № 71.593) в Балтиморе (рис. 4): на быке, подогнувшем под себя ноги, сидит, как амазонка, молодая полубнаженная женщина.левой рукой она опирается на голову животного, а правой придерживает покрывало¹⁴.

Особенно часто этот сюжет встречается на многоцветных коптских тканях, служивших в основном вставками туник. К сожалению, сохранность многих из них плохая, в большинстве случаев неизвестно и конкретное место их изготовления.

¹³ Скульптура из Ахнаса (древний Гераклеополь Магна) благодаря исследованиям У. Моннере де Виллара, Э. Китцингера, Дж. Беквита и др. является наиболее разработанным комплексом в коптской пластике. Последняя по времени работа о проблемах датировки памятников этой самобытной группы: *Török L. On the Chronology of the Ahnas Sculpture // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1970. XXII. 1–4. P. 163–182.*

¹⁴ *Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art. III to VII Century. Catalogue of the Exhibition at Metropolitan Museum of Art. Nov. 19, 1977 – Feb. 12, 1978. N.Y., 1979. P. 1968 f. № 147 (египетское происхождение под вопросом).*

Три медальона с изображением Европы и быка-Зевса хранятся в Музее прикладных искусств в Афинах. Их опубликовала в 1932 г. Анна Апостолаки¹⁵. На одном из них (рис. 5, см. вкл. к стр. 65), шерстяном (инв. № 1367), по описанию публикатора, в круге изображен бык вправо, который, подняв хвост, бежит галопом. На спине у него женщина, испуганно повернувшая голову назад и ухватившаяся, в страхе упасть, левой рукой за рог быка; правой рукой она поддерживает развевающиеся одежды. Фон заполнен плодами и цветами. На другом медальоне (инв. № 742), близком первому по материалу, технике выполнения и размерам, Европа, сидя на быке, оборачивается назад, левой рукой держится за шею быка, а правой придерживает вздымающееся над головой покрывало. На третьем медальоне (рис. 6, см. вкл. к стр. 65; инв. № 754), с льняной основой и шерстяным утком в обрамлении пояса с геометрическим и растительным орнаментом, Европа спокойно восседает на идущем вправо быке. Девушка смотрит перед собой и обеими руками держится за рога; над нею – покрывало. В фоне – справа листья, слева птицы.

По иконографии, стилистическим и техническим особенностям, а также по цветовой гамме и размерам (диаметры медальонов не превышают 10–12 см) близок трем афинским образцам тканый медальон из собрания Кастелло Сфорцеско (инв. № 46) в Милане (рис. 7, см. вкл. к стр. 65)¹⁶. Как и у ткани с инв. № 754 из Афинского музея, у него льняная основа и шерстяные цветные нити утка. Обнаженная женщина сидит, как амазонка, на быке, направляющемся вправо.левой рукой она обняла животное за шею, правой придерживает развевающееся над головой покрывало. Животное, повернув голову назад, смотрит на женщину, внизу – рыбы и моллюски.

А. Апостолаки датировала первые два афинских образца IV–V вв., последний – V–VI вв. Миланский медальон издатели отнесли к VII в. Мне кажется, что основываясь на появившихся в последние годы публикациях, посвященных коптским тканям, все четыре упомянутых ткани были созданы скорее всего в VII–VIII вв.¹⁷

А. Дж. Б. Уэйс предполагал, что сцена «похищения Европы» представлена на двух тканях из собрания Коптского музея в Каире. Из кратких каталожных описаний можно заключить, что на ткани (инв. № 4723), датированной Уэйсом III–IV вв., в центре выткана сцена с женщиной, сидящей на животном; снизу, под животным, изображен заяц (?), рядом – гиппокамп и четыре nereиды (как тут не вспомнить описание Лукиана!). На фрагментах другой ткани (инв. № 3854, 1925, 1926), отнесенной издателем к V в., в четырехлепестковом обрамлении представлена сцена, схожая с предыдущей; окружают ее головы людей, кентавр и растительные побеги¹⁸.

Две коптские ткани с этим сюжетом находятся в собрании Думбартон Окс в Вашингтоне. На квадратной двухцветной вставке (Асс. № 73.1) мы видим (рис. 8, см. вкл. к стр. 65) на фоне листового орнамента направляющегося влево быка, на котором восседает в позе амазонки Европа.левой рукой она ласкает морду животного, а правой придерживает взметнувшееся над ее головой покрывало. Над крупом быка представлен вверх ногами Эрот (персонаж, о котором упоминает Лукиан)¹⁹. Другая ткань фигурирует под № 127 в рукописном каталоге византийских и раннесредневековых древностей собрания Думбартон Окс, составленном Деборой Томпсон.

¹⁵ Апостолаки А. Τα κοπτικά ύφασματα τοῦ ἐν Ἀθήναις Μουσείου κοσμητικῶν τεχνῶν. Ἐν Ἀθήναις, 1932. Σ. 130–132. Εἰκ. 95, 96.

¹⁶ Rosa G. Tessuti ellenistici e copti recentemente acquisiti alle collezioni del Castello Sforzesco // Bollettino d'Arte. 1954. 39. P. 173; D'Andria F. Su alcuni tessuti copti dei Musei d'Arte Applicata del Castello Sforzesco // Notizie del Chiostro del Monastero Maggiore. Milano, 1968. I–II. P. 89. Fig. 1.

¹⁷ Заметим, что со столь ранней датировкой образцов афинского музея со сценой «похищения Европы» не соглашался в своей рецензии на каталог А. Апостолаки и Э. Вейганд (Byzantinische Zeitschrift. 1935. 35. S. 142).

¹⁸ Wace A. J. B. Egyptian Textiles 3rd – 8th Century // Exposition d'art copte. Décembre 1944. Le Caire, 1944. P. 10–11, № 19; P. 36. № 61.

¹⁹ Thompson D. Further Observations on the Classification of Coptic Textiles, III. Some Early Garment Ornaments and Curtain Fragments in the Dumbarton Oaks Collection // CIETA-Bulletin, 1991. № 69, P. 29, 33. Fig. 7 b.

По словам составительницы каталога, на ткани X в. изображена Европа на быке²⁰.

Отличную от описанных памятников трактовку сцены встречаем на квадратной вставке VIII–IX вв. из собрания Бруклинского музея (инв. № 41.800) в Нью-Йорке (рис. 9, см. вкл. к стр. 65)²¹: в центре восьмиконечной звезды торжественно выступает вправо бык, на котором восседает обнаженная женщина. Вокруг ее головы нимб, правая рука поднята в приветственном жесте. Эту сцену окружают восемь нереид на морских животных (как тут опять не вспомнить описание Лукиана!), птицы, голова человека, растения.

Помимо представленных здесь памятников, где сюжет узнается без особого труда, в литературе фигурируют произведения, изображения на которых отдельными специалистами также трактуются как сцены «похищения Европы». Как пример приведу хранящуюся в Городском музее истории искусств в Триесте костаную пластину V–VI вв., происходящую из Александрии (рис. 10)²².

Из памятников ткачества отметчу, что Д. Томпсон как сюжетную аналогию бруклинской вставки указала две ткани луврского собрания (инв. № АС 433 и АС 434), которые П. дю Бурге относил к VIII в. и видел на них «всадника или путто, держащего птицу»²³. Я разделяю мнение американской исследовательницы: на тканях просматривается направляющееся влево рогатое животное с сидящей на нем человеческой фигурой с поднятыми руками.

Устроители выставки коптских тканей из французских частных собраний (Галерея Обюссона в Париже, май–июнь 1960 г.) считали, что миф о Европе представлен в центральном медальоне на квадратной вставке IX в. из коллекции Шарля Раттона²⁴. Л.Р. Силби полагала, что тот же сюжет дважды воспроизведен на вставках туники XI–XII вв. (Акц. № 79.141) в собрании музея Университета Миссури–Колумбии²⁵. Судя по воспроизведению памятника, оснований для такой идентификации немного.

Укажу еще несколько тканых образцов, на которых, как мне кажется, представлен указанный сюжет. В музее Ритберга в Цюрихе хранится коптский медальон X в. (инв. № R Ag 635). Издатель памятника И. Петер полагал, что на нем изображены «всадник и два пленника»²⁶ (мотив, довольно распространенный в коптском ткачестве). Я вижу здесь направляющееся влево рогатое животное с сидящей на нем человеческой фигурой, поддерживающей над своей головой покрывало. Вполне вероятно, что это

²⁰ Сведениями об этом памятнике я обязан своей коллеге, сотруднице отдела Востока Эрмитажа Е.В. Степановой, за что ей очень признателен.

²¹ Pagan and Christian Egypt. Egyptian Art from the First to the Tenth Century A.D. N.Y., 1941. P. 71 f. № 223; Thompson D. Coptic Textiles in the Brooklyn Museum. N.Y., 1971. P. 74–75. № 32. Pl. XIV; eadem. «Miniaturization» as a Design Principles in Late Coptic Textiles of the Islamic Period: Observations on the Classification of Coptic Textiles // JARCE. 1985. XXII. P. 63. Fig. 9.

²² Monneret de Villar. Op. cit. P. 46. Fig. 12; Drioton. Op. cit. P. 4; Wessel K. Koptische Kunst. Die spätantike in Ägypten. Recklinghausen, 1963. S. 232. Я присоединяюсь к тем специалистам, которые видят здесь Пасифаю с быком (см. Beckwith J. Coptic Sculpture 300–1300. 1963. P. 12. 49. Fig. 37; Age of Spirituality. P. 168. № 146; Badawy A. Coptic Art and Archaeology. Camb. Mass. – B., 1978. P. 122. Fig. 3. 14). Кстати, сюжет этот встречается и в коптском ткачестве. См., например, медальон VI в. в Бруклинском музее (рис. 11) (Акц. № 15.429) – Thompson. Coptic Textiles... P. 48 f. № 19. Pl. XI; Wessel. Op. cit. Abb. 127. Полагаю, что эпизод с Пасифаей представлен и на хранящемся в Лувре медальоне XI в. из Антинополя (инв. № АС 305), на котором П. дю Бурге (Bourguet P. du. Catalogue des étoffes coptes. I. P., 1964. P. 377. G 93) видел «неренду, держащую птицу». На мой взгляд, это упрощенный вариант бруклинского памятника – здесь отсутствует служанка.

²³ Thompson. Coptic Textiles... P. 74; Bourguet. Op. cit. P. 208. E 55. E 56.

²⁴ Catalogue de l'exposition des tapisseries coptes à la Galerie d'Aubusson du 27 mai au 19 juin 1960 // Cahiers de la Tapisserie. Revue trimestrielle illustrée. 1 Juin 1960. Galerie d'Aubusson. P., 1960. P. 31. № 36.

²⁵ Silbey L.R. A Late Coptic Tunic // Muse. Annual of the Museum of Art and Archaeology. 1983. № 17. P. 99. Fig. 16.

²⁶ Peter J. Textilien aus Ägypten im Museum Rietberg, Zürich. Zürich, 1976. S. 88. № 100.

Рис. 10. Диоскуры и Пасифая с быком. Кость. V–VI вв. Триест, Городской музей истории искусств

изображение Европы на быке. Две другие рядом расположенные фигуры, названные И. Петером «пленниками», вполне могут сойти за подруг (или служанок) «финикийской царевны»²⁷.

Существует еще два не публиковавшихся ранее тканых памятника, на которых, вполне вероятно, изображена Европа с быком.

В составе небольшой коллекции коптских тканей Национального музея в Варшаве, сформировавшейся после второй мировой войны, мое внимание привлекла многоцветная ткань VIII–IX вв. На ней выткано направляющееся влево животное с рогами

²⁷ Так иногда называли Европу по ее отцу – финикийскому царю Атенору (см. прим. 3).

Рис. 11. Пасифая с быком. Ткань. VI в. Нью-Йорк, Бруклинский музей

в виде «запятых» и хвостом в виде веревки. На нем сидит человеческая фигура, держащая в поднятой руке какой-то предмет (цветок?), рядом изображена еще одна фигура. Если этот сюжет воспроизводит «похищение Европы», то можно предположить, что представлен эпизод с направляющимся к морю быком с Европой на спине и стоящей рядом подругой (или служанкой) царевны. Обрамляет сцену широкая полоса из стилизованных растений и геометрических фигур²⁸.

Среди коптских тканей музея Метрополитен в Нью-Йорке есть образец (инв. № 26, 24.12/62871) с многочисленными изображениями античных персонажей. В одном из «клеим» этой ткани, справа внизу выткано рогатое животное с сидящей на нем человеческой фигурой с поднятыми руками. Очень может быть, что это Европа на быке²⁹.

Памятники, о которых шла речь на этих страницах, по формальным признакам можно разделить на две группы. Первая группа включает в себя памятники, на которых представлен момент переправы Европы на Зевсе-быке по морю. Вторая группа объединяет лишь тканые произведения, на которых воспроизведен либо начальный эпизод, предшествующий переправе, когда Европа села на быка и он направился к морю (иногда быка с девушкой сопровождают спутницы-подруги или служанки

²⁸ На многих рассмотренных здесь памятниках Европа изображена с развевающимся покрывалом, которое вполне могло символизировать покрывало невесты (см. об этом *Zalozser H. La femme au voile dans l'icônographie copte // The Bulletin of the Faculty of Arts, Alexandria Univ. Dec. 1955. IX. P. 75*).

²⁹ Знакомству с этими памятниками я обязан любезности директора Национального музея в Варшаве В. Годлевского и хранительнице тканей музея Метрополитен г-же Нобуко Каджитани. Им обоим хотел бы выразить мою благодарность.

Европы)³⁰, либо заключительный эпизод этой истории, когда Зевс-бык с драгоценной ношей ступил на землю Крита.

Итак, в общей сложности насчитывается два десятка разнообразных по материалам, технике выполнения и иконографической трактовке коптских памятников с изображением «похищения Европы». Хронологический охват их широк – с IV в. по X в. включительно. За этот длительный отрезок времени в Египте произошло много изменений: христианство вытеснило язычество, окрепло, а примерно с IX в. стало уступать свои позиции мусульманству. Самое удивительное, что, несмотря на происходившие во всех областях жизни египетского общества в I тыс. н.э. масштабные коренные изменения³¹, в нем продолжали жить представления и образы, принесенные в долину Нила еще Александром Македонским. В числе последних, как мы могли убедиться, заметное место занимал и образ Европы.

Чем же объяснить столь продолжительную живучесть в пестрой этнической и конфессиональной среде Египта I тыс. н.э. таких образов, как Европа?

В поисках ответа на этот вопрос, думается, следует исходить из следующих фактов. Установлено, что в разные эпохи рассказы о богах и героях передавались по-разному, а значит и по-разному истолковывались³². К этому верному наблюдению следует добавить, что восприятие и осмысление памятника зависело от его назначения, среды, для которой он создавался, наконец, от уровня образования людей, их интересов и занятий. Заинтересовавший меня сюжет убедительно демонстрирует это. «Похищение Европы» встречается на самых разных античных произведениях: рельефы, вазопись, росписи, мозаики, торевтика, керамика, стекло, геммы и др. Чаще всего этот сюжет воспроизводился на памятниках, связанных с погребальным культом; росписи и скульптурное оформление склепов, могильные плиты, предметы погребального инвентаря и др. На такого рода памятниках сцена «похищения Европы» воспринималась как символ надежды на вечную жизнь среди блаженных³³. Интересно и наблюдение К. Шефолда. Рассматривая семантику этой сцены на античной расписной керамике (находимой, кстати, в большинстве случаев в женских погребениях), он писал: «Поездка Европы по морю конечно же воспринималась как аллегория поездки мертвых по воде, которая отделяет страну мертвых от страны живых»³⁴. Всему этому есть объяснение: тонкий знаток античной мифологии А.Ф. Лосев выявил целый пласт качеств, однозначно характеризующих Европу как *исконно хтоническое божество*. Согласно распространенной этимологии, ее имя означает «широкоглазая» – эпитет Луны (между прочим, ее и отождествляли с Луной – *Νυμν. Ном. XXXI*). Близка Европа и хтоническому Зевсу Додонскому (*Steph. Byz. S. v. Dodone*). В Беотии супругой Зевса считалась Деметра-Европа, а ее сыном – Трофоний, хтонический демон (*Paus. IX. 39.4*). Европу нередко сближали с хтоническими богинями – в Сидоне она не

³⁰ В ряде случаев далеко не просто идентифицировать изображения на коптских тканях, особенно продукции позднего периода из-за сильной стилизации. К тому же ткачи нередко допускали и иконографические вольности в силу непонимания того, что они изображают, или же из-за слабой выучки. Если обратиться к изображениям Европы и Пасифаи (образы которых нередко путали; см. *Nauerth C. Mythologische Themen in der koptischen Kunst – neue Bestandsaufnahme 1991/92 // Riggisberger Beridite, 1. Riggisberg, 1993. P. 90; Habib. Classical Mythology... P. 4.*), то мне кажется, что женщина, *сидящая на быке*, представляет Европу, если же она *стоит рядом с быком*, притом иногда целует его, то здесь скорее всего следует видеть Пасифаю.

³¹ Основные этапы политического, экономического, религиозного и культурного развития Египта на протяжении двух тысяч лет прослежены в первых четырех главах книги: *Müller C., Detlef G. Grundzüge des christlich-islamischen Ägypten von der Ptolemäer Zeit bis zur Gegenwart (Grundzüge. Bd 11). Darmstadt, 1968. S. 12–189.*

³² *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М., 1987. С. 17. Относительно «похищения Европы» это убедительно продемонстрировал Э. Бикерман, основываясь на свидетельствах Филострата и Ахилла Татия (*Bickerman E.J. Symbolism in the Dura Synagoge. A Review Article // The Harvard Theological Review. 58. Camb. Mass., 1965. P. 144.*)

³³ *Bickerman.* Op. cit. P. 144.

³⁴ *Schefold K.* Die Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. В. – Lpz, 1934. S. 148 f.

отличалась от богинь Селены и Астарты. Европа была наделена растительными и животными функциями, образ ее объединяет весь космос, включая небо, землю и подземный мир. На Крите Европа под именем 'Ελλώτις пользовалась божескими почестями, в ее честь существовал там праздник 'Ελλώτια³⁵.

По моему мнению, вполне допустимо предположение, что эти древние хтонические представления естественным образом соответствуют символическому осмыслению изображений на коптских тканях (кстати, в большинстве своем тесно связанных с погребальной практикой³⁶). Но даже если допустить, что мастера, создававшие рассматриваемые здесь памятники, не были осведомлены о столь глубоком символическом осмыслении образа Европы, они, вероятно, имели основания (вполне возможно, что не всегда осознанно, скорее подсознательно) связывать с ним свои самые благоприятные надежды. Для всех знакомых с этим образом было понятно, что Европа – простая земная женщина – была отмечена благосклонным вниманием «отца» богов и людей. Интимная близость с ним приобщила ее к сонму олимпийцев, а значит и одарила хотя бы частью того, чем они владели. На Олимп она не попала, но печать божественного внимания, избранничества осталась на ней навсегда (так же, как это случилось с большинством других избранниц Зевса³⁷). Напомню, что гостями на свадьбе Европы были Посейдон с Амфитритой, Афродита и три Оры – богини красоты, счастья, сменяющихся времен года, т.е. персонажи, которые воплощали представления людей о благополучии, вечной молодости, нескончаемой радости, о бесконечной цепи превращений бытия. Божественная благодать распространилась и на близких Европы: одному из ее сыновей – славному ликийскому герою Сарпедону – Зевс даровал жизнь, равную трем человеческим поколениям, два других – Минос и Радамант – сделались судьями в подземном царстве.

О благополучии происходящего в эпизоде похищения Европы³⁸ (и как намек на благополучие ее в будущем) свидетельствуют антуражные детали в рассматриваемых здесь памятниках. На одной из плит Коптского музея (рис. 3) представлен широкий пояс виноградной лозы, которая, по верованиям древних египтян и их наследников-коптов, указывает на приобщение к загробному миру и выступает как символ бес-

³⁵ Лосев. Ук. соч. С. 182–184; он же. Европа // Мифы народов мира. Т. I. М., 1987. С. 419 сл.; *Vürtheim*. Op. cit.

³⁶ Известняковые плиты из Коптского музея с изображениями «похищения Европы» происходят из Ахнаса. Рельеф с о-ва Рода, по наблюдению Э. Дриотона (Op. cit. P. 3), близок ахнасской пластике. Большинство же скульптурных произведений из Ахнаса с античными персонажами (Леда, Геракл, Дионис и др.) происходит из погребальных построек. Это убедительно показал Х. Торп (*Torp H. Leda Christiana. The Problem of the Interpretation of Coptic Sculpture with Mythological Motifs // Acta ad Archaeologiam et Artium Historiam Perünens. Roma, 1969. № 4. P. 101–112*). Назначение и обстоятельства находки костяной пластинки из Триеста неизвестны. Но не исключено, что она, как и многие другие такие памятники, служила погребальным целям. Большинство тканей добыто из христианских захоронений: многие из них изначально служили погребальными одеяниями и саванами.

³⁷ См. об этом: *Каковкин А.Я.* О двух группах коптских памятников с античными сюжетами // ВДИ. 1990. № 1. С. 80–92.

³⁸ См. об этом сюжете в коптском искусстве: *Касперавичус М.М.* Античная культура и раннехристианское искусство Египта // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Сб. тр. Л., 1985. С. 123: «...уносимая Зевсом Европа и древнеегипетское изображение восседающего на быке человека, таким образом переправляющегося на "поля блаженных", в христианской интерпретации стали обозначать "похищение" верующего Христом. Григорий Богослов сравнивал Христа с тельцом, и эта метафора, возможно, отразилась на рельефе Коптского музея в Каире и ткани из Лувра». По-моему, в этом пассаже несколько несообразностей. Упомянутый автором рельеф воспроизведен у меня на рис. 3. Ссылка на ткань луврского собрания неверна (на с. 29 каталога дано цветное воспроизведение медальона с погрудным олицетворением зимы). «Древнеегипетское изображение восседающего на быке человека» никак не конкретизировано. По-видимому, подразумевается изображение бога Ра на небесной корове (см. *Матье М.Э.* Египетские мифы. М.–Л., 1956. Рис. 34). В этом случае одно из верховных божеств Египта никак не может переправляться на «поля блаженных». Цель таких изображений была совершенно иной. Оставляю на совести автора «Христа, похищающего верующих» (!).

смертия³⁹. На блоке с о-ва Рода (рис. 2) видим двух дельфинов, которые, помимо указания на морскую стихию, где происходит действие, также намекают на покровительство влюбленным Афродиты⁴⁰ и символизируют бесконечную жизнь⁴¹. На тканой вставке из Бруклинского музея (рис. 9) идея благополучия героини подчеркнута изображением вокруг ее головы нимба – свидетельство перехода Европы в категорию героев⁴²; в окружающих центральную сцену восьми дочерях Нерее, восседающих на морских животных, видели переносчиков душ умерших⁴³. Изображение на ряде памятников растений, цветов, рыб и т.п. символизирует изобилие и богатство, а значит и связанные с этими понятиями ощущения безмятежности, радости и счастья. Стимулирует такие ощущения и многоцветный, мажорный по своему строю характер некоторых тканых памятников со сценой «похищения Европы».

Все вышеизложенное тесно увязывается со все более отчетливо вырисовывающейся в последние годы символической концепцией изображений на коптских тканях IV–XII вв. (во всяком случае тех, которые употреблялись при захоронениях: туники, саваны, подушки под головы усопших и др.), будь то христианские сюжеты и символы, персонажи и сцены из античной мифологии и литературы, древнеегипетские мотивы, представители животного и растительного миров; фантастические существа (амазонки, nereиды, кентавры и др.). Большинство из таких изображений заключало в себе символы благожелательную, апотропеическую, связанную главным образом с эсхатологическими и сотериологическими верованиями, сводившимися в конечном счете к надежде на возрождение, к неистребимой вере в бессмертие, в бесконечное, безмятежное существование в ином, загробном мире⁴⁴.

Рассмотренные сцены «похищения Европы» на созданных в Египте памятниках IV–X вв. – еще одно яркое свидетельство живучести в христианской среде не только античных образов, но – что особенно важно – и связанных с ними древних представлений.

А.Я. Каковкин

COPTIC MONUMENTS DEPICTING THE RAPE OF EUROPE

A.Ya. Kakovkin

About twenty different monuments of the 4th – 10th century Coptic art, analyzed in the article (stone sculpture, textiles, carved bone), represent the Rape of Europe, a subject popular in classic art. Most of these objects of art were connected with funeral rites. The author suggests that the inhabitants of the Nile valley used this subject as an embodiment of their hope for a successful afterlife in the other world, their belief in immortality.

³⁹ *Kitzinger E.* Studies on Late Antique and Early Byzantine Floor Mosaic // *Dumbarton Oaks Papers.* 6. 1951. P. 119; *Daniélou J.* Les symboles chrétiens primitifs. P., 1961. P. 33–48; *Bickerman.* Op. cit. P. 114.

⁴⁰ *Goodenough E.R.* Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. V. V. N.Y., 1956. P. 26.

⁴¹ *Moracchini G.* Le pavement en mosaïque de la basilique paléochrétienne et du baptistère de Mariana (Corce) // *Cahiers archéologiques.* 1962. 13. P. 152.

⁴² В данном случае, как и в целом ряде других, касающихся коптских памятников, нимб следует рассматривать без какого-либо христианского смысла (символа святости). Здесь он означает многие из его древних ассоциаций с солнцем и выражает веру в бессмертие (см. *Collinet-Guérin M.* Histoire du nimbe des origines aux temps modernes. P., 1961. P. 282).

⁴³ *Picard Ch.* Les Néréides funéraires du monument de Xanthos (Lycie) // *Revue d'histoire des religions.* 103. 1931. P. 9–17.

⁴⁴ *Каковкин А.Я.* Изображения на коптских тканях: украшения или символы? // *Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв.* Сб. ст. Л., 1988. С. 45–53.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Древние империи (Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)

© 1999 г.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСЕЙ АШОКИ. AGABHUTISUSŪSĀ

В знаменитых надписях царя Ашоки содержатся наставления о благочестии – дхарме. Речь идет о послушании родителям, уважении к старшим, милостивом обращении с рабами и слугами и т.п. Среди этих стереотипных и кратких формул, переходящих из одного указа в другой, пожалуй, лишь одно слово до сих пор остается неясным – *agabhutisusūśā* в XIII Большом наскальном эдикте (БНЭ). Мы воспроизводим его здесь в той форме, в которой оно встречается в серии эдиктов, обнаруженных в Еррагуди¹. Сходный вид (*agabhutiśuśuśā*) это слово имеет и в серии эдиктов из Калси². У. Шнайдер³ доказывает, что надписи из Калси и Еррагуди имели общий протограф и ближе к оригиналу, вышедшему из царской канцелярии, чем эдикты, найденные в Шахбазгархи и Мансехре. В комплексе надписей из Дхаули и Джаугады XIII БНЭ, как известно, отсутствует; в Гирнаре же не сохранился данный фрагмент.

Понятно, что первая часть сложного слова (*aga*) воспроизводит среднеиндийское *agga* (шрифту брахми не передавал двойных согласных). Оно соответствует санскр. *agga* (в версиях из Шахбазгархи и Мансехры так и написано – *agga*). Слово это значит «начальный, первый, особый» (ср. например, в VI БНЭ «особым старанием»). Нет никаких трудностей с последним элементом: *susūśā*, *śuśuśā*, *susumśā*, *śuśuśā* соответствует санскр. *śuśrūśā*, т.е. «послушание» (ср. чуть ниже – «послушание отцу с матерью»).

Неясен только средний элемент – *bhūti*. Предлагается⁴ видеть в нем санскр. *bhūti*, хотя долгота в тексте не обозначена, а слово *agrabhūti* в древнеиндийских памятниках не засвидетельствовано. Обычное значение *bhūti* («благо, преуспеяние») кажется в данном контексте неуместным, а потому современными переводчиками игнорируется. Вместо этого выдвигается предположение, будто *bhūti* (производимое от глагола *bhū* – «быть, становиться») употребляется вместо причастия прошедшего времени *bhūta*⁵. В таком случае можно истолковать *agrabhūtiśuśrūśā* как «послушание тем, кто является высшим» (D.C. Sircar⁶: *obedience to superior personages*, A.C. Sen⁷: *respectfulness towards superiors*, S. Dhammika⁸: *respectful to superiors*, R. Thapar⁹: *obedience*

¹ Niklas U. Die Editionen der Aśoka-Inschriften von Erṛaguḍi. Bonn, 1990.

² Hultzsch E. Corpus Inscriptionum Indicarum. V. 1. Inscriptions of Aśoka. Delhi, 1991.

³ Schneider U. Die grossen Felsen-Edikte Aśokas. Wiesbaden, 1978. S. 9.

⁴ Bloch J. Les Inscriptions d'Asoka. P., 1950. P. 126; то же Э. Сенар, Г. Бюлер, В. Смит, Р.Г. Бхандаркар, Б.Н. Баруа, А.Ч. Сен, У. Шнайдер, В.В. Вертоградова и др.

⁵ См. например: Mukherjee B.N. Studies in the Aramaic Edicts of Aśoka. Calcutta, 1984. P. 37.

⁶ Sircar D.C. Inscriptions of Aśoka. Delhi, 1967. P. 51.

⁷ Sen A.C. Aśoka's Edicts. Calcutta, 1956. P. 98.

⁸ Dhammika S. The Edicts of Aśoka. Kandy, 1993. P. 15.

⁹ Thapar R. Aśoka and the Decline of the Mauryas. Delhi, 1983. P. 256.

to their superiors, B.M. Barua¹⁰: respectful attention to high personages, A. Woolner¹¹: obedience to elders, V. Smith¹²: hearkening to superiors, D.R. Bhandarkar¹³: hearkening to the elders, J. Bloch¹⁴: l'obeissance aux superieurs, B.B. Вертоградова¹⁵: «покорность высшим»). Итак, мы заменяем в сохранившихся версиях текста «и» на «ū» и понимаем bhūti как bhūta исключительно с той целью, чтобы избавиться от непонятного слова. Ведь agga/agra и само по себе может переводиться superior, high, excellent, the best, chief¹⁶ и т.д. Если бы автор XIII БНЭ хотел получить тот смысл, который усматривают переводчики, agasusūsā было бы вполне достаточно (и безусловно лучше неуклюжего agabhūtasūsā или agabhūtasūsā!).

Надписи на ххароштхи из северо-западного региона Индии – Шахбазгархи и Мансехра – дают чтение не bhūti, а bhūṭi. Церебрализация может быть объяснена влиянием г или ɣ, а в этом случае санскритским соответствием является, очевидно, bhṛti. Б.М. Баруа¹⁷ возражает на это, указывая, что однокоренное слово bhṛtaka в эдиктах Ашоки представлено как bhajaka (IX, XI, XIII БНЭ), а потому и здесь следовало бы ожидать вместо санскр. bhṛti не bhūṭi, но bhaji. Это замечание не кажется убедительным. Известно, что санскритскому ɣ в праkritах могут соответствовать различные гласные. В надписях Ашоки систематически встречается форма vudha (например, vudhasusūsā – IV БНЭ), соответствующая санскритскому vṛddha, однако, однокоренное слово vṛddhi превращается (там же, во всех версиях) в vaḍhi. По-видимому, важную роль играет ударение (vṛddhá, но vṛddhi). В слове bhṛti оно падает на последний слог, как и в vṛddha.

Гораздо сложнее обстоит дело с возможным значением слова bhṛti в данном контексте. Е. Хульцш¹⁸ предлагает понимать его как «жалование» (bhṛti – Unterhalt, Lohn от bhṛ – «кормить, содержать»). В таком случае буквальный перевод (он и дан Е. Хульцшем) гласит: obedience to those who receive high pay. Под «получающими высокое жалование», очевидно, имеются в виду «высокопоставленные функционеры», но трудно не согласиться с Ж. Блоком¹⁹, что перевод hauts fonctionnaires здесь просто абсурден. Мы бы добавили, что он отражает скорее психологию современного немца, чем древнего индийца.

Так как из четырех сохранившихся версий эдикта две содержат чтение слова с t и две – с ṭ, реконструкция первоначального варианта представляется затруднительной. К.Р. Норман в работах 60-70-х годов²⁰ придерживался мнения, что в оригинале стояло t, но в последнее время²¹ он склоняется к признанию приоритета ṭ. Исследователь полагает, что bhṛti по значению соответствует причастию bhṛta («получающий жалование», то есть «служащий»). Как и agrabhṛti у Е. Хульцша, agrabhṛta означало бы а

¹⁰ Barua B.M. *Inscriptions of Aśoka*. Calcutta, 1946. P. 13.

¹¹ Woolner A. *Aśoka. Text and Glossary*. Delhi, 1993. P. 53.

¹² Smith V. *Aśoka. The Buddhist Emperor of India*. Delhi, 1994. P. 185.

¹³ Bhandarkar D.R. *Aśoka*. Calcutta, 1969. P. 301.

¹⁴ Bloch. *Op. cit.* P. 126.

¹⁵ Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1980. Ч. 2. С. 114.

¹⁶ Pali Text Society's Pali-English Dictionary, s.v. agga; aggaṭā-superiority, cf. Paiaśaddamahanṇavo: agga-pradhān, sresṭh.

¹⁷ Barua. *Op. cit.* P. 151.

¹⁸ Hultzsch. *Op. cit.* P. 47.

¹⁹ Bloch. *Op. cit.* P. 126. Этих Spitzenfunktionäre мы вновь видим у У. Шнайндера (*Op. cit.* S. 157).

²⁰ Norman K.R. *Collected Papers* (далее – CP). V. I. (Notes on the Greek version of Aśoka's Twelfth and Thirteenth Rock Edicts). Oxf., 1991. P. 152–153. Автор говорит: церебральная ṭ является новшеством в северо-западных версиях – возможно, писцы запомнили, что эквивалентом bhṛti в восточном диалекте являлось бы bhaji, а не bhūṭi.

²¹ Norman. CP. V. VI. (An Aśokan Miscellany). Oxf., 1994. P. 140. Аргументация автора такова: в высшей степени невероятно, что писцы на северо-западе, получив текст, где слово было написано с t, заменили t на церебральную. Поэтому следует думать, что t имелось в присланном им экземпляре – значит в оригинале стояло не bhūti, а bhūṭi (= bhṛti). Norman K.R. *Notes on the Aśokan Rock Edicts* // III. X. P. 166. Cf. CP. V. I. P. 152.

topmost servant-high official. Первоначальный перевод тем же автором варианта agrabhūti был: being at the top, at the head of, то есть: authority. По смыслу, таким образом, различия между двумя вариантами нет (ср. еще у Э. Сенара: autorités). У. Шнайдер²², солидаризируясь с К.Р. Норманом, переводит agrabhūtisusūsa: Gehorsam gegen Hochgestellten, но он честно признается²³, что не понимает, о ком именно идет речь.

Данный фрагмент XIII БНЭ воспроизведен в знаменитой греческой надписи, найденной в Афганистане. Мы можем шаг за шагом сравнить греческий перевод с пракритской версией: iyaṃ pi su tato gulumatatale devānampriyaṣṣā (Калси) – «но вот что еще тяжелее для наперсника богов»; здесь греческий перевод вполне точен: καὶ τοῦτο ἔτι δυσχερέστερον ὑπέλεφε ὁ βασιλεύς. «Наперсник богов» несомненно воспринимается как царский титул – ср. характерную замену в VIII БНЭ devānampriyā na lajānc/rājāno, т.е. «цари» (версии из Дхаули и Гирнара). Далее следует: ye tatā vaṣati bābhanā va sama[ṇā] va – «какие живут там брахманы либо шраманы»; и опять близко в греческом: καὶ ὅσοι ἐκεῖ ὠκίουν βραμεναὶ ἢ σραμεναὶ.

Праkritский текст продолжает: anpe vā pāsaṃḍā gihithā vā ye suvihitā, в греческом же: ἡ καὶ ἄλλοι τινὲς οἱ περὶ τὴν εὐσέβειαν διατρέβοντες. Во всех современных изданиях принято читать yesu vihitā. Однако то, что слог su принадлежит suvihitā, а вовсе не yesu, теперь не должно вызывать никаких сомнений. Достаточно обратиться к версии Еррагуди, где совсем нет знака ye: gihathā va suvihitā. Встречающаяся в изданиях (Д.Ч. Сиркар, У. Шнайдер) реконструкция [ye]su – не более чем дань привычной интерпретации фразы²⁴. Исправление пракритского текста ye suvihitā давно предлагал К.Р. Норман²⁵. Он аргументировал тем, что чуть ниже автор эдикта вновь употребляет слово suvihita: yeṣaṃ vā pi suvihitānam. Английский исследователь не получил поддержки²⁶, потому что следующее за suvihitā слово eṣa он трактовал как Gen.Pl. от yad (т.е. исправляя его на [ye]ṣa[m]). Действительно, отсутствие «у» во всех версиях XIII БНЭ не позволяет интерпретировать это слово как форму относительного местоимения yad. Однако, на наш взгляд, в подобном исправлении нет необходимости. Вопреки К.Р. Норману, teṣaṃ в конце фразы соотносится не с реконструируемым им yeṣaṃ, а с ye/e, надежно засвидетельствованным в ее начале. Общая конструкция предложения выглядит следующим образом (К): ye tatā vaṣati...teṣaṃ tatā hoti upaghāte vā vadhe vā – «какие там живут/жили... тех там постигают/постигли или страдание, или гибель» (греч. ὅσοι ἐκεῖ ὠκίουν... τοῦτων ἐκεῖ... ἔϊ τις τέθνηκεν ἢ ἐξῆκται). Ср. ниже: yeṣaṃ vā pi suvihitānam... tatā ṣe pi tānam eva upaghāte hoti – «и у каких благочестивых [родичи умирают], для них это тоже страдание».

Грек оставляет без перевода gihitha/grhastha – «домохозяева». Попытка Э. Бенвениста²⁷ усмотреть «домохозяев» в τοὺς ἐκεῖ ὠκίουντας не встретила поддержки. Прав К.Р. Норман²⁸, полагающий, что мы имеем дело с повторением прежде сказанного: ὅσοι ἐκεῖ ὠκίουν (ye tatā vaṣati). Этот повтор понадобился из-за изменения конструкции фразы, введения ἔδει, требующего объекта в винительном падеже. Для пропуска слова gihitha, на наш взгляд, были веские основания. Дело в том, что при чтении пракритского текста возникает некоторое недоумение относительно pāsaṃḍā gihithā vā. Чуть ниже, уже после того как обрывается греческий текст, сказано: nathi cā ṣe janapade yatā nathi ime nikāyā ānatā yoneṣu baṃhmane cā ṣamane cā nathi cā kuvāpi janapadaṣi yatā nathi manuṣānam ekatalaṣi pi pāṣaḍaṣi no nāma paṣāde²⁹ – «И нет такой

²² Schneider. Op. cit. S. 117.

²³ Ibid. S. 141.

²⁴ Никлас (Niklas). Op. cit. S. 127) говорит: erwartetes ye fehlt, но его и «ожидать» не следует.

²⁵ Norman. Notes on the Aśokan Rock Edicts. P. 166; cf. CP. V. I. P. 152.

²⁶ Schneider. Op. cit. S. 141.

²⁷ Benveniste E. Edits d'Aśoka en traduction grecque // JA. 1964. 252. P. 153.

²⁸ CP. I. P. 151.

²⁹ Отметим типичное для индийских литературных текстов обыгрывание созвучия pāṣaḍa/pāsaṃḍa и paśāda/prasāda («склонность, принадлежность, вера»), ср. Christol A. Les Edits Grecs d'Aśoka: Etude linguistique // JA. 1983. P. 27.

земли, кроме греков, где не было бы этих разрядов [брахманов и шраманов]; и ни в какой земле нет места, где люди не принадлежали бы к той или иной конфессии». Но если все люди принадлежат к какой-либо *pāṣaṃḍā*, невозможно *pāṣaṃḍā* противопоставить *gṛhasthā*, разделив их союзом *vā*: «люди, принадлежащие вероучению, или домохозяева». Чувствуя, что здесь не все в порядке, переводчики иногда опускают это *vā*, рассматривая *pāṣaṃḍā* как определение к *gihithā* (householders of different religions).

На самом деле, очевидно, имелось в виду то же самое, что сказано в начале XII БНЭ: *śāvāpāṣaṃḍāni pavajitāni gahathāni vā* – «представители всех вероучений – [будь то] отшельники или домохозяева» (таким образом, домохозяева противопоставлены отшельникам, а не *pāṣaṃḍā*). Гирнарский писец запутывает смысл и этой фразы, рассматривая приведенные выше слова как однородные: *savapāṣaṃḍāni ca pavajitāni ca gharastāni ca* – получается, что *pāṣaṃḍā* не включает в себя ни отшельников, ни домохозяев. Сходный контекст имеется в VII колонном эдикте: *pavajitānaṃ seva gihithānaṃ ca savapāṣaṃḍesu pi ca*, но здесь различие в падежах подсказывает перевод: «и к отшельникам, и к домохозяевам и [так] среди всех конфессий». А далее понятие *pāṣaṃḍā* раскрывается: «в [буддийской] сангхе, так же, как среди брахманов и адживиков, и среди ниргрантхов – среди разных конфессий (*pāpāpāṣaṃḍesu*)». Автор эдиктов во всяком случае не хотел противопоставления «домохозяев» и *pāṣaṃḍā*, а потому греческий переводчик совершенно верно передал смысл, вовсе опустив *gṛhastha* и дав неопределенное *καὶ ἄλλοι τινές*.

Pāṣaṃḍā он передает как *οἱ περὶ τῆν εὐσέβειαν διατριβόντες*. Это кажется очевидным, так как в начале XII БНЭ *savapāṣaṃḍāni* переведено: *κατὰ πάσας τὰς διατριβὰς* – «во всех вероучениях». *Εὐσέβεια* обычно соответствует *dhamma/dharma* («благочестие или богопочитание»), а последнее тесно связано с *pāṣaṃḍā* – «вероучением, конфессией», см. в XII БНЭ: *atarāṣaṃḍavaḍḍhi cā hoti dhammaṣa cā dīpaṇa* – «процветание собственного вероучения и воссияние дхармы».

Таким образом греческий переводчик близко следует оригиналу – присланному из столицы текст царского указа. Откуда, однако, появляется должествование: *ἔδει?* Оно, на наш взгляд, связано со следующим далее пассажем относительно почитания родителей и с перечнем норм дхармы. В пракритском же тексте этот фрагмент вводится словом *vihita*. *Vihita* указывает на исполнение *vidhi* – «правил, религиозных наставлений». Практическое *suvihita* (санскр. *suvihita*) *Paiasaddamaḥāṇṇavo* переводит на хинди как *sadācāri*. К.Р. Норман³⁰ дает английское соответствие: *carrying out vidhi well*. Мы бы, скорее, предложили вариант: «исполняющий верные правила» (ср. там же *suvihita-sundar anuṣṭhān*, т.е. «благие наставления»).

Чуть ниже в разбираемом XIII БНЭ говорится о том, что если даже не сам *suvihita* гибнет, а его близкие, любимые друзья и сородичи, для него это тоже страдание (*yeṣaṃ vā pi suvihitānaṃ śinehe avipahine e tānaṃ mitasaṃthutaśahāyaṇātikya viyaṣanam rapunāti tatā ṣe pi tānaṃ evā upaghāte hoti*). Весьма распространено истолкование слова *suvihita* в данном контексте как «обеспеченный» или «спасшийся, избежавший [сам подобного] несчастья». Е. Хульцш переводит: «although they are [themselves] well provided for», У. Шнайдер: «von solchen, die gut versorgt sind», Г. Бюлер: «welche selbst wohl aufgehoben sind», Ж. Блок: «les chanceux» (французский исследователь признается, что переводит, исходя лишь из своего понимания контекста. Буквальное значение, по его мнению, «bien pourvu»), С. Дхаммика: «who are not affected (by all this)», Р. Тхапар: «who are fortunate to have escaped» и т.д. Однако, учитывая, что для *suvihita*, встречающегося в предшествующей строке, подобное значение совершенно не подходит, маловероятно оно и здесь.

Речь идет отнюдь не о благополучии этих людей, а об их благочестии. Греческий перевод не оставляет в том никаких сомнений: *τούτων ἐκεῖ τῶν τοιαῦτα διαπρασομένων* – «тех, кто исполняет все это» – имеются в виду только что изло-

³⁰ СР. V. I. P. 152.

Рис. 1. Похищение Европы. Известняк. V в. Каир, Коптский музей

Рис. 2. Известняк. V в. Местонахождение неизвестно

Рис. 5. Ткань. VII–VIII вв. Афины, Музей прикладных искусств

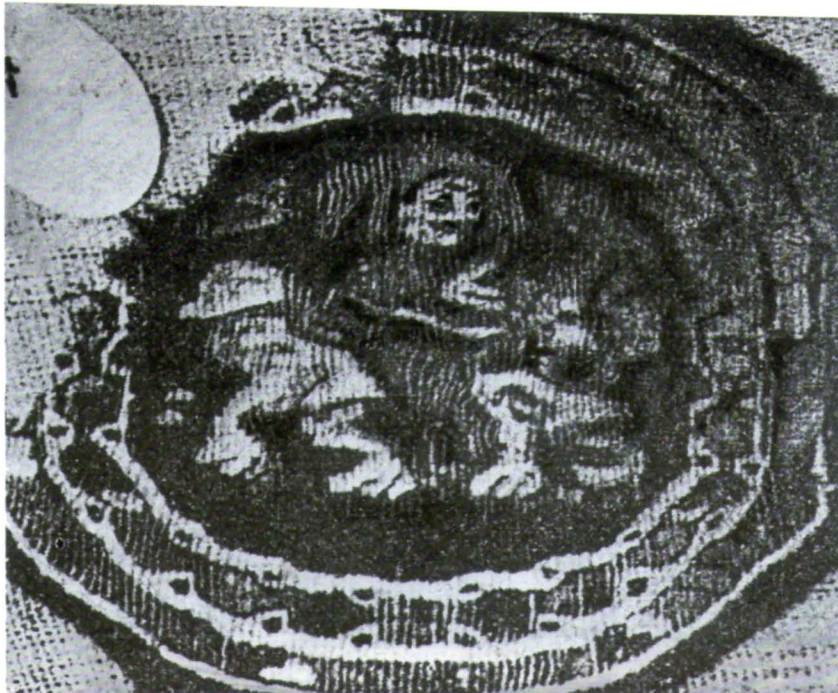

Рис. 6. Ткань. VII–VIII вв. Афины, Музей прикладных искусств

Рис. 7. Ткань. VII–VIII вв. Милан, Собрание Каstellо Сфорцеско

Рис. 8. Ткань. VI в. Вашингтон, Собрание Думбартон Окс

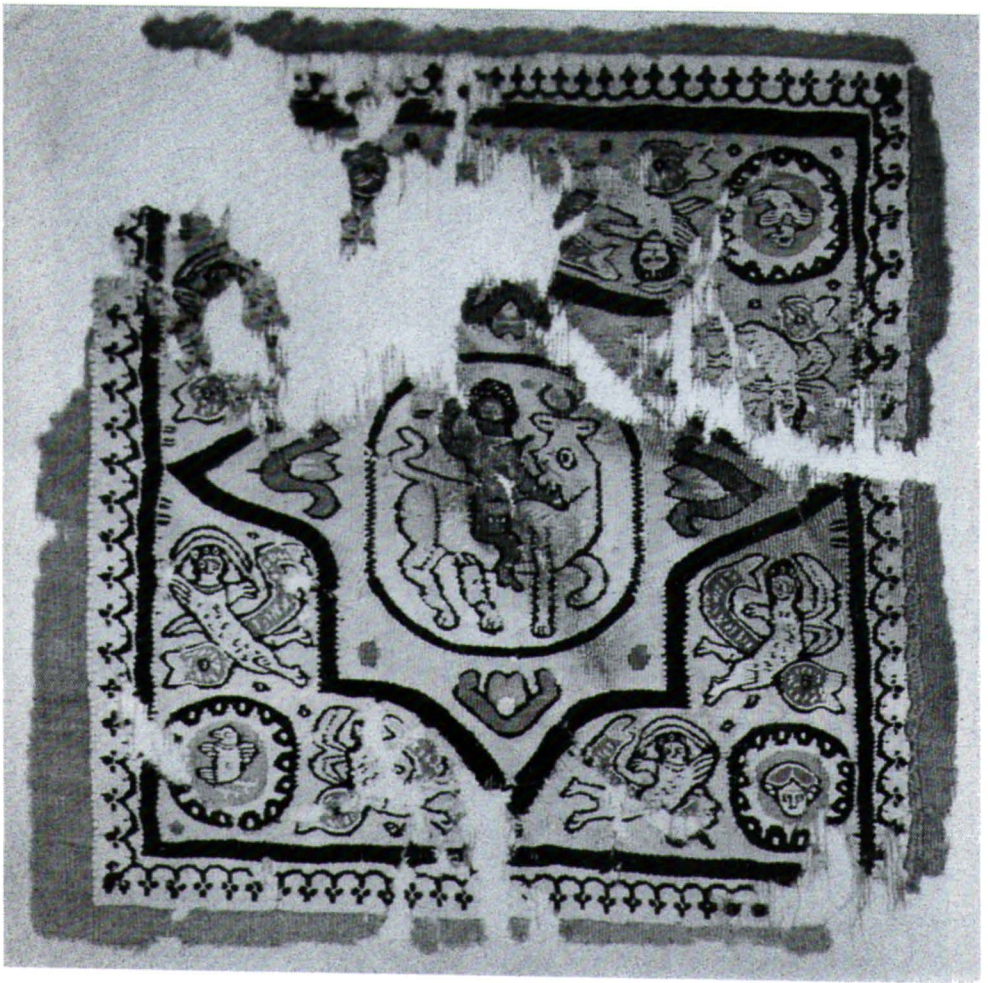

Рис. 9. Ткань. VIII–IX вв. Нью-Йорк, Бруклинский музей

женные правила дхармы. Еще до открытия греческой надписи Б.М. Баруа, ссылаясь на употребление *suviḥita* в надписи Кхаравелы из Хатхигумпхи, а также в «Тхеригатхе», толковал слово так: *those who are well controlled, well established in the Law of Piety or Duty*. Эта интерпретация представляется верной (ср. также у А.Ч. Сена: *who are [themselves] of good conduct*). *Suviḥitā* в том и в другом случае означает «исполняющие благие предписания» (*suvidhi*), т.е. дхарму. В надписях Ашоки это слово встречается еще один раз – в I Особом наскальном эдикте (ОНЭ). На наш взгляд, оно и там (несмотря на традиционный перевод Л. Альсдорфа³¹: *wohlversorgt*) значит то же самое: «Смотрите же и вы: исполняете ли дхарму?» (*dekhata/dakkhatha hi turpe: suviḥitā pi?*). Эту идею должностования (*vidhi*) и передает греческий переводчик посредством *ἔδει*.

Перечень норм, начинающийся со слов *agabhutiṣuṣā mātāpitiṣuṣā galuṣuṣā*, является стереотипным раскрытием понятия «дхарма» (ср. в III БНЭ, IV БНЭ, VII БНЭ, IX БНЭ, XI БНЭ). Это заставляет нас в *eṣa* (Еррагуди: *esa*), предваряющем данный перечень, усматривать указательное местоимение, соответствующее санскритскому *etaḥ* – «это». Мы встречаем его чуть ниже в том же самом XIII БНЭ: варианты Калси и Мансехра – *eṣa... gulumate*, Еррагуди – *esa... gulumate*, Шахбазгархи – *etaḥ... gurumatam* «это – тяжело», ср. в IV БНЭ *esa/eṣe/etaḥ dhammacaraṇe*. Таким образом конструкцию всей фразы мы представляем так: «И вот что еще тяжелее для наперсника богов [=царя]: какие живут [=жили] там брахманы или шраманы или придерживающиеся других вероучений [или домохозяева], которые преданы дхарме (*suviḥita*) – [а] это [означает=а для этого подобает]: *agabhutiṣuṣā*, послушание отцу с матерью, послушание учителю, должное отношение к друзьям [и т.д.], постигает их [=постигло во время Калинградской войны] либо страдание, либо гибель».

Формулы самих предписаний о дхарме более или менее точно воспроизведены в греческом переводе: *mātāpitiṣuṣā galuṣuṣā* – «послушание матери и отцу, послушание учителю», ср.: *καὶ διδάσκαλον καὶ πατέρα καὶ μητέρα ἐπαισχύνεσθαι καὶ θαυμάζειν*; *mitaṣaṃīhutasahāyanātikesu dāśabhaṭakaṣi samyāratipati diḍhabhatitā* – «должное отношение и верность друзьям, близким, сотоварищам, родичам, к рабу и слуге», ср.: *φίλους καὶ ἐταίρους ἀγαπᾶν καὶ μὴ διαψεύδεσθαι δούλοις καὶ μισθωτοῖς ὡς κουφώτατα χρᾶσθαι*.

Попутно отметим, что греческое *φίλους καὶ ἐταίρους ἀγαπᾶν καὶ μὴ διαψεύδεσθαι* – «любить и не обманывать друзей и товарищей» не оставляет сомнений в том, что *diḍhabhatitā* вовсе не относится к вере («преданность вероучению» в переводе В.В. Вертоградовой, *fermete dans la foi* у Ж. Блока и т.д.), хотя *bhakti*, конечно, может означать «преданность (богу)». *Diḍhabhatitā kitanātā* в VII БНЭ также указывает на общие добродетели – «верность и благодарность», и в таком качестве последние фигурируют в эпосе и в шастрах. См. «Махабхарата» XII. 67. 38: *ḥṛtājño dṛḍhabhaktiḥ syāt*, ср. XII. 68. 56–57. В «Артхашастре» дается пояснение (I. 9. 1–3): *mitratām dṛḍhabhaktiṣaṃ sa samvuvahārāt ...raṅkṣeta* «дружбу и верность можно узнать из общения», речь безусловно не идет о «преданности вероучению». Еще яснее в «Агнипуране» 225.29 «верный как конь» (*dṛḍhabhaktistathāśvatat*), ср. «Нитисара» IV. 6–7 и IV. 36, КА VI. 1–3: *ḥṛtājñāḥ... dṛḍhabuddhir* (рукописный вариант: *dṛḍhabhaktir*) и «Аджнавалкья» I. 309 с вариантами из комментария Вишварупы (*dṛḍhabhaktir*).

В пракритском тексте на первом месте стоит еще то самое загадочное *agabhutiṣuṣā*, в греческом же перечень начинается со слов: *tā tou βασιλέως συμφέροντα νοεῖν*. Э. Бенвенист³², переводя последнее как *avoir dans l'esprit les intérêts du roi*, предполагал, что оно может соответствовать *agabhutiṣuṣā*. Напротив, Б.Н. Мукерджи³³ отказывается видеть здесь какое-либо сходство, утверждая, что грек оставил *agabhutiṣuṣā* без перевода. На такой точке зрения стоит и К.Р. Нор-

³¹ *Alsdorf L. Aśokas Separatedikte von Dhauri und Jaugada*. Wiesbaden, 1962. S. 37.

³² *Benveniste*. Op. cit. P. 153 f.

³³ *Mukherjee*. Op. cit. P. 37.

ман³⁴, уверенный в том, что *susūsā* всегда должно переводиться только как *θαυμάζειν*, но не как *βοεῖν*. Исследователь стремится доказать, что грек передал через *considering the king's interests* пракритское *suvihita*. Нам эта идея кажется весьма сомнительной, поскольку *suvihita* в обоих уже разобранных случаях относится ко всему комплексу предписаний (*vidhi*) о дхарме, но не содержит в себе какое-либо дополнительное наставление. Достаточно в перевод второго фрагмента XIII БНЭ, где встречается *suvihitā*, поставить предлагаемое английским индологом значение («и у тех, которые имеют в виду интересы царя, умирают любимые родичи и друзья»), чтобы убедиться в его несоответствии контексту.

Несомненно, греческий переводчик старался точно воспроизвести букву и дух царского указа. Утверждение К.Р. Нормана и Б.Н. Мукерджи, будто в греческой версии нет эквивалента для *agabhutisusūsā*, нам не кажется справедливым. В таком случае пришлось бы признать, что грек не только опускает фрагменты эдикта, но еще и сочиняет что-то от имени царя. Обратим внимание на то, что *śuśrūṣā* означает, собственно, «желание слушать» (см. «Нитивакьямрита» IV. 43: *śrotum icchā śuśrūṣā*), т.е. не только повиноваться, но и «знать, понимать» – см. в XII БНЭ: *dharmam śuneyu cā śuśrūṣeyu cā ti... savarāṣaṃdā bahusūtā cā... huveyu ti* – «пусть дхарму слушают и повинуются – и люди всех конфессий будут много знать – *sūtā-śrūtā*». Во-вторых, *aga/agra* – «первый, главный» вполне могло быть интерпретировано как «царь» (в особенности, греком, в родном языке которого *ἀρχή* соответствует и «началу» и «властям»). И наконец, главное, τὰ συμφέροντα (*symféron* – confer a benefit, Liddel–Scott, Greek–English Lexicon) совершенно совпадает по значению с *bhūti* (well-being, prosperity – Monier-Williams, Sanskrit–English Dictionary). Уже по этой причине следует отвергнуть недавнюю гипотезу³⁵ о переводе интересующего нас словосочетания как «*gli utili precetti del re*» – *bhūti* нельзя истолковать как «полезные наставления».

Сама идея о покорности царю в контексте исполнения дхармы не является совершенно чуждой сознанию древних индийцев. В качестве примера можно привести фрагмент из «Махабхараты» XII. 65. 17, в котором сказано: *mātāpitroḥ hi kartavyā śuśrūṣā... ācāryaguruśuśrūṣā tathaiṅvāśramavāsināṃ bhūpālānāṃ ca śuśrūṣā kartavyā... dharmo vidhiyate* – «Должно оказывать таким повиновение отцу с матерью... повиновение учителям и наставникам, а также живущим в обителях [отшельникам]... повиновение владыкам земли... – такая предписана дхарма».

Очевидно, что греческий переводчик видел перед собою царское послание, где стояло *bhūti* (но не *bhūti*, как в эдиктах из Шахбазгархи и Мансехры). Возможно, написано оно было шрифтом кхароштки, в котором не передаются долгие гласные (на ближайших к Афганистану территориях использовался именно кхароштки). Во всяком случае, писец считал себя вправе, читая, расставлять долготы по собственному усмотрению. Он понял *bhūti* как *bhūti* (так же, как большинство современных переводчиков), но, в отличие от них, истолковал слово в его обычном значении («благо, благополучие»). Грек дал, таким образом, свою интерпретацию полученного из Паталипутры текста. Но соглашаться или не соглашаться с ним – наше дело.

То же самое можно утверждать и в отношении версий из Шахбазгархи и Мансехры (возможно, восходящих к одной и той же копии эдикта – субрецензии, как ее называет К.Р. Норман). Мы неоднократно встречаемся с такой ситуацией, когда в местных версиях из Калси, Дхаули или Джаугады пишется зубной согласный, а в Шахбазгархи или Мансехре – церебральный. Поэтому вполне вероятно, что писец получал из столицы копию, в которой стояло (как в IV БНЭ и IX БНЭ) *vadhi* или *athāye*. Он лишь догадывался, что эти слова соответствуют санскритским *vṛddhi*, *arthāya* и восстанавливал церебральные (под влиянием исчезнувшего *ṛ* или *ṛ*): *vadhi*, *athāye*. Напротив, писец гирнарской версии эдиктов, санскритизируя присланный образец, нередко, напротив, избавлялся от церебральных, заменяя их зубными (например, в I БНЭ:

³⁴ CP. V. I. P. 151 f.

³⁵ *Gallavotti C.* I testi greci di Piodasse in Afganistan // *Rivista degli Studi Orientali.* 1992. 66. P. 46.

kaṭaviye/kaṭavo во всех версиях, кроме Гирнара – в последнем же kaṭaviyo). При этом возникала возможность различных интерпретаций полученного указа. Так в VI БНЭ мы видим в версии Калси форму anathesu. Калингский писец в Дхаули добавляет знак долготы – anāthesu, понимая слово как Loc. Pl. от anātha – «сирота»³⁶. Писец из Шахбазгархи воспринимает его по-другому – anaṭhesu (Loc. Pl. от anathā, т.е. санскр. anartha – «бедняк, несчастный»). В данном контексте VI БНЭ обе интерпретации кажутся уместными и выбор сложен – как для древних читателей, так и для нас.

К.Р. Норман полагает, что все переводы эдиктов Ашоки осуществлялись в царской канцелярии в Паталипутре. Однако случаи ошибочной интерпретации текста заставляют думать, что переводчики не имели возможности для консультаций, а следовательно, выполняли свою работу не в царской канцелярии, а на месте, вдали от столицы. Мы часто можем понять побудительные мотивы того или иного писца, но вовсе не обязаны рабски следовать за ним.

Есть возможность предложить совершенно новое понимание слова agabhuti. Как известно, на письме брахми двойные согласные не передавались (ср. aga-agga), а потому написание bhuti может соответствовать среднеиндийскому bhutti. Последнее допустимо истолковать как санскритское bhukti от корня bhuj (так же, как чуть ниже bhati передает bhatti, восходящее к санскр. bhakti). Правда, сочетание agrabhukti точно так же не засвидетельствовано словарями, как предлагавшиеся ранее agrabhūti, agrabhṛti или agrabhṛta, но – в отличие от них – достаточно часто встречается близкая форма agrabhuj (ср. синонимы типа agraja и agrajāti, ūrdhvaga и ūrdhvagati и т.д.).

В «Махабхарате», например, говорится (XIII. 35.1): janmanaiva mahābhāgo brāhmaṇo nāma jāyate namasyaḥ sarvabhūtānām atithiḥ prasṭāgrabhuk – «Брахман рождается великим по самому рождению, для всех существ он – почитаемый гость, поедающий первое приношение». И ниже (XIII. 62. 22): «Брахман для всех живых существ – это гость, поедающий первое приношение». В таком значении термин встречается уже в ведийской литературе (Taitt. Ar. X. 13.9). Та же идея в тех же самых словах выражается и в позднейших текстах, к примеру, в «Нарадия-Манусамхите» (XVIII.34): agram navebhyaḥ sasyebhyaḥ – «первины от нового урожая» [должны даваться брахману]. В словарях мы находим синонимичные варианты от тех же корней: agrabhogin, agrabhogya³⁷ и т.д. (ср. agrahāra – то, что получает брахман от царя; согласно комментарию Нилакантхи: agram brāhmaṇabhojanam, – «агра – это угощение для брахмана»)³⁸.

Значение всех этих разновидностей термина вполне прозрачно: речь идет о брахмане, которому положена первая порция еды, как гостю, первины от нового урожая, первое угощение при жертвоприношении и т.п. Брахманов-гостей кормят вместе с богами и предками («Ману-смрити» III. 117; КА I. 3. 9), лишь затем питается сам домохозяин, который именуется поэтому термином śeṣabhuj («поедающий оставшееся») – в отличие от agrabhuj («кого кормят первым»). Среди почитаемых персон, которые упоминаются в этом контексте, наряду с гостями-брахманами мы видим также странника (bhikṣu), просящего подаяние (Ману III.94). Комментируя это место, Медхатитхи говорит, что prasṭi (ср. prasṭa в указанных выше текстах из «Махабхараты») – не что иное как «подавание» (uktaṃ hi prasṭir bhikṣā).

Между теми, кто дает, и теми, кто получает подаяние, устанавливаются отношения учителя и ученика, а само подаяние приравнивается к подношению – дакшине (Ману III.95). Таким образом, agrabhuj/agrabhukti действительно является superior или

³⁶ Нам представляется эта интерпретация верной. Во всяком случае, anātha (букв. «лишенный опекуна») очень часто встречается в эпосе и в шастрах именно в данном контексте. См., например, цитату из Катьяны в «Раджадхармакауштубхе» (84): «царь – опекун тех, кто не имеет другого опекуна»; «Агнипурана» 225.25: kṛpānāthavṛddhānām vidhāvānām sa yoṣitām – царь должен заботиться об anātha, стариках, вдовах и бедняках; КА II. 1. 26; Чанакья-санграха I. 82: anāthānām daridrāpām bālavṛddhatapasvinām. Слова kṛpā и daridra в подобном контакте также встречаются – но не anartha.

³⁷ Schmidt R. Nachträge zum Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung von Otto Böhtlingk. Delhi, 1991. s.v.

³⁸ Böhtlingk O., Roth R. Sanskrit-Wörterbuch. s.v.

high personage, не будучи при этом ни *topmost servant*, ни *high official*. Когда-то Г. Бюлер³⁹ высказывал предположение, что *agrabhuti* (по его мнению, = *agrabhūta*) тождественно с *agrajanman* («первый по рождению», т.е. брахман). Отказываясь признать этимологию, указанную знаменитым эпиграфистом, мы близки к нему в оценке самого содержания термина.

Возможно, и писцы версий из Мансехры и Шахбазгархи в своей интерпретации не так сильно отличались от Калси и Еррагуди, как кажется на первый взгляд. *Bhūti/bhrti*, производное от глагола «*bhṛ*»: *ernähren*, так же близко к *bhuti/bhukti*, как *bhagara* и *bhojana* (то и другое может означать «содержание, пища»).

Совершенно невозможно анализировать термин вне общего контекста предписаний о дхарме. Именно их стереотипность дает основания для восстановления и истолкования темных мест. Воспроизводимый Ашокой перечень норм имеет достаточно устойчивую структуру, определяемую социальным положением лиц, о которых идет речь. Прежде всего говорится о том, как следует себя вести с высшими, затем с равными и, наконец, с низшими. К первым относятся брахманы и шраманы, отец и мать, учитель и старшие (с некоторыми лексическими вариантами, указывающими на различные оттенки интерпретации: *vuṣṭha*, *thaira*, *vaṇamahālakā*, последнее – только старший по возрасту, первые два могут указывать на иные достоинства – старшинство по знаниям, знатности, значимости). Ко вторым причисляются *mitasamīthutasahāyañāti* – «друзья, знакомцы, приятели, родичи». Наконец, низшую категорию составляют *dāsabhāṭaka* – «рабы и слуги» или *anātha/kaṣapa* – «сироты» и «бедняки», все вообще живые существа (*rāpa*, *ḷva*), вплоть до птиц, рыб и пресмыкающихся. Колонный эдикт V красноречиво свидетельствует о том, что автор не проводил слишком резкой грани между двуногими и прочими одушевленными тварями: он на всех равным образом распространял свое милосердие.

Следует подчеркнуть, что выделение указанных разрядов диктуется отнюдь не нашими субъективными оценками. Об этом могут свидетельствовать параллельные тексты, например, буддийская «Сигаловадасутта». Сюжет названной части «Дигхникаи» таков: юный домохозяин по имени Сигала (или Сингала) ревностно выполнял ведийские ритуалы. Он вставал на заре и, совершив омовение, поклонялся всем сторонам света. Спрошенный однажды Буддой о том, почему он это делает, Сигала ответил, что так научил его покойный отец. И Благословенный объявил своему слушателю, что, согласно его учению, тоже надлежит почитать стороны света. Однако «стороны» эти – совершенно иные. Он пояснил, что Восток, который следует почитать – не что иное, как отец с матерью, Юг – учителя, Запад – домочадцы. Север – друзья и близкие, Внизу находятся слуги и рабы, а Вверху – брахманы и религиозные наставники. Вот какие «стороны света» надлежит почитать! Эта сутра известна, как «наставление мирянам» (*gihivinaṇa*). Такого же рода наставлением являются и эдикты Ашоки – не просто перечень всевозможных правил морали, а изложение четкой социальной ориентации для мирянина.

Среди предписаний о дхарме в надписях Ашоки есть списки, очевидно, не претендующие на полноту. В IX БНЭ нормы дхармы приводятся лишь для примера и сопровождаются словами «это и другое подобного рода». Иногда же, напротив, к основному перечню добавляются указания на те или иные достоинства или моральные заслуги (как в III БНЭ в конце появляются *aravuaṇatā arabhāṭatā* – «мало тратить и малым владеть»). Но, как справедливо указывал еще Б.М. Баруа⁴⁰, нигде, кроме XIII БНЭ, не пропущено главное – почитание брахманов и шраманов. Наше предшествующее изложение и призвано показать, что этот пропуск – мнимый. Именно их автор имеет в виду под *agrabhuti/agrabhukti-agrabhuj*. Возможно, причина этой замены – чисто стилистическая. Ведь в начале фразы уже говорится о брахманах и шраманах.

³⁹ *Bühler G. Nachträge zur Erklärung der Aśoka-Inschriften // ZDMG. 1883. 37. S. 592 f. Критикуя Э. Сенара за предложенный перевод «die hohe Obrigkeit», Г. Бюлер заметил: «scheint mir zu europäisch».*

⁴⁰ *Barua. Op. cit. P. 151.*

Повтор: «где живут брахманы и шраманы, а также те домохозяйства, которые почитают брахманов и шраманов» сделал бы фразу довольно неуклюжей. Поэтому используется более изысканный оборот: «где живут брахманы и шраманы и те домохозяйства, которые почитают высших» (букв. «тех, кого надлежит угощать в первую очередь», т.е. брахманов и шраманов). Выбор необычной формы *agrabhukti* вместо *agrabhuḥ* мог диктоваться тем, что сочетание последнего с *susūṣā* просто непроизносимо.

Итак, затянувшийся разбор загадочного выражения *agrabhūtisusūṣā* приводит к разочарывающему результату. Оказывается, что здесь не скрывается какой-либо оригинальной информации (скажем, о религиозном долге уважать всех тех, «у кого большая зарплата», по Е. Хульцшу, или «высокопоставленных функционеров», по У. Шнайдеру). На самом деле, это всего лишь повторение того, о чем говорится и в других эдиктах: царь-буддист призывает своих подданных особо почитать брахманов.

На этом можно было бы и закончить анализ слова, вынесенного в заголовок статьи. Однако его этимология провоцирует на постановку самых общих проблем интерпретации знаменитых эдиктов.

Буквальный смысл *agrabhuḥ/agrabhūti* – «тот, кому дают первую порцию угощения». Это подводит нас к теме «кормления» (*bhojana*) и приема гостя – важнейшей «дхарме домохозяйства» *grhasthadharma* (ср. выше буддийское *gihivāya*). Согласно «Ману» (III. 116), благочестивые хозяева дома едят сами лишь после того, как накормлены *vipra*, *sva* и *bhṛtya* (*bhuktavatsvatha vipreṣu sveṣu bhṛtyeṣu caiva hi bhūñjīyātām tataḥ paścād avasiṣṭam tu dāmpati*). *Vipra* – это «жрец», обычное название брахманов, *bhṛtya* – общее обозначение рабов и слуг. Под *sva* – «своими», очевидно, имеются в виду домочадцы («Ману» IV. 179) – родственники по отцу и по матери, а также родичи жены. Сюда могут быть включены и «друзья» (*mītra*, см. в «Махабхарате» XII. 66. 7: *jñātisaṃbandhamitrāṇi*) – вплоть до соседей, все те, с кем возможно социальное общение, совместная трапеза, брачные связи. Это – тот же самый широкий и довольно неопределенный (для постороннего взгляда) круг лиц, который указан Ашокой: *mītasamthutasahāyañātikā*. Было бы бесплодным педантизмом пытаться точно и однозначно определить значение каждого из элементов сложного слова: чем «друг» (*mīta/mītra*) отличается от «товарища» (*sahāya*), о каких именно «знакомцах» (*samthuta/samstuta*) идет речь и т.д. Они имеют смысл как нечто целое, как совокупность «родных и близких», «лиц своего круга», короче – *sva*. Медхатитхи, комментируя приведенную выше шлоку Ману III.116, говорит, что – это «каста и тому подобное». В палийском каноне встречаются бесчисленные *ñātikula*, *ñātisāhita*, *ñātimitta*, *mīttāmaṣṣa* и т.д. Н.Н. Вагле⁴¹ полагает, что некоторые из этих словосочетаний соответствуют касте или подкасте.

Именно в таком, привычном для индийца, идейном контексте воспринимались все наставления маурийского царя о «должном отношении» к брахманам (которым выделялась первая порция еды – *agra*), к «сородичам и друзьям», к рабам и слугам. О последних еще в дхармасутре Апастамбы (II. 9.11) говорилось, что домохозяин может сам голодать, но он не должен мучить голодом своих *dāsakarmakara* («рабов и работников»). Этикет «кормления» отражал основные нормы социальных отношений.

При чтении надписей – именно основного ядра «предписаний о дхарме» – бросается в глаза традиционность их содержания. Дхарма, провозглашаемая царем, отнюдь не является каким-то нововведением, напротив, это «вечный порядок» (*śasvata samāya* в I и II ОНЭ) или «древнее правило» (*rogāpa rakīti* в Малом наскальном эдикте), очевидный аналог выражения *śanātana dharmā* в шастрах. Проповедуется, по преимуществу, то, что вполне очевидно и не может быть оспорено: отца с матерью почитать, старших слушать, родных любить, друзей не предавать, слабых не обижать. Аналогичные пассажи нетрудно обнаружить и в санскритских текстах, например, в «Махабхарате» (XII. 65. 17–19): *mātāpitror hi kartavyā śuśrūṣā... ācāryaguruśuśrūṣā... dānāni ca... dvijeṣu... bharaṇam putradārāṇām* – «Надлежит слушать отца с матерью... учителей и настав-

⁴¹ *Wagle N.N. Society at the Time of Buddha. N.Y., 1967. P. 108.*

ников... раздавать дары брахманам... кормить жен и детей» или (там же II. 5. 90): *kaccin jñātin gurūn vṛddhān... brāhmaṇāṅśca namasyasi* – «почитаешь ли ты родичей, наставников, старших... и брахманов?». Зачастую Ашоке нет необходимости даже формулировать, каким, собственно, должно быть поведение – это и так известно – просто *satyūraṅgīratī*, т.е. «как положено». Сами нормы общеприняты – и это сознательно подчеркивается царем.

Конечно, мы можем обнаружить различия между дхаммой Ашоки и дхармой, о которой говорится в брахманских шастрах. Ведь «Ману» не дает никаких рекомендаций о почитании шраманов – адживиков или джайнов, а упомянутый выше *bhikṣu* не тождествен буддийскому *bhikkhu*. Возможно, и *thāga* («старцы»), встречающиеся в некоторых версиях эдиктов, больше похожи на буддийских монахов (палийское *thera*), чем на *vṛddha* («старейших») в литературе *smṛiti*. О «непричинении вреда живым существам» (*aḥiṃsā*) Ашока повествует охотнее, чем это было принято в среде, где практиковались кровавые жертвоприношения – *яджны*.

Но все же главное заключается отнюдь не в оттенках интерпретации отдельных терминов или правил. Значительно более важным представляется то, что отчетливо выражено в «наставлении домохозяину» из буддийской «Дигха-никаи». Религия, основным содержанием которой являлась формальная обрядность («почитание сторон света» в «Сигаловадасутте»), противопоставлена социальная мораль. Последняя сама осмысливается в качестве универсальной религии дхармы. Общечеловеческие нормы поведения уподобляются особого рода ритуалам, ведущим к достижению небесного блаженства – конечной цели любого вероучения. Меняются не столько сами нравственные ориентиры, сколько то место, которое они занимают в религиозном сознании. Поэтому и в текстах, изобилующих вполне традиционными понятиями (и специфически индийской терминологией наподобие *agrabhuj/agabhuti*) можно разглядеть черты нового мировоззрения, новой эпохи.

В эдиктах Ашоки современные авторы склонны усматривать пропаганду определенной религии – буддизма. Несмотря на очевидную близость «наставлений о дхамме» с буддийской *gīhivīnaṃ*, мы не видим оснований для подобного утверждения. Провозглашаемая в надписях мораль – как свидетельствуют и приведенные выше ссылки на шастры и эпос – не сводится к какому-либо конкретному вероучению. Их действительное содержание может быть понято с учетом не только того, что сказано, но и того, кто именно говорит. По всей Джамбудвипе начертано было на камне: царь повел почитать старших, заботиться о близких и быть милосердным к живым существам. А смысл этого послания, очевидно, читался так: Царь наш – царь дхармы, истинный владыка Вселенной, он – наш отец, наставник, Спаситель.

А.А. Вигасин

AGABHUTISUSŪSĀ IN THE XIII RE OF AŚOKA

A.A. Vigasin

The new interpretation of inscriptional *agabhuti* is proposed from *skr. agrabhukti* (= *agrabhuj*, the term denoting *brahmanas*). The word *bhuti* was misinterpreted as *skr. bhṛti* by the persons, which engraved the XIII RE in the North-Western India and as *bhūti* by those, who prepared the Greek version. So it is reasonable to think, that all the translations were made in the regions and not in the capital, the city of *Pataliputra*.

The author tries also to show, that *Aśokan* precepts were very traditional, – but the place these norms occupied in the religious system as a whole, changed radically. The social ethics became to be more important, than formal rituals of the past. The propagation of the «ethical religion» by the ruler gave him the status of the «king of *dharma*», i.e. «world-conqueror» (*cakravartin*).

КАК ПРОИСХОДИЛА РАССЫЛКА ЭДИКТОВ АШОКИ

В данной статье я собираюсь свести воедино результаты своих и чужих изысканий по следующим вопросам: как выпускались эдикты Ашоки, как они рассылались из столицы по регионам, как их там обнаруживали. Недавно найденные надписи позволяют расширить материал источников и развить те идеи, которые уже высказывались ранее.

Выпуск эдиктов. В последние годы, благодаря работам К.Л. Янерта, данный вопрос прояснился. На основании тщательного анализа колонных эдиктов (далее – КЭ) ученый пришел к заключению¹, что интервалы между небольшими группами слов в надписях по большей части указывают на паузы, которые делал человек, зачитывавший текст. К.Л. Янерт полагает, что царским посланцам эдикты диктовали, а затем они, в свою очередь, диктовали их, прибыв на место назначения. Он показал также, что все версии КЭ представляют два извода, различие между которыми состоит в долготях (или краткости) гласных.

Рецензируя *magnum opus* К.Л. Янерта², я согласился с его гипотезой о том, что пробелы между группами слов соответствуют паузам при диктовке. В то же время я отметил, что во всех местных версиях КЭ при разделении текста на слова присутствуют одинаковые ошибки, а из этого можно сделать вывод о наличии у них общего письменного оригинала³. По моему мнению, названные выше два извода скорее всего отражают особенности произношения тех секретарей, которые писали под диктовку царя.

Давно известно, что и Большие наскальные эдикты (БНЭ) имеют два извода. Недавно эту тему обсуждал У. Шнейдер⁴. Он показал, что различие в долготях гласных присутствует и здесь (хотя не совсем так, как в КЭ). Дело, однако, затрудняется тем, что идентичные ошибки или сходные формы порою встречаются и в таких местных версиях эдиктов, которые принадлежат разным изводам. Поэтому мы можем утверждать, что ветви эти порою перекрещиваются.

Способ рассылки эдиктов. В дополнение к вопросу об устной или письменной форме передачи эдиктов имеется еще одна проблема – соотношения версий одного и того же эдикта. Известно, что в БНЭ, найденных в той или иной области, присутствуют различные диалектные формы. Устанавливая соотношение между этими региональными вариантами, У. Шнейдер реконструировал «родословное древо»⁵. Один извод соответствует версиям эдиктов, найденным в Калси, Мансехре и Шахбазгархи, другой – в Гирнаре, Дхаули и Джаугаде. Отклонения от оригинала кажутся тем значительнее, чем дальше соответствующий пункт находится от Паталипутры – таким образом, версия, найденная в Шахбазгархи, больше отличается от протографа, чем версия Мансехры, по той причине, что Шахбазгархи дальше от Паталипутры, чем Мансехра.

Л. Альсдорф⁶ ссылался на Г. Людерса, согласно которому Дхаули и Джаугада «ближе всего к оригиналу не только с точки зрения языка, но и по содержанию». В таком случае в сводном издании калингские версии (Дхаули и Джаугада) должны находиться в начале, а гирнарская – в конце, как наиболее произвольная и далекая от протографа. У. Шнейдер пришел к противоположному выводу, будто гирнарская

¹ Janert K.L. Abstände und Schlussvokalverzeichnungen in Aśoka-Inschriften, Wiesbaden, 1972. S. 20.

² Norman K.R. Review of Janert. Op. cit. // AO. 1974. 36. P. 488.

³ Ibid. P. 489.

⁴ Schneider U. Die grossen Felsen-Edikte Aśokas. Kriüsche Ausgabe. Wiesbaden, 1978.

⁵ Schneider U. Zum Stammbaum der grossen Felseninschriften Aśokas // Indologen-Tagung 1971. Wiesbaden. P. 224–237.

⁶ Alsdorf L. Contributions to the study of Aśoka's inscriptions // S.K. De Felicitation. Volume. Poona, 1960. P. 253.

версия ближе к оригиналу, чем калингские, несмотря на географическую близость Дхаули и Джаугады к Паталипутре. Поэтому он должен был постулировать, что посол, располагавший текстом эдиктов данного извода, сначала отправился на запад – в Гирнар и лишь затем по торговому пути вдоль рек Нармада и Маханади вернулся на восток – в Дхаули и Джаугаду.

Мой собственный анализ вопроса о том, как готовились экземпляры царских посланий, не позволяет согласиться с У. Шнейдером. Я считаю, что метод рассылки эдиктов не дает возможности восстанавливать «родословное древо»⁷. По-моему, для каждого пункта готовилась отдельная копия эдикта. Исключение составляют лишь Дхаули и Джаугада, явно располагавшие одной копией, а также Мансехра и Шахбазгархи, где порою проявляется особая близость (например, в БНЭ IX Шахбазгархи содержится чтение *dhramagalena*, Мансехра *dhramagalena* в противоположность Калси: *dhammagalena* и Еррагуди: *dhammagalena*; это показывает, что Шахбазгархи и Мансехра располагали одним и тем же дефектным экземпляром).

Известно, что некоторые из ошибок, встречающиеся в надписях Ашоки, могут быть объяснены лишь особенностями письменного оригинала. Например, *dighāya* в Гирнаре (БНЭ X, A), вероятно, появилось в результате ошибки писца вместо **āyatāye*, где знак для «ā» стоит вместо ожидаемого «i» (*āyatīye*)⁸. Кто-то может возразить на это, что письменный текст могли изготовить и на месте – в качестве пособия для резчика по камню. Однако, видимо, это не так: некоторые оплошности в северо-западных версиях, написанных шрифтом кхароштки, объясняются тем, что в их основе лежал неисправный текст шрифтом брахми. Уже Л. Альсдорф⁹ обратил внимание на то, что форма *raḥradāne* в БНЭ IX (Калси) объясняется ошибочным прочтением слова *raḥradāye*. Но знаки для «па» и «уа» сходны лишь в алфавите брахми, а не кхароштки. Ту же самую ошибку мы видим и в варианте на кхароштки из Шахбазгархи – *raḥradane*, а следовательно, версия на кхароштки восходит к оригиналу, написанному на брахми.

Конечно, нет ни малейших оснований думать, что устное послание писец сначала зафиксировал на брахми и лишь затем перевел его на кхароштки. Значит, эдикт был записан на брахми еще до того, как его доставили в тот пункт, где он был высечен на камне.

Перевод и изводы. Хотя версия БНЭ из Еррагуди¹⁰ сохраняет больше восточных диалектных особенностей, чем любая другая, в ней присутствуют и черты западного диалекта (например, относительные местоимения на «у-»). В версии БНЭ из Калси – хотя она по преимуществу восточная – западные диалектные формы встречаются еще чаще. Соответственно на западе и северо-западе мы видим признаки восточных диалектов. Например, в Гирнаре – написание *anusasṭi*, очевидно, восходит к восточному *anusasṭhi*, хотя данная форма повсюду в областях распространения восточного диалекта, за исключением Еррагуди БНЭ XIII¹¹, заменена на западное *anusasṭhi*. Некоторые из вариантов появляются бессистемно – то ли по вине местных писцов, то ли тех работников столичной канцелярии, которые отвечали за изготовление копий. Последнее нам кажется более правдоподобным: видимо, по небрежности секретарей черты их собственного диалекта проглядели в те экземпляры, которые предназначались для рассылки в различные регионы.

Отправитель. Очевидно, в каждую надпись было необходимо включить упоминание о том, что она исходит от царя и таким образом освятить ее авторитетом власти. Все версии Малого наскального эдикта (МНЭ) I¹² начинаются со ссылки на *devānapriya*. Я полагаю, что *devānapriya* – почетный титул, который перевозжу как «Его

⁷ Norman K.R. Review of Schneider. Die Grossen Felsen-Edikte. // AO. 1979. 40. P. 352.

⁸ См. также Norman K.R. Lexical Variation in the Aśokan inscriptions // CP. V. 1. P. 136 ff.

⁹ Alsdorf. Op. cit. P. 262.

¹⁰ Niklas U. Die Editionen der Aśoka-inschriften von Еррагуḍi. Bonn. 1990.

¹¹ Norman K.R. The Orthography of the Gimar Version of the Aśokan Rock Edicts // BEI. 1988. 5. P. 276 f.

¹² См. Andersen P.K. Studies in the Minor Rock Edicts of Aśoka. 1. Critical Edition. Freiburg, 1990.

Величество». К этому добавляется имя «Асока» в версии из Маски и слова «царь Асока Пиядаси» в версии из Гуджарры. Мы можем быть уверены в том, что подобные дополнения делались по указанию местной администрации. Вставка имени Ашоки в Маски и в Гуджарре – не что иное, как попытка получателей эдикта пояснить читателям (или, скорее, слушателям), какой именно devānapriya его прислал.

В МНЭ II содержатся слова: «Его Величество говорят», а в версиях из Ниттура и Удеголама добавлены слова «царь Ашока». В каждом из 14 БНЭ упоминается devānapriya Piyadasi (на соответствующем диалекте) – обычно «Его Величество Пиядаси говорит» и «это написано по приказу Его Величества Пиядаси». В I и II Особом наскальном эдиктах (ОНЭ) говорится: «по приказу Его Величества», во всех КЭ – «Его Величество Пиядаси говорит так», в эдикте из Байрата – «Пиядаси, царь Магадхи, говорит», в «Эдикте о расколе» из Аллахабада и Сарнатха (начало версии из Санчи отсутствует) – «Его Величество повелевает», в так называемом «Эдикте царицы» – «по приказу Его Величества».

Адресаты. Я полагаю, что любой эдикт, продиктованный Ашокой (или вышедший из его канцелярии) сопровождался обращением, дабы осведомить царских посланцев, куда именно они должны его доставить.

Три майсорские версии МНЭ I (из Брахмагири, Джатинга-Рамешвара и Сиддапура) начинаются с такого обращения. Оно содержит приветствие – но не от Его Величества, а от арьяпутры и махаматров Суварнагири к махаматрам Исилы. После этой преамбулы майсорские надписи приводят слова Его Величества примерно так же, как они даны в других местных версиях МНЭ. Можно думать, что первоначально сопроводительное письмо содержало обращение к арьяпутре и махаматрам Суварнагири, последние же переадресовали его и, согласно полученным инструкциям, разослали по своей территории. Махаматры Исилы приказали высечь эдикт в том же самом виде, по меньшей мере в трех местах (хотя, конечно, лишь одно из них может быть Исилой). Писец был один и тот же, и он по оплошности воспроизвел то обращение, которое имелось в начале послания. Идентичность всех трех версий эдикта показывает, что его развозил тот же самый писец, который высекал его на камне. В конце каждой надписи он написал на кхароштки – «писец (липикара) Чапада»¹³.

Версия МНЭ I из Пангурарии адресована кумаре Самве. Слово Piyadasināma в начале ее указывает, что эдикт исходит от царя Пиядаси, между тем как сам текст включает – как и в других версиях – только почетный титул Его Величества. Первая строка версии МНЭ I из Ахрауры почти не читается, но наличие в конце piyo (очевидно, окончание слова devānapriyo) sāti заставляет предполагать, что надпись содержала обращение со словом devānapriyo. Впрочем, возможно, это слово принадлежит собственно тексту эдикта, который во всех версиях начинается словом devānapriyo в той или иной форме (и в ряде версий поблизости находится и sāti). Однако наличие на следующей строке слова sādhiḥāni (если чтение надежно), соответствующее sāti(rekāni) в других версиях, делает последнее предположение сомнительным.

Ни в МНЭ II, ни в БНЭ обращений нет, однако в ОНЭ I и II, найденных в Дхаули и Джаугаде, они имеются. ОНЭ I адресован махаматрам (которые являются nagalaviyohāḷaka) в Тосали и в Самапе соответственно. ОНЭ II адресован кумаре и махаматрам Тосали и махаматрам (которые являются gājavasanika) в Самапе. Недавно обнаружена третья версия ОНЭ (в Саннати), но она так сильно повреждена, что обращения исчезли, даже если они и были. ОНЭ были предназначены для администрации и других районов Индии – это явствует из того, что в ОНЭ I имеются инструкции кумаре Уджени и махаматрам Такхасилы (Таксилы) совершать объезды территории с иной периодичностью, чем та, о которой речь идет в основной части эдикта.

В колонных эдиктах обращений нет. Версия «Эдикта о расколе» на колонне, которая ныне находится в Аллахабаде, адресована махаматрам в Косамби (Каушамби).

¹³ Norman K.R. Middle Indo-Aryan Studies X. Notes on some vocables in Aśoka's Minor Rock Edicts // JOI (B). 1973. XXIII. P. 64.

Наличие слов «махаматры Косамби» в этой версии считают доказательством того, что колонна первоначально находилась в этом городе и лишь позднее была перевезена в Аллахабад¹⁴. Это, конечно, вполне возможно – известно, что колонны, когда-то стоявшие в Топре и в Мирате¹⁵, ныне находятся в Дели. Однако решение загадки может быть и другим: махаматры Косамби получили приказ распространять царское послание по своей территории и просто переправили его дальше, а их подчиненные приказали высечь эдикт без всяких изменений, не замечая, что в обращении указана иная местность¹⁶. Аналогичное объяснение подходит и для версии из Сарнатха, начало которой повреждено, но читаются знаки Pāṭa. Еще Л. Альсдорф¹⁷ отметил удивительный факт, что эдикт, адресованный махаматрам Паталипутры (если Pāṭa соответствует названию этого города¹⁸), оказался в Сарнатхе. В версии «Эдикта о расколе» из Санчи достаточно места для обращения, но текст неразборчив. «Эдикт царицы» обращен к махаматрам повсюду: У. Шнейдер¹⁹ указал, что первая фраза эдикта из Байрата представляет собою обращение царя к буддийской сангхе.

Дата. Возможно, все эдикты содержали сведения о времени их издания – указания на год правления или на день рассылки. В некоторых версиях МНЭ I имеется число 256 (словами или цифрами). Я полагаю, что это число представляет собою дату отправления писем махаматрам – 256-й день со дня выезда (вероятно, из Паталипутры) или, может быть, от начала данного года правления²⁰. То, что все датированные МНЭ имеют одинаковую дату – 256, независимо от того, где они найдены, показывает, что они были разосланы в один и тот же день. КЭ и БНЭ датированы по годам правления.

Инструкции относительно обнародования эдиктов. Я полагаю, что «сопроводительное письмо» к каждому эдикту включало не только обращение, но и инструкции о том, как поступить с посланием. Если послание предназначалось для публичного оглашения, оно включало прямые указания на этот счет, впрочем, возможно, порою такие распоряжения относились к целой серии эдиктов. Писцы в разных районах сами решали, надо ли эти инструкции тоже высекать на камне.

В трех версиях МНЭ I имеются сведения о том, где они будут начертаны: в Рупнатхе – «надлежит приказать написать это на скалах», в Сахасраме – «и напишите это на скалах», в Пангурарии – «где есть скалы и каменные плиты – там (следует написать)». Версия из Рупнатха содержит также приказ распространять эдикт по той области, которой управляет адресат: «в этих словах повсюду, где ваши владения». Аналогичное требование содержалось и в экземпляре, полученном в Ниттуре. Писец включил в эту надпись утверждение, что эдикт провозглашен в соответствии с царским распоряжением: «И по всей земле разослано – как царь Асока повелел». Уже говорилось, что версия из Ниттура включает также имя царя Асоки как отправителя (МНЭ II). По моему мнению, все версии МНЭ I первоначально содержали число в 256

¹⁴ Cunningham A. *Inscriptions of Aśoka*. Calcutta, 1877. P. 39.

¹⁵ Hultzsch E. *Inscriptions of Aśoka*. Oxf., 1925. P. XV, XVII.

¹⁶ Это не доказывает правоту Дж. Ирвина (*Irwin J. The Prayaga Bull-Pillar: Another pre-Aśoka Monument // SAA 1979*. В. 1981. P. 313–340), полагающего, что Аллахабадская колонна никогда не находилась в Косамби, однако делает такую гипотезу возможной.

¹⁷ Alsdorf L. *Aśokas Schismen-Edikt und das dritte Konzil // III*. 1959. 3. P. 165. Not. 4.

¹⁸ Л. Альсдорф дает такую реконструкцию (Op. cit. S. 165): Pāṭaliputasi mahāmātā vataviyā. Тот факт, что целых две строчки отделяет слова devā[napriye āhā] и Pāṭa[liputasi] показывает, что обращение в Сарнатхе должно было быть значительно пространнее, чем в Аллахабадской версии. Возможно, упоминались и другие махаматры, а знаки eḥa в начале следующей строки, вероятно, указывают на еще один географический пункт. Однако реконструкция Л. Альсдорфа не включает слов samghe samage kate, которых следовало бы ожидать, ибо они имеются в двух остальных версиях; это – уязвимый пункт его построения. Данные три слова могли заполнить лауну между Pāṭa[liputasi] и [na lahi]ye, но тогда оказалось бы необходимо соединить их с Pāṭaliputasi: «на соборе, созванном (?) в Паталипутре сангха стала единой». Впрочем, последнее не очень вероятно, так как в версии из Санчи утверждение о единстве сангхи и о недопущении раскола меняются местами, при этом во фразе о единстве нет никаких упоминаний о Паталипутре.

¹⁹ Schneider U. *The Calcutta-Bairat Edict of Aśoka // Indological and Buddhist Studies (in Honour of J.W. de Jong)*. Canberra, 1982. P. 494.

²⁰ Norman K.R. *Notes on the Ahraura Version of Aśoka's First Minor Rock Edict // III*. 1983. 26. P. 281.

(т.е. дату) и инструкции по распространению эдиктов – требование высечь их на колоннах и скалах.

Из семи версий МНЭ, которые ныне известны, в четырех такая инструкция имеется: они начинаются с того, что получатель послания должен сообщить эдикт своему подчиненному (gaḷūka), а тот далее – своим подчиненным (jānapadaṃ sa jāpaṃ gaṭhikāni sa). В трех майсорских версиях МНЭ II инструкция опущена, но само появление его в этих местах служит доказательством того, что подобные указания местные администраторы получили и выполнили.

В БНЭ ничего не говорится о способах их распространения, и мы не знаем, каким образом писанцы Ашоки узнавали, куда именно и с какими инструкциями их передавать. Во фразе БНЭ I «Эта надпись о дхамме по приказу Его Величества царя Пиядаси начертана» в версии из Джаугады добавлено: «на горе Кхе(м)гала» (ср. «на горе... si» в Дхаули). Очевидно, сопроводительное письмо включало слова «написать на скалах (и колоннах)», и писец продемонстрировал, что он выполнил царский приказ²¹, точно так же, как в Ниттуре (МНЭ I). Находки фрагментов БНЭ (видимо, остатков полных серий эдиктов), на каменных блоках или плитах в Сопаре²² и Саннати²³ указывают на то, что БНЭ тоже предполагалось высекать на плитах.

Поскольку в обоих ОНЭ говорится, что надпись должна зачитываться (soṭāviyā), вряд ли эти эдикты было предписано воспроизводить на камне – махаметры в Дхаули, Джаугаде и Саннати сделали это по ошибке.

В заключении к КЭ VII (который найден лишь в Дели-Топра) имеется пассаж о том, что эдикт должен быть высечен на каменной колонне или плите («где есть каменные колонны или каменные плиты, там надлежит начертать эту надпись о дхамме, дабы была она долговечна»). Поскольку все версии КЭ I–VI (как и единственная версия КЭ VII) имеются только на колоннах, исследователи не обращали внимания на это упоминание каменных плит, полагая, вслед за Г. Бюлером²⁴, что Ашока имел в виду колонны. Однако в 1963 г. в Кандагаре²⁵ найдена каменная плита с фрагментом VII КЭ на двух языках (пракрите и арамейском). С тех пор обнаружен еще один фрагмент (VI КЭ) на плите²⁶. И это показывает, что данный эдикт, – а вероятно, и все остальные КЭ – был написан не только на колоннах, но и на каменных плитах.

Утверждение относительно каменных колонн в конце VII КЭ соответствует приведенным выше фразам из версий МНЭ I (Рупнатх и Сахасрам). Но поскольку МНЭ I был провозглашен лет на 16 ранее, чем I–VI КЭ, в них не может идти речь именно о данных колоннах. Стало быть, мы должны предполагать, что еще за 16 лет до издания КЭ уже были воздвигнуты некие колонны. Это опровергает теорию о том, что КЭ высекали на колоннах, когда последние находились в горизонтальном положении²⁷.

Версия «Эдикта о расколе» из Сарнатха содержит особые инструкции о том, как эдикт должен быть объявлен буддийским общинам – сначала в ближайшем районе, а затем шире (āvatake²⁸ sa tupaḥkaṃ āhāle vivāsayātha tuphe etena viyaṃjanena – «разошлите – в этих самых словах – повсюду, где ваши владения»). Эта инструкция близка той, что имеется в МНЭ I из Рупнатха и, по-видимому, также в Ниттуре. Если мы допустим, что сопроводительное письмо было отправлено повсюду вместе с самим эдиктом, тогда следует думать, что писец версии из Аллахбада опустил его. Напро-

²¹ Ibid. P. 259.

²² Hultzsch. Op. cit. P. XV. Sirkar D.C. Sopara Fragment of Rock Edict IX of Aśoka // EI. 1957–1958. 32. P. 29 f.

²³ Norman K.R. Aśokan Inscriptions from Sannati // South Asian Studies 7. 1991. P. 102.

²⁴ Bühler G. Beiträge zur Erklärung der Aśoka Inschriften // ZDMG. 1892. 46. P. 90.

²⁵ Benveniste E. et al. Une inscription indo-araméenne d'Asoka provenant de Kandahar (Afghanistan) // JA. 1966. P. 437–470.

²⁶ Norman K.R. Newly-Found Fragment of an Aśokan Inscription // South Asian Studies 4. 1988. P. 99.

²⁷ Norman K.R. The Inscribing of Aśoka's Pillar Edicts // India and the Ancient World: History, Trade and Culture before A.D. 650. Leuven, 1987. P. 133.

²⁸ У Хульцша (Op. cit. P. 162) чтение āvate, но это – опечатка, āvatake ясно видно из факсимиле, помещенном возлс с. 162.

тив, писец версии из Сарнатха начал его писать, но, вероятно, слишком поздно понял, что сопроводительное письмо не предназначено для воспроизведения в камне – поэтому он опустил заключительную фразу, в которой Ашока выражал желание, чтобы буддийская сангха всегда оставалась единой. Он сообразил, что это входит уже в сам текст эдикта. Версия «Эдикта о расколе» из Санчи не имеет инструкций по распространению – писец, очевидно, догадался, что сопроводительное письмо не предназначалось для увековечения. Однако он ошибочно решил, что последняя фраза принадлежит собственно тексту эдикта и потому воспроизвел ее. Некоторые слова из сопроводительного письма («пока будут мои сыновья и внуки, пока светят солнце и луна») по оплошности писец все же оставил²⁹. Я уже высказывал свою точку зрения, что так называемый «Эдикт царицы» вообще не был рассчитан на опубликование: он касался частного вопроса – того, как должны регистрироваться финансовые дела царицы. Хотя он и был адресован всем махаматрам, но сохранился только в Аллахабаде – это заставляет предполагать, что соответствующие махаматры в иных регионах не считали необходимым высечь его на камне³⁰. Обращение царя к сангхе в начале эдикта из Калькутты-Байрата, вероятно, также не предполагалось обнародовать³¹.

Выводы. Итак, я полагаю, что Ашока (или его канцелярист) диктовал эдикты писцам – не менее как двум, – которые пользовались шрифтом брахми. Варианты того и другого извода отражают особенности речи писавших³². Готовилось столько версий, сколько было необходимо для рассылки. Полагаю, что контаминация диалектных особенностей, смешение изводов, происходили уже в царской канцелярии Паталипутры. Именно там была возможность использовать в процессе переписки оба первоначальных варианта, в результате чего одни и те же ошибки вносились в текст, вне зависимости от того, какой именно список был положен в основу. Версии, предназначавшиеся для Шахбазгархи и Мансехры, позднее были переписаны с брахми на кхароштхи.

Следует думать, что письменный текст эдикта всегда сопровождался обращением к махаматре или другому официальному лицу, которому он был адресован. Это обращение не было, строго говоря, частью самого эдикта. Включение фразы «Его Величество говорит» и т.п. поясняло, кто был отправителем послания. Указывался также и адресат.

Открытие в последние годы новых версий МНЭ (в Пангурарии, Ниттуре, Удеголаме) дает нам возможность проверить эти гипотезы. Как уже сказано, писцы в Ниттуре и Удеголаме сочли необходимым так же, как и писец в Маски МНЭ I, добавить к МНЭ II имя «Асока». Писец из Пангурарии включил также имя кумары, которому был адресован эдикт, и поместил в начало надписи число 256. Кажется, это подтверждает вывод, что сопроводительное письмо мыслилось как нечто самостоятельное и потому его текст мог делиться по-разному – по усмотрению местного писца. Например, дата и приказ о воспроизведении на камне в версиях из Рупнатха и Сахасрама поменялись местами³³.

Открытие версий МНЭ в Ниттуре, Удеголаме и Пангурарии показало, что те черты, которые считались уникальными в других версиях, на самом деле, не столь уж редки. В Пангурарии, Рупнатхе и Сахасраме писец включил в текст упоминание скал, на которых надлежало высечь надписи, с другой стороны, он упомянул каменные колонны – так же, как писец в Топре. Писец в Ниттуре, как и в Рупнатхе, был информирован о приказе распространять эдикт повсюду. Вместе с писцом из Уде-

²⁹ Norman K.R. Aśoka's «Schism» Edict // *Bukkyōgaku seminā*. 1987. 46. P. 11 f.

³⁰ Norman K.R. Notes on the So-Called «Queen's Edict» of Aśoka // *Studies in Indian Epigraphy*. III. 1976. P. 40.

³¹ Хотя У. Шнейдер утверждает (*Die grossen Felsen-Edikte...* S. 495), будто Ашока «хотел, чтобы письмо было выгравировано на камне», но я не могу с ним согласиться. Он сам говорит, что слово «сангха» не обязательно относится лишь к местной общине Байрата. Кажется более правдоподобным, что письмо было послано ко всем местным общинам, но только в Байрате адресат счел необходимым воспроизвести его на камне.

³² Norman K.R. Review of Janert. Op. cit. // *AO*. 1973. 36. P. 488 f.

³³ Hultzsch. Op. cit. P. 167, 170.

голама он решил, подобно своим коллегам из Маски и Гуджарры, включить в надпись имя царя.

Если во всех эдиктах имелось обращение к адресату (хотя лишь немногие писцы его сохранили), то, вероятно, во всех был и заключительный пассаж о том, что послание должно быть запечатлено на скалах, на каменных колоннах или на плитах и его следует распространять повсюду. Но некоторые резчики решили, что это постскриптум, а не часть самого эдикта, а потому не переписали его на камне*.

К.Р. Норман

THE TRANSMISSION OF THE AŚOKAN EDICTS

K.R. Norman

The edicts were originally dictated by Aśoka or a member of his secretariat, to at least two scribes, who wrote down in Brahmi script what they heard. The cross-recension contamination occurred in the secretariat at Pataliputra, where it would be possible for a scribe, copying out site exemplars from the two master recension exemplars, to introduce the same idiosyncrasies or errors into the exemplars he was writing out, irrespective of which recension exemplar he was following.

Киммерийцы: проблемы исторической и культурной интерпретации

© 1999 г.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИММЕРИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ. ИТОГИ ДИСКУССИИ

Вероятно, главная сложность в изучении киммерийской проблемы состоит в разнородности имеющихся в нашем распоряжении источников, одинаково квалифицированный анализ которых редко удастся провести в рамках одного исследования. Письменные источники по киммерийской проблеме делятся на две абсолютно несходные группы. Первая из них – это данные античной традиции. Они достаточно многочисленны и разнообразны, однако большинство этих данных известно нам из вторых и третьих рук и сохранилось в сочинениях авторов, живших намного позже реальных контактов греков с киммерийцами. Имевшаяся у античных авторов информация о киммерийцах была весьма скудной, и потому ее недостаток уже с самого раннего времени компенсировался разного рода теориями, рассуждениями и учеными конструкциями. Развитие античной традиции о киммерийцах после их исчезновения с исторической сцены не позже рубежа VII–VI вв. до н.э. происходило не за счет поступления новой информации, а появления новых толкований ограниченного круга уже известных данных. Особенности развития этой традиции требуют весьма осторожного отношения к сообщаемым ею сведениям. Хотя в основе многих сообщений античных авторов лежат реальные события, в каждом конкретном случае при их использовании с особой остротой встает вопрос о проверке достоверности этих сведений, решение которого требует специальных процедур источниковедческого анализа. Недооценка этого обстоятельства и буквальное, зачастую наивное, следование античной традиции, ведет к искажению представлений об истории киммерийцев.

* Перевод А.А. Вигасина.

Вторую группу источников, резко отличающуюся по своему характеру от первой, составляют аккадские клинописные тексты, написанные одновременно с прямыми контактами ассирийцев и киммерийцев. К ним примыкают и немногочисленные библейские тексты. Благодаря им мы получаем из первых рук весьма достоверную информацию. Многие аккадские документы хорошо датируются, часто с точностью до года, иногда даже месяца и дня, что позволяет создать надежную хронологию киммерийской истории и вписать ее в общий контекст истории Передней Азии. Однако при всех своих достоинствах аккадские источники дают чрезвычайно фрагментарную картину киммерийской истории, отражая лишь отдельные ее эпизоды, которые были связаны со сферой непосредственных прагматических интересов ассирийцев и вавилонян. Некоторые события киммерийской истории освещены аккадскими текстами достаточно хорошо, однако между ними остаются большие лакуны, которые лишь иногда удается заполнять, используя сведения античной традиции и косвенные данные. Кроме того, сведения восточных источников ограничены, естественно, лишь эпохой пребывания киммерийцев в Передней Азии.

Письменные источники обеих основных групп содержат лингвистические данные, составляющие особую категорию источников по истории киммерийцев. Эти данные представляют особый интерес для решения проблемы этнической и языковой принадлежности киммерийского этноса. К сожалению, лингвистические данные в высшей степени скудны: они ограничиваются именами трех киммерийских царей и самим их названием, сохранившимся в различных языках.

Разумеется, археологические источники не менее важны для изучения киммерийской проблемы, чем письменные. Термин «киммерийская культура» был введен уже самыми первыми исследователями предскифской археологии Северного Причерноморья. В настоящее время он прочно вошел в археологическую литературу, применяясь в качестве обозначения культуры предскифского населения Северного Причерноморья. При этом большинство археологов долгое время не осознавало, а многие не осознают и теперь, всей условности этого термина. Они не сомневаются в том, что «киммерийская культура» действительно принадлежала реальным киммерийцам исторических источников, что совершенно не очевидно и никогда не было доказано. Сомнения в корректности такого представления возникли лишь в последнее время и вопрос об археологической культуре реальных исторических киммерийцев был, в частности, одним из важнейших, обсуждавшихся в данной дискуссии.

В последнее время в изучении всех аспектов киммерийской проблемы достигнуты значительные успехи, однако ряд ее важных сторон продолжает вызывать разногласия. Это в полной мере проявилось в дискуссии, которую завершает данная работа, как и в дискуссии о раннескифской культуре, проведенной в 1992–1994 гг. на страницах журнала «Российская археология».

Пожалуй, меньше всего разногласий в настоящее время вызывает трактовка клинописных текстов, связанных с киммерийской проблемой, однако и здесь не все проблемы решены. Свидетельством этого является открывающая дискуссию статья Э.А. Грантовского, М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, посвященная разбору моей книги о пребывании киммерийцев в Передней Азии¹.

¹ Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. Киммерийцы в Передней Азии. (По поводу монографии: *Ivantchik A.I. Les Cimmériens au Proche-Orient (Orbis Biblicus et Orientalis. 127). Fribourg Suisse, Göttingen, 1993.* Русское издание: *Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996*) // ВДИ. 1997. № 4. С. 69–85. Моя книга представляет собой переработанный вариант кандидатской диссертации, написанной под руководством Э.А. Грантовского и защищенной в начале 1990 г. (русское издание посвящено его памяти). Работать под руководством Э.А. Грантовского было не только очень полезно и интересно, но и чрезвычайно приятно. Он всегда щедро делился со мной своими знаниями и идеями. При этом, несмотря на разницу в возрасте, опыте, да и просто в эрудиции, он никогда не стремился подавить собеседника. Если наши взгляды расходились, а случалось это нередко, он пытался убедить меня чисто научными аргументами, но, если это не удавалось, никогда не навязывал своей точки зрения. Ему нравилось представлять наши отношения не как традиционные отношения

Первая проблема, которая продолжает вызывать разногласия – локализация района, занятого киммерийцами в период их победы над войсками урартского царя Русы I. Напротив, датировка этого события 714 г. до н.э., которую я обосновывал в своей работе, кажется, получила одобрение большинства исследователей. Говоря об этой проблеме, следует начать с того, что многие недоразумения объясняются неточным пониманием самого термина «страна Гамир» исследователями, не являющимися специалистами в области ассириологии. Переводы «страна Гамир» или «страна киммерийцев» достаточно условные. Аккадское ^{KUR}Gamir(ra) – это не более чем этноним, снабженный детерминативом страны и лишенный своего суффикса -āia, служащего для оформления названий народов. Это слово обозначает просто район, занятый киммерийцами, и из его употребления нельзя сделать никаких выводов, касающихся размеров этого района, длительности пребывания там киммерийцев или прочности их контроля над ним. Судя по эфемерности этого названия, которое не встречается в более поздних источниках, речь должна идти не о настоящем стабильном топониме, а просто о районе, где киммерийцы находились в момент их конфликта с Урарту в 714 г. до н.э.² О том же свидетельствует и колебание в его форме (Gamir/Gamirra), которое подтверждает вторичный характер топонима, образованного от названия киммерийцев.

Что касается его локализации, то взгляды исследователей по сути сводятся к двум точкам зрения. Представители первой считают, что киммерийцы находились к северу от Урарту, т.е. в Закавказье, на территории Северной Армении или Южной Грузии. Представители второй склонны локализовать их на юго-восточной границе Урарту, к югу от оз. Урмия в районе Манны. Первая точка зрения, которую я защищал в своей монографии, и сейчас представляется мне более обоснованной. Она опирается на идентификацию области Gu/Qú-gi-a-ni-a, с которой граничила территория занятая киммерийцами³, с областью Qu-gi-a-ni, а также Gu/Qú-gi-a-i-ni, упоминаемыми в урартских текстах и расположенными к северу от Урарту. Альтернативная локализация, в районе оз. Урмия, основывается не на каких-то конкретных данных, а лишь на общих

учителя и ученика, а как отношения друзей и коллег, которые могут дискутировать на равных. Это приводило к тому, что полемика между нами иногда возникала в ситуациях, обычно исключающих публичную дискуссию между диссертантом и его руководителем: например, при обсуждении диссертации и даже при ее защите. Поэтому я совсем не удивился, узнав, что мой учитель принял участие в написании статьи, содержащей критический разбор книги, написанной под его руководством. К сожалению, окончательный вариант этой статьи соавторы Э.А. Грантовского были вынуждены готовить уже без его участия и, видимо, не всегда могли адекватно отразить его взгляды. Так, из текста, опубликованного на с. 85, читатель может сделать вывод, что наши взгляды на формирование геродотовской хронологии мидийской и лидийской истории совпадали. В действительности это был один из пунктов наших расхождений. Разумеется, как и все специалисты, обращавшиеся к данной проблеме начиная с конца прошлого века, мы оба признавали неисторичность и сконструированность этой хронологии. Однако конкретные решения проблемы ее возникновения и источников нами предлагались разные, что служило предметом и публичной полемики (в частности, и в присутствии его соавторов). Соображения Э.А. Грантовского по этому поводу см. *Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. 1994. № 3. С. 31–37, со ссылками на предыдущую литературу начиная с Э. Майера. С другой стороны, статья трех авторов содержит полемику с некоторыми положениями моей книги, которые Э.А. Грантовский поддерживал.*

² Это обстоятельство часто игнорируется, особенно в работах археологов, которые опираясь лишь на переводы, понимают «страну Гамир» как настоящую страну, стабильно занимаемую киммерийцами. Именно на таком понимании основывается ее локализация на Северном Кавказе, предложенная в одной из статей дискуссии: *Махортых С.В. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. 1998. № 2. С. 92 сл.* Автор находит возможным говорить даже о «собственных постоянных административно-территориальных владениях киммерийцев», хотя термин «Гамир» аккадских текстов, конечно, не подразумевает ничего подобного.

³ Фраза письма SAA 5, 92 (№ 4 моего корпуса) «Гурниана – область между Урарту и Гамирра» притом, что далее сообщается, что разбитые в Гамирра урартские войска отошли в Гурниана, на мой взгляд недвусмысленно указывает на то, что область, занятая киммерийцами, граничила с Гурниана. Сомнения моих оппонентов в этом (*Грантовский, Погребова, Раевский. Ук. соч. С. 73. Прим. 12; Махортых. Ук. соч. С. 97*), на мой взгляд, лишены оснований. Если бы область, занятая киммерийцами, действительно не граничила с Гурниана, автор письма нашел бы способ точнее обозначить ее локализацию.

рассуждениях. Аргументы сторонников этой локализации достаточно подробно рассматривались мной ранее, что избавляет от необходимости повторять здесь уже сказанное.

Авторы статьи, открывающей дискуссию, присоединяются ко второй точке зрения, не приводя, впрочем, существенных аргументов в ее пользу. Оценка свидетельств урартских текстов как «единичных и не вполне внятных» (с. 73), что соответственно должно вызвать недоверие к ним, удивляет: показания текстов, на которые я опирался, ничуть не менее единичны и внятны, чем подавляющее большинство других свидетельств по географии и истории Урарту и сопредельных районов. Если подходить к источникам с такой позиции, то следует сразу отказаться от попыток реконструкции географии этих районов, поскольку все источники оказываются незаслуживающими доверия в силу своей невнятности. И если уж тройное упоминание топонима в разноязычных источниках близкого времени с минимальными орфографическими вариациями объявлять единичными, то что уж говорить о нередких случаях, когда топоним или историческое событие упоминаются в источниках один или два раза? Так что ссылок на невянность источников здесь явно недостаточно, и в любом случае лучше иметь на своей стороне пусть и не совсем внятные (а на мой взгляд вполне красноречивые) источники, чем не иметь никаких, как это происходит в случае с локализацией области киммерийцев к юго-востоку от Урарту.

Соображение о том, что урарты не закрепились севернее линии, соединяющей озера Чалдыр и Севан, вовсе не противоречит локализации области Гурианиа в Южном Закавказье. Автор письма говорит, что эта область платит дань урартам, т.е. не входит в состав их царства, а лишь находится в зависимости от него. Это вполне соответствует ситуации, существовавшей в Южном Закавказье.

Наконец, мои оппоненты воспроизводят аргумент А. Кристенсен, согласно которому конфликт Урарту с киммерийцами должен был происходить в тех районах, откуда Синаххериб получал информацию о нем, т.е. в районе урарто-ассирийской границы. Я уже писал о том, что этот аргумент несостоятелен и отражает превратное представление о функционировании ассирийской разведывательной службы. Ясно, что ассирийцы не держали, на манер современных спецслужб, законспирированных резидентов в столице Урарту и ее провинциях, которые непосредственно связывались с «ЦЕНТРОМ». Ассирийцы получали всю информацию о состоянии дел в Урарту с ассирийско-урартской границы. На это есть прямые указания в письмах: источники, на которые ссылается Синаххериб, это областеначальники пограничных провинций, правители зависимых и полузависимых пограничных образований и «начальники гарнизонов крепостей на границе». При этом информация поступает не только из ближайших к Урмии Муцацира и области государственного глашатая (как следовало бы ожидать, если бы А. Кристенсен и ее последователи были бы правы), но и из находящихся далеко от озера к западу и северо-западу областей Хабху, Кумме и уккийцев. Информаторами названы также начальники *всех* крепостей на границе. Уже сам этот факт свидетельствует о том, что названные источники дают информацию далеко не только о событиях, происходящих в непосредственной близости от них, но обо всем, что становится им известно о событиях в Урарту. Они сообщают и о событиях в столице Урарту Тушпе, на основании чего, кажется, никому не приходило в голову локализовать ее на ассиро-урартской границе. Итак, тот факт, что Синаххериб получал донесения о событиях в Урарту с урарто-ассирийской границы, не дает никаких оснований для локализации в том же районе описанных в этих донесениях событий.

Один из участников дискуссии, С.В. Махортых, предложил еще один вариант локализации «страны Гамир» текстов эпохи Саргона II. Согласно его мнению, она находилась на Северном Кавказе⁴. Эта «гиперсеверная» локализация полностью игнорирует данные аккадских текстов. Как известно, ассирийцам не был известен Кавказ, и их географические познания тем более не простирались до Предкавказья, что уже

⁴ Махортых. Ук. соч. С. 96 сл.

само по себе вызывает сомнения в предложенной интерпретации. Далее, невозможно себе представить столь дальний поход урартской армии, возглавляемой к тому же царем – через все Закавказье и Кавказ до Предкавказья. Кроме того, страна Гамир, как прямо указывает один из упоминающих ее текстов, граничила с Г/Курианиа, платившей Урарту дань. Невозможно предложить убедительную идентификацию этой области ни в Предкавказье, ни на Кавказе, ни в Северном Закавказье. Предположение С.В. Махортых чисто умозрительно, не основано ни на каких реальных данных и должно быть отвергнуто. Следует заметить еще, что С.В. Махортых в своих рассуждениях исходит из весьма причудливых представлений о географии. Так, говоря о заселении киммерийцами Каппадокии (с. 96–97), он пишет, что свидетельством этого является сообщение Геродота о заселении ими полуострова, на котором находится Синопа. Синопа, надо понимать, по мнению автора расположена в Каппадокии. Одновременно Каппадокия, по его мнению, находится где-то поблизости от оз. Чалдыр. Более того, автор пишет, что Малая Азия лежит к «северу или западу» от страны Гуриани, «расположенной близ Чалдырского озера, вероятно, в верховьях р. Куры». Узнав о том, что Малая Азия может находиться к северу от верховьев Куры, уже меньше удивляешься локализации «страны Гамир» на Северном Кавказе.

На мой взгляд, следовательно, локализация столкновения киммерийцев и урартов в 714 г. до н.э. к северу от Урарту остается непоколебленной. Для того, чтобы обосновать локализацию этого события в районе оз. Урмия, на юго-восточной границе Урарту, ее сторонникам приходится отвергать прямые указания источников, объявляя их невятными, и прибегать к умозрительным спекуляциям и соображениям о том, что им кажется более или менее вероятным. Замечу кстати, что число сторонников северной локализации области Гуриани и соответственно конфликта урартов с киммерийцами в последнее время увеличилось: к ней теперь склоняется Дж. Ланфранки, крупный знаток новоассирийских текстов, в том числе и связанных с киммерийцами, который ранее локализовал эту область в районе оз. Урмия⁵ (устное сообщение летом 1994 г.).

Предложенная мной реконструкция истории пребывания киммерийцев в Передней Азии в эпоху Асархаддона и Ашшурбанипала, по-видимому, в целом не вызывает возражений. Отдельные ее детали, однако, были подвергнуты критике в статье Э.А. Грантовского, М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского. Так, ее авторы обратили внимание на определение киммерийского вождя Теушпы как «умман-манда, место которого отдаленно» (с. 77–78). Они замечают, что последнее определение «может оказаться весьма существенным для понимания всей истории пребывания киммерийцев в Передней Азии»⁶, и сожалеют, что я не обратил на него должного внимания и не высказал никаких соображений относительно местоположения этого «отдаленного места». Вслед за такой констатацией можно было бы ожидать изложения соображений авторов по этому поводу, однако их нет. Вместо этого читатель находит здесь достаточно странную полемическую конструкцию. Сначала авторы реконструируют мою точку зрения, почему-то полагая, что именно это упоминание позволило мне предположить в другом месте работы, что часть киммерийцев продвинулась в эпоху

⁵ Lanfranchi G.B. I Cimmeri. Emergenza delle élites militari iraniche nel Vicino Oriente (VIII–VII sec. a. C.). Padova, 1990. P. 26 f. Предложенная мной реконструкция поддержана также И.М. Дьяконовым в его рецензии на мою книгу: *Diakonoff I.M. Two Recent Studies of Indo-Iranian Origins* // JAOS. 1995. 115. P. 476. Впрочем, сходная локализация области Гурианиа и столкновения урартов с киммерийцами предлагалась им и раньше. Отмечу заодно, что моя позиция по поводу археологической культуры киммерийцев (которой я, кстати, вообще не касался в своей книге) изложена в этой рецензии неправильно (ibid., p. 475 f.). Предлагаемая здесь датировка колчанного набора из Амасьи (ошибочно указано на происхождение из Имирлера) концом VIII в. до н.э. ничем не обосновывается.

⁶ Ряд других авторов также придает особое значение этому указанию, в том числе С.В. Махортых (ук. соч., с. 97), считающий, что здесь содержится намек на Северный Кавказ, а также и С.Л. Дударев (К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. 1998. № 4. С. 79).

Асархаддона на запад, в Малую Азию, а часть осталась в Манне и продвинулась в Мидию, и задают вопрос: «Не следует ли из этого, что отдаленным обиталищем, откуда войско Теушпы пришло в Малую Азию, А.И. Иванчик считал Манну?» Сформулировав эту рискованную идентификацию, авторы подвергают ее успешной критике. В то же время моя точка зрения на значение этого оборота была сформулирована достаточно четко и не имела ничего общего с приписываемой мне экстравагантной интерпретацией. Я считал и считаю оборот «умман-манда, место которого отдаленно» одним из частых в ассирийских царских надписях архаизирующих орнаментальных топосов возвышенного стиля, смысл которого состоит вовсе не в указании на реальную локализацию того или иного народа, а во включении текста и описываемых в нем событий во многовековую традицию месопотамской словесности. Его употребление может свидетельствовать лишь о том, к какому типу народов причисляли киммерийцев ассирийцы (а именно к воинственным нецивилизованным народам, куда включались среди других и мидийцы), но отнюдь не о реальной локализации этого народа. Смысл этого топоса состоит также в возвеличивании ассирийского «царя вселенной», победоносные походы которого распространяются на «четыре конца света» и на «отдаленные страны», населенные периферийными варварами. Замечание же авторов о том, что название «отдаленное место» «не слишком подходит прекрасно известной ассирийцам Манне» выдает их недостаточное знакомство с ассирийскими текстами. В действительности этот топос нередко прилагается именно к маннеям и мидийцам⁷. Упомянутые тексты, разумеется, свидетельствуют вовсе не о том, что Манна и Мидия не были известны ассирийцам, а о том, к какому культурному кругу они причисляли их население. Естественно, вовсе не этот текст заставил меня предположить существование в эпоху Асархаддона двух групп киммерийцев, западной и восточной. Основанием для этого предположения послужили достаточно многочисленные тексты, часть которых говорит о действиях киммерийцев на западе, в Малой Азии, а другая – на востоке, в районе Манны и Мидии. Итак, обозначение Теушпы как «умман-манда, место которого отдаленно» вряд ли может дать сколько-нибудь существенную информацию об истории пребывания киммерийцев в Передней Азии.

Вторая деталь, на которую обращают внимание авторы статьи, касается различных употреблений детерминативов при названии киммерийцев. Их название в аккадских текстах сопровождается в одних случаях детерминативом LU («человек»), а в других – KUR («страна»). Авторы полагают, что это различие смысловое и из него можно сделать существенные для истории киммерийцев выводы. Так, сочетание ^mTe-uš-ra-a ^{kur}Gi-mi-ga-a-a они считают возможным переводить не как «Теушпа киммериец», а как «Теушпа, (царь/вождь) страны киммерийцев». Из подобных употреблений они делают вывод о том, что киммерийцы воспринимались ассирийцами не просто как этнос, но и как определенная политическая единица, страна, локализовавшаяся на востоке Малой Азии. Это в свою очередь предполагает достаточно прочный и длительный контроль киммерийцами определенной территории в названном районе, которая воспринималась как их собственная земля. В качестве аналогии они приводят уже упоминавшуюся «страну Гамир» из писем эпохи Саргона II, считая, что тексты говорят о подобной же «стране киммерийцев» и в более позднее время.

Более полное знакомство с аккадскими текстами показывает, однако, что все эти выводы построены на песке. В действительности в текстах эпохи Асархаддона и Ашшурбанипала использование детерминативов при этнических названиях неслезантно: при них совершенно безразлично употребляются детерминативы LU («человек»), KUR («страна») и даже URU («город»), а в ряде случаев детерминатив и вовсе отсутствует. Некоторые тексты этой эпохи, в том числе царские надписи, известны нам в нескольких копиях, очевидно, списанных разными писцами с одного

⁷ См., например, такое определение обитателей области Гизильбунда на границе Манны и Мидии в стк. 65 знаменитой реляции Саргона II о его восьмом походе против Урарту; ссылки на другие тексты см. АНв. II. 1972. S. 995, s.v. gi-qu(m).

оригинала. Разночтения между этими копиями часто состоят в том, что один копиист выбирает один из упомянутых детерминативов, а другой – другой. Речь идет, таким образом, о чисто графических вариантах, аналогичных, например, написанию слова с помощью идеограммы или слоговых знаков или выбора того или иного знака для передачи определенного слога (это различие в ассириологической транслитерации передается с помощью акцентных знаков или цифровых индексов, например ag , $\acute{a}g$, ag_4 и т.д.). Эта вариативность детерминативов в разных копиях одного текста служит лучшим доказательством того, что они лишены какого-либо смыслового значения и не могут служить основанием для выводов исторического характера⁸. Можно добавить к этому, что аналогичный феномен наблюдается не только в этнонимах, но и в топонимах: название страны может сопровождаться в текстах этой эпохи не только детерминативом KUR, но и LÚ (ср., например, написание $lúA-gu-bu$, «Аравия» в стк. IV. 23 призмы А Асархаддона). Таким образом, детерминатив не позволяет однозначно различать этноним и хороним. Такое различие, однако, возможно, причем не только по контексту, но и по грамматической форме, что совершенно игнорируется моими оппонентами. Этнонимы и названия обитателей стран и городов в новоассирийском диалекте оформляются с помощью суффикса $-āia$ ⁹. Слова с этим формантом несклоняемы, так что слово $Gimigāia$ вне контекста может быть переведено как «киммериец», «киммерийцы», «киммерийский», «киммерийский» и т.д., но не «Киммерия». Именно отсутствие этого форманта, а вовсе не использование детерминатива KUR, вопреки мнению авторов статьи, позволяет определять упоминаемое в текстах эпохи Саргона II название $kurPAR-ir$, $kurGa-mir$, $kurGa-mir-ra$ как топоним и переводить его «Гамир(ра)» («страна Гамир», «страна киммерийцев»). Во всех других случаях, независимо от использования детерминатива, речь идет об этническом названии, имеющем суффикс $-āia$, причем такому пониманию вполне соответствует не только грамматическая форма, но и контекст. Единственным исключением является вавилонская хроника (№ 10 по моему корпусу), где контекст заставляет переводить слово $Gi-mir-a-a$ как топоним, а не как этноним: «Сражение было в Бу[...]а и Гимира» ($de-ek-tú Aš kurBu-x-ú-a u kurGi-mir-a-a... de-kát$). Это исключение, вероятно, объясняется тем, что данный текст, в отличие от большинства других, составлялся значительно позже описываемых событий, к тому же в Вавилоне, а не в Северной Месопотамии, жители которой были лучше знакомы с киммерийцами. Авторы этого текста, пользовавшиеся более ранними источниками и излагавшие почерпнутые оттуда сведения в сильно сокращенном виде, очевидно, не всегда хорошо представляли себе географию тех мест, которые упоминали, и все детали политической ситуации. Поэтому вавилонские хроники часто содержат искажения названий по сравнению с ассирийскими царскими надписями. Не является исключением и данный пассаж: оба географических названия, между которыми стоит название киммерийцев в данном тексте, искажены. Составитель текста, очевидно, при сокращении и переработке своего источника преобразовал этноним киммерийцев в топоним. В том, что данное название следует здесь понимать именно как топоним, убеждает, однако, отнюдь не его детерминатив, а положение в контексте. Итак, все рассуждения, построенные на разнице употребления детерминативов при этнонимах в текстах эпохи Асархаддона и Ашшурбанипала, лишены каких-либо оснований и свидетельствуют о недостаточном внимании как к специфике этих текстов, так и к нормам аккадской морфологии.

⁸ Странно, что авторы статьи не обратили внимания на примеры таких разночтений, приведенные в обсуждаемой ими книге. Здесь же упомянуты и случаи, когда название скифов сопровождается детерминативом URU. Следуя логике своего рассуждения, они должны были бы говорить, таким образом, не только о «Теушпе (царе) страны киммерийцев», но и об «Ишпакае (правителе) города скифов». Не думаю, однако, что они стали бы всерьез предполагать существование в Передней Азии не только страны киммерийцев, но и города скифов. Ср. многочисленные примеры свободной вариации детерминативов при разных этнонимах в текстах эпохи Асархаддона: *Borger R. Die Inschriften Asarhaddons, Königs von Assyrien. Graz., 1956 (AfO. Beiheft 9). S. 129–133.*

⁹ Ср. *Soden W. von. Grundriß der akkadischen Grammatik. Roma, 1952 (Analecta Orientalia. 33). S. 69 f.*

Наконец, еще один пункт моих рассуждений, вызвавший возражения, касается интерпретации известных аккадских текстов о «ВОСТОЧНОЙ группе» киммерийцев, действовавшей в Манне и Мидии. Аккадские тексты эпохи Асархаддона упоминают о присутствии в этом районе двух групп кочевников – киммерийцев и скифов. И.М. Дьяконов предположил в свое время, что вавилонские писцы употребляли название киммерийцев расширительно уже в VII в. до н.э., как это делали писцы нововавилонской и ахеменидской эпохи, обозначавшие этим термином и среднеазиатских саков и, вероятно, причерноморских скифов. При этом он полагал, что ассирийские писцы, в отличие от вавилонских, последовательно различали скифов и киммерийцев, поскольку происходили из Северной Месопотамии и были лучше знакомы с этими кочевниками. На основании этого предположения И.М. Дьяконов считал, что киммерийцы в эпоху Асархаддона находились исключительно к западу от Ассирии, в Малой Азии, тогда как скифы – на востоке, в Манне и Мидии, а тексты, упоминающие о присутствии киммерийцев в этом районе, в действительности имеют в виду скифов¹⁰.

На мой взгляд, эта гипотеза недостаточно убедительна. Я стремился показать, что тексты эпохи Асархаддона вполне последовательно различают киммерийцев и скифов и что присутствие не только скифов, но и киммерийцев в районе Манны и Мидии фиксируется достаточно надежно. Большая часть упоминаний скифов и киммерийцев в Манне и Мидии сохранилась в составе запросов к оракулу Шамаша, авторы которых для обеспечения максимальной точности пророчества стремились предельно детально и недвусмысленно сформулировать вопросы, перечисляя при этом все возможные угрозы, которых стремились избежать (ср., например, длинные и мелочные перечисления всех возможных лиц, могущих представлять опасность для царя, в запросах, посвященных его благополучию, например SAA 4. 139 = № 38 моего корпуса). Учитывая эту жанровую особенность запросов к оракулу, трудно предполагать, что их составители допускали неточность в наименовании потенциальных противников Ассирии, обозначая реальных скифов названием киммерийцев, даже если и согласиться в принципе с возможностью расширительного употребления этого этнонима в столь раннее время. Как ни трактовать названные тексты, ни у кого не вызывает сомнения, что обе группы, как скифы, так и киммерийцы, были активными действующими лицами в политической жизни эпохи Асархаддона. Употребление одного термина вместо другого создавало бы двусмысленность, и крайне сомнительно, что авторы запросов к оракулу могли ее допустить в своем запросе, подвергаясь риску получить двусмысленный или неточный ответ от оракула.

Кроме того, как уже указывалось, существует по крайней мере один запрос к оракулу, где названия киммерийцев и скифов сохранились рядом (в некоторых других текстах название одного из этих народов рядом с другим восстанавливается с достаточно большой уверенностью). Важно при этом, что имена киммерийцев и скифов включены здесь в список возможных противников, причем в этом списке они стоят не рядом: «Будь то киммерийцы, [или урарты], или маннеи, или скифы, [или...]цы, или любой враг». Если предположить, как делают мои оппоненты, что «скифы» для автора запроса являлись лишь подгруппой «киммерийцев», то невозможно объяснить, почему их упоминания разделены упоминаниями маннеев и [урартов] (восстановление надежно), хотя ни те, ни другие не могли, очевидно, обозначаться собирательным названием «киммерийцы». На мой взгляд, очевидно, что все упомянутые в этом списке названия принадлежат к одному уровню этнической номенклатуры и ни один из них не покрывает другой. Нет никаких оснований предполагать иное словоупотребление в других текстах близкой даты, относящихся к тому же жанру и составленным тем же кругом лиц.

Другие аргументы в пользу реального присутствия киммерийцев в районе Манны и Мидии в эпоху Асархаддона мною уже приводились в монографии и здесь нет не-

¹⁰ Дьяконов И.М. История Мидии. М. – Л., 1956. С. 265; Diakonoff I.M. The Cimmerians // Acta Iranica. 1981. 21. P. 118 f.

обходимости их повторять, тем более, что они, кажется, ни у кого не вызвали возражений¹¹.

Таким образом, мне кажется, нет оснований сомневаться в том, что запросы Асархаддона к богу Шамашу (как, впрочем, и его анналы) различают киммерийцев и скифов и не используют название первых для обозначения вторых. Разумеется, расширительное употребление названия киммерийцев, в первую очередь для обозначения среднеазиатских саков, надежно засвидетельствовано частью аккадских текстов. Однако эти тексты датируются гораздо более поздним временем и относятся к нововавилонской и ахеменидской эпохам. Они принадлежат, кроме того, иной писцовой традиции. В отличие от авторов запросов к оракулу бога Шамаша, связанных прежде всего с двором ассирийских царей (хотя часть из них и пользовалась нововавилонским письмом), авторы этих текстов принадлежали к вавилонским канцеляриям, имевшим иные традиции. Разница между традициями канцелярий Северной и Южной Месопотамии, очевидно, стала еще резче с завоеванием Вавилоном независимости и превращением в главного соперника Ассирии, вскоре приведшего ее к гибели. После падения Ассирии вавилонские писцы стали единственными носителями традиций аккадоязычных канцелярий, и именно их традиции, а не традиции ассирийских канцелярий Северной Месопотамии, наследовали ахеменидские канцелярии. Из-за отсутствия данных невозможно установить, когда название киммерийцев стало употребляться расширительно для обозначения среднеазиатских саков, но весьма вероятно, что такое его значение было характерно лишь для вавилонской, но не ассирийской писцовой традиции. Видимо, оно возникло в той среде, в которой различие между двумя группами этносов было несущественно и где важнее было их сходство. В Ассирии эпохи Асархаддона ситуация была совершенно иной – скифы и киммерийцы были не только активными участниками политических событий, но и локализовались, по крайней мере отчасти, на различных территориях и, по всей видимости, нередко занимали разные позиции по отношению к ней (есть основания полагать, что скифы одно время были союзниками Ассирии, тогда как киммерийцы скорее всего всегда оставались ее врагами). Напротив, для вавилонян, особенно начиная с конца VII в. до н.э., различие между киммерийцами, скифами и саками было несущественным, поскольку ни те, ни другие, ни третьи не представляли для них опасности, да и вообще не играли сколько-нибудь существенной роли в их жизни. Следует отметить, что киммерийцы в это время еще не окончательно исчезли из поля зрения переднеазиатских народов (их «изгнание из Азии» приписывается лидийскому царю Алиатту), хотя и не играли той роли, что прежде. Однако перенесение имени киммерийцев на родственников им по культурному типу саков могло произойти и позже: киммерийцы не обязательно должны были оставаться в это время живой реальностью – достаточно было сохранения воспоминаний о них. Подобные случаи долгого существования этнонима после исчезновения его реального носителя хорошо известны. Так, византийцы называли скифами гуннов, славян и некоторые другие народы спустя многие столетия после исчезновения реальных скифов из степей Причерноморья. Итак, мне кажется наиболее вероятным, что название киммерийцев стало употребляться расширительно, в первую очередь для обозначения среднеазиатских саков, писцами Нововавилонского царства в самом конце VII или VI в. до н.э. Говорить о подобном употреблении этнонима в более раннее время, и особенно в ассирийских канцеляриях, нет оснований. В любом случае некорректно было бы переносить выводы, сделанные на основании анализа словоупотребления текстов нововавилонской писцовой традиции, на тексты, представляющие совершенно иную новоассирийскую традицию. Кроме того, у нас нет ни одного свидетельства об использовании названия киммерийцев для обозначения скифских групп, действовавших в Передней Азии в VII в. до н.э. Таким образом,

¹¹ Ср. также убедительную аргументацию И.Н. Медведской против идеи о взаимозаменяемости терминов «киммерийцы» и «скифы» в клинописных текстах: *Медведская И.Н. Заключение по дискуссии* // РА. 1994. № 1. С. 129–130.

предположение о наличии в эпоху Асархаддона двух групп киммерийцев, одна из которых действовала к западу и северо-западу от Ассирии, а другая – к востоку от нее, на мой взгляд, наилучшим образом соответствует данным источников.

Предложенная мной реконструкция истории киммерийцев в эпоху Ашшурбанипала, как и анализ имеющегося лингвистического материала по киммерийской проблеме, кажется, не вызвали существенных возражений; это позволяет не останавливаться на них подробно. Отмечу лишь, что мне было особенно приятно узнать, что И.М. Дьяконов, с которым мне пришлось полемизировать по поводу интерпретации названия киммерийцев, признал предпочтительность предложенного мной варианта и не настаивает более на своей реконструкции истории этнонима киммерийцев и его этимологии¹².

Вторая группа письменных источников по киммерийской проблеме – тексты, принадлежащие античной традиции – реже служила объектом специального исследования, чем клинописные источники. Поэтому особенно ценной является недавняя публикация С.Р. Тохтасьева, содержащая тщательный и подробный разбор этих текстов (в первую очередь свидетельств Геродота)¹³. Эта работа была подвергнута критическому анализу в статье М.Н. Погребовой, Д.С. Раевского и И.В. Яценко¹⁴. Несмотря на возражения этих авторов, порой весьма существенные, после работы С.Р. Тохтасьева, на мой взгляд, невозможно возвращение к наивной вере в полную достоверность рассказа Геродота об изгнании скифами киммерийцев из причерноморских степей. С.Р. Тохтасев весьма убедительно показал, что этот рассказ в известном нам виде представляет собой конечный результат достаточно сложного развития и состоит из элементов различного происхождения, объединенных в рамках единого повествования одним из греческих историков, самим Геродотом или его источником. Вряд ли этот основной вывод можно оспорить, хотя состав отдельных элементов, вошедших в этот синтетический рассказ, их удельный вес в нем, как и их происхождение, могут служить предметом дальнейших дискуссий.

Альтернативная гипотеза М.Н. Погребовой, Д.С. Раевского и И.В. Яценко, согласно которой рассказ Геродота был заимствован им из скифского фольклора чуть ли не целиком, в том виде, в каком он его излагает, совершенно не убедительна. Рассказ Геродота по всем своим признакам схож с ионийской *ἱστορίη* и включает ряд черт, невозможных в фольклорном повествовании. Другое дело, что материал для этой *ἱστορίη* может происходить из разнообразных источников, среди которых, по всей видимости, была и собственная скифская традиция. Однако эта скифская традиция, как и в ряде других случаев, вошла в греческую литературу не непосредственно, а через понтийских греков, близко контактировавших со скифами. На мой взгляд, С.Р. Тохтасеву удалось достаточно убедительно показать, что рассказ Геродота объединяет две локальные традиции припонтийских греков о киммерийцах, одна из которых связана с окрестностями Тиры, а другая – с Боспором. Обе устные традиции были объединены в общем повествовании одним из ионийских историков, послуживших источниками Геродота (определенный вклад в формирование этого повествования внес, очевидно, и он сам), который дополнил его информацией, сохранявшейся у народов, входивших в контакт с киммерийцами и скифами в Передней Азии, прежде всего у ионийских греков. Что же касается локальной традиции припонтийских греков, то в ее формировании, наряду с чисто греческими элементами (гомеровский пассаж о

¹² Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // РА. 1994. № 1. С. 109. С.В. Махортык (ук. соч., с. 101 сл.), однако, присоединяется к этимологии И.М. Дьяконова, не приводя, впрочем, серьезных аргументов в ее пользу и не разбирая моих контраргументов.

¹³ Тохтасев С.Р. Античная литературная традиция о киммерийцах // Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 9–50; Tokhtas'jev S.R. Die Kimmerier in der antiken Überlieferung // Hyperboreus. 1996. 2.

¹⁴ Погребова М.Н., Раевский Д.С., Яценко И.В. Киммерийская проблема. (По поводу книги: Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993) // ВДИ, 1998. № 3. С. 69–87.

киммерийцах, живущих у входа в Аид, и его толкования, воспоминания о киммерийских набегах на ионийские и лидийские города, а также, возможно, и скифо-киммерийских конфликтах в Передней Азии и др.), существенную роль сыграл и скифский фольклор. К нему можно возвести, например, рассказ о восстании скифских рабов и их поражении или своеобразном самоубийстве киммерийских вождей. Впрочем, это вовсе не означает, что последний сюжет был уже в скифском фольклоре связан именно с киммерийцами: вполне возможно, что в нем шла речь о неких древних богатырях, исчезнувших с лица земли (ср. аналогичные рассказы осетинского фольклора о гибели нартов). Эти древние богатыри могли быть отождествлены с киммерийцами уже в греческой среде под влиянием представления о том, что исчезнувшие киммерийцы некогда населяли скифскую землю. Рассказ Геродота о киммерийцах может служить объектом дальнейших исследований, но по крайней мере один существенный результат в этом отношении, на мой взгляд, уже достигнут. Этот рассказ не может восприниматься буквально как полностью достоверная историческая справка: речь идет о многослойном явлении, в формировании которого существенную роль играл фольклор (как греческий, так и негреческий) и ученые построения греческих историков, заменявшие недостаток информации. Соответственно следует относиться с очень большой осторожностью к историческим реконструкциям, в основе которых лежит рассказ Геродота.

Опубликованная в рамках дискуссии статья В. Паркера также посвящена сообщениям античных авторов о киммерийцах¹⁵. Автор в основном анализирует свидетельства, касающиеся киммерийских вторжений в Малую Азию. На мой взгляд, ему удастся вполне убедительно обосновать свой основной тезис: о том, что поздние авторы, в частности Страбон, в ряде случаев обладают сведениями, не отраженными у Геродота, но восходящими к источникам, ничуть не хуже осведомленным и достоверным, чем его собственные. Несомненно также и то, что традиция о киммерийских походах долгое время сохранялась в среде ионийских греков и что ионийцам были известны многочисленные детали истории киммерийских походов. Геродот использовал лишь часть этой традиции. Несмотря на убедительность этого основного положения статьи, некоторые детали анализа В. Паркера вызывают возражения. Так, он пишет о том, что в ассирийской надписи из храма Иштар царь киммерийцев Дугдамми именуется «царем саков и гутиев» (с. 95). Однако это лишь один из двух возможных здесь вариантов, причем второй, «горный царь гутиев», предпочтителен по ряду причин¹⁶. Но даже если предпочесть первый вариант, я не вижу никаких оснований сопоставлять этот текст со свидетельством Страбона (I. 3.21), согласно которому фракийское племя треров, иногда упоминаемое как союзник киммерийцев, было разбито Мадием. Не вполне убедительно и толкование рассказа Псевдо-Скимна об основании Синопы, по которому этот автор различает два разных киммерийских вторжения. В действительности киммерийцы упоминаются здесь во второй раз скорее всего не для того, чтобы сообщить о втором вторжении, а просто, чтобы датировать основание Синопы. Указание на синхронизм было стандартным способом датировки до распространения олимпийской системы хронологии, и основания ряда других понтийских колоний у Псевдо-Скимна также датированы синхронизмами. Киммерийское вторжение было одним из наиболее известных реперов архаической хронологии и достаточно часто использовалось в качестве синхронизма, позволяющего датировать то или иное событие¹⁷. Античные авторы, по всей видимости, не различали нескольких разных походов киммерийцев (независимо от того, какова была реальная ситуация) и считали, что речь идет об одном вторжении, в ходе которого киммерийцы, естест-

¹⁵ Паркер В. О чем умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота // ВДИ. 1998. № 4.

¹⁶ Подробнее см. Иванчик А.И. Киммерийцы. М., 1996. С. 126 сл.

¹⁷ См. подробно: Ivančič A.I. Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsetappe der griechischen Kolonisation des Schwarzmeergebietes // The Greek Colonization of the Black Sea: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G.R. Tsetschladze (Historia, Einzelschriften. 121). Stuttgart, 1998.

венно, нападали на разные народы и города Малой Азии (фригийцев, вифинцев, лидийцев, ионийцев и т.д.).

В последнее время существенный прогресс достигнут и в изучении археологического аспекта киммерийской проблемы. В центре дискуссии находится вопрос о том, к какой археологической культуре принадлежали исторические киммерийцы. Соответственно все более осознается условность традиционного термина «киммерийская культура». Однако здесь еще далеко до единства между исследователями, и археологический аспект киммерийской проблемы остается, пожалуй, наиболее дискуссионным. Эта дискуссия тесно связана с дискуссией о хронологии раннескифской археологической культуры и, в частности, о датировке перехода к ней от предскифской культуры. В ряде работ высказаны аргументы против традиционного приписывания историческим киммерийцам предскифских археологических культур (в том числе памятников новочеркасского и черногооровского типов) и в пользу того, что их культура с археологической точки зрения была «раннескифской»¹⁸. Сторонники этой точки зрения склонны удревать традиционную дату раннескифской культуры и отнести ее начало еще к VIII в. до н.э. В то же время значительное число исследователей продолжает придерживаться традиционной точки зрения, согласно которой археологическая культура исторических киммерийцев была предскифской (новочеркасская и черногооровская), и датировать переход к раннескифской культуре между серединой и концом VII в. до н.э.

Одним из примеров такого подхода к проблеме является статья Н.А. Гаврилюк¹⁹. Она посвящена чрезвычайно важному аспекту изучения предскифской культуры, которому, к сожалению, редко уделяется должное внимание: исследованию керамики и ее использованию для реконструкции этнокультурной истории восточноевропейских степей предскифского периода. Обычно главным источником при исследованиях такого рода являются металлические изделия; на основании их изучения делается вывод о существовании теснейших связей между населением восточноевропейских степей и Кавказа в предскифскую эпоху. Благодаря исследованию керамических находок Н.А. Гаврилюк удается восстановить более сложную и нюансированную картину, которая, очевидно, ближе к истине. Она показывает значение культурных связей населения степей с различными ее соседями, с жителями лесостепей, фракийцами и населением Прикубанья. Нарисованная автором картина весьма убедительна, и единственное, что вызывает неприятие – безоговорочное отождествление всего населения восточноевропейских степей от Дуная до Северного Кавказа с историческими киммерийцами. Это отождествление ничем не обосновывается, и «киммерийцы» выступают здесь просто как псевдоним предскифских культур. В настоящее время такая позиция выглядит как анахронизм: можно не соглашаться с аргументацией противников этой точки зрения, но невозможно ее попросту игнорировать.

В последнее время все более осознается необходимость комплексного подхода к киммерийской проблеме. Попытку провести такой анализ представляет статья С.В. Махортых, который стремится согласовать свидетельства письменных восточных текстов и данные археологии. Подобные попытки можно только приветствовать, но, к

¹⁸ Kossack G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // BAVA. 1983. 5; *idem.* Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse N.F. 98. 1987; Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. С. 30–91; Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. № 3; Качалова Н.К., Алексеев А.Ю. Археологические аспекты киммерийской проблемы // Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.П. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993; Тохтасьев С.П. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. 1993. № 2; Дьяконов. Киммерийцы и скифы...; Иванчик А.И. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. I. Киммерийские памятники Передней Азии // ВДИ. 1994. № 3; II. «Раннескифские» находки в Малой Азии // ВДИ. 1995. № 1.

¹⁹ Гаврилюк Н.А. Местные и заимствованные компоненты киммерийской культуры. (По материалам керамики) // ВДИ. 1999. № 1. С. 85–97.

сожалению, конкретный результат, достигнутый в этой статье, разочаровывает. Как уже говорилось, комплексный анализ киммерийской проблемы чреват большими сложностями, поскольку требует от исследователя высокой квалификации в достаточно далеких друг от друга областях, в данном случае в археологии и ассириологии. Квалификация С.В. Махортых в области археологии не вызывает сомнений, чего не скажешь о клинописных текстах. Не говоря уже о том, что автор использует их только в переводах, даже не обращаясь к оригиналам, единственный его источник сведений об этих текстах – собрание переводов И.М. Дьяконова «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту» (ВДИ. 1951. № 2–3). Эта публикация, бывшая образцовой для своего времени, сильно устарела за прошедшие почти 50 лет, богатые интенсивными ассириологическими исследованиями. С.В. Махортых практически полностью игнорирует их результаты. Единственное исключение он делает для моих работ (что, конечно, лестно для их автора, но совершенно недостаточно), да и то использует лишь краткий автореферат диссертации и одну статью на эту тему, в то время как подробно излагающую всю аргументацию монографию оставляет в стороне. Несмотря на то, что он цитирует в первом примечании некоторые публикации 90-х годов, посвященные клинописным источникам по киммерийской проблеме (французский вариант моей книги, монографию Дж. Ланфранки и почему-то только IV том серии «State Archives of Assyria», хотя упоминающие киммерийцев аккадские тексты переизданы и в других томах той же серии), в дальнейшем он более к ним не обращается.

Неудивительно поэтому, что представления С.В. Махортых о клинописных источниках по киммерийской проблеме остаются в лучшем случае на уровне исследований полувекковой давности. Его статья содержит ряд мелких неточностей и прямых ошибок, касающихся аккадских текстов. Не лучше обстоит и с основными выводами. Попытка локализации страны Гамир на Северном Кавказе и другие рассуждения по поводу исторической географии Передней Азии не выдерживают критики, о чем уже сказано выше. То же касается и размышлений по поводу статуса страны Гамир, равно как и страны скифов. Автор повторяет уже не раз делавшуюся отечественными археологами ошибку, утверждая, что ассирийские надписи, впервые упоминающие скифов, «связывают их не с государственным образованием, а именно с войском (отрядом) под главенством походного вождя Ишпаки... и лишь Партатуа назван царем страны скифов» (с. 97, прим. 12). На ошибочность именно этого построения уже почти двадцать лет назад указал Э.А. Грантовский²⁰, отмечая, что это толкование основано не на источниках, а на неточно понятом переводе и комментарии И.М. Дьяконова. И в самом деле, ассирийские тексты не позволяют проводить никакого различия между «Ишпакаем скифом» и «Партатуа, царем скифов», поскольку и та, и другая формулировка в равной степени могут обозначать царя или вождя. Этот пример лишний раз показывает, насколько опасно пользоваться источниками из вторых рук.

Не выдерживают критики и другие «ассириологические» построения автора, в частности предположение, что развитие коневодства в Манне объясняется пребыванием там части киммерийцев (с. 98–99). В действительности коневодство в этом регионе было развито независимо от евразийских номадов и до их появления в регионе. Отношения между киммерийцами и скифами (с. 100–101) в Передней Азии также освещены С.В. Махортых превратно, в значительной мере потому, что часть важных источников, не вошедших в собрание И.М. Дьяконова, осталась ему неизвестной. Так, он пишет, что киммерийский вождь Тугдамме погиб в результате «столкновения киммерийцев со скифами, спровоцированного Ассирией». В то же время в нашем распоряжении имеются аккадские тексты, подробно описывающие обстоятельства смерти Т/Дугдамме (анналы редакций IT и H, тексты см. № 48 и 49 моего корпуса), которые не содержат ничего подобного. Киммерийский вождь умер от болезни, описанной весьма красочно и детально, после ряда пограничных конфликтов с

²⁰ Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 135.

ассирийцами, в которых он выступал в союзе с царями Хилакку и Табала. Скифы в этих конфликтах участия не принимали, и вообще их присутствие в Малой Азии ранее двух последних десятилетий VII в. до н.э. ничем не фиксируется. Замечу кстати, что и на территориях к востоку от Ассирии аккадские источники не упоминают никаких конфликтов между скифами и киммерийцами, так что все рассуждения С.В. Махортых на эту тему представляють собой чистые домыслы.

Что касается археологического аспекта проблемы, то С.В. Махортых придерживается традиционной точки зрения, согласно которой киммерийцам принадлежали «предскифские» памятники типа Новочеркасского клада, и датирует их концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. Археологическим свидетельством походов киммерийцев в Переднюю Азию С.В. Махортых, как и другие сторонники этой точки зрения, считает некоторые находки передневозвосточного облика на Северном Кавказе и в Причерноморье: остроконечные шлемы, чешуйчатые панцири, пекторали и др.²¹

Одним из свидетельств «участия киммерийцев в переднеазиатских походах», С.В. Махортых, вслед за рядом предшественников, считает бронзовые пряжки от конской сбруи, найденные в Носачевском кургане в днепровских лесостепи. Эти бляшки сопоставлялись с изображениями конских украшений (детали наборных украшений нагрудных ремней) на ряде ассирийских рельефов и других изображений²², на основании чего делалось предположение об их заимствовании народами Передней Азии у евразийских кочевников (реже, напротив, о передневозвосточном происхождении носачевских бляшек). Однако находки таких бляшек от конских уборов известны в переднеазиатских памятниках конца IX в. до н.э., в частности в слое финального пожара Хазанлу IV В²³, т.е. их появление здесь по меньшей мере на век предшествует началу киммерийских походов и никак не может быть с ними связано. Более того, недавно А.Ю. Алексеев отметил, что, судя по сохранившимся при носачевских бляшках обрывкам ремней, а также их форме, они не могли помещаться на нагрудных ремнях сбруи и, следовательно, не являются функциональной аналогией бляшкам, изображенным на ассирийских рельефах²⁴. После этого сопоставление между ассирийскими рельефами и носачевскими находками потеряло всякие основания и, таким образом, носачевские бляшки не могут более использоваться в качестве хронологического репера для датировки памятников новочеркасского типа, ни аргумента в пользу участия «новочеркасцев» в переднеазиатских походах. На это справедливо указал и С.Л. Дударев²⁵.

С.В. Махортых в своей статье занял по поводу этих предметов достаточно странную позицию. В тексте своей работы он соглашается с сопоставлением носачевских бляшек и ассирийских рельефов и на этом основании однозначно считает их «археологическим подтверждением участия киммерийцев в переднеазиатских походах» (с. 99). Однако здесь же, в примечании к процитированной фразе, выражено противо-

²¹ Той же точки зрения придерживаются и Погребова, Раевский, Яценко (ук. соч., с. 82).

²² Ковпаненко Г.Т. Носачівський курган VIII–VI ст. до н.е. // Археологія. 1966. 20. С. 177 сл.; Тереножкин А.И. Киммерийці. Киев, 1976. С. 159, 205; Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981. С. 95, 98 сл.; Скорий С.А. До питання про «культурна належність» старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 г. // Археологія. 1991. № 3. С. 24; Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С. 184; Раевский Д.С. О логике построения раннескифской хронологии // РА. 1993. № 2. С. 81; Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. С. 83, 89. Ср. Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О хронологии древностей черногоровско-новочеркасского типа // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 68.

²³ Schauensee M. de., Dyson R.H. Hasanlu Horse Trapping and Assyrian Reliefs // Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of Charles Kyrle Wilkinson. N.Y., 1983. P. 63 f. Fig. 6; cp. p. 70 f. Fig. 18. 3; Muscarella O.W. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. N.Y., 1988. P. 70 f. Fig. 106, 107, 109, 110; Schauensee M. de Horse Gear from Hasanlu // Expedition. 1989. 31. № 2–3. P. 48. Fig. 19. Найденные в Хазанлу бляшки использовались, видимо, в качестве наборного украшения ремней узды, а не нагрудника.

²⁴ Алексеев. Ук. соч. С. 80 сл.; Алексеев, Качалова. Ук. соч. С. 79 сл.

²⁵ Дударев. Ук. соч. С. 78.

положное мнение: присоединяясь к мнению А.Ю. Алексеева, автор отмечает функциональное несоответствие деталей узды, найденных в Носачево и Квитках и изображенных на ассирийских рельефах, отрицает их отождествление и замечает, что сходство между ними «отчасти внешнее». Объединить две точки зрения в логически непротиворечивом высказывании не представляется возможным: если носачевские бляшки не отождествляются с изображенными на ассирийских рельефах деталями узды (даже если возводить их к общим прототипам, что само по себе весьма сомнительно и совершенно не доказано), они, очевидно, не могут служить «археологическим подтверждением» участия новочеркасцев в переднеазиатских походах. Читатель остается в недоумении: какое из двух противоположных высказываний – в тексте или в примечании к нему – отражает точку зрения автора?

К числу археологических свидетельств киммерийских походов С.В. Махортых относит также находки наконечников стрел в Передней Азии. Однако его утверждение, что среди них имеются наконечники предскифских типов (с. 102–103), ошибочно. Во всех случаях, в том числе в тех, на которые он ссылается, как и в тех, которые не упоминает, речь идет о наконечниках так называемого раннескифского типа, двухлопастных («келермесских», иногда «жаботинских») или трехлопастных. Особое значение С.В. Махортых придает находкам таких наконечников в «городе Мидаса». Они, однако, не имеют никакого отношения к обсуждаемой проблеме: эти наконечники происходят из слоя V–IV вв. до н.э. («notre ville»)²⁶ и датируются, следовательно, на один-два века позже, чем пребывание киммерийцев в Малой Азии. В это время стрелы названного типа находились на вооружении чуть ли не всех передневосточных армий, так что связывать их с каким-либо конкретным этносом невозможно.

Утверждение С.В. Махортых (с. 99, 103)²⁷ о том, что «в Амлаше» найдены «редчайшие для этого региона» трехлопастные наконечники стрел, аналогии которым происходят из погребений в Белоградце и Носачеве, просто ошибочно. Во-первых, трехлопастные наконечники стрел, изредка находимые в комплексах типа Новочеркасского клада, например в Носачеве²⁸, имеют совершенно иную форму и несопоставимы с наконечниками из Ирана. Во-вторых, эти три (а не два, как пишет С.В. Махортых) трехлопастных наконечника, обнаруженных в погребении 9 у деревень Эмам и Томаджан на южном побережье Каспийского моря²⁹, вовсе не являются «редчайшими» в регионе. Напротив, они принадлежат к типу, широко распространенному в Иране начиная со второй половины VII в. до н.э. и позже. Достаточно упомянуть, например, находку около четырех тысяч таких наконечников в Персеполе. Наконец, погребение из Эмама, о котором идет речь, нет оснований датировать VIII–VII вв. до н.э.; оно вполне может принадлежать и к значительно более позднему времени.

Что касается других «археологических свидетельств» киммерийских походов, обнаруженных в новочеркасских памятниках, то их подробное рассмотрение не может быть представлено здесь по соображениям объема. Я надеюсь предложить его вниманию читателя в специальной монографии, рукопись которой подготовлена к печати. Замечу лишь, что в действительности происхождение большинства этих предметов связано не с Передней Азией, а с Кавказом.

С.Л. Дударев в своей весьма серьезной и фундированной статье предлагает определенный компромисс³⁰. Прежде всего, он различает две волны вторжений киммерийцев в Переднюю Азию. Первую волну он датирует началом правления Саргона II в Ассирии (до 714 г. до н.э.) и считает, что за ней последовал «отток»

²⁶ *Haspels C.H.E. La cité de Midas. Céramique et trouvailles diverses (Phrygie. Exploration archéologique faite et publiée sous la direction de M. Albert Gabriel. T. III). P., 1951. P. 3–5 (датировка), 97. Pl. 42, a–b.*

²⁷ Ср. его более развернутое высказывание: *Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994. С. 22, 29 сл.*

²⁸ Ср. *Тереножкин. Ук. соч. С. 80, 135. Рис. 45, 9.*

²⁹ *Satadi H. Les découvertes fortuites. Klardasht, Garmabak, Emam et Tomadjan (Mazandéran et Guilan). Teheran, 1959. P. 40; idem. Les découvertes fortuites // Arts Asiatiques. 1959. 6. P. 190. Fig. 26.*

³⁰ *Дударев. Ук. соч.*

кочевников из Западной Азии в восточноевропейские степи. Вторую волну С.Л. Дударев датирует начиная с 70-х годов VII в. до н.э.³¹ При этом он, кажется, готов признать кочевнические памятники Малой Азии (Норшун-тепе, Имирлер) киммерийскими, хотя и говорит об этом не вполне уверенно. Эти памятники он относит ко второй волне и, таким образом, допускает, что археологическая культура киммерийцев «второй волны» была раннескифской. Однако, по его мнению, это не предопределяет решения вопроса об археологической культуре киммерийцев конца VIII в. до н.э. и, в частности, киммерийцев «первой волны». Сам С.Л. Дударев аргументирует точку зрения, согласно которой киммерийцы VIII в. до н.э., в том числе и участвовавшие во вторжениях «первой волны» в Переднюю Азию, принадлежали к культуре новочеркасского типа.

Эта теория не кажется мне достаточно убедительной. Прежде всего, вызывает сомнения сама идея двух волн киммерийских вторжений. Она основывается исключительно на том, что киммерийцы не упоминаются в аккадских источниках между 714 и 679 г. до н.э. (о степени убедительности второго аргумента, который основывается на именовании Теушпы «киммерийцем, место которого далеко», уже говорилось). Разумеется, нельзя исключать, что в течение этих 35 лет киммерийцев и в самом деле не было на Переднем Востоке, однако отсутствие их упоминаний может объясняться и другими причинами, в частности спецификой наших источников и их лакунарностью. Стоит отметить, например, что письма эпохи Синахериба нам совершенно неизвестны³². В то же время все упоминания о киммерийцах, относящиеся к эпохе Саргона, находятся именно в этой серии текстов, и если бы саргоновские письма также не сохранились, мы ничего не знали бы о присутствии киммерийцев в Передней Азии в конце VIII в. до н.э. Тот факт, что киммерийцы упоминаются в аккадских текстах лишь в связи с событиями, датируемыми около 714 г. до н.э., вовсе не означает, что их присутствие к югу от Кавказа ограничивалось единственным набегом, относящимся к этой дате. Киммерийцы могли просто не попадать в поле зрения составителей ассирийских текстов или не влиять на интересы Ассирии, не входя в прямое соприкосновение с ее территорией, а потому не упоминаться в текстах; наконец, связанные с киммерийцами документы могли просто не сохраниться. Поэтому в данном случае применение аргумента *ex silentio* особенно непродуктивно.

Ряд косвенных данных также указывает на то, что к 679 г. до н.э., когда киммерийцы вновь начинают упоминаться в аккадских текстах, они уже были достаточно хорошо известны в Ассирии и не были недавними пришельцами. Именно этим годом датируется договор о продаже огорода в Ниневии (SAA 6, 204; № 42 моего корпуса), в котором среди свидетелей сделки упоминается некий Убру-Харран, начальник киммерийского подразделения. Как ни толковать это название (подразделение киммерийских наемников или просто подразделение, вооруженное на киммерийский манер), сам факт существования в Ниневии «киммерийского подразделения» в 679 г. до н.э. свидетельствует о том, что контакты ассирийцев с киммерийцами, причем достаточно интенсивные, начались существенно раньше этой даты. Кроме того, аккадские тексты свидетельствуют о том, что киммерийцы уже с самого начала 670-х годов находились на западной границе Ассирии (в 679 г. до н.э. они упоминаются в районе Табала, несколько позже во Фригии, а десять лет спустя и в Лидии). Вряд ли они могли проникнуть в столь отдаленные районы сразу вслед за своим первым после долгого перерыва появлением к югу от Кавказа. Представляется поэтому более чем сомнительной идея о том, что перерыв в упоминаниях киммерийцев между 714 и 679 гг. до н.э. отражает реальный перерыв в их переднеазиатских походах. Скорее всего киммерийские походы, в которых наверняка участвовали различные, часто не связанные между собой группы, продолжались в течение всего этого времени. Наши фрагмен-

³¹ Там же. С. 79 сл.

³² Parpola S. *Assyrian Royal Inscriptions and Neo-Assyrian Letters // Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons / Ed. F.M. Fales. Roma, 1981. P. 136.*

тарные источники фиксируют, по-видимому, два эпизода, относящиеся к начальной эпохе киммерийских походов (столкновение с урартской армией на северных границах страны и набег на Урарту из Манны), а затем ряд эпизодов, относящихся к более поздней эпохе, когда география киммерийских походов существенно расширилась и стала включать удаленные территории Малой Азии. Однако можно быть совершенно уверенным, что история пребывания киммерийцев в Передней Азии не ограничивалась этими эпизодами.

Если говорить о чисто археологической стороне гипотезы С.Л. Дударева, то она предполагает, что переход от предскифской (новочеркасской) культуры к раннескифской произошел не в результате смены этноса (скажем, киммерийцев на скифов), а в результате смены культуры одним и тем же этносом (киммерийцами). При этом смена культуры произошла очень быстро, максимум за треть века, поскольку киммерийцы «первой волны» в конце VIII в. до н.э. были носителями первой культуры, а киммерийцы второй волны (с начала 670-х годов до н.э.) – уже второй. Мне представляется, что подобную схему развития трудно согласовать с имеющимися фактами. Несмотря на наличие отдельных новочеркасских элементов в составе раннескифской культуры, невозможно говорить о прямой эволюции новочеркасской культуры в раннескифскую. Кроме того, «раннескифские» памятники Передней Азии отнюдь не самые архаичные – они представляют уже второй этап развития этой культуры (по периодизации Г. Коссака и И.Н. Медведской). Таким образом, киммерийцы принесли в Малую Азию «раннескифскую» культуру уже во вполне сформировавшемся виде, что трудно согласовать с предположением о том, что тот же народ лишь тремя десятилетиями раньше принадлежал к совершенно иной культуре.

Наконец, и само обоснование тезиса о принадлежности киммерийцев «первой волны» к культуре новочеркасского типа и об их оттоке в восточноевропейские степи кажется весьма спорным. Выше уже указывалось: в Передней Азии отсутствуют находки новочеркасского облика, так что С.Л. Дударев, как и другие сторонники традиционной точки зрения на культурную принадлежность киммерийцев, оперирует находками из восточноевропейских степей и Предкавказья, которые ставятся в связь с передневосточными вещами. Однако С.Л. Дударев дополняет обычный в таких случаях список находок, которые я уже упоминал, рядом предметов несомненно кавказского происхождения, обнаруженных в Северном Причерноморье (ситулы и другие кавказские бронзы). Он расценивает эти предметы как свидетельства киммерийских походов³³. На мой взгляд, с такой оценкой невозможно согласиться. Находки кавказских (в отличие от малоазийских или ассирийских) вещей в Восточной Европе, и тем более в Предкавказье, никак не могут служить свидетельством вторжений в Переднюю Азию. Тесные связи и контакты (которые, конечно, могли быть не только мирными) между этими регионами существовали как задолго до переднеазиатских походов киммерийцев и скифов, так и много позже их. Находки закавказских («южных») предметов в Предкавказье и предкавказских («северных») в Закавказье, как и находки кавказских бронз разных эпох в Северном Причерноморье, являются отражением этих контактов, не имеющих никакого отношения к походам в гораздо более удаленные районы Передней Азии.

Противники гипотезы, согласно которой исторические киммерийцы были носителями «раннескифской» археологической культуры, ссылаются на то, что кочевнические памятники Передней Азии, на которые она опирается, немногочисленны и в них представлен неполный набор инвентаря этой культуры (например, отсутствует керамика)³⁴. Это возражение не учитывает, однако, специфики археологических следов кочевнических походов в районы обитания оседлых народов. Исследованию этой специфики посвящена статья Г. Парцингера³⁵, имеющая большое значение для кимме-

³³ Дударев. Ук. соч. С. 80–82.

³⁴ См. например: *Махорты*. Киммерийцы и древний Восток. С. 102.

³⁵ *Парцингер Г.* Степные кочевники на востоке Центральной Европы. Находки и памятники в свете сравнительной археологии // ВДИ. 1998. № 2. С. 104–115.

рийской проблемы. Приведенные Г. Парцингером примеры служат лучшим доказательством того, что вторжения групп кочевых всадников оставляют только единичные следы, которые могут быть фиксированы методами археологии лишь с большим трудом, несмотря на размах этих вторжений и их важное историческое значение. Так, вторжения гуннов или мадьяр в Западную Европу, несмотря на свою огромную историческую роль, представлены лишь несколькими отдельными находками и единичными погребальными комплексами, которые идентифицируются в основном благодаря найденному в них оружию и элементам конского убора. Странно было бы ожидать иного от археологических свидетельств вторжений киммерийцев в Переднюю Азию. Более того, на этом фоне четыре погребальных комплекса³⁶ и достаточно большое количество отдельных находок выглядят совсем не так плохо: по сравнению со свидетельствами походов гуннов и мадьяр их можно даже считать многочисленными. Те, кто считает этот материал недостаточным, очевидно, надеются найти в Передней Азии несколько крупных киммерийских некрополей с монокультурными погребениями, содержащими полный набор типичного для степей инвентаря, в том числе и керамику. Такие надежды, на мой взгляд, могут свидетельствовать лишь о нелонимании специфики кочевнических памятников. Найденные до сих пор в Передней Азии следы пребывания исторических киммерийцев именно таковы, какими и должны быть следы кочевнических набегов: изолированные находки, относящиеся прежде всего к военной сфере, и редкие погребения, содержащие, наряду с собственной конской уздой и оружием, местные предметы. Никаких иных материальных следов они и не могли оставить.

Что касается датировки, то во многих случаях, когда устанавливается абсолютная дата находок «раннескифского» облика в Передней Азии (она, как правило, дается стратиграфией хорошо раскопанных поселений), речь идет о первой половине VII в. до н.э. (погребения на Норшун-тепе, перекрытые полом здания, на котором находилась керамика середины и третьей четверти VII в. до н.э., находки наконечников стрел и элементов узды «раннескифских» типов в слоях первой половины VII в. до н.э. Богазкёя, Каялидере, Нуш-и Джана, Машат-Хююка и др.)³⁷. Таким образом, «раннескифские» предметы, а также содержащие их погребальные комплексы, известны в Передней Азии уже в первой половине VII в. до н.э., что при любой интерпретации этих находок заставляет датировать начало «раннескифской» культуры не позже этого времени. Такая датировка в свою очередь является существенным аргументом в пользу отождествления этих материальных остатков именно с киммерийцами.

К сожалению, значимость этих хронологических данных, кажется, осознается не всеми археологами. В самом деле, чисто археологические методы не в состоянии дать абсолютные даты: используя их можно создать лишь схему относительной хронологии. Для того, чтобы привязать ее к абсолютной хронологии и, следовательно, продатировать археологические памятники, приходится согласовывать полученную археоло-

³⁶ Г. Парцингер (ук. соч., с. 112) говорит об этих захоронениях как о скифских, что может быть верно лишь с археологической точки зрения: они действительно принадлежат «раннескифской» археологической культуре. Однако, судя по письменным источникам, единственным кочевыми всадниками, которые присутствовали в этом районе в первой половине VII в. до н.э., были киммерийцы. Поэтому данные памятники могут быть приписаны лишь киммерийцам клинописных текстов.

³⁷ М.Н. Погребова, Д.С. Раевский и И.В. Яценко (ук. соч., с. 83 сл.) также сомневаются в том, что кочевнические находки в Малой Азии датируются раньше середины VII в. до н.э. При этом они совершенно игнорируют названные датированные находки и говорят лишь о комплексах из Имирлера и Амаьси, которые в самом деле не имеют самостоятельных оснований для абсолютной даты. Что касается трехлопастных наконечников стрел, которые эти авторы склонны признать относительно поздним признаком, то замечу, что они обнаружены в одном из погребений Норшун-тепе и в слоях Богазкёя, относящихся ко второй четверти – середине VII в. до н.э. и, следовательно, использовались уже в это время. Если авторы статьи согласны считать комплексы, содержащие только двухлопастные наконечники, более ранними по сравнению с комплексами, в которых имеются и трехлопастные, то они должны признать погребения из Имирлера и Амаьси более ранними по сравнению с захоронениями с Норшун-тепе, т.е. относящимися в любом случае к первой половине VII в. до н.э.

гическими методами систему относительной хронологии со свидетельствами письменных источников, из которых только и можно заимствовать опорные абсолютные даты. Конечно, здесь большие перспективы сулит применение естественнонаучных методов, особенно дендрохронологии, однако в интересующей нас области соответствующие исследования пока находятся в зачаточном состоянии. Фигурирующие в литературе по скифской и предскифской археологии абсолютные даты восходят в конечном итоге именно к письменным источникам. Начиная с последней четверти VII в. до н.э. это в основном античные материалы, однако для эпохи, предшествующей началу греческой колонизации Северного Причерноморья, опорные даты происходят из передневносточной хронологии. Замечу, кстати, что галыштаттская хронологическая система, на которой в основном основывалась хронология предскифского периода А.И. Тереножкина, сама в конце концов опирается на привязки к передневносточным и египетским датам.

«Раннескифские» находки в Передней Азии дают редкую возможность соотнести напрямую степные памятники с датированными переднеазиатскими. Полученные на основе такого сопоставления хронологические выводы безусловно предпочтительны перед традиционными абсолютными датировками, восходящими к тем же передневносточным материалам, но через цепочку, иногда достаточно длинную, промежуточных звеньев. Речь идет о появлении новых хронологических реперов, причем более надежных, чем те, которые использовались ранее. Поскольку эти новые данные вступают в противоречие с традиционной хронологией, их появление, казалось бы, должно привести к ее пересмотру. Многие археологи, однако, предпочитают подвергнуть сомнению не устаревшие хронологические схемы, а сами эти реперы, не задаваясь в сущности вопросом о том, на чем основываются те даты, которые они защищают. Ход рассуждения в этом случае прямо противоположен тому, который был бы естественен с методологической точки зрения.

Так, С.Л. Дударев³⁸ пишет, что обнаруженные в Норшун-тепе и Имирлере предметы отражают келермесскую стадию развития раннескифской культуры и что эта стадия «относится специалистами к середине – второй половине VII в. до н.э.». По этой причине он предпочитает игнорировать обоснованную передневносточными материалами датировку погребений на Норшун-тепе и относить их также к середине – второй половине VII в. до н.э., вместо того, чтобы задаться вопросом о возможности пересмотра даты «келермесской стадии» и об основаниях, на которых эта дата базируется.

По сходной логике строятся и рассуждения М.Н. Погребовой, касающиеся датировки Кармир-Блура и соответственно обнаруженных там скифских предметов. Она напоминает о том, что в системе относительной хронологии закавказских памятников, созданной чисто археологическими методами, достаточно четко разделяются два периода, один из которых обычно датируют IX–VIII, а другой – VII–VI вв. до н.э.³⁹ Далее она отмечает, что при раскопках Тейшебаини обнаружена целая серия предметов, «в массе своей эталонных для периода VII–VI вв. до н.э.»⁴⁰. В этом она видит подтверждение традиционной точки зрения, согласно которой эта крепость пережила середину VII в. до н.э. и существовала до начала VI в. до н.э. Такая аргументация кажется достаточно странной. Даже если считать, что датировка обнаруженных в Тейшебаини закавказских предметов VII–VI вв. до н.э. совершенно достоверна и безупречна, она никак не может исключать возможность того, что весь период существования крепости падает на первую половину VII в. до н.э.: только предметы, однозначно более поздние, чем середина VII в. до н.э. могли бы служить опровержению этой точки зрения. К тому же и сама датировка соответствующего пласта закавказских древностей VII–VI вв. до н.э. достаточно условна. Она опирается на синхронизацию этих памятников с урартскими и раннескифскими памятниками в том числе, и

³⁸ Дударев. Ук. соч. С. 77, ср., однако, с. 86, где предлагается датировка 660–640 гг. до н.э.

³⁹ Погребова М.Н. О принципах датировки скифской арханки // РА. 1993. № 2. С. 85.

⁴⁰ Там же. С. 88.

далеко не в малой степени, на находки в Кармир-Блуре, где представлены и те, и другие. На это, кстати, указывает и сама М.Н. Погребова⁴¹. Группа закавказских памятников, одновременная позднеурартским и раннескифским, естественно, датировалась в свое время на основании существовавших тогда представлений о хронологии этих последних. Поскольку гибель Тейшебаини и всего Урарту относили к началу VI в. до н.э., синхронизация с урартскими памятниками означала датировку VII – началом VI в. до н.э. Но если новые исследования собственно урартских материалов дают основания датировать эти события серединой VII в. до н.э., то соответственно должна меняться и дата синхронных с позднеурартскими памятниками закавказских материалов, и уж во всяком случае их невозможно приводить в качестве аргумента против новых датировок урартских памятников. В противном случае мы имеем дело с порочным кругом: закавказские памятники были в свое время датированы на основании синхронизации с урартскими, а эти последние теперь датируются на основании синхронизации с закавказскими⁴². Замечу, кстати, что то же касается и раннескифских памятников, датировка которых отчасти опиралась на те же урартские материалы, в особенности на находки в Кармир-Блуре.

Фактом остается то, что на территории Малой Азии известны как погребальные комплексы, так и отдельные находки, принадлежащие к раннескифской археологической культуре (наличие в некоторых комплексах, наряду с «раннескифскими», и инокультурных элементов, положения не меняет), причем значительная их часть датируется первой половиной – серединой VII в. до н.э. Материальные остатки иных степных культур на этой территории в VII в. до н.э. отсутствуют. В то же время письменные источники сообщают о присутствии в Малой Азии в это время киммерийцев (*Gimigāia*); напротив, присутствие другой группы степняков, известной по клинописным текстам, скифов (*Iškuzāia*), на этой территории по крайней мере в течение трех первых четвертей VII в. до н.э. никакими источниками не подтверждается. *Iškuzāia* упоминаются в аккадских текстах достаточно часто, но всегда локализируются на территориях к востоку от Ассирии. Если подойти к этим фактам непредвзято, то выводы, на мой взгляд, напрашиваются сами собой. «Раннескифские» памятники Малой Азии, относящиеся к первым трем четвертям VII в. до н.э., оставлены единственными кочевниками, присутствие которых засвидетельствовано здесь в это время, а именно *Gimigāia* аккадских текстов; этот народ, следовательно, был носителем раннескифской археологической культуры. Начало раннескифской культуры в целом не может датироваться позже, чем отдельные памятники этой культуры, находящиеся к тому же вне основного ареала ее распространения. Следовательно, в первой половине VII в. до н.э. эта культура уже существовала.

Такое решение представляется наиболее логичным и простым; для того, чтобы его отвергнуть, приходится прибегать к различным уловкам и натяжкам. Так, М.Н. Погребова, Д.С. Раевский и И.В. Яценко⁴³, ставя под сомнение отождествление «раннескифских» памятников Малой Азии с историческими киммерийцами, ссылаются на невозможность разграничить киммерийцев и скифов в восточных текстах. Они полагают, следовательно, что, вопреки недвусмысленным указаниям разных источников (не только клинописных, но и античных), скифы присутствовали в Малой Азии еще в первой половине VII в. до н.э. и именно они оставили на этой территории «раннескифские» памятники (в противном случае их возражение перестает быть таковым). Для этого им приходится предполагать, что тексты имеют в виду вовсе не то, что в них написано, и, говоря о киммерийцах, подразумевают реальных скифов или киммерийцев и скифов вместе (речь здесь должна идти не только о клинописных, но и античных текстах, что, кажется, не вполне осознается сторонниками этой точки

⁴¹ Там же. С. 85.

⁴² Я уже имел случай кратко упомянуть об этом (*Инанчик. Ук. соч. I. С. 165*), однако вынужден здесь изложить свои возражения более развернуто, поскольку легитимность этого рассуждения отстаивается и в работе: *Погребова, Раевский, Яценко. Ук. соч. С. 85.*

⁴³ *Погребова, Раевский, Яценко. Ук. соч. С. 84.*

зрения). Однако, если исходить из такой презумпции, обсуждение киммерийской проблемы теряет всякий смысл. В самом деле, если мы не знаем, имеют ли в виду киммерийцев наши источники, когда говорят о них, то приходится отказаться от всяких суждений о киммерийцах и от попыток отграничить их от скифов. В таком случае киммерийская проблема получает простое, хотя и весьма неутешительное решение: кроме близости киммерийцев к скифам, оказывается, что о них ничего невозможно сказать с уверенностью. Правда, неясно в этом случае, чем можно обосновать принадлежность киммерийцам предскифских археологических культур, а также остается без объяснения и тот факт, почему в Малой Азии сохранились материальные остатки одних лишь скифов, но не киммерийцев.

К счастью, ситуация не столь безнадежна. Я уже говорил о необоснованности утверждения о неразличимости киммерийцев и скифов в письменных источниках. В действительности ассирийские тексты (как и большинство античных источников) достаточно последовательно разграничивают две группы. Собственно, только это позволяет и современным исследователям различать киммерийцев и скифов и всерьез обсуждать киммерийскую проблему, в том числе и ставить вопрос об археологической культуре киммерийцев. В целом, мне кажется, точка зрения, согласно которой киммерийцы в период своих вторжений в Переднюю Азию были носителями «ранне-скифской» археологической культуры, остается наиболее обоснованной. К той же культуре, очевидно, принадлежали и исторические скифы. Речь идет о двух группах, которые были весьма близки между собой с культурной, а также, вероятно, языковой и этнической точки зрения, но все же достаточно четко различались. Эти различия, однако, нам удастся установить лишь благодаря письменным источникам. Различия в материальной культуре двух этнических групп, если они были, весьма трудно уловить, а отдельные нетипичные черты памятников, оставленных киммерийцами в Малой Азии, могут иметь разные объяснения.

А.И. Иванчик

THE MODERN STATE OF THE CIMMERIAN PROBLEM.

SUMMARIZING THE DISCUSSION

A.I. Ivantchik

The article sums up the discussion «Cimmerians: Problems of Historical and Cultural Interpretation» and reviews the main results so far achieved in the study of the three main aspects of the problem: analysis of oriental cuneiform sources, classical texts and archaeological monuments. The most disputable aspect is still the archaeological one. The author believes that for the time being strong arguments support the view that in the period of their invasions to the Near East Cimmerians belonged to the Early Scythian archaeological culture, as well as the Scythians. Both groups were very close to each other from the cultural and, as it seems, linguistic and ethnical point of view, but did have some distinct differences. However, these differences, definitely attested in written sources, can not to be clearly observed in archaeological monuments.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНТИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПЕРИКЛА

Понтийская экспедиция Перикла – сюжет, достаточно часто затрагивавшийся в той или иной связи в исследованиях по истории Причерноморья классической эпохи. В отечественном антиковедении даже имела место оживленная дискуссия по некоторым вопросам, связанным с этой внешнеполитической акцией Афин¹. Достигнув пика на рубеже 1950–1960-х годов, дебаты затем постепенно сошли на нет, причем, как это обычно бывает, каждый из участников остался при своем мнении. Впрочем, в целом дискуссию нельзя не признать плодотворной. В ее ходе был снят ряд существенных неясностей, что в дальнейшем вызвало некоторое снижение интереса к данной проблематике. При этом, однако, отдельные ее аспекты продолжают рассматриваться и по сей день². Особо следует отметить работы Ю.Г. Виноградова, который в течение последних десятилетий внес, пожалуй, наибольший вклад в разработку проблемы, ввел в научный обиход или по-новому интерпретировал ценнейший источниковый материал³.

Возможно, окажется бесполезным взгляд на рассматриваемый круг вопросов, так сказать, «с другого берега», глазами историка классических Афин. Необходимо сразу отметить, что хотя понтийская экспедиция Перикла упоминается практически во всех трудах, посвященных Афинской архэ, количество специальных работ, трактующих эту тему более или менее детально, на Западе крайне невелико⁴. О факторах, способствующих подобному положению вещей, речь пойдет чуть ниже. Связная, свободная

¹ Перечислим лишь важнейшие работы: *Жебелён С.А.* Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 24, 64–65, 180–195; *Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М., 1952. С. 67–73; *они же.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 66–85; *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.* Т. 2. М., 1954. С. 7–44; *Максимона М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М. – Л., 1956. С. 98–102, 151; *Брашинский И.Б.* Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958, № 3. С. 110–121; *он же.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. С. 56–88; *Карышковский П.О.* Ольвия и Афинский союз // *Материалы по археологии Северного Причерноморья.* Вып. 3. Одесса, 1960. С. 57–100; *Гайдукевич В.Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР.* Вып. 116. 1969. С. 11–19.

² Например: *Васильев А.Н.* К вопросу о событиях 438 г. до н.э. на Боспоре // *Проблемы отечественной истории.* Ч. 2. М. – Л., 1976. С. 154–176; *Скржинская М.В.* Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла // ВДИ. 1985. № 2. С. 142–148; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 19, 27–29; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 46–49; *Усачева О.Н., Кошеленко Г.А.* Об одной загадке беспорской историографии // РА. 1994. № 3. С. 65–70; *Масленников А.А.* Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // *Проблемы истории, филологии, культуры.* Вып. 3. Ч. 1. Москва–Магнитогорск, 1996. С. 61–71.

³ *Виноградов Ю.Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н.э. Ч. I // ВДИ. 1981. № 2. С. 65–90; *он же.* Западное и Северное Причерноморье в классическую эпоху // *История Европы.* Т. 1. М., 1988. С. 379–381; *он же.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 109–111, 126–134.

⁴ *Duncker M.* Des Perikles Fahrt in den Pontus // *Sitzungber. der Preussischen Akad. der Wiss.* zu Berlin. 1885. Hlbd 2. Ht 27. S. 533–550; *Cloché P.* Périclès et la politique extérieure d'Athènes entre la paix de 446–445 et les préludes de la guerre du Péloponnèse // *L'Antiquité classique.* 1945. 14. P. 93–128; *ATL.* V. 3. Princeton, 1950. P. 114–117; *Oliver J.H.* The Peace of Callias and the Pontic Expedition of Pericles // *Historia.* 1957. 6. 2. S. 254 f.; *Mattingly H.B.* Periclean Imperialism // *Ancient Society and Institutions.* Oxf., 1966. P. 193–223; *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxf., 1972. P. 197–199, 328–330; *Ferrarese P.* La spedizione di Pericle nel Ponto Eusino // *Contributi dell'Istituto di storia antica.* Milano, 1974. 2. P. 7–19; *Burstein S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976. P. 31–35; *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca, 1981². P. 180 f., 387 ff.

от всякого рода спорных мест реконструкция этого военно-политического мероприятия с максимальной степенью детализации, очевидно, дело будущего. Нам же лишь хотелось бы высказать соображения, которые, может быть, помогут как восстановлению некоторых перипетий хода событий, так и лучшему пониманию самого феномена. Непосредственной целью статьи является попытка установления маршрута экспедиции. Но к этому вопросу нам предстоит вернуться лишь в конце нашего изложения. Вначале же необходимо с надлежащей подробностью остановиться на общем историко-географическом контексте события.

Предварительные источниковедческие замечания. Основной причиной традиционно незначительного внимания западных антиковедов к понтийской экспедиции Перикла, даже можно сказать недооценки ее значения, является, безусловно, более чем неудовлетворительное состояние источниковой базы. Как известно, единственное эксплицитное сообщение об экспедиции содержится у Плутарха (Per. 20). Этот пассаж неоднократно становился предметом анализа и комментариев⁵, что освобождает нас здесь от необходимости подробной его характеристики, позволяя ограничиться несколькими штрихами, впрочем, принципиального характера.

Непредвзятому читателю Плутарха не может не броситься в глаза наличие риторических антитез в указанном месте биографии Перикла. Во-первых, это – типичнейшая для античной риторики вообще дихотомия «эллины – варвары» (ταῖς μὲν Ἑλληνῶσι πόλεσιν... τοῖς δὲ περὶ οὐκοῦσι βαρβάρους ἔθνεσι καὶ βασιλεῦσιν...). Во-вторых, противопоставление военно-политической активности Перикла в Понте и якобы характерной для него благоразумной осторожности и сдержанности по отношению к другим регионам (Египет, Западное Средиземноморье). Нет нужды лишней раз указывать, что последнее утверждение по большому счету не соответствует действительности. Анализ внешней политики Перикла приводит к выводу, что *ceteris paribus* лидер афинского полиса придерживался аналогичного экспансионистского курса на всех направлениях⁶.

Уже отмечалось, и совершенно справедливо, что, в сущности, рассматриваемый пассаж Плутарха представляет собой развернутый риторический топос⁷, характерный, добавим, для второй софистики вообще и для нашего биографа – ее крупнейшего представителя – в частности. Необходимо четко осознать не только сам этот факт, но и всю совокупность его импликаций. Плутарха абсолютно не интересовала понтийская экспедиция как таковая – ее цели, содержание, маршрут и т.п. Для него важен был лишь его герой – в нашем случае Перикл, и соответственно биограф брал из своего источника только то, что ему было нужно для разрабатывавшейся им в данный конкретный момент топики, т.е. даже не весь костяк сюжета, а его отдельные детали⁸. Так, эпизод с Тимесилеем введен в повествование с несомненной целью оттенить антигиранические черты политики Перикла.

Итак, сообщением Плутарха следует пользоваться с большой осторожностью, отнюдь не пытаясь «вчитать» в него какую бы то ни было информацию сверх того скудного набора фактов, который в этом сообщении содержится (имеются в виду сам факт экспедиции и акция в Синопе). Весь остальной текст свидетельства – не более чем риторическое обрамление, на которое невозможно опереться при попытке сколь-нибудь ответственных выводов. Но, с другой стороны, следует учитывать и то, что источник, использовавшийся Плутархом, несомненно трактовал сюжет значительно подробнее. В связи с этим нельзя, скажем, заведомо отрицать посещение афинским флотом северных берегов Понта только на основании того, что у Плутарха об этом ничего не говорится. Обычная слабость аргумента *e silentio* здесь усугубляется отмеченным выше принципиально отрывочным характером повествования Плутарха.

⁵ Последний пример: *Stadler P. A Commentary on Plutarch's Pericles. L., 1989. P. 217 f.*

⁶ *Ferrarese. Op. cit. P. 17.*

⁷ *Stadler. Op. cit. P. 217: «a rhetorical elaboration of the Sinope affair».*

⁸ См. к этому знаменитую характеристику метода Плутарха, данную им самим (Alex. 1).

Установление источника, из которого черпал биограф, имело бы немалое значение для общего подхода к рассматриваемой проблеме. Думается, дело здесь обстоит все-таки не столь безнадежно, как считал И.Б. Брашинский, отрицавший возможность определения этого источника⁹. Разумеется, любая такая попытка может быть принята лишь на уровне гипотезы, но ведь и гипотезы бывают разной степени вероятности. Во всяком случае, круг предлагавшихся «кандидатур» ограничивается крупными историками IV в. до н.э., что само по себе делает ценность свидетельства Плутарха весьма высокой. Говоря более конкретно, вопрос фактически стоит так: Эфор или Феопомп? При этом какой-либо решающий аргумент в пользу Эфора нам неизвестен; в то же время есть серьезный аргумент contra: это – полное отсутствие упоминаний о понтийской экспедиции у Диодора, который подробно излагает историю этих лет, опираясь, как давно установлено, именно на Эфора.

В пользу же Феопомпа, напротив, говорит одно существенное обстоятельство: достоверно известно, что этот историк в каком-то из своих сочинений упоминал об экспедиции (FGrHist 115 F389). Против признания Феопомпа источником Плутарха еще М. Дункер¹⁰ выдвигал соображение о невозможности увязать антиафинский пафос трудов Феопомпа с тем ярко выраженным прославлением Перикла, который являет собой анализируемый отрывок (Plut. Per. 20). Однако здесь, как уже говорилось выше, следует отделять фактологию (возможно, действительно взятую Плутархом у Феопомпа) от апологетической риторики, привнесенной в изложение самим биографом. Кажется, ничто не мешает нам признать Феопомпа наиболее вероятным автором экскурса о понтийской экспедиции, впрочем, ни в коей мере не настаивая на этом предположении. В конечном счете, как бы ни решался вопрос об источнике Плутарха, ясно, что источник этот серьезен и авторитетен.

Остальные свидетельства об экспедиции имеют косвенный характер. В настоящее время практически никто не сомневается в том, что упоминания ряда античных авторов (Strabo. XII. 547; Plut. Luc. 19,7; App. Mithr. 83) о колонизации афинянами Амиса следует связывать именно с этой акцией. Не исключено, что все эти упоминания восходят к Феопомпу (F 389); Страбон прямо ссылается на него¹¹.

Весь перечисленный выше материал освещает действия эскадры Перикла у южных берегов Понта. Еще более скудны источники в которых отразилось бы ее пребывание в Северном Причерноморье. Здесь перед нами исключительно косвенные данные, что в прошлом не раз давало повод для скептического отношения к этому сюжету как таковому¹². Впрочем, появление за последнее время новой, зачастую неожиданной информации приводит к постепенному изживанию скептицизма. На некоторых нюансах этой информации нам придется с большей детализацией остановиться в соответствующем месте.

Вопрос, которого следует коснуться особо, – молчание Фукидида о понтийской экспедиции Перикла. В свое время И.Б. Брашинский сделал даже вывод, что это молчание свидетельствует о малом, локальном значении всего мероприятия: «В книге I труда Фукидида (гл. 85–118) сообщаются все важнейшие события жизни Афин в период так называемого пятидесятилетия... все сколько-нибудь важные внешнеполитические мероприятия афинян»¹³. Однако это высказывание по меньшей мере слишком категорично. Фукидид отнюдь не задавался целью описать все важнейшие события Пентеконтаэтии. Достаточно назвать лишь несколько фактов, о которых этот историк тоже умалчивает. Среди них – перенос казны Делосского союза на афинский акрополь (454 г.), Каллиев мир с Персией (449 г.), попытка созыва панэллинского конгресса в Афинах (448 г.), остракизм Фукидида, сына Мелесия (444 или 443 г.),

⁹ Брашинский. Афины... С. 57; ср. Виноградов. Синопа... С. 66.

¹⁰ Düncker. Op. cit. S. 534.

¹¹ В рамках данной статьи мы не можем подробно коснуться проблемы афинской колонизации Амиса при Перikle. Этот вопрос будет рассмотрен нами в специальной статье.

¹² В наибольшей степени подобный скептицизм проявился в серии работ И.Б. Брашинского (см. прим. 1).

¹³ Брашинский. Афины... С. 57.

основание Фурий (443 г.)... Список можно было бы продолжить. Сомневается ли кто-нибудь, что все это – события первостепенной важности как минимум для Афин?

Более взвешенным представляется мнение П.О. Карышковского¹⁴, согласно которому Фукидид останавливается лишь на фактах, имевших отношение к развязыванию Пелопоннесской войны. Впрочем, и здесь нельзя обойтись без оговорок. Даже на таких основополагающих для предпосылок войны вопросах, как Тридцатилетний мир или мегарский инцидент, автор «Истории» останавливается лишь вскользь, мимоходом, оставляя в изложении немало неясностей, недоговоренностей. Справедливо отмечалось, что Фукидид порой бесполезен для установления точной хронологии Пентеконтаэтии, что он в высшей степени выборочно подходит к материалу, многое просто игнорируя, что его молчание никогда не может расцениваться как весомый аргумент¹⁵.

Замечено также, что у самого Фукидида в передаче им речей Перикла есть несколько мест (II.40.4–5 и особенно II.62.2), удивительно перекликающихся с рассказом Плутарха о понтийской экспедиции¹⁶. Эти места имплицитно свидетельствуют о том, что историк знал об этой внешнеполитической акции и осознавал ее значение. Причина, по которой он отказался об упоминании о ней в своем описании Пентеконтаэтии, неизвестна, но такой причиной ни в коей мере не могли быть малые масштабы экспедиции. Напротив, последняя, судя по всему, замышлялась как весьма значительное мероприятие; не случайно, думается, сам Перикл принял на себя командование¹⁷. Как известно, афинский «олимпиец», сознавая свой реальный вес в политической жизни родного полиса, никогда не разменивался на «мелочи», предпочитая решать все проблемы, не относящиеся к числу особенно значительных, чужими руками (Plut. Mor. 812 d).

Единственная известная нам попытка совершенно отрицать историчность понтийской экспедиции и считать ее пропагандистской фабрикацией IV в. до н.э. принадлежит итальянской исследовательнице П. Феррарезе¹⁸. Помимо разобранного нами выше молчания Фукидида она опирается также на отсутствие упоминаний об экспедиции у современных Периклу драматургов. Странно было бы, однако, если бы в дошедших до нас трагедиях (писавшихся в послеэсхилловскую эпоху исключительно на мифологическом материале) появилась вдруг прямая аллюзия на такого рода акцию. А в то же время, как недавно подметила М.В. Скржинская¹⁹, в драматургии второй половины V в., особенно у Софокла, наблюдается несомненное повышение интереса к понтийской тематике. Это, конечно, не случайно, и аргумент Феррарезе, таким образом, оборачивается против нее самой.

Более серьезный довод связан с Ксенофонтом, в «Анабасисе» (IV.8.22; V.3.2; V.5.3; V.5.7 sqq.; V.6.10 sqq.; VI.1.15) неоднократно говорящим о Синопе, но нигде не упоминающим афинских клерухов в ней²⁰. Конечно, Ксенофонт писал не перипл, а мемуары. И все же казалось бы уместным по меньшей мере при указании на то, что синопцы – милетские колонисты (Anab. VI.1.15), упомянуть и об афинских поселенцах. Однако ко времени похода «десяти тысяч» ситуация в Синопе могла измениться; можно даже попытаться определить, когда и при каких обстоятельствах это случилось.

¹⁴ Карышковский. Ук. соч.

¹⁵ В наиболее заостренной форме см.: Badian E. From Plataea to Potidaea. Baltimore, 1993. P. 27 f., 59.

¹⁶ Mattingly. Op. cit. P. 194 f.

¹⁷ Карышковский. Ук. соч. С. 77.

¹⁸ Ferrarese. Op. cit. Passim.

¹⁹ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.

С. 118.

²⁰ Мы считаем афинских поселенцев в Синопе клерухами, исходя из критериев различения клерухий и колоний, выдвинутых П. Брантом (Brunt P.A. Athenian Settlements Abroad in the Fifth Century B.C. // Ancient Society and Institutions. Oxf. 1966. P. 78).

После поражения афинян при Эгоспотамах (405 г. до н.э.) спартанский наварх Лисандр приступил к систематической ликвидации афинских колоний и клерухий, отправляя всех проживавших там афинян в их родной город, дабы создать там трудности со снабжением (Plut. Lys. 13; ср. Xen. Hell. II.2.2)²¹. Впоследствии одним из условий договора о капитуляции Афин был уход афинян «из всех городов» (Plut. Lys. 14), что следует понимать как официальное уничтожение афинских поселений за пределами Аттики. Очевидно, в этой обстановке прекратила существования и клерухия в Синопе, хотя, конечно, нельзя с уверенностью утверждать, что флот Лисандра заходил так далеко на восток. Во всяком случае, расположенный еще восточнее Амис афинскую колонию удержал.

Отметим, наконец, что против предположения Феррарезе о фиктивности понтийской экспедиции Перикла говорит эпиграфический материал из Северного Причерноморья, в частности опубликованная Ю.Г. Виноградовым²² уже после выхода ее статьи ольвийская надпись в честь изгнанного афинянами синопского тирана Тимесилея. После появления этого источника любые сомнения в историчности описанных Плутархом событий, если они и были, должны безусловно отпасть.

Обстановка в Средиземноморье и политика Афин. По вопросу о датировке понтийской экспедиции в историографии существует довольно широкий разброс мнений²³. Однако по целому ряду оснований наиболее приемлемы, вне всякого сомнения, 437–436 годы до н.э. Здесь нам остается только присоединиться к датировке, уже предлагавшейся многими авторитетными специалистами (в том числе П.О. Карышковским и Ю.Г. Виноградовым). Кстати, именно тогда афиняне начинают активно осваивать и регионы Северной Эгеиды; к этому времени относится колонизация Амфиополя, Брен, Астака.

Интерес афинян к понтийскому региону проявился уже в весьма раннюю эпоху. Еще в конце VII в. до н.э. они пытались укрепиться у входа в Геллеспонт, колонизовав Сигей (Herod. V. 94–95; Strabo. XIII. 599–600; Diog. Laert. I. 74)²⁴. Понятно, что Геллеспонт был нужен Афинам не сам по себе, а как преддверие Понта. Однако, как известно, особенно высокой степени афинские устремления в эти далекие северные области, афинские экономические, культурные, политические связи с ними достигли лишь со второй половины V в. до н.э.²⁵ Это было обусловлено рядом обстоятельств; на некоторых из них необходимо вкратце остановиться.

Из источников хорошо известно, насколько остро стояла проблема привозного хлеба в Афинах IV в. до н.э. (в этот период удовлетворявшаяся почти исключительно за счет боспорского зерна). Хотя для V в. источниковых данных такого рода значительно меньше, нет сомнений, что и в «Периклов век» потребность афинского демоса в этом основном продукте питания была, во всяком случае, не менее острой. Действительно, в V в., до опустошений Пелопоннесской войны, население Аттики было бесспорно больше, чем в следующем столетии (хотя, может быть, и не в такой степени, как это принято считать²⁶). В то же время по настоящему высокоразвитая инфраструктура

²¹ Касаткина Н.А. Афинское поселение на Самосе в IV в. до н.э. // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 148.

²² Виноградов. Синопа...

²³ Сводку основных точек зрения см. Bayer E., Heideking J. Die Chronologie des perikleischen Zeitalters. Darmstadt, 1975. S. 168 f.

²⁴ Ehrenberg V. Polis und Imperium. Zürich, 1965. S. 222; Jeffery L.H. Archaic Greece. L., 1978. P. 89 f.; Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 135 сл. Странным образом этот факт не принимается во внимание И.Б. Брашинский (Афины... С. 11–34), относя начало афинского интереса к Причерноморью к началу VI в. до н.э.

²⁵ Bouzek J. Five Notes on the Pontic Relations with Greece during the Archaic and Classical Times // Причерноморье VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 464 сл.

²⁶ Порой постулируется чрезмерно большое падение численности населения в годы Пелопоннесской войны; см. Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War. Croom Helm, 1986. P. 70–86. Для более взвешенной оценки см. Hansen M.H. The Athenian Ecclesia II. Copenhagen, 1989. P. 91.

аттической хоры, позволявшая получать более высокие урожаи «дома», начала создаваться лишь на рубеже V–IV вв.²⁷

Положение усугублялось тем, что «хлебные пути» для Афин еще не определились, не стали стабильными. После превращения Афин в первостатейную морскую державу, создания Делосского союза и вытеснения персов из Эгеиды город Паллады оказывался перед выбором, какой из трех крупнейших регионов – производителей зерна (Египет, Великая Греция, Северное Причерноморье) сделать своей основной продовольственной базой. Для этого, в сущности, не обязательно было прочно утвердиться в самих этих регионах; достаточно было держать под своим контролем торговые маршруты²⁸.

Первоначально афиняне, насколько можно судить, склонялись к Египту, прибегая для усиления своих позиций там к мерам военного характера. Однако после тщетной попытки закрепиться в дельте Нила в 459–454 годах эти планы пришлось оставить; после заключения Каллиева мира Египет как потенциальная зона афинского влияния был отрезан и формально. В 440-х годах афиняне уже не пытались вмешаться в египетские дела, даже если такая возможность представлялась (Plut. Per. 37.4).

После неудачи на египетском направлении Афины (в этот период уже несомненно руководимые Периклом) начинают с нарастающей активностью обращаться на запад, к плодородным землям Южной Италии и Сицилии. Создается впечатление, что первые попытки проникновения туда относятся ко времени непосредственно после египетской катастрофы. Однако мы воздержимся здесь от суждений по некоторым дискуссионным вопросам, в частности, по вопросу о договоре Афин с сицилийской Сегестой, датруемом различными исследователями от 458/7 до 418/7 г.²⁹ (по нашему мнению, традиционная дата – 454/453 год – остается наиболее приемлемой³⁰). Не будем касаться и традиции о римском посольстве в Афины, имевшем место будто бы как раз в это же время (Liv. III.31.8)³¹.

Во всяком случае, остается несомненным, что ближайшие годы после заключения Тридцатилетнего мира стали временем чрезвычайно активной западной политики Афин. Разрозненные факты, будучи связаны воедино, дают достаточно стройную картину. Подавляющее большинство исследователей относит к 440-м годам заключение союза Афин с Регием и Леонтинами³². Вероятно, примерно к тому же времени относятся также союзы с Метапонтом и италийским племенем мессапиев³³. Есть все

²⁷ Lohmann H. Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v. Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1955. S. 515–548; Суриков И.Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 243 сл.

²⁸ French A. The Growth of the Athenian Economy. L., 1964. P. 113.

²⁹ Ввиду плохой сохранности надписи (от имени архонта сохранилось только *-ων* и все попытки идентифицировать еще какие-нибудь буквы нельзя признать убедительными) выбор между 458/7 и 454/3 гг. по эпиграфическим критериям сделать невозможно: Meiggs. Op. cit. P. 100 f.; Sartori F. Verfassungen und Soziale Klassen in den Griechenstädten Unteritaliens seit der Vorherrschaft Krotons bis zur Mitte des 4. Jahrhunderts v.u.Z. // Hellenische Poleis. Bd 2. В., 1974. S. 728; Kagan. Op. cit. P. 154. В качестве исторического контекста период временного ослабления Афин больше подходит для союза с захолустной Сегестой (несомненно, по инициативе последней). Гордые Афины, в 458/7 г., находясь на вершине своего могущества, вряд ли обратили бы на сицилийский городок какое-либо внимание. Временем Пелопоннеской войны датирует договор Г. Маттингли (Mattingly H.B. The Growth of Athenian Imperialism // Historia. 1963. 12. 3. S. 269), но его аргументы признаются неубедительными (Meiggs. Op. cit. P. 599).

³⁰ См. Hackforth R. Sicily // САН. V. 5. 1927. P. 159; Milner F. Perikles // RE. Hlbd 37. 1937. Sp. 775; Will E. Le monde grec et l'Orient. T. 1. P., 1972. P. 154 f.

³¹ Это посольство чаще признается поздней литературной фикцией: Ruschenbusch E. Die Zwölfstafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen // Historia. 1963. 12. 2. S. 250–253.

³² Hackforth. Op. cit. P. 162; Cloché. Op. cit. P. 96; Ehrenberg. Op. cit. S. 303; Meiggs. Op. cit. P. 138; Wick T.E. Athens' Alliances with Rhegion and Leontinoi // Historia. 1976. 25. 3. S. 288–304; Berger S. Great and Small Poleis in Sicily: Syracuse and Leontinoi // Historia. 1991. 40. 2. S. 135 f.; Строецкий В.М. Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурии // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 67.

³³ Thuc. VII.33.4–5. Cp. Wick. Op. cit. P. 297.

основания датировать 440-ми годами экспедицию афинян под командованием Диотима в далекий Неаполь (Timaeus FGrHist 566 F98). В этот период афинское присутствие как в Неаполе, так и в зоне Мессинского пролива подтверждается нумизматическими данными³⁴.

Вершиной экспансии Афин в Великой Греции стало, как известно, основание Фурий. Но оно же оказалось и «началом конца». Судя по всему, афинянами были допущены какие-то стратегические просчеты при проведении этой акции. Возможно, они переоценили степень своего потенциального влияния в этой панэллинской колонии. Сыграла свою роль и пришедшая на эти годы внутренняя борьба между Периклом и Фукидидом, сыном Мелесия, в ходе которой возникли разногласия по вопросу о статусе Фурий. Как бы то ни было, очень скоро, вероятно, уже к 440 г. афиняне утратили свой контроль над фурийскими делами³⁵.

В целом Периклова политика в Сицилии и Италии не принесла ожидаемых результатов и была к началу 430-х годов фактически свернута. Этому способствовали и активное противодействие Пелопоннесского союза, и неоднозначное отношение к афинской экспансии в самих великогреческих полисах. Разумеется, Афины не отреклись окончательно от своих западных притязаний. Но от попыток установить контроль над морскими путями на этом направлении пришлось отказаться вплоть до конца 430-х годов.

В этой ситуации, когда и египетский, и западногреческий хлебные рынки оказались для афинян труднодоступны, последние и обратились к третьему потенциальному источнику снабжения зерном – Северному Причерноморью. Таковы общие историко-географический и политико-экономический контексты понтийской экспедиции Перикла. Следует подчеркнуть в данной связи два момента. Во-первых, коль скоро экспедиция была непосредственно связана с решением хлебной проблемы, ее основную цель следует искать на северном берегу Понта: гористые побережья Южного Причерноморья никогда не были серьезным источником зерна. Во-вторых, речь шла не столько о полном доминировании Афин в понтийском регионе, сколько об обеспечении прочного контроля над морскими путями оттуда. Последнее стало особенно актуальным после того, как к самосскому восстанию присоединился Византий. Необходимо было искать точки опоры в самом Понте.

Говоря об общей ситуации в средиземноморском мире в моменту понтийской экспедиции Перикла, нельзя не коснуться вопроса о Каллиевом мире. По мнению ряда исследователей, экспедиция (если она действительно имела место в 430-е годы) должна была противоречить условиям этого договора, стать его грубым нарушением³⁶. Так ли это в действительности? Попытаемся показать, что противоречие здесь кажущееся. Не будем касаться сложнейшей проблемы историчности Каллиева мира, которой посвящено огромное количество специальных работ³⁷. Примем его как действительное событие, имевшее место в 449 г. до н.э.

Кианей, скалы у входа в Понт, равно как и Хелидонеи и Фаселида на юге, не были по условиям мира, вопреки распространенному мнению, некой морской «границей» между Афинской архэ и Ахеменидской державой. Во всех сообщениях источников о Каллиевом мире говорится только, что *персидские* суда не имели права заходить дальше этих пунктов. На афинян никаких ограничений подобного рода не налагалось³⁸. Никакие формальные статьи договора не препятствовали им, в частности, входить на судах в Понт. Более того, по данным списков фороса известно, что некоторые греческие города южного побережья Малой Азии, расположенные значительно восточнее Фаселиды (Аспенд в Памфилии, Келендериды в Киликии и др.), продолжали

³⁴ Kraay C.M. *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley, 1976. P. 187, 219.

³⁵ *Строгецкий*. Ук. соч. С. 76; Ghinatti F. *Einige Spezialprobleme der Landwirtschaft in Magna Graecia // Hellenische Poleis*. Bd 2. В., 1974. S. 801; Sartori. *Op. cit.* S. 745.

³⁶ ATL. V. 3. P. 114–117; Oliver. *Op. cit.*

³⁷ Наиболее подробно вопрос рассмотрен: Badian. *Op. cit.* P. 1–72.

³⁸ Meiggs. *Op. cit.* P. 147.

входить в Архэ уже после Каллиева мира и вносить положенную подать³⁹. Ничто, таким образом, не препятствовало тому, чтобы в аналогичном положении оказались и какие-то города северного малоазийского побережья.

Этот регион вряд ли находился в центре внимания персидской стороны при заключении мира. Ахемениды не имели флота в Понте и, судя по всему, фактически не контролировали его прибрежную зону⁴⁰. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что понтийская экспедиция не противоречила, во всяком случае, букве Каллиева мира⁴¹. Противоречила ли она его «духу» – сказать сложно. Впрочем, нельзя считать, что обеими сторонами проявлялась щепетильная приверженность к строгому соблюдению условий мира. Так, в период самосского восстания сардский сатран Писсуфн открыто вмешался в события на стороне Самоса (Thuc. I.115.4–5). Нужно ли говорить, что и это по меньшей мере противоречило «духу» мирного договора? Д. Кэгсн даже считает (впрочем, без достаточных оснований) понтийскую экспедицию Перикла ответом на демарш Писсуфна с целью поставить персов на место⁴². Итак, проблема Каллиева мира, строго говоря, не имеет прямого отношения к рассматриваемой нами акции афинян.

Перикл в Южном Причерноморье. Перейдем теперь с учетом всего вышесказанного о целях и контексте экспедиции к попытке определения ее маршрута. Проанализируем возможность посещения афинским флотом ряда значительных пунктов понтийского региона.

В источниках нет никаких сведений о посещении эскадрой Перикла первого крупного города по правому берегу Понта – Гераклеи⁴³. Позже, в 425/24 г. Гераклея бесспорно зафиксирована в списках фороса как член Архэ. Конечно, она могла попасть в союз и при каких-то других обстоятельствах, как до, так и после середины 430-х годов. Здесь открывается широкое поле для догадок. Однако несомненно одно: как бы Перикл ни шел по Понту, миновать Гераклею он не мог (хотя в число главных целей экспедиции утверждение афинян в этом полисе вряд ли входило).

Синопа – единственный понтийский полис, пребывание в котором афинского флота прямо отмечено источником (Plut. Per. 20.1–2). Перикл оставил (ἀπέλιπε) в помощь синопам 13 кораблей и отряд воинов во главе с Ламахом для борьбы против тирана Тимесилея. Когда же тиран был изгнан, лидер афинского полиса лично провел через народное собрание псефисму о выведении в Синопу клерухии. Таким образом, к моменту падения Тимесилея Перикл уже находился в Афинах. Затянулась ли борьба в Синопе надолго? Или основной флот сразу после посещения этого города вернулся на родину? Оставим пока этот вопрос открытым.

Причина афинской заинтересованности в Синопе вполне понятна. Синопа, занимая важное стратегическое положение, контролировала кратчайший путь через Понт (Карамбис–Бараний Лоб). Сомневаться в существовании кратких морских путей через Черное море уже к 430-м годам н.э. нет никаких оснований. Высказывавшееся М.И. Максимовой мнение о возникновении таких путей не ранее рубежа V–IV вв.⁴⁴ было впоследствии подвергнуто справедливой критике⁴⁵. Неубедительно прочтение Максимовой пассажа Геродота (IV.99), из которого будто бы следует, что «отец истории» не знал истинных очертаний Крыма. Но даже если это и так, если Геродот, – мягко говоря, несчастый гость в этих местах, к тому же, судя по всему, никогда не

³⁹ Ibid. P. 329–330; *Kraay*. Op. cit. P. 276.

⁴⁰ *Badian*. Op. cit. P. 36.

⁴¹ *Meiggs*. Op. cit. P. 330.

⁴² *Kagan*. Op. cit. P. 389.

⁴³ *Сапрыкин*. Ук. соч. С. 47.

⁴⁴ *Максимона М.И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.* Т. 2. М., 1954. С. 45–57; *она же.* Античные города... С. 145–168.

⁴⁵ *Гайдукевич*. Ук. соч.: *Агбунов М.В.* Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 55 сл.; *Виноградов*. Политическая история... С. 132.

бывавший в Крыму, – не имел правильного представления о форме этого полуострова, из этого никоим образом не следует, что такого представления не имели сами понтийские мореходы. Даже если допустить, что еще не было точных карт и лоций Черного моря, и это не может быть аргументом. Во II тыс. до н.э. ахейские мореплаватели освоили морские пути во всем Восточном и части Западного Средиземноморья⁴⁶, при этом уж точно не имея никаких карт и лоций.

Во второй половине V в. до н.э., а возможно – и раньше, существовали, как минимум, два кратких пути через Понт. Первый из них (Карамбис–Бараний Лоб) нами уже упоминался. По этому пути, вне всякого сомнения, в 422/21 г. отправилась гераклейская колонизационная экспедиция в Херсонес⁴⁷. Первая колонизация Херсонеса в конце VI в. до н.э. (накопленный на сегодняшний день материал позволяет считать эту акцию уже твердо установленным фактом⁴⁸) также, судя по всему, осуществлялась по краткому пути: иной вариант просто трудно представить.

Наличие второго краткого пути (Фемискира–Синдика), известного уже Геродоту (IV.86), аргументированно доказал В.Ф. Гайдукевич⁴⁹. Данный путь был длиннее первого; именно в этом смысле следует понимать слова Геродота: «Здесь самое широкое место Понта». В действительности самое широкое место Понта, конечно, находится в его западной части, но по этому региону черноморской акватории Геродот не имел цифровых данных, поскольку никаких поперечных путей там не было.

Итак, совершенно очевидна причина афинской заинтересованности в Синопе. Что же касается вопроса о целях овладения отнюдь не столь значительным Амисом, то от него начиналась единственная в Южном Причерноморье относительно удобная сухопутная дорога во внутренние области Анатолии⁵⁰. Кроме того, из Амиса легко было держать под контролем второй краткий морской путь на Синдику.

У берегов Северного Понта. Как ни странно, и по сей день в работах ряда авторитетных исследователей прослеживается скептицизм в отношении посещения флотом Перикла Северного Причерноморья⁵¹. Ввиду того, что количество материала, позволяющего решить этот вопрос положительно, продолжает возрастать, резонно поставить другой вопрос: что же мешает признать факт такого посещения? Здесь следует указать прежде всего на влияние резко отрицательной позиции по этому поводу И.Б. Брашинского. Аргументация его в работах на рубеже 1950–1960-х годов казалась многим весьма убедительной, почти неопровержимой. Но теперь ясно, что ряд его выводов зиждется на ошибочных посылах; о некоторых из них уже было сказано. Так, мы видели, что отсутствие упоминаний в нарративной традиции о действиях афинской флотилии у северопонтийских берегов не может служить убедительным аргументом; предположение об отсутствии в эту эпоху кратких путей через Понт оказалось просто неверным. Не убеждает и довод, согласно которому Перикл не мог позволить себе надолго отлучиться из Афин (а заход на север несомненно потребовал бы значительного времени⁵²). Незадолго до описываемых событий он, как известно, лично руководил девятимесячной (!) осадой Самоса (Thuc. I. 117. 3; Plut. Per. 27–28).

Прекрасно подготовленная и пышно оснащенная экспедиция крупной афинской эскадры в Понт не могла иметь своей целью лишь Синопу и Амис. Более того, *именно*

⁴⁶ Бартошек А. Златообильные Микены. М., 1991. С. 171–180.

⁴⁷ Сапрыкин. Ук. соч. С. 55.

⁴⁸ Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. С. 19–21; Vinogradov J.G., Zolotarev M.I. La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Vinogradov J.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 397–419.

⁴⁹ Гайдукевич. Ук. соч. С. 16 сл.

⁵⁰ Максимова. Античные города... С. 14.

⁵¹ Шелов Д.Б. История // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 13; Строгачевский В.М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 166; Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Развитие межполисных отношений в античном Причерноморье в VI–I вв. до н.э. // Античный полис. СПб., 1995. С. 107 сл.

⁵² Брашинский. Афины... С. 64.

северопонтийская направленность ее почти несомненна ввиду рассматривавшихся выше общих особенностей афинской политики на данном этапе⁵³.

Не может не броситься в глаза, что наиболее вероятная дата экспедиции практически совпадает с переворотом и сменой династий на Боспоре⁵⁴. В какой последовательности разворачивались эти два события? В отечественной историографии (исключая исследователей, не усматривающих связи между экспедицией и сменой династии⁵⁵) преобладает мнение, согласно которому первая предшествовала второй⁵⁶. Являлся ли Спарток ставленником Афин или, напротив, их противником, вынесенным к власти волной реакции на афинскую экспансию? В западной литературе, напротив, чаще утверждается, что смена династий произошла раньше и экспедиция Перикла, таким образом, была ее следствием⁵⁷.

Эта последняя точка зрения представляется нам более вероятной. Действительно, Археанактиды, правившие Боспором до 438/37 г., были – независимо от того, милетский это род или лесбосский, – выходцами из одного из полисов Афинской архэ. Трудно представить, чтобы афиняне, свергнув эту дружественную по своим корням династию, поставили во главе стратегически важного для них государства совершенно неизвестного человека, к тому же, похоже, даже и не эллина. А для того, чтобы видеть в перевороте реакцию на экспедицию Перикла, приходится постулировать враждебность, наступившую с этого времени между Афинами и Боспором. Убедительных же фактов, говорящих о такой враждебности, так и не удалось найти, хотя попытки такого рода предпринимались⁵⁸.

Логичнее предположить, что именно смена династий стала одной из причин понтийской экспедиции Перикла, все более активно интересовавшегося Боспором. После переворота афинский флот просто не мог не прибыть к боспорским берегам. Необходимо было, во-первых, разведать, какого рода власть установилась в Пантикапее, насколько она намерена поддерживать дружественные отношения с Афинами; во-вторых, устроить демонстрацию силы перед новым боспорским правителем с целью предостеречь его от потенциальных антиафинских демаршей; в-третьих, заручиться по возможности гарантиями стабильности, установив, например, афинский контроль над какими-то пунктами на подступах к Боспору.

Последнее неизбежно выводит нас на вопрос о Нимфее, активно дискутировавшийся в исследовательской литературе. Последний раз по этому сюжету достаточно подробно высказался Ф.В. Шелов-Коведяев⁵⁹, кажется, расставивший точки над *i* и убедительно показавший реальность существования афинской базы в этом городе. Проблема Нимфея обычно обсуждается в свете имеющихся сведений о Гилоне – деде по матери оратора Демосфена. Напомним, что, по сведениям Эсхина (III. 171–172), Гилон, предав (пробойс) врагам Нимфей, был обвинен в измене, приговорен в Афинах к казни и бежал к Спартокидам (ср. Plut. Dem. 4,1: ἐπ' αἰτία προβοίας φεύγοντος ἐξ ἄστεος; Liban. Hypoth. Demosth. 2: φυγόντος μὲν ἐξ Ἀθηῶν ἐπὶ προβοίας

⁵³ См. Гайдукевич. Ук. соч. С. 18.

⁵⁴ Как считает Ю.Г. Виноградов, нет оснований сомневаться в том, что Спартокиды пришли к власти насильственным путем (Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 418). Однако Т.В. Блаватская отрицает факт переворота (Очерки политической истории... С. 45).

⁵⁵ Брагинский. Понтийская экспедиция... С. 120; он же. Афины... С. 68; Васильев. Ук. соч. С. 162.

⁵⁶ Калистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 218; Блаватский. Ук. соч. С. 44; Анохин. Ук. соч. С. 27.

⁵⁷ Adcock F.E. The Breakdown of the Thirty Years Peace, 445–431 B.C. // CAH. V. 5. 1927. P. 174; Michell H. The Economics of Ancient Greece. Cambr., 1940. P. 266; Cloché. Op. cit. P. 118 f.; Meiggs. Op. cit. P. 198; Kagan. Op. Cit. P. 181; Stadter. Op. cit. P. 217.

⁵⁸ Блаватский. Ук. соч. С. 43 сл.; Блаватская Т.В. К вопросу о боспоро-афинских отношениях во второй половине V в. до н.э. // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 195–204; она же. Очерки политической истории... С. 55 сл.; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР (1984 год). М., 1985. С. 107; Скржинская. Древнегреческий фольклор... С. 149.

⁵⁹ Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 106–114 (с историографией вопроса).

ἐγκλήματι), сам же Демосфен (XXVIII, 1–3) говорит, что Гилон являлся лишь государственным должником, т.е. очевидно, был приговорен к штрафу⁶⁰.

Попытаемся согласовать данные Эскина и Демосфена, не подрывая сверх меры доверия ни к тому, ни к другому. Следует установить, какую конкретно должность занимал Гилон. Ранее его считали то официальным афинским представителем в Нимфее, комендантом, возможно, командиром гарнизона⁶¹, то уполномоченным по хлебной торговле с Боспором, лишь имевшим в Нимфее свою резиденцию⁶². Но, кажется, возможно говорить о еще одной его возможной роли. Проиллюстрируем ее двумя примерами из афинской истории того же времени.

В 424/23 г. до н.э. стратег Фукидид (будущий историк) получил задание воспрепятствовать с эскадрой кораблей занятию Амфиполя спартанским войском Брасида. Фукидид не справился с этой задачей, в результате чего был обвинен в измене (Аноупт. Vita Thuc. 8: ἀτίαν ἔσχε πρόβοσας) и изгнан из Афин. В 410/09 г. до н.э. стратег Анит получил аналогичное задание – воспрепятствовать с эскадрой кораблей занятию спартанцами Пилоса. И он потерпел неудачу, в результате чего был опять же обвинен в измене (Diod. XIII. 64.6: κατατίασαίμενος αὐτοῦ πρόβοσας; Plut. Cōiōl. 14: πρόβοσας περὶ Πύλου κρινόμενος), но, подкупив суд, сумел добиться оправдания; в противном случае ему, очевидно, тоже грозили бы изгнание или смерть. Отметим полное совпадение лексики в случае с Гилоном. Πρόβοσα в понятии афинян, как видим, не обязательно должна была ассоциироваться с умышленной изменой. Во всех рассмотренных случаях это, в сущности, халатность, повлекшая утрату того или иного пункта. Можно по аналогии выдвинуть предположение, что и Гилон был афинским стратегом, отправленным в конце Пелопоннесской войны с эскадрой для удержания Нимфея, но не справившимся с этой задачей и, как следствие, обвиненным в измене и бежавшим или изгнанным.

Чрезвычайно тяжелые для афинян последние годы V в. до н.э. ознаменовались целой серией амнистий. Первая из них имела место в 405 г., еще до капитуляции Афин (Andoc. I. 73 sqq.). Далее, возвращение изгнанников было одним из пунктов мирного договора со Спартой в 404 г. (Xen. Hell. II. 2.20; Plut. Lys. 14). Наконец, в 403 г., после свержения Тридцати тиранов была объявлена общая амнистия, не распространявшаяся лишь на лидеров олигархии (Andoc. I.90; Xen. Hell. II. 4.43; Arist. Ath. pol. 39.6). После всех этих амнистий на родину смогли вернуться и Фукидид, и Андокид, и ряд других видных афинян. Очевидно, тогда же восстановил свои гражданские права и Гилон, но в Афины предпочел не возвращаться и остался на Боспоре, где, как известно, владел городом. Таким образом, в речи Эскина налицо не искажение фактов, а умышленное умолчание. Получает объяснение и выдача замуж Гилоном своих дочерей за афинян без допущения неизвестной из источников афино-боспорской эпигамии⁶³. Что же касается штрафа Гилона, невозможно определить, когда и при каких обстоятельствах он был заслужен, но сомневаться в его наличии не приходится, коль скоро это признает сам Демосфен.

Строго говоря, проблема Гилона не имеет принципиального значения для решения вопроса о Нимфее. Даже если допустить, что Эскин выдумал с начала до конца всю историю с дедом Демосфена, сам факт афинского присутствия в Нимфее, кстати, зафиксированный также Кратером (ар. Нагросг. s.v. Νίμφαιον), оратор, конечно, не

⁶⁰ Вопреки мнению Ф.В. Шелова-Коведяева (ук. соч., с. 109), в Dem. XXVIII. 1–3 речь идет именно о Гилоне, и он даже назван по имени.

⁶¹ *Каллистов Д.П.* Измена Гилона // ВДИ. 1950. № 1. С. 27–36; *Шелов-Коведяев.* Ук. соч. С. 113 сл. Нельзя априорно предположить наличие афинского гарнизона в Нимфее. Такие гарнизоны стояли лишь в очень немногих, наиболее важных пунктах Архэ (*Кондратюк М.В.* Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 362).

⁶² *Жебелёв.* Ук. соч. С. 180–195; *Брашинский И.Б.* К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. // ВДИ. 1955. № 2. С. 148–161.

⁶³ О гипотетической эпигамии см. *Жебелёв.* Ук. соч. С. 192.

мог «изобрести»⁶⁴. Афиняне очень хорошо и очень долго помнили, какой город в прошлом принадлежал им, а какой – нет. Так, еще в I в. до н.э. в Афинах сохранялась прочная память о том, что Амис три столетия назад был их колонией (Plut. Luc. 19,7; App. Mithr. 83).

Итак, можно считать твердо установленным, что Нимфей входил в Архэ в период около 436–410 гг. (кстати, эти годы были для него временем расцвета⁶⁵). Другого повода его включения в это объединение кроме понтийской экспедиции Перикла, представить, на наш взгляд, почти невозможно. При этом отнюдь не следует считать, что утверждение афинян в этом пункте должно было повлечь за собой охлаждение отношений с Пантикапеем. Афиняне не аннексировали Нимфей у боспорских царей, а овладели независимым полисом⁶⁶. Не противоречит возможности вхождения в Архэ и факт нимфейской чеканки: известно, что некоторые союзные полисы (из числа незначительных и отдаленных) свою чеканку сохраняли⁶⁷.

Имели ли Афины другие базы в Северо-Восточном Причерноморье? Попытки считать таковыми упоминаемые античными авторами пункты Афинеон (Анопут. Periopl. 76) и Стратоклию (Plin. NH. VI. 18) не имели под собой достаточного основания⁶⁸. Однако позволим себе высказать еще одно предположение такого рода, вполне созвучное его гипотетичности. Речь идет о городе Торике (Торикós), находившемся в нынешней Геленджикской бухте (Ps.-Scyl. Periopl. 74)⁶⁹.

Название «Торик» не может происходить от обитавшего в этих местах племени торетов. Если бы это было так, мы были бы вправе ожидать название типа «Торетик» (ср. «Киммерик», «Синдика» и т.п.). Более вероятен обратный путь, при котором тореты получили свое название от Торика⁷⁰. С другой стороны, заставляет задуматься сходство названия города с наименованием одного из крупных аттических демонов – Торик (Θορικός)⁷¹.

Город Торик археологически известен еще в архаическую эпоху, в VI – первой половине V в. до н.э. (в середине V в. он был перенесен в другое, пока не открытое место), но не известно, носил ли он уже тогда свое позднейшее название. Не исключено, что изначально город назывался Пагры. Под этим своим вторым именем Торик фигурирует в некоторых источниках (Ag. Periopl. 28)⁷².

Согласно нашей гипотезе, в ходе понтийской экспедиции Перикла город (очевидно, заброшенный или, по меньшей мере, пришедший в упадок) был реколонизован афинянами, возможно, перенесшими его на новое место. Впоследствии город был переименован из Пагр в Торик, что могло быть связано с происхождением большинства колонистов из дема Торик. Некоторое время город носил это новое название, а потом, когда афиняне растворились в среде ранее существовавшего ионийского населения, он вновь стал называться Паграми (как Амис со временем стал из Пирея снова Амисом).

⁶⁴ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 177; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 37.

⁶⁵ Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М.–Л., 1959. С. 96; Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962. С. 31.

⁶⁶ Гриневич К.Э. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. 1946. № 2. С. 162; Каллистова. Очерки по истории... С. 207; Худяк. Ук. соч. С. 31; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 72.

⁶⁷ Кгау. Op. cit. P. 276, 279. В.А. Анохин (ук. соч., с. 29) предположил, что Нимфей чеканил монету в краткий период между выходом из Архэ и присоединением к Боспору. Высказанная в свое время В.Д. Блаватским (ук. соч., с. 26) гипотеза о принадлежности раннему Нимфею «аполлонийской» чеканки ныне никем не разделяется.

⁶⁸ Браишинский. К вопросу... С. 152.

⁶⁹ О Торике см. Онайко Н.А. Архаический Торик. М., 1980.

⁷⁰ Ф.В. Шелов-Коведяев в комментарии к периплу Псевдо-Скилака (ВДИ. 1988. № 2. С. 266) считает торетов ветвью керкетов, обитавшей в хинтерланде Торика. Название торетов впервые встречается в IV в. до н.э. в надписях Левкона I (Виноградова. Полис... С. 419).

⁷¹ О деме Торике см. *Mussche H.F. Thorikos during the Last Years of the Sixth Century B.C. // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 211–215.*

⁷² Ср. Онайко. Ук. соч. С. 6.

Главное препятствие выдвинутому выше предположению ставит фонетика. Однако переход ϑ в t в греческом языке возможен по так называемому закону Грассмана, требующему диссимилиации придыханий в двух последовательных слогах (во втором слоге придыхательный остается, в первом переходит в глухой)⁷³. Стоящее во втором слоге название Торика ρ может рассматриваться как придыхательное⁷⁴. В данном случае диссимилиация могла произойти под влиянием ионийского псилосиса⁷⁵, что понятно, если учесть, что ионийцы продолжали жить в Торике и после афинской колонизации и, вероятно, по-прежнему составляли большинство населения.

Если принять выдвинутую выше гипотезу, перед нами вырисовывается впечатляющая картина. Во-первых, два афинских форпоста – Нимфей и Торик – фланкируют Боспор с запада и востока, надежно охраняя интересы Архэ в этом регионе и предостерегая самим своим существованием пантикапейских правителей от возможных недружественных акций. Во-вторых, афиняне держат под своим контролем оба кратких пути через Черное море, причем каждый – с обоих концов (соответственно из Синопы и Нимфея, из Амиса и Торика). Одновременно осуществляется и охрана кратких путей от пиратов. Торик находился как раз на рубежах проживания «разбойничьих» племен Северо-Восточного Понта – зигов, генихов, ахеев. Во всем этом нельзя не увидеть проявление стратегического гения Перикла. Афиняне обосновались в Понте всерьез и надолго.

Что же касается пребывания афинского флота в Ольвии, подробный разбор этого сюжета в работах Ю.Г. Виноградова позволяет нам ограничиться здесь краткой сводкой. Решающим аргументом в пользу вхождения Ольвии в Архэ продолжает оставаться одесский фрагмент монетного декрета Клеарха, опубликованный П.О. Карышковским⁷⁶. Впрочем, уже одного этого памятника было бы вполне достаточно. Он однозначно решает рассматриваемый вопрос положительно. Возражения И.Б. Брашинского по поводу происхождения фрагмента⁷⁷ были убедительно опровергнуты Ю.Г. Виноградовым, показавшим, что палеография опубликованного им декрета в честь Тимесилея (несомненно ольвийского и относящегося к этому же времени) полностью совпадает с палеографией одесского фрагмента⁷⁸. А уж если Ольвия стала членом Афинского морского союза, то это могло произойти только в связи с понтийской экспедицией Перикла.

Разумеется, нет оснований считать, что сложностей, связанных с интерпретацией имеющегося в нашем распоряжении материала, уже не осталось. Некоторые вопросы, поставленные еще И.Б. Брашинским, нельзя считать получившими окончательное и однозначное решение. Насколько велика была необходимость для Афин в канун Пелопонесской войны втягивать в свою орбиту, вплоть до включения в Архэ, города столь отдаленной периферии? Как афиняне намеревались реально осуществлять свою власть над этими новообретенными союзниками (и в связи с этим, сразу ли они были привлечены к выплате фороса⁷⁹)? Какую роль в присоединении, скажем, той же Ольвии к Афинской державе сыграл фактор добровольности и тяготения к Афинам какой-то части граждан (ясно, что не всего гражданского коллектива)? Как могло

⁷³ *Lejeune M. Traité de phonétique grecque. P., 1955². P. 48; Threatte L. The Grammar of Attic Inscriptions. V. 1. B.-N.Y., 1980. P. 449 ff.*

⁷⁴ О придыхательном ρ см. *Lejeune. Op. cit. P. 123; Threatte. Op. cit. P. 25, 456*. Как известно, этой букве свойствен spiritus asper, встречается и написание $\rho\eta$ (*Raubitschek A.E. Dedications from the Athenian Akropolis. Camb. Mass., 1949. P. 341*).

⁷⁵ О псилосисе см. *Buck C.D. The Greek Dialects. Chicago, 1955. P. 53*. О возможности ионийского влияния в подобных случаях см. *Threatte. Op. cit. P. 449*.

⁷⁶ *Карышковский. Ук. соч. О дате декрета см. Kraay. Op. cit. P. 70*.

⁷⁷ *Брашинский. Афины... С. 74 сл.*

⁷⁸ *Виноградов. Синопа... С. 89*.

⁷⁹ Пусть форос, взимавшийся с понтийских городов, был очень невелик. Даже чисто номинальная дань должна была иметь большое символическое значение, маркируя утрату элевтерии, столь дорогой каждому эллинистскому полису.

уживаться членство в Архэ с сохранением ольвийской тирании? (сочетание если и не беспрецедентное, то, во всяком случае, весьма и весьма редкое).

Эти вопросы еще ждут ответа. Но их наличие отнюдь не должно ставить под сомнение сам факт посещения Периклом Ольвии – факт, как мы видели, в дальнейших подтверждениях уже вряд ли нуждающийся.

Интересно, что дополнительную сложность в проблему внес декрет в честь Тимесилея. Из него следует, что изгнанный из Синопс тиранин нашел почетное пристанище в Ольвии. Если предположить, что вскоре после этого в Ольвию прибыл афинский флот, ситуация приобретает черты некоторой пикантности. В принципе, нельзя считать совершенно исключенным, что Тимесилей получил почести в северо-понтийском городе еще до своего свержения, но исходя из формулировок декрета такой вариант крайне маловероятен. Мы попытаемся устранить возникшее затруднение чуть ниже.

И еще одной детали необходимо коснуться. Некий понтийский полис, название которого начиналось на О и фигурировало в податных списках Архэ за 425/24 г. с цифрой фороса в один талант, вопреки распространенному мнению, не может быть Ольвией. Достаточно напомнить, что в том же списке за другим городом с названием на Ту (будь то Тира⁸⁰, Тиритака, Тирамба – это не имеет значения: в любом случае имеется в виду пункт меньших размеров, нежели Ольвия) закреплена форос в два таланта. Недавно было высказано предположение, что вместо 'O[λβ(α)] следует читать 'O[ρυάμς] (Оргама – город близ устья Истра)⁸¹. И эта гипотеза действительно выглядит более убедительной, ибо известно, что побережье Западного Понта эскадра Перикла тоже посетила. Именно тогда, судя по всему, в Архэ был включен такой значительный полис этого региона, как Аполлония.

Заключение. О маршруте экспедиции (см. карту). На основании всего выше-изложенного можно попытаться теперь ответить на основной вопрос, поставленный в начале работы. По какому маршруту двигался афинский флот, войдя в Понт?

Исследователи, признающие посещение Периклом Северного Причерноморья, априори принимают движение эскадры вдоль понтийских берегов, так сказать, против часовой стрелки (Синоп и Амис – краткий путь – Боспор Киммерийский – Ольвия – Левый Понт)⁸². Причина такого допущения вполне понятна, коль скоро точкой отсчета служат Синоп, которая только и упоминается в нарративной традиции в связи с экспедицией.

Однако, на наш взгляд, гипотеза о противоположном направлении маршрута экспедиции (по часовой стрелке) несравненно лучше позволяет разрешить ряд имеющихся сложностей и противоречий⁸³. Перечислим основные преимущества именно такого взгляда на проблему. Мы уже видели, что основной целью экспедиции было укрепление афинского контроля над хлебной торговлей с Северным Причерноморьем. А в таком случае логично предположить, что афинский флот сразу туда и направился. Причем направился каботажем, вдоль западного побережья Понта: в противном случае пришлось бы воспользоваться кратким путем, а это – при том, что афинская талассократия еще не распространялась на Черное море, – было небезопасно.

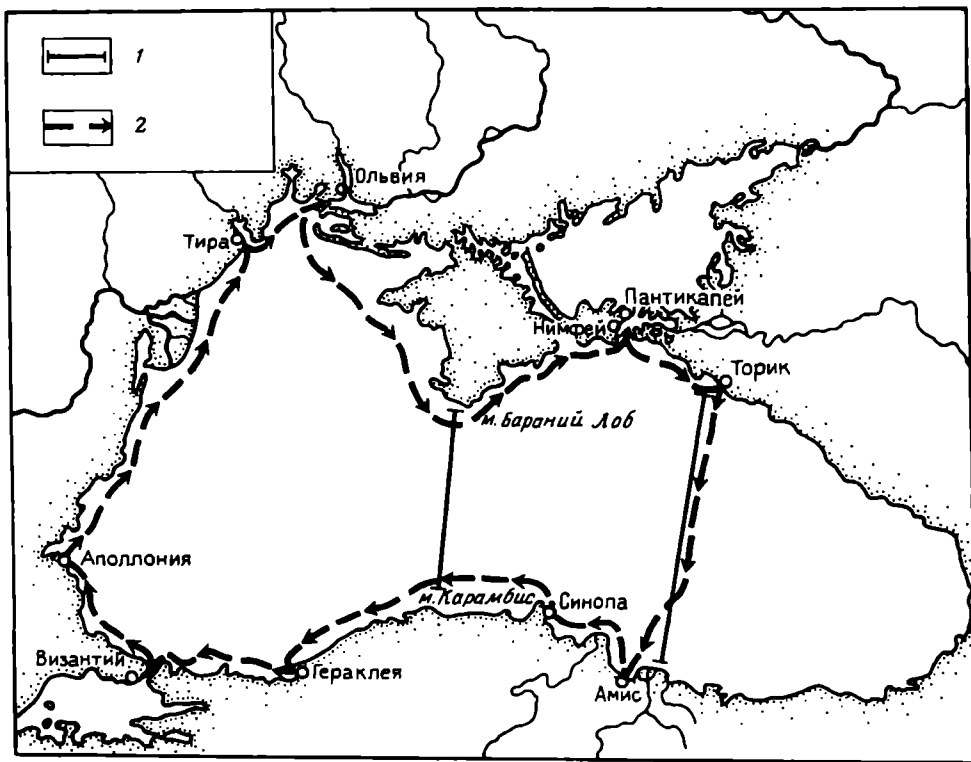
Предлагаемая гипотеза о маршруте позволяют внести ясность в трактовку синопского инцидента и решить вопросы, оставленные нами без ответа по ходу работы. Прежде всего, изгнанный Тимесилей вполне мог бежать в Ольвию, не страшась за свое будущее, поскольку знал, что Перикл в Ольвии уже был и больше туда не

⁸⁰ Т.Л. Самойлова (Тира в VI–I вв. до н.э. Киев, 1988. С. 93) именно на этом основании сомневается в членстве Тира в Архэ, считая цифру фороса для нее завышенной.

⁸¹ Avram A. Les cités grecques de la côte Ouest du Pont-Euxin // Introduction to an Inventory of Polis. Copenhagen, 1996. P. 296.

⁸² Виноградов. Западное и Северное Причерноморье... С. 380; *он же*. Политическая история... С. 131–133.

⁸³ Уже в процессе работы над настоящей статьей нам стало известно, что к этому же выводу пришел и Ю.Г. Виноградов.

Карта. 1 – краткие пути через Понт Эвксинский; 2 – гипотетический маршрут Понтийской экспедиции Перикла

вернется. Далее, вряд ли Перикл оставил бы в Синопе одного из своих военачальников с людьми и судами в самом начале экспедиции, ослабляя свои основные силы в преддверии похода на север, который вполне мог оказаться нелегким. С другой стороны, на завершающем этапе плавания, когда афинский флот уже возвращался на родину и особых трудностей впереди не предвиделось, некоторое распыление сил вполне могло быть допущено. Наконец, напомним, что к моменту падения Тимесилея Перикл был уже в Афинах. Такое положение дел тоже возможно в том случае, если Синопа была одним из последних пунктов, посещенных эскадрой.

Попытаемся в двух словах очертить гипотетический маршрут понтийской экспедиции Перикла, как он предстает на основании вышесказанного. Итак, целями экспедиции были: установление афинского контроля над торговыми путями в Понте, обеспечение их относительной безопасности от пиратов, демонстрация военно-морской мощи афинян перед жителями этого региона, установление выгодных для Афин отношений с новыми боспорскими династиями (но отнюдь не вовлечение в Архе черноморских городов или сбор с них фороса⁸⁴). Эскадра, пройдя Кианси, двинулась вдоль западного берега Понта. Западнопонтийские полисы, возможно, включались в число афинских союзников (с достаточной долей уверенности это можно утверждать лишь об Аполлонии), но инициатива, насколько можно судить, исходила именно с их стороны. Следуя этим маршрутом, Перикл прибыл в Ольвию, где развернулись события, реконструированные и подробно описанные Ю.Г. Виноградовым.

⁸⁴ Виноградов. Политическая история... С. 132. Иначе считает Т.В. Блаватская (Западнопонтийские города... С. 67).

Наконец афинский флот оказался на Боспоре, где все стоявшие перед ним задачи были успешно выполнены. Перикл заручился гарантиями дружественных отношений со Спартокидами, основал на подступах к Боспору афинские форпосты. Возможно, в период пребывания экспедиции в Северном Причерноморье был закуплен и отряд скифов для полицейской службы⁸⁵. От юго-восточных рубежей Боспора Перикл направился кратким путем на юг Причерноморья, к Фемискире и Амису. В последнем была создана афинская колония; если буквально понимать несколько испорченный текст Страбона (XII. 547), город был отобран у какого-то каппадокийского князька. И только после этого пришло время известного синопского инцидента; им Перикл как бы поставил точку в установлении афинского контроля над краткими путями через Понт. **Наконец, из Синопы эскадра через Гераклею возвратилась к Кианеям и далее в Афины.**

Подводя итог, следует подчеркнуть, что понтийская экспедиция Перикла – одно из крупных военно-политических мероприятий Афин эпохи Пентеконтаэтии, незаслуженно забытая или недооцениваемая яркая страница истории классической Греции. Многие ее перипетии и по сей день обречены оставаться в тени – в значительной мере потому, что об этой акции, прекрасно вписывающейся в общий контекст афинской внешней политики этих лет, умолчал Фукидид⁸⁶.

И.Е. Суриков

HISTORICO-GEOGRAPHICAL PROBLEMS OF PERICLES' PONTIC EXPEDITION

I.Ye. Surikov

Pericles' Pontic expedition which took place almost undoubtedly ca. 437–436 B.C., can be best comprehended in the general context of Athens' trade policies of mid Vth century. After a failure to consolidate their grip on Egyptian and West Mediterranean grain markets, Athenians decided to gain a foothold in the North Pontic area to make it their principal granary. Some developments of the early 430s (participation of Byzantium in the Samian revolt, a coup in Panticapaeum) should be also taken into account. The purposes of the expedition included the establishment of Athenian control over the new trade routes in the Black Sea, ensuring their relative security against piracy, the demonstration of Athens' military might to the inhabitants of the area, the ascertainment of favourable relations with the rulers of Bosphorus Kingdom. It was a major action led by Pericles himself.

In the course of expedition the Athenian fleet made a round of the Black Sea and not only founded Athenian settlements in Sinope and Amisus but also included a number of North and West Pontic cities

⁸⁵ *Duncker*. Op. cit. S. 545. Андокид (III.5) датирует приобретение скифов 440-ми годами, но в крайне путаном и почти невозможном для понимания контексте.

⁸⁶ Отметим еще две работы, имеющие отношение к рассматриваемой проблематике и оказавшиеся нам доступными уже после завершения данной статьи: *Mattingly H.B. Athens and the Black Sea in the Fifth Century B.C. // Sur les traces des Argonautes*. P., 1996. P. 151–157; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. Г. Маттингли, исходя из своего скептицизма в отношении сообщения Плутарха отрицает связь изгнания Тимесилея из Синопы с экспедицией Перикла, а также существование в V в. до н.э. афинских поселений в Синопе, Амисе и Астаке. Столь радикальный пересмотр устоявшейся в историографии системы взглядов требует, как нам кажется, гораздо более развернутой и убедительной аргументации, нежели та, которую дает Маттингли. Характерно, что последнего шага (просто отвергнуть факт экспедиции Перикла) ученый не делает, хотя такой шаг логически вытекает из его построений. Целый ряд положений книги Е.А. Молева заслуживает специального разбора. Здесь мы позволим себе сделать лишь два кратких замечания. Слабость аргумента *e silentio* (с. 51, 56–57) – Перикл не посетил Боспор, коль скоро об этом не сообщает Плутарх – уже отмечалась нами в начале статьи. Интересная трактовка Е.А. Молевым свидетельств источников о Гилоне (с. 63–65) несколько теряет в убедительности из-за присутствия в ней ряда недоказуемых допущений.

(e.g. Olbia and Apollonia) into the Athenian Empire. Pericles visited the area of the Cimmerian Bosphorus and obtained guarantees of stable relations with the Spartocids. To secure them from possible unfriendliness, Athenian outposts were established on the approaches to Panticapaeum (in Nymphaeum and, possibly, in Toricus). As a result of the Pontic expedition Athenians obtained control over both short routes across the Black Sea (Carambis – Criou Metopon and Themiscira – Sindice), each from both ends.

As regards the route of the voyage, Pericles most likely moved round the sea clockwise: along the Western Pontic coast to Olbia, then to the Cimmerian Bosphorus, further by a short route to Amisus and Sinope, and finally back to the Aegean.

© 1999 г.

ГЕРАКЛЕЯ ПОНТИЙСКАЯ И ВИФИНИЯ В РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД: ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Гераклея Понтийская, один из наиболее крупных полисов побережья Понта Евксинского, на всем протяжении своей истории поддерживала тесные и разнообразные контакты с соседними варварскими племенами, неоднородными по этническому составу, степени социальной и политической организации, восприимчивости к влиянию эллинской цивилизации. Источниковая база по истории Гераклеи, в значительной мере основывающаяся на местной полисной традиции¹, наиболее полно документирует взаимоотношения гераклеотов с мариандинами, исключительно важные для выявления специфики положения зависимого азиатского населения, эксплуатируемого греческими колонистами². В силу этого обстоятельства мариандинская тематика нередко заслоняет и оттесняет на задний план вопросы о связях Гераклеи с окружением «второго эшелона» – вифинскими племенами. Проблемы этого круга еще не

* Статья написана в рамках проекта «Историческая география античного Причерноморья», поддержанного РФФИ, код проекта № 96-06-80053.

¹ Произведения гераклийских историков – Проматида, Нимфида, Мемнона – неоднократно были предметом конкретно-исторического и источниковедческого анализа. См., например: *Laquer R.* Lokalchronik (Lokalchronik von Herakleia) // RE. Bd XIII. Hlbd 25. 1926. Sp. 1098–1103; *Desideri P.* Studi di storiografia eracleota. I. Promatis e Nymphis // SCO. 1967. V. 16. P. 366–416; *idem.* Studi di storiografia eracleota. II. La guerra con Antiocho il Grande // SCO. 1970–1971. V. 19–20. P. 487–537; *Janke M.* Historische Untersuchungen zu Memnon von Herakleia. Kap. 18–40. FGtH 434. Würzburg, 1963; *Дзагурова В.П.* Мемнон. О Гераклее. Введение. Комментарий // ВДИ. 1951. № 1. С. 283–316; *Габелко О.Л.* Мемнон об истории Вифинского царства // Античный вестник. Вып. 2. Омск, 1995. С. 108–115. При всем разнообразии рассматриваемых вопросов и различии подходов к ним исследователи практически едины во мнении о высокой достоверности трудов гераклийских авторов в тех фрагментах, где речь идет об истории их города. Этого достоинства произведений историков-гераклеотов не может умалить даже их несомненная пристрастность при освещении многих событий из прошлого родного полиса.

² Из обширной литературы о происхождении, территории расселения и правовом статусе мариандинов можно назвать прежде всего следующие работы: *Kämmel O.* Heracleotica. Beiträge zur älteren Geschichte der Griechischen Kolonisation im Nördlichen Klein-Asien. Plauen, 1869; *Ruge W.* Mariandynoi // RE. Bd XIV. 1930. Sp. 1747 ff.; *Asheri D.* Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike. II. Die Mariandynen // Forschungen an der Nordküste Kleinasien / Hrsg. von F.K. Dörmer. Bd I. Herakleia Pontike. Forschungen zur Geschichte und Topographie. Wien, 1972. S. 17–23; *Avram A.* Bemerkungen zu den Mariandynen von Herakleia am Pontos // SC. 1984. V. 22. S. 19–29; *Сапрыкин С.Ю.* Полисы и местное население Южного Причерноморья в архаическую и классическую эпохи: Гераклея и мариандины // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979). Тбилиси, 1981. С. 9–22; *Фролов Э.Д.* Гераклийские мариандины (К проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации) // Там же. С. 22–33.

получили в историографии исчерпывающего ответа, хотя некоторые из них так или иначе затрагивались в работах многих историков. Создается впечатление, что исследователи, не ставя вопрос о гераклейско-вифинских взаимоотношениях во главу угла, по ряду причин так и не сделали завершающего шага, позволяющего уточнить ряд важных моментов в политической и этнической истории крайнего северо-запада Малой Азии.

История Вифинии и Гераклеи Понтийской издавна воспринималась в тесной взаимной связи и единой временной и пространственной перспективе, что отражено, например, у Помпея Трога: «*Repetitae inde Bithyniae et Heracleoticae origines*» (Трог. Пролег. 16). После установления контроля Гераклеи над Мариандинией исчез естественный буфер, отделявший ее от Вифинии, и это привело к постепенному возрастанию напряженности в вифинско-гераклейских взаимоотношениях³. Резкая активизация их наступила во второй половине IV – начале III в. до н.э., когда в течение нескольких десятилетий произошла полная смена ситуации: сначала гераклейским тиранам Тимофею (345–337 гг. до н.э.) и в особенности Дионисию (337–305 гг. до н.э.) удалось максимально расширить свои владения, подчинив помимо Мариандинии и часть вифинских земель⁴, а затем первый вифинский царь Зилойт (328/7–280/79 гг. до н.э.) лишил гераклеотов практически всех территориальных приобретений. Имеющаяся в нашем распоряжении информация позволяет перевести рассмотрение вопроса о вифинско-гераклейских конфликтах раннеэллинистического периода в плоскость исторической географии и, определив масштабы гераклейских завоеваний в Вифинии, обратиться также к некоторым спорным проблемам расселения племен Южного Причерноморья.

Основным источником, рассказывающим о завоевании гераклеотами новых территорий, является хроника Мемнона. Историк сообщает, что Дионисий, приняв державу после смерти своего брата Тимофея, увеличил ее (FGH 434. F. 4. 1). Наиболее значительные приобретения были совершены гераклейским тираном после его женитьбы на Амастрии, племяннице Дария III (4. 3–6), и установления союза с Антигоном Одноглазым (4.7)⁵. Эти меры высоко подняли его политический престиж и позволили расширить гераклейскую хору до значительных размеров с помощью умелого комбинирования дипломатии и военной силы. Интересы гераклеотов и вифинцев пришли в непосредственное столкновение на западе владений Дионисия. Вопрос о том, насколько значительным было расширение владений Гераклеи в этом направлении, является предметом длительной дискуссии. Еще в прошлом веке были высказаны предположения, что гераклейская хора простиралась вплоть до р. Реба (совр. Рива Дереси), протекающей вблизи Боспора Фракийского⁶. Эта точка зрения имеет

³ *Burstein S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergency of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976. P. 28.

⁴ Первые шаги по освоению земель к западу от устья Сангария при остающихся для нас неясными обстоятельствах были совершены гераклеотами уже ко времени похода Десяти тысяч (*Burstein.* Op. cit. P. 28). Показательно, что граждане Гераклеи оказывали содействие наемникам при организации вторжения в Вифинию: они предоставили им корабли (Хеп. Anab. VI. 3. 17), снабжали их продовольствием (VI. 2. 3; 5. 1) и служили проводниками (VI. 4. 23).

⁵ Процесс присоединения к Гераклейскому государству обширных земель, находившихся на западе и на востоке от города, был довольно длительным и не мог завершиться до 334 г. до н.э., как полагает В.П. Дзагурова (Гераклея Понтийская в эпоху ее автономии: Дис... канд. ист. наук. М., 1947. С. 94). Вифиния, вопреки мнению исследовательницы, в 30-х–20-х годах IV в. до н.э. еще не была столь сильной, чтобы действительно препятствовать агрессивной политике Дионисия. Ср. *Burstein.* Op. cit. P. 74.

⁶ *Дройзен И.Г.* История эллинизма. Т. 2. М., 1893. С. 373; *Niese B.* Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Gotha, 1899. Bd II. S. 75; *Waddington W.H., Badelon E., Reinach Th.* Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. P., 1908. P. 343. Эрнст Мейер также помещает западный предел гераклейской хоры в непосредственной близости от святилища Зевса Урия, т.е. тоже у самого Боспора (*Meyer E.* Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zürich–Leipzig, 1925. S. 108). В некоторых работах (причем посвященных целенаправленному рассмотрению истории Гераклеи и ее территориальным владениям) конкретные указания по интересующей нас проблеме отсутствуют (см., например: *Steinmann W.* Das Gebiet von Heraklea Pontica. Rostock, 1869; *Schneiderwirth H.* Das Pontische Herakleia. Heiligenstadt, 1885). Не вызывает сомнений, по крайней мере, принадлежность гераклеотам всей

сторонников до сих пор⁷. Основанием для нее служат строки «Аргонавтики» Аполлония Родосского (II. 786–790), где говорится о том, что Геракл, эпоним Гераклеи, подчинил мариандинам наряду с мизийцами, фригийцами и пафлагонцами также и вифинцев, живущих у р. Реба⁸:

φῦλά τε Βιθυνῶν αὐτῆ κτεατίσσοτο γαίῃ
ἔστ' ἐπὶ Ῥηβαίου προχοᾶς σκόπελόν τε Κολώνης

(II. 789–790)

Насколько адекватно пассаж Аполлония отражает масштабы территориальных притязаний гераклеотов? П. Дезидери в поисках ответа на этот вопрос доказал, что автор «Аргонавтики» при описании Вифинии и Мариандинии использовал произведения Нимфида Гераклеийского⁹, хорошо осведомленного о деталях вифинско-гераклеийских взаимоотношений. Однако и фрагменты Нимфида, и данные схолий к Аполлонию, восходящие к трудам Диния Аргосского и Асклепида Мирлеанского (Schol. ad Apoll. Rhod. II. 789; FGh 306 F 1; 397 F 3), предоставляют относительно связные сведения лишь о восточных рубежах владений гераклеотов, ничего не сообщая об их западных пределах, и, вероятно, именно поэтому итальянский историк оставляет упоминание о подчинении Гераклу вифинцев вплоть до р. Ребы без комментариев.

Категоричное признание С. Берстайном полной достоверности информации Аполлония, не подтверждаемой никакими другими источниками, встречает ряд возражений. Исходя из общих соображений, кажется маловероятной сама возможность прямого отождествления сообщений мифо-эпического характера с конкретными фактами политической истории. Кроме того, пассаж о покорении Гераклом лидийцев, фригийцев и мизийцев также не имеет соответствий в других сообщениях. В списке более или менее надежно фиксируемых поселений, входивших в державу гераклеотов, не значится ни один населенный пункт, расположенный в Мизии, Фригии или Лидии – областях, находившихся на значительном удалении от Гераклеи¹⁰. Наконец, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что установление контроля гераклеотов вплоть до Ребы привело бы к распространению их политического влияния на значительную (повидимому, даже большую) часть коренных вифинских земель. Последующая быстрая перемена в соотношении сил между Вифинией и Гераклеей и решительный переход Зипойта к наступательной политике в самом начале III в. до н.э. убеждают в том, что завоевания Дионисия в Вифинии оказались не слишком прочными и не были столь значительны, как на это указывает Аполлоний.

Очевидно, упомянутые строки «Аргонавтики» следует понимать как отголосок каких-то конфликтов между греческими колонистами и местным населением, значение и результаты которых были явно преувеличены в полисной мифологической и исторической традиции. Видеть в них более определенный смысл и принимать сообщение Аполлония буквально было бы, на мой взгляд, чересчур рискованно.

Мы располагаем еще одним указанием на гераклеийские завоевания на западе. Мемнон, рассказывая о событиях 280/279 г. до н.э., дважды упоминает Финийскую Фракию: τὴν Θυνίδα γῆν (F. 9. 4) и τῆς Θυνιᾶκῆς ... θρᾶκῆς (9.5.). Контекст повествования не оставляет сомнений в том, что эта область в какой-то момент была завоевана Гераклеей: Никомед I, стремясь заключить союз с полисом, вернул его жителям Финийскую Фракию вместе с городами Киером и Тиосом, которые раньше

Мариандинии и о-ва Финида (Ps.-Scyl. 92; An. PPE. 5 = GGM. I. 403). См. Dörner F.K., Hoepfner W. Das Eiland Thynias-Apollonia // Ist. Mitt. 1989. Bd 39. S. 103–106.

⁷ Burstein. Op. cit. P. 74.

⁸ Отождествление владений мариандинов с гераклеийской хорой вполне правомерно и объясняется своеобразным преломлением мифологии местного населения в политической пропаганде тиранов Гераклен. См. Desideri. Studi... I. P. 383 ff.; Asheri. Op. cit. S. 18.

⁹ Desideri. Studi... I. P. 381 ff.

¹⁰ Asheri. Op. cit. S. 32 ff. Безусловно достоверным можно считать лишь сообщение о наличии владений гераклеотов в Пафлагонии, где ими был подчинен городок Тиос.

подчинялись Гераклею, но впоследствии были отторгнуты его отцом Зипойтом¹¹. Замечание о подчинении занимаемой фианами области не вызывает никаких сомнений, но Мемнон не указывает точно ее географическое положение. Проблема сводится, таким образом, к локализации Финийской Фракии и – шире – к разграничению областей расселения фрако-анатолийских племен финов и вифинов.

В науке предпринимались отдельные попытки внести ясность по данному вопросу, но они до сих пор не получили своего завершения¹². Главная трудность состоит в том, что близкое родство финов и вифинов, отраженное и в этимологии этих этнонимов¹³, и в мифологии (Eustath. ad. Dion. 802 = GGM. I. 356), породило частую «взаимозаменяемость» названий обоих племен в источниках. Фины, вероятно, были ассимилированы более многочисленными и сильными вифинами¹⁴, но упоминания о них сохранялись в исторических и географических произведениях вплоть до римского времени, причем зачастую термины *Φυνία* и *Φυνοί* следует понимать расширительно, как употребленные для обозначения всей Вифинии и ее населения. Следовательно, необходимо проанализировать все случаи появления в источниках названий *Φυνοί* и *Φυνία*¹⁵ применительно к азиатским фракийцам и области их обитания и выяснить, в каких случаях они подразумевают собственно финов и их земли в узком смысле. Особое внимание должно быть уделено примерам тех категорий, где, во-первых, между этнонимами *Φυνοί* и *Βιθυνοί* приводится более или менее четкая дифференциация, и, во-вторых, где даются хотя бы приблизительные указания на места их обитания.

Хронологически самое первое сообщение о фианах и вифинах указывает на то, что разделение между ними, кажется, в полной мере сохранялось в VI в. до н.э. (Herod. I. 28: *Ἐρῆικῆς Φυνοί τε καὶ Βιθυνοί*). Значительная часть кратких сообщений об азиатских фианах, как правило, малоинформативна (Steph. Byz. s.v. *Φυνοί*, *Φυνία*; Strabo. VII. 3. 2; XII. 3. 3; 27; Catull. XXXI. 4); такой же характер имеют и некоторые более развернутые пассажи. Так, фрагмент Николая Дамасского о весьма своеобразно проявляемой *φιλοξενία* финов (FGrH 90 F. 113), имеющий явные смысловые переключки с хрестоматийным пассажем Ксенофонта о враждебном отношении вифинских фракийцев к грекам (Anab. VI. 4. 2), может быть отнесен как к населению Финийской Фракии¹⁶, так и к вифинцам в целом, причем последний вариант все же кажется пред-

¹¹ О политической обстановке в Северо-Западной Анатолии в конце эпохи дядохов см. *Vitucci G. Il regno di Bitinia. Roma, 1953. P. 21–25; Habicht Ch. Zipoites (2) // RE. Bd 10a. 1972. Sp. 455–459.*

¹² В специальном исследовании, посвященном расселению фракийских племен (Фол А., Спиридонов Т. Историческая география на тракийските племена до III в пр. н.е. София, 1983), эта проблема не находит удовлетворительного разрешения. Эд. Мейер, проанализировавший наиболее обширный круг источников (*Meyer Ed. Bithynia // RE. Bd III. 1898. Sp. 512–514*), также не пришел к сколько-нибудь законченным выводам, а Б. Ленк (*Lenk B. Thynoi // RE. Bd VI a. Hlbd 11. 1936. Sp. 734*) уделил основное внимание фианам – жителям не Азии, а европейской Фракии.

¹³ Они восходят к индоевропейскому **tsu-* «быть сильным, мощным» (*Tomaschek W. Die alten Thraker. Bd 2. Osnabrück, 1975. S. 65*).

¹⁴ *Dörner F.K. Bithynia // Der Kleiner Pauly. Lief. 5. 1964. Sp. 909.* Можно найти этому подтверждение в источниках, сообщающих о том, что земли финов самим населением страны относились к собственно Вифинии (*Mela. II. 7. 98; Plin. NH. V. 151*). Очевидно, это произошло в эллинистическую эпоху, когда оба племени были объединены в составе Вифинского царства. По мнению Эд. Мейера, название «вифины» подразумевало превосходство и употреблялось «в политическом смысле» (*Meyer Ed. Op. cit. Sp. 513*) (что опять-таки подтверждается этимологией этих этнонимов). До того времени Финия, вероятно, тоже не была политически обособлена от остальной Вифинии: такое впечатление создает рассказ Ксенофонта о происходивших здесь в 400 г. до н.э. боевых действиях между наемниками Кира и местным населением (*Xen. Anab. VI. 2. 17–6. 1*), которое именуется исключительно вифинами.

¹⁵ Сводку сведений источников о фианах см. в работе: *Detschew D. Die thrakische Sprachreste. Wien. 1957. S. 211–213.*

¹⁶ По сообщению Мемнона, в 280/279 г. до н.э. население Финийской Фракии проявляло ярко выраженные антиэллинистические настроения и под руководством младшего брата Никомеда I упорно воевало с гераклеотами (*Memn. F. 9. 5*).

почтительным¹⁷. Упоминание Θύμιον Ἀστακῆν в эпиграмме I в. до н.э. (Anth. Pal. VII. 627)¹⁸ следует связывать с городом Астакон в Вифинии (точнее, с Никомедией как его «наследником»), но отсюда вряд ли можно сделать вывод о том, что Астак находился поблизости от области финов (ср. Steph. Byz. s.v. Ἀστακός. Ἀστακός, πόλις Βιθυνίας).

Пространная, но очень противоречивая информация содержится в схолиях к «Аргонавтике» (хотя сам Аполлоний о фидах ничего не говорит!). В комментарии к пасажу II. 177 Финия локализуется у самого Боспора Фракийского¹⁹, но в другом месте схолий (II. 347–349a) эти территории отнесены к собственно Вифинии²⁰, так что оба сообщения взаимно нейтрализуют друг друга. Большую ценность имеет информация о географической близости Финии к реке и городу Гипию (Schol. Apoll. Rhod. II. 794), согласующаяся с сообщениями других источников (Apoll. Rhod. II. 723; Ps.-Scymn. 976, = GGM. I. 237; Ptol. V. 1. 11; Plin. NH. VI. 4; Mela. II. 98; Solin. 43; Eustath. ad Dion. 802 = GGM. I. 356). Эти данные позволяют заключить, что область между устьями Сангария и Гипия была занята смешанным восточновифинским (т.е. финским) и мариандинским населением²¹, причем фины иногда считались более близкими по происхождению к мариандинам, нежели вифины (Schol. Apoll. Rhod. II. 140a; 178d). Независимо от того, какая именно река отделяла финов от мариандинов – Сангарий, Гипий, Коралий или Калет – их область находилась в непосредственной близости к о-ву Финиада (Scholl. Apoll. Rhod. II. 672–673)²², что выглядит вполне закономерно в свете общего происхождения названий острова и области. Эти данные позволяют более или менее точно определить восточную границу расселения финов, но не дают возможности судить о том, где проходил рубеж, отделявший их земли от вифинских территорий. Не удивительно, что авторы некоторых работ ограничиваются определением Финийской Фракии как восточной части Вифинии²³.

Нередко область финов источника называют частью более обширной Вифинии (Plin. NH. V. 151; Amm. Marc. XXII. 8. 14). Что же касается разграничения между землями финов и вифинов, то оно с различной степенью конкретизации и, как показывает анализ, достоверности, обозначено в трех источниках. Каждый из них заслуживает тщательного рассмотрения.

Наиболее подробную информацию предоставляет Евстафий (Eustath. ad Dion. 802 = GGM. I. 356, FGh 156 F. 77): «Что за мариандинами находится плодородная земля вифинцев, где Реба несет свой прекрасный поток, протекая у устьев Понта²⁴, или близ Понтийского устья (входа в Понт. – *О.Г.*)... Течет же она, как говорят, с Мизийского Олимпа, как и Сангарий, а этот Сангарий судоходен, является самой большой из рек Вифинии и впадает в Понт Евксинский... Говорится также, что вифинцы когда-то заняли область от Боспора до Ребы. Напротив ее фины владели гористой областью вплоть до реки Калет... И он (Арриан Флавий. – *О.Г.*) говорит об области Ребантии у реки Псиллис»²⁵. Этот отрывок, хотя он отчасти и основан на «Вифиниаке» Арриана

¹⁷ Ср. Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybios. v. III. Oxf.. 1979. P. 674.

¹⁸ Л. Робер предлагает чтение Θύμιον: Robert L. Inscriptions relatives à des médecins. 3. Inscription de Lambese // OMS. III. P. 1319–1323.

¹⁹ Διττά εἰσι Θυμία, ἡ μὲν ἐπὶ τῆς Εὐρώπης, ἡ δὲ ἕτερα καθέκει ἐπὶ τὸν Βόσπορον καὶ ἐπὶ τὸ στόμα τοῦ Πόντου.

²⁰ Μετὰ γὰρ τὴν Φινέως νῆσον ἐπὶ τὰ δεξιὰ μέρη ἐστὶ Βιθυνία παρὰ τὸν Βόσπορον. ταχέως ἄρα ἐκπλεύσαντι τὸ στόμα τοῦ Πόντου ἡ ἕτερα πλευρὰ τῆς Βιθυνίας ἡ γὰρ Βιθυνία, ὡς προείρηται, περὶ τὸν Βόσπορον ἐστὶν ἐν δεξιᾷ, ἐν ἀριστερᾷ δὲ Σαλυμδήσσοσ Θρακῶν ἀργίον.

²¹ Asheri Op. cit. S. 19.

²² О разных формах наименования этого острова в источниках см. Zilgler K. Thynias // RE. Bd VI a. Hlbd 11. 1936. Sp. 718–720.

²³ Дзагурова В.П. Мемнон... Комментарии. С. 297. Прим. 1; Vitucci. Op. cit. P. 21.

²⁴ Видимо, имеются в виду начало и конец пролива Боспора Фракийского.

²⁵ ...Ἵτι μετὰ τοὺς Μαριανδυνοὺς ἡ τῶν Βιθυνῶν λιπαρὰ γῆ, ὅπου καὶ ὁ Ῥῆβας ἐρατεινὸν πρὸς εἰς ῥέεθρον, δεξιῶν παρὰ τοῖς τοῦ Πόντου στόμασι, ἦτοι ἐγγὺς τοῦ Ποντικοῦ στόματος...Ῥέειν

Флавия – местного уроженца, хорошо знакомого с вифинской географией и историей, содержит наряду с ценными сведениями и очевидные погрешности. Так, хотя Евстафий знает о фидах и области их расселения, в первых строках пассажа он не принимает во внимание территориального разделения между фидами и вифинами. Далее, обозначение р. Ребы как границы между землями двух племен также вызывает большие сомнения, хотя некоторые историки считают его верным²⁶. Если бы указание Евстафия соответствовало действительности, то территория расселения вифинов (более значительного племени, чем фины) была бы слишком маленькой по сравнению с финскими землями, охватывающими почти все черноморское побережье Вифинского полуострова²⁷. С. Шахин отметил, что сведения, приводимые Евстафием о р. Ребе, не могут быть связаны с Ребой у Боспора: истоки последней находились в глубине Вифинского полуострова, а не на Мизийском Олимпе, и, кроме того, в других источниках название 'Ρήβας изменяется по первому склонению, тогда как Евстафий дает в винительном падеже форму 'Ρήβαντα, что соответствует третьему склонению. На этом основании турецкий историк отождествил Ребу Евстафия с протекающим далеко на юге притоком Сангария (его современное название – тоже Гексу), а область Ребантию – с округой селения Енишехир к югу от Асканийского озера (совр. оз. Изник)²⁸. Этой реконструкции нельзя отказать в остроумии, но в ней не принято во внимание то обстоятельство, что Евстафий локализует Ребантию возле р. Псилис, т.е. на Вифинском полуострове²⁹. Очевидно, Ребантия (исходя из ее названия) представляла собой территорию между Ребой и Псилисом, и кажется вполне обоснованным мнение О. Кеммеля, считающего, что Евстафий спутал название р. Ребы с производным от него наименованием области³⁰. Таким образом, земли финов следует искать к востоку от 'Ρηβαντίας γῆς, относящейся, видимо, к собственно Вифинии и имеющей восточным пределом р. Псилис.

Совершенно недвусмысленное подтверждение этому тезису содержится у Стефана Византийского: Ψίλιον, ποταμός μεταξύ Θυνίας καὶ Βιθυνίας (s.v. Ψίλιον). Такие авторитетнейшие ученые, как Эд. Мейер и Ф.К. Дернер, отрицали достоверность сообщения Стефана, не приводя, однако, ровным счетом никаких аргументов в пользу своей точки зрения³¹. Мнение о разграничении Вифинии и Финии по р. Псилис впервые со всей определенностью было высказано еще О. Кеммелем³², но в дальнейшем никто

δέ φασί καὶ αὐτὸν ἐκ τοῦ Μισοῦ 'Ολύμπου, καθὰ καὶ τὸν Σαγγάριος, ὃς δὴ Σαγγάριος καὶ ναυσπορός ἐστι καὶ μέγιστος τῶν ἐν Βιθυνίᾳ ποταμῶν, εἰσβάλλων εἰς τὸν Εὐξεινον... λέγεται δὲ καὶ ὅτι τὴν ἀπὸ Βοσπόρου γῆν ἕως ἐπὶ 'Ρήβαντα Βιθυνοὶ ποτε κατέσχον. Τὴν δὲ αὐτοῦ ἐπέκεινα ἐπὶ Πόντου ὄρεινῃν οἱ Θυνοὶ ἔσχον ἄχρι ποταμοῦ Κάλητος... Καὶ γῆν λέγει 'Ρηβαντίαν τὴν πρὸς τῷ Ψίλλῳ ποταμῷ...

²⁶ Tomaschek. Op. cit. Bd I. S. 63; Burstein. Op. cit. P. 74; 138. Not. 59; Venedikov I. Les migrations en Thrace // Пуридева. 2. София, 1978. P. 163. Земли к востоку от Ребы эти исследователи отождествляют именно с Финийской Фракией (ср. Detschew. Op. cit. S. 231). В других работах домен Зипойта II, управлявшего Финийской Фракией (Menn. F. 9. 5), локализуется близ Боспора (Stahelin F. Geschichte Kleinasiatischen Galater. Lpz., 1907. S. 6) или «на Калхедонском полуострове» (Tam W. The New Hellenistic Kingdoms // САН. VIII. Ed. I. 1928. P. 100), что также косвенно свидетельствует о принятии их авторами данных Евстафия.

²⁷ Kämml. Op. cit. S. 8. Şahin S. Studien über die Probleme der historischen Geographie des nordwestlichen Kleinasien // EA. 1986. Hl. 7. S. 145 f.

²⁸ Şahin. Op. cit. S. 146–148.

²⁹ Ср. с данными Стефана Византийского (s.v. 'Ρήβας): Ποταμός παρὰ τῷ Πόντῳ. ἔστι καὶ χώρα, ἣ τὸ ἔθνικόν 'Ρηβαίῳ. Кроме того, с точки зрения географии кажется странной и очень неопределенной локализация областей расселения вифинов между Боспором и весьма удаленной от него Гексу – притоком Сангария, что могло бы иметь некоторый смысл лишь при описании территории Вифинского царства в целом, но в тексте Евстафия этот пассаж приводится в сопоставлении с данными о местах проживания финов.

³⁰ Kämml. Op. cit. S. 8.

³¹ Meyer Ed. Op. cit. Sp. 512; Dörner. Op. cit. Sp. 909.

³² Kämml. Op. cit. S. 8. Ср. Lenk. Op. cit. Sp. 734, где Псилис без каких-либо комментариев упоминается в связи с расселением финов.

из исследователей не принял его доказательств и выводов, судя, по крайней мере, по отсутствию ссылок на его работу. Мы не видим оснований отвергать точку зрения немецкого исследователя, тем более что ценность используемой им информации Стефана отнюдь не исчерпывается указанием на разграничение между Финией и Вифинией.

Исследователи (за исключением, кстати, все того же О. Кеммеля, ограничивавшегося лишь констатацией факта без его объяснения) не уделили никакого внимания тому обстоятельству, что Стефан в этом месте ссылается на гераклейского историка Домиция Каллистрата: *Δομίτιος Καλλιστράτος ἐν τρίτῳ περὶ Ἡρακλείας «ἐγκυριεύσαντος ἀπὸ τοῦ Σαγγάριου χωρίου ἐν[τὸς] τοῦ Ψιλλοῦ ποταμοῦ»* (s.v. *Ψιλλοῦ*). Каллистрат, фрагменты трудов которого (FGrH 433 F) позволяют определить тематику его сочинений (в первую очередь «Περὶ Ἡρακλείας») как описание гераклейских владений, мифологии и истории полиса³³, ясно называет Псиллис границей завоеванных кем-то и когда-то территорий. Не будет слишком большой натяжкой предположить, что речь идет именно о гераклеотах, а скорее всего – о Дионисии³⁴. Таким образом, при сопоставлении данных Мемнона, говорящего о подчинении Финийской Фракии Гераклеей, со сведениями Каллистрата можно заключить, что западной границей владений гераклеотов является именно Псиллис.

Эта точка зрения не нова, но до сих пор она не была надежно обоснована. Псиллис-Гексу фигурирует на картах в некоторых работах в качестве западной границы владений гераклеотов в период их максимального расширения³⁵, но никаких обоснований этому историки не приводят. Более того, С.Ю. Сапрыкин в другом месте своей монографии рассматривает в качестве пограничного рубежа не Псиллис, а Ребу³⁶, а Ф.К. Дернер, редактор сборника «Forschungen an der Nordküste Kleinasiens», в более позднем исследовании отодвинул западный предел гераклейской хоры до мыса Кальпе и о-ва Финида³⁷ (см. рис. 1). Ю.Г. Виноградов отмечает, что Гераклея стала подвластна территория от р. Псиллиса до р. Сангария, но, не вдаваясь в детальный анализ вопроса, связывает процесс подчинения этих земель гераклеотам с архаической эпохой³⁸, что вряд ли возможно: в это время гераклеоты еще не подчинили себе даже Мариандию³⁹. Наконец, мнение о р. Псиллис как западной границе Финийской Фракии было высказано и К. Штробелем⁴⁰ со ссылкой на С. Шахина, однако его аргументация также не вполне ясна: в указанной им работе⁴¹ аналогичный вывод прямо не сформулирован, что уже было отмечено выше.

³³ См. *Jacoby F. Kallistratos* (39) // RE. Bd X. 2. 1919. Sp. 1748; *Desideri. Studi...* II. P. 495. Итальянский ученый отмечает, что содержание третьей книги труда Каллистрата, на которую ссылается Стефан, посвящено скорее всего скифскому походу Дария (ср. *Asheri D. Ioner und Dorer im Territorium von Herakleia Pontike // Forschungen...* S. 13. Anm. 13); однако В. Амелинг считает, что контекст упоминания скифов во фр. 4 может быть более широким и как-то связан с историей самой Гераклеи (*Ameling W. Domitius Kallistratos. FGrHist. 433 // Hermes. 1995. Bd XLIV. 3. S. 375 f.*). Никто из исследователей почему-то не обращается к фрагменту, анализируемому здесь.

³⁴ Об этом косвенно свидетельствует форма употребленного древним историком причастия *ἐγκυριεύσαντος* (3-е л., ед. ч., м.р.), указывающая на действия какого-то одного лица, а не всех гераклеотов как единого гражданского коллектива.

³⁵ *Forschungen an der Nordküste Kleinasiens. Abl. 1; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 31. Рис. 2.*

³⁶ *Сапрыкин. Гераклея...* С. 117.

³⁷ *Dörner, Hoepfner. Op. cit. S. 104. Abl. 1.*

³⁸ *Виноградов Ю.Г. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь, 1995. С. 9.*

³⁹ См. о времени и обстоятельствах покорения мариандинов: *Сапрыкин. Гераклея...* С. 29–35.

⁴⁰ *Strobel K. Galatien und seine Grenzregionen. Zu Fragen der historischen Geographie Galatiens // AMS. 1994. Bd XII. S. 35. Anm. 65.*

⁴¹ *Şahin. Op. cit. S. 144–148.*

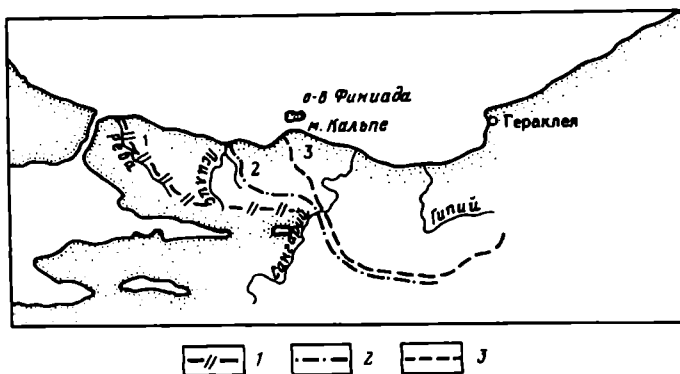

Рис. 1. Западные пределы владений Гераклеи: 1 – по С. Берстайну; 2 – по Ф.К. Дернеру (1972) и С.Ю. Сапрыкину; 3 – по Ф.К. Дернеру и В. Хепфнеру (1989)

Небольшая р. Псилис (тем не менее одна из крупнейших на Вифинском полуострове), как свидетельствуют географические описания, вполне могла отделять друг от друга две различные области, различающиеся по своим природным условиям и рельефу. Так, «если с одной из возвышенностей в районе Гебзе (античная Дакибиза, расположенная на южном побережье п-ова Коджаэли почти у самого узкого места Измитского залива. – О.Г.) бросить взгляд на запад и на север (т.е. на собственно Вифинскую область. – О.Г.), то можно увидеть обширную, почти ровную поверхность, над которой возвышаются лишь отдельные возвышенности круглых очертаний... К востоку от Гебзе (ближе к истокам Гексу. – О.Г.) эта поверхность, над которой возвышаются лишь островные горы, переходит в сильно расчлененную горную страну»⁴². Территории, расположенные еще дальше к востоку, на правом берегу Гексу, заняты значительными, по масштабам Вифинского полуострова, возвышенностями (массивы Агва, Дазджа-Даг, Кефкен-Даг)⁴³. Горные хребты, протянувшиеся здесь вдоль Измитского залива, довольно круты и отгораживают этот район от земель, непосредственно прилегающих к морскому побережью⁴⁴. Следовательно, дальнейшей территориальной экспансии гераклеотов в западном направлении могло воспрепятствовать не только военное противодействие вифинов, но и естественные ландшафтные условия⁴⁵. По моему мнению, ничто не мешает считать Финийской Фракией область Вифинского полуострова, ограниченную с запада р. Гексу и ее притоками, с юга – горными цепями, идущими вдоль Измитского залива (в древности он назывался Астакским), а с востока – одной из рек, следующих за Сангарием (скорее всего Калетом).

⁴² Матвеев С.Н. Турция (азиатская часть – Анатолия). Физико-географическое описание. М.–Л., 1946. С. 104 сл. На правом берегу Гексу (Псилис) отдельные вершины превышают высоту 500 м, тогда как преобладающие высоты холмов левого берега реки – не более 250 м. См. Marek Chr. Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynia und nord-Galatia. Tübingen, 1993. Beil. 2.

⁴³ Протопопов А.П. Военно-топографическое описание Вифинийского полуострова. СПб., 1883. С. 4 сл. Русский археолог В. Регель, проводивший разведки на территории Вифинского полуострова, так описывает местность в окрестностях сел Беле-Алан и Элисия на правом берегу Гексу: «Памятник расположен в лесистой горной долине, из которой виднеются высокие снежные горы» (Регель В. О некоторых надгробных памятниках в Вифинии // ЖМНП. 1886. Ч. 257. С. 56).

⁴⁴ Вершины горных цепей, идущих вдоль северного побережья Астакского залива, достигают высоты более 600 м и являются самыми большими на полуострове (Протопопов. Ук. соч. С. 2 сл.). Вспомним, что Евстафий охарактеризовал область финов как $\delta\rho\epsilon\iota\tau\iota$, очевидно, в противоположность более равнинной Ребантии.

⁴⁵ Трудности, с которыми сталкивались тяжеловооруженные греческие гоплиты при ведении боевых действий в сильно пересеченной, лесистой и холмистой местности в Вифинии к югу от гавани Кальпе (т.е. как раз в Финийской Фракии), выразительно описаны Ксенофонтом (Anab. VI. 3. 2–9; 4. 24–27; 5. 12–32).

Такая локализация, однако, требует согласования с сообщением Плиния Старшего, разграничивающего места обитания финов и вифинов без привязки к какой-либо конкретной местности, а по более общему принципу: «Tenent oram omnem Thyni, interiora Bithyni» (Plin. NH. V. 150). Конечно, если считать основной областью расселения вифинов в доэллинистическое время всю территорию между Боспором и Псалисом⁴⁶, то противоречие, возникающее с сообщением Плиния, оказывается неустрашимым. Однако в последние годы в некоторых исследованиях было высказано мнение, что вифинцы заселяли гораздо более обширные области, чем это считалось ранее⁴⁷. Видимо, в эти территории нужно включить, помимо западной части Вифинского полуострова, прилегающей к Боспору, также «Анатолийскую ривьеру» – северное побережье Измийского залива на всем его протяжении, Мизийский полуостров⁴⁸ и земли в округе Асканийского озера⁴⁹. Не исключено, что часть занимаемых вифинами земель располагалась примерно на этой же широте на правом берегу Сангария (см. рис. 2). В этом случае становится понятным упоминание Страбона о чересполосном расселении вифинцев, фригийцев и мизийцев (XII. 4. 4)⁵⁰, а также вполне определенный смысл приобретает и упоминутый пассаж Плиния, который отчасти подтвержден и Евстафием (ἐπὶ Πόντου ὄρεινῳ οἱ Θυνοὶ ἔσχοιν) (Eustath. ad Dion. 793 = GGM. I. 356, FGhN 156 F. 77). Действительно, исходя из него, фины локализируются на черноморском побережье, занимая если не всю береговую линию Вифинского полуострова, то большую и притом наиболее удобную для мореплавания его часть⁵¹, хорошо знакомую грекам (Xen. Anab. VI. 4. 3–5; ср. Ag. Periopl. 5 = GGM. I. 403). Вифины же при таком расселении проживали в основном во внутренних районах Северо-Западной Малой Азии, что и отражено Плинием.

Остается определить, какое развитие вифинско-гераклейские противоречия из-за Финийской Фракии, наиболее ярко проявившиеся в раннеэллинистический период, получили в дальнейшей, а также когда и при каких обстоятельствах эта область переходила из рук в руки. К исходу IV в. до н.э., в конце правления Дионисия, она уже была подчинена гераклеотами. Серьезных конфликтов между Зипойтом и гераклейским тираном в этот период, очевидно, не происходило⁵². Причину этого можно видеть как в нежелании вифинского правителя вступать в конфликт с могущественным сосе-

⁴⁶ Этот тезис логически вытекает из давно утвердившегося в науке мнения о том, что территории расселения вифинских племен ограничивались только Вифинским полуостровом. См. Meyer Ed. Op. cit. Sp. 514; Vitucci. Op. cit. P. 13.

⁴⁷ К. Марек считает традиционную версию относительно области обитания вифинцев «невозможной с точки зрения исторической географии» (Marek. Op. cit. S. 21. Anm. 184).

⁴⁸ Область, где «византийцы господствовали над вифинами, как лакедемоняне над илотами» (Athen. VI. 271 c) располагалась на южном побережье Астакского залива. См. Gabelko O.L. Zur Lokalisierung und Chronologie der asiatischen Besitzungen von Byzanz // Orbis Terrarum. 1996. № 2. S. 121–128. С. Шахин вполне обоснованно включает мизийский полуостров в «Bithynisches Kernland» (Şahin. Op. cit. Karte).

⁴⁹ Эту область считают наиболее важным зерновым районом Вифинии (Фол А. Демографска и социална структура на древна Тракия. София, 1970. С. 209). Такое же значение сохранялось за ней и в наше время (Жуковский П.М. Земледельческая Турция (азиатская часть – Анатолия). М.–Л., 1933. С. 138. Рис. 72).

⁵⁰ Относительно округа Асканийского озера данные о присутствии здесь мизийцев подтверждаются археологическими источниками (Cremer M. Hellenistisch-römische Grabstelen im nordwestlichen Kleinasien. 2. Bithynien // AMS. 1992. Bd 4. S. 62–64, 69–73).

⁵¹ Характер береговой линии здесь неоднороден, но берег на протяжении от устья Сангария до мыса Кальпе (совр. Кефкен) имеет множество мелких бухточек и достаточно удобен для стоянок небольших судов. К западу же от устья Гексу практически единственная более или менее удобная гавань расположена у г. Шиле (Протопопов. Ук. соч. С. 25–28). К. Штробель также характеризует домен Зипойта Вифина (Финийскую Фракию) как Küstenlandschaft (Strobel. Op. cit. S. 35. Anm. 65).

⁵² Фразу Мемнона о том, что власть Дионисия укрепило расположение тех, кто раньше не находился под его господством (Метл. Ф. 4. 6), вероятно, следует все же отнести на счет жителей подчиненных им городов Киера и Тиоса, а не населения Финийской области.

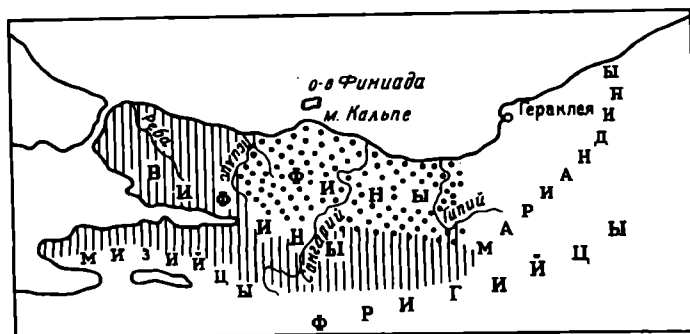

Рис. 2. Примерное расселение народностей северо-западной Малой Азии в доэллинистическую эпоху

дом⁵³, так и в том обстоятельстве, что территориальные претензии гераклеотов могли ограничиваться лишь важной в стратегическом, экономическом и торговом отношении гаванью Кальпе с прилегающей к ней прибрежной полосой и не распространяться далее к югу. Так, Ксенофонт сообщает, что земли поблизости от бухты были покрыты прекрасным корабельным лесом (несомненно, представлявшим для греков насущную необходимость), а в глубь материка от прибрежной линии на расстояние до 20 стадиев простиралась горная возвышенность (Anab. VI. 4. 5), которая едва ли чем-то могла привлекать гераклеотов.

В свою очередь, вифинские правители до Никомеда I, вопреки мнению некоторых исследователей⁵⁴, еще не проявляли стратегического интереса к овладению удобными гаванями на море, да и повседневная хозяйственная деятельность рядовых вифинцев, видимо, была связана с морем лишь в небольшой степени. Ближайшие к побережью деревни были удалены от него примерно на 30 стадий (Хен. Анаб. VI. 3. 2): очевидно, их жители не придавали значения близости удобной гавани и занимались преимущественно земледелием, для которого в этой области существовали весьма благоприятные условия (VI. 4. 5–6)⁵⁵. Не исключено, что именно поэтому утверждение контроля гераклеотов над бухтой Кальпе и прилегающим районом не стало для Зипойта серьезной потерей.

После ослабления Гераклеи при преемниках Дионисия населенная финами область, очевидно, первой перешла под власть Зипойта: если к 284 г. до н.э. гераклеоты потеряли Киер⁵⁶, то земли к западу от этого городка должны были отойти к Вифинии еще раньше. Правителем Финийской Фракии был назначен Зипойт II, один из младших сыновей царя, что может свидетельствовать об особом статусе этой территории в составе складывающегося Вифинского государства.

⁵³ Политика Зипойта в это время была ориентирована на иные перспективные цели – Астак и Калхедон (Diod. XIX. 60. 3; Plut. Quaest. Gr. 49).

⁵⁴ Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. V. I. Oxf., 1941. P. 567; Billows R. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley – Los Angeles – London, 1990. P. 411; особенно: Данов Хр. Древна Тракия. София, 1969. С. 410; Asheri D. Fra Elenismo e Iranismo. Bologna, 1983. P. 41.

⁵⁵ Характеристику вифинцев как *ναυτικῶτάτους* (Eustath. ad Dion. 793) следует связывать, вероятно, не с морской торговлей, а с пиратством на побережье Черного (Хен. Анаб. VI. 4. 2 – здесь речь идет скорее всего лишь о грабеже потерпевших кораблекрушение, как это было заведено и у европейских фракийцев) и Мраморного морей. Особенно удобным для морского разбоя был Астакский залив с довольно сильно изрезанной береговой линией и большим количеством удобных якорных стоянок (Sölch J. Bithynische Städte im Altertum // Klio. 1924. Bd 24. S. 2; Матвеев. Ук. соч. С. 103).

⁵⁶ С. Берстайн пришел к такому выводу на том основании, что Мемнон не упоминает Киер среди владений гераклеотов в период накануне установления протектората Лисимаха над Гераклеей (Memn. F. 4. 5) (Burstein, Op. cit. P. 143. NoI. 35).

После смерти Зиפוита I (280 г. до н.э.) взошедший на престол Никомед I, как уже говорилось, обещал вернуть гераклеотам спорную область (вместе с захваченными его отцом Киером и Тиосом) в обмен на крупную сумму денег и заключение союза против Антиоха I. Это решение было выполнено после того, как Никомед и гераклеоты (возможно, в том же году) совместными усилиями и при помощи других членов Северной лиги подавили мятеж Зиפוита II, поддержанный населением области⁵⁷. Финийская Фракия вновь была включена в гераклеотскую хору (Метп. F. 9. 5).

Такое положение вещей сохранялось в течение почти ста лет, когда между Гераклеей и Вифинией не происходило крупных вооруженных конфликтов. Ситуация изменилась после агрессии Прусия I против гераклеотов (конец. 190-х годов до н.э.), которая завершилась завоеванием вифинцами Киера и Тиоса (Метп. F. 19. 1). Трудно предположить, что Финия, издавна тесно связанная с Вифинией и практически являвшаяся ее составной частью, не попала в поле зрения предприимчивого вифинского монарха и не была отторгнута им у соседей. Существует мнение, что гавань Кальпе наряду с о-вом Финиада осталась во владении гераклеотов⁵⁸, но оно подтверждается только гораздо более поздними источниками (An. PPE. 5 = GGM. I. 403; Marc. Her. Epit. Рег. Менірр. 8 = GGM I. 569), а немногочисленные археологические свидетельства, полученные турецкими археологами⁵⁹, не могут дать хотя бы приблизительной датировки присутствия гераклеотов на этом участке побережья. Скорее всего бухта Кальпе, равно как и часть других владений гераклеотов, была возвращена им по решению римского сената уже после разрушения города Марком Аврелием Коттой (70 г. до н.э.) и его последующего восстановления: Ἡρακλεώταις δὲ τὴν τε χῶραν καὶ τὴν θάλασσαν καὶ τοὺς λιμένας ἀποκατέστησαν (Метп F. 39. 4).

История Финийской Фракии в контексте территориальных споров между Вифинским царством и Гераклеей Понтийской, таким образом, дает интересный пример взаимоотношений эллинистической монархии (в формировании которой существенную, если не ведущую, роль играли местные азиатские элементы) и крупного полиса, стремящегося к созданию значительной по размерам державы. Факты показывают, что выдвижение притязаний на спорные земли и их осуществление для обеих сторон далеко не всегда зависели только от их военно-политических возможностей. В отдельные моменты немаловажную роль здесь играли этнический, экономический, географический факторы, значения которых в истории Северо-Западной Малой Азии античной эпохи не следует недооценивать. Дальнейшее изучение взаимоотношений Вифинского царства с другими близлежащими эллинскими полисами (Византием, Калхедоном и др.) с привлечением данных исторической географии может помочь решить многие спорные проблемы истории региона в эллинистическую эпоху.

* * *

Уже после того, как данная статья была сдана в печать, я благодаря любезности д-ра А. Биттнер (Эрланген, Германия) получил возможность ознакомиться с новейшей монографией К. Штробеля, посвященной истории галатов и исторической географии Малой Азии⁶⁰. В этом капитальном исследовании автор высказывает ряд интересных предположений относительно истории и географии Вифинского царства, в том числе и по рассматриваемым здесь вопросам.

⁵⁷ Остается не вполне ясным, можно ли видеть в этом стремление финов к независимости не только от Гераклеи, но и от Вифинского царства. Вероятнее всего, данный эксцесс следует рассматривать как результат сложного переплетения внутридинастических и внешнеполитических, но не межэтнических коллизий.

⁵⁸ Дзагурова. Гераклея Понтийская... С. 149.

⁵⁹ Firatli N. Bitinya arastirmalarina birkaç ilave // Türk tarih kurumu belleten. 1953. XVII. S. 18–19.

⁶⁰ Strobel K. Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd 1. Untersuchungen zur Geschichte und Geographie des hellenistischen und römischen Kleinasien. B., 1996.

В частности, он считает Финийскую Фракию ядром территории Вифинии и определяет ее границы. Восточным рубежом области он полагает р. Калет, а западным – р. Псилис. При этом исследователь отмечает, что владения Гераклея в области финов располагались между Калетом и Гицием, тогда как к собственно Вифинии относились земли между устьем Гиция и Псилисом⁶¹. Не вполне понятно, в какое время могла сложиться описанная здесь ситуация: далее К. Штробель на основании указанного сообщения Домиция Каллистрата в передаче Стефана Византийского отмечает, что «Гераклея поддерживала контроль над всей приморской областью Финии до Псилиса в течение длительного времени – по крайней мере до объединения и усиления вифинцев при Дидалсе (ок. 430 г. до н.э.)»⁶². Такое утверждение спорно по двум причинам. Во-первых, как было отмечено выше, в V (или даже еще в VI?) в. до н.э. гераклеоты не могли владеть столь обширными территориями. Во-вторых, «усиление Вифинии при Дидалсе» было весьма относительным и прослеживается лишь благодаря сообщению Страбона об основании этим правителем Астака (Strabo. XII. 4. 2; ср. Memn. F. 12. 2–3). К. Штробель считает эти сведения доказательством завоевания Вифинией этого города⁶³, однако, даже если это и так⁶⁴, то сообщения источников не оставляют сомнений в том, что после выведения в город афинской апойки его независимость была восстановлена. Вифиния же с 416 г. до н.э. после неудачного столкновения с Византием, Калхедоном и европейскими фракийцами (Diod. XII. 82. 2) и покорения византийцами части коренных вифинских земель⁶⁵ на многие десятилетия утратила прежнее политическое значение.

К. Штробель следует С. Шахину (см. прим. 27) в его трактовке сообщения Евстафия (Eustath. ad Dion. 793–796). Он склонен объяснить упоминание Евстафием р. Псилис в связи с областью Ребантией простой ошибкой⁶⁶, хотя более перспективным все же кажется предложенный мной вариант решения этой проблемы.

Детально описывая границы коренных земель (Kerngebiet) финов и вифинов, историк совершенно справедливо полагает их более обширными, чем это считалось ранее (см. прим. 39, 40)⁶⁷. Здесь, однако, возникает следующая трудность: как сопоставить определенные по данным традиции (прежде всего Страбона) границы Вифинского царства или римской провинции Вифиния и Понт с несомненно менее обширными районами обитания азиатских фракийцев в доэллинистическую эпоху и в самом начале периода эллинизма, когда Вифинское царство еще не перешло к активной экспансии? К. Штробель, на мой взгляд, не всегда должным образом подчеркивает это различие. В частности, говоря о том, что *bithynische Kernland* достигала окрестностей Никея на восточном берегу Асканийского озера⁶⁸, следовало бы отметить, что как раз для этого города мы располагаем свидетельством, позволяющим считать его изначально относившимся территориально не к Вифинии, а к Мизии.

Речь идет о сохранившемся в пяти рукописных экземплярах византийского времени сообщении, идентифицированном Р. Меркельбахом как фрагмент «Вифиниаки» Ар-

⁶¹ Strobel. Die Galater... S. 194. Историк полагает, что Зипойт младший мог подчинить себе наряду с принадлежавшей Вифинии западной частью Финийской Фракии и ее восточную половину – земли вплоть до Калета (Ibid. S. 213), но текст Мемнона не дает этому никакого подтверждения.

⁶² Ibid. S. 194. Anm. 152.

⁶³ Ibid. S. 191.

⁶⁴ Не исключено, что в слова Страбона: ...Μεγάριον κτίσμα καὶ Ἀθηναῖοι καὶ μετὰ ταῦτα Δοιδάλοιοι (Strabo. XII. 4. 2) следует внести конъектуру ...καὶ Ἀθηναῖοι μετὰ ταῦτα ἐπὶ Δοιδάλοιοι (Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxf., 1937. P. 419. Not. 3), придающую этому сообщению фактически тот же смысл, что и в пассаже Мемнона, и снимающую вопрос о непосредственном подчинении Астака вифинцами.

⁶⁵ См. Gabelko. Op. cit. S. 121–128; К. Штробель датирует образование византийских владений в Вифинии 279 г. до н.э. (Strobel. Die Galater... S. 193, 256. Anm. 456).

⁶⁶ Strobel. Die Galater... S. 192. Anm. 149.

⁶⁷ Ibid. S. 192–196.

⁶⁸ Ibid. S. 195.

риана⁶⁹. Никея характеризуется там как πόλις ἐν τῇ κατὰ Βιθυνίαν Μυσίᾳ (стк. 1). В дальнейшем источник сообщает, что первоначально располагавшийся на месте Никеи город назывался Ἐλικωρή и что он в какой-то момент до времени Александра был захвачен мизийцами (ληφθεῖσα ὑπὸ Μισίων) (сткк. 2–3). Таким образом, можно не сомневаться в том, что граница между землями вифинов и мизийцев в V–IV вв. проходила значительно севернее Никеи.

Наконец, К. Штробель придерживается почти общепринятой точки зрения о датировке знаменитого надгробия вифинца Мена⁷⁰ 281 г. до н.э. и на этом основании говорит о включении в состав Вифинского государства после 301 г. до н.э. северо-западного берега Асканийского озера⁷¹. Между тем палеографические особенности надписи, изображение на рельефе галатского щита и ряд других обстоятельств позволяют отнести время создания памятника к концу III – первой половине II в. до н.э. и связывать упоминаемую в тексте эпитафии «битву при Корупедионе» с одним из пергамско-вифинских конфликтов⁷².

В целом же монография К. Штробеля вносит значительный вклад в изучение истории и исторической географии Северо-Западной Малой Азии в античную эпоху и, вне всякого сомнения, успешно послужит дальнейшей разработке этих проблем.

О.Л. Габелко

HERACLEA PONTICA AND BITHYNIA
IN THE EARLY HELLENISTIC PERIOD:
POLITICAL-GEOGRAPHICAL ASPECT

O.L. Gabelko

The question concerning the western limits of Heraclea Pontica's *chora* in the period of its maximal expansion under the tyrant Dionysios (337–305 B.C.) is still under discussion. A number of scholars on the ground of Apollonius Rhodian's data (II. 786–790) believe that Dionysios succeeded in submitting the Bithynian lands as far as the Rheba river (modern Riva Deresi) near Thracian Bosphorus. However, the information of Memnon (FGrH 434. F. 9. 4–5), Stephanus of Byzantium (s.v. Ψίλιον) and Arrian as reproduced by Eustathios' work (Eustath. ad. Dion. 802 = GGM. I. 356) allows to consider the Psillis river (modern Göksu), which flows somewhat eastwards as the western border of Heracleian possessions.

The areas divided by this river considerably differed from each other by the relief and the character of coastline and were to some extent mutually isolated. Their population perhaps was different as well: eastwards to the Psillis lived the Thracio-Anatolian tribes of Thyini, westwards – Bithyni genetically related to them. The data of our sources, therefore, permit to make some correctives in the notions about the settling of these peoples and specify the ethnical and political map of North Western Asia Minor in antiquity.

⁶⁹ См. Merkelbach R. Nikaia die Rankenreiche (ΕΛΙΚΟΡΗ). Ein übersehenes Fragment aus Arrians Bithyniaka // EA. Ht. 5. 1985. S. 1–3, где, однако, основное внимание уделяется другим аспектам этого сообщения.

⁷⁰ См. Pfuhl E., Möbius H. Die Ostgriechischen Grabreliefs. Bd II. Mainz-am-Rhein, 1979. № 1269.

⁷¹ Strobel. Die Galater... S. 196. Anm. 158. Это же мнение высказано в другом новом и весьма солидном исследовании; см. Marek. Op. cit. S. 22.

⁷² См. убедительную аргументацию в пользу этого: Bar-Kochba B. Menas' Inscription and Corupedion // SCI. 1974. V. 1. P. 14–23. К сожалению, статья израильского ученого осталась практически незамеченной другими историками.

СКИЛУР И ЕГО ЦАРСТВО

(Новые открытия и новые проблемы)

Эпоха расцвета Понтийской державы занимает особое место в античной истории Северного Причерноморья. Среди государств и народов того времени своеобразная роль принадлежит «скифскому» царству Скилура. Постоянный интерес к этому государственному образованию обусловлен, вероятно, несколькими основными факторами. Среди них – специфика позднеэллинистического периода – времени глобальных миграций и передела этнополитической карты региона, и незаурядные личностные качества царя Скилура, успешными мероприятиями по праву завоевавшего место первого претендента на роль «политического лидера» Северного Причерноморья¹.

Предыстория державы Скилура, по представлениям большинства исследователей берущая начало в III в. до н.э., реконструирована по-разному, и реконструкция эта находится в прямой зависимости от понимания исторических судеб Великой Скифии и греческих государств Северного Причерноморья. Опуская все частные отклонения, мнения по данному вопросу могут составить две противоположные концепции.

Традиционная точка зрения, сформировавшаяся в 40–50-е годы², основывалась на общих представлениях о скифской «цивилизации», согласно которым существовала генетическая связь между позднескифской культурой и культурой степных скифов VII–IV вв. до н.э., а следовательно, и их этническая преемственность³. По этой теории Крымская Скифия III в. до н.э. – III в. н.э. была завершающим этапом «тысячелетней истории скифов Северного Причерноморья»⁴, в связи с чем «...весьма удачной представляется сама дефиниция "позднескифская культура", как отражающая, с одной стороны, преемственность от раннескифской, а с другой – существенные трансформации, которые эта культура претерпела в связи с переходом скифов к оседлости и из-за включения в их состав многочисленных иноэтничных элементов»⁵.

По мнению А.Н. Щеглова, «...образование позднескифского царства (которое он датирует первой половиной III в. до н.э. – Ю.З.) надо объяснять в первую очередь резкими и внезапными изменениями демографической и политической ситуации в Северном Причерноморье в целом, а не поступательным внутренним развитием позднескифского общества»⁶. По мнению О.Д. Дашевской, перенос центра позднескифского государства из Приднепровья в Крым произошел к концу III в. до н.э., и, несомненно, был связан с натиском сарматов⁷.

¹ АГСП. 1984. С. 16 сл.; *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1; *он же.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 230–250; *Зубар В.М.* Про пізньоскіфську державність // Археологія. 1992. № 1; *Храпунов І.М.* До соціально-політичної характеристики пізньоскіфського царства // Археологія. 1992. № 1. С. 86–90; *Ольховський В.С.* Про дискусію питання соціально-політичної історії пізньоскіфської держави // Археологія. 1992. № 2.

² *Артамона М.И.* Скифское царство в Крыму // ВЛГУ. 1948. № 8. С. 56–78; *Граков Б.М.* Скифы. Киев, 1947. С. 86; *Шульц П.Н.* Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953. С. 9 сл.; *он же.* Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. М., 1957. С. 84.

³ *Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 5–11; *Высотська Т.М.* До питання про соціально-політичну структуру пізньоскіфської держави // Археологія. 1992. № 2. С. 139–140; *Храпунов.* Ук. соч. С. 86.

⁴ *Ольховский В.С., Храпунов И.Н.* Крымская Скифия. Симферополь, 1990. С. 64–67.

⁵ *Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. III. Симферополь, 1993. С. 213.

⁶ *Щеглов А.Н.* Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988. С. 32.

⁷ *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д. 1–7. М., 1991. С. 43.

Противоположная концепция напротив отрицает явную преемственность двух упомянутых образований: между скифами VII–IV вв. до н.э. и самыми ранними позднескифскими памятниками лежит не менее чем столетняя временная лакуна, а материальная культура поздних скифов не имеет выраженных черт классической скифской культуры⁸. В этом случае ее формирование представляется процессом синтеза самых различных культур региона, причиной которого стали события конца III – начала II в. до н.э.⁹

Дальнейшая история Крымской Скифии во II в. до н.э. реконструирована относительно единогласно и может быть определена несколькими основными моментами. В хронологическом порядке они распределяются следующим образом: постоянная скифская экспансия на херсонесские территории в конце III – начале II в. до н.э.; 179 г. до н.э. – договор Херсонеса с Фарнаком I Понтийским, ко времени которого приурочены события из новеллы об Амаге¹⁰; приход к власти Скилура, очевидно, в середине столетия, захват «дальней» хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму, протекторат над Ольвией и союзнические отношения с Боспором¹¹; знаменитая военная кампания Диофанта, полководца Митридата VI Евпатора в 114–108 гг. до н.э., защитившего Херсонес и разгромившего скифо-сарматское войско Палака и Тасия¹². Так реконструируются события на основании свидетельств древних авторов и эпиграфических документов¹³. Многие из этих событий неоднократно были подтверждены данными археологии¹⁴, и в первую очередь материалами из Неаполя Скифского – эталонного памятника позднескифской культуры Крыма.

Что же представлял собой Неаполь Скифский в различные исторические периоды и как менялось представление о нем по мере накопления информации? После первых раскопок Неаполь времени Скилура считали родосской колонией, затем греко-скифским городом¹⁵. Согласно выводам Н.Л. Эрнста, в эллинистическое время он представлял собой «...укрепленный лагерь кочевых юрт»¹⁶, а по мнению П.Н. Шульца, это был город-крепость, резиденция скифских царей, захваченный и сожженный в конце II в. до н.э. войсками Диофанта. Как он предполагает, в мавзолее были захоронены Скилур и представители царского аристократического рода¹⁷. Эти и другие положения получили дальнейшее развитие в работах Т.Н. Высотской, представляющей Неаполь городским центром государственного образования поздних скифов, который был основан в конце IV в. до н.э. путем перенесения скифской столицы из Каменского городища¹⁸. Как считает С.Г. Колтухов, «в эллинистическое время у городища были явно выражены черты военно-административного центра позднескифского государства»¹⁹. Специально анализу Неаполя «эпохи Диофантовых войн» посвящена работа Ю.П. Зайцева и А.Е. Пуздровского, где кратко приведен весь известный к 1989 г.

⁸ Пуздровский А.Е. Население Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. до н.э. (этнополитический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1993. С. 14; Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь Скифский в эпоху диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 232; Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя Скифского // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье, 1995. С. 89 сл.

⁹ Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский во II в. до н.э. – III в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1995. С. 19.

¹⁰ Дашевская. Ук. соч. С. 42; Пуздровский. Население... Скифии. С. 7.

¹¹ Виноградов. Вотивная надпись... С. 85; он же. Политическая история... С. 240 сл.

¹² АГСП. С. 17; Виноградов. Вотивная надпись... С. 72–74.

¹³ Strabo. VII; Polyæn. VIII. 56; IOSPE. I². 402; 352 и др.

¹⁴ Дашевская. Ук. соч. С. 42–44.

¹⁵ Blagatberg J. De la position de trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon // ИТУАК. 1889. № 7. С. 61; Ростовцев М.И. Эллинизмо и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 108.

¹⁶ Эрнст Н.Л. Раскопки в 1926 году // НА ЛОИА АН России. 1926. Ф. 2. Оп. 1. Л. 6.

¹⁷ Шульц. Исследования Неаполя Скифского... С. 72, 82, 118.

¹⁸ Высотская. Неаполь... С. 190–197.

¹⁹ Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии (III в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1992. С. 13.

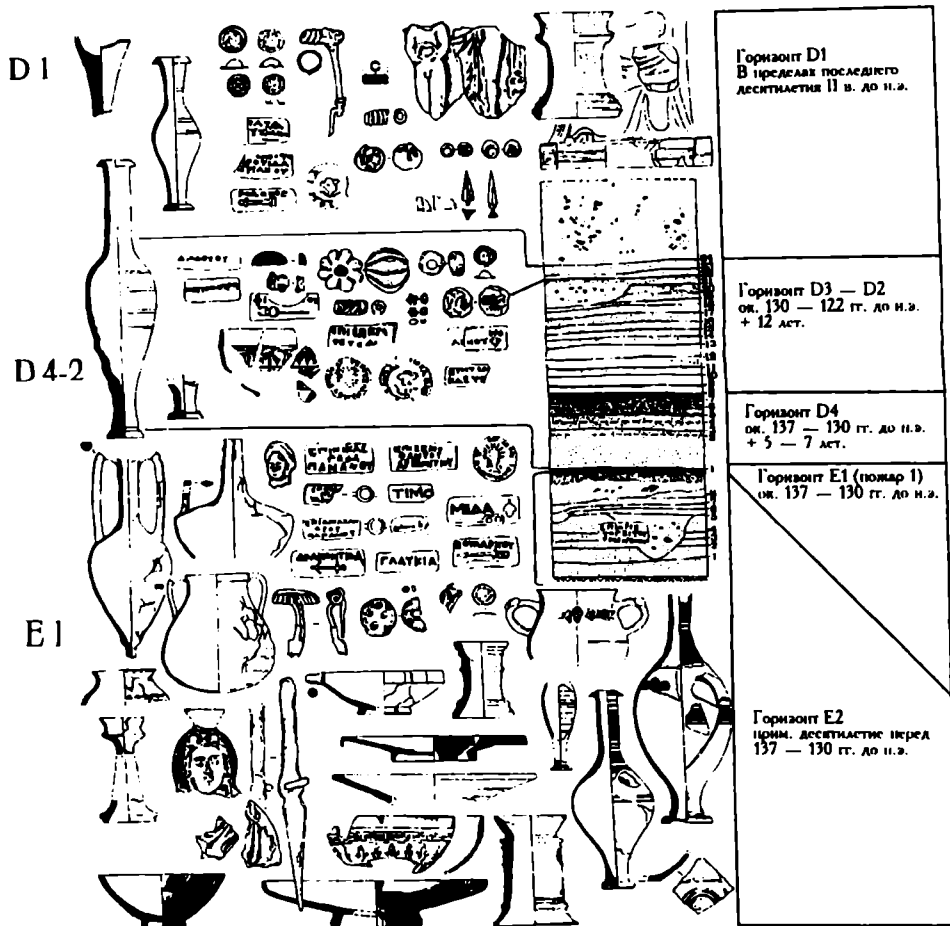

Рис. 1. Стратиграфия и хронология Южного дворца Неаполя скифского.
Сводная таблица

фактический материал и построена модель исторической реконструкции Неаполя в первый период его существования (конец III—II в. до н.э.)²⁰. Последовавшие затем исследования 1989–1993 годов в районе центральных ворот Неаполя²¹ дали принципиально новые материалы, позволившие вновь обратиться к анализу этого важного памятника эллинистического периода. Здесь впервые была открыта максимально полная колонка отложений II в. до н.э.²², что дало возможность разделить слой этого времени на конкретные горизонты (E2–D)²³. «Субъективное» хронологическое их распределение – результат анализа микростратиграфии культурных отложений Южного дворца, суммарная объективная датировка которых (по 400 родосским клеймам и 6 монетам) может быть определена в границах второй половины II в. до н.э.²⁴ (рис. 1).

²⁰ Зайцев, Пуздровский. Ук. соч.

²¹ Зайцев Ю. П. Исследования Южного дворца Неаполя Скифского // Археологические исследования в Крыму в 1993 г. Симферополь, 1994.

²² Он же. Хронология... С. 71–80.

²³ Естественно, что такая работа показала некоторые слабые места и ошибочные выводы более ранних разработок, в том числе последних, в которых представлено цельное восприятие культурных остатков более чем столетнего (как считалось) временного промежутка – конца III—II в. до н.э. Отсюда и выводы, объединяющие по сути разновременные объекты.

²⁴ Зайцев. Хронология... С. 79.

Исходя из новейшей схемы, история Неаполя Скифского может быть достоверно прослежена с середины II в. до н.э. (период E), когда на будущей территории крепости находилась группа укрепленных усадеб эллинистического облика²⁵. Для второго этапа периода E (E2) отмечено повсеместное появление различных строительных объектов, составляющих сильно разреженное поселение. В его структуре сформировался «мега-ронный поселок» – аристократическое ядро и предшественник будущего дворца. Заключительная стадия этого первого неапольского периода предположительно выразилась в одновременном строительстве дворцового мегарона и первой оборонительной стены. «Докрепостной» период E был внезапно прерван тотальной катастрофой – пожаром, случившимся в период около 135–130 гг. до н.э.

Материальная культура «прото-Неаполя» в период E объединяла некоторые своеобразные черты и признаки: в типологическом ряду архитектурных сооружений были тогда представлены усадьбы, мегароны, однокамерные и многокамерные дома греческого типа, сооружения типа конических шалашей и полуземлянок; строительная техника всех перечисленных объектов отличалась общим относительно низким уровнем. К этому можно добавить смешанный (скотоводство и земледелие) уклад хозяйства, примитивный быт и культы, связанные с почитанием сил природы и домашнего очага, с плодородием и скотоводством. Картину дополняет широкое распространение культов греческих женских божеств²⁶.

Последующие кардинальные перемены в облике Неаполя позволили определить второй период его истории (D) как «крепостной дворцовый»²⁷. Большая часть ранее заселенной территории (ок. 18–20 га) была превращена в обширное укрепление, которое на протяжении последней трети II в. до н.э. подвергалось целенаправленным и масштабным реконструкциям. Единственным(?) фундаментальным комплексом на территории крепости стал теперь Южный дворец, занимавший район центральных ворот и разрушенный во время (или после) вероятного присутствия здесь понтийского гарнизона²⁸.

Эволюция этого сложного архитектурного объекта может быть разделена на три фазы. Еще в период E среди всех остальных объектов Неаполя выделялись мегарон H и «дом с полуподвалом», построенные, вероятно, одновременно с оборонительной стеной и накануне разгрома, сопровождавшегося пожаром²⁹.

На первом этапе периода D (сразу после пожара 1) происходит восстановление мегарона и строительство первых сакральных объектов: бассейна I и здания с портиками K (рис. 2). Этот комплекс мог существовать (согласно «субъективной» хронологии) немногим более 5–7 лет³⁰.

²⁵ Самые ранние культурные остатки, обнаруженные на неапольском плато, представляют собой следы неукрепленного поселения конца IV – начала III в. до н.э. (период F), относящегося к кизил-кобинской археологической культуре. Связь его с городищем в хронологическом и культурном плане полностью отсутствует.

²⁶ Зайцев. Неаполь Скифский... С. 10–12.

²⁷ Там же. С. 9 сл.

²⁸ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1992.

²⁹ Это были классический мегарон размером 25 × 9,6 м (при толщине стен 1,3 м) с двумя входами, с каменной скамьей-полкой и очагом, и прямоугольное в плане здание, от которого сохранился вырубленный в скале котлован (18 × 8 × 0,6 м). Судя по археологическим данным, оба дома накануне пожара были буквально переполнены родосскими, синопскими, хнидскими, коскими амфорами с вином, маслом и другими продуктами. В зданиях хранились богатые и исключительно разнообразные наборы гончарной, черно- и буrolаковой посуды, «мегарских» чашек, светильников, флаконов, керамических алтариков, финиатериев и терракот женских божеств. Богатейшему керамическому комплексу сопутствовали находки деталей штукатурки и мебели, бусы, фибула, золотые бляшки, железный портупейный крюк, другие металлические предметы (рис. 1).

³⁰ За это время вокруг мегарона, а также в котлованах полуподвала и соседних землянок накопился зольно-суглинистый слой небольшой мощности, насыщенный раздробленными костями животных и фрагментами разнообразных керамических изделий. Наибольшая их концентрация отмечалась локальными участками у восточного входа в мегарон, на дне подвала и в полуземлянках. Показательна комплектность керамических находок, часто представляющих собой археологически целые экземпляры: амфоры с обильным винным осадком, черно- и буrolаковые канфары, тарелки, чашки, в том числе «мегарские»,

Заключительная фаза эволюции дворца (D3) отмечена созданием единого архитектурного ансамбля сложной структуры площадью ок. 0,5–0,6 га. Центром комплекса по-прежнему оставался мегарон и закрытый двор – площадка, окруженные домами греческого типа и различными объектами культового, общественного и погребального назначения (здания с портиками, бассейны, алтарь, мавзолей)³¹.

Мавзолей (сначала – отдельно стоящее сооружение, превращенное затем в оборонительную башню³²) по единогласной оценке специалистов представляет собой уникальное явление в погребальной практике античного Северного Причерноморья. Недавний пересмотр материалов раскопок мавзолея позволил откорректировать наблюдения Н.Н. Погребовой и П.Н. Шульца³³ и выделить три основных этапа в процессе использования его погребального пространства³⁴. По мнению большинства исследователей, главное и наиболее раннее – это захоронение в каменной гробнице, многократно опубликованное и проанализированное³⁵. Несмотря на это, обращение к материалам данного комплекса привело к неожиданным результатам, принципиальное значение которых диктует необходимость повторного его описания³⁶.

Флаконы, лагиньсы, кухонные гончарные сковороды и кастрюли, алтарики, светильники, простая гончарная и лепная посуда. Таким образом, весь археологический контекст слоя позволяет предположить, что он накопился здесь в результате регулярных выбросов бытового мусора и «гастрономических отбросов» именно из мегарона.

³¹ К югу от здания Н располагался парадный двор, ограниченный «Восточным домом» и «домом Р» (рис. 2, 3). Западный сектор «хозяйственно-жилого блока» дворца (условное название северной части комплекса) постройкой не имел – насколько можно судить по раскопанной площади. Здесь накопился слой 30-летнего суглинка-гумуса с огромным количеством костей животных и керамики, заполнявший также все скальные выемки более ранних сооружений – подвала, бассейна, землянок. «Культовый блок» располагался в южной части комплекса, непосредственно перед крепостными воротами, и состоял из «здания с портиками Л», предполагаемого «здаяна 2, расположенного перед ним, и фундаментального алтаря в восточной части. Мавзолей – предполагаемое место захоронения обитателей Южного дворца, располагался в 50 м к югу от мегарона сразу за воротами (рис. 2, 3). Внутри мегарона при неизменном в целом устройстве за 20–22 года произошли существенные поэтапные изменения: смонтирован новый очаг, сооружена загородка, западная стена украшена фресковой росписью и т.п.

³² Шульц. Мавзолей... С. 12 сл. Строительный материал, использованный при возведении погребальной камеры, представлен целыми и в основном бракованными, но хорошо обработанными блоками и плитами. При этом многие треснутые и сколотые кадры, в том числе рустованные, оказались идентичны строительному материалу «здаяна с портиками Л» и других синхронных сооружений. Учитывая общепринятую современную широкую датировку мавзолея (вторая половина II в. до н.э.), этот факт можно объяснить одновременностью строительства всех объектов Южного дворца упомянутого горизонта. «Зданию с портиками Л», как наиболее парадному и значительному общественному сооружению, предназначался качественный и целый обработанный камень. Экземпляры более низкого качества (треснутые, обколотые, аморфной рассыпчатой структуры и т.п.) были использованы для монтажа внутренних панцирей погребальной камеры, скрытой от большинства посторонних глаз. Вместе с тем, наиболее обозреваемые южный и восточный фасады постройки выполнены из крупных известняковых плит в двухрядной орфостатной сложной технике (нижняя часть) и в постелисто-орфостатной (мозаичной) технике (верхняя часть и внутренние панцири).

³³ Шульц. Мавзолей... С. 35; Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96. С. 103–105.

³⁴ I этап – использование мавзолея для размещения двух наиболее знатных умерших – мужчины в каменной гробнице и женщины в саркофаге, сопровождаемых четырьмя конскими захоронениями и стратиграфически связанными с уровнем известнякового пола. См. Зайцев Ю.П. Мавзолей Неаполя Скифского // Археология. 1992. № 1. С. 96–97; он же. Верховная знать Неаполя Скифского (Новое исследование захоронения в каменной гробнице мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. II этап – появление плотной глинистой засыпи в восточной и западной частях погребальной камеры, где были устроены коллективные многоярусные могилы, располагавшиеся двумя параллельными рядами – у западной и восточной стен. Они представляли собой различные по ширине и жестко амортированные в глину деревянные ящики. По мере совершения захоронений более ранние остатки периодически перекрывались деревянными настилами. Центральную часть мавзолея в этот период занимали две одинаковые, но неодновременные могилы (дощатые гробы в суглинке), поверх которых накопился целый слой илеставшего дерева, перемешанных костных останков и инвентаря. III этап – деревянные узкие ящики с одиночными захоронениями у стен и группа почти безынвентарных погребений в юго-восточном углу.

³⁵ Шульц. Мавзолей... С. 25–28; Погребова. Ук. соч. С. 104.

³⁶ Зайцев. Верховная знать... С. 94–105.

Рис. 2. Южный дворец Неаполя скифского: 1 – план Неаполя скифского с обозначением расположения дворца; 2 – план и эскиз реконструкции «мегаронного поселка» периода E; 3 – план и поэтапные эскизы реконструкций Южного дворца периода D; 4 – реконструкция мегарона H; 5 – бассейн I; 6 – реконструкция мраморного гекатейона из мегарона H; 7 – известняковая герма Дитагойи (?) из мегарона H; 8 – реконструкция фасада «здания с портиками Л»; 9 – монументальный алтарь; 10 – рельеф «конного Палака»

В гробнице из восьми обработанных известняковых плит, установленных в скальном котловане³⁷, находились останки мужчины 40–50 лет (рис. 3). По бокам от костяка зафиксированы следы дерева (гроба?), а в разных местах на дне – следы белой ткани с тонкими красными полосками и остатки обильного золотого шитья. Инвентарь: у правого плеча – три золотые бляшки с антропоморфным изображением, обломки железных псалиев и наконечник дротика. На тазовых костях обнаружены бронзовые и железные детали двух поясных наборов, две фибулы – золотая ромбовидная с гнездами для вставок и серебряная «зарубинецкая типа». Справа у таза зафиксирован железный нож и ссеребряный чеканный футляр треугольной формы. В ногах и под ними размещалось три железных наконечника копий: здесь же находился разломанный на четыре-пять частей латенский меч в железных ножнах и массивное серебряное украшение. У левого колена обнаружено скопление втульчатых и черешковых железных наконечников стрел, а у южной стенки – раздавленный железный шлем «типа Пилос». На нем и под ним найдены две железные кольцевые пластины. Золотые спиральные ленты, обвитые вокруг истлевших шнуров, зафиксированы на длинных костях конечностей. Два бронзовых перстня с изображениями на щитках, украшали, очевидно, фаланги пальцев, а бронзовая «зарубинецкая» фибула, полностью аналогичная серебряной, находилась возле левого бедра. У правого колена была обнаружена бронзовая фибула-брошь с чеканным антропоморфным изображением на круглом щитке.

Самую многочисленную группу находок составляли более 800 золотых украшений, лежавших среди и поверх тазобедренных костей³⁸. Детальное исследование материалов позволило поставить под сомнение однозначную интерпретацию их скопления как украшения рукавов, подола кафтана и гипотетического горита³⁹. Если нашивные украшения с петлями и могли составлять отделку костюма, то основная масса бляшек может быть трактована иначе. Прежде всего, показательно их действительное расположение: хаотично, но компактной группой, вытянутой наискосок поверх костяка. Многие пластины и нашивки в несколько слоев перекрывали друг друга, стояли на ребре, были перевернуты и т.д. Треугольное «навершие», залегавшее на краю основного скопления, также оказалось перевернутым. Картину дополняет значительный процент аппликаций, совершенно не характерных для одежды. Все это позволяет предположить, что погребенного покрывало свернутое полотнище, может быть треугольной формы (штандарт?), увенчанное крупной рельефной пластиной (рис. 3). Его декор составляли либо все золотые фигурки, либо только аппликации; тогда нашивки могли украшать одежду.

Кратко представленная на этих страницах картина всего погребения позволяет построить простую логическую модель, с помощью которой возможно предпринять попытку определить статус, принадлежность и назначение Южного дворца Неаполя Скифского. Так, столичный характер Неапольской крепости во II в. до н.э. не вызывает сомнений. Вероятно, есть также основание предполагать, что Южный дворец

³⁷ Шульц, Мавзолей... С. 21, 23. Рис. 9.

³⁸ Скопление золотых украшений включает нашивки в виде рельефной звездочки с центральным гнездом для эмалевой вставки (20 шт.), в виде «почки» (22 шт.), «мухи» (20 шт.), «щита» с эмалевыми вставками в виде кружка и четырех полумесяцев (10 шт.), таких же «щитов», но без полумесяцев (11 шт.), 34 рельефные львиные головки с эмалевыми вставками глаз и дисками на цепочках, 346 трубочек-пронизей, 67 боченовидных бусин с рубчатými валиками по краю, а также три типа нашивок с петельками на оборотной стороне: 25 полушарных бляшек и по 21 бляшке с дисковидными подвесками на цепочках в виде простого полушария и умбона с точечным ободком по краю. Другая группа – аппликативные украшения со сплошным точечным орнаментом: 57 каплевидных, 13 малых и 3 больших треугольных пластинки, а также фигурки в виде «бегущей волны» – 69 правых и 41 левая. Интересен предмет треугольной формы, изготовленный из золотого листа, обжатого на жесткой основе по двум граням. С выпуклой лицевой стороны он украшен четырьмя рельефными полосами (рис. 3).

³⁹ Шульц, Мавзолей... Рис. 10 и табл. 1: реконструкция их расположения на подоле кафтана выполнена произвольно и лишена оснований.

имел особое значение в городской системе Неаполя времени Скилура и Палака; ничего подобного более пока неизвестно на других «варварских» памятниках региона. Мавзолей как место погребения обитателей дворцового комплекса является следующей ступенью модели, венчает которую захоронение в плитовой гробнице. Иначе говоря, очевидно, что в мавзолее Южного дворца Неаполя Скифского представлен уникальный факт захоронения «первого лица» Крымской Скифии второй половины II в. до н.э.

Действительно, уже 50 лет этот комплекс остается наиболее богатым и ярким среди синхронных погребальных памятников Крыма; сочетание исключительных признаков (формы погребального сооружения, его местоположения и соседства с богатейшим дворцовым комплексом) свидетельствует о неординарной личности умершего, которому были возданы высочайшие последние почести. Предположение о захоронении в мавзолее Скилура выдвинул еще П.Н. Шульц, в доказательство чему была приведена пластическая реконструкция М.М. Герасимова по черепу, сопоставленная с монетными и скульптурными изображениями⁴⁰. Н.Н. Погребова не согласилась с такой интерпретацией, приведя в доказательство более позднюю датировку комплекса этого погребения, которая должна была свидетельствовать о захоронении в каменной гробнице Палака⁴¹.

В свете подобных разногласий решающее значение приобретает уточнение датировки всего комплекса инвентаря в сочетании с общими закономерностями эволюции дворца. Как уже отмечалось, мавзолей строился явно не по факту смерти, а заранее – во время генеральной реконструкции всего дворцового комплекса на втором этапе периода D (по «субъективной» хронологии – ок. 125 г. до н.э.)⁴². Латенский меч в железных ножнах со скобой и бутеролью относится к фазам C1a–C2 (241–116 гг. до н.э.) по европейской периодизации, при этом другой подобный меч из мавзолея М.Б. Шукин датирует временем, близким к 180-м годам до н.э.⁴³ Шлем находит аналогии в прикубанских комплексах (Ахтанизовка, Дачи) второй половины – конца II в. до н.э.⁴⁴ Фибула-брошь имеет типологическое сходство с такими же предметами из богатых захоронений Таманского полуострова, относящихся ко времени от середины до конца II в. до н.э. Более того, во Второй гробнице Артюховского кургана, который датируется 140–125 гг. до н.э.⁴⁵ аналогичный предмет найден также на тазовых костях богатого мужского погребения. «Зарубинецкая» фибула наиболее суммарно может быть датирована II–I веками до н.э.⁴⁶, однако, применительно к Северному Причерноморью, появляется все больше данных для того, чтобы ограничить время их бытования II в. до н.э.⁴⁷ И наконец, железные втульчатые стрелы удлинненных пропорций также теперь относятся в основном к III–II вв. до н.э.⁴⁸ Не менее показателен и тот факт, что подавляющее большинство коллективных погребений мавзолея следующего, второго этапа содержало характерные наборы керамических сосудов, украшений и золотых изделий, точные аналогии которым в изобилии известны в культурных отложениях дворца периодов E–D (ок. 135–108 гг. до н.э.) и практически отсутствуют в более позднем слое периода C 3 (рубеж II–I вв. – середина I в. до н.э.)⁴⁹.

⁴⁰ Шульц, Мавзолей... С. 65.

⁴¹ Погребова. Ук. соч. С. 179.

⁴² Зайцев. Неаполь Скифский... С. 10.

⁴³ Шукин М.Б. О галатах и дате декрета в честь Протогена // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 102; он же. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 139.

⁴⁴ Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. 1909. 29. Рис. 48.

⁴⁵ Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 8.

⁴⁶ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып. Д 1–30. М., 1966. С. 17 сл.

⁴⁷ Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3. С. 202 сл.

⁴⁸ Дзис-Райко Г.А., Суничук В.Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 154; Дашенская. Ук. соч. С. 34.

⁴⁹ Зайцев. Хронология... Рис. 6, 7.

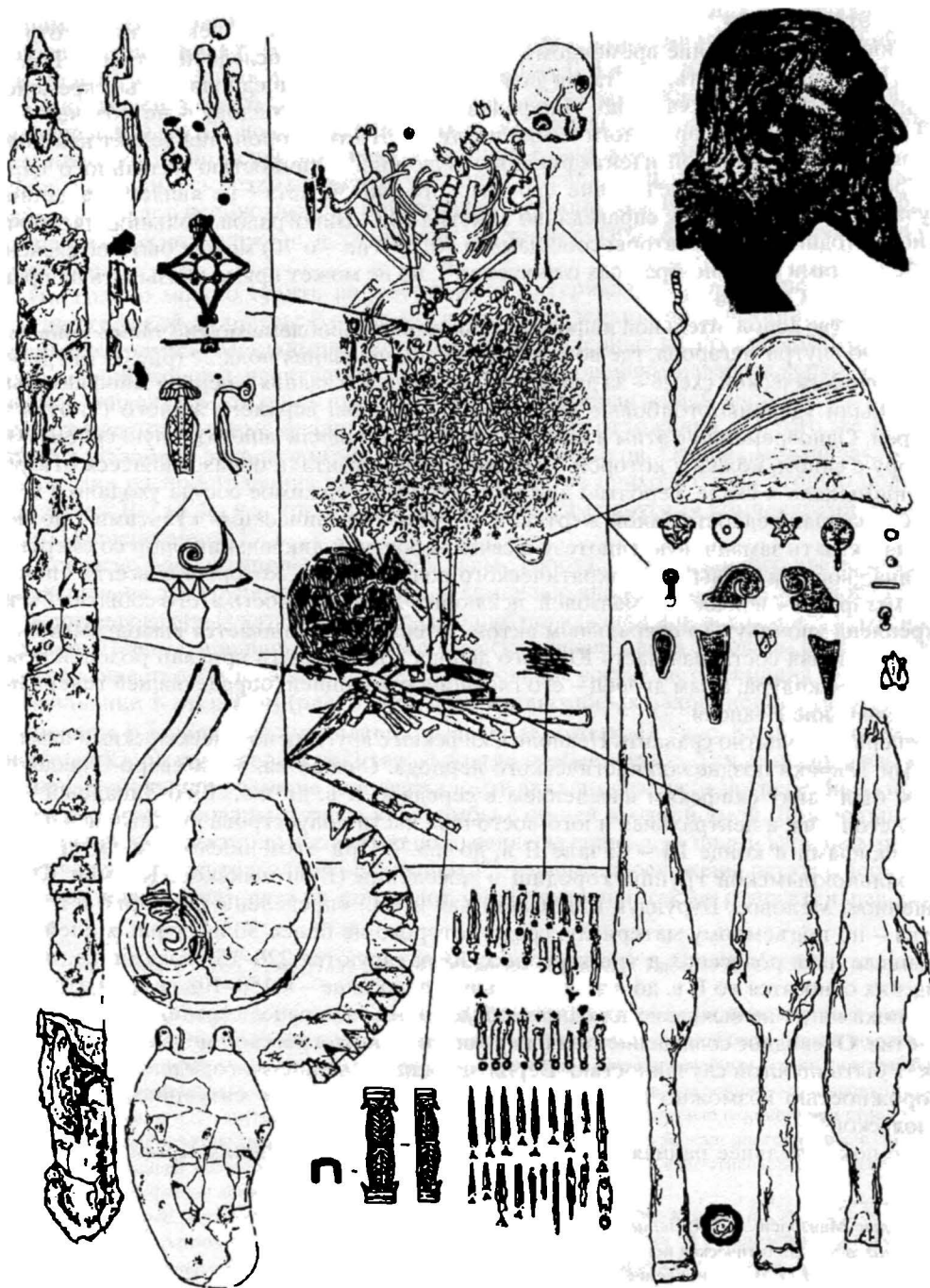

Рис. 3. Материалы захоронения в каменной гробнице мавзолея – предполагаемого Скилура. Реконструкция лица по черепу (автор М.М. Герасимов)

Все это, кажется, позволяет в данном случае исключить I век до н.э. и отдать решающее предпочтение временному отрезку в пределах последней четверти II в. до н.э.⁵⁰ Нетрудно заметить, что такая датировка совпадает с предполагаемым временем смерти Скилура накануне войн Диофанта (по Ю.Г. Виноградову – не позднее 114/113 г. до н.э.⁵¹), а весь археологический контекст этого захоронения делает наиболее вероятной и заманчивой идентификацию мужчины с личностью названного царя. Антропологическое определение его возраста (40–50 лет)⁵² не является в данном случае препятствием: как справедливо заметил Ю.Г. Виноградов, большое число его сыновей (одни древние авторы сообщают о 50, другие – о 70) может быть объяснено особенностями семейно-брачных отношений⁵³, но не может прямо указывать на преклонные годы Скилура.

В качестве дополнительной информации по данной проблеме можно также привести ситуацию внутри мегарона, где во время функционирования пола 22 (рис. 1) (по дробной хронологической схеме – за два года до разрушения здания в период Диофантовых войн) были удалены столбовые конструкции – опоры верхнего жилого (?) этажа-галереи. Одновременно с этим в ямку за очагом установили запечатанную синопскую амфору с вином, ножка у которой была аккуратно отбита, а образовавшееся отверстие примыкало к скале, вероятно для того, чтобы содержимое сосуда уходило в землю. Очевидная редкость такой жертвы и ее связь с хтоническими культами⁵⁴ позволяет высказать заманчивую гипотезу о связи вероятной ликвидации опор со смертью хозяина дворца и главы аристократического рода Скилура, который навсегда «покинул» мегарон и «перешел» в мавзолей; исключительная важность этого события была закреплена упомянутым сакральным актом. Отсюда напрашивается вывод: мавзолей как важнейшая составная часть Южного дворца должен быть признан родовой усыпальницей Скилура, а сам дворец – его главной резиденцией, определявшей генеральное назначение Неаполя.

Теперь любопытно сравнить Неаполь Скифский с другими позднескифскими памятниками Таврики позднеэллинистического периода. Считается, что Северо-Западный Крым был занят скифским населением в середине II в. до н.э., Юго-Западный – к концу столетия, а центральная и юго-восточная части полуострова осваивались поздними скифами в конце III – начале II в. до н.э.⁵⁵ При этом последние датировки центральнокрымской группы городищ и поселений (Булганакское, Кермен Кыр, Вишенное, Меловое, Бурундук Кая, Сары Кая и т.д.) определены суммарно и почти всегда – по подъемному материалу, среди которого не более 30 аморфных клейм, в том числе пять родосских и три херсонесских датируются 220–150 годами н.э., пять кинидских относятся ко II в. до н.э., а остальные родосские – к 150–108 гг. до н.э.⁵⁶ При этом пока нигде не выявлено ни одного объекта, ни слоя ранее середины указанного столетия. Очевидное совпадение такой картины и хронологической модели Неаполя не может быть простой случайностью. Вероятно, для большинства городищ с известной осторожностью возможно предполагать стратиграфическую ситуацию, подобную неапольской⁵⁷.

Еще показательнее ранняя группа позднескифских захоронений Крыма: согласно

⁵⁰ Шульц. Мавзолей... С. 24; Зайцев: Верховная знать... С. 100.

⁵¹ Виноградов. Политическая история. С. 249.

⁵² Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М., 1955. С. 561.

⁵³ Виноградов. Политическая история... С. 249 сл.

⁵⁴ Попова Е.А. Позднескифские жертвенники с городища Чайка // СА. 1990. № 3.

⁵⁵ Дашевская. Ук. соч. С. 42 сл.

⁵⁶ Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. II. Симферополь. С. 30; Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии (в печати). С. 35–41.

⁵⁷ Неапольский слой наряду с массовым материалом второй половины II в. до н.э. содержит и более ранние аморфные клейма, чему может быть дано несколько вероятных объяснений, изложение которых выходит за рамки данной работы.

самым современным хронологическим разработкам, среди них не выявлено ни одного погребения, которое бы однозначно датировалось временем ранее середины II в. до н.э.⁵⁸, а большая их часть отнесена к концу II—I вв. до н.э.

Сопоставление этого факта с традиционной датой возникновения позднескифской культуры Крыма (конец III – начало II в. до н.э.) демонстрирует парадоксальную ситуацию, когда не менее полувека население Крымской Скифии не имело могильников и обходилось без захоронения умерших. Очевидное противоречие таких сравнений показывает необходимость критического обзора самых ранних позднескифских погребальных комплексов и уточнения их хронологической связи с населенными пунктами.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, древнейшие захоронения позднескифской культуры Крыма могут быть выделены по сочетанию нескольких основных признаков и взаимовстречаемости определенных категорий инвентаря⁵⁹. Все они, с одной стороны, практически синхронны захоронениям мавзолея первого-второго этапов (инвентарь которых прочно «увязан» с периодизацией дворца), а с другой – имеют многочисленные аналогии среди находок из отложений все того же Южного дворца Неаполя Скифского (рис. 1) и других памятников. Отсюда можно заключить, что «пик» распространения упомянутых предметов приходится на вторую половину II – рубеж II—I вв. до н.э., что подтверждается многими другими комплексами из Северного Причерноморья⁶⁰.

Согласно общей типологии, погребальные сооружения указанного времени можно разделить на две группы: подкурганые каменные ящики-склепы вторичного использования и грунтовые катакомбы, образующие могильники или впущенные в курганные насыпи. Первые, при широком хронологическом диапазоне, в основном содержат большое количество захоронений (до 175); исключение составляет кремация 3–4 человек в могильнике Капак-Таш (рис. 6, 1)⁶¹. Для катакомбных захоронений, тяготеющих в основном к городищам и поселениям (Неаполь, Битак, Беляус, Кульчук, Димитрово, Кермен Кыр), характерны некоторые другие особенности⁶². Так, большинство камер имело небольшие размеры и содержало от двух до двадцати погребенных, неоднократно зафиксированы парные катакомбы с общей входной ямой. Для большинства захоронений характерно вытянутое положение на спине, с разными вариантами размещения рук и ног и различной ориентацией⁶³, изредка прослежены остатки деревянных гробов, колод, органических подстилок. Показательны также относительная скром-

⁵⁸ Дашенская. Ук. соч. С. 43; Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 43–45; Пуздровский. Население... С. 8, 18.

⁵⁹ В нее входят античная керамика (веретенообразные флаконы, канфары, блюда, «мегарские» чашки, лагиносы, чашки с горизонтальной ручкой, некоторые другие формы столовой буролаковой посуды), среднелатенские и «зарубинецкие» фибулы, характерные металлические портупейные крюки, поясные бляхи и пряжки с неподвижным выступающим язычком, пластинчатые «наконечники ремней» – оконцовки треугольных чехлов-ножен (?), другие детали поясных наборов, втульчатые железные наконечники стрел и копий, разнообразные золотые украшения и бусы, некоторые типы бронзовых зеркал, многовитковые спиральные браслеты и кольца, концы которых часто особым образом оформлены в виде стилизованных змеиных голов, определенные формы лепных сосудов (рис. 4–7).

⁶⁰ Максимова. Артюховский курган; она же. О дате Артюховского кургана // СА. 1960. № 3; она же. Еще раз о дате Артюховского кургана // СА. 1967. № 2; она же. Заметка об ахтанизовском кладе // КСИИ. 1969. № 116; Парович-Пешикан М.Б. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974; Дашенская О.Д., Михлин Б.Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. № 3; Михлин. Фибулы...

⁶¹ Колотухин В.А. Отчет о раскопках в горном Крыму в 1980 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. № 253. Приношу искреннюю благодарность В.А. Колотухину за разрешение использовать неопубликованный материал.

⁶² В эту же группу входят и некоторые вторично использованные греческие склепы Северо-Западного Крыма: см. Михлин Б.Ю., Бирюков А.С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.

⁶³ Пуздровский. Население Крымской Скифии... С. 33 сл.

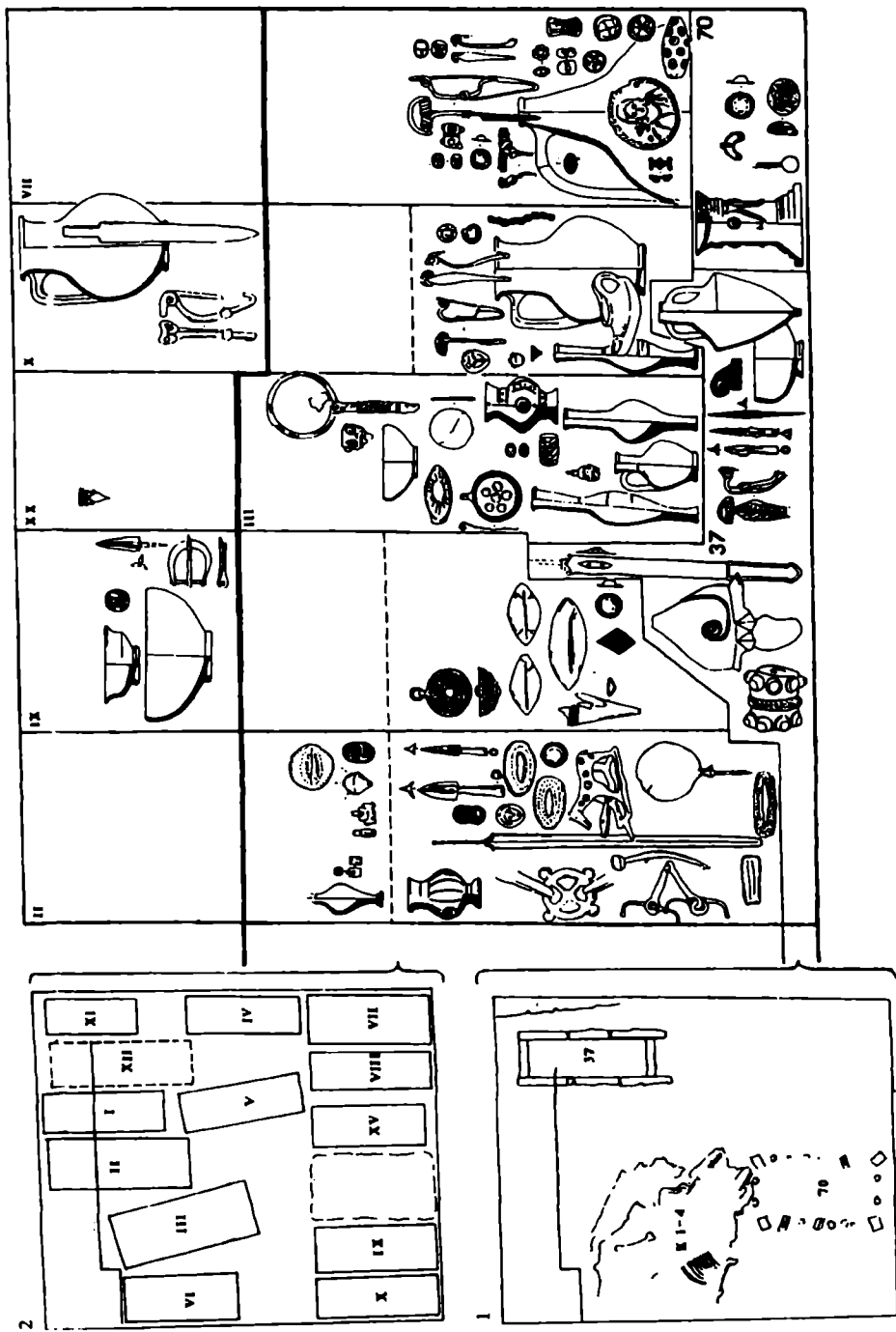

Рис. 4. Хронологическое соответствие некоторых находок из погребений мавзолея: 1 — первый этап; 2 — второй этап

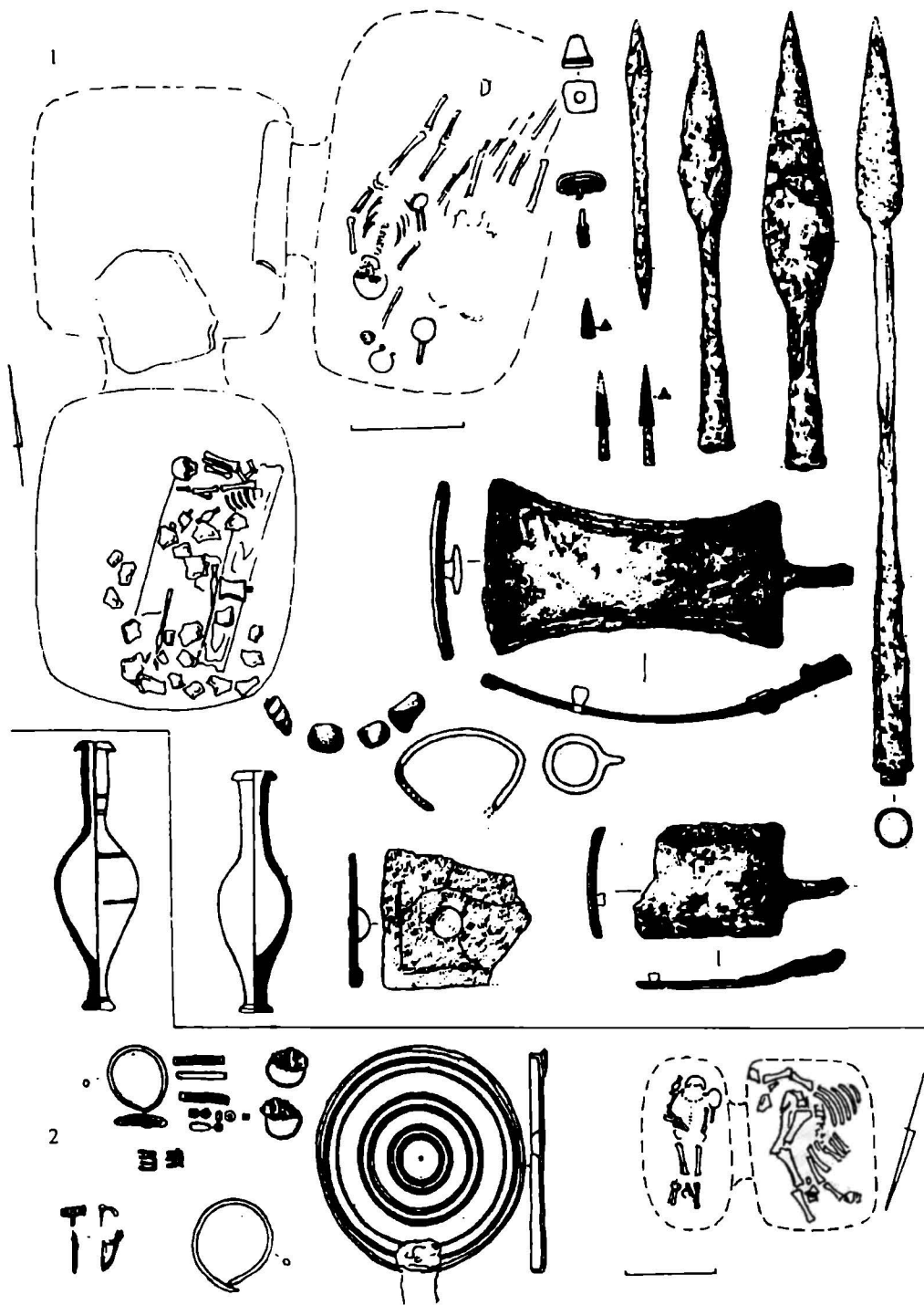

Рис. 5. Некоторые комплексы Восточного некрополя Неаполя скифского: 1 – склеп 39; 2 – могила 21

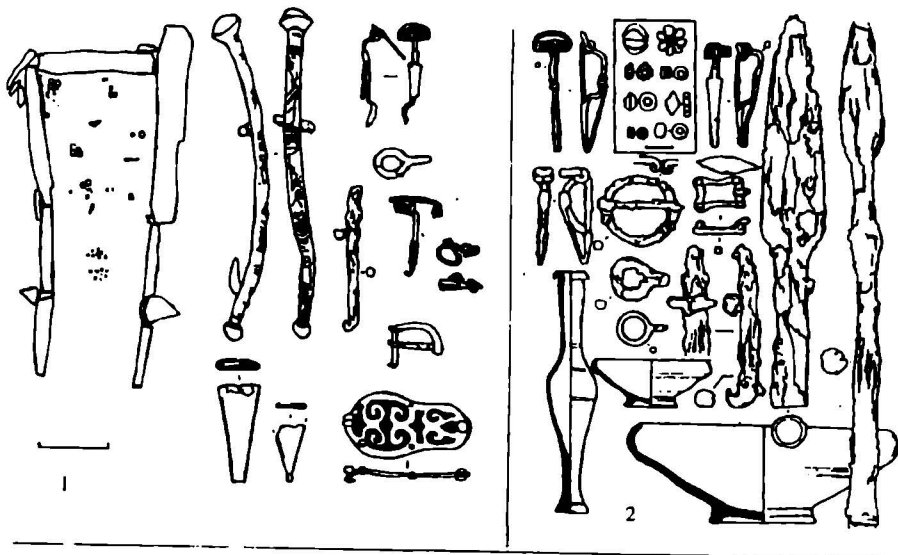

Рис. 6. Некоторые погребальные комплексы Центрального и Северо-Западного Крыма: 1 – склеп 1 кургана 1 могильника Капак Тауш; 2 – склеп 8 кургана у городища Кермен Кыр; 3 – склеп 90 некрополя Беяуса

ность и ограниченная комплектность погребального инвентаря (большинство костяков сопровождалось одним–тремя предметами, довольно часто и совсем безынвентарные), сравнительная редкость керамики (при этом часть сосудов – туалетные флаконы, курильницы и светильники), ограниченность предметов вооружения при частой встречаемости воинской гарнитуры (ременных наборов, портупейных крюков, поясных блях, наконечников ножен) (рис. 5, 6).

Сопоставление этих погребальных комплексов с материалами Неаполя и других памятников Крымской Скифии позволяет сделать вывод о кратковременном формировании основных компонентов «позднескифской» культуры Крыма около середины II в. до н.э., что создает впечатление своеобразного демографического взрыва, охватившего Центральный и Северо-Западный Крым. Противоречие подобных рассуждений с традиционными концепциями формирования Крымской Скифии очевидно, что делает необходимым их согласование с новейшими исследованиями по синхронной этнополитической истории Центральной и Южной Евразии.

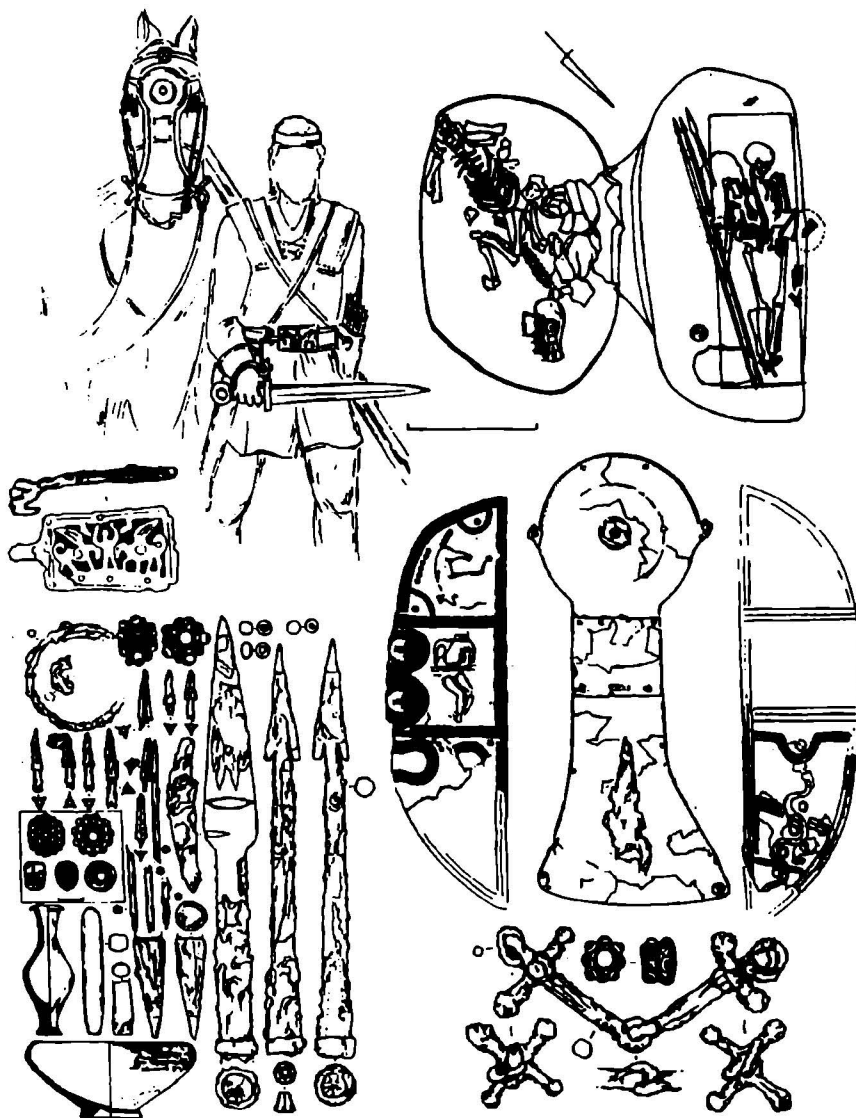

Рис. 7. Воинское погребение в кургане у с. Чистенькое

«Порожденная действиями хуннов в Центральной Азии, волна движения кочевников, отголоском которой были события в Бактрии и Парфии, покатились, возможно, и дальше на запад и затухла в причерноморских степях... Отмечено... приблизительно во II в. до н.э. появление новых памятников в районах Южного Казахстана, Средней Азии... перемены в Центральном Казахстане. В Минусинской котловине происходит смена саргашенского этапа на теснинский»⁶⁴. В начале II в. до н.э. оформился мощный племенной союз во главе с сираками в Прикубанье, где локализуется царство Гатала⁶⁵.

⁶⁴ Шукш. На рубеже эр. С. 140 сл.

⁶⁵ Скрипкин А.С. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах алтайского и доно-уральского регионов в последние века до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск. 1993. С. 6–8.

«Исследования по хронологии сарматской культуры позволяют утверждать, что увеличение кочевого населения в степях между Доном и Южным Уралом начинается со II в. до н.э., причем апогей этого процесса приходится скорее всего на его середину. Именно с этого времени начинается освоение сарматами бывшей территории Великой Скифии, ощущается активизация кочевников на Кубани. С новыми кочевниками сармато-массагетского круга может быть сопоставлено распространение с середины II в. до н.э. на Северном Кавказе катакомбного обряда захоронения... События II в. до н.э., охватившие значительную часть евразийских степей: активизация хуннов на востоке, хунно-юэчжийский конфликт, падение Греко-Бактрии, появление новых группировок кочевников в степях от Южного Урала, захват сарматами территории Скифии – взаимосвязаны между собой и представляют звенья одной цепи»⁶⁶.

«В последние века до н.э. на территории Предкавказья формировались племенные союзы включавшие как кочевое, так и оседлое население... Материалы грунтовых катакомбных могильников... показывают, что на смену определенной стабильности, характерной для скифского времени... приходит культура с чрезвычайно неустойчивым набором признаков. Это и 27 видов катакомб, и неустойчивость ориентировки погребенных, и разнообразие форм керамики, в том числе и ритуальных сосудов. Все эти неустойчивые признаки наиболее проявляются именно в ранний период существования могильников II–I вв. до н.э., когда, по-видимому, только началось оформление новых черт этой культуры»⁶⁷.

Н.И. Сокольский связал гибель таманского толоса на азиатском Боспоре в середине II в. до н.э. с усилением натиска варварских племен с востока, которым могли предшествовать отдельные вторжения, обрушившиеся на восточную часть азиатского Боспора, а последующее восстановление на его месте укрепленного поселения в 20-х годах II в. до н.э. – с приходом аспургиан, выходцев из меото-сарматской среды⁶⁸. На европейском Боспоре, согласно В.П. Толстикovu, первой половиной – серединой II в. до н.э. может быть датировано разрушение недостроенного(?) дворца Спартокидов на акрополе Пантикалея⁶⁹. Примерно в это же время в Восточном Крыму появляются катакомбные могильники типа открытых в некрополе Золотое⁷⁰.

Приведенные факты позволяют предположить, что формирование «позднескифской» археологической культуры Крыма и синхронное возникновение царства Скилура – явления одного порядка, порожденные мощным восточным импульсом первой половины – середины II в. до н.э., а направление этого импульса, помимо прочего, маркируют характерные катакомбные могильники Северного Кавказа⁷¹ и Боспора⁷².

Такая постановка вопроса, вероятно, может послужить достаточно весомым основанием для корректировки истории царства Скилура и делает весьма актуальной проблему соотношения этой личности с конкретным этносом или народом. Обряд и инвентарь его предполагаемого захоронения, совершенно нетипичные для Крыма, прямо указывают на районы Прикубанья и Таманского полуострова⁷³, в связи с чем пристальное внимание необходимо обратить на одну деталь. Явные следы лобной искусственной деформации черепа из каменной гробницы мавзолея⁷⁴ (редчайший

⁶⁶ *Ждановский А.М.* К истории сиракского союза племен (По материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // *Дон и Северный Кавказ в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 1990: *Яценко С.А.* Сиракский союз в Прикубанье (Проблемы увязки археологических и письменных источников) // *Древности Кубани*. Краснодар, 1991. С. 108.

⁶⁷ *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время. М., 1993. С. 104–106.

⁶⁸ *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 89.

⁶⁹ *Толстикov В.П.* Пантикапей – столица Боспора // *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 1992. С. 84.

⁷⁰ *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. Киев, 1983.

⁷¹ *Абрамова*. Ук. соч. С. 22–24.

⁷² *Корпусова*. Ук. соч. Табл. V, IX, XXIII, XXIV.

⁷³ *Максимова*. Артюховский курган. С. 9 сл. Рис. 20, а также см. библиографию; *Эрлих В.Р.* О местной группе бронзовых шлемов Закубанья // *Древности Кубани*. Краснодар, 1991.

⁷⁴ *Герасимov*. Ук. соч. С. 560.

случай для периода позднего эллинизма) сопоставимы с предположением С.А. Яценко о существовании такого обычая среди немногочисленного царского клана сираков, которое основано на сообщении Зинобия о «выборах» сиракских царей из числа самых длинноголовых⁷⁵. Не свидетельствует ли это о том, что Скилур был выходцем из аристократического рода сираков Прикубанья?

Вне всякого сомнения, мощный миграционный поток прокатился по территориям, заселенным «скифами» древних авторов. Однако население предгорного Крыма конца III – первой половины II в. до н.э., как уже было отмечено, достоверно по археологическим материалам почти не зафиксировано. Возможно, с автохтонными жителями Таврики связаны упомянутые коллективные погребения в подкурганых каменных ящиках-склепах, но это предположение требует специального обоснования.

Примечательно, что близкая ситуация в этот же период сложилась в северо-причерноморских степях, где «фиксируется... протекание жизненных процессов в течение III – начала II в. до н.э. в каких-то совершенно угнетенных формах, отразившихся в крайне незначительных археологических следах»; основной причиной этого предполагаются глобальные природно-климатические изменения⁷⁶.

В этой связи «восточный фактор» мог стать мощным катализатором этнополитического и демографического импульса, незамедлительно отразившегося на всей исторической ситуации Северного Причерноморья. События этого периода, связанные с зарождением «позднескифского» государства, могут быть проиллюстрированы упомянутыми неапольскими материалами.

«Докрепостной» период существования памятника, очевидно, отражает состояние стихийного освоения нового места обитания: более или менее отчетливо прослеживаются две стадии этого процесса – последовательное появление усадебных структур и разнотипной «внеусадебной» застройки. Тогда же, вероятно, наметился столичный характер «прото-Неаполя», выразившийся в формировании «аристократического квартала». Появление же оборонительных стен стало реакцией на быстрое нарастание военной угрозы, ярким свидетельством которой является катастрофический пожар, охвативший населенный пункт приблизительно в 135–130 годах до н.э. Политическая обстановка в Северном Причерноморье позволяет связывать его с вероятным сарматским разгромом, в связи с чем любопытно напомнить новеллу Полиена об Амаге⁷⁷, повествующую о внезапном захвате сарматской конницей скифской ставки, убийстве царя, угрожавшего Херсонесу, и передаче власти его сыну. Из широкого диапазона датировок этого легендарного события⁷⁸ привлекает внимание позиция Я. Харматты, который отнес его к середине – второй половине II в. до н.э.⁷⁹ Легко заметить, что такая дата совпадает с хронологией неапольского пожара I и соответствует последним разработкам проблемы датировки сарматского вторжения в Северное Причерноморье⁸⁰. С другой стороны, идеализированный жанр новеллы не позволяет привлекать ее в качестве полноценного достоверного источника: возможно, в ней отражены лишь общие исторические тенденции, что делает предельно проблематичными любые хронологические привязки. В любом случае возникает заманчивое предположение: не был ли «мегаронный поселок» ставкой, главным объектом нападения, упомянутого древними источниками? В этом случае сыном убитого царя мог быть Скилур.

В другом варианте события могут быть реконструированы при помощи известного неапольского посвящения ольвиополита Посидея Ахиллу, поставленного в благодар-

⁷⁵ Яценко. Ук. соч. С. 109.

⁷⁶ Полиен. От Скифии к Сарматии. С. 111–113.

⁷⁷ Polyen. VIII. 56.

⁷⁸ Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. XXXII. С. 5–9; Гракон Б.Н. Каменское городище. М., 1954. С. 27; Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 128 сл.; Пуздровский. Население Крымской Скифии... С. 14.

⁷⁹ Harmatta J. Studies on the History of Sarmatians // Acta Arch. Ant. Acad. Hungaricae. 1970. 17–18.

⁸⁰ Полиен. От Скифии к Сарматии. С. 113.

ность за победу над пиратствующими сатархеями⁸¹. Упоминаемый в ней народ (сатархи – тохары – тафрии⁸²) локализуется в Северном Приазовье и признан весьма воинственным кочевым племенем азиатского происхождения, проникшим в Северное Причерноморье через Прикубанье и Северный Кавказ⁸³. Его враждебность к подданным Скилура, зафиксированная названным эпиграфическим документом, позволяет именно в сатархах видеть первых захватчиков Неаполя и других населенных пунктов Крымской Скифии.

Археологическая «неуловимость» этого этноса до недавнего времени делала предельно гипотетичными все рассуждения на указанную тему. Однако теперь ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. В 1994 г. в Центральном Крыму было раскопано подкурганное впускное захоронение (вторая половина II в. до н.э.) воина с верховым конем (рис. 7)⁸⁴. Катакомба IV типа в совокупности с юго-западной ориентировкой нетипична для крымских территорий и, по мнению исследователей, является достаточно выразительным признаком сарматских культур Предкавказья и сопредельных территорий⁸⁵. Сочетание пластинчатого налобника и крестовидных псалиев также характерны для Прикубанья и Северного Кавказа⁸⁶. Однако особый интерес здесь представляет пара бронзовых чеканных нащечников, единственными и самыми прямыми аналогиями которым могут быть названы пластины из «клада» у с. Бубучь (окрестности г. Кишинева). Центральноевропейское происхождение этих предметов однозначно признано всеми исследователями⁸⁷, но, с другой стороны, они входят в состав одного из «комплексов с пластинчатыми налобниками», сарматских по принадлежности, в которых также присутствуют крестовидные псалии северокавказских типов и специфические воинские комплекты⁸⁸. На основании этих данных крымский комплекс по праву может быть включен в число таких своеобразных памятников и предположительно определен как погребение завоевателя-сатарха.

Превращение Неаполя после разгрома в большую «дворцовую» крепость, практически лишенную застройки, и кардинальные преобразования дворцового комплекса, происходившие параллельно с постоянным усовершенствованием оборонительных стен⁸⁹, могли быть одновременно и адекватной реакцией на внешнюю угрозу и своеобразным отражением стремительных достижений Скилура в области внутренней и внешней политики. Создание в кратчайшие сроки пусть даже подобия Государственного образования, упрочение династических связей с Боспором⁹⁰, ольвийский протекторат с чеканкой собственной монеты⁹¹, военный конфликт с Херсонесом – этот неполный перечень основных внешнеполитических достижений Скилура демонстрирует незаурядную во всех отношениях личность исторического масштаба. Заслуженный и небывало высокий авторитет Скилура способствовал, очевидно, формированию особой идеологической атмосферы его царствования. Вся совокупность элементов неапольского Южного дворца может продемонстрировать абсолютное главенство цар-

⁸¹ Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. III. С. 39.

⁸² Библиографию см. Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1.

⁸³ Там же. С. 139–141.

⁸⁴ Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени из предгорного Крыма // Археология Крыма. 1996. № 2.

⁸⁵ Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья. – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 78; Абрамова. Ук. соч. С. 102 сл.

⁸⁶ Абрамова. Ук. соч. Рис. 24, 25; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. Табл. 99, 3.

⁸⁷ Полин. От Скифии к Сарматии. С. 64 сл.; Шукин. На рубеже эр. С. 98 с.

⁸⁸ Полин. От Скифии к Сарматии. С. 103 сл.

⁸⁹ Колтухов С.Г. Новые материалы к перниодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 1. С. 187.

⁹⁰ Виноградов. Вотивная надпись... С. 85.

⁹¹ Фролова Н.А. Монеты скифского царя Скилура // СА. 1964. № 1. С. 44–55; Виноградов. Политическая история... С. 240 сл.

ского рода, доведенное до высшей точки – обожествления верховного вождя (Скилура) со всеми вытекающими последствиями. «Институт царей на ранних этапах его истории – явление не столько политической, сколько ритуальной сферы. От царя, по представлениям древних, зависело благополучие возглавляемого им коллектива, что... зависело от точности исполнения им определенных ритуальных действий... Именно "правильность" подобных действий... обеспечивала, с позиций архаического сознания, регулярную смену времен года, плодородие почвы, приплод скота и иные факторы материального благосостояния общества, защищало территорию социума от внешней опасности, сохраняло стабильность социальной организации... Иными словами, ритуальная деятельность царя была направлена на сохранение космического и социального порядка во всех его аспектах»⁹².

В связи с этим необходимо обратить внимание на штандарт(?) из каменной гробницы мавзолея: еще П.Н. Шульц указал на комплектность украшавших его золотых нашивок и аппликаций, представляющих «...сочетание образов, связанных с небом (звезды), с водой (волна), с землей (растительный мотив – бутон). Наряду с этими имеются атрибуты, связанные с человеком (щиты); львиные головки с подвесками могли иметь символическое значение "оберега" и вместе с тем они подчеркивали силу и власть покойного»⁹³. При явной условности подобных рассуждений все же очевидно, что такая комплектность имела глубокий сакральный смысл; может быть, на гипотетическом «стяге» было составлено сложное изображение космогонического характера, отражавшее роль и место покойного в общественной и культовой жизни?

В аспекте «царского» культа особенно показательны также структура и внутреннее устройство мегарона, наличие фундаментальных и сложных культовых объектов, максимальная концентрация соответствующей атрибутики всех уровней – от дорогостоящих уникальных рельефов, скульптур и посвящений до многих десятков керамических алтариков и лепных курильниц. Вероятно, некоторые церемонии были связаны с бассейнами: прослеженная de facto концентрация дождевой воды, покрывающей знаковые изображения, позволяет предполагать сезонные астрально-календарные празднества, связанные, может быть, с культом плодородия. Термический контекст здания с портиками показателен в плане сближения различных культов: героизированных вождей (рельефы «Скилура» и «Палака» (рис. 2), конная статуя Скилура, рельефы всадников)⁹⁴ и богов греческого пантеона, почитание которых сопровождалось многочисленными votivными приношениями. Полностью согласуется с «культом правителей» и смысловое назначение мавзолея как заранее подготовленного места захоронения обожествленного владыки⁹⁵.

Другими словами, Южный дворец – родовая резиденция и ставка Скилура, определяющие генеральное назначение Неаполя, – был и главным центром официального «династийного» культа. В его границах была сформирована особая «дворцовая» разновидность позднескифской материальной культуры, свойственная верховной знати и имевшая ярко выраженный синкретический греко-варварский характер.

Значительная эллинизация аристократии Южного дворца, кроме всего прочего, была следствием прямых, постоянных и самых тесных контактов с представителями греческой торговой и политической элиты⁹⁶. Так, одно из ведущих мест в жизнедеятельности дворца занимал известный ольвиополит Посидей – весомая политическая фигура в скифо-ольвийских отношениях, предполагаемый скифский наварх, торговец и советник, «правая рука» Скилура, многократно устанавливавший от своего имени

⁹² Антонова Е.В., Раевский Д.С. «Богатство» древних захоронений (К вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 161 сл.

⁹³ Шульц. Мавзолей... С. 22.

⁹⁴ Он же. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // КСИИМК. 1946. 12. С. 56.

⁹⁵ Он же. Мавзолей... С. 56.

⁹⁶ Сипрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 204; *Виноградов*. Вотивная надпись... С. 85 сл.; он же. Политическая история... С. 242 сл.

статуарные посвящения в дворцовом здании с портиками⁹⁷. Также привлекают внимание упоминания Евмена⁹⁸ и Хреста – имя последнего было нацарапано на тулове лагиноса с формулой ХΑΙΡΕ. Общеизвестен и факт династических браков между представителями царствующих домов Спартокидов и Скилура, получивший в Неаполе новые подтверждения.

Несмотря на то что нижний этаж мегаронного зала предположительно использовался для регулярных культовых церемоний и пиров, здесь «господствовали» хтонические женские божества – Геката (мраморная призматическая герма), Кибела, Деметра, Кора-Персефона (крупные полихромные терракотовые статуэтки) (рис. 1, 8). Их присутствие в церемониальном жилище знатного аристократического рода имело глубокий смысл: общеизвестно особое почитание родового или семейного очага, олицетворенного в образе женщины-«хозяйки». В подобных случаях имели место тесное слияние и трансформация культов огня, плодородия, магии, апотропеев⁹⁹. В конкретном же случае обращает на себя внимание чисто греческая форма их проявления в виде скульптур, терракот, алтариков.

Особый интерес представляет самое крупное изваяние неизвестного женского божества – известняковая герма (рис. 2, 7). Для атрибуции этой скульптуры большое значение имеют материалы святилища пантикапейского акрополя, где было найдено посвящение Дитагойе от имени Сенамотис, дочери царя Скилура¹⁰⁰. Исследователь святилища В.П. Толстиков полагает, что здесь находился богатый культовый комплекс Артемиды-Гекаты, предназначенный для представителей социальной верхушки Пантикапея. Им же была высказана точка зрения о том, что Дитагойей, которой адресовано обращение Сенамотис, была самым могущественным негреческим женским божеством, особо почитавшимся представительницей высшей варварской знати. А сущность этой ранее не известной богини оказалась настолько близка Артемиде-Гекате, что в конкретном случае произошло их слияние до уровня трех ипостасей (Артемиды-Гекаты-Дитагойей)¹⁰¹.

Упомянутые факты и рассуждения позволяют, с известной осторожностью, сделать вывод: неапольская герма изображает Дитагойю – главное родовое женское божество неапольской верховной знати, наиболее могущественную покровительницу всех женщин, связанных узами родства с царской фамилией, населявшей Южный дворец. Авторитет этой богини был настолько велик, что царевна Сенамотис, после замужества попавшая в иную культурную среду и, надо думать, приближенная ко двору Перисада, сохранила ей приверженность и даже обратилась с просьбой «государственной важности»¹⁰². При этом жертвенный стол – трапеза с посвящением был установлен в богатом святилище Артемиды-Гекаты. Логично предположить, что в жены представителям царствующего рода Крымской Скифии предназначались знатные боспорянки, «заселившие» Южный дворец наиболее почитаемыми греческими божествами своего круга – Гекатой, Деметрой, Кибелой. Здесь, как и в Пантикапее, имело место сосуществование функционально близких Великих Богинь, представляющих различные религиозные системы. И если в первом случае варварское божество было внедрено в греческий пантеон, то во втором получилось наоборот – пришельцами оказались эллинские богини, а «хозяйкой» – Дитагойя.

Переходя от частных вопросов к общим и подводя итог, можно сделать вывод: археологические исследования в Центральном Крыму свидетельствуют о формировании качественно новой, специфической материальной культуры и одновременно о государственном образовании с ярко выраженными характерными чертами. Один из

⁹⁷ Соломоник. Эпиграфические памятники... С. 35–40.

⁹⁸ Она же. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. 1958. XXVIII. С. 310.

⁹⁹ Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 28–30; *Высотская*. Неаполь... С. 157–160.

¹⁰⁰ *Виноградов*. Вотивная надпись... Рис. 1, 2.

¹⁰¹ Толстикова В.П. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 107 сл.

¹⁰² Там же. С. 111; *Виноградов*. Вотивная надпись... С. 57–60.

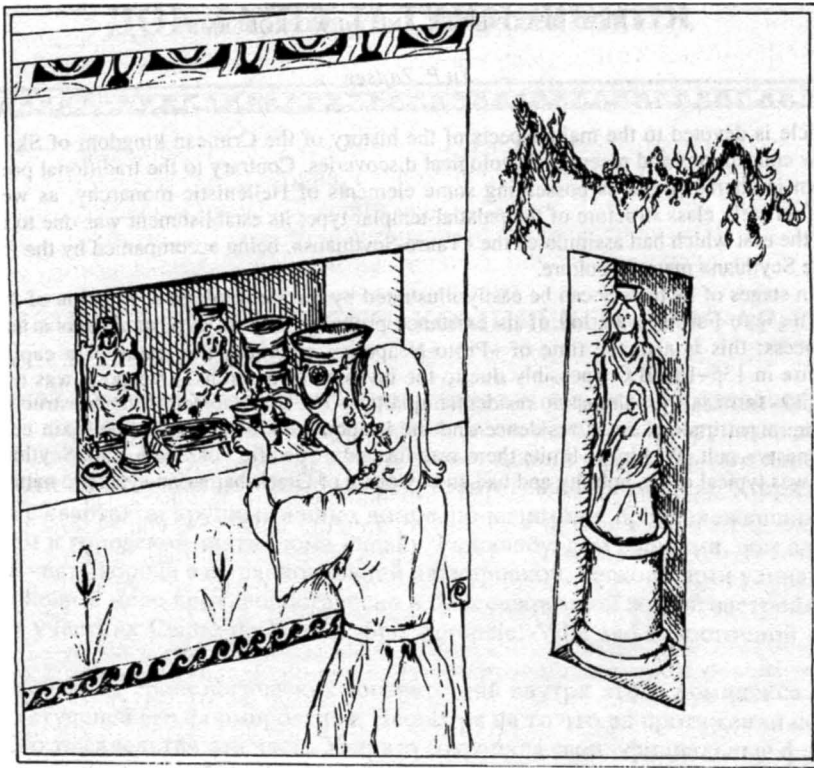

Рис. 8. Предполагаемый вид северо-западной части мегарона Южного дворца накануне войн Диофанта

основных признаков этого государства – «династийный культ» правителей, составляет главную особенность эллинистической эпохи, в чем, очевидно, проявились общие тенденции развития греко-варварского мира¹⁰³. С другой стороны, отражение сущности и механизма такой общественной структуры в устройстве дворцово-храмового комплекса Неаполя наиболее сопоставимо с аналогичными явлениями крито-микенской культуры¹⁰⁴, что позволяет сравнивать позднескифское государство II в. до н.э. с древнейшими государствами Средиземноморского бассейна, которые по сути были дворцово-храмовыми и отражали гораздо более древние по происхождению процессы, чем явления эпохи эллинизма¹⁰⁵.

Исходя из этого представляется вероятным определить державу Скилура как государство с признаками эллинистической монархии и одновременно с чертами раннеклассовых структур дворцово-храмового типа. Его образование было следствием восточной миграционной волны, ассимилировавшей «тавро-скифов» и происходило параллельно с формированием новой материальной культуры, получившей название «позднескифской».

Ю.П. Зайцев

¹⁰³ Маринович Л.П. Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 96 сл.

¹⁰⁴ Lindgren M. The Function of the Minoan Palaces – Myth and Reality // The Function of the Minoan Palaces. Proceeding of the Fourth International Symposium at the Swedish Institute in Athens, 10–16 June, 1984. Stockholm, 1987. P. 39–42; Zois A. The Function of the Minoan Palace: A Contribution to the Definition of the Main Problem or a Model for Future Research (Outline) // Ibid. P. 43 f.

¹⁰⁵ Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 135; Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 227.

SKILUROS AND HIS REALM:
NEW DISCOVERIES AND NEW PROBLEMS

Yu.P. Zajitsev

The article is devoted to the main aspects of the history of the Crimean kingdom of Skiluros in the light of new conceptions and recent archaeological discoveries. Contrary to the traditional point of view, the kingdom is characterized as possessing some elements of Hellenistic monarchy, as well as some elements of an early class structure of the palatial-templar type; its establishment was due to a migration wave from the east which had assimilated the «Tauro-Scythians», being accompanied by the formation of a new «Late Scythian» material culture.

The main stages of its history can be easily illustrated by the archaeological situation of the Neapolis Scythica. The «pre-Fortress» period of its existence probably reflects a spontaneous nature of the settling process; this is also the time of «Proto-Neapolis» assuming the status of a capital. After a disastrous fire in 135–130 B.C. (possibly due to the invasion of Satarchs?) Neapolis was turned into a large «palatial» fortress with almost no residential quarters. The main object of the construction was the South Palace, a patrimonial royal residence and the headquarters of Skiluros, the main centre of the official «dynasty» cult. Within its limits there was formed a specific «palatial» Late Scythian material culture that was typical of the nobility and had an obviously of Greek-barbarian syncretic nature.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1999 г.

РАЗВИТИЕ ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА В УГАРИТЕ

В западной половине холма (рис. 1), естественным образом противопоставленной акрополю с основными городскими храмами, были обнаружены руины трех разновременных дворцов и несколько других крупных зданий официального характера. В совокупности они составляют богатый репрезентативный комплекс Угарита, соединяющийся с кварталом крупных жилых домов, по-видимому, принадлежавших высшим чиновникам и городской знати (дома Рапану, Рашапабу, дом с печами, дом алебастров и т.п.) Эта часть города с ее рациональной планировкой, несколькими улицами и площадями в равной мере противопоставлена и более скромной жилой застройке, раскопанной на участках Centre de la ville; Sud Acropole; Ville sud в восточной половине холма.

Восстановление хронологических соответствий внутри этого комплекса выявляет несколько ступеней его формирования. Несмотря на то что на протяжении по крайней мере целого тысячелетия эта часть Угарита сохраняла свои официальные функции, ее внутренняя организация подвергалась серьезным изменениям, отразившимся прежде всего в кардинальной перестройке царской резиденции.

1. СЕВЕРНЫЙ ДВОРЕЦ¹

В отношении старой резиденции угаритских царей мы располагаем скудными данными. Размеры дворца, как и время его постройки, точно не определены. Расположенный к северу от Большого царского дворца, он, очевидно, древнее дворцового комплекса позднее Угарита. Представленные на плане помещения с монументальным входом и большим внутренним двором, по всей вероятности, образуют центральную часть здания. Южная и западная граница дворца остаются условными; его северный предел Лагарс² видит в мощной стене, поворачивающей на восток в северо-западном углу плана. Реконструкцию облика Северного дворца значительно усложняет указание Кл.Ф.-А. Шеффера³ на то, что при оформлении дворцового комплекса группа юго-восточных помещений оказалась прирезана к Большому царскому дворцу (блок Н на плане, см. рис. 2). Эти стены сохранили облицовку ортостатами, можно предположить, что здесь находился еще один внутренний двор неправильной формы или что они образовывали внешний южный фасад дворца. Несмотря на то что это предположение в высшей степени гипотетично⁴, два обстоятельства говорят в пользу объединения

¹ Северный или третий дворец Угарита (площадь 1600 м²) открыт в 1968 г., раскопки продолжались до 1972 г. См. соответствующие публикации: *Schaeffer Cl. F.-A. // Syria. 1970. 47. P. 209–213; idem. // Syria. 1972. 49. P. 27–34; Lagarce É. et J. // Syria. 1972. 49. P. 15–21; idem. // Syria. 1973. 50. P. 297–309.*

² *Lagarce É. et J. // Syria. 1972. 49. P. 15.*

³ *Schaeffer. // Syria. 1972. 49. P. 28.*

⁴ За исключением единственного упоминания Кл.Ф.-А. Шеффера, мы не находим какой-либо информации на этот счет; к сожалению в публикации не указывается, где сохранилась облицовка, – на внешней или на внутренней поверхности стены. Выбор одного из двух последующих предположений зависит от этой информации. В публикациях Лагарсов эти стены не рассматриваются. Очевидно, предположение Шеффера

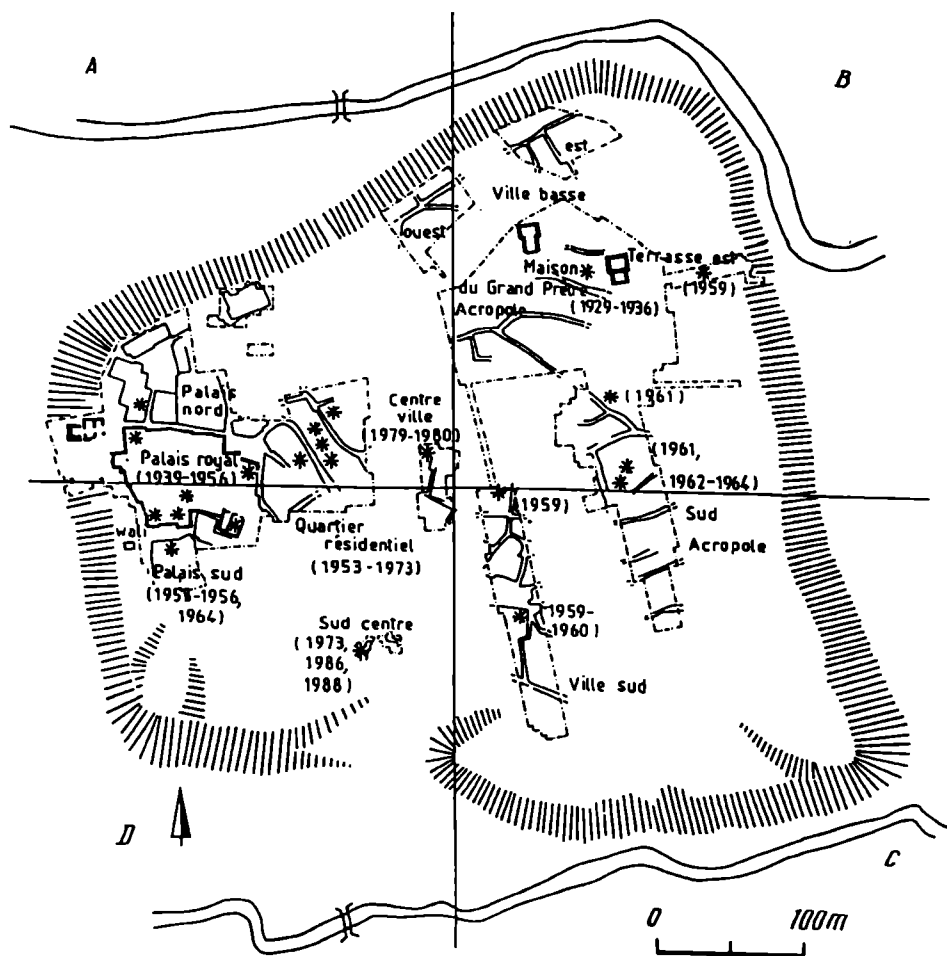

Рис. 1. Угарит. План раскопок. По RSO 1. 1983. Fig. 2

группы помещений Н с Северным дворцом в рамках одного архитектурного комплекса. Если рассматривать эти два здания как единое целое, восточная граница дворца отодвигается приблизительно на 15 м. Монументальный вход на «восточном фасаде», следовательно, либо находился внутри дворца, либо был расположен «в тени» крупного ризалита. Такая форма плана зеркально отражена в строении портика Большого царского дворца с выступающей почти на 10 м башней. В последнем случае планировка кажется обусловленной оборонительными задачами, но защита от палящего солнца могла бы послужить не менее реальной причиной такой характерной особенности композиции. В то же время, если допустить, что и восточный фасад был ограничен продолженной линией северного предела дворца по Лагарсу и стеной блока Н, вход во дворец оказывается в центре этой воображаемой стены.

Собственно от входа во дворец сохранились только каменный порог двери (2×1 м) и монолитная плита внешней ступени (3×8,5 м); возможно, она выходила в другое, внешнее помещение, от которого остались два поперечных отрезка стен⁵. За порогом

основано на том, что стены были облицованы ортостатами – характерная черта архитектуры Северного дворца.

⁵ Оба справа от входа. На плане Северного дворца, опубликованном в Syria. 1973. 50. P. 298 воспроизведен только крайний правый отрезок уже без всякой связи со стенами дворца, но без каких-либо объяснений в тексте. Остается предполагать, что авторы относят эти стены к поздней застройке участка.

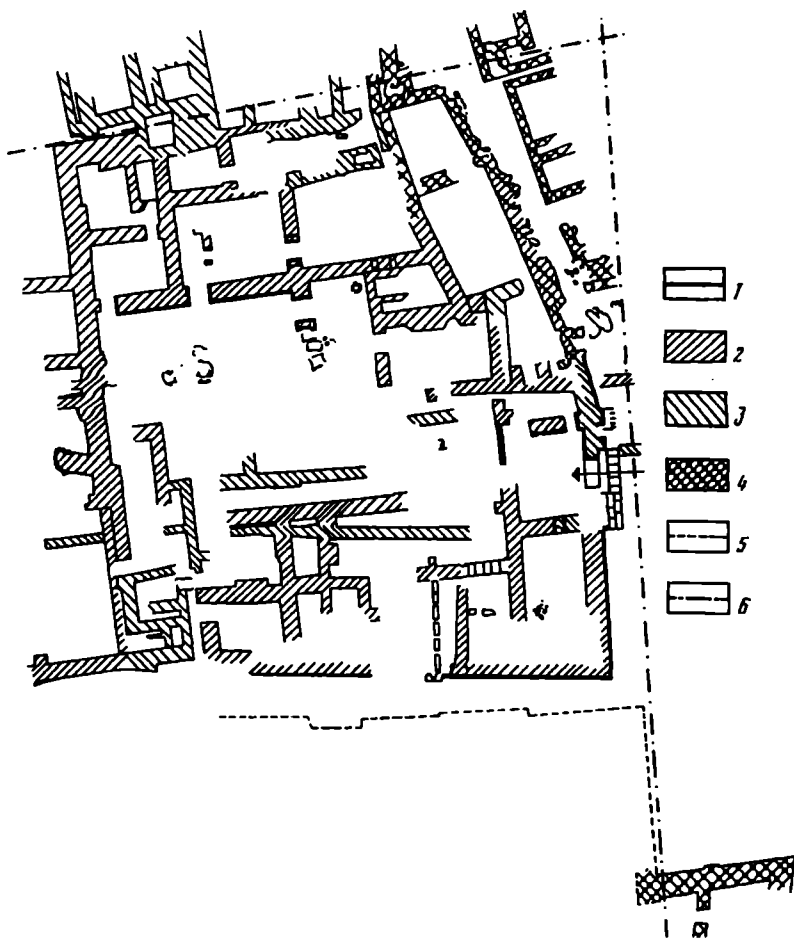

Рис. 2. Северный дворец. По E. et J. Lagarce // Syria. 1972. 49; 1973. 50: 1 – ортостаты; 2 – стены Северного дворца; 3 – стены, показанные на плане в Syria 50; 4 – стены, показанные на плане в Syria 49; 5 – линия стен Большого царского дворца; 6 – линия северной и восточной границ Северного дворца

находился прямоугольный вестибюль-распределитель (5×7 м), в каждой стене которого открывались проходы. Два из них, на западе и юге, были снабжены монолитными порогами; две двери на севере вели в небольшое вытянутое помещение, комнату охраны, по предположению Кл.Ф.-А. Шеффера⁶. Глухие стены вестибюля и внутренние простенки проходов были облицованы ортостатами, составляющими самую характерную черту архитектуры этого дворца.

Центральная двустворчатая дверь вестибюля, расположенная точно напротив входа и также с монолитным порогом, вела в прямоугольный зал, ориентированный перпендикулярно оси входа. Внутри дворца нет функционально идентифицированных помещений. Присутствие двух колонн, отделяющих северную треть зала при входе, придает ему торжественный, репрезентативный характер. За этим, по-видимому, официальным, помещением лежали внутренние покои дворца, сгруппированные вокруг просторного двора. С юга и с запада от него, как предполагает Кл.Ф.-А. Шеффер,

⁶ Schaeffer // Syria. 1970. 47. P. 212 f. Южное помещение, более просторное, он называет комнатой ожидания.

были административные помещения⁷, впрочем, во всем дворце не найдено ни одной таблички. Каким образом эти помещения и вестибюль входа были связаны со внутренним двором также неизвестно.

Лучше всего сохранилась стена, ограничивающая внутренний двор с севера. Ее плоскости, обращенные ко двору и вовнутрь трех отчетливо видных на плане проходов (все около 2 м шириной) были промазаны битумом и тоже покрыты ортостатами⁸. Покои, открывающиеся за этими проходами, просторны и отличаются более правильной формой по сравнению с другими помещениями дворца. Несколько ступеней лестницы, найденной в самой западной из этих комнат, позволили Кл.Ф.-А. Шефферу предположить существование второго этажа с окнами, выходящими во двор, где должны были размещаться царские апартаменты⁹. Других свидетельств того, что дворец мог быть двухэтажным, нет. Внутренний двор, состоящее из крупных залов восточное крыло и вестибюль главного входа, очевидно, составляли официальную зону Северного дворца.

Ортостаты, обнаруженные снаружи на восточной части южной стены и по обе стороны от главного входа¹⁰, составляют третью группу ортостатов Северного дворца, расположенных на внешних стенах, к ней относятся, по-видимому, и стены с ортостатами, включенные в Большой царский дворец. Эта восточная стена, если она действительно была внешним фасадом, выделяется в конструкции Северного дворца своей подчеркнутой надежностью и ритмичным рисунком вертикальных линий. Интересно, что две другие группы ортостатов Северного дворца обнаружены во внутренних помещениях и проходах. Возможно, что и пространство перед восточной стеной дворца было оформлено в виде большого внешнего открытого двора неправильной формы.

Наиболее вероятно, что покрытые ортостатами стены блока Н по другую сторону «Дворцовой улицы» принадлежали другому зданию, составлявшему единый комплекс с Северным дворцом и, возможно, носившим культовый характер¹¹. Какую роль облицованные ортостатами помещения и проходы играли в самом дворце, сказать нельзя, ясно, однако, что таким образом оформлялись особо значимые пространства и стены. Итак, можно реконструировать архитектурный ансамбль, включающий царскую резиденцию и культовое здание, обращенные к акрополю с главными городскими храмами, разделенные прямой улицей, но с общей площадью, обрамленной с запада выложенными ортостатами фасадами. «Дворцовая улица», уводящая вглубь дворцового квартала, была, вероятно, ориентирована на какую-то святыню царского культа, скрытую за репрезентативными зданиями. Существовало ли внутреннее святилище в самом дворе – неизвестно.

Архитектура Северного дворца с его строгой отделкой, нерегулярной планировкой и вероятным отсутствием второго этажа необычна для Угарита. Интересно, что Северный дворец был оставлен вне связи с какими-либо военными или природными потрясениями, вся утварь была из него вынесена, никаких попыток восстановить опустевшее здание не предпринималось. Постепенно на его территорию распространялась непримечательная жилая застройка.

По мнению Кл.Ф.-А. Шеффера¹², разрушение Северного дворца произошло после 1550 г. до н.э., и причиной внезапного и полного его запустения было землетрясение; это предположение, однако, не подтвердилось. Немногочисленная керамика, найден-

⁷ Ibid.

⁸ По данным новейших исследований битум в Угарите использовался исключительно как скрепляющее средство, другие два примера его применения относятся к периоду поздней бронзы. См. *Deschesne O.* Annexes: Exemples d'utilisations du bitume a Ras Shamra // Syria. 1990. 67. P. 29.

⁹ *Schaeffer* // Syria. 1970. 47. P. 212 f.

¹⁰ *Lagarce É. et J.* // Syria. 1973. 50. P. 297–309.

¹¹ Раскол в восточном конце Rue Royale, разделяющей на археологическом плане Угарита Северный и Большой царский дворцы, показывает, что вымостка улицы одновременно на южному фасаду Северного дворца (устное свидетельство проф. П.В. Хайдера). Таким образом, кажется вполне достоверным, что юго-восточный угол стены с ортостатами фиксирует юго-восточный угол дворца.

¹² *Schaeffer* // Syria. 1970. 47. P. 212; *Schaeffer* // Syria. 1972. 49. P. 29.

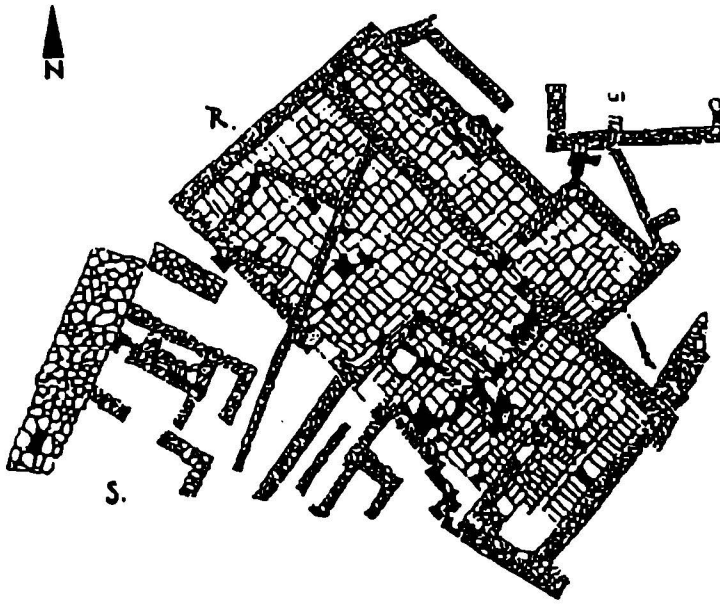

Рис. 3. Хурритское святилище и здание Тетрапиллона. По Cl. F.-A. Schaeffer // Syria. 1933. 14. Fig. 14

ная во дворе, датирована периодами UM 3 – UR 1 (между 1750 и 1450 гг. до н.э.)¹³. Переход от средней к поздней бронзе сопровождался сильным запустением Угарита, продлившимся около полувека (лакуна 1650–1600 гг. до н.э.)¹⁴ и сменившимся периодом активного строительства в северо-западной части города в конце XVI – начале XV в. до н.э. Если предположить, что возведение Северного дворца стало результатом оживления жизни Угарита, время существования этой резиденции должно быть сильно ограничено (не раньше 1600 и не позже 1500 г. до н.э.). Предшествующий лакуне слой UM 3 (стратум 5)¹⁵ в настоящее время достаточно полно документирован и содержит остатки архитектурных сооружений во всех важнейших кварталах города¹⁶. По всей вероятности, Северный дворец был построен еще в XVIII в. до н.э., в числе немногих других зданий пережил период упадка и был оставлен в эпоху начинающегося расцвета города ради новой, более пышной царской резиденции.

Под руинами построек позднего Угарита (после 1500/1450 г. до н.э.) прослеживаются здания, современные Северному дворцу. В непосредственной близости городского вала открыта группа монументальных сооружений – так называемое Большое здание, Тетрапилон и святилище (рис. 3). Их входы были обращены на юг, к новой царской резиденции. В составе позднего дворцового комплекса Угарита эти здания образовывали внешний круг служебных помещений, скрывавший внутри ядро – собственно дворец.

Тетрапилон¹⁷ обязан своим названием ряду из четырех квадратных столбов,

¹³ Lagarde É. et J. Syria. 1972. 49. P. 19.

¹⁴ Schaeffer // Syria. 1946–1948. 25. P. 185–190; см. также Courtois J.-Cl. Ugarit Grid, Strata, and Find Localizations. A Re-assessment // ZDPV. 1974. P. 105.

¹⁵ Ibid. P. 102.

¹⁶ Архитектурные руины средней бронзы найдены под зданиями северо-западного угла города, о чем см. ниже и на юге акрополя. Schaeffer Cl.F.-A. Neue Entdeckungen in Ugarit (23 und 24. Kampagne, 1960–1961) // AfO. 1963. 20. P. 206–215.

¹⁷ См. публикации: Schaeffer Cl.F.-A. // Syria. 1938. 19. P. 313–323; Saade G. Ras Shamra. Ruines d'Ugarit. Beyrouth, 1954. P. 113.

разделяющих его центральный зал (10×29 м). Четыре каменных корыта в примыкающем к залу коридоре (3×11 м) и еще одно, более крупное, вделанное в вымостку самого зала, послужили основой для предположения, что здесь размещались царские конюшни.

Небольшое (11×8 м) и достаточно скромно оформленное святилище¹⁸ с расположенными друг за другом вестибюлем и широкой целлой принадлежит к тому же типу, что и храмы на акрополе Угарита и датируется сходным образом¹⁹. Из всех построек на севере дворцового квартала это культовое здание представляется наиболее древним. В его целле, позади возвышения, к которому вели четыре каменные ступени, были найдены бронзовые статуэтки богов начала II тыс. до н.э. и ритуальный топор с железным лезвием XV–XIV вв. до н.э.²⁰ Медное навершие топора с овальным отверстием для рукоятки украшено рельефной фигуркой ползущего кабана, почти сливающейся с массивом обуха, и испещрена символическим орнаментом из треугольников и розетт в технике *дамаскирования*. Лезвие укреплено между двумя львиными головками, как бы изрыгающими его из своих разверстых пасть. Статуэтки, топор, а затем и все святилище были определены как хурритские. Атрибуция топора кажется логичной: его наиболее близкую аналогию мы находим в Эламе²¹. Подобные мотивы встречаются и в хеттских памятниках второй половины II тыс. до н.э.; сам же он скорее всего был выполнен в местной мастерской²². Уникальное соединение в одном памятнике столь различных характеристик неизбежно приводит к мысли о хурритских мастерах, работавших в Угарите (куда они, возможно, переселились из Анатолии), по всей вероятности, знакомых с системой художественных образов горных районов Месопотамии. Сплошь покрывающий навершие топора символический орнамент дает дополнительное свидетельство в пользу данной атрибуции, так как «боязнь пустоты» является, пожалуй, единственным надежным отличительным признаком хурритской глиптики.

О хурритской культовой архитектуре известно очень мало²³, название «Хурритское святилище», которым обычно обозначался этот небольшой храм, остается условным. В северо-западном квартале города это святилище должно было играть роль дворцовой капеллы²⁴, возможно, именно к нему направлялись процессии, проходившие по «Дворцовой улице». Однако оно удалено от дворца на 35 м и не относится к типу непосредственно примыкающего или включенного в структуру царской резиденции храма²⁵.

В начале XV в. до н.э. все вышеупомянутые постройки были обновлены на фундаментах предыдущего слоя и, очевидно, сохранили изначальную планировку и назначение. Большое здание²⁶, по-видимому, не имеет более древних предшественников.

¹⁸ См. публикации: *Schaeffer*. // *Syria*. 1938. 19. P. 313–323; *Ugaritica*. 1939. I. P. 126; *Tarragon J.-M. de. Temples et pratiques rituelles* // *RSO*. 1995. XI. P. 203–210.

¹⁹ Более точной датировки для главных храмов Угарита, чем «средняя бронза – поздняя бронза» не существует. Возникновение храмов возводят к периоду UM 2 1900–1750 гг. до н.э., предполагается, что они сохранились без особенных изменений вплоть до окончательного разрушения города около 1185 гг. до н.э.

²⁰ Датировка дана Кл.Ф.-А. Шеффером при публикации в *Ugaritica*. 1939. I. P. 107–124. Pl. XXII.

²¹ Ср. серебряный ритуальный топор XIII в. до н.э. из святилища к северу от зиккурата в Чога-Замбиле, рукоятка которого украшена фигуркой кабана из электры, лезвие «изрыгает» лев. См. *Amiet P. Elam. Auvvers-sur-Oise*, 1966. Fig. 265.

²² В Минет эль-Бейда было найдено навершие штандарта – бронзовый сокол с уреем в лапах, также украшенный гравированным рисунком, заполненным золотой проволокой (XV–XIV вв. до н.э.). Этот памятник демонстрирует типичное для Угарита соединение египетской иконографии, лаконичных сирийских плотных форм и изысканной проработки деталей.

²³ В. Андрэ (*Andrae W. Das Wiederstehende Assur*. München, 1977. S. 176. Anm. 41) называет «хурритским» храм с широкой целлой и алтарем у боковой стены – тип, не встречающийся в Угарите.

²⁴ См. *Tarragon*. *Op. cit.*

²⁵ Подобно дворцовым храмам в Телль-Браке (2,5 м) и Алалахе (10 м).

²⁶ Во французских изданиях иногда фигурирует под названием «дворец королевы-матери». См. публикации: *Schaeffer* // *Syria*. 1938. 19. P. 313–323; *Margueron J.* // *Syria*. 1977. 54. P. 151–188; *Saade*. *Op. cit.* P. 114 f.

План этого сооружения, наиболее удаленного от дворца, из-за эрозии склона, к сожалению, не может быть полностью восстановлен; в нем обнаружена подземная гробница, два проема в северной стене открывались на городской вал, к зданию примыкали продовольственные склады и мастерские. Возможно, это была резиденция лица непосредственно приближенного ко двору²⁷. Открытое вовне, оно должно было быть построено в тот период, когда защите города от внешней опасности не придавалось такого большого значения.

Таким образом, кажется правдоподобным, что и во времена Северного дворца царская резиденция не представляла собой изолированного здания, но в качестве ядра дворцового квартала была окружена второстепенными постройками, вмещавшими некоторые, выведенные за пределы собственно дворца, службы. Основные компоненты этого квартала были сохранены и включены в состав дворцового комплекса позднего Угарита, так что даже так называемое святилище сохранило свое назначение дворцовой капеллы при новом дворце.

2. НОВЫЙ ДВОРЦОВЫЙ КОМПЛЕКС

Новый дворец, известный под названием Большого царского²⁸ (рис. 4), был перенесен на окраину телья и значительно превзошел старый по размерам²⁹. Дата его гибели, совпадающая с окончательным разрушением города около 1200 г. до н.э., определяется более или менее точно, благодаря необожженным табличкам, найденным во дворе V. Дворцовые архивы охватывают по крайней мере два века. Дата оставления Северного дворца, камни из стен которого были использованы для строительства новой резиденции³⁰, создает *terminus post que*. В описании этапов строительства Большого царского дворца Кл.Ф.-А. Шеффер³¹ не определяет их хронологически, Ж. Лагарс³², однако, датирует его древнейшую часть (А, или вернее А-Е) 1450–1400 гг. до н.э., и это заключение, очевидно, сделано на основе исследований Кл. Ф.-А. Шеффера³³. Такая датировка оставляет хронологическую паузу примерно в 50/100 лет между запустением старого и возведением нового дворца³⁴. Последовательность археологических слоев в Угарите, как мы уже видели, свидетельствует, что этот перерыв не был связан с временным кризисом в жизни города.

²⁷ Название «дворец королевы-матери» может быть воспринято лишь как условное. Слишком ярко выраженные хозяйственные функции свидетельствуют также против того предположения, что здесь могла находиться резиденция сына царя и наследника. Кл.Ф.-А. Шеффер (*Syria*. 1938. 19. P. 319), видимо, правильно интерпретирует Большое здание как часть аристократического жилого квартала XV в. до н.э.

²⁸ *Ugaritica* 1962. IV. P. 1ff.

²⁹ Кл.Ф.-А. Шеффер (*Schaeffer CL.F.-A. Résumé de résultats de la XVIII-e campagne de fouilles de Ras Shamra-Ugarit // AAAS. 1954–1955. 4/5. P. 149–163*), сообщает, что площадь Большого царского дворца в Угарите превышает 9000 м²; эта цифра фигурирует также в кн.: *Шифман И.Ш.* Культура древнего Угарита XIV–XIII вв. до н.э. М., 1987. С. 11, где угаритский дворец по своим значительным размерам противопоставляется дворцам в Алалахе и Хаттусе. По-видимому, подразумевается площадь всего дворцового квартала. Ж. Маргерон (*Margueron J. Les palais syriens à l'âge du bronze // Le système palatial en Orient, en Grèce et à Rome. Actes du Colloque de Strasbourg 19–22 juin 1985. Strasbourg, 1987. P. 127–158*) приводит цифру 6500 м² и рассматривает угаритский дворец в числе трех других крупных сирийских дворцов в Эбле (дворцы G и Q) и в Катне.

³⁰ *Schaeffer // Syria*. 1970. 47. P. 212.

³¹ *Ugaritica*. 1962. IV. P. 9–15.

³² *Laгарс J. // Syria*. 1984. 61. P. 153–179.

³³ *Schaeffer // Syria*. 1972. 49. P. 27–34.

³⁴ Керамические находки, датированные периодом UR I без какого-либо уточнения, могли бы позволить продлить существование Северного дворца примерно до 1450 г. до н.э., т.е. до начала строительства Большого царского дворца. Тем не менее авторы общих работ по архитектуре Угарита придерживаются более ранней датировки – 1750–1600 гг. до н.э. (см. *Hunt G. Bronze Age Ashlar Masonry in the Eastern Mediterranean // Studies in Mediterranean Archaeology. V. LXVI. Goeteborg, 1983. P. 26; Ras Shamra 1929–1979. Lyon, 1979. P. 23–25*), которая соответствует и нашему предположению.

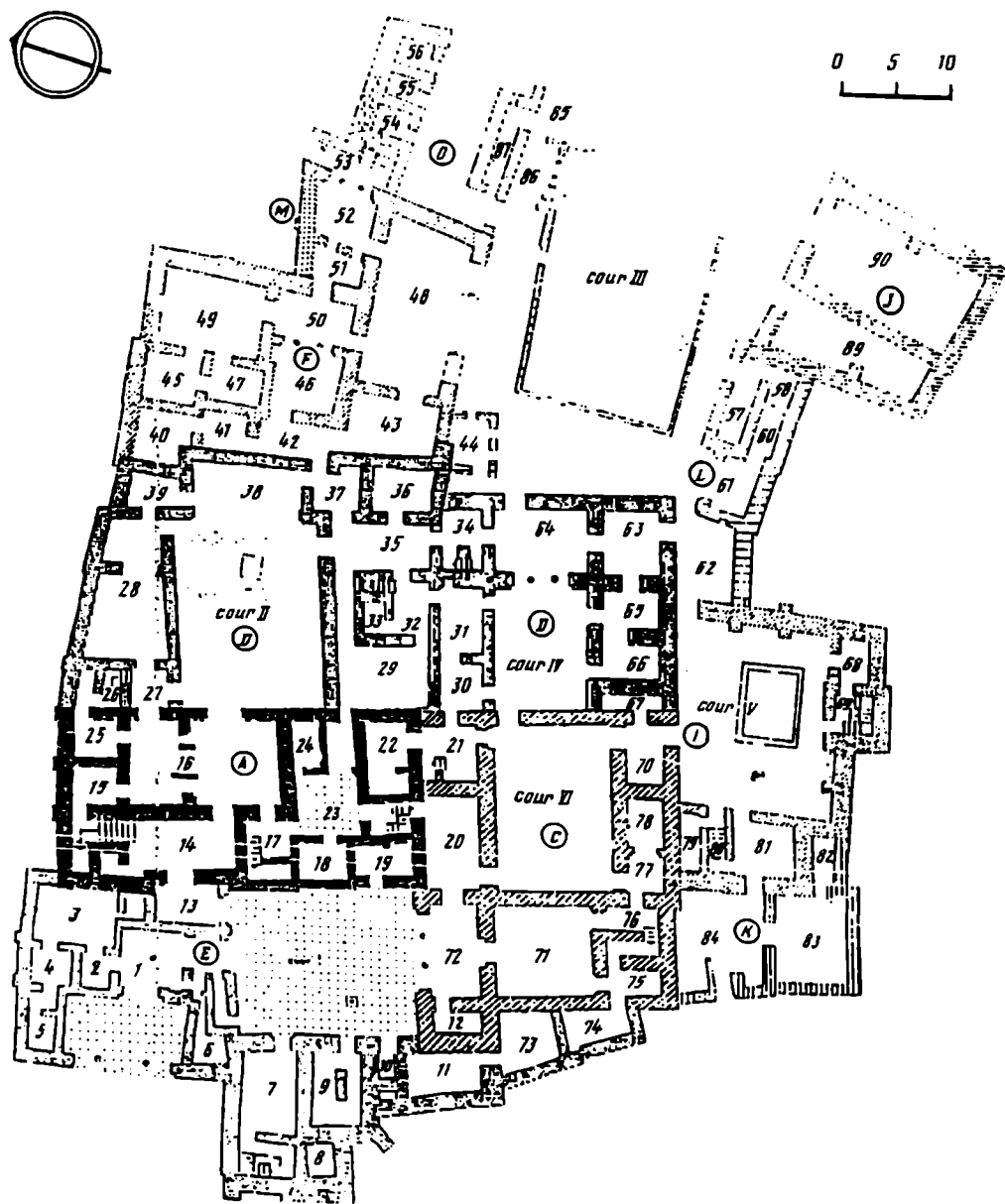

Рис. 4. Большой царский дворец. По Ugaritica. 1962. IV. Fig. 20

Возведение новой резиденции в стороне от Северного дворца, но в то же время вблизи него требует объяснения. Поскольку северный склон холма сильно пострадал от эрозии и, очевидно, не один раз осыпался³⁵, можно предположить, что северная граница города в эпоху существования Северного дворца ближе подходила к ручью Нахр эль-Фидд³⁶ и была на расстоянии до 100 м от обозначенного на плане склона.

³⁵ Yon M. Ugarit: The Urban Habitat – The Present State of Archeological Picture // BASOR. 1992. 286. P. 23.

³⁶ Ручей разделяется на северный (Nahr Chbaayeb) и южный (Nahr ed-Delbe) рукава. Археологической миссией под руководством М. Йон были обнаружены следы древних переправ (мостов) через этой ручей. Следовательно, можно предположить, что его русло практически не изменялось.

Северный дворец находился, таким образом, практически в центре северо-западной части холма и на одной линии с храмами акрополя, на которые, очевидно, был ориентирован его главный восточный фасад. Осыпи, изменившие очертания холма, могли стать причиной переноса царской резиденции на новое место – подальше от опасного склона и поближе к переместившемуся на юг топографическому центру западной части города.

Можно предположить, что оставление Северного дворца было вызвано сменой политической и общей культурной ориентации Угарита в момент, когда хурритское население города составляло значительный процент, а соседние города – Халеп и Алалах при Идри-Ми – примкнули к митаннийскому союзу. Следы присутствия хурритов обнаруживаются здесь уже в последней трети III тыс., если следовать традиции отождествляющей с хурритским населением создателей керамики Хирбет Керак. Эти сосуды с черно-красной лощеной поверхностью, украшенные рельефными орнаментами, предположительно происходят из Закавказья и около 2700 г. до н.э. распространяются в Анатолии и Западной Сирии, вплоть до Палестины. Этот ареал приблизительно соответствует территории расселения западной ветви хурритов, достаточно рано отделившейся от основной группы, осевшей в Северной Месопотамии, восточнее Тигра на рубеже III и II тыс. до н.э.³⁷ Таким образом, обнаруженная в Угарите в слое 8 (UA 3, 2300–2100) и по некоторым указаниям сохраняющаяся до 1750/1600 г. до н.э.³⁸ керамика типа «shiny slip», одна из разновидностей хирбеткеракской, оказывается весьма неверным доказательством. И все же, вполне естественно ожидать, что хурриты или родственные им этнические группы, уже в начале их распространения в Восточном Средиземноморье не миновали такого космополитического приморского торгового центра, каким был Угарит.

Более достоверные сведения о хурритах в Угарите появляются, начиная с середины XVIII в. до н.э. На северном склоне акрополя, у самой границы телья в пределах так называемого гиксосского города (*ville basse est*), в слое 1750-х – 1650-х годов до н.э. (стратум 5, UM 3) было найдено несколько гробниц, с хурритским, по мнению Кл. Ф.-А. Шеффера³⁹, оружием и инвентарем. Фрагменты бронзового оружия⁴⁰, аналогичного оружию Нузи, обнаружены также в царских конюшнях в северо-западном квартале города (XV–XIV вв. до н.э.). Само место находки подтверждает предположение о том, что эти предметы имели хурритское происхождение. Благодаря текстам *Horse tablets*⁴¹ из Богазкёя и сведениям о коннице марианну, составлявшей ядро индоарийской миграционной волны (середина II тыс. до н.э.)⁴², хурриты давно получили репутацию знатоков лошадей и искусных наездников.

В эпоху позднего Угарита свидетельств хурритского присутствия становится особенно много. Практически во всех библиотеках города и во дворцовых архивах⁴³ в том

³⁷ О хурритах восточнее Тигра и их древней столице Уркиш см. *Hrouda B. Zum Problem der Hurriter // MARI. 1985. 4. P. 595–615; Astour M. Semites and Hurrians in Northern Transjordan // Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians. V. 2. General Studies and Excavations at Nuzi 9/1. Winona Lake, 1987. P. 3–68. По-видимому, в Малой Азии и на средиземноморском побережье хурриты появляются все же позже, чем керамика Хирбет Керак.*

³⁸ *North R. Ugarit Grid, Strata, and Find Localizations // ZDPV. 1973. 89. P. 113–160.*

³⁹ *Syria. 1939. 19. P. 205–255.* Его точка зрения в свое время была поддержана Р. де Во (*Vaux R. de. Review of Syria 19 (1938) // RB. 1940. 49. P. 251*), который позднее отказался от традиционного отождествления хурритских и гиксосских воинов (*RB. 1967. 74. P. 481–503*). Речь идет, впрочем, о слое гиксосского времени и о типичных для хурритов керамике и оружии.

⁴⁰ *Schaeffer // Syria. 1938. 19. P. 316.*

⁴¹ *Kammenhuber A. On Hittites, Mitanni-Hurrians, Indoarians and Horse tablets in the II-nd mil. BC // Essays on Anatolian Studies in the 2nd mil. BC. Wiesbaden, 1980. P. 35–51.* Тексты, посвященные искусству обучения лошадей для боевых колесниц, датируются около 1350–1200 г. до н.э. Интересно, что в самом Угарите найдены тексты о врачевании лошадей, написанные на угаритском языке. См. *Pardee D. // RSO. 1986. II.*

⁴² *Na'aman N. Syria at the Transition from the Old Babylonian Period to the Middle Babylonian Period // UF. 1974. 6. P. 265–274.*

⁴³ Хурритские тексты представляют собой би-, три- и квадра-лингвы, а также чисто хурритские записи в

или ином виде присутствуют хурритские мифологические и ритуальные тексты, списки жертвоприношений и магические записи. Два здания, одно на южном склоне акрополя (так называемого Hurrian Priest or Omen House, или дом жреца-предсказателя⁴⁴) и в северо-западном квартале (уже упоминавшееся святилище) были интерпретированы как хурритские храмы⁴⁵. Многоязычные списки богов позволили установить в известной степени отождествление главы хурритского пантеона Кумарби и Эля, хурритского бога грозы Тешуба и угаритского Баала⁴⁶. Религиозная ситуация в городе в этот момент характеризуется симбиозом (но не синкретизмом) хурритских и западносемитских культов. В отличие от Алалаха на северо-востоке, где хурритское население достигало более 50% и царства Амурру на юге, где правили цари с хурритскими именами⁴⁷, в Угарите хурриты так и не заняли основных политических позиций.

Наличие некоторого количества хурритских имен, вошедших в моду в Сирии в период усиления Митанни, и указания на отправление некоторых хурритских ритуалов, не может свидетельствовать об особой роли хурритов в угаритской культуре, подобно тому как присутствие египтизированных орнаментов в угаритском прикладном искусстве в поздний период (с середины XIV в. до н.э.) больше не отражает проегипетской ориентации государства. Довольно равно появившиеся в этой части Сирии и осевшие в городе хурриты, хотя и не составляли чужеродного городскому населению элемента, но и не превосходили своей численностью и влиянием другие меньшинства, например колонии эгейских купцов. Возведение резиденции на новом месте могло быть вызвано сменой правящей династии и стать выражением идеологии новых царей, утвердившихся на престоле и не нуждавшихся в символах преемственности и наследственного перехода власти.

Найденный в Угарите список царей KTU 1.113, однако, подтверждает непрерывность царской династии в течение практически всего II тыс. до н.э.⁴⁸ Текст список записан в двух колонках; имена 18 царей следуют друг за другом в хронологическом порядке, в начале и в середине списка отсутствуют 12 имен. Предполагается, что список не включает имени последнего царя Угарита 'Аммурапи и что в середине его было утрачено несколько строк⁴⁹. Традиционно⁵⁰ список прочитывался в обратном порядке, начиная с последней строчки правого столбца; основателем династии считался Йакарум, сын Никм-Адду, правивший соответственно около 1900/1800 г. до н.э.⁵¹

В последней публикации угаритского царского списка была предложена его новая интерпретация: список следует читать сверху вниз, начиная с правого столбца, предположительно три верхние строчки утрачены⁵². Правление Йакарума в этой реконст-

алфавитной угаритской или слоговой аккадской передаче; они обнаружены в восточных архивах Большого царского дворца, в Южном дворце, в доме Рапану, в доме жреца на Акрополе. См. публикации: Ugaritica. 1963. V. P. 448–554; RSO. 1989. V. P. 85–97.

⁴⁴ См. публикации Кл.Ф.-А. Шеффера (AfO. 1963. 20. P. 206–215; Ugaritica. 1969. VI. P. 91–119).

⁴⁵ Эта условная идентификация основывалась в первом случае на обилии хурритских текстов, а во втором на интерпретации найденных в святилище предметов, о чем говорилось выше, т.е. на косвенных данных. Ж.-М. де Таррагон (op. cit.) отрицает возможность найти в Угарите чисто хурритское святилище.

⁴⁶ Salvini M. Ougarit et les hourrites // RSO. 1995. XI. P. 89–97.

⁴⁷ Ibid. P. 91–92.

⁴⁸ При продолжительности царствования от 15 до 20 лет 30 царей списка (по количеству строк) могли править от 450 до 600 лет. Угарит был разрушен около 1185 г. до н.э., царь, первым упомянутый в списке долен был править не позже 1635 и не раньше 1785 г. до н.э.

⁴⁹ К.А. Китчен (Kitchen K.A. The King List of Ugarit // UF. 1977. 9. P. 136–139) реконструирует в середине списка два имени для короткой и три для длинной хронологии. В таком случае 32 или 33 царя, правивших до 'Аммурапи, правили между 1680/1695 или 1840/1860 и 1200 гг. до н.э.

⁵⁰ См. в первую очередь Kitchen. Op. cit.

⁵¹ Правление Йакарума К.А. Китчен датирует вслед за Кл. Ф.-А. Шеффером (PRU. 1955. III. P. XXXVI–XXXVII, XL–XLIII. P. 16–17), опубликовавшим печать с именем этого царя, найденную в Большом царском дворце, см. PRU. 1955. III. P. 40f; Ugaritica. 1956. III. P. 66 f.

⁵² Aboud J. Die Rolle des Königs und seiner Familie nach den Texten von Ugarit. Münster, 1994. Согласно его

рукции списка царей с достаточно условным подсчетом дат приходится на около 1700 г. до н.э. Эта более поздняя датировка позволяет отождествить Йакарума с персонажем, о котором в письме Хаммурапи, царя Халеба, к Зимри-Лиму, говорится, что он ищет возможность посетить знаменитый дворец в Мари⁵³. Кл.Ф.-А. Шеффер первым высказал предположение, что этот царь и был обитателем Северного дворца⁵⁴. Действительно, интерес, проявленный им или другим представителем той же династии к знаменитому дворцу в Маря мог быть вызван строительством собственной резиденции.

Независимо от того, был ли Йакарум основателем новой династии угаритских царей или лишь одним из ее более поздних представителей, новый дворец был построен одним из его потомков в тот момент, когда старая резиденция перестала соответствовать масштабам и требованиям царской деятельности. Возведение Большого царского дворца в Угарите совпадает со временем записи и соответственно канонизации угаритского эпоса, в котором важную роль играют мифические цари Карату (Керет) и ДанниИлу. Очевидно, в то же время произошло окончательное оформление царского культа, что могло стать реальной причиной сооружения нового дворца и придать некоторые особенности его внутренней организации.

Практически все цари в списке носят западносемитские имена, пять из которых ('Аммурапи, Никм-Адду, Ибирану, Никм-Эпа, Аммистамру) постоянно повторяются. Исключения составляют Йакарум (в нижней строчке правого столбца – R 15), Йадхир'адду (R 6) и Ар-Хальбу (L 9)⁵⁵. Последний из этих царей – единственный представитель угаритской династии, носящий хурритское имя⁵⁶. Ар-Хальбу правил очень недолго и был бездетен, сохранился текст, называющий его единственным наследником его брата Никм-Эпу⁵⁷.

Этот факт реальной истории Угарита носит отпечаток той же темы, что звучит в эпосе о Карату⁵⁸, потерявшем свою семью и ищущем совета и помощи у верховного бога Эля. Угарит в эпосе не упоминается, действие происходит, по всей вероятности, в то время, которое правителями позднего Угарита воспринималось как начальный период истории города. Анализ текста показывает, что создание эпоса восходит к концу III тыс. до н.э.⁵⁹: Карату именуется мужем Дитану, т.е. является представителем известного аморейского племени, происходившего из Северной Месопотамии; город *ḥbr*, в котором он правил, должен был находиться на р. Хабур⁶⁰.

В угаритских текстах термин «Дитану» (Dtn/Ddn) употребляется в связи с ритуалами, посвященными чествованию рапантов (*grup*), духов или теней, приходящих из

подсчетом, основанным на средней продолжительности правления, увеличенной до 22 лет, первый царь угаритского списка должен датироваться около 2150 г. до н.э.

⁵³ Согласно Дж. Абуду (*Aboud. Op. cit. P. 9*), письмо от Хаммурапи, царя Халеба Зимри-Лиму должно датироваться не раньше 1717 г. (начало правления Зимри-Лима) и не позже 1698 г. абсолютная дата падения Мари), см. *Zeeh F. Tell Leilan und die Gründung des altbabylonischen Alalah // UF. 1991. 23. P. 402.*

⁵⁴ Если, как следует из царского списка, угаритская царская династия II тыс. до н.э. (так называемая династия Йакарума) не прервалась периодами запустения города, наша приблизительная датировка Северного дворца XVIII–XVI вв. до н.э. верна.

⁵⁵ А также царь Пурукку, имя которого в списке не сохранилось, но известно по угаритским текстам, см. *PRU. 1955. III. P. XXXVI–XXXVII, XL–XLIII. P. 16–17.*

⁵⁶ См. *Liverani M. L'élément hourrite dans la Syrie du Nord // RHA. 1978. 36. P. 149–156.*

⁵⁷ *RS. 16. 144 (PRU. III, 76), см. UF. 15 (1983). P. 317.*

⁵⁸ *KTU 1.14, 1.15, 1.16.*

⁵⁹ См. *Шифман И.Ш. Угаритский эпос. М., 1994. С. 11.* Датировка на основе двух фактов: *terminus ante quem* – упоминание Угарита в архивах Эблы (конец III тыс. до н.э.); *terminus post quem* упоминание в самом тексте лошадей (середина III тыс. до н.э.).

⁶⁰ *Astour M. A North Mesopotamia Locale for the Keret Epic? // UF. 1973. 5. P. 29–39.* Локализация событий эпоса в хурритской области соответствует упоминанию в тексте соседнего города Удумми и принцессы, Деве-Хурритянки, которая должна стать новой женой Карату. См. также *Astour. Semits...*

загробного мира. Согласно тексту КТУ 1.161, «сообщество Дитану»⁶¹ объединяет пять царей, имена которых не встречаются в царском списке. Предположительно, они относятся к древней династии Угарита, основанной преемником Карату, и правившей между 2100 и 1900 гг. до н.э.⁶² Более вероятно, что как и Карату, они были только мифическими героями, древними царями-предками, покровительствовавшими историческим царям⁶³. Титул «мужа рапаитского», «мужа харнамийского», прилагающийся в угаритских эпосах к царям Карату и ДанниИлу, обозначает связь с загробным миром.

Древним царям-рапаитам были адресованы жертвоприношения, описанные во многих угаритских текстах (КТУ 1.20–22; 1.108, 1.161); поклонение им отразилось в создании комплекса подземных царских гробниц вблизи внутреннего двора II в северной части Большого царского дворца⁶⁴. Здесь в присутствии статуй рапаитов и бога Эла⁶⁵ должны были проходить погребальные трапезы *mrzḥ* и возлияния вином. Возможно, культ рапаитов в Угарите сложился только в середине II тыс. до н. э., в Сирии он известен уже в конце III тыс. до н. э.⁶⁶

Само расположение дворца, сдвинутого к западной границе холма, к городскому входу, находит возможное объяснение в том отрывке из рассказа об Акхите, где царь ДанниИлу описывается вершащим свой справедливый суд – одна из важнейших функций царя на древнем Востоке – у городских ворот:

тогда ДанниИлу, муж рапаитский,
то(гда)-то витязь, муж харнами[йский],
поднялся, сел у входа в ворота
под могучим (деревом), что на площади.
Он решал по праву дело вдовы,
разбирал по закону тяжбу сироны⁶⁷.

В XIII в. до н. э. строительство Большого царского дворца было завершено. Дворцовый квартал заполнил весь северо-западный сектор города (ок. 10.000 м²), включив

⁶¹ Astour. A Northern Mesopotamian... P. 29–39; Kitchen. The King List... P. 131–142; Wyatt N. A Suggested Historical Context for the Keret Story // UF. 1983. 15. P. 316–318.

⁶² Kitchen. The King List... P. 141.

⁶³ Неясно, однако, оказывалось или это покровительство царю на протяжении всей его жизни или рапаиты призывались для совершения ритуала царского погребения. См. Pardee D. Visiting Ditanu. The text of RS 24.272 // UF. 1983. 15. P. 127–140; Del Olmo Lete G. The «Divine Names» of the Ugaritic Kings // UF. 1986. 18. P. 83–95; Aboud. Die Rolle... S. 157–165.

⁶⁴ Эти гробницы датируются XV–XIV вв. до н.э. (Schaeffer Cl.F.-A. // Syria. 1951. 28. P. 16. Fig. 8), более древних царских гробниц в Угарите не найдено. В этой интересна случайная фраза Кл.Ф.-А. Шеффера (AAS.1952. 2. Agabic Part. P. 127 f.) о том, что царский некрополь в Большом царском дворце восходит к началу I тыс. до н.э.

⁶⁵ О культе рапаитов в Угарите см. Hallo W.W. Royal Ancestor Worship in Biblical World // FS Talmon. P. 381–402, особенно 384 f. Среди памятников скульптуры, открытых в Угарите, кажется нет ничего, что можно было бы интерпретировать как статуи рапаитов, но известна статуэтка сидящего на троне бога Эля. бронзовая, с золотыми накладками (найдена в Южном городе в тайнике мастерской ювелира; см. Schaeffer. Resume... P. 149–163).

⁶⁶ Самые ранние свидетельства о *mrzḥ* мы находим в Эльбе (Archi A. Die erste zehn Könige von Ebla // ZA. 1986. 76. P. 213–217) и в Мари (Dietrich M., Loretz O. Totenverehrung in Mari (12803) und Ugarit (KTU 1.161) // UF. 1980. 12. P. 381), где этот ритуал известен под академским названием *kispu*.

⁶⁷ Шифман. Угаритский эпос. С. 162: «В Библии "приходящие к воротам города" – это лица, участвовавшие в народном собрании, происходившем у ворот, а сам термин ворота (ʾa) употребляется как одно из обозначений города – гражданского коллектива [Speiser E.A. "Coming" and "Going" at the City Gate // Oriental and Biblical Studies. Philadelphia, 1967. P. 83–88]. В угаритской документации (PRU. IV. 18. 115) параллельно с "людьми", т.е. гражданами данного города упоминаются "люди ворот их" (*qadu amili sa ba-bi-pu*); сопоставление с повествованием "Об Акхите" позволило высказать предположение, что "люди ворот" – это должностные лица общины [Шифман И.Ш. "Люди ворот" и "отцы" в Угарите // История и филология древнего Востока. М., 1976. С. 49–53]. В любом случае, однако, то, что ДанниИлу выполняет свои функции у городских ворот, соответствует обычаям доэллинистического Переднеазиатского Средиземноморья».

комплекс репрезентативных зданий на севере и Южный дворец⁶⁸ (1250–1200), представлявший собой резиденцию некоего Ябнину (Yabninu), аккадца, ведавшего внешними сношениями Угарита⁶⁹. Архивы Южного дворца содержат документы по управлению делами выходцев из ливанских портов и восточных областей, как в составе Угаритского царства, так и за его пределами; по импорту металла, судостроению и организации флота. Его план сопоставим с планами крупных угаритских построек, принадлежащих важным государственным лицам, но не царю. Очевидно, вместе с сооружениями на северо-западном краю холма Южный дворец принадлежал к зданиям-сателлитам, дугой окружавшим собственно царскую резиденцию и вмещавшим важнейшие административные службы и жилища непосредственно занятых во дворцовом хозяйстве людей: структура, характерная для древневосточных городов в целом⁷⁰.

3. ПРОБЛЕМА ОСНОВНОГО ГОРОДСКОГО ВХОДА

Ориентация главного входа Большого царского дворца на запад, вовне города, стала причиной радикальной перестройки укреплений. Сооружение новой цитадели⁷¹ в середине XV в. до н. э. началось с постройки мощной квадратной башни, ставшей опорой для крепостной стены из ровных каменных блоков (до 1,4 м длиной) и гласиса. В стене был проложен подземный коридор, открывающийся с одной стороны потерной, а с другой – лестницей, которая поднимается к внутренней площадке цитадели. Этот подземный ход – единственный достоверно известный проход в крепость (и далее, в город) для того времени. Согласно М. Йон⁷², этот вход в город вел только к дворцам, главный городской вход предположительно располагался на южном склоне холма, там, где обнаруживается глубокая впадина в его рельефе или на северном склоне. В обоих случаях предположительное место входа практически уничтожено эрозией, но сохранились следы переправ через рукава ручья, огибающего холм.

Городские ворота этого времени не обнаружены, однако, Лагарс⁷³ указывает на остатки стен (46, 47 и 54), которые могли им принадлежать. Если проследить направление этих стен и связать их с каменной дверной втулкой, лежащей напротив стены 45, восстанавливается контур коридора с двойным поворотом и двумя толстыми (1–2 м) стенами, ведущего от башни к вестибюлю Большого царского дворца (рис. 5). Другую возможность найти более крупный проход, связывающий здания северо-западного квартала с внешним миром, предоставляет Большое здание с его выходящими на северный вал дверьми (или окнами). Комплекс оборонительных сооружений дворца, и здания к северу от царской резиденции, вплотную подходившие к укрепленным городским стенам, обозначили западную границу дворцового квартала. Переход к кварталам резиденций знати на юге и на востоке и к достаточно скромной жилой застройке, распространившейся к этому времени на территорию заброшенного Северного дворца был менее резким.

В середине XIV в. до н. э. цитадель подверглась значительным перестройкам. Подземный вход был заложен, от башни остались только фундаменты, по-прежнему составлявшие опору крепостного вала. Сам вал, возможно, был отодвинут дальше на запад, так как на гласисе были обнаружены руины двух двухэтажных домов⁷⁴. Эту

⁶⁸ Южный или малый дворец раскапывался в 1955–1956, 1964 гг. См. Ugaritica. 1962. IV. P. 121–147.

⁶⁹ Courtois J.-Cl. Yabninu et le palais sud d'Ougarit // Syria. 1990. 67. P. 103–141.

⁷⁰ Здесь подразумевается агглютинирующая модель города, в отличие от централизованной, распространенная в североассирийских городах (например, Ашшур).

⁷¹ Укрепления северо-западной части холма были открыты в ходе 10–11 кампаний, см. публикации Кл.Ф.-А. Шеффера (Schaeffer // Syria. 1939. 20. P. 288–291), раскопки крепости были продолжены в 1950 г. (idem. Syria. 1951. 28. P. 4–7); план и реконструкцию цитадели см. Lagarce J. // Syria. 1984. 61. P. 153–179.

⁷² Yon. Op. cit. P. 25 f.

⁷³ Lagarce J. // Syria. 1984. 61. P. 166.

⁷⁴ Ibid. P. 167. Появление на городских валах зданий не фортификационного характера во второй

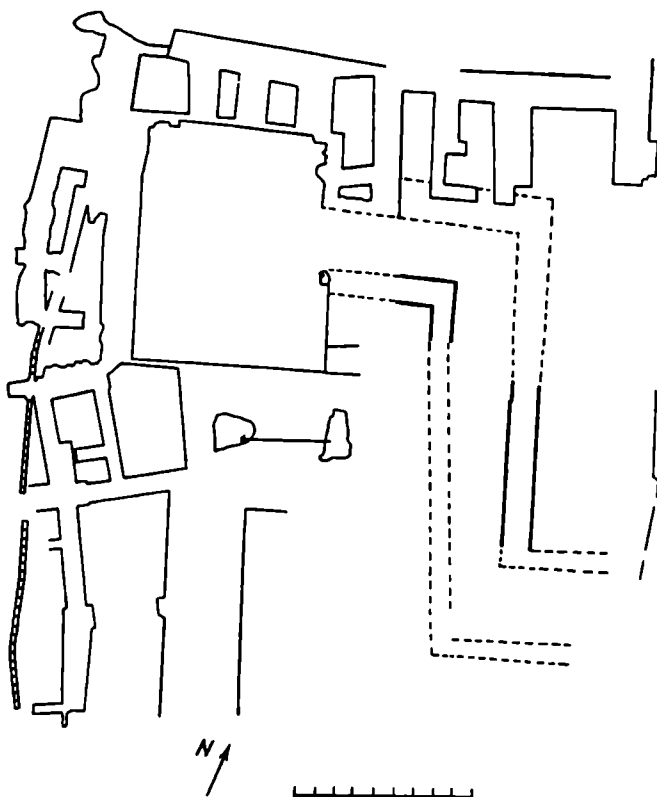

Рис. 5. Цитадель до 1364 до н.э. с гипотетическим планом древних ворот. По J. Lagarce // Syria. 1984. 61

реорганизацию цитадели Кл. Ф.-А. Шеффер объясняет землетрясением 1365 г. до н. э., сопровождавшимся наводнением и пожаром. В то же время, из угаритских архивов (PRU 1956.IV. P. 48, RS 17.840, 1) известно, что в 1364 г. до н. э. Угарит стал жертвой нападения коалиции северо-сирийских государств, восставших против Хеттского царства. «И Угарит, крепость царя, разрушил огонь; половину его он пожрал и другой половины его нет»⁷⁵. Действительно, практически все здания дворцового квартала сохранили следы пожара и последовавших за ним восстановлений.

После того как Суппилулиума разгромил эту коалицию, Угарит признал хеттское господство и практически не изменял вассальным отношениям с Хеттским царством вплоть до своего падения⁷⁶. На протяжении всего XIV в. до н. э., до неблагоприятного договора с Мурсилисом II (1344–1320)⁷⁷, Угарит стремительно развивался, подчиненная городу территория постоянно увеличивалась, полная казна и балансирование между Египтом и Хеттским царством позволяли избежать непосредственного участия в военных конфликтах.

После перестроек середины XIV в. до н. э. вход в город с западной стороны, откуда

половине II тыс. до н. э. находит аналогии в Месопотамии, см. Oates D. Walled Cities in Northern Mesopotamia in the Mari Period // MARI. 1985. 4. P. 588.

⁷⁵ Цит. по кн.: Kinet D. Ugarit – Geschichte und Kultur einer Stadt in der Umwelt des Alten Testaments. Stuttgart, 1984. S. 34. Anm. 52.

⁷⁶ Вассальные договоры с Суппилулиумой: первый – PRU. 1956. IV. P. 32 f. RS 17.340 rev. 8'–11', второй – PRU. 1956. IV. P. 40–44. RS 17.227 и дубликаты – ibid. P. 20–37.

⁷⁷ PRU. 1956. IV. P. 85–101; PRU. 1970. VI. P. 127–129, фрагменты.

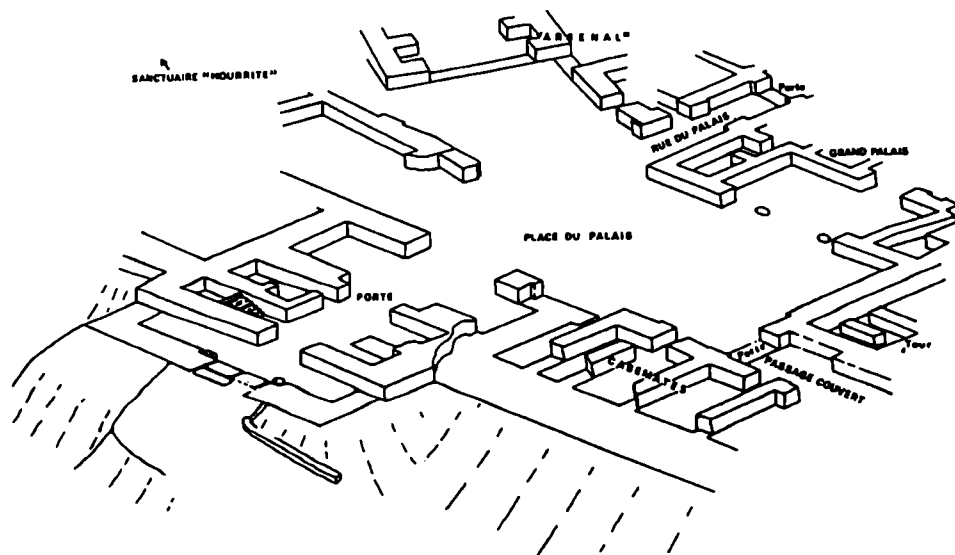

Рис. 6. Цитадель XIII в. до н.э. По J. Lagarce // Syria. 1984. 61. Fig. 19

вела дорога в недавно (ок. 1400) возникшую гавань Минет-эль-Бейда, должен был иметь важное значение. Это предположение подтверждается тем фактом, что западный архив дворца, помещавшийся в пяти небольших комнатах слева от входа, содержал административные документы – списки налогов, работников, воинов, относящиеся как к самому Угариту, так и ко всему Угаритскому царству⁷⁸.

В XIII в. до н. э., на заключительном этапе оформления цитадели⁷⁹, были сооружены новые городские ворота с центральным проходом, фланкированным крупными поперечными выступами. С внешней стороны к воротам подводил изогнутый пандус. Между крепостью и дворцом возникла площадь, с хорошо читаемой центральной осью: ворота – «Дворцовая улица» (рис. 6). Выходы с этой площади – вглубь квартала, по «Дворцовой улице» и к Южному дворцу – были перегорожены воротами и находились под контролем дворцового гарнизона, размещавшегося в мощной дворцовой башне и в здании казематов. Разрастание и консолидация дворцового квартала внутри городской застройки отрезало северо-западную часть холма от внутренних жилых районов города – это говорит о том, что в последний период существования Угарита должны были функционировать городские ворота на других склонах холма.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что Северный дворец, возведенный первыми царями исторической династии Угарита, стал тем ядром, к которому стягивались важнейшие религиозно-политические институты города. С течением времени здание обрастало второстепенными пристройками, отдельными сооружениями, вмещавшими различные дворцовые службы и дополнявшими структуру царской резиденции. Образовавшийся таким образом в западной части города дворцовый квартал уравновесил храмовый центр на акрополе. Основные планировочные принципы, сложившиеся в древнюю эпоху, приобрели новое значение с созданием Большого царского дворца; укрепление границ царского квартала привело к его обособлению и затем к практически полной изоляции внутри города.

К.А. Стародуб-Шарп

⁷⁸ Schaeffer // Syria. 1952. 31. P. 23.

⁷⁹ Lagarce J. // Syria. 1984. 61. P. 173.

Хронологическая таблица

Все даты в тексте основаны на Revised Stratigraphical and Chronological Chart of the Prehistoric and Historic Levels of Ras Shamra-Ugarit. From: *J.-Cl. Courtois. Ugarit Grid, Strata, and Find Localizations. A Re-assurement // ZDPV. 1974. 90. P. 105:*

Level (niveau)	Stratum	Date B.C.	Periods
	1	550–200	Persian-Greek, Hellenistic;
...	(Lacuna c. 1185–550)	...	Iron Age
I	2	1365–1185	LB 3 a-b-c = RS I/3 = UR 3
I	3	1450–1365	LB 2 a-b-c = RS I/2 = UR 2
I	4	1600–1450	LB 1 a-b-c = RS I/1 = UR 1
...	(Lacuna c. 1650–1600)	...	
II	5	1750–1650 /1600	MB 3 or II B = RS II/3 = UM 3
II	6	1900–1750	MB 2 or II A = RS II/2 = UM 2
II	7	2100–1900	MB 1 or EB-MB = RS II/1 = UM 1
III	8	ок. 2300–2100	EB 3 = RS III/3 = UA 3
III	9	ок. 2600–2300	EB 2 = RS III A 2
III	10	ок. 2900–2600	EB 1 = RS III A 1
III	11	ок. 3500–2900	Ubayd Late Chalcolithic = RS IV A
III	12	ок. 4000–3500	Red ware and early Ubayd = RS III C
IV	13	ок. 4500–4000	Halafian Middle Chalcolithic = RS IV A
IV	14	ок. 5000–4500	Halafian Early Chalcolithic = RS IV BC
V	15	ок. 6000–5000	Middle and Late Pottery–Neolithic = RS V A-B
V	16	ок. 6500–6000	Early Pre-Pottery Neolithic = RS 5 C or V C

KTU 1.113 – реверс. (црт. по *J. Aboud. Die Rolle des Königs und seiner Familie nach den Texten von Ugarit. Münster, 1994. S. 3–4:*

[]	[il 'm]tmr
[]	[il n]qmp'
[]	il 'mph ('mrpi)
[]	il ibm
[]	il y' d'rd
[]	il nqmp'
[]	il ibm
[il ar · l]b	[i]l 'mrpi
[il nq]mp'	[i]l nqmp'
[il 'm]tmr	il ixxxxx
[il nqm]d	il nqmp'
[]	il ibm
[]	il nqmd
[]	il yqr

Реконструкция списка с условными датировками (цит. по *J. Aboud. Die Rolle des Königs und seiner Familie nach den Texten von Ugarit. Münster, 1994. S. 40*):

+1	<i>Puruqu I</i>	1650	+1		2150
+2			+2		
+3			+3		
L.1	[]		R.1		
L.2	[]		R.2	[il'm]tmr 'Ammistamru I	
L.3	[]		R.3	[il n]qmp'	Niqmepa I
L.4	[] <i>Ibiranu V</i>	1500	R.4	il'mph ('mrpi)	'Ammurapi I
L.5	[]		R.5	il ibm	Ibiranu I
L.6	[]		R.6	il y'grd	Yadhir-addu
L.7	[] <i>'Ammistamru II</i>	1400/1350	R.7	il nqmp'	Niqmepa II
L.8	[] <i>Niqmaddu II</i>	1350-1315	R.8	il ibm	Ibiranu II
L.9	[il arh]b Ar Halbu		R.9	[i]l 'mrpi	'Ammurapi II
L.10	[il nq]mp' Niqmepa V		R.10	[i]lnqmp'	Niqmepa III
L.11	[il 'm]tmr 'Ammistamru III	1265-1215	R.11	il xxxxx	Ibiranu III
L.12	[il nqm]d Niqmaddu III		R.12	il nqmp'	Niqmepa IV
L.13	[] <i>Ibiranu VI</i>		R.13	il ibm	Ibiranu IV
L.14	[] <i>Niqmaddu IV</i>		R.14	il nqmd	Niqmaddu I
L.15	[] <i>'Ammurapi</i>	-ca. 1190	R.15	il yqr	Yaqarum ca. 1700

Последовательность правящих династий в Угарите, см. *K.A. Kirchen. The King List of Ugarit // UF. 1977. 9. P. 141*:

Дата	Угарит	Хабур	Ассирия
	династия III тыс. до н. э.		
2160			Дитану (ассирийский список царей)
2100 ff.	династия Карату = собрание Дитану, KTU 1.161	Карату	
2000 ff.	Белкену Тарменну Бадану Радану Тарру		
	...		
1900 ff.	династия Йакарума KTU 1.113		

THE DEVELOPMENT OF THE PALATIAL COMPLEX IN UGARIT

K.A. Starodoub-Scharr

In the western half of the tell, naturally opposed to the acropolis with the main city temples, the remains of three palaces of different time have been discovered along with several other large official buildings. Although this part of Ugarit preserved its official functions in the course of a whole millennium at least, its inner organization has suffered serious changes, primarily reflected in the cardinal re-construction of the royal residence.

1. Northern Palace was the oldest residence of Ugaritic kings; our information about it is rather meagre. Its modest architecture, orthostate lining and the probable absence of the first floor are unusual for Ugarit. The royal residence surrounded by its dependencies should have been forming the core of the

whole quarter, whose parts were preserved and later included in the new palatial complex of the late Ugarit. It is highly probable that the Northern palace was built already in the 18th cent. B. C. survived the period of the decline together with few other buildings and was left as soon as the new revival of the city gave the opportunity to construct a more luxurious royal residence. The Northern palace was left indeed about 1550 B. C. without any military or natural upheavals; all the furniture was taken out, no attempts to restore the building were undertaken. Gradually the ground was taken over by the modest living quarters of the city.

Since the northern slope of the tell has been heavily damaged by the erosion one can see the Northern palace practically in the centre of the old north-western part of the hill and on the same axis with the temples of acropolis, which, obviously, was the point of orientation for its main eastern facade.

2. The new palace was transferred to the periphery of the tell. Several reasons could possibly influence this re-organization. The abandoning of the Northern palace could have been caused by the change of the political and general cultural orientation of Ugarit at the moment, when the Hurrian population of the city attained a certain power. It could have been the rulers of a new dynasty who erected the new residence on the new place. The King List of Ugarit (KTU 1. 113) does not reflect any interruptions in the rule since the time of Northern Palace. The Great Royal Palace was obviously built after the Ugaritic epic, with the important pieces about Keret and Daniel, the mythic kings, had been recorded and, thus, canonized; the inner structure of the residence proves to match the peculiarities of the royal cult.

3. The functions of the citadel have been confined to the defence of the palace. The destructions in the middle 14th cent. BC were followed by the general refinement and reconstruction in the western area of the palatial precinct. The growth and consolidation of the palatial quarter within the city isolated the north-western part of the tell from the inner residential areas.

© 1999 г.

ПИФАГОРЕИЗМ В РИМСКОМ АВГУРАЛЬНОМ ПРАВЕ

О греческом влиянии на Рим и римское право написано много как в отечественной, так и в зарубежной литературе¹. Однако, как правило, в этой литературе речь идет о достаточно позднем влиянии, относящемся уже ко II, в лучшем случае к III в. до н.э. Когда же говорят о влияниях архаической эпохи, на первом месте стоят этруски². Что и говорить, влияние этрусков, особенно в эпоху правления этрусской династии, неоспоримо. Однако в античной традиции существовало устойчивое убеждение в глубоком греческом влиянии именно на архаический Рим вообще и на римское право в частности. Как, например, понять следующие слова Дионисия Галикарнасского (I. 90. 1): «Римляне же говорят на наречии не вполне варварском и не совершенно эллинском, но на каком-то смешанном из обоих, большая часть которого – эолийская. Единственное, что они почти не восприняли из многочисленных взаимосвязей – это правильное произношение речи. В отношении же всего остального есть признаки (их) эллинского происхождения». Известно, что Дионисий был не только историком, но и прекрасным филологом, знающим как греческий, так и латинский языки³, следовательно, его

¹ Покровский М.М. История римской литературы. М.–Л., 1942. С. 18–20; Waszink J.H. Zum Studium der griechischen Einflüsse in der lateinischen Literatur // Antike und Abendland. 9. 1960. S. 109–122; Pringsheim F. Griechischer Einfluss auf das römische Recht // BIDR. 1960. LXIII. P. 1–17; Humm M. Les origines du pythagorisme romain. Problèmes historiques et philosophiques // Études classiques. Namur, 1996. T. 64. № 4. P. 339–353.

² De Martino M. Storia arcaica e diritto romano privato // RIDA. 1950. 4. P. 387–408.

³ Fascione L. Il mondo nuovo: la costituzione romana nella «Storia di Roma arcaica» di Dionigi d'Alicarnasso.

утверждение о сильном влиянии эолийского диалекта греческого языка отнюдь не голословно. Конечно, слова Дионисия не следует понимать буквально, однако, несомненно, в них есть рациональное зерно⁴. Впрочем, такой известный отечественный эпиграфист как проф. Е.В. Федорова, вполне убедительно продемонстрировала в своих работах именно древнейшее влияние греческого языка на латынь⁵. Многие современные этимологические исследования в области социально-экономической и юридической лексики также обнаруживают глубокое влияние греческого языка на архаическую латынь⁶. Как известно, проникновение одного языка в другой – свидетельство, как минимум, сильнеешего культурного влияния, так как слова из чужого языка приходят лишь вместе с усвоением их понятийной нагрузки. Впрочем, как археологические открытия последних десятилетий, так и многочисленные научные исследования подтверждают глубокое взаимопроникновение культур и создание общеталийского культурного койне именно в архаический период⁷.

В этой статье хотелось бы остановиться лишь на одном, хотя и весьма важном проявлении этого влияния – воздействии западногреческой культуры на римское авгуральное право VII–V вв. до н.э. Дионисий Галикарнасский в качестве важнейшего аргумента близости римского и греческого народов указывает на различные религиозные культы, идентичные у обоих народов⁸. Действительно, хорошо известны, например, так называемые «аргейские места» в Риме и «аргейские жертвоприношения», совершаемые «по греческому ритуалу»⁹. Но особенно сильно в античной, как греческой, так и римской традиции убеждение в том, что легендарный основатель римского сакрального права – царь Нума Помпилий – был учеником греческого философа и политического деятеля Пифагора¹⁰. Любопытно, что сами древние авторы прекрасно понимали всю нелепость такого утверждения, ведь согласно традиции Нума жил за 140 лет до появления Пифагора в Италии¹¹. Тем не менее многие античные авторы, и в частности Цицерон¹², отмечают идентичность или близкое сходство акусм (правил)

Napoli, 1988. P. 33–40; *Соболевский С.И.* Дионисий Галикарнасский // История греческой литературы. М., 1960. С. 156. См. также *Dionys.* I. 7.2.

⁴ О концепции греческого происхождения римлян написано очень много. Прекрасный обзор научной литературы по этой теме дается в статье: *Gabba E.* La «Storia di Roma arcaica» di Dionigi d'Alicarnasso // ANRW. II. 30. I. В. – N.Y., 1982. P. 799–816. См. также *Strabo.* V. 3. 3; 5; *Serv. Aen.* I. 292.

⁵ *Федорова Е.В.* Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 48–61; она же. Ранняя латинская письменность. VIII–II вв. до н.э. М., 1991.

⁶ *Моммазен Т.* История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 26; *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983. С. 81–83; *Kornemann E.* Römische Geschichte. Bd 1. 2. Aufl. Stuttgart, 1941. S. 96 f.; *Delz G.* Der griechische Einfluss auf die Zwölfstafelgesetzgebung // МН. 1966. 23. 2. S. 69–83; *Peruzzi E.* Money in Early Rome. Firenze, 1978; *idem.* Prestiuti micenei in Latino // Studi Urbinati. 1973. 13. Suppl. ling. I. P. 7–60.

⁷ *Altheim F.* Griechische Götter im alten Rom. Giessen, 1930; *idem.* Geschichte der lateinischen Sprache bis zum Beginn der Literatur. Frankfurt a.M., 1951; *Pasquali G.* Preistoria della poesia romana. Firenze, 1936; *Norden F.* Aus altrömischen Priesterbüchern. Lund, 1938; *Mazzarino S.* Dalla monarchia allo Stato repubblicano. Catania, 1945; *Tondo S.* Profilo di storia costituzionale romana. I. Milano, 1981. P. 38–43; *Voci P.* Diritto sacro romano in età arcaica // SDHI. 1953. 19. P. 84 sg. Об археологических открытиях следов микенской культуры в Лации см. *Peruzzi E.* Mycenaean in Early Latium. Roma, 1980.

⁸ *Dionys.* I. 5. 1: «И в этом сочинении я обещаю показать и то, что римляне сами являются эллинами, а не сбродом из очень слабых или незначительных народов» (пер. И.Л. Маяк); VII. 70. 1: «...Я не должен обойти вниманием ритуалы, исполняемые римлянами в связи с этим праздником, ... чтобы убедить..., что народы, которые соединились при основании Рима, были эллинами, отправленными из наиболее известных мест, а не варварами или бродягами» (здесь и далее, где не указан переводчик – пер. автора).

⁹ См. *Копинов Л.Л.* Культ аргеев в архаическом Риме // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 99–107.

¹⁰ *Liv.* I. 18. 2: «Наставником Нумы, за неизмением никого иного, ложно называют самосца Пифагора» (пер. В.М. Смирин).

¹¹ *Cic.* De rep. II. 28–29: «Все это неверно, Манилий, и не просто вымышлено, а вымышлено невежественно и нелепо... Пифагор впервые приехал в Италию приблизительно через 140 лет после смерти Нумы» (пер. В. Горенштейна).

¹² *Cic.* Tuscul. IV. 2–3: «Рассматривая занятия науками, я по многим признакам вижу, что они у нас, хоть

учения Пифагора и сакральных норм Нумы. Особенно изобилует подобными, отнюдь не пустыми сравнениями сочинение знатока и последователя пифагореизма Плутарха (Num. 8; 14; 18; 22). Объяснить это сходство лишь позднейшим греческим влиянием III–II вв. до н.э., как это делают некоторые современные ученые¹³, не представляется возможным на том основании, что сходные черты несут в себе элементы именно примитивной, догосударственной идеологии. Поэтому наличие сходства следует объяснять другими причинами. Остановимся лишь на двух из них.

Во-первых, хотя Пифагор и был пришельцем из Самоса, привезшим с собой астрологию халдеев, геометрию египтян и математику финикийцев¹⁴, однако более всего он прославился именно «наукой о жертвоприношениях и торжественных богослужениях»¹⁵. К тому же одной из главных его акусм было одобрение «верности отеческим обычаям и установлениям»¹⁶. Давно отмечено, что пифагореизм на юге Италии в VI–V вв. до н.э. представлял собой «замкнутую аристократическую секту»¹⁷. Следует лишь добавить, что, как всякое аристократическое учение архаической эпохи, пифагореизм был достаточно консервативен и обращен на сохранение обычаев предков. Действительно едва ли такие табу Пифагоровой науки о жертвоприношениях как «упавшее не поднимать», «не прикасаться к белому петуху», «хлеб не разламывать» (Arist. De Pyth. fr. 195 Rose), «ярмо не перешагивай», «воздерживайся от бобов» (Jambl. Protrept. 21. P. 106, 18 Pist.) и т.п., были вновь приобретенными кротонцами сакральными нормами. Скорее всего, пифагореизм сложился на базе слияния местных италийских и греческих религиозных обычаев и установлений. На это обращал внимание еще Т. Моммзен¹⁸, ссылаясь на знаменитые законы легендарного царя Итала, правление которого традиция относит ко II тыс. до н.э. Действительно, Аристотель локализует царство Итала в южной оконечности Италии между Скиллетийским и Ламетийским заливами¹⁹, т.е. как раз в районе г. Кротона – центра пифагорейцев. Согласно

и восприняты со стороны, были не только заимствованы, но и сохранены и развиты. На виду у наших предков был сам Пифагор... он жил в Италии в те самые годы, когда знаменитый... Лучий Брут освободил от царей наше отечество. Учение Пифагора... проникло... и в наше государство; и это не только предположение, но доказывается многими признаками. Кто поверит, что в те самые годы, когда в Италии цвела большими и могущественными городами так называемая Великая Греция, а в ней не было имени громче, чем сперва Пифагора, а потом пифагорейцев, – что в те годы слух наших земляков оставался замкнут для этих ученейших речей? (3) Я даже думаю, что именно из-за преклонения перед пифагорейцами к их числу позднейшими поколениями был причислен наш царь Нума... Подлинных следов пифагорейцев можно собрать множество...» (пер. М.Л. Гаспарова).

¹³ См., например: *Бобриникова Т.А.* Сципион Африканский. Воронеж, 1996. Кн. 2. С. 46 сл.; *Poucet J.* Recherches sur la légende sabine des origines de Rome. Louvain-Kingshasa, 1967. P. 138 ss.; *Grilli A.* Numa, Pitagora e la politica antiscipionica // *Politica e religione nel primo scontro tra Roma e l'Oriente.* Milano, 1982 (Contributi dell'istituto di storia antica. 8). P. 186–197.

¹⁴ *Porph.* Pyth. 1: «Мнесарх отвез его в Тир и привел к халдеям, где Пифагор и овладел всеми их знаниями». У греческого философа Анаксимандра Милетского он учился геометрии и астрономии (ibid. 11). В последнее время восточные путешествия и заимствования Пифагора подвергаются сомнению, см. *Жмудь Л.Я.* Пифагор и его школа. Л., 1990. С. 18–28.

¹⁵ *Isocr.* Busir. 28: «Пифагор из Самоса... в особенности отличился рвением, с которым подвизался в науке о жертвоприношениях и торжественных богослужениях, совершаемых в храмах» (пер. А. Лебедева).

¹⁶ *Aristox.* fr. 34 Wehrli; *Jambl.* De vita Pyth. 176.

¹⁷ *Андреев Ю.В.* Архаическая Греция // *История Европы.* Т. 1. М., 1988. С. 257; см. также: *Жмудь Л.Я.* Ук. соч. С. 30 сл.; *Чанышева А.Н.* Итальянская философия. М., 1975. С. 31–38.

¹⁸ *Моммзен.* Ук. соч. 122–134.

¹⁹ *Arist.* Polit. 1329 b (VII. 9. 2–3): «Древним, по-видимому является и установление сисситий, которые на Крите были введены в царствование Миноса, а в Италии – в еще гораздо более раннюю пору. Ученые из тамошних жителей рассказывают, что был некто Итал, царь Энотрии; по имени его энотры переименовали свое название на италов, и от него же получила название Италии та береговая полоса Европы, которая тянется между Скиллетийским и Ламетийским заливами, разделяемыми расстоянием в полдня пути. 3. Передают, что этот Итал сделал энотров, которые вели кочевой образ жизни, земледельцами, дал им новые законы и впервые установил сисситии; и теперь еще кое у кого из потомков Итала существуют сисситии и применяются некоторые из изданных им законов» (пер. С.А. Жебелева). Ср. *Dionys.* I. 12. 3.

Аристотелю, Итал, как минимум, современник Миноса, ввел среди прочих закон о сисситиях, а этот институт занимал в пифагореизме чуть ли не центральное место. Любопытно, что по мнению Аристотеля, эти законы Итала применялись кое-где на юге Италии еще и в его время. Известны многочисленные легенды, излагаемые западногреческими историками V в. до н.э., например, Антиохом Сиракузским, связывающие родственными отношениями царей Итала и Латина, а также основание древнейшего, доромулова Рима с правлением Итала и его потомков²⁰. Таким образом, традиция указывает на существование древнейших общешталийских правовых и религиозных институтов. Следовательно, Нума, жители Кур и вообще всей южной части Италии, включая Лаций, с одной стороны, и пифагореизм – с другой, могли иметь общий, гораздо более древний, чем сам пифагореизм или законы Нумы, источник влияния, общие обычаи предков, восходящие ко II тыс. до н.э.

Во-вторых, что касается еще одной причины, то она тесно связана с политической ситуацией в Италии конца VI в. до н.э. Как известно, VI в. отмечен длительной войной южноиталийских городов и их союзников с карфагенянами на юге и этрусками на севере. Эта война осложнялась социальной борьбой внутри и между греческими городами. Согласно традиции, «олигархическая партия» Пифагора и его сторонников пришла к власти в целом ряде южноиталийских городов. Широко известен разгром кротонцами сибаритов в 510 г. до н.э. В этот период особенно сильным было и идеологическое влияние пифагорейцев не только на греков, но и на все города Италии. По словам современника и ученика Аристотеля – Аристоксена, к Пифагору среди прочих народов приходили учиться мудрости и римляне²¹. Если верить утверждению Аристоксена, то римляне имели непосредственный контакт с Пифагором незадолго до изгнания Тарквиниев и установления аристократической республики. Еще более удивительные сведения мы находим у ученика и младшего современника Пифагора – Эпихарма, известного своими акростихами и нововведениями в греческом алфавите²². По словам Плутарха, этот автор писал, что римляне даровали Пифагору права гражданства²³. Союз греков и римлян в борьбе с пунийцами и этрусками вполне естествен²⁴. В связи с этим не случайно противопоставление греками благородного латина «дикому тирренцу»²⁵. Граница влияния греков и этрусков проходила как раз по Тибру²⁶. Близость греков и римлян была столь значительна, что Ливий, описывая поход этрусского царя Порсены в конце VI в. до н.э. против Рима и итальянских греков,

²⁰ *Dionys.* I. 72. 6: «А Дионисий Халкидец объявляет Рома основателем города и говорит, что он, согласно одним, был сыном Аскания, а другим – Этатиона. Но есть такие, кто рассказывает, что Рим был основан Ромом, сыном Итала, а матерью его была Левкария, дочь Латина»; I. 73. 4: «Антиох Сиракузский... рассказывает... следующее: "Когда Итал состарился, воцарился Маргет. А к нему прибыл муж, беглец из Рима. "Имя ему было Сикел"» (пер. И.Л. Маяк).

²¹ *Porph.* *Ryth.* 22: «Поселившись здесь, он увидел, что города Италии и Сицилии находятся в рабстве друг у друга... и вернул им вольность, поселив в них помышления о свободе через своих учеников, которые были в каждом городе... Даже луканы, мессаны, певкетии, римляне, по словам Аристоксена, приходили к нему. И не только через своих друзей умирал он раздоры внутренние и междоусобные, но и через их потомков во многих поколениях и по всем городам Италии и Сицилии» (пер. М. Гаспарова).

²² *Diog. Laert.* VIII. 78: «Эпихарм... тоже был учеником Пифагора... В большинстве записок он сочинил акростихи»; *Theocr.* *Epigr.* XVIII: «Сам дориец, по-дорийски Эпихарм писал, сей муж избрал комедию»; *Plin.* N.H. VII. 192: «Согласно Аристотелю, древний алфавит состоял из 18 букв..., а две буквы Θ и Χ были добавлены, по его мнению, Эпихармом...».

²³ *Plut.* *Num.* 8: «римляне даровали Пифагору права гражданства, как сообщает в книге, посвященной Антенору, комик Эпихарм, старинный писатель и приверженец Пифагорова учения» (пер. С.П. Маркиша).

²⁴ О необходимости такого союза говорит и содержание первого договора Рима с Карфагеном, датируемого 509 г. до н.э. С одной стороны, карфагеняне обещают римлянам запретить союзным им пунийцам нападать на Рим, с другой стороны, они предлагают римлянам равенство торговых прав на Сицилии (*Polyb.* III. 22–23). О греко-римских связях этого периода см.: *Mazzarino.* *Op. cit.*; *Ferrero L.* *Storia del Pitagorismo nel mondo romano.* Napoli, 1955.

²⁵ *Момзен.* Ук. соч. С. 134.

²⁶ Там же. С. 134 сл.

ошибочно называет греческие Кумы латинским городом²⁷, а гораздо более ранний автор – Гераклид Понтийский – точно так же ошибочно причисляет Рим к греческим городам²⁸. Аристотель же вообще считает, что древнейший Рим был основан греками (Arist. fr. 609 Rose).

В связи с вышесказанным в несколько ином свете представляется и антиэтрусский переворот в Риме 510 или 509 г. до н.э. Сами организаторы переворота Луций Юний Брут и Валерий Публикола отмечены традицией как мудрецы-законодатели вполне в духе пифагорейского учения. Так, согласно легенде, Брут получил прекрасное образование (Dionys. IV. 68), уже в молодости проявил мудрость в чисто пифагорейском толковании дельфийского оракула²⁹, отменил кровавые человеческие жертвоприношения этрусков³⁰ и ввел греческие культы³¹. Его приверженность скромному образу жизни, молчаливость, суровость в отстаивании государственных интересов, спокойствие и выдержка также роднят его с пифагорейским учением. Цицерон даже наделяет его высшей философской мудростью (*summa prudentia*), скрывавшейся под маской глупости (Cic. Brut. 53). Наконец, сам факт, что он, по словам Манилия³², был подобно Ромулу, Сципиону Африканскому и Цицерону причислен римлянами к героям, обретшим свое место на Млечном пути звездного небосклона, косвенно связывает его с авгурским искусством дивинации. Что касается Валерия Публиколы, то традиция также изображает его красноречивым оратором (Dionys. V. 17.3), мудрым законодателем (Liv. II. 8. 1–3), в общем – философом в истинно римском духе, которому Дионисий приписывает принцип «богатым является не тот, кто много приобрел, а тот, кто довольствуется немногим». Принципами его жизненной философии были умеренность и разумный образ жизни, воспитание достойных детей³³.

²⁷ Liv. II. 14. 5–6: «Прекратив войну с римлянами, Порсена... послал своего сына Аррунта с частью войск осадить Арицию. Арицийцы, получив помощь от латинских племен из Кум... решились на сражение» (пер. Н.А. Поздняковой).

²⁸ Plut. Cam. 22: «Гераклид Понтийский пишет..., что от гипербореев пришло войско и захватило греческий город Рим..., что Рим взяли кельты, несомненно слышал философ Аристотель...»; см. также Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1992. С. 149; Tondo. Op. cit. P. 38 sg.

²⁹ Dionys. IV. 69; Liv. I. 56. 11–12; Cic. Brut. 53.

³⁰ Macrobi. Sat. I. 7. 34–35: «...cum ludi per urbem in compitis agitabantur, restituti scilicet a Tarquinio Superbo Laribus ac Maniae ex responso Apollinis, quo praeceptum est ut pro capitibus capitibus supplicaretur... Inde aliquamdiu observatum, ut pro familiarum sospitate pueri mactarentur Maniae deae, matri Larum. Quod sacrificii genus Iunius Brutus consul pulso Tarquinio aliter constituit celebrandum nam capitibus alii et papaveris supplicari iussit ut responso Apollinis satis fieret de nomine capitum remoto scilicet scelere infaustae sacrificiationis: factumque est ut effigies Maniae suspensae pro singulorum foribus periculum, si quod immineret familiis, expiarent... («...когда в городе проводились празднества Компиталий, восстановленные, как известно, Тарквинием Гордым ради Ларов и Манов по оракулу Аполлона, в котором было предписано, чтобы за каждую голову приносились в жертву [человеческие] головы... Поэтому в течении некоторого времени соблюдалось (правило), чтобы за каждого уцелевшего [римлянина] матери Ларов богине Мании приносились в жертву дети из числа осмы. После изгнания Тарквиния консул Брут постановил справлять этот род жертвоприношений иначе. Ведь он приказал, чтобы (маны) умилоствивлялись другими головами, а именно – маковыми головками, так как оракулу Аполлона достаточно, надо думать, чтобы злодеяние несчастного жертвоприношения заменялось лишь формой голов. И было сделано так, чтобы вместо душ отдельных людей посвященные Мании фигурки искупали опасность, если таковая угрожала домохозядам»).

³¹ Mastrocinque A. Lucio Giunio Bruto. Ricerche di storia, religione e diritto sulle origini della repubblica romana. Trento, 1989. P. 56–58.

³² Manil. Astron. I: «Или души героев, освободившись от тел и покинув Землю, поднимаются ввысь и на небе, которого они достойны, живут в веках?... И воины Рима, их больше других в небесной выси: ...Брут, основатель города, спасенного от царя...».

³³ Dionys. V. 48. 1: «В консульство этих мужей, заболев, скончался Публий Валерий по прозвищу Попликола, почитавшийся наилучшим из всех римлян того времени во всех доблестях... 2. Итак, муж этот... не был охвачен сребролюбием, порабошающим всех людей и заставляющим их поступать непристойно... Он оставался при своем незначительном, доставшемся от отца имуществе, ведя образ жизни разумный, независимый и наиболее желательный из всех (других). И при таком небольшом состоянии он воспитал

Так вот именно эти философствующие государственные мужи отменили Тарквиниевы законы и восстановили законы Нумы и Сервия Туллия³⁴. К этому добавляется еще и сообщение традиции о том, что именно в конце VI в. до н.э. законы Нумы «о священных ритуалах», записанные Анком Марцием на деревянных досках и утраченные ввиду непрочности материала, были восстановлены понтификом Гаем Папирием³⁵. Думается, что это «восстановление» сакральных норм Нумы в конце VI в. до н.э., когда политическое влияние пифагорейцев на всю южную Италию было особенно сильным, могло происходить не без влияния пифагорейской «науки о жертвоприношениях»³⁶. Однако влияние пифагореизма на сакральное право римлян не было эпизодическим.

В в. до н.э. отмечен влиянием пифагореизма на римлян через ученика Пифагора Эмпедокла³⁷. Этот современник законов XII таблиц прославился своим учением о равенстве сословий (Diog. Laert. VIII. 2. 72), а также изложением пифагореизма в песенной форме. Цицерон, ссылаясь на XII таблиц, подчеркивает, что песенная форма и размер именно тогда были заимствованы у пифагорейцев (Cic. Tusc. IV. 3–4), Прямых сведений о влиянии Эмпедокла на римлян V в. до н.э. у нас нет, однако Диоген Лаэртский со ссылкой на автора конца III в. до н.э. Гиппобота утверждает, что статуя этого пифагорейца была установлена на римской форуме перед зданием сената³⁸. Возможно, статуя эта была установлена на форуме и не в V в. до н.э., а где-то в IV–III вв. до н.э., однако это не исключает более раннего знакомства римлян с «Очищениями» Эмпедокла.

Следы влияния пифагореизма можно найти и в законах XII таблиц. Известно, что при создании децемвирального свода римляне обращались к заимствованиям из различных греческих полисов южноиталийской и материковой Греции³⁹. Сами греки придавали большое значение своей роли в создании XII таблиц. Бытовало даже некое древнее предсказание сивиллы о мудром муже ионийском, которому предстояло прибыть в Италию и даровать римлянам законы⁴⁰. Пифагорейцы стремились видеть в этом «ионийском муже» Пифагора, Гераклит же Эфесский, недолюбливавший Пифа-

детей (вполне) достойными своего рода и сделал для всех ясным, что богатым является не тот, кто много приобрел, а тот, кто довольствуется немногим».

³⁴ Dionys. V. 2. 2: «Ведь они возродили написанные Туллием законы об обязательствах, которые казались гуманными и демократичными и которые Тарквиний все полностью отменил», Dionys. V. 20. 1: «При этих консулах... были проведены цензы имущества и определены налоги на войну, как это установил царь Туллий, и которые, будучи в пренебрежении в течение всего времени правления Тарквиния, тогда при этих консулах были впервые восстановлены».

³⁵ Подробнее об этом см. Кофанов Л.Л. К вопросу о палингенезе XII таблиц // Законы XII таблиц (пер. Л.Л. Кофанова). М., 1996. С. 184, 188 сл.

³⁶ См. о влиянии пифагореизма на Папириев сборник: Tondo S. Leges regiae e patricidas. Firenze, 1973. P. 48–55.

³⁷ Время рождения Эмпедокла точно неизвестно, хотя в литературе утвердилась приблизительная дата 490–484 гг. до н.э. (см. История греческой литературы. Т. 2. М., 1955. С. 164). Однако Диоген Лаэртский со ссылкой на историка Тимея и самого Эмпедокла (VIII. 2. 54) указывает, что он был учеником самого Пифагора. Как бы то ни было, пифагореизм Эмпедокла проявляется и в самом его учении, а расцвет его деятельности приходится на 60–40-е гг. V в. до н.э. (см. Фрагменты ранних греческих философов / Сост. А.В. Лебедев. Ч. 1. М., 1989. С. 330–414).

³⁸ Diog. Laert. VIII. 2. 72: «Статуя Эмпедокла... с непокрытой головой, стояла перед римским сенатом (так говорит Гиппобот)...». Как известно, на комиции перед зданием сената статуи ставили лишь тем, кто оказал неоценимые услуги римскому народу. См. Plin. N.H. XXXIV. 9. 17; 14. 30.

³⁹ Dionys. X. 51. 5; 54. 3; 56. 5; 57. 5.

⁴⁰ Так приписываемое Гераклиту письмо к Гермодору (Ps. Heraclit. Epist. VIII) гласит следующее: «Дай мне знать, Гермодор, когда ты решил отчалить в Италию. Пусть боги и демоны той страны примут тебя милостиво! Мне приснилось, как к твоим законам подходили цари со всего обитаемого мира и, падая перед ними ниц, поклонялись по персидскому обычаю... (2) Среди прочего сивилла предсказала и следующее: "Мудрый в Италию муж придет из страны ионийской". Она предвидела тебя за столько веков, Гермодор...» (пер. А.В. Лебедева).

гора за то, что тот якобы украл его философию⁴¹, обращал это предсказание на своего друга и последователя Гермодора⁴². Об участии Гермодора Эфесского в составлении XII таблиц сообщают многие как греческие, так и латинские писатели⁴³. Согласно Плинию, римляне в благодарность даже поставили ему статую на форуме⁴⁴. Можно даже проследить возможное влияние Гермодора на римские законы. Так, например, Гераклит (или близкий ему по времени подражатель) сообщает, что эфесцы изгнали его за законопроект, предоставлявший вольноотпущенникам равенство гражданских прав, а их детям – равенство привилегий⁴⁵. В то же время известно, что у римлян в VI–V вв. до н.э., в отличие от других народов Средиземноморья, действовала именно эта система предоставления гражданства вольноотпущенникам⁴⁶.

Однако в XII таблицах есть следы и пифагореизма. На них указывает Дионисий, говоря о заимствованиях децемвиров из законодательства южноиталийских полисов⁴⁷. Так, давно обращено внимание на хотя и позднее, но уходящее корнями в древность наименование законов XII таблиц как *ter tabulae quaternae*⁴⁸, т.е. «трижды по четыре таблицы». Что касается четверки, то она, по мнению пифагорейцев, олицетворяла саму справедливость, так что клятву четверицей они почитали за величайшую⁴⁹. Тройку же пифагорейцы и римляне почитали за совершенное, свойственное божественному мужскому началу число⁵⁰. Тройка понималась как начало, середина и конец

⁴¹ *Diog. Laert.* IX. 1. 1: «Гераклит... всех презирал, как это явствует из его сочинения, где он говорит: "Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора"; *Diog. Laert.* VIII. 1. 6: «Гераклит чуть не в голос кричит: "Пифагор, сын Мнесилоха, превыше всех людей занимался собиранием сведений и, понадегав себе эти сочинения, выдал за свою собственную мудрость многознание и мошенничество"» (пер. М.Л. Гаспарова).

⁴² *P. Heraclit. Epist.* IX. 6: «Кто подчинится твоим законам, Гермодор, те станут лучше, не досадуя. Провидит это моя личность, которая для каждого – его божество. И подчинится, и вся власть будет у них в руках, если будут подражать природе» (пер. А.В. Лебедева).

⁴³ *D.* 1. 2. 2. 4 (*Pomp.*): *Quarum ferendarum (legum) auctorem fuisse decemviri Hermodorum quendam Ephesium exulantem in Italia quidam rettulerunt* («Некоторые (авторы) сообщают, что инициатором принятия этих законов был для децемвиров некий Гермодор Эфесский, изгнанник, живший в Италии»); *Strabo.* XIV. 1. 25: «Знаменитые люди родом из этого города следующие: из древних Гераклит по прозвищу Темный и Гермодор, о котором сам Гераклит говорит: "Всех до одного стоит повесить тех эфесцев, которые изгнали Гермодора, полезнейшего среди них человека, говоря: пусть не будет среди нас самого полезного; если же такой человек найдется, то пусть он живет в другом месте и среди других людей". Этот человек, по-видимому, написал для римлян некоторые законы» (...Ἰσοκρίτης δ' ὄλιτος ὁ ἀπὸρ νόμους τινὰς Ῥωμαίων συνέγραψε).

⁴⁴ *Plin.* N.H. XXXIV. 21: *Fuit et Hermodori Ephesii statua in comitio, legum quas decemviri scribebant interpretis, publice dicata* («На комиции была также публично освященная статуя Гермодора Эфесского, переводчика законов, которые писали децемвиры»).

⁴⁵ *P. Heraclit. Epist.* IX. 1: «За что, спрашивается, эфесцы изгоняют тебя – самого доблестного гражданина. За что, спрашивается, как не за то, что ты написал законы, предоставляющие вольноотпущенникам равенство гражданских прав, а их детям – равенство привилегий?» (пер. А.В. Лебедева).

⁴⁶ *Liv.* II. 5. 9; *Dionys.* IV. 24. 1–8; *Plut.* Num. 23; *Coriol.* 24.

⁴⁷ *Dionys.* X. 51. 5; 54. 3.

⁴⁸ *Auson.* *Idyll.* XI. 61–62: *Ius triplex, tabulae quod ter sanxere quaternae / Sacrum, privatum, populi commune quod usquam est* («Из трех частей состоит и все то право, которое трижды по четыре таблицы санкционировали как сакральное, как частное и как общее для народа»). Комментарий к этому отрывку из Авсония см. *Diliberto O.* *Conoscenza e diffusione delle XII Tavole nell'età del basso Impero // Древнее право.* 1997. 2. С. 74–83.

⁴⁹ *Procl.* *De orig.* 1. 3. 8: «Поэтому монадически число – в десяти, а согласно потенции – в четырех. Вот почему пифагорейцы клялись четверицей, почитая ее величайшей клятвой»; *Alex. Aphrod.* *Comm. ad Arist. Metaph.* A 5. 985 b 23. p. 38, 10: «Полагая отличительным признаком справедливости эквивалентность и равенство и находя это свойство в числах, они определяли справедливость как первое квадратное число... Этим числом одни считали четыре, так как это первый квадрат... а другие – девять, так как это первый квадрат нечетного числа трех, умноженного на самого себя».

⁵⁰ *Serv. Eclog.* 8. 75: *NUMERO DEUS IMPARE GAUDET* aut quicumque superiorum, iuxta Pythagoreos, qui ternarium numerum perfectum summo deo adsignant, a quo initium et medium et finis est: aut re vera Hecaten dicit, cuius triplex potestas triplici signo ostendatur, ut lovis trifidum fulmen, Neptuni tridens, Plutonis canis triceps. Apollo

и связывалась с общесредиземноморским древнейшим культом троицы Бога-отца Дита, бога-сына Юпитера и Аполлона (Dionys. I. 19. 3). Особое отношение к цифре три проявляется во многих нормах XII таблиц – это и троекратная манципация сына, и право трех ночей, и казнь несостоятельного должника в третьи нундины и т.д. В такой интерпретации понятна характеристика римскими писателями XII таблиц как начала и конца справедливости⁵¹. Как известно, в V в. до н.э. именно пифагорейцы были особенно знамениты сведением всех телесных вещей к магической игре цифр, к определенному числу⁵².

Заметно влияние пифагореизма и в децемвиральных фастах, подтвердивших двенадцатимесячный год⁵³, и в нормах погребального ритуала. Далее, принцип талиона XII таблиц вполне соответствует пифагорейскому принципу справедливого возмездия каждому соответственно преступлению⁵⁴. Впрочем, многие черты были одинаково свойственны не только грекам-пифагорейцам и римлянам, но и другим греческим полисам и вообще средиземноморским народам, однако при абсолютном преобладании пифагорейского учения на юге Италии в V в. до н.э. (Cic. Tuscul. IV. 2–3) и при наличии сведений о заимствованиях децемвиров именно из законодательства южноиталийских греческих городов логично допустить влияние именно пифагореизма на законы XII таблиц.

Обращаясь к дальнейшей истории взаимоотношений южноиталийских греков и римлян, можно отметить, что пифагореизм не потерял своего авторитета и в Риме IV в. до н.э. По крайней мере, именно концом IV в. до н.э. датируется возведение по повелению сената на римском Форуме статуи Пифагора как самого мудрого с точки зрения римлян грека⁵⁵. К этому же времени относится и деятельность пифагорейца Аппия Клавдия Цека⁵⁶.

Однако судить о степени влияния пифагореизма на законы XII таблиц достаточно сложно, так как децемвиральные нормы сакрального права, где это влияние было наиболее сильным, почти не сохранились. Поэтому обратимся, наконец, от истории к анализу самого сакрального права эпохи от Нумы Помпилия до децемвиров, дабы подтвердить или опровергнуть настоячивые утверждения греков о влиянии пифагореизма на древнейшее сакральное право римлян. Наиболее полно черты пифагореизма в сакральном праве Нумы Помпилия рассматривает Плутарх. При поверхностном анализе данные Плутарха не выдерживают никакой критики, на что давно обратили

idem Sol, idem Liber. et quod omnia ternario numero continentur, ut parcae, furiae; Hercules etiam trinoctio conceptus: musae ter ternae: aut 'impare' quemadmodumcumque: nam septem chordae, septem planctae, septem dies nominibus deorum, septem stellae in septemtrione, et multa his similia. et impar numerus immortalis, quia dividi integer non potest: par numerus mortalium, quia dividi potest: licet Varro dicat Pythagoreos putare, imparium numerum habere finem, parium esse infinitum: ideo medendi causa multarumque rerum impares numeros servari. 'impare' autem propter metrum ait: nam 'ab hoc impari' dicimus.

⁵¹ Liv. III. 34. 3: «Они сказали, что уравнили в правах всех – и лучших и худших» (omnibus, summis infimisque, iura aequasse); Tac. Ann. III. 27: «...децемвиры, которые, взяв отовсюду все лучшее, составили двенадцать таблиц, последний свод равноправия» (creatique decemviri et, accitis quae usquam egregia, compositae duodecim tabulae. finis aequi iuris); см. также Cic. De rep. II. 61; Flor. Epit. I. 24. 1.

⁵² Жмудь. Ук. соч. С. 159–180.

⁵³ О фастах XII таблиц см. Кофинов. К вопросу о палингенезе... С. 182.

⁵⁴ Arist. EN. 8. 1132 b 21: «По мнению некоторых, справедливость в абсолютном смысле – это воздаяние равным; так считали, например, пифагорейцы, они определяли справедливость в абсолютном смысле как "воздаяние, равное [ущербу, причиненному] другому"» (пер. А.В. Лебедева).

⁵⁵ Plut. Num. 8: «однажды оракул повелел римлянам воздвигнуть у себя в городе статуи самому мудрому и самому храброму из греков, и тогда-де они поставили на Форуме два бронзовых изображения: одно – Алкивиада, другое – Пифагора». Plin. N.H. XXXIV. 12. 26: «Я узнал также, что на углах Комиция были поставлены статуи Пифагору и Алкивиаду, когда в Самнитскую войну Аполлон Пифийский повелел посвятить на людном месте одно изображение отважнейшему из греческого народа и другое – мудрейшему... И странно, что сенаторы Сократу... предпочли Пифагора».

⁵⁶ Так, известно упоминание Цицерона: «Даже стихи Аппия Клавдия, которые так хвалит Панетий в одном письме Туберону, кажутся мне написанными в пифагорейской манере» (Tuscul. IV. 2. 4). О пифагореизме Аппия Клавдия Цека см. Ferenczy E. From Patrician State to Patricio-Plebeian State. Budapest, 1976. P. 214 f.

внимание современные историки⁵⁷. Так, бескровность жертв, якобы установленная Нумой⁵⁸ в соответствии с акусмой Пифагора, запрещающей приносить в жертву животных⁵⁹, опровергается самим же Плутархом, согласно которому, например, «вдова, снова вступавшая в брак до истечения 10 месяцев, по законам царя Нумы, приносила в жертву богам стельную корову» (Num. 12). Примеров кровавых жертвоприношений в соответствии с римским понтификальным правом можно привести множество. Также обращают внимание на несостыкованность утверждения Плутарха относительно запрета поклоняться богам в образе человека или животного, создавая их изображения и статуи⁶⁰. Ведь Плиний Старший указывает, что сам Нума посвятил Двуликому Янусу статую⁶¹.

Однако здесь необходимо отличать все сакральное право римлян от отдельных его частей. Известно древнейшее деление сакрального права на понтификальное и авгуральное, и если понтификалики ведали всеми кровавыми жертвоприношениями и ритуалами, то авгуральное право было напрочь лишено их⁶². Бескровные жертвы, фимиам вместе с молитвами воскурялись на алтаре, называвшемся ага, находившемся внутри храма, возле так называемого *delubrum* – символа бога, сделанного из очищенного от коры дерева или палки⁶³. Сам Плиний в рассказе о Нумовой статуе Януса с удивлением отмечает, что внутри храмов очень долгое время, вплоть до покорения Азии, символами богов были подобные описанному Фестом *delubrum* деревянные или же глиняные изображения богов⁶⁴.

Что же касается алтаря вне стен храма, то на нем понтификами всегда совершались искупительные жертвоприношения животных⁶⁵. Таким образом, говоря о влиянии пифагореизма, следует иметь в виду прежде всего ту часть римского сакрального права, которая находилась в ведении авгуров. Здесь мы найдем множество соответствий пифагорейской науке «о жертвоприношениях и торжественных богослужениях». Так, «тесное общение с божеством», о котором говорит Плутарх⁶⁶ – это, по словам Цицерона, главная обязанность авгуров, являвшихся интерпретаторами воли Юпитера и его советчиками⁶⁷. Далее, как уже отмечалось, авгуры никогда не почитали статуи

⁵⁷ Бобровникова. Ук. соч. С. 45.

⁵⁸ *Plut. Num.* 8: «Порядок жертвоприношений полностью следует пифагорейским обрядам: жертвы были бескровны».

⁵⁹ *Diog. Laert.* VIII. 1. 20: «Живых тварей он никогда не приносил в жертву, разве что (по некоторым известиям) только петухов, молочных козлят и поросят, но никак не агнцев».

⁶⁰ *Plut. Num.* 8: «Распоряжения Нумы касательно статуй богов – родные братья Пифагоровых догм: ...царь запретил римлянам чтить бога в образе человека или животного, и в древности у них не было ни написанных, ни изваянных подобий божества. На протяжении первых 170 лет, строя храмы и воздвигая священные здания, они не создавали вещественных изображений» (пер. С.П. Маркиша).

⁶¹ *Plin. N.H.* XXXIV. 34: «О том, однако, что в Италии было свое искусство скульптуры в меди, причем с древних времен, свидетельствует... посвященный царем Нумой Двуликий Янус, который почитается как символ мира и войны, с пальцами, сложенными так, что они знаком 365 дней, или обозначением годового времени, указывают, что он бог и периодов времени» (пер. Г.А. Тароняна).

⁶² *Wissowa G. Augures* // RE. Hlbd 2. Sp. 2313–2344.

⁶³ *Fest.* 64 L: *Delubrum dicebant fustem delibratum, hoc est decorticatum, quem venerabantur pro deo* («*Delubrum* называли ободранную, то есть очищенную от коры палку, которую почитали вместо бога»).

⁶⁴ *Plin. N.H.* XXXIV. 34: *Mirumque mihi videtur, cum statuarum origo tam vetus Italiae sit, lignea potius aut fictilia deorum simulacra in delubris dicata usque ad devictam Asiam, unde luxuria* («И мне представляется удивительным, что, несмотря на появление статуй в Италии с такого древнего времени, изображения богов в святилищах посвящались предпочтительнее деревянные или глиняные вплоть до покорения Азии, откуда роскошь» – пер. Г.А. Тароняна).

⁶⁵ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб., 1885. С. 122.

⁶⁶ *Plut. Num.* 8: «Ведь и в философии Пифагора и в государственном устройстве Нумы важное место занимало тесное общение с божеством».

⁶⁷ *Cic. De leg.* II. 20–21: *Interpres autem Iovis optimi maximi, publici augures, signis et auspiciis postera vidento* («Государственные авгуры, интерпретаторы воли Юпитера Всеблагого Величайшего, на основании знамений и ауспий да узнают грядущее»); III. 43: *Est autem bono auguri meminisse... Iovique optimo maximo*

богов, но свои молитвы обращали к небу. Символ их власти – *lituus* – изогнутая деревянная палка, которой они разделяли небо на части, был вполне сродни тем деревянным *delubra*, которые находились в храмах богов древнейшего Рима. Что касается жертвоприношений авгуров, то они действительно были бескровны. Так, хорошо известна роль авгуров в межевании полей и освящении виноградников. По утверждению агрименсоров, последователей авгуров в системе межевания полей, жертвы, приносимые Термину при разделении границ, обязательно должны были быть бескровными⁶⁸. То же самое можно сказать и об обходе авгурами так называемых «аргейских мест», когда фламийке Юпитера вполне в духе пифагорейства⁶⁹ запрещалось стричь и расчесывать волосы⁷⁰, а сами авгуры совершали обход по тропинкам, минуя большие дороги⁷¹. Наконец, принесение в жертву 27 соломенных чучел, сбрасываемых со свайного моста в Тибр во время «аргейских жертвоприношений» выполнялось вполне в духе пифагорейских бескровных жертв, имитирующих кровавые жертвоприношения лишь по форме⁷².

Обряд произнесения молитв в храме или священном месте, когда авгур должен был своим движением как бы очертить круг⁷³, а затем после нункупации садиться для наблюдения знамений с неба, выполнялся с пифагорейскими ритуалами. Далее, широко известно ритуальное соблюдение полной тишины при совершении авгурий и особое почитание авгурами музыки Такиты, что Плутарх справедливо сравнивает с обычаем пифагорейского молчания⁷⁴. Почитание авгурами нечетного числа, символизировавшего небесных богов, проявляется в обязательном нечетном числе членов самой их коллегии⁷⁵, и в представлениях о божественности всякой «троицы»⁷⁶. Что касается таинственного и скрытого смысла пифагорейских установлений, то известна обяза-

se consiliarium atque administrum datum («Долг добросовестного авгура помнить, что... он назначен советником и помощником Юпитеру Всеблагому Величайшему»).

⁶⁸ *Sicul. Flacc. De condic. agr. // Schriften der römischen Feldmesser. Bd I. B., 1848. S. 141.*

⁶⁹ *Iambl. Protrep. 21. P. 106. 18 Pist:* «27. Во время жертвоприношения ногтей не постригай»; «32. На обрезки своих волос и ногтей не плюй».

⁷⁰ *Aul. Gell. X. 15. 30:* «Когда она ходит к Аргеям, ей нельзя ни украшать голову, ни причесывать волосы» (*cum it ad Argeos, quod neque comit caput neque capillum depectit*).

⁷¹ *Ovid. Fast. III. 797 sq.:* «В этот же день (17 марта – Л.К.), как и в день предыдущий, я вспоминаю, ходят тропью к Аргеям (о них я в свое время скажу)» (*Itur ad Argeos (qui sint sua pagina dicet) hac. si contemini, praeterita die*): ср. с соответствующей акусмой пифагорейцев: *Iambl. Protrep. 21. P. 106. 18 Pist:* «4. Избегай больших дорог и ходи по тропинкам».

⁷² *Porph. Pyth. 36:* «Жертвы богам приносил он необременительно, угождая им мукой, лепешками, ладаном, миррою и очень редко – животными, кроме разве что молочных поросят. И даже когда он открыл, что в прямоугольном треугольнике гипотенуза имеет соответствие с катетами, он принес в жертву быка, сделанного из пшеничного теста, так говорят надежнейшие писатели» (пер. М.Л. Гаспарова). Ср. *Cic. De nat. deor. III. 88.*

⁷³ *Plut. Num. 14:* «О пифагорейском учении напоминают и многие другие предписания Нумы... молясь богам, поворачиваясь, а по окончании молитвы – садиться... Поворот во время молитвы воспроизводит, говорят, вращение вселенной. Скорее, однако, поскольку двери храмов обращены к утренней заре и, входя в храм, оказываешься к востоку спиной, молящийся сначала поворачивается лицом к солнцу, а потом снова к изображению бога, описывая полный круг...» (пер. С.П. Маркиша).

⁷⁴ *Plut. Num. 8:* «Нума именно музам приписывал большую часть своих прорицаний, а одну из них, которую он называл Такитой, что значит «молчаливая» или «немая», велел римлянам чтить особо; последнее, по-видимому, доказывает, что он знал и уважал обычай пифагорейского безмолвия» (пер. С.П. Маркиша).

⁷⁵ *Wissowa. Op. cit. Sp. 2317.*

⁷⁶ См. выше: *Serv. Eclor. 8. 75. Ср: Plut. Num. 14:* «Как пифагорейцы внушали... приносить в жертву небесным богам четное число животных, а подземным – нечетное, причем смысл каждого из этих установлений от толпы утаивался, так и смысл иных законов, идущих от Нумы, остается скрытым...»; *Porph. Pyth. 51:* «Так все, что в природе имеет начало, середину и конец, (пифагорейцы) по такой его природе называют Троицей, ...и все, что совершенно – тоже: все совершенное, говорят они, исходит из этого начала и им упорядочено, поэтому его нельзя назвать иначе чем Троицей...» (пер. М.Л. Гаспарова).

тельность сохранения авгурами тайны учения и устная передача его из поколения в поколение⁷⁷.

В отношении к дивинации особенно много сходства как в обряде разделения небесного свода на благоприятные и неблагоприятные части, так и в гадании по полету птиц, по звездам⁷⁸, по сновидениям и т.д.⁷⁹ Сами авгуры согласно праву должны были приступать к наблюдению за божественными знаменами духовно и физически очищенными. Так, например, не мог приступить к гаданию тот авгур, на теле которого имелась какая-либо рана или язва⁸⁰. Блюда священную чистоту, они подобно пифагорейцам⁸¹ должны были воздерживаться от бобовых⁸². Причем Плиний и Варрон считают этот пифагорейский запрет весьма древним ритуалом⁸³. Авгурам и фламину Юпитера как служителям небесных богов запрещалось прикасаться ко всему, используемому, как бобы, в хтонических культурах⁸⁴. Именно поэтому гадание по печени жертвенного животного производилось не авгурами, а специально приглашенными иностранцами-этрусскими гаруспиками⁸⁵.

Список сходных черт пифагорейских и авгуральных ритуалов можно было бы значительно расширить, однако приведенного материала достаточно, чтобы сделать вывод о близости южноиталийской и римской религиозных систем. Однако речь должна идти не столько о заимствовании римлянами пифагореизма, сколько о тесной связи и древнейшем взаимопроникновении культур данных ареалов. Как уже отмечалось, общим фундаментом обеих культур служили еще действовавшие в V–IV вв. до н.э. в

⁷⁷ *Plut. Q.R.* 99: «Почему... только авгур до конца жизни не утрачивает жреческого достоинства, хотя бы он был уличен в самых тяжких преступлениях? Может быть, как полагают некоторые, римляне не хотят, чтобы тайны священного обряда знал человек, не облеченный саном? Или, так как авгур связан клятвой, которая запрещает ему открывать священное знание, они опасаются, что, ставши частным лицом, он освободится от этой клятвы?» (пер. Н.В. Брагинской).

⁷⁸ В отношении гадания по звездам любопытно отметить, что римские авгуры, согласно их учению, при выборе места для храма ориентировались на его соответствие небесному *templum* того божества, которому посвящалось земное сооружение. Особенно интересно то, что римские авгуры втыкали в таких освященных местах так называемые *stellae* – металлические бляшки в форме звезды: *Fest.* 351 M: «Атей Капитон говорит, что *stella* означает "благоприятное" и "счастливое", согласно авторитету авгура П. Сервилия. словом *stella* называется то, что в виде металлической бляшки наподобие звезды втыкается в освященных авгуриями местах» (*stellam significare ait Ateius Capito laetum et prosperum, auctoritatem secutus P. Servilii auguris stellam quae ex lamella aerea adsimilis stellae locis inauguratis infigatur*).

⁷⁹ *Plut. Num.* 17: «Занимался Нума и движением небесного свода – хотя и не вполне основательно, но и не вовсе без знания дела»; *Cic. Divin.* I. 5: «Философами же были подобраны некоторые доказательства возможности истинной дивинации... Пифагор высоко поднял авторитет этого мнения, он ведь и сам хотел быть авгуром»; *Diog. Laert.* VIII. 1. 20: «Гадания (Пифагор) совершал по голосам, по птицам, но никогда по сжигаемым жертвам»; *Tert. De anim.* 46 (377. 8 *Wiss.*): «Из всех видов дивинации Эпихарм высшим считает сновидения».

⁸⁰ *Plut. Q.R.* 73: «Почему авгуру, у которого на теле есть какая-нибудь рана или язва, запрещено наблюдать за птицами? Не означает ли это, что священные обязанности может выполнять только тот, кто ни от чего не страдает, чья душа ничем не уязвлена, кто беспечален, безнужден и сосредоточен? Или же как для жертвоприношения не избирают большое животное или для гаданий нездоровых птиц, то тем важнее соблюдать, чтобы и сам священнослужитель, приступая к истолкованию божественных знамений, был чист, здоров и невредим: а всякая язва или рана – это нечто подобное ущербу и осквернению тела?» (пер. Н.В. Брагинской).

⁸¹ *Diog. Laert.* VIII. 1. 34: «От бобов воздерживаться Пифагор велел (по словам Аристотеля в книге о пифагорейцах)...». *Porph. Pyth.* 43: «Бобов он запрещал касаться, все равно как человеческого мяса».

⁸² *Plut. Q.R.* 95: «Почему те, кто хранит священную чистоту, должны воздерживаться от бобовых? Может быть, они воздерживаются от бобов по тем же общеизвестным причинам, что и пифагорейцы... Или же, вернее, для святой и непорочной жизни тело должно быть чисто и свободно от скверны, а бобовые пучат и производят излишек, от которого надо тщательно очищаться?» (пер. Н.В. Брагинской).

⁸³ *Plin. N.H.* XVIII. 118–119 (со ссылкой на Варрона).

⁸⁴ *Ovid. Fast.* II. 574: V. 436.

⁸⁵ *Cic. De leg.* II. 21: м «Знамения и чудеса – если сенат повелит – да передаются на рассмотрение этрусским гаруспикам. Этрурия да обучает первенствующих людей этой науке» (*Prodigia portenta ad Etruscos haruspices, si senatus iussit, deferunt, Etruriaque principes disciplinam doceto*).

ряде южноиталийских городов законы легендарного Итала, восходящие к крито-мекенскому периоду, оставившему в Италии достаточно заметный след. Культурные же контакты греков и потомков Энея, установившиеся еще в конце II – начале I тыс. до н.э., не ослабевали и в последующие века архаической истории Рима. Поэтому не так уж неправ Цицерон, намекая на то, что скорее Пифагор учился у римского царя Нумы Помпилия, нежели наоборот⁸⁶.

Л.Л. Кофанов

PYTHAGOREANISM IN THE ROMAN AUGURAL LAW

L.L. Kofanov

There are many books in Russian and foreign historiography devoted to the Greek influence on Rome and the Roman law. However these books, as a rule, deal with a rather late influence relating to the 3rd c. B.C. And when the influence of the archaic era is discussed, first of all it means that of Etruscans. But in the antique tradition there was a stable belief in a deep Greek influence just on archaic Rome in general and the Roman law in particular. Thus the legend about the Pythagoreanism of Numa Pompilius and the information of the tradition about pre-Roman legal customs, which were common for all South Italy, witness in favour of the existence of early common Greek and Latin layers. But both the reforms of the first Roman consuls and historical facts as well as the content of the XII tables show the influence of the Pythagorean science of sacrifices exerted on Romans at the end of the 6th-5th c. B.C.

The influence of Greeks and, particularly, that of Pythagoreanism on the Roman augural law is the most obvious. It can be traced in a number of religious regulations, namely, the interdiction of raising monuments to gods, that of eating meat and beans, the very character of fortune-telling by the flight of birds and by stars, the interdiction of going along straight roads, the doctrine of numbers, etc. Thus, one can draw a conclusion about the proximity of the religious systems of South Italy and Rome. However it looks more like a close connection between the cultures of these areas and their early interaction rather than the adoption of Pythagoreanism by Romans.

© 1999 г.

ТЕМА БОРЬБЫ С ПЛЕМЕНАМИ ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ И СКИФИИ В МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Народы, проживающие за лимесом на левом берегу Дуная и вдоль всей южной границы европейской Сарматии, оставались одним из наиболее опасных врагов римлян в течение всего периода Империи. Постепенно дунайские провинции превратились в арену напряженной борьбы Рима с варварами: здесь разворачивались драматические события Мезийской, Фракийской, Дакийской, Сарматской, Паннонской и Далматской войн Августа (Vell. Pat. II. 114–117; Flor. II. 24–29), задунайской экспедиции Тиберия Плавтия Сильвана (CIL XIV. 3608), дакийских и сарматского походов Домициана (Suet. Dom. 6; Tac. Agr. 41), Дакийских войн Траяна, восстания дунайских племен и Мар-

⁸⁶ Cic. Orat. II. 154: «Некогда Италия была набита пифагорейцами, во власти которых находилась так называемая Великая Греция; поэтому некоторые даже утверждают, что пифагорейцем был и сам царь Нума Помпилий, который жил на много лет раньше самого Пифагора и которого следует считать даже еще более замечательным уже потому, что он постиг мудрость устройства государства почти на два столетия раньше, чем греки догадались о ее существовании» (пер. Ф.А. Петровского).

команнских войн в эпоху Антонинов, «готских» или «скифских» войн III в., войн Константина Великого и его преемников, великого готского восстания последней трети IV в. и т.д. Естественно, в монетной чеканке императорского времени появилось внушительное количество типов, отражающих основные этапы борьбы Империи с варварскими племенами, населявшими Сарматия от Нижней Паннии до берегов Меотиды и Танаиса. Целый ряд интересных монетных типов был посвящен победам над сарматами, дако-гетами, карпами, а также готами, скифами и другими племенами Северо-Западного и Северного Причерноморья. Мы обратимся к истории коммеморативных выпусков в честь побед Рима над народами Среднего и Нижнего Дуная и той части Понта, что сравнивалась античными авторами со скифским луком, оконечности которого образуют два Боспора – Фракийской и Киммерийский, а центр – Меотиды (Amm. Marc. XXII. 8. 13–46). Нумизматические источники дают чрезвычайно важную информацию для датировки событий и в значительной мере позволяют расширить представление об отношениях Империи с обитателями этой части варварского мира, сложившееся в ходе изучения нарративных и археологических источников¹.

Впервые успехи римлян в борьбе с племенами Дуная фиксирует чеканка Домициана, свидетельствующая о его победах над даками и маркоманнами (89 г.), а затем над сарматами-языгами и свевами, прорвавшими дунайский лимес (конец 92 г.). Нарративные источники достаточно скупо упоминают об этих событиях. С тех пор, как в середине I в.н.э. «языги-переселенцы» (Iazyges Metanastae) появились за лимесом Нижней Паннии и заняли территорию между Истром и Карпатами (Ptol. III. 5; Strabo. VII. 3; Plin. IV. 12, 80–81), их конфликты с римлянами происходили часто. Дакийский царь Децебал отнял у сарматов часть территории. В 89 г. Домициану удалось одержать над даками какие-то победы, в связи с чем на денариях появились титулы IMP XVII, XVIII, XIX, XXI. Теттий Юлиан разбил даков в битве при Тапе, что, возможно, дало Домициану титул IMP XX, но монет с такой легендой не было. В том же году началась безуспешная война с маркоманнами, свевами и языгами, а с даками пришлось заключить мир и выплачивать им ежегодную дань.

В начале 90-х годов I в.н.э. сарматы заключили союз с соседними племенами свевов и в 91/92 г. уничтожили легион XXI Рапах вместе с легатом (Tac. Agr. 41; Eurp. VII. 23). Домициан нанес им поражение и за это посвятил венок Юпитеру Капитолийскому (Suet. Dom. 6). Эта победа принесла Домициану титул «император в 22-й раз»: на реверсе денариев 92 г. традиционные изображения Минервы сопровождаются легендой IMP XXII COS XVI CENS P P P². На реверсах сестерциев представлены: Юпитер Победитель с Викторией в руке (IOVI VICTORI); Домициан с молнией и венчающая его Виктория; Домициан в окружении Виктории и Минервы и т.д.³

¹ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке // Причерноморье в античную эпоху. VI. М., 1954; он же. Античные и византийские авторы о войнах племен Северного Причерноморья с Римом в III в.н.э. // СА. 1958. XXVIII. С. 266–275; он же. Борьба племен Среднего Дуная с Римом в 350–370 гг. н.э. // ВДИ. 1960. № 3. С. 105–123; Дмитриев А.Д. Народные движения в восточноримских провинциях в период дунайских войн III в. (236–278 гг.) // ВВ. 1956. VIII. С. 97–126; Елисаветина-Стругалина Р.А. Борьба придунайских племен с Римом во второй половине II века н.э. М., 1956; Крушликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955; Колосонская Ю.К. Панния в I–III веках. М., 1973; Антонова И.А., Яйленко В.П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным Херсонесского декрета 174 г.н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 72–75; Fitz J.A. Military History of Pannonia from the Marcomann Wars to the Death of Alexander Severus (180–235) // ААН. 1962. 14. 1–2; Syme R. Danubian Papers. Bucharest, 1971; Baatz D. Der römische Limes. Archäologische Ausflüge Rhein und Donau. В., 1975; Gudea N. Der Limes Dakiens und die Verteidigung der obermoesischen Donaulinie von Trajan bis Aurelian // ANRW. II. 6. В. – N.Y., 1977; Scorpion C. Limes Scythiae. Topographical and Stratigraphical Research of the Roman Fortifications on the Lower Danube. Oxf., 1980; Pultar A.G. Frontier People beyond the Limes: the Impact of the Native Population upon the Lower Danubian Frontier // Akten des 14. Internationalen Limeskongresses 1986 in Carnuntum. Bd I. Wien, 1990.

² Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. II. L., 1966 (далее – BMC). P. LXXXI, XCV. № 200–207. Pl. 65. 1.

³ BMC. II. P. 403. № 474. 475; P. 404. № ★.

С. Стивенсон интерпретировал изображение на одном из ауреусов Домициана стоящего на коленях варвара со штандартом как сармата, возвращающего захваченное у римлян знамя, и поместил данный тип в раздел «SIGNIS A SARMATIS RESTITVTIS» (возвращение знамен сарматами)⁴. Однако такую интерпретацию следует признать неправильной: этот тип связан с победой Траяна в Сирии в 77 г. над вторгшимися парфянами и напоминает о парфянских послах, прибывших в Рим⁵.

Дакийские войны Траяна вызвали появление огромного количества типов, в том числе с легендой DAC(ia) CAP(ia). Победы отмечены на монетах очередными титулами: IMP II – 101 г. (битва при Ледерате), IMP III – 102 г. (битва при Тапе), IMP III – 102 г. (окончание I Дакийской войны), IMP V – 104 г. (победы в Мезии), IMP VI – 106 г. (окончание II Дакийской войны). Начиная со 102 г. на монетах появился титул DACICVS. В чеканке Траяна варьируются типы рыдающей Дакии, пленных даков, триумфа императора, Виктории, Виртус. Траян предстает как *debellator*, то с пленником у ног, то представляющим пленного варвара сенату и т.д. Особый интерес вызывают два типа: *Rex Dacica*, сидящая в кресле с оливковой ветвью в руках, перед нею – простирающий руки коленопреклоненный дак. Второй тип – *Roma Victrix*, берущая в плен Дакию⁶ – символизирует победу: Рим – триумфатор, Дакия повержена и лежит на земле. На других монетах из серии «Побежденная Дакия» представлены Виктория, Марс, пленные даки, сидящие у моста, построенного Траяном через Дунай, сам мост, трофей Траяна, персонификация Дуная в виде лежащей мужской фигуры, колонна Аполлодора⁷ и т.д. (табл. I, 1, 2).

Боевые действия против языгов, роксоланов и даков пришлось вести Адриану и Антонину Пию. Нарративные источники дают крайне скудную информацию о победах последнего, сообщая лишь о том, что он разбил, в частности, германцев, даков и множество других племен, действуя через своих легатов (SHA. Ant. 5. 4). Зато в чеканке Антонина Пия отражены факты побед на Дунае: на монетах 159 г. изображена плененная Дакия⁸.

В чеканке Антонина Пия имеется также любопытный тип сестерция (табл. II, 1), посвященный победе римлян над племенами Северного Причерноморья: женская фигура, персонифицирующая Скифию, держит в руках диадему и паразонивм (легенда – SCYTHIA SC COS II)⁹. По сообщению Юлия Капитолина, император отправил войска в Понт и, разбив тавроскифов, заставил их дать заложников ольвийцам (SHA. Ant. 9. 9). Этот тип сестерция, относящийся ко второму выпуску меди Антонина, входит в большую серию монет с изображениями географических персонификаций, в которой наряду с провинциями – Египтом, Азией, Мавританией, Испанией, Сирией и др. – представлены независимые страны и области, в том числе Скифия и Парфия. Политический смысл этих монетных типов заключается в пропаганде идеи «золотого века», счастливого правления Антонина Пия, чья твердая внешнеполитическая линия позволила сдержать агрессивную мощь варварских племен и обеспечила процветание Империи¹⁰.

Особую ценность представляют нумизматические источники для датировки событий Маркоманнских войн, которые по праву считаются рубежом в истории Империи. К анализу нумизматического материала, фиксирующего факты побед римлян в ходе Дунайских войн, обращались некоторые исследователи¹¹, однако целая серия монет оказалась вне поля их зрения. Между тем в чеканке последних Антонинов имеются

⁴ *Stevenson S.W.* A Dictionary of Roman Coins Republican and Imperial. L., 1964. P. 749.

⁵ BMC. II. P. xli. P. 42. № 231. Pl. 7, 6.

⁶ BMC. III. P. lxxviii–lxxi, xcix. Pl. 11, 20; 13, 4, 5; 15, 13–16.

⁷ BMC. III. P. ci. № 847; Pl. 16, 19; 19, 11.

⁸ *Gnecchi F.* I medaglioni romani. II. Milano, 1912. Tav. 50, 7.

⁹ BMC. IV. Pl. 27, 4.

¹⁰ *Stevenson.* Op. cit. P. 724.

¹¹ *Dodd H.* Chronology of Danubian Wars of the Emperor Marcus Aurelius // NC. 1913. P. 169–199; *Zwicker W.* Studien zur Marcussäule. I. Amsterdam. 1941; *Коловская.* Ук. соч. С. 221 сл.

Табл. I. 1-2 – денарии. Траян (победа над Дакией). 102-106 гг., 3 – ауреус. Марк Аврелий (победа над Сарматией – De Sarm.). 175 г.; 4 – антониниан. Филипп I (победа над карпами – Victoria Carpica). 247 г.; 5 – антониниан. Клавдий II Готский (победа над готами – Victoria Gothica). 268-270 гг.; 6 – ауреус. Проб (Pacator orbis). 276-282 г.; 7 – солид. Константин I. 322 г.

весьма интересные типы, посвященные победам над сарматами-языгами на Среднем Дунае. Зимой 173/174 г. языги были разбиты на льду Дуная и бежали за реку (Dio Cass. 71. 7. 1–5). В следующем году с ними был заключен мир (табл. I, 3). На монетах юного Коммода к титулу «Германский» добавился титул «Сарматский» (чеканка 174–175 гг.). На монетах Марка Аврелия титул «Сарматский» появился только в 177–178 гг. после подавления очередного восстания языгов.

На дупондии Коммода второго выпуска меди (177 г.) из парижского собрания запечатлена аллегория победы над сарматами: трофей, слева от которого – плачущая сарматка, сидящая на щите, справа – сармат со связанными за спиной руками; легенда – DE(victis) SARMATIS SC¹². В этом же году за победу над сарматами-языгами, квадами и гермундурами Марк Аврелий удостоился титула императора в десятый раз, как показывают его монеты с легендой SARM(atia) DE(victa)¹³.

На других монетах Коммода с титулами «Германский» и «Сарматский» изображены груды оружия, военные божества, сам император в военном наряде, часто в сопровождении своих богов-покровителей. Какие-то победы были одержаны римлянами в сражениях на водах Среднего Дуная, в них принимали участие вексилляции Равеннского, Мизенского и Британского флотов: Коммод выпустил массу монет с изображением боевого корабля, на котором среди экипажа присутствует Нептун с трезубцем в руке. Впрочем, многие монетные типы представляли своего рода «победные реляции», не отражая реальных событий: после смерти отца Коммод вел боевые действия довольно вяло и скоро их совсем прекратил, приняв требования врагов. Он отозвал из-за Дуная римское войско, оставил все укрепления римлян (SHA. Comm. 3. 3; Herodian. I. 6. 4–9) и заключил с варварами не слишком почетный для Рима договор (Dio Cass. 72. 2. 4).

В период кризиса III в. активность варварских племен, живших за лимесом на левом берегу Дуная, многократно возрастает. В связи с этим тема борьбы с народами приграничной полосы Сарматии в римской чеканке приобретает особую актуальность. Карпы, вандалы, языги, роксоланы, аланы и другие племена нападают на придунайские провинции уже в правление Каракаллы. В городах Нижней Мезии в последние годы правления Александра Севера прекратилась монетная чеканка, что может свидетельствовать об усилении нажима племен, живших по нижнему течению Истра. Большую опасность для Империи представляли сарматы; войны с ними велись при Максимиане Фракийце (получившем титулы «Величайший Сарматский» и «Величайший Дакский», зафиксированные эпиграфически), Пупиене и Бальбине, Гордиане III. В правление последнего положение на Среднем Дунае еще больше осложнилось. Римлянам пришлось укреплять лимес, что подтверждается и нумизматическими источниками: на монетах Марцианополя, например, появились изображения городских укреплений¹⁴.

К середине III в. начинается массовое продвижение варварских племен в Подунавье, Северо-Западное и Северное Причерноморье, получившее название «готских» или «скифских» войн. Готы и племена Северного Причерноморья, которые ассоциировались у древних со скифами, глубоко проникают в придунайские провинции Империи. В правление Филиппа I Араба новое нападение на дунайскую границу произвели карпы, однако императору удалось нанести им поражение в 247/248 г., что было отмечено выпуском коммеморативной монеты с легендой VICTORIA CARPICA (табл. I, 4)¹⁵. Огромное количество провинциальных монет Филиппа I этого времени прославляет мужество императора и его победу над врагами.

Гораздо опаснее оказались готы, обосновавшиеся в Северном Понте и на Азове. Они форсировали Борисфен и оккупировали Дакию. От готов приходилось откупаться

¹² BMC. IV. P. 649.

¹³ *Stevenson*. Op. cit. P. 717.

¹⁴ *Ременников*. Борьба... С. 21, 30.

¹⁵ *Cohen H.* Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain. I–VIII. P., 1888–1892 (далее – *Cohen*) V. Philip. 238.

ежегодными платежами, но после победы над карпами Филипп Араб отказался платить. «Скифы», как называет готов Дексипп, переправились через Истр и вторглись в Нижнюю Мезию. Деций перебил 30 тысяч врагов, но затем сам погиб в сражении (Dex. Scyth. 16 a), Требониан Галл заключил мир с готами в 251 г. и обязался выплачивать им ежегодно дань. По этому случаю Галл и его сын Волузиан выпустили целую серию монет. На одном типе сопровители, сопровождаемые солдатами с боевыми знаменами, верхом на конях следуют за Викторией, возглавляющей процессию (легенда – ADVENTVS AVGG.)¹⁶. На другом типе представлена триумфальная квадрига, в которой стоят сопровители и Виктория; их сопровождает процессия солдат (легенда – PONTIF. MAX. TR. P. II. COS II SC)¹⁷. Теме мира с готами посвящены также монеты с изображением Марса Пацифера и Рах¹⁸.

Как свидетельствуют монеты Волузиана с титулом «Венедский», ему пришлось сражаться с племенами венедов, вероятно, перешедшими Дунай вместе с готами, карпами и другими германскими народами. А.М. Ременников и А.В. Мишулин в свое время обратили внимание на эти монеты, считая, что известно всего два типа с титулом «Венедский»: один с латинской надписью, другой – с греческой (Οὐένδικος Οὐόλουσιανός)¹⁹. На самом деле их больше: имеются разные варианты монет общеперской чеканки с легендой IMP. C. V. A. F. GAL. VEND. VOLVSIANO AVG. на аверсе и изображениями Марса Пацифера, идущего влево, неся лавровую ветвь и копье в руках, или Рах, держащей скипетр и оливковую ветвь, на реверсе²⁰. Монета провинциальной чеканки с греческой надписью показывает, что венеды, вероятно, проникли в балканские провинции.

В 253 г. готы вновь перешли Дунай, но наместник Нижней Мезии Марк Эмилий Эмилиан разгромил их, за что был провозглашен императором. В его чеканке встречается много типов, посвященных Марсу Пропугнатору, Марсу Пациферу и Рах²¹, что было связано с темой мести варварам и установления мира.

С середины III в. в скифскую войну активно вступают племена Приднепровья и Меотиды – герулы и бораны. Обстановка на Дунае продолжала накаляться. Готы заняли Фракию и начиная с 258 г. в течение последующего десятилетия предприняли целый ряд морских походов к берегам Греции и Малой Азии. Бораны, используя флот боспорян, разгромили Питиунт, а затем Трапезунт и возвратились на родину с огромной добычей (Zos. I. 31–33). В 267 г. племена Причерноморья провели самую крупную экспедицию. Скифо-сарматский флот вошел в устье Истра и разграбил нижнедунайские области. Галлиен срочно принялся укреплять Византий и другие города. На помощь византийским полководцам Клеодаму и Афинию вышел флот Венериана и перекрыл проливы в Эгейском море. Византийские полководцы разбили сухопутные силы варваров, Венериан же нанес поражение флоту герулов и готов, но сам погиб. Затем флот противника форсировал проливы, опустошил Кизик, Азию и Ахайю (SHA. Gall. 13). Наконец, афинская пехота под командованием Дексиппа и римский флот разгромили «скифов», и последние, пройдя Эпир, Македонию и Мезию, разбрелись по Иллирику, где потерпели поражение от армии Галлиена и Марциана.

Эти события нашли отражение в чеканке Галлиена. Так, Александрия выпустила коммеморативную монету с изображением эмблемы морской победы, датируемую по перечислению аккламаций в титуле Галлиена бесспорно 267 г. Поскольку в этом году имели место две крупные победы римского флота, то мнения исследователей относительно событий, инспирировавших этот выпуск, разделились. Б. Раппопорт считал, что данный тип был отчеканен в честь победы флота Венериана в проливах. А.М. Ре-

¹⁶ Cohen. V. Treb. Gall. 5.

¹⁷ Ibid. 97.

¹⁸ Ibid. 72, 75.

¹⁹ Ременников. Борьба... С. 72; Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи // ВДИ. 1939. № 1. С. 300 сл.

²⁰ Cohen. IV. Volusian. 61, 68.

²¹ Cohen. V. Aemilian. 26–37.

менников достаточно убедительно доказывал, что поводом для триумфального выпуска послужила победа римского флота над готами в Греции²². Мы разделяем точку зрения последнего.

В 268 г. скифские племена, в числе которых Требеллий Поллион называет певков, грунгов, австроготов, тервингов, визов, гипедов, а также кельты и эрулы, общим числом до 320 тысяч человек при поддержке огромного флота в 2000 судов, обрушились на западное побережье Понта и побережье Греции (SHA. Claud. 6–9). В битве при Наиссе готская федерация потерпела жестокое поражение от Клавдия, на монетах которого появился титул Gothicus. Эта выдающаяся победа императора, вернувшая Дакию и Скифию, была отмечена также выпуском огромной массы монет с легендой VICTORIA GOTHICA (табл. I, 5).

Чеканка Аврелиана отражает его победоносный подход в Паннонию против сарматов и вандалов летом 270 г. На монетном дворе Медиолана были отчеканены ауреусы с изображением на реверсе Марса Пацифера, держащего копье и оливковую ветвь²³. В следующем году Аврелиан разбил готов в Иллирике и Фракиях, затем оттеснил их за Дунай и уничтожил 5000 человек вместе с вождем Каннабом (SHA. Aug. 22. 2). За эти победы он получил титул «Готского».

Несколько интересных типов, прославляющих успехи Рима в борьбе с племенами Северного Причерноморья, дает чеканка Тацита, который нанес поражение эрулам, провавшимся от Меотиды (SHA. Tac. 13. 2–3; Zos. I. 63). На одной из монет легенда VICTORIA PONTICA сопровождает изображение Виктории, протягивающей оливковую ветвь Тациту. Последний выпускал также монеты с надписью VICTORIA GOTHICA²⁴.

Монеты с аналогичной легендой чеканил Проб²⁵, прошедший вдоль лимеса по Дунаю, очищая его от варваров. Он разбил аланов, сарматов, готов и другие племена Припонтийского края, везде оставив, по выражению Вописка, «яркие следы доблести» (SHA. Prob. 8. 3; 12. 3–4). В Иллирике он нанес поражение сарматам (SHA. Prob. 16. 2), что подтверждается выпуском монет с надписью «Восстановитель Иллирика», затем подчинил союз гетов во Фракиях. В низовьях Истра Проб расселил 100 тысяч бастарнов (табл. I, 6).

Типы 283 г. посвящены крупной победе Кара и Нумериана над сарматами-языгами. На монете, выпущенной по случаю сарматского триумфа соправителей, представлена следующая за Викторией квадрига со стоящими в ней юным Нумерианом и Каром; легенда – TRIVMPHVS QVADORVM. Как заметили еще И.-И. Эккель и С. Стивенсон, не известно, где же отмечался триумф двух императоров, если сразу после разгрома сарматов они отправились в поход против персов и оба погибли. Данная монета, свидетельствующая о триумфе, позволяет «рассеять киммерийский мрак», окутавший эти события²⁶.

Тема борьбы с варварами на дунайском лимесе в последние полтора десятилетия III в. нашла отражение в чеканке тетрархов, ознаменовавших свои успехи выпуском триумфального типа с надписью «Victoria Sarmatica» и изображением четырех солдат, стоящих у жертвенного треножника перед воротами лагеря (имеются варианты). Диоклетиан чеканил этот тип скорее всего в период 285–287 гг., когда он успешно воевал на Дунае. Серебряные монеты с таким типом реверса чеканились от имени Диоклетиана и Максимиана Геркулия, в частности в Никомедии. Известны также аналогичные выпуски монетного двора Гераклеи Понтийской. Констанций Хлор мог чеканить данный тип²⁷ только после 293 г., получив титул цезаря и право на эмиссию монеты от своего имени. Выпуски Галерия Максимиана датируются временем его

²² Ременников. Борьба... С. 118.

²³ Pečan E. Aurelijanova zlatna multipla iz Mediolanuma // Numismatičar. 1979. 2. S. 9–16.

²⁴ Stevenson. Op. cit. P. 871.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. P. 817.

²⁷ Cohen. VIII. Constance Chlorus. 286.

побед на Дунае – 295–296 гг.: именно тогда он нанес серьезное поражение языгам и истребил карпов. Скифские войны III в., таким образом, завершились поражением племен Среднего Дуная и Причерноморья, однако следующее столетие дало новый виток ожесточенной борьбы Империи с варварами, населявшими этот регион.

Как показывают монеты IV в., основными противниками Империи в балканских провинциях оставались готы и сарматы. Тема борьбы с ними получает наиболее яркое развитие в чеканке Константина Великого (табл. I, 7) и его сыновей. Главным событием, вдохновившим резчиков монетных штемпелей на создание ряда коммеморативных типов, несомненно, стала победа, одержанная Константином I в 322 г. над готами и сарматами в Иллирике и Мезии. Он отгеснил сарматов под предводительством их царя Равсимода за Истр, где нанес им новое поражение; многие были перебиты или взяты в плен (Zos. II. 21). Большую помощь римлянам на Дунае оказали херсонесские войска (Const. Porph. De adm. imp. 53). Некоторые исследователи высказывают мнение, что противниками римлян и херсонеситов на Дунае могли быть северопричерноморские варвары, возглавляемые бывшим боспорским царем Радамсодом²⁸. Действительно, сарматы, жившие на берегах Меотиды, выступили на стороне готов в качестве подданных или союзников. Новейшие археологические исследования в Паннонии свидетельствуют в пользу версии об участии сарматов в событиях на Дунае. Между тем и монетные легенды связывают эти события с готами и сарматами. Рассмотрим несколько любопытных монетных типов Константина I и его сыновей, посвященных победам 322 г. На реверсе очень редкой золотой монеты представлены стоящие прямо Константин I с сыном (вероятно, будущим Константином II). На них военные наряды, император держит ладонь левой руки на голове юноши. Изображение сопровождается легендой DEBELLATOR GENTIVM BARBARORVM – GOTHIA SVBACTA. Аналогичный монетный тип был выпущен и в Августе Треверов, о чем сообщает надпись GOTHIA TR(everis)²⁹.

Аллегорическая композиция, посвященная победе Константина I на Дунае, представлена на реверсе латунного медальона 322 г. из собрания Кабинета медалей Национальной библиотеки в Париже. Показан мост через Дунай в три пролета, по которому идут влево Виктория, держащая трофей на левом плече, и император в военном костюме. Богиня-Победа указывает правой рукой Константину Великому на стоящую на коленях мужскую фигуру, персонифицирующую Дунай. Надпись – SALVS REIP(ublicae); под образом – DANVBIVS. На аверсе – бюст Константина и титул CONSTANTINVS MAX(imus) AVG(ustus)³⁰. По другой версии, мужская фигура на коленях интерпретируется как пленный гот или сармат.

Серебряные и медные монеты третьей серии с легендой SARMATIA DEVICTA имеют на реверсе изображение Виктории, попирающей сармата и держащей пальмовую ветвь и трофей в руках. Имеется вариант с надписью SARMATIS DEVICTIS³¹.

Победа Константина I над готами, сарматами и другими племенами Северного Причерноморья была отмечена также еще одним любопытным типом с титулом «Ехиратор omnium gentium» (третий выпуск меди). На реверсе изображен император в виде Юпитера, сидящего на троне, со скипетром и викториолой в руках. Справа и слева от него – пленники, стоящие на коленях³².

Наконец, на великолепном медальоне (табл. II, 2) Константина I с титулом DEBELLATOR GENTI(um) BARBAR(orum) показана аллегорическая сцена битвы императора на коне с двумя варварами-пехотинцами: победитель поражает копьем лучника, стоящего на левом колене; второй варвар опрокинут навзничь и, припод-

²⁸ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1993. С. 122 сл.

²⁹ Stevenson. Op. cit. P. 309.

³⁰ Cohen. VII. Constantin I. 483.

³¹ Ibid. 487. 489.

³² Stevenson. Op. cit. P. 369.

нявшись на локте, лежит под брюхом коня³³. Следует отметить, что почти все перечисленные типы представляют уже сложившиеся трафареты. Резчики практически не внесли ничего нового в привычные композиции кроме тщательно проработанных деталей. Однако соответствующие легенды указывают на коммеморативный характер того или иного выпуска, превращая ординарный тип, с монотонностью повторяющийся в чеканке других императоров, в триумфальный выпуск, посвященный конкретным событиям 322 г.

Нумизматические источники также подтверждают участие сыновей Константина Великого в борьбе с варварами на дунайском лимесе. Как показывают монеты Константина II, юный «предводитель молодежи» (он родился в 316 г.) сопровождал отца в походах против сарматов. На аверсе одной из монет (табл. II, 3) он изображен в панцире; на реверсе – одетый в доспех Константин II, держа в руках шар и копье, попирает пленного сармата. Надпись – PRINCIPI A IVVENTVTIS-SARMATIA³⁴. Константин II чеканил также монеты с легендой SARMATIA DEVICTA и изображением Виктории, стоящей возле трофея с пальмовой ветвью в руках³⁵. Несколько позже в чеканке Константина II появился тип скачущего верхом на коне императора, поражающего копьем варвара. Последняя сцена сопровождается титулами «Debellator (или Victor) gentium barbarorum»³⁶. Большой интерес представляют монеты Константина II с изображением военного корабля с моряками, держащими штандарты, и Викторией на корме. Имеется два варианта надписей, комментирующих это изображение – VICTORIA AVG(usta) и GAVDIVM ROMANORVM – SARMATIA³⁷. Античные авторы ничего не сообщают о присутствии Константина II на балканском фронте, и только данные нумизматики позволяют предположить его участие в бурных событиях 322 г. и последующих лет, вплоть до получения им западных провинций в управление.

Оборона дунайского лимеса составляла одну из главных задач другого сына Константина Великого – Константа, получившего в управление в числе других областей Иллирию. Уже на следующий год после смерти отца Констант нанес поражение племенам сарматов, что было отмечено выпуском медальона с изображением на реверсе аллегорической сцены – фигура императора, держащего щит, возвышается над маленькими фигурами варваров. В чеканке Константа имеется также традиционный тип скачущего на коне императора, держащего огромный щит и копье, которым он поражает варвара. Привычная уже надпись вновь комментирует изображение – DEBELLATORI GENTI(um) BARBAR(orum)³⁸. Иногда встречается другой вариант легенды – VICTORI GENTIVM BARBAR(orum)³⁹.

Монеты Констанция II были посвящены его победам на Истре и в Парфиске во время Сарматской войны. Император нанес варварам ряд поражений в Нижней Паннии и Нижней Мезии и утвердил их царем Зизаиса (Amm. Marc. XVII, 12). На золотых и серебряных монетах 357–358 гг. изображена сидящая возле трофея женская фигура, персонафицирующая Сарматию. Коммеморативный характер выпуска комментируется легендой – GAVDIVM ROMANORVM - SARMATIA⁴⁰. Констанций II чеканил также тип «DEBELLATORI GENTT. BARBAR».

Тема борьбы с племенами Сарматии, проникавшими на Балканы, получила развитие и в чеканке Ветраниона, провозглашенного императором иллирийскими войсками в 350 г. На реверсе солида, чеканенного на монетном дворе Фессалоники, представлены

³³ Ibid. P. 311.

³⁴ Bellefont A.M. de. Les monnaies impériales romaines // ASENA. Ser. 2. V. I. P., 1877. Pl. IV, 9.

³⁵ Cohen. VII. Constantin II. 177.

³⁶ Ibid. 189, 196; Stevenson. Op. cit. P. 311.

³⁷ Ibid. 197, 199.

³⁸ Brilliant R. Gesture and Rank in Roman Art. The Use of Gestures to Denote Status in Roman Sculpture and Coinage. New Haven, 1963. P. 183, 195. Этот тип известен в чеканке Проба, Севера II (с легендой «Virtus Aug.»), Константина II (с легендой «Liberator Orbis») и других императоров.

³⁹ Cohen. VII. Constant II. № 122.

⁴⁰ Stevenson. Op. cit. P. 717; Cohen. VII. Constantius II. 24.

Табл. II. 1 – сестерций. Антонин Пий (Scythia). 139 г.; 2 – бронзовая монета. Константин I (Debellatori gentt. barbar.). 322 г.; 3 – солид. Константин II (Principi iuventutis – Sarmatia). Ок. 322 г.; 4 – солид. Константин I (Victoria Augusti nostri). 322 г.

одетый в военный костюм император, держащий трофей на правом плече и копье в левой руке, и рыдающий пленник у его ног; легенда *VIRTVS EXERC*⁴¹. Скорее всего выпуск этой золотой монеты был связан с какими-то победами Ветраниона над готами или сарматами.

В чеканке Валентиниана I и Валента имеются монеты с изображением императора в военном наряде, с копьем и лабарумом, и легендой *TRIVMPHATOR GENTIVM BARBARORVM*⁴². Валентиниан I, вероятно, получил этот титул за успехи в борьбе с сарматами и квадами, опустошавшими Паннонию, Валент – за победы над готами на Нижнем Дунае в 368 г. Валент, переправившись через Истр у Новиодуна (в 100 км от черноморского побережья), нанес поражение царю вестготов Атанариху и завершил трехлетнюю войну заключением мира с готами (Аmm. Marc. XXVII. 5, 6). Не исключено, однако, что монеты с этим титулом Валент мог чеканить во время великого восстания готов и других племен, когда его полководец Себастиан разбил Фритигерна близ Берои во Фракии (Аmm. Marc. XXXI. 11). Однако в 378 г. римская армия потерпела поражение под Адрианополем, а сам Валент погиб.

Пожалуй, последним римским императором, получившим такой же титул за победы над готами, был Феодосий Великий⁴³, которому удалось окончательно усмирить варваров и, изгнав их из Фракии, поселить в Мезии в качестве федератов. В дальнейшем тема победы над варварами продолжает главенствовать в монетной типологии Поздней империи. Число типов реверса становится все более узким. Императоры

⁴¹ Roman Imperial Towns and Palaces in Serbia / Ed. D. Srejavć. Т. 23. Belgrade, 1993. P. 374. № 174.

⁴² Cohen. VIII. Valentinian I. 38; Valent. 50.

⁴³ Ibid. Theodosius I. 34.

используют примерно один и тот же набор лозунгов: «непобедимый император», «победитель варваров», «военная доблесть», «слава армии», «римская слава» и т.п. В этом скудном репертуаре типов, состоящем преимущественно из изображений императора с лабарумом, часто с пленником у ног, либо изображений солдат со штандартами, идущей или сидящей Виктории⁴⁴ и т.д., практически невозможно выделить сюжеты, связанные с конкретными событиями, тем более что этнические названия в составе монетных легенд более не встречаются.

М.Г. Абрамзон

THE MOTIF OF STRUGGLE AGAINST THE TRIBES
OF THE EUROPEAN SARMATIA AND SCYTHIA
IN THE ROMAN IMPERIAL COINAGE

M.G. Abramzon

The article deals with the Roman imperial coin types dedicated to victories over the tribes of Sarmatia and Scythia. The author makes an attempt of an exploratory study of the numismatic commemoration of the events on the Danubian *limes* attacked by Sarmatians, Carpians, Venedi, Goths, Scythians, Maeotians, Alani and other frontier peoples living beyond the Danubian Basin and the shores of the Black Sea and the Maeotis. These coin types enable to date the events more accurately, as well as expand the data of narrative, archaeological and epigraphic sources on Domitian's Sarmatian expedition, the revolts of Danubian tribes in the 2nd century A.D., the Marcomann Wars, the Gothic or Scythian Wars in the 3rd century A.D., the wars of Constantine I and other emperors in the 4th century A.D., etc.

⁴⁴ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. 16. С. 74.

© 1999 г.

ЕХЕГЕТИКА 3–5*

3. ДОМ БОГА¹

Глава 7-я 2-й книги Самуила впервые – в рамках «исторического цикла» – вводит в оборот не столько словосочетание, сколько понятие, связанное с постоянным местопребыванием Бога. Интересно, что в рамках этого драматического повествования конструкция *byt* ¹И или *byt* ¹lhym или *byt* ¹Yhwh вообще не упоминается, а будущее сооружение в прямой речи ¹Yhwh в ст. 13 именуется (однократно) несколько загадочным образом – *byt* ¹šm «дом Моего имени» (или «дом для Моего имени»), ср. также *byt* ¹šm ¹Yhwh в 1 Цар. 3: 2; 5: 19 и др. Каковы бы ни были религиозно-идеологические истоки последнего, для нас более существенно, что в тексте так или иначе ведется речь именно о постройке дома (для) Бога подобно тому дому, в котором уже живет царь Давид (2 Сам. 5: 11), ср. «Тогда сказал царь пророку Нафану: вот, я живу в доме кедровом, а ковчег Божий находится за занавесом (букв.: внутри занавеса, *btwk*

* Продолжение наших заметок по библейской критике. Начало см. В. Орел. С. Фролов. «Ехеgetика 1–2» // ВДИ. 1997. № 4. С. 111–121.

¹ Здесь и далее имена собственные передаются в соответствии с Синодальным переводом, тексты также цитируются по этому изданию, но с некоторыми исправлениями. Названия библейских книг даются в соответствии с еврейской традицией, в частности 1 и 2 Сам. вместо 1 и 2 Цар. и 1 и 2 Цар. вместо 3 и 4 Цар.

хугу 'h)» (2 Сам. 7: 2)². С другой стороны: «Где Я ни ходил со всеми сынами Израиля, говорил ли Я хотя слово какому-либо из колен, которому я назначил пасти народ Мой Израиля: "почему не постройте Мне кедрового дома?"» 2 Сам. 7:7). Иными словами, будущий дом Бога – кедровый дом, *but 'gzum*.

Это предсказание полностью сбывается в 1 Цар. 5 – 6 *passim*, однако с той существенной поправкой, что кедровый дом как таковой там уже ни разу не появляется, хотя строительство из кедра упоминается неоднократно³. Ввиду того, что события 2 Сам. 7 явно описывались во времена не ранее завершения строительства, т.е. датировать это описание относительно 1 Цар. 5–6 не столь просто, встает вопрос о том, что отражено в лаконичной характеристике *but 'gzum* (2 Сам. 7) – архаизм, инновация или альтернативная традиция, параллельная 1 Цар. 5–6.

Появление *but 'gzum* как конструктивного элемента в тексте, связанном со строительством Храма, представляется весьма значимым по той причине, что у него обнаруживается прямая параллель в угаритской традиции. На чисто лингвистическом уровне мы можем отметить полную идентичность др.-евр. *but 'gzum* «кедровый дом» и угарит. *bt. agzm* (UT 51: V: 72)⁴, что само по себе нельзя не признать заслуживающим внимания фактом. Замечательно, однако, что параллелизм в данном случае может быть распространен на значительно более протяженный угаритский текст, который представляет собой часть мифологического повествования о Баале и Анат (51: IV: 46 сл.).

Угаритский миф рассказывает о том, что в отличие от других богов Баал не имеет собственного дома (51: IV: 50–51):

aryh. wn. in. bt. lb'l
km ilm. w'zr. kbn. a'rt
«Смотри, у Баала нет дома,
как у богов, (нет) двора, как у сынов Ашеры».

Хотя угаритский текст сам требует интерпретации, можно предположить, что далее Эль возражает против постройки дома для Баала из кирпичей⁵ – такой дом, судя по всему, не обеспечивал бы Баалу равного положения среди других богов (51: IV: 59 – V: 63):

p'db. an. 'nn. a'rt
p 'db. ank. abd ulj
hm. amt. a'rt. tlbn
lbnt ybn. bt. lb'l
km ilm. w'zr. kbn. a'rt

² Выражение *btwk huyu'h*, встречающееся еще два раза в 1 Паралип. 17: 1, 6, имеет не вполне ясное значение, хотя очевидно, что речь идет о таком же занавесе (*уру 'h*), как и в других описаниях палатки. Предположительно, в данном случае слово употреблено в собирательном значении, см. *Anderson A.A. 2 Samuel. Dallas, 1989. P. 117*. С другой стороны, полезно иметь в виду, что и в этот период, т.е. до постройки Храма, ковчег мог (вместе с палаткой!) размещаться в каком-то более стационарном ханаанейском сооружении, см. *Rupprecht R. Der Tempel von Jerusalem. B.-N.Y., 1977. S. 102*. Ср. также *Budde K. Die Bücher Samuel. Tübingen–Leipzig, 1902. S. 234*.

³ О значении кедрового дерева в строительстве дворца Давида, а затем – при постройке Храма (в частности, в контексте торговых связей Израиля) см., например: *Pfeiffer C.F. Ras Shamra and the Bible. Grand Rapids, 1962. P. 54*.

⁴ Здесь и далее угаритский материал цитируется и нумеруется по изданию: *Gordon C.H. Ugaritic Textbook. Rome, 1965*.

⁵ *Van Zijl Pace P.J. Baal. A study of Texts in Connexion with Baal in the Ugaritic Epics. Neukirchen – Vluyn, 1972. P. 105*, где предлагается следующий перевод цитируемого ниже отрывка: «Look, I prepare the magical appearance of Ajirat. Look, I prepare the learner (apprentice) carpenter. Behold, the handmaid Ajirat makes the bricks. A house shall be built for Baal like the gods, a court like the sons of Ajirat». По поводу термина *lbnt* = др.-евр. *lbnh* «кирпич», в частности, у Ис. 65: 3b, см. *Dahood M. Textual Problems in Isaia // Catholic Quarterly. 1960. 22. P. 407 f.*

«Разве я раб, слуга Ашеры?
 Разве я раб, чтобы братья за мастеров (?)?
 Будет ли Ашера (как) служанка
 делать кирпичи? Да будет построен дом Баалу,
 как у богов, и двор, как у сынов Ашеры».

Отметим, кстати, бросающееся в глаза сходство угаритской пары *bt ~ ḥzg* с многократными упоминаниями *ḥzg* наряду с *but* в 1 Цар. 6–7 в связи со строительством Храма⁶.

Вместо дома из кирпичей Баалу подобает *bt ʿgzm*, дом из кедра, украшенный золотом, серебром и лазуритом (51: V: 72–81):

bt. arzm. ykllnh
hm. bt. lbnt. yʿmsnh
lyrgm. laliyn. bʿl
ṣh. ḥrm. bbhtk
ʿdbt. bqrb. hklk
tblk. ḡrm. mid. ksp
gbʿm. mḥmd. ḥrṣ
eblk. udr. ilqsm
wbn. bht. ksp. wḥrṣ
bht. ṭḥrm. iqnim
 «Да завершит он дом из кедра,
 и вот, да устранит он дом из кирпичей⁷.
 Да будет сказано могучему Баалу:
 Призови [...] в свой дом,
 [...] в свой дворец.
 Горы принесут тебе много серебра,
 Холмы (принесут) золотые сокровища [...]
 Построй себе дом из серебра и золота,
 Дом из лазурита».

Это описание вполне могло бы выступать как резюме к отчету о постройке Храма в 1 Цар. 6. Ср. также следующий пассаж (51: VI: 18–19):

... *llbnn. wʿsh*
l[š]gyn. mḥmd. arzh
 «... из Ливана его деревья,
 из Сириона – его драгоценные кедры».

В последующих фрагментах угаритского текста обнаруживается, по крайней мере, еще одна любопытная деталь, оказывающаяся, по нашему мнению, в согласии с библейским рассказом. Мы имеем в виду загадочный 4-й стих 1 Цар. 6, звучащий в оригинале следующим образом: *wyʿš lbyṭ ḥlwny ṣqrum ʿtmum*, что передается в Септуагинте и далее в Синодальной Библии так: «И сделал он в доме окна решетчатые (!), глухие с откосами (!)», в то время как современный английский перевод в Иерусалимской Библии, пытаясь справиться с несуществующими трудностями оригинала, дает такой вариант: «And for the house he made windows wide without, and narrow within». Вопреки этим попыткам бороться с очевидностью исходного текста смысл последнего – если подходить к нему без предвзятых соображений о том, каким должен был бы быть Храм Соломона – совершенно прозрачен: «И сделал он в доме окна (букв.: окна для смотрения, *ḥlwny ṣqrum*) закрытыми», иначе говоря, в Храме не

⁶ Это обстоятельство, странным образом, начисто упущено в кн. *Ras Shamra Parallels. The Texts from Ugarit and the Hebrew Bible. V. I. Roma, 1972. P. 154*, где обсуждаются различные контексты, содержащие оба этих слова.

⁷ В этой трактовке мы, в целом, следуем за *Van Zijl. Op. cit. P. 107* и принимаем его понимание *ykllnh* как D-имперфекта в функции юссива в сочетании с *pip energisum* и суффиксом 3 л. ед. ч.

было окон как таковых, а были лишь замурованные (декоративные?) оконные проемы⁸.

Мотивировки столь необычного архитектурного решения Билия не дает. Однако вполне реалистичный мотив обнаруживается в продолжении того угаритского мифологического текста, который мы анализировали выше. В 51: VI: 3–12 причина отсутствия окон в доме Баала излагается следующим образом:

jn. rgm k[tr w]hss
šm^c. m^c. la[li]yn b^cl
bl. ašt. ur[bt]. bbhtm
hln. bqrb [hk]lm
w^cn. ali[yn] b^cl
al. tšt. u[rb]t. bbhtm
hln. bq[rb h] klm
al. t(u/d) [pdr]y. bt ar
[...t]y. bt. rb
[...] dd. il ym
«Опять сказал Кочар ва-Хасис:
Слушай же, могучий Баал!
Я сделаю (оконный) проем в доме,
окно во дворце.
Но могучий Баал ответил:
Не делай (оконного) проема в доме,
окна во дворце,
чтобы Падрию, дочь Ара,
или Талию, дочь Раба,
(не увидел) Ям, любимец Эля»⁹.

Таким образом, отсутствие окон нужно Баалу, чтобы противостоять вторжению его врага – божества моря Яма.

Дом Yhwh, каким он предстает перед нами в кратких ремарках 2 Сам. 7 и в подробнейшем описании 1 Цар. 7, характеризуется набором признаков, присущих также дому Баала. Признаки эти столь четко очерчены и имеют столь ясные мотивировки в угаритских текстах, превосходящих соответствующие библейские по возрасту на несколько сотен лет, что можно с определенностью утверждать: Храм, построенный Соломоном, был также архитектурно-религиозным воспоминанием о доме Баала, доме из ливанского кедра, доме, богато украшенном золотом, серебром и лазуритом, доме без окон.

4. «У ГАВАОНСКОГО ПРУДА...» (2 САМ. 2: 12–17)

Эпизод в Гаваоне, которому посвящена наша заметка, явился следствием того раздела царства, на которое были вынуждены пойти Давид и Иевосфей, одновременно объявившие себя монархами после смерти законного царя – Саула (2 Сам. 2: 1–11). В ходе этого неофициального раздела Давиду достался надел Иуды¹⁰, а Иевосфею, при

⁸ Ср. фрагмент описания будущего Храма в Иез. 40: 16: «И закрытые окна (hlwnwt 't mwt) у комнат и их (опорных) столпов, внутри ворот, по всей окружности (sbyb sbyb), и также у крылец, по всей окружности...».

⁹ Далее, в части VII, Баал создает это окно в гневе, что влечет за собою мировой катаклизм – землетрясение, описание которого отдельными деталями разительно напоминает библейскую картину потопы. Важно подчеркнуть, что в угаритском мифе весь процесс постройки дома Баала предстает как чрезвычайно значимый акт, закрепляющий положение Баала в пантеоне и выводящий его на весьма значительное место среди других богов.

¹⁰ Текст, собственно, говорит о доме Иуды, а не о колене (ст. 4), и это тонкое различие, возможно, указывает не столько на масштабы царства, сколько на уровень полномочий монарха, см. еще 1 Цар. 12:21.

активной поддержке Авенира, – Галаад, Ашур¹¹, Изреель, Ефрем и Вениамин. Однако, как можно догадываться, это не привело конкурентов к военно-политическому равновесию. Напряженность должна была разрешиться в ту или иную сторону. Поэтому неудивительно, что в ст. 12 начинается эпизод, описывающий едва ли случайную встречу соперничающих группировок: отряд под водительством Авенира встретился у гаваонского водоема с отрядом Иоава, военачальника Давида. Характеристику этого водоема, называемого в тексте b^cgēkā (что обычно переводится как «пруд»), к сожалению, трудно установить по достаточно обстоятельному, но туманному описанию последующих событий (ст. 13b – 16)³:

«[...] и засели те на одной стороне пруда, а эти на другой стороне пруда. И сказал Авенир Иоаву: пусть встанут юноши и поиграют перед нами. И сказал Иоав: пусть встанут. И встали, и перешли числом двенадцать вениаминитян со стороны Иевосфея, сына Саулова, и двенадцать из слуг Давидовых. Они схватили друг друга за голову, вонзили меч один другому в бок и пали вместе. И было названо это место Хелкаф-Хаццурим, что в Гаваоне».

Если действительно речь идет о заурядном пруде, невозможно понять, кто, куда и зачем перешел в этом тексте, хотя и ясно, что описываемая сцена повествует нам о ристалище, которое должно решить, «чья возьмет», используя ограниченное число воинов, иными словами, о Божьем суде в той или иной его разновидности. Легко сообразить, что водная гладь пруда совершенно не пригодна для такого занятия.

К счастью для историков, в реальном, археологически обследованном Гаваоне (Гивоне, близ современной деревни Эль-Джиб в нескольких километрах к северо-западу от Иерусалима) обнаружен объект, который бесспорно отождествляется с библейским водоемом (вышеупомянутым прудом)¹². Объект расположен на двух подземных уровнях. Первый уровень, находящийся ближе к поверхности, представляет собой выемку цилиндрической формы, диаметром 10–12 м и глубиной около 10 м, по внутренней стороне которой в скальной породе высечена спиралевидная лестница, доходящая до самого дна и ограниченная снаружи балюстрадой. На дне первого уровня балюстрада замыкается по периметру. Лестница уходит под дно первого уровня и продолжается на втором, который представляет собой наклонный, достаточно пологий туннель, доходящий до водоносного слоя и оканчивающийся небольшим водоемом. В то время как на первом уровне лестница отличается прекрасной сохранностью и ступени ее – широкие и не стертые, лестница второго уровня состоит из более узких, неровных и, главное, сильно стертых ступеней.

Этот гидрообъект, судя по всему, и есть b^cgēkā библейского текста. В нем, как можно заметить, есть и подходящее место для единоборства – дно первого уровня, ограниченное стенами и балюстрадой, той самой балюстрадой, через которую перешли или перелезли (ya'ab^cgū) еврейские воины. Единственное назначение, которому совершенно не отвечают некоторые особенности этого объекта, – это, вопреки представлениям археологов, водоснабжение как таковое¹³. В самом деле, если сходство между гаваонским объектом и другими древнеизраильскими гидросооружениями и наблюдается, то весьма поверхностное. В других местах, где действительно открыты системы водоснабжения, нет ни площадок гаваонского типа, ни столь же тщательно отделанных лестниц, ведущих к источнику воды¹⁴. Кроме всего прочего, в Гаваоне была еще одна гидросистема, которая предназначалась для водоснабжения. Припи-

¹¹ В оригинале – 'Ašūn, отождествляемое с 'Ašūnīm (Быт. 25: 3). Речь, вероятно, идет о малоизвестном ханаанейском этносе, подобном гаваонитянам по своему месту в истории Израиля.

¹² См. Подробное описание в работе: Pritchard J.B. The Water System of Gibeon. Philadelphia, 1961. P. 8–10.

¹³ См. Pritchard J.B. Gibeon's History in the Light of Excavation // *Vetus Testamentum Supplement*. 1960. V. VII. P. 1–12.

¹⁴ Ср. Yadin I. The Fifth Season of Excavations at Hazor, 1968–1969 // *Biblical Archaeologist*. 1969. V. 32. P. 65–70; *idem*. Hazor. Jerusalem, 1975. P. 245–247; Aharoni Y. The Archaeology of the Land of Israel. Philadelphia, 1978. P. 236 f. (описание раскопок в Мегиддо).

сывая нашему объекту те же функции, мы приходим к абсурдному для XI в. до н.э. предположению о двух дублирующих друга гидросистемах в одном, сравнительно небольшом населенном пункте¹⁵.

Собственно говоря, сам вид лестниц в гаваонском «водоеме» убеждает нас в том, что он никогда не использовался для водоснабжения. Действительно, вопреки всем ожиданиям, степень сохранности верхней и нижней лестницы строго обратны тому, что могло бы произойти при обычном, бытовом пользовании водой. Нижняя лестница, ступени которой стерты в результате постоянного движения по ней, явно служила для доставки воды из нижней камеры до дна первого уровня. В то же время прекрасно сохранившаяся, а значит, почти не использовавшаяся лестница, ведущая на поверхность, свидетельствует о том, что вода, доставленная на площадку с балюстрадой, далее не поднималась вверх. Тем самым первая, «естественная» гипотеза о функциях нашего водоема не выдерживает критики.

Что же нам известно о гаваонском водоеме? Мы знаем теперь, что он не имел практического назначения, но зато, как свидетельствует текст 1 Сам. 2, мог служить для ключевого в военно-политическом плане единоборства. Такое сочетание функций обычно характерно для культовых объектов. И хотя ограниченность библейского текста не позволяет нам доказать это предположение, мы можем попытаться подтвердить его косвенными свидетельствами, указывающими на культовую роль воды у жителей Гаваона. Такие свидетельства – в неявной форме – действительно присутствуют в Нис. Иав. 9: 21, 23, 27:

«И сказали им начальники: пусть (гаваонитяне) живут, но будут рубить дрова и черпать воду для всего общества [...] без конца вы будете рабами, будете рубить дрова и черпать воду для дома Бога моего [...] И определил в тот день Иисус, чтобы они рубили дрова и черпали воду для общества и для жертвенника Господня до сего дня».

Гаванитяне в процитированном отрывке предстают перед нами, среди всего прочего, как люди, занимающиеся культовым черпанием воды. Судя по всему, именно этим целям служил и гаванский водоем, где воду поднимали до уровня подземной площадки и там использовали. Для чего? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратим внимание на следующее: сыны Израиля, видимо, восприняли гаванскую ритуальную традицию, о чем свидетельствует 1 Сам. 7:6¹⁶:

«И собрались (сыны Израиля) в Массифу, и черпали воду, и проливали пред Господом, и постились в тот день, говоря: согрешили мы пред Господом».

В то время как от гаванитян XI в. до н.э., к сожалению, не осталось сколько-нибудь значительных следов, у евреев эта традиция укреплялась, трансформировалась и, как мы думаем, дошла до сегодняшнего дня, что и позволяет нам ответить на поставленный выше вопрос: для чего поднимали воду на площадку гаванского водоема? Обряд, о котором мы говорим – это традиция ритуальных омовений, которая обнаруживается у евреев (после приведенного выше свидетельства) в исторически достоверных формах лишь в Мишне, т.е. в текстах, записанных в фиксированном виде в III в. н.э., но отражающих религиозные нормы периода Второго Храма. Соответствующая практика описана в трактате Мишны Микваот, где перед нами предстает дожившая до сегодняшнего дня структура ритуального водоема, расположенного ниже поверхности земли и служащего для накопления непроточной (прежде всего дождевой) воды. При установленном в Мишне минимальном объеме дождевой воды, необходимом для ритуального использования (40 сеа, т.е. около 500 л), допускается – в том случае, если воды не хватает – доливание водоема до должного

¹⁵ Еще одно возможное предположение о функции гаванского объекта – хранение воды – также несостоятельно, поскольку порода, в которой вырублен наш «водоем», не способна удерживать воду без специальной обработки, следов которой в Гаваоне нет.

¹⁶ Данный пассаж описывает события в Массифе (Мишпе), находящейся в непосредственной близости от Гаваона. Таким образом, налицо континуитет не только в ритуальном, но и в пространственном плане.

уровня водой любого происхождения. Иными словами, мишнаитское описание находится в хорошем соответствии с тем обрядом, который мы реконструируем для Гаваона.

Если гаваонский ритуал действительно напоминал более позднюю еврейскую *микву*, то на промежуточной площадке гаваонского водоема объем воды в 40 сеа должен был бы образовать небольшую лужу, около 1/150 того объема воды, который должен был бы, чтобы заполнить всю площадку до высоты балюстрады (около 90 см). Иначе говоря, дождевая вода на площадке должна была доливаться путем черпания влаги из расположенной на нижнем уровне камеры. Как мы полагаем, именно это и объясняет сношенность нижней части лестницы и сохранность верхней. Чтобы заполнить площадку водой хотя бы наполовину, пришлось бы сделать несколько сот ходок с площадки на нижний уровень, причем на эти сотни спусков и подъемов приходился бы всего один спуск, требовавшийся, чтобы попасть с поверхности на площадку.

Таким образом, мы полагаем, что встреча и поединки соперников состоялись не в пруду, как можно было бы подумать при первом знакомстве с текстом, а в значительно более подходящем для подобных целей месте – в гаваонском святилище, предназначенном для ритуальных омовений.

5. ХРАМ ГОСПОДА В СИЛОМЕ (1 САМ. 1–3)

В библейской традиции термин *hēukal* – «храм» употребляется преимущественно в качестве одного из наименований иерусалимского Храма Соломона (ср., например, 1 Цар. 6: 17, 33; 7, 21, 50 и т.д.) наряду с основным термином *bayit*, собственно, «дом». Лишь единожды та же пара наименований встречается в Библии применительно к другому культовому сооружению – святилищу в Силоме (Шило), описанному как место воспитания отрока Самуила в 1 Сам. 1–3. Сходство святилища в Силоме с Иерусалимским храмом и, если угодно, его прототипичность по отношению к последнему этим не ограничиваются, поскольку храм в Шило также служит местом хранения Ковчега Завета (1 Сам. 3: 3), а Бог этого храма однозначно описывается – вполне в давидовском стиле (ср. 2 Сам. 6: 2) – как *Yhwh Šēbā' ōt* – «Господь воинств», «Саваоф» (1 Сам. 1:3) или, в более полной форме, как *Yhwh Šēba' ōt yošēb ha-kērubīm* – «Господь воинств, сидящий на херувимах» (1 Сам. 4:4). Сходство этих двух храмов в еврейской летописи приобретает особое значение потому, что храм в Силоме, относящийся к более раннему этапу истории, составляет тем самым предысторию главного, Иерусалимского храма, и все то, что мы в состоянии выяснить относительно этого силомского святилища, не может не сыграть роли в нашем понимании эволюции еврейского религиозного культа.

Кто же служители Господа в Силоме, которые предстают перед нами в начальных главах 1-й книги Самуила? Это священник Илий, которому помогают в храме его сыновья, Офни и Финеес, – люди низких нравственных и профессиональных качеств, что всячески стремится подчеркнуть библейский текст, противопоставляющий им юного Самуила, ср. 1 Сам. 2: 12 – 18:

«Сыновья же Илия были люди негодные; они не знали Господа и долга священников в отношении к народу. Когда кто приносил жертву, отрок священнический, во время варения мяса, приходил с вилкой в руке своей и опускал ее в котел, или в кастрюлю, или на сковороду, или в горшок, и что вынет вилка, то брал себе священник. Так поступали они со всеми израильтянами, приходившими туда в Силом. Даже прежде, нежели сожигали тук, приходил отрок священнический и говорил приносившему жертву: дай мяса на жаркое священнику; он не возьмет у тебя вареного мяса, а дай сырое. И если кто говорил ему: пусть сожгут прежде тук, как должно, и потом возьми себе, сколько пожелает душа твоя, то он говорил: нет, теперь же дай, а если нет, то силою возьму [...] Отрок же Самуил служил пред Господом, надевая льняной ефод».

Строго апологетический по отношению к Самуилу, этот пассаж скорее всего достаточно далек от реальной ситуации в силомском храме. Вместе с тем, в рассказе о

силомских священниках есть, по меньшей мере, несколько содержательных в историческом плане элементов – их имена, свидетельствующие об их происхождении, генеалогические данные, отрывочные сведения о характере храмовой службы и о Боге, к которому эта служба обращена.

Для фигуры такого масштаба, как Илий, выступающий в тексте как второй отец Самуила, можно было бы ожидать подробной и хорошо разработанной генеалогии, как у других героев исторических книг – Саула, Давида, Самуила. Это, однако, не так: предки Илия не названы поименно даже в поздних книгах Паралипоменон. Само по себе подозрительное, это обстоятельство усугубляется бесспорно несемитским происхождением имен всех троих силомских священников. Так, имя Офни, *Ḥp̄nī*, несомненно, продолжает др.-егип. *ḥfn*, а имя Финееса, *Pinḥās*, также восходит к египетскому источнику *p̄3-nhsy*, собственно, «чернокожий, негр»¹⁷. Как мы полагаем, в той же языковой среде возникло и имя самого Илия, *‘Eī*, ср. др.-егип. антропоним *‘gu s-g-*, которое помимо прочего, может быть и орфографическим обозначением *-l-*. Итак, по лингвистическим данным, священники храма в Силоме – иностранцы, семейная предыстория которых, само собой, осталась неизвестной еврейским летописцам. Здесь же заметим, то следующее поколение семьи Илия уже пользуется чисто еврейскими, семитскими именами Ихавод (4: 21), Ахия и Ахитув (14: 3) – явление, характерное для постепенной ассимиляции.

Следует подчеркнуть, что на египетское происхождение жреческого семейства в Силоме указывают не только лингвистические факты. В этом смысле первостепенное значение имеет пассаж 2: 27, где, обращаясь к Илию, *deus ex machina* библейского рассказа, Божий человек, следующим образом излагает слова Господа:

«Не открылся ли я дому отца твоего, когда еще были они в Египте, в доме фараона?»

Поверхностное прочтение данного фрагмента могло бы привести и приводило читателей 1 Сам. к ошибочному выводу, что отец Илия вышел из Египта вместе с еврейским народом, т.е. что речь здесь идет об Исходе¹⁸. Однако это явно не соответствует духу и букве данного стиха и, тем более, тому, как обычно описывается Исход, ср., например Исх. 13: 3:

«И сказал Моисей народу: помните сей день, в который вышли вы из Египта, из дома рабства; ибо рукою крепкою вывел вас Господь оттоле...».

Конечно же, в 1 Сам. 2: 27 нам рисуется совершенно иная картина – картина потомственной службы предков Илия в доме фараона. О содержании этой службы мы можем только догадываться. Скорее всего она мало чем отличалась от деятельности самого Илия и его сыновей, т.е. представляла собой ту или иную форму жречества.

Стих 2:27 способен также помочь нам в датировке обсуждаемых событий. Действительно, если об отце Илия мы знаем, что он еще служил фараону в Египте, то сам Илий по крайней мере часть своей жизни провел уже в Ханаане. Поскольку рождение Илия может быть косвенным образом датировано 1168 – 1163 гг. до н.э.¹⁹, сказанное означает, что переселение этой жреческой семьи в Ханаан приходится на вторую четверть XII в. до н.э. Именно в это время Рамсес III, проведя несколько военных операций в Ханаане, предпринимал шаги для того, чтобы укрепить там свое влияние, в частности, в религиозно-идеологических формах, насаждая египетские культы и

¹⁷ См. *Ranke H. Aegyptischen Personennamen*. Bd 1. Glückstadt, 1935. S. 70, 239; *Noth M. Die israelitischen Personennamen im Rahmen der gemeinsemitischen Namengebung*. Stuttgart, 1929. S. 63; *Soggin J.A. Judges*. L., 1981. P. 293.

¹⁸ См. общепринятую трактовку в кн.: *Driver S.R. Notes on the Hebrew Text and the Topography of the Books of Samuel*. Oxf., 1913. P. 36, где автор пытается, путем недостаточно обоснованных эмендаций, приблизить текст данного стиха к стандартной формуле, описывающей Исход в Пятикнижии и других книгах Библии.

¹⁹ Обоснование датировки см. в нашей книге: *Frolov S., Orel V. Men of God and Men of War* (в печати). Оно преимущественно связано с датой смерти Илия и с информацией о его возрасте в 4:15.

способствуя созданию в Ханаане, особенно на периферии, египетских храмов. К появлению египетских жрецов в этом регионе может иметь прямое отношение известный отрывок из I папируса Харриса (IX. 1) относительно страны Джахи, включающей в данном случае и Ханаан²⁰:

«Я построил для тебя (sc. для Амона-Ре) таинственный дом в стране Джахи, как оком небес, (под названием) «Дом Рамсеса, правителя Гелиополиса – жизнь, процветание, здоровье! – в Ханаане» как законное владение твоего имени. Я сделал твое большое культовое изображение, которое пребывает там, (под названием) «Амон Рамсеса, правителя Гелиополиса – жизнь, процветание, здоровье!» Жители Ретену (sc. горных районов Ханаана) приходят к нему, принося свою дань, подобающую его божественной природе.»

Таким образом, мы предполагаем, что силомский храм с его жрецами египетского происхождения – это одна из опорных точек в религиозной экспансии Рамсеса III, столь ярко и подробно описанная в процитированном выше источнике²¹. Некоторые элементы сходства не могут не вызывать удивления. Так, известие о жителях Ретену, в сущности, является египетским парафразом библейского сообщения о Елкане, приходящем с дарами к стенам силомского храма (1 Сам. 1: 3).

В свете всего сказанного естественно сделать вывод, что и божество, которому поклонялись в египетском храме египетские жрецы, было того же происхождения. Источником заимствования мог бы быть Амон-Ре, кстати, упоминаемый в приведенном выше отрывке из I папируса Харриса. В образе Амона-Ре нетрудно заметить конструктивные элементы, сближающие его с монотеистическим культом Yhwh и, в частности, с разновидностью последнего под названием Yhwh Š^ebā^ʾōt. В целом, это сходство, трактовавшееся как заимствование из египетской религиозной системы в еврейскую, было отмечено в незаслуженно забытой работе Зете²². Сходство Yhwh и Амона-Ре бросается в глаза в гимнах XIV–XV вв. до н.э., обращенных к египетскому божеству и подчеркивающих его единственность и творческую сущность²³:

«... Амон-Ре ... господин сущего ... единственный в природе ... создавший человечество и сотворивший животных, господин сущего, сотворивший плодовые деревья, создавший травы и давший жизнь скоту ... господин вечности, создавший бесконечность времени ... простирающий руки тому, кого любит ... врагов его пожирает пламя ... Ты единственный, кто создал все это, наединнейший, сотворивший сущее ... единственный царь ... со многими именами, число которых неведомо».

Ивритское наименование божества в Силоме без всяких сомнений устанавливается как Yhwh Š^ebā^ʾōt, т.е. «Господь воинств» (см. выше). По нашему мнению, этот образ в ранних книгах Библии лишен ожидаемого элемента воинственности и ни в какой мере не представляет собой «еврейского Ареса». Играя заметную роль в библейских исторических хрониках (1 и 2 Сам. и 1 и 2 Цар.), в Псалтири (в том числе в ранних давидовских псалмах) и у пророков, «Господь воинств» ни разу не упоминается в Пятикнижии, а также в легендарно-исторических книгах Иисуса Навина и Судей. Создается впечатление, что Yhwh Š^ebā^ʾōt – это древнее название божества, усвоенное евреями только ко приходу в Ханаан. Можно думать, что вместе с заимствованием божества могло осуществиться и заимствование его имени. Не исключено поэтому, что Š^ebā^ʾōt «воинства» – это вторичное ивритское переосмысление иного, скорее всего египетского названия. В качестве такового, ввиду связи Амона-Ре с Фивами²⁴,

²⁰ Английский перевод см. в кн.: Pritchard J.B. *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Princeton, 1969. P. 261 f.

²¹ Об археологических следах египетского влияния в ханаанских храмах см.: Aharoni Y. *The Archaeology of the Land of Israel*. Philadelphia, 1982. Passim.

²² См. Sethe K. *Amun und acht Urgötter von Hermopolis // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. № 4. 1929. S. 109, 119–122. Ср. также idem. Urgeschichte und älteste Religion der Aegypten. Lpz., 1930 // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd 18. № 4.*

²³ См. Pritchard. *Ancient Near Eastern Texts...* P. 365 f.

²⁴ См. Sethe. *Urgeschichte...* Passim.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1999 г.

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ РИМСКОГО ХРАМА В ОКРЕСТНОСТЯХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Летом 1996 г. при строительных работах на территории г. Балаклавы, в двух километрах к северо-востоку от Балаклавской бухты, сотрудниками археологической экспедиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством О.Я. Савели были открыты остатки здания, связанного с культурами божеств, которые почитались солдатами расквартированного там римского гарнизона (рис. 1). Ранее считалось, что основной базой дислокации римских войск, которые пришли на помощь Херсонесу в середине II в., в Таврике был именно этот центр, затем было установлено, что войска размещались и в других пунктах его ближайшей округи, на что указывали лишь разрозненные и косвенные факты¹. И вот теперь это предположение подтвердилось.

Балаклавский культовый комплекс представляет собой достаточно сложный археологический памятник, все материалы из раскопок которого заслуживают полной и всесторонней публикации. Однако несмотря на то что раскопки еще продолжаются, целесообразно провести анализ уже обнаруженных эпиграфических памятников и другого материала, так как это позволит сделать дальнейшие полевые исследования более целенаправленными и результативными. Но прежде необходимо сказать хотя бы несколько слов об уже открытом комплексе.

Раскопанная постройка представляла собой прямоугольное в плане здание длиной 16,5 м, ориентированное по линии северо-запад – юго-восток. По периметру прослежены стены толщиной 0,8 м из уложенных плашмя равных кусков известнякового плитняка (рис. 2). Здание, вероятно, следует интерпретировать как остатки храма, на что указывает находка фрагментарной базы колонны с ионическим или коринфским портиком. Со dna строительной траншеи были извлечены фрагменты надписей, а в целле храма, у северо-западной стены, *in situ* зафиксированы постамент статуи с посвящением Геркулесу, алтарь, связанный с почитанием Вулкана, а также нижние части двух известняковых колонн, одна из которых украшена побегими плюща (рис. 3, а, б). Не исключено, что в верхних не сохранившихся частях этих вотивных колонн также могли быть посвящения². Рядом, параллельно юго-западной стене, также *in situ*, зафиксированы две прямоугольные известняковые плиты на ножках, располагавшихся на уровне основания постамента статуи Геркулеса³. Этому уровню соответствовали два очага у юго-восточной стены храма, в заполнении которых найдены мелкие птичьи кости (рис. 2). Ниже уровня основания алтаря с посвящением Вулкану в засыпи были обнаружены фрагменты еще двух плит с фрагментарными

¹ Зубарь В.М., Костромичева Т.И. Новый аурус из окрестностей Херсонеса // КСИА. 1990. 197. С. 83–86; Зубарь В.М., Антонова Г.А., Савели О.Я. Новый латинский надгробок з околиці Балаклави // Археологія. 1991. № 3. С. 102–108; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 67 сл.

² Ср. *Božilowa V., Kolendo J., Mrozewicz L. Inscriptiones latines de Novae. Poznań, 1992. P. 16 f., № 4; P. 91. № 52; P. 95. № 56 и др.*

³ Эти плиты близки жертвенным столам из античных святилищ и храмов. Однако не исключено, что в данном случае они могли использоваться в качестве скамей для сиденья во время отправления религиозных обрядов, если судить по находкам в некоторых митреумах.

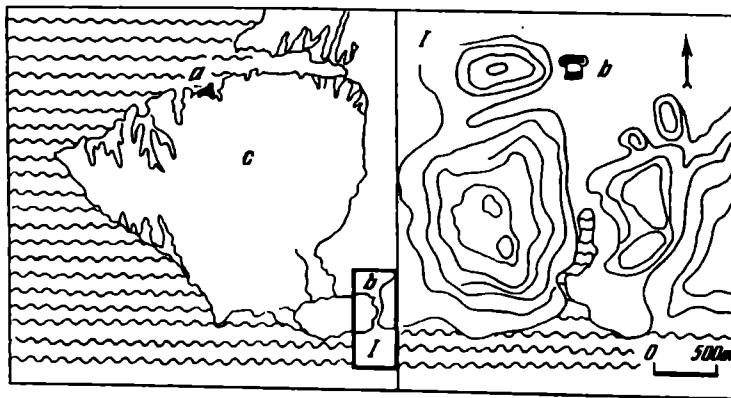

Рис. 1

Рис. 1. Херсонес Таврический и его окрестности: *a* – Херсонес, *b* – храм Юпитера Долихена, *c* – Гераклейский полуостров. 1 – район современной Балаклавы

Рис. 2. План культовой постройки. Раскопки 1996 г.: 1 – очаги; 2 – прямоугольные плиты на ножках; 3 – постамент статуи Геркулеса; 4 – алтарь с посвящением Вулкану; 5 – фрагментированные колонны; 6 – средневековая яма; 7 – база колонны; 8 – нераскопанная площадь

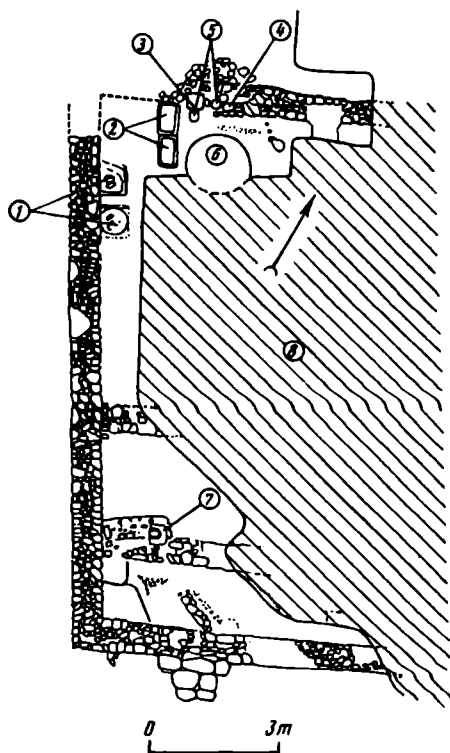

Рис. 2

посвящениями Юпитеру Долихену и изображениями масок, очевидно, разбитые во время гибели храма, обломки статуи, фрагменты скульптурных изображений, рельефов, обломки черепицы с латинскими клеймами, керамика и др. Иными словами, перед нами тот исключительно редкий в археологической практике случай, когда в распоряжение исследователей одновременно попали различные категории источников. К сожалению, северо-восточная стена храма не раскопана, что не позволяет пока составить более полное представление о его планировке и конструктивных особенностях.

Теперь рассмотрим обнаруженные в 1996 г. латинские надписи:

1. Восемистрочная латинская надпись вырезана на лицевой стороне постамента статуи прямоугольной формы, изготовленного из мшанкового известняка инкерманского месторождения. База и карниз с лицевой стороны профилированы. Поверхность памятника

Рис. 3 а–б. Вид северо-западной части храма после раскопок 1996 г.

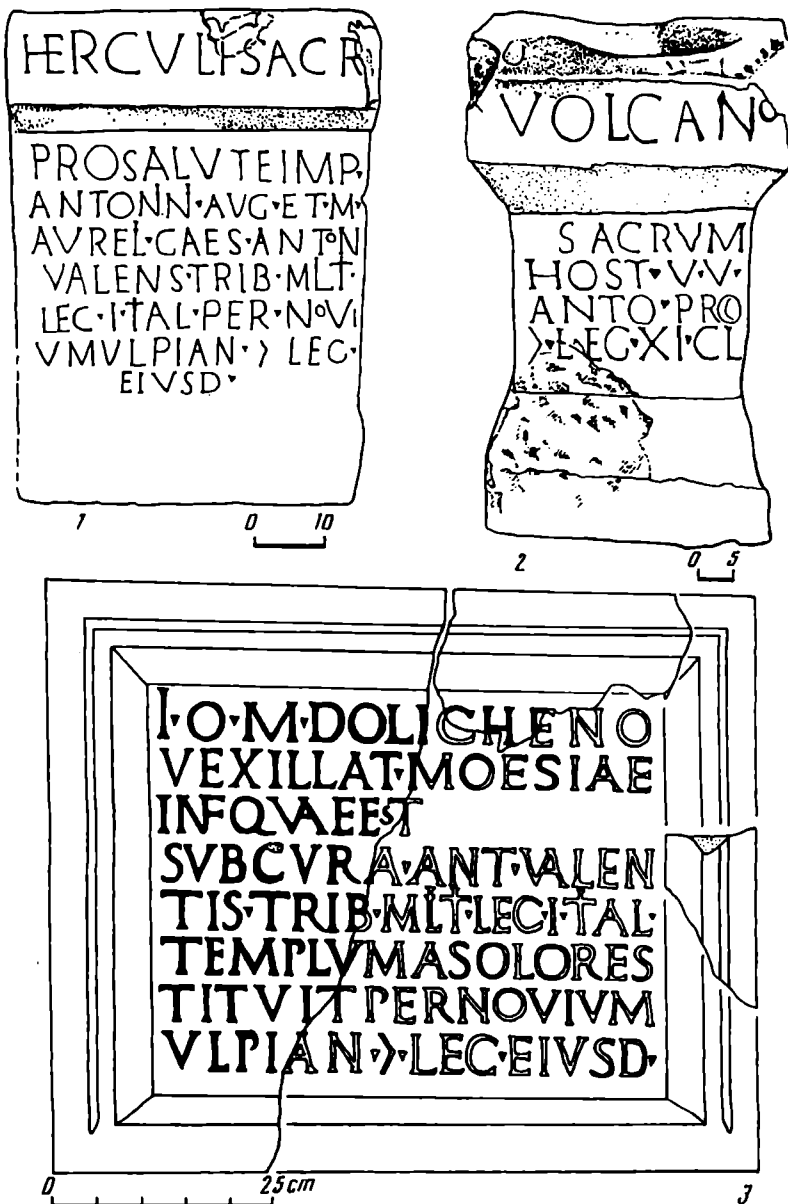

Рис. 4. Латинские надписи из раскопок храма. Прорисовки

отесана топором, обработана бучардой и затерта теркой. Высота постамента 0,66 мм, ширина по фасаду 0,47 м (рис. 4, 1: 5). Надпись читается полностью:

HERCVLI SACR
 PRO SALVTE IMP •
 ANTONINI • AVG • ET • M •
 AVRELI • CAES • ANTON
 VALENS • TRIB • MILIT •
 LEG • I • ITAL • PER • NOVI
 VMVLPIAN • > LEG •
 EIVSD •

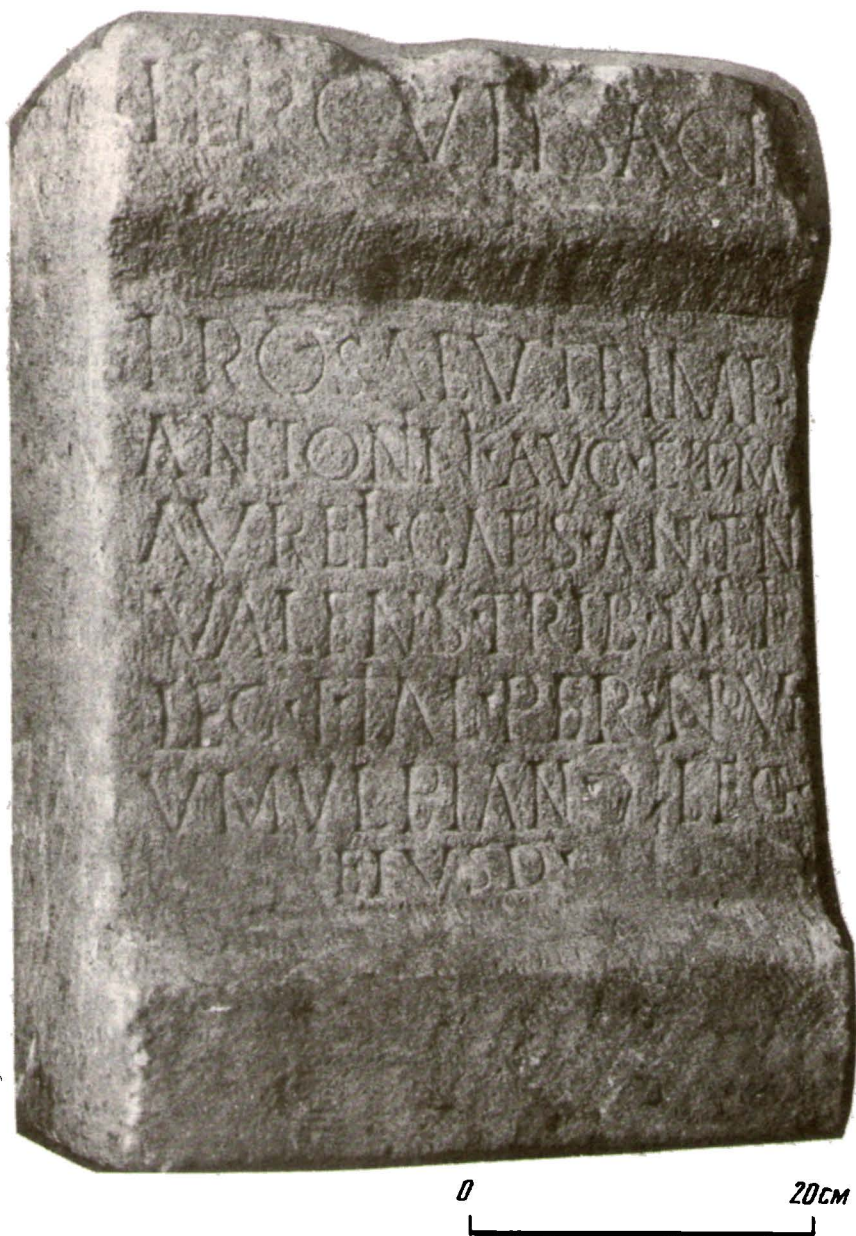

Рис. 5. Постамент статуй Геркулсса

Надпись расположена на карнизе и в средней части постамента. Она выполнена мастером по предварительной разметке четко вырезанными буквами, высота которых колеблется в пределах от 2,5 (последняя строка) до 5 см (первая). Концы букв украшены апексами. Во всех строках надписи, за исключением первых двух, имелись разделители в виде интерпункций. В стк. 1 буквы H и E, в стк. 3 – N и I, в сткк. 4–5 – L и I, в стк. 6 – I и T в лигатурах. При этом в стк. 4 и стк. 6 буква O по размерам значительно меньше остальных букв.

Надпись может быть восстановлена следующим образом:

- 1 Herculi sacr(um)
 pro salute imp(eratoris)
 Antonini Aug(usti) et M(arci)
 Aureli(i) Caes(aris) Anton(ius)
 5 Valens trib(unus) milit(um)
 leg(ionis) I Ital(icae) per Novi-
 um Ulpian(um) > (centurionem) leg(ionis)
 8 eiusd(em).

Перевод: «Геркулесу посвящено. За здравие императора Антонина, Августа, и Марка Аврелия, Цезаря. Антоний Валент, военный трибун I Италийского легиона (поставил) при содействии Новия Ульпиана, центуриона того же легиона».

Время, когда была установлена статуя Геркулесу, позволяет уточнить содержание надписи на постаменте, в которой сказано: «За здравие императора Антонина, Августа, и Марка Аврелия, Цезаря». Интересно, что здесь использована очень краткая титулатура Антонина Пия (138–161 гг.) и Марка Аврелия (161–180 гг.)⁴. Восемнадцатилетний Марк Аврелий получил в 139 г. титул «цезарь» и стал официально именоваться *Aurelius Caesar Augustus Pii filius*, а 1 декабря 147 г. ему были дарованы трибунские полномочия и проконсульская власть⁵. После смерти Антонина Пия Марк Аврелий 7 марта 161 г. стал правящим императором⁶. Исходя из этого, постамент статуи Геркулеса может быть датирован промежутком времени между 139 и 161 гг. Однако более вероятно, что эту датировку можно сузить до 147–161 гг., когда Марк Аврелий получил трибунские полномочия, чем и было вызвано их совместное упоминание в эпиграфических памятниках⁷. В пользу сказанного косвенно свидетельствует и то, что из четырех датированных 139–161 гг. нижнемезийских посвящений Геркулесу два приходятся на время наместничества Витразия Поллиона (*Vitrasius Pollio*) (156–159 гг.?)⁸.

Первоначально костяк римского гарнизона Херсонеса состоял из солдат V Македонского легиона⁹. Учтывая, что вывод подразделений этого соединения с территории Нижней Мезии в Дакию завершился к 166/167 г.¹⁰, а в Херсонесе солдаты V Македонского легиона были заменены, вероятно, войсками I Италийского легиона¹¹, то рассматриваемое посвящение, вероятно, следует датировать не ранее второй половины – конца 50-х годов II в.

2. Два фрагмента левой половины плиты нуммулированного инкерманского известняка с восьмистрочной фрагментарной латинской надписью, обрамленной прямоугольной профилированной рамкой размерами 0,62 × 0,69 × 0,11 м. Внутреннее поле 0,425 × 0,585 м. Плита тщательно отесана бучардой с лицевой и боковых сторон. По всей поверхности зачищена троянкой. Тыльная сторона оббита. Надпись сохранилась не полностью. В стк. I отсутствует окончание имени божества. Окончания последующих строк также обломаны. Причем,

⁴ О титулатуре этих императоров подробнее см. *Rohden P. Aurelius (138) // RE. II. 1896. Sp. 2501; Dessau H. Inscriptiones latinae. V. III. Pt. 1. Berolini, 1955. P. 280; Cohen H., Egbert J.C., Cagnat R. Latin Epigraphy II. The Coin-Inscriptions and Epigraphical Abbreviations of Imperial Rome. Chicago, 1982. P. 37–39; ISM. I. 317, 324–326, 367; V. 21, 141, 155–158 и др.*

⁵ *Rohden. Op. cit. Sp. 2503; Armin H. Annus (94) // RE. I. 1894. Sp. 2286–2288; Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt, 1990. S. 137.*

⁶ *Kienast. Op. cit. S. 134, 137, 143.*

⁷ Ср. *Сон Н.А. Новая латинская надпись из Тире // ВДИ. 1986. № 4. С. 65.*

⁸ *Thomasson B.E. Laterculi praesidium. Götheborg, 1977. P. 18 f.; Kolendo J.T. Vitrasius Pollio – gouverneur de la Mésie inférieure et son activité dans cette province // Studia aegaeae et balcanica in honorem L. Press. Warszawa, 1992. P. 199–205.*

⁹ *Зубар В.М. Новый латинский напис с Болгарии і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. № 1. С. 120; Зубарь В.М. Херсонес Таврический... С. 50.*

¹⁰ *CIL III. 14433; Filow B. Die Legionen der Provinz Moesia von Augustus bis auf Diokletian // Klio. 1906. 6. S. 74–77; Ritterling E. Legio // RE. 12. 1925. Sp. 1298. 1579–1582.*

¹¹ *Зубар. Новый латинский напис... С. 121 сл.; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 50. В русле этих изменений, связанных с выводом V Македонского легиона и реорганизацией Мезийского лимеса накануне Маркоманских войн, следует рассматривать появление во второй половине 60-х годов II в. в Ольвии и на территории Харакса вексиляции под командованием центуриона XI Клавдиева легиона. Подробнее см. *Зубарь В.М., Сон Н.А. К интерпретации одной латинской надписи из Ольвии (IOSPE I². 322) // ВДИ. 1995. № 3. С. 184 сл.; Sarnowski T., Zubar V.M. Römische Besatzungstruppen auf der Südkrim und eine Bauinschrift aus dem Kastell Charax // ZPE. 112. 1996. S. 229–233.**

если в стк. 2 сохранилось десять знаков, то в последней (стк. 8) только четыре (рис. 4, 3; 6, 1). Таким образом, от надписи сохранилась только левая половина текста.

Сохранившаяся часть памятника читается следующим образом:

I • O • M • DOLICHE -----
VEXILLAT • M -----
INFQVAEEST -----
SVBCVR -----
TIS • TRIB -----
TEMPLV -----
TITVI -----
VLPI -----

Надпись выполнена достаточно профессиональным мастером. Буквы тщательно и глубоко вырезаны по тонко прочерченным линейкам, их высота колеблется от 5,5 см (стк. 1) до 3—4,5 см в последующих. Их концы украшены апексами. Исходя из начертания букв, не исключено, что оба памятника вышли из-под руки одного мастера и датируются одним временем. Написание букв в целом близко монументальному шрифту времени правления Траяна и Антонинов¹². К особенностям следует отнести наличие разделителей в виде интерпункций в сткк. 1, 2, 5. В стк. 3 буквы N и F, а также V и A в лигатуре, а S в этой же строке по размерам в два раза меньше остальных. Буква Q имеет сравнительно длинный и несколько загнутый вверх хвостик, характерный для надписей раннеимператорской эпохи¹³.

Стк. 1 уверенно может быть восстановлена как I • O • M DOLICHE(NO). В связи с тем, что в начале стк. 3 стоит INF(ERIOR) и, исходя из аналогичной легенды на черепичном клейме из Харакса¹⁴, после VEXILLAT(IO) в стк. 2 должна быть восстановлена принадлежность вексилляции провинции, т.е. слово MOESIA¹⁵.

Восстановить окончание стк. 3 труднее всего. Исходя из того, что после названия провинции стоит QVAE EST, окончание строки следует определять как придаточное предложение, которое относилось к слову vexillatio. Здесь могло стоять: in statione, in castello, in praesidio и т.д. Но не исключено, что здесь фигурировало наименование области (Taurica), в которой дислоцировалась вексилляция. Ведь в надгробной эпитафии Тиберия Плавтия Феликса Феррунтиана он прямо назван препозитом войск, расквартированных в Скифии и Таврике¹⁶. Однако, учитывая возможность многовариантного восстановления окончания этой строки, нет оснований останавливаться только на одном из вариантов.

В начале стк. 4 стоит SUB CURA¹⁷, а далее следовало, видимо, двухсоставное имя римского военного трибуна, заканчивавшееся на -NS. Исходя из того, что в предыдущей надписи из этого же святилища, близкой по времени к рассматриваемой, стоит имя Антония Валента, военного трибуна I Итальянского легиона, то здесь скорее всего следует восстанавливать [ANTONII VALEN] / TIS, TRIB(UNI) [MILIT(UM) LEG(IONIS) I ITAL(ICA)].

В начале стк. 6 стоит слово TEMPLV [M], т.е. сооружение, восстановленное вексилляцией под командованием трибуна I Итальянского легиона Антония Валента. Исходя из многочисленных аналогий, конец этой строки и начало следующей должны быть дополнены как [RES]TITUI [T]¹⁸, а перед ним должно было быть поставлено выражение A SOLO¹⁹, так

¹² Cagnat R. Cours d'epigraphie latine. P., 1898. Pl. 1; Huguet P.B. Epigraphia latina. Barcelona, 1946. P. 115. Fig. 38; Sandys J.E. Latin Epigraphy. An Introduction to the Study of Latin Inscriptions. Groningen, 1969. P. 48–53.

¹³ Sandys. Op. cit. P. 52.

¹⁴ CIL III. 14214.4.

¹⁵ Ср. CIL VII. 939; 942; VIII. 2490; XIII. 1358, 12538, 12541–12558; IDR III/4. P. 184. № 30; Saxer R. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian // Epigraphische Studien. 1967. I. S. 42. № 73.

¹⁶ CIL VIII. 619; Беллен С.А. К пониманию CIL VIII. 619 // ВДИ. 1968. № 4. С. 128; Соломоник Э.И. О пребывании римского флота в Крыму // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 144; Zubar V. Zur römischen Militärorganisation auf der Taurike in der zweiten Hälfte des 2. und am Anfang des 3. Jahrhunderts // Historia. 1995. XLIV/2. S. 201.

¹⁷ Ср. CIL II. 2552, 2555; III. 14433; VII. 964; VIII. 2466; XII. 2228; XIII. 7946; Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. № 4. С. 116 сл. № 5 и др.

¹⁸ Такой вариант восстановления подсказал нам Ю.Г. Виноградов, которому авторы выражают сердечную благодарность за дружескую помощь и консультации.

¹⁹ Ср. IDR II. P. 106. № 190; III/1. P. 237 f. № 272; III/2. P. 42 f. № 17, 18; P. 44 f. № 19; P. 45 f. № 20;

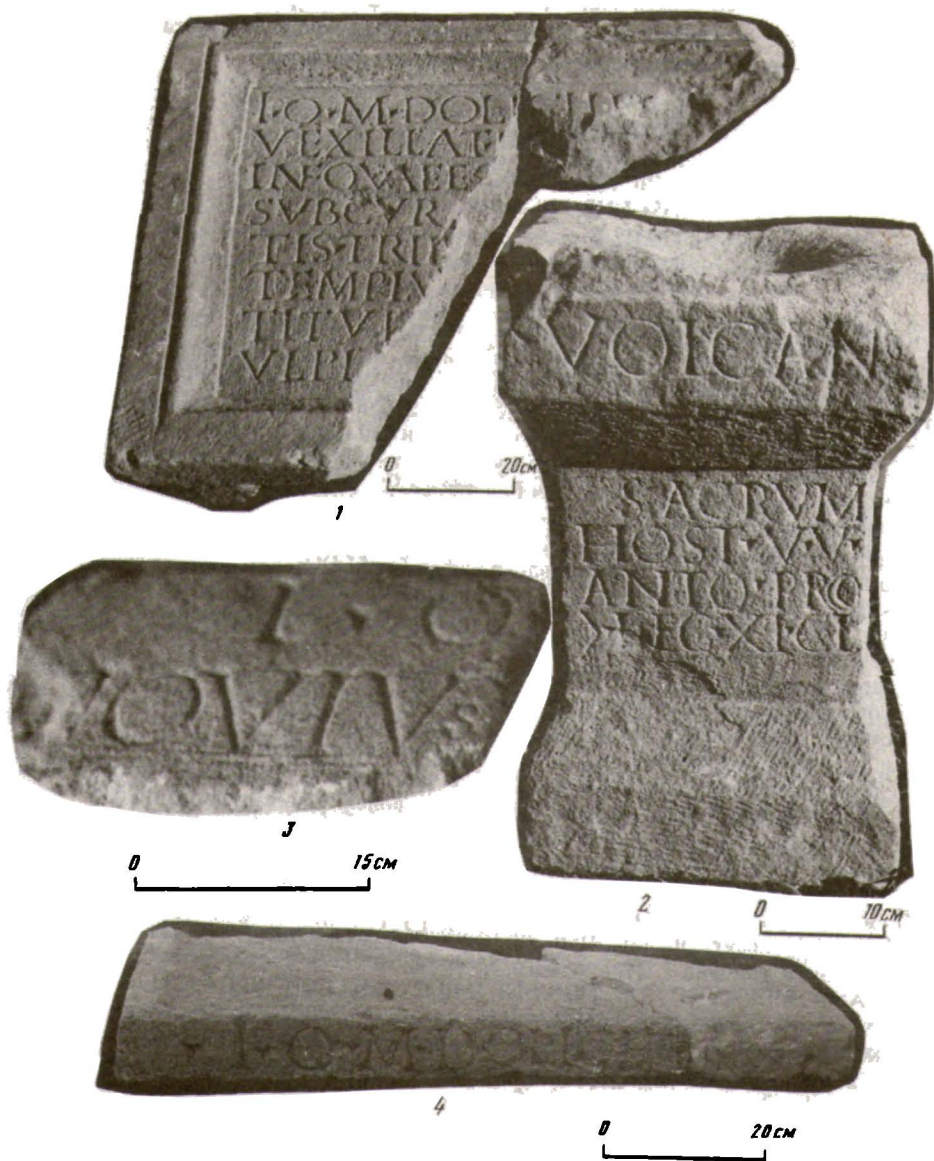

Рис. 6. Латинские надписи из раскопок храма. Фотографии

как, судя по размерам несохранившейся части этой строки, иные восстановления представляются менее вероятными. Наличие в стк. 8 надписи римского имени собственного позволяет предполагать, что после [RES]TITU[IT] мог стоять предлог PER. За ним, исходя из посвящения Геркулесу, может быть восстановлено [NOVIVM] VLP[ANUM > LEG(IONIS) EIUSD(EM)]. Если сказанное справедливо, то можно предполагать, что в конце надписи стояло имя центуриона, который непосредственно руководил восстановительными работами и, вероятно, являлся командиром римского военного отряда, расквартированного на месте г. Балаклавы (рис. 4, 3).

Р. 174. № 198; ISM. V. № 245; *Speidel M.P.* The Religion of Iupiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden, 1978. P. 68. № 38; *Božilowa, Kolendo, Mrozewicz.* Op. cit. P. 68, № 38; P. 74. № 43 и др.

Таким образом, вся надпись может быть восстановлена так:

- 1 I(ovi) O(ptimo) M(aximo) Doliche [no]
vexillat(io) M[oesiae]
inf(erioris) quae est ---
sub cur[fa Ant(onii) Valen] -
5 tis trib(uni) [milit(um) leg(ionis) I Ital(icae)]
templu [m a solo res] -
tituij [per Novium]
8 Ulp[an(um) > (centurionem) leg(ionis) eiusd(em)].

Перевод: «Юпитеру Лучшему Величайшему Долихену. Вексилляция Нижней Мезии, которая дислоцируется — — — — —, под командованием Антония Валента, военного трибуна I Итальянского легиона, храм (от основания) восстановила с помощью Новия Ульпиана, центуриона того же легиона».

3. Два подходящих друг к другу фрагмента прямоугольной плиты, изготовленной из мшанкового известняка инкерманского месторождения, размерами 0,91 × 0,565 × 0,08 м. Верхняя плоскость плиты слабо заглублена и по периметру обрамлена небрежно выполненной прямоугольной рамкой. В центре нижней поверхности плиты имеется круглое углубление, служившее для соединения с ножкой. Плита обработана зубаткой и защищена троянкой. На торцовой лицевой стороне по предварительной разметке в одну строку грубо вырезана латинская надпись I(ovi) o(ptimo) m(aximo) Dolicheno с разделителями в виде треугольных точек (рис. 7. 1; 6. 4). Высота букв, концы которых украшены апексами, неодинаковая. Если первая буква высотой 6 см, то последняя — только 4 см. По шрифту надпись близка двум предыдущим.

4. Два фрагмента прямоугольной тщательно обработанной плиты мшанкового инкерманского известняка размерами 0,35 × 0,64 × 0,095–0,12 м. Верхняя плоскость заглублена и обрамлена широкой скошенной рамкой шириной 0,105 м. На торцовой части плиты сохранился фрагмент аккуратно вырезанной по предварительной разметке двустрочной латинской надписи: I • O [M D] / [N] OVIVS (рис. 7. 3). Высота четко вырезанных букв, украшенных апексами, в стк. 1–3,3 см, в стк. 2–4 см. От третьей буквы в стк. 1 и первой буквы в стк. 2 сохранились лишь вертикальные галсы. К особенностям шрифта следует отнести написание S, которая по размерам почти в два раза меньше остальных букв, а также наличие треугольной точки-разделителя. По шрифту надпись тождественна вышеописанным и может быть восстановлена следующим образом:

I(ovi) O(ptimo) [M(aximo) Dolicheno]
[N]jovius [Ulpianus ---]

Перевод: «Юпитеру Лучшему Величайшему Долихену Новый Ульпиан — —». Точки-разделители во всех рассмотренных надписях в виде интерпункций²⁰, а не листиков (*hederae distinguentes*), которые в эпиграфических памятниках Северного Причерноморья появляются не ранее второй половины II в.²¹, позволяют датировать все эти памятники временем около середины II в.

Если постамент статуи с посвящением Геркулесу относительно точно датируется промежутком времени между 139 и 161 гг. или 147 и 161 гг., то в надписи с посвящением Юпитеру Долихену какие-либо точные хронологические привязки отсутствуют. Однако близость шрифта этих двух эпиграфических памятников, наличие одинаковых разделителей, но главным образом то, что в стк. 4 и стк. 5 надписи с посвящением Юпитеру Долихену восстанавливается имя Антония Валента, военного трибуна, а в последней — Новия Ульпиана, центуриона I Итальянского легиона, позволяют датировать эти памятники приблизительно одним и тем же временем. Причем, строительная надпись с упоминанием храма Юпитера Долихена (№ 2) и плита с именем этого же божества (по крайней мере одна с упоминанием Новия Ульпиана. № 4), видимо, несколько более ранние, чем постамент статуи Геркулеса, либо все они одновременны. В правильности такого вывода убеждает и стратиграфия памятника, прослеженная в процессе раскопок. При этом следует подчер-

²⁰ Gordon J.S. and A.E. Contributions to the Palaeography of Latin Inscriptions // University of California Publications in the Classical Archaeology. 1957. V. 3. № 3. P. 113, 120, 126, 129.

²¹ IOSPE. I². 236; 547; Соломонок Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 58 сл. № 31; С. 66 сл. № 41; Зубар. Антонова, Савеля. Ук. соч. С. 103. Ср. Sandys. Op. cit. P. 54.

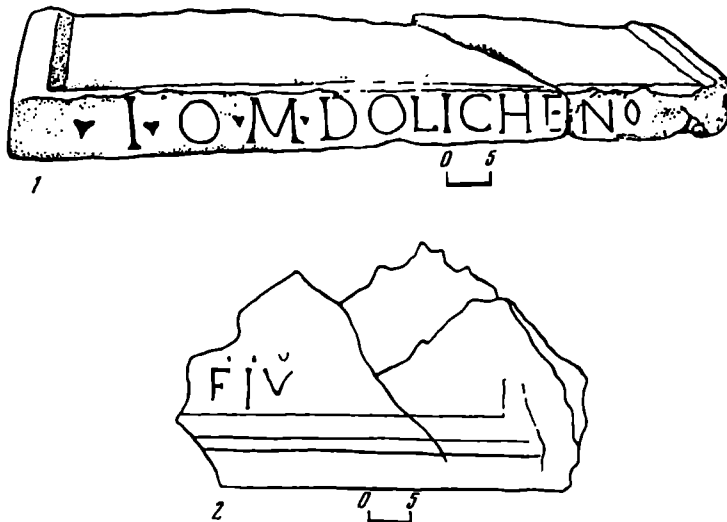

Рис. 7. Латинские надписи из раскопок храма. Прорисовки

кнуть, что храм Юпитера Долихена в это время был не возведен, а лишь восстановлен или реконструирован. Это позволяет предполагать, что на этом месте уже существовал более ранний культовый комплекс. В связи с тем, что археологические исследования памятника еще не закончены, что-либо конкретное сказать о нем пока трудно. Однако можно надеяться, что при исследовании этого уникального памятника будет получен дополнительный материал, который позволит конкретизировать сделанный нами вывод.

5. Еще один памятник представлен посвящением, вырезанным на лицевой стороне алтаря из мшанкового инкерманского известняка. База и карниз профилированы с трех сторон. Высота алтаря 0,5 м. Ширина лицевой части по карнизу и базе 0,3 м, по тулову – 0,25 м. Ширина боковой поверхности карниза и базы 0,22 м, тулова – 0,18 м. На верхней поверхности алтаря вырезано округлое углубление для совершения жертвоприношений диаметром 0,18 м, глубиной – 0,38 м. Лицевая поверхность обработана бучардой, а карниз и база по бокам затерты щеткой (рис. 4, 2; 6, 2).

Пятистрочная надпись читается полностью:

VOLCANO
SACRVM
HOST-V-V-
ANTO-PROC
>LEG-XI-CL

Посвящение выполнено профессиональным мастером по заранее прочерченным линейкам и сохранилось полностью, при этом стк. 2 несколько смещена вправо. Буквы четкие, их концы украшены апексами. Высота букв 3–4 см. В трех последних строках, как и в предыдущих надписях, стояли треугольные точки-разделители. В конце стк. 4 буквы O и C в лигатуре. Шрифт этой надписи достаточно близок другим, рассмотренным выше. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют, что этот памятник относится к несколько более позднему времени, чем постамент статуи Геркулеса и надпись о строительстве храма Юпитера Долихена. Алтарь с посвящением Вулкану найден в более позднем слое, чем постамент статуи Геркулеса. Причем алтарь с посвящением Вулкану был поставлен центурионом XI Клавдиева легиона, солдаты которого в Херсонесе, видимо, появляются позже, чем солдаты I Итальянского легиона²².

В стк. 3 посвящения стоят HOST-V-V. Первая часть строки с сокращением HOST может быть восстановлена как одна из форм слова HOSTIA в значении «принесение в жертву

²² Ростовцев М.И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. 1900. Март. С. 144; Зубир. Новый латинский напис... С. 123; Зубирь. Херсонес Таврический... С. 50–53.

животного»²³. Сокращение V-V должно быть восстановлено как UT VOVIT²⁴. Если справедливо наблюдение о том, что в предпоследней строке посвящения буквы O и S даны в лигатуре, то здесь можно восстановить имя центуриона ANTO(NTUS) PROC(ULUS)²⁵. Исходя из сказанного, посвящение может быть прочитано следующим образом:

- 1 Volcano
sacrum
- 3 host(iam) u(t) v(ovit)
Anto(nius) Proc(ulus)
- 5 > (centurio) leg(ionis) XI Cl(audiae).

Перевод: «Вулкану посвящено. Жертвоприношение по обету (совершил) Антоний Прокл, центурион XI Клавдиева легиона».

6. Два небольших фрагмента известняковой плиты плохой сохранности размерами 0,52 × 0,30 × 0,185 м с рамкой шириной 0,1 м со слабо сохранившимися следами трехстрочной латинской надписи. Уверенно могут быть прочитаны лишь четыре буквы последней строки: EIVS, высота которых 4 см. Не исключено, что это была либо строительная, либо посвятельная надпись (рис. 7, 2). На основании текста на постаменте статуи Геркулеса можно заключить, что здесь стояло указательное местоимение eiusd(em) («того же»), заменявшее в данном случае упомянутое выше название легиона.

Помимо рассмотренных эпиграфических памятников в ходе раскопок 1996 г. было также найдено шесть небольших известняковых фрагментов с отдельными латинскими буквами.

В публикуемых памятниках упоминаются Юпитер Лучший Величайший Долихен, Геркулес и Вулкан, которые являлись покровителями императоров и почитались как гражданским населением, так и римской армией. Культы этих богов хорошо известны на территории Римской империи и наличие связанных с ними памятников позволяет в какой-то мере охарактеризовать не только мировоззрение, но и этнический состав солдат римской вексиляции, дислоцировавшейся на территории современной Балаклавы.

Упоминание Юпитера Лучшего Величайшего Долихена в надписи и наличие имени этого божества на плитах свидетельствуют о том, что культовая постройка была реконструирована римской вексиляцией как храм именно этого божества. Юпитер Долихен был местным божеством области Долихии в Северной Сирии (Коммагене)²⁶. Там он не был сколько-нибудь широко распространен и посвящения ему на территории Сирии редки²⁷. Свою популярность культ получил лишь во II в. в Римской империи, где отождествлялся с главным божеством римского пантеона – Юпитером Лучшим Величайшим (рис. 8)²⁸. Его культу, который организационно оформился лишь в римской среде, были присущи мистериальные черты. Юпитер Долихен изображался обычно стоящим на быке, иногда с орлом, в воинском доспехе полководца и в островерхом фригийском колпаке. В правой руке он, как правило, держал двойной топор, а в левой – пучок молний (рис. 9)²⁹.

Культ Юпитера Долихена в Римской империи, в том числе и в Подунавье, был тесно связан с легионерами и выходцами из восточных провинций империи, среди которых были не только военные, но и гражданские лица³⁰. В армейской среде и в императорской гвардии,

²³ Thesaurus linguae latinae. 1988. VI. 3. Sp. 3046–3048, s.v. Hostia.

²⁴ Ср. Dessau. Op. cit. № 3210, 3674, 3859, 4202, 4206, 4820.

²⁵ Ср. Mócsy A., Feldmann R., Marton E., Szilágyi M. Nomenclator provinciarum Europae Latinarum et Galliae Cisalpiniae cum indice inverso. Budapestini (Dissertationes Pannonicae. Ser. III. 1), 1983. P. 255.

²⁶ Cumont F. Dolichenus // RE. 1903. 3. Sp. 1276–1281; Merlat P. Répertoire des inscriptions et monuments figurés du culte de Jupiter Dolichenus. P., 1951; idem. Jupiter Dolichenus. Essai d'interprétation et de synthèse. P., 1960; Speidel. The Religion... P. 2 f.; idem. Jupiter Dolichenus. Der Himmels Gott auf dem Stier. Stuttgart, 1980. S. 6.

²⁷ Speidel. The Religion... Map; idem. Jupiter Dolichenus... S. 10. Abb. 4.

²⁸ Merlat. Jupiter Dolichenus... P. 17 f., 52 f.; Speidel. The Religion... P. 4–11; idem. Jupiter Dolichenus... S. 10 f.

²⁹ Speidel. Jupiter Dolichenus... S. 8. Abb. 3; 25. Abb. 12; 26–30. Abb. 13–17.

³⁰ См. CIL III. 1614, 7824, 7835; Bercu J., Popa A. I.O.M. Dolichenus et Dea Suria Magna Caelestis à Apulum // Latomus. 1964. 23. 3. P. 473–482; Tomas E.B. Religion // The Archaeology of Roman Pannonia. Budapest, 1980. P. 189; Tacheva-Hitova M. Eastern Cults in Moesia Inferior and Thracia (5th Century BC – 4th Century AD). Leiden,

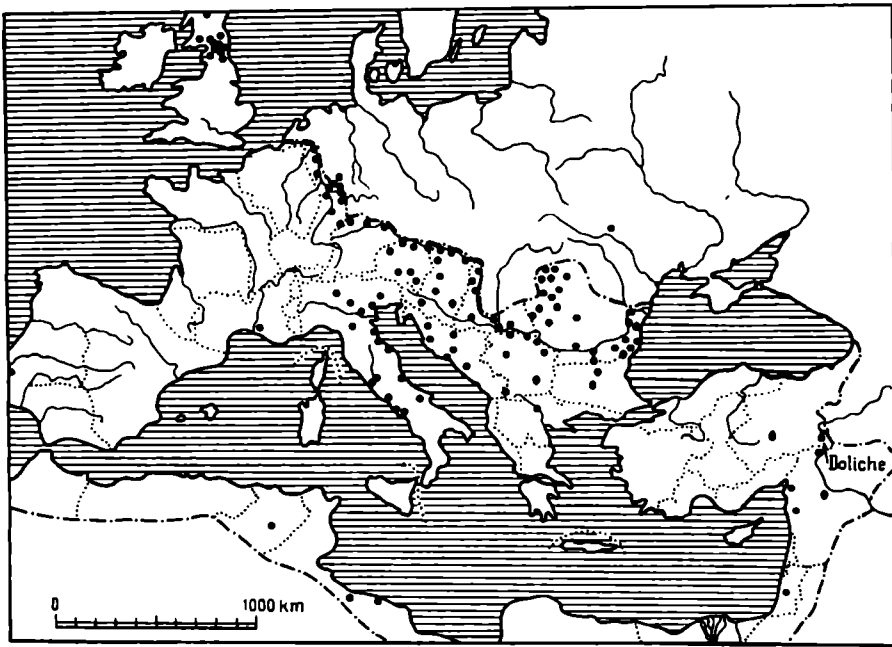

Рис. 8. Памятники, связанные с культом Юпитера Долихена на территории Римской империи. По М. Спейделю

в частности, куда культ Юпитера Долихена проник уже в первой половине II в., он, по мнению М. Спейделя, был распространен в высшем командном звене, среди центурионов и декурионов вспомогательных войск, а также солдат³¹.

На территории Римской империи памятники, связанные с почитанием Юпитера Долихена, известны со времени императора Адриана³². За пределами Коммагены самым ранним из них является надпись 125/126 г. о посвящении храма этому божеству, которая была обнаружена в Ламбесисе на территории римской Нумидии³³. Трудно сказать, была ли это частная или служебная инициатива легата³⁴, но участие столь высокопоставленного лица римской военной администрации в постройке храма позволило предположить, что в Ламбесисе культ Юпитера Долихена уже носил квазиофициальный характер³⁵. Ко времени ок. 150 г. относятся памятники этого божества, обнаруженные в Риме на Авентинском холме³⁶.

Таким образом, храм, остатки которого открыты на территории Балаклавы, не только первый в Северном Причерноморье, но и вообще один из наиболее ранних известных сейчас памятников, связанных с почитанием этого божества в римской армии. Хронологически он примыкает к посвящениям Юпитеру Долихену времени правления Антонина

1983; Hürig M., Schwertheim E. *Corpus Cultus Iovis Dolicheni*. Leiden, 1987; Birtly E. *The Religion of the Roman Army: 1895–1977 // The Roman Army Papers 1929–1986*. Amsterdam, 1988. P. 410; Najdenova V. *The Cult of Jupiter Dolichenus in Lower Moesia and Thrace // ANRW*. 1989. II. 18.2. P. 1362–1369; Bohec Y. *le. Die römische Armee. Von Augustus zu Konstantin d. Gr.* Stuttgart. 1993. S. 290. Причем, по данным М. Спейделя, только немногим менее 40% памятников, связанных с почитанием этого божества, имели отношение к римской армии. См. Speidel. *The Religion...* P. 38 f., 45.

³¹ Speidel. *The Religion...* P. 47, 66.

³² Merlat. *Jupiter Dolichenus...* P. 17–24; Speidel. *The Religion...* P. 4.

³³ CIL VIII. 2680; Merlat. *Jupiter Dolichenus...* № 286; Speidel. *The Religion...* № 1; Hürig, Schwertheim.

Op. cit. № 620.

³⁴ Speidel. *The Religion...* P. 66.

³⁵ Merlat. *Jupiter Dolichenus...* P. 155.

³⁶ *Ibid.* № 176, 177; Hürig, Schwertheim. Op. cit. № 564, 565.

Пия из Дакии и Англии³⁷, которые связаны с первой волной распространения этого культа на территории Римской империи³⁸.

Адептами Юпитера Долихена в основном были представители младшего офицерского звена, а также часть солдат римской армии, поэтому, видимо, можно согласиться с М. Тачевой-Хитовой, что до времени Коммода и Северов распространение этого культа было связано главным образом с уроженцами Востока³⁹. В этом отношении примечательно, что приток в римскую армию выходцев из восточных провинций, в частности Сирии и Палестины, увеличивается именно с рубежа I–II вв. и практически не сокращается вплоть до конца III в.⁴⁰ Причем, сооружение храма Юпитера Долихена на территории Балаклавы солдатами I Итальянского легиона, который со времени его формирования не покидал провинции Мезии, а затем и Нижней Мезии⁴¹, может служить еще одним важным подтверждением этому.

Говоря о распространении этого культа в Римской империи, следует подчеркнуть, что до правления императора Антонина Пия памятники, связанные с почитанием Юпитера Долихена, немногочисленны. Лишь во второй половине II в. культ Юпитера Долихена постепенно начинает распространяться на территории империи и ко времени правления Северов относится уже наибольшее количество памятников, посвященных этому божеству. Например, ко времени до 192 г. относится 14 точно датированных памятников, связанных с культом Юпитера Долихена, к 192–235 гг. – 23, а к периоду после 235 г. – только 6⁴².

Считается, что распространение этого культа в Римской империи связано с проникновением восточных культов и религиозным синкретизмом⁴³, что привело к заметной трансформации религиозных представлений в римском обществе. Однако Е.М. Штаерман в свое время высказала весьма интересное мнение о преувеличении роли синкретизма в первые века нашей эры и заключила, что широкое почитание восточных божеств, в том числе Юпитера Долихена, имело место лишь тогда, когда этому покровительствовали правящие императоры. Причем, это в первую очередь происходило в среде императорских чиновников, солдат и иных категорий населения, тесно связанных с пропагандируемой императорами идеологией⁴⁴.

Следует отметить, что памятники с посвящениями Юпитеру Долихену обнаружены в местах стоянок римских войск в Подунавье⁴⁵, и в частности в Нове⁴⁶, где находилась

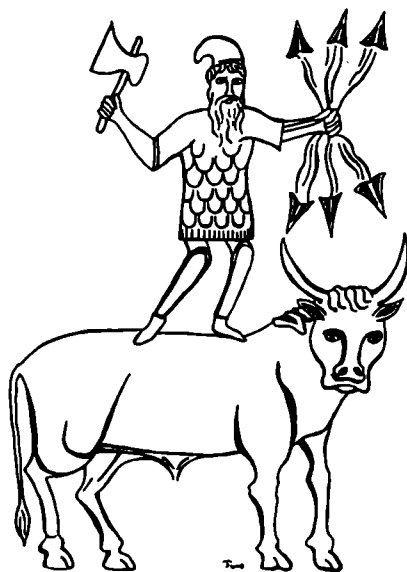

Рис. 9. Изображение Юпитера Долихена на серебряной пластинке из Франкфурта-Хеддельхайма.
По М. Спейделю

³⁷ CIL III. 1128; The Roman Inscriptions of Britain / Ed. R.G. Collingwood, R.P. Wright. I. Oxf., 1965. № 1330, 1725; Hürig, *Schwertheim*. Op. cit. № 151, 564.

³⁸ Tacheva-Hitova. Op. cit. P. 243.

³⁹ *Ibid.* P. 248.

⁴⁰ Штаерман Е.М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. № 3. С. 257; Mann J.C. *Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate*. L., 1983. P. 38; *Сол. Ук. соч.* С. 63 сл.; *Bohec*. Op. cit. S. 91.

⁴¹ Подробнее см. Weerd D. *Etude historique sur trois legions du Bas-Danube*. P., 1907. P. 245–249; Parker H. *The Roman Legions*. N.Y., 1958. P. 145, 158; Kolendo J. *Le recrutement des legions au temps de Néron et la création de la legio I Italica* // Akten des XI Internationalen Limeskongresses. Budapest, 1977. P. 400, 407; *idem*. *Sur la date de la création de la legio I Italica* // *Studia in honorem Borisi Gerov*. Sofia, 1990. P. 128–133.

⁴² Speidel. *The Religion...* P. 10.

⁴³ Колосовская Ю.К. Пannonия в I–III веках. М., 1973. С. 198.

⁴⁴ Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 233. сл. Ср. Абрамзон М.Г. *Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи*. М., 1995. С. 282.

⁴⁵ Колосовская. *Ук. соч.* С. 199; Tacheva-Hitova. Op. cit. P. 219–249. Pl. 70–81; Najdenova. Op. cit. P. 1362–1396; Велков В. *Надписи от Кабиле* // Кабиле. София, 1991. Т. 2. С. 18. № 10.

⁴⁶ Bozilowa, Kolendo, Mrozewicz. Op. cit. P. 36–39. № 14, 15.

резиденция командования I Итальянского легиона, под руководством офицеров которого на территории современной Балаклавы был восстановлен храм. Но подавляющее большинство посвящений и надписей, связанных с Юпитером Долихеном, в Дунайских провинциях относятся к эпохе Коммода и Северов⁴⁷. Своего наивысшего развития культ Юпитера Долихена достиг при Элагабале и Александре Севере, а затем в правление Максимиана Фракийца святилища этого божества на Рейне и Дунае были разрушены⁴⁸. Это объясняется не какими-то специфическими идеологическими воззрениями нового правителя империи, а желанием присвоить себе сокровища храмов Юпитера Долихена⁴⁹, которому покровительствовали представители самых зажиточных кругов населения до прихода к власти этого императора – полуварвара. Но и после разгрома храмов и святилищ, учиненного при Максимиане Фракийце, культ Юпитера Долихена не исчез полностью, хотя количество связанных с ним памятников после 235 г. резко сокращается⁵⁰.

Постамент статуи с латинской надписью был посвящен Геркулесу. Его культ, близкий греческому Гераклу, отпавлялся повсеместно в Италии и в римских провинциях⁵¹. У римлян Геркулес выступал как воинственный бог, «победитель» и «непобедимый», что предопределило его популярность в солдатской среде, где он почитался как бог победы. Неудивительно, что популярность этого культа в широких солдатских массах была использована римскими императорами, в том числе Антонином Пием⁵². Очень показательны выпущенная в его правление в 140–144 и 155 гг. большая серия медальонов-ассов, посвященная Геркулесу, а также его изображения на монетах Марка Аврелия и Луция Вера⁵³. Геркулес рассматривался как покровитель императора и солдат, который помогал одерживать победы. Вследствие этого различные памятники, связанные с его культом, в том числе посвящения, встречены в Подунавье⁵⁴, на территории которой формировались римские вексиляции, дислоцировавшиеся в Северном Причерноморье.

Долгое время считалось, что обнаруженный алтарь в Херсонесе Таврическом, поставленный военнотружущим I Итальянского легиона⁵⁵, был посвящен Геркулесу. Однако позднее в рецензии на книгу Э.И. Соломоник Г. Альфельди указал, что этот памятник не является посвящением, так как наряду с I Итальянским, в нем упоминался и легион II *Herculia*. С таким чтением не согласился один из авторов данной статьи, который предложил восстанавливать в предпоследней строке надписи наименование Третьей Галльской когорты, в первой половине I в. находившейся в оперативном подчинении I Итальянского легиона⁵⁶. Однако К. Цукерман вновь вернулся к чтению этого эпиграфического памятника в том виде, как это было предложено Г. Альфельди⁵⁷. Как бы ни был окончательно решен вопрос об интерпретации этой надписи, она, вне всякого сомнения, не может быть связана с почитанием культа Геркулеса в самом Херсонесе. Поэтому, если не считать еще одной

⁴⁷ *Tacheva-Hitova*. Op. cit. P. 243 f.

⁴⁸ *Tóth I*. The Destruction of the Sanctuaries of Jupiter Dolichenus at the Rhine and the Danube Region (235–238) // ААН. 1973. 25. P. 109–116; *Tacheva-Hitova*. Op. cit. P. 244; *Колосовская Ю.К.* Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура древнего Рима. Т. II. М., 1985. С. 209 сл.

⁴⁹ *Herodian*. VII. 3,5; 4,1.

⁵⁰ *Speidel*. The Religion... P. 10, 73–76.

⁵¹ Об этом культе см. *Boehm F.* Hercules // RE. 1912. VIII, 1. Sp. 550–609; *Bayet J.* Les origines de l'Hercule romain. P., 1926; *Jaczynowska M.* Le culte de l'Hercule romain aux temps du Haut-Empire // ANRW. 1981. II. 17. S. 631–661; *Simon E.* Die Götter der Römer. München, 1990. S. 72–87.

⁵² Литературу по культу Геркулеса в период правления Антонинов см. *Simon*. Op. cit. S. 271. Anm. 48.

⁵³ *Абрамзон*. Монеты... С. 279, 393; *он же*. Император и армия в римской монетной типологии // ВДИ. 1996. № 3. С. 137.

⁵⁴ *Covacef Z.* Contributii privind cultul lui Hercule in Scythia Minor // Pontica. 1975. 8. P. 339–428; *Bodor A.* Die griechisch-römischen Kulte in Dacia // ANRW. 1981. II. 18, 2. S. 1077–1164.

⁵⁵ *Соломоник*. Латинские надписи... С. 41 сл. № 12.

⁵⁶ Подробнее о дискуссии по поводу интерпретации этого памятника см. *Зубар В.М.* Нове свідощтво про римські війська в Херсонесі Таврійському // Археологія. 1993. № 4. С. 133 сл.; *Зубарь*. Херсонес Таврический... С. 33 сл. Ср. *Sarnowski T.* Die Anfänge der spätrömischen Militärorganisation des unteren Donauraums // Der römische Limes in Österreich. Wien, 1990. S. 858–860; *idem*. Rez.: *Виталий М. Зубарь*. Херсонес Таврический в античную эпоху. Экономика и социальные отношения. Киев, 1993; *Виталий М. Зубарь*. Херсонес Таврический и Римская империя (Очерки военно-политической истории). Киев, 1994 // *Archeologia*. 1995. XLVI. P. 110 f.

⁵⁷ *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсонеса в IV веке // МАИЭТ. 1995. Вып. IV. С. 556 сл.

фрагментарной латинской надписи из Херсонеса, где предположительно может быть восстановлено посвящение либо Меркурию, либо Геркулесу⁵⁸, постамент статуи из Балаклавы является пока первым надежно засвидетельствованным эпиграфическим памятником в Таврике, связанным с этим римским божеством.

Однако постамент статуи Геркулеса обнаружен в храме Юпитера Долихена, что не позволяет в данном случае безоговорочно связывать это божество с почитанием традиционно римского культа и требует своего объяснения. Дело в том, что Юпитер Долихен имел свой пантеон, божества которого играли в его культе определенную роль. В числе этих богов был и Геркулес, изображение которого вместе с Юпитером Долихеном засвидетельствовано на бронзовой votивной пластинке из Нижней Паннонии⁵⁹. Вполне возможно, что Геркулес, являвшийся спутником Юпитера Долихена, был по своим функциям ближе к иранскому прототипу этого божества – Веретрагне, который был богом войны, победы и прекрасным воином, чем к традиционному римскому типу⁶⁰.

В храме на территории Балаклавы, помимо Юпитера Долихена, были представлены и другие божества из его окружения, о чем свидетельствуют фрагменты известняковых скульптур и рельефов. В первую очередь это фрагментарная статуя из местного сарматского известняка; от нее сохранился лишь торс мужской фигуры, на плечи которой накинута короткая хламида, конец которой переброшен через левую руку (рис. 10, 1, 2). Она напоминает статуарный тип классического времени, который часто копировался в первые века нашей эры⁶¹ и представлял собой Аполлона⁶², входившего, наряду с Дианой, в пантеон Юпитера Долихена⁶³. Аполлон – это многофункциональное божество, и какую роль он и Диана играли в культе Юпитера Долихена, пока до конца не ясно⁶⁴. Не исключено, что они были связаны с солнечным и лунным началами, которые занимали значительное место в идеологии и культе этого божества⁶⁵.

Солнце и Луна занимали значительное место в культе Юпитера Долихена и других восточных божеств. Нередко они комбинировались с изображениями орла и пучка молний, символизируя Юпитера Долихена в виде космической триады⁶⁶. Все эти изображения являются характерными для иконографии Юпитера Долихена, что достаточно хорошо известно по рельефам и votивным пластинкам⁶⁷. Поэтому неудивительно, что среди фрагментов скульптуры и известняковых рельефов, обнаруженных при раскопках в Балаклаве, засвидетельствованы лапы разбитой фигуры орла, а на торцовой части прямоугольных плит, среди прочих богов, маска и изображение божества с лунным серпом за плечами (рис. 10, 4)⁶⁸. Особый интерес представляет обломок рельефа, на котором изображен край развевающегося плаща (рис. 10, 3). Это, вероятно, часть рельефа солнечного божества, скачущего на коне⁶⁹. Таким образом, анализ эпиграфических памятников и краткий предварительный обзор фрагментов скульптуры и рельефов свидетельствуют, что уже около середины II в. в районе Балаклавы существовал храм Юпитера Долихена, который украшал статуи, votивные колонны и рельефы.

На более позднем алтаре, стратиграфически связанном со вторым строительным периодом, имелось латинское посвящение Вулкану. Это божество традиционного римского

⁵⁸ Соломонок. Латинские надписи... С. 88 f. № 60.

⁵⁹ Merlat. Jupiter Dolichenus... № 65, 66; ср. № 176–179; Speidel. The Religion... P. 36. Tabl. IX, 9.

⁶⁰ Merlat. Jupiter Dolichenus... P. 102.

⁶¹ Ср. Amelung W. Die Skulpturen des Vaticanischen Museums. Bd 1., 1903. S. 121–124; Sismondo-Ridgway B. The Severer Style in Greek Sculpture. Princeton – New Jersey, 1970. Pl. 180; Franciscis A. de. Il Museo Nazionale di Napoli. Napoli, 1963. Fig. 25.

⁶² На основании фрагментов плиты со следами ног и дубины, обнаруженных в 1996 г. при раскопках храма, Т. Сарновский и О.Я. Савеля не исключают возможность, что и рассматриваемый торс мог принадлежать статуе Геркулеса.

⁶³ Подробнее о функциях различных божеств в пантеоне Юпитера Долихена см. Merlat. Jupiter Dolichenus... P. 99–126.

⁶⁴ Speidel. The Religion... P. 23.

⁶⁵ Ibid. P. 23 f.

⁶⁶ Подробнее см. Speidel. The Religion... P. 25–32.

⁶⁷ Will E. Le relief culturel gréco-romain. Contribution à l'histoire de l'art de l'Empire romain. P., 1955. P. 275; ср. Speidel. Jupiter Dolichenus... S. 65. Abb. 28, 29.

⁶⁸ Ср. Merlat. Jupiter Dolichenus... 176, 177.

⁶⁹ Ср. Toynebee J.M.C. Art in Roman Britain. L., 1963. № 92. Fig. 95.

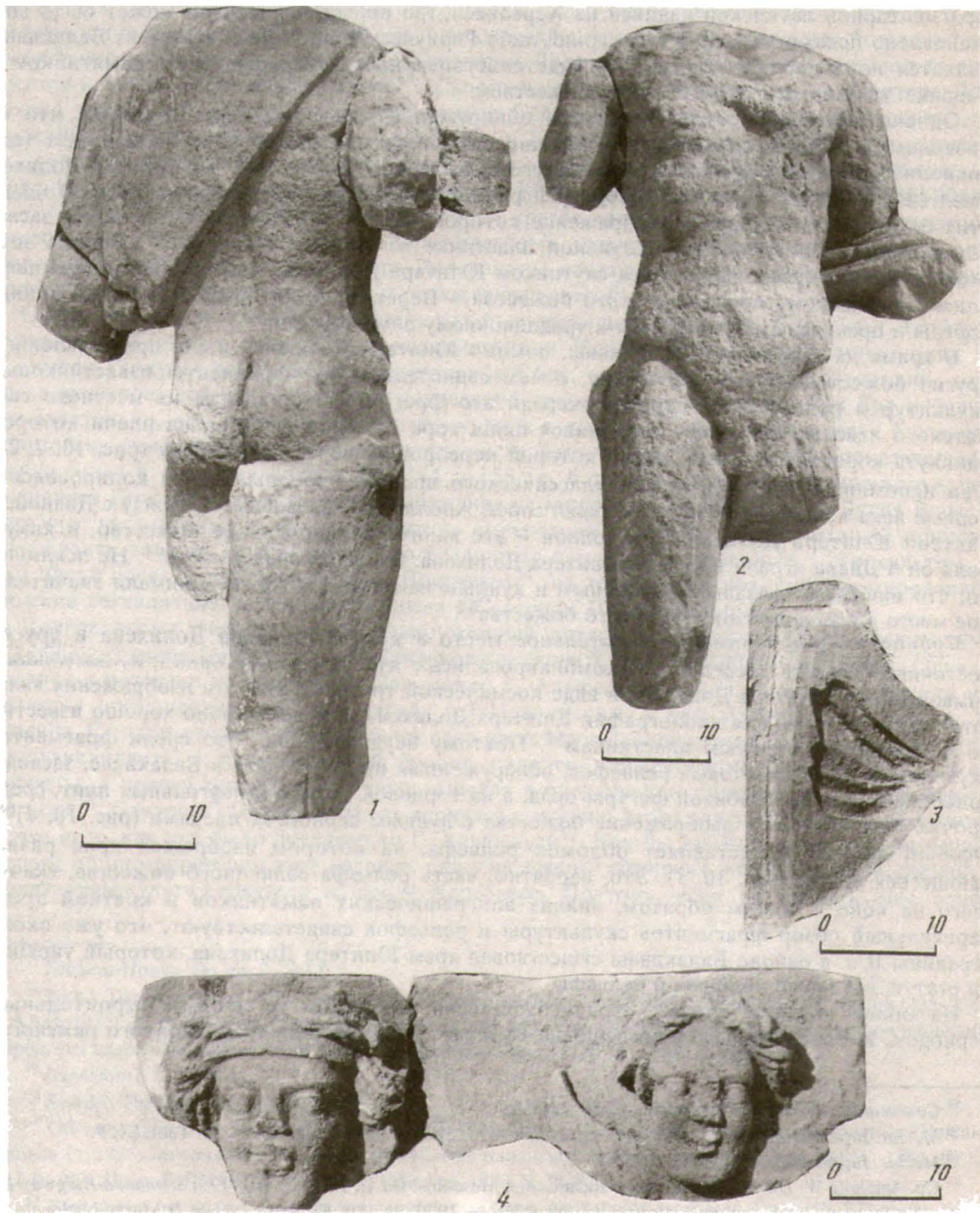

Рис. 10. Фрагменты статуи и рельефов из раскопок

пантеона, культ которого известен с очень раннего времени⁷⁰. В мифологии это божество разрушительного и очистительного пламени, но с функциями апотропея – защитника от пожаров. Отсюда древний обычай, когда захваченное у побежденного врага оружие очищалось сожжением в честь бога огня Вулкана⁷¹. Неудивительно, что алтарь с посвящением

⁷⁰ Подробнее о Вулкане см. *Rose H.J.* The Cult of Volkanus at Rome // *JRS.* 1933. 23. P. 46–63; *Latte K.* *Römische Religion.* München, 1960. S. 129–131; *Radke G.* Zur Entwicklung der Göttesvorstellung und der Göttesverehrung in Rom. Darmstadt, 1987. S. 343–347; *Eisenhut W.* Volcanus // *RE. Suppl.* XIV. 1974. Sp. 948–962; *Штаерман.* Социальные основы... С. 31, 42, 288 сл., 296; *Simon.* Op. cit. S. 248–255.

⁷¹ *Liv.* I. 37.5.

Вулкану был поставлен в храме Юпитера Долихена, а его изображения имелись на общеперских монетах II в.⁷² Вулкану приписывались и определенные магические функции. Он, например, мог на десять лет отсрочить веления судьбы⁷³.

Ввиду крайней лаконичности посвящения, трудно сказать, по какому случаю Антоний Прокл, центурион XI Клавдиева легиона, принес именно этому божеству жертву по обету. Но, вероятно, это было как-то связано с функциями Вулкана в качестве божества очистительного и разрушительного пламени. В римских провинциях Нижнего Подунавья посвящения Вулкану встречаются довольно редко⁷⁴. А это с известной долей риска позволяет говорить, что Антоний Прокл был приверженцем римских культов и, видимо, являлся скорее всего выходцем с территории распространения традиционной римской культуры и идеологии⁷⁵.

Если раньше на основании отдельных находок и косвенных данных лишь предполагалось, что на территории Балаклавы во второй половине II – первой половине III в. дислоцировался римский воинский отряд⁷⁶, то в 1992 г. впервые было получено надежное археологическое подтверждение этой гипотезе. В ходе охранных раскопок по ул. 40-летия Октября были открыты фундаменты девяти помещений, расположенных в два ряда, а также обнаружено около 70 фрагментов и целых черепиц с клеймами, которые были изготовлены в мастерских, тесно связанных с римскими войсками в Таврике⁷⁷. Все эти находки, а также планировка частично раскопанного комплекса, которая напоминает казармы для солдат в римских военных лагерях в провинциях⁷⁸, позволяет твердо заключить, что здесь на протяжении длительного времени дислоцировался сравнительно многочисленный римский гарнизон⁷⁹: наряду с legionerami в конце II – начале III в. в его состав входили кавалеристы I алы Атекторигианы⁸⁰, а командовали им, как свидетельствуют надписи, легионные центурионы.

Материалы раскопок неопровержимо свидетельствуют, что открытый в 1996 г. храм был возведен римскими солдатами около середины II в. При этом следует подчеркнуть, что особую заботу о нем проявлял Новый Ульпиан, центурион I Итальянского легиона. Он вместе с солдатами под общим руководством военного трибуна Антония Валента провел реконструкцию культовой постройки, украсил храм статуей Геркулеса и прямоугольными плитами на ножках с посвящениями божеству. Все это позволяет рассматривать храм Юпитера Долихена как святыню дислоцировавшегося здесь римского гарнизона, где на протяжении по крайней мере третьей четверти II в. совершались культовые действия.

В двух публикуемых надписях зафиксировано имя Антония Валента, военного трибуна I Итальянского легиона. В свое время, на основании текста эпитафии Тиберия Плавтия Феликса Феррунтияна, военного трибуна I Итальянского легиона, который был препозитом всех римских войск в Таврике⁸¹, был сделан совершенно правильный вывод о том, что по крайней мере с последней четверти II в. именно офицер в ранге легионного трибуна

⁷² Абрамзон. Монеты... С. 397.

⁷³ *Serv. Verg. Aen.* VIII. 398.

⁷⁴ Штаерман. Социальные основы... С. 230.

⁷⁵ Об ископно римских религиозных представлениях и их динамике на протяжении веков см. Штаерман Е.М. От религии общины к мировой религии // *Культура древнего Рима*. Т. III. М., 1985. С. 106–210.

⁷⁶ Зубарь, Костромичева. Ук. соч. С. 83–86; Зубар, Антонова, Савеля. Ук. соч. С. 102–108; Зубарь.

Херсонес Таврический... С. 67 сл.

⁷⁷ Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // *Археологические исследования в Крыму в 1993 г.* Симферополь, 1994. С. 237; *он же*. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // *ХСб.* Т. VIII. 1996. С. 89–91.

⁷⁸ *Ср. Johnson A. Römische Kastelle. Mainz am Rhein, 1987. S. 188–198. Add. 127, 129; Davison D.P. The Barrack of the Roman Army from the 1st to 3rd Centuries A.D. Oxf., 1989. Pt I–III (BAR). Дискуссию по поводу назначения и количества таких сооружений в римских военных лагерях см. Richmond I.A. Roman Britain and Roman Military Antiquities // *Proceedings of the British Academy*. 1955. P. 297–315; Breeze D.J., Dobson B. Fort Types as a Guide to Garrisons: A Reconsideration // *Roman Frontier Studies* 1969. Cardiff, 1974. P. 13–19; Maxfield V.A. Pre-Flavian Forts and their Garrisons // *Britannia*. 1987. V. 17. P. 59–72.*

⁷⁹ Считается, что пехотная центурия в 80 солдат занимала 10 пар помещений и один офицерский блок, а кавалерийская турма, состоявшая из 32 всадников, – четыре пары и также офицерский блок. См. *Maxfield*. *Op. cit.* P. 61.

⁸⁰ Зубар, Антонова, Савеля. Ук. соч. С. 102–108.

⁸¹ *CIL* VIII. 619; Беляев С.А. К пониманию *CIL* VIII. 619 // *ВДИ*. 1968. № 4. С. 127–137.

командовал всеми римскими войсками, которые дислоцировались в Таврике⁸². Теперь с уверенностью можно говорить, что такая система римской военной организации существовала в Таврике и раньше, по крайней мере с 50-х годов II в., т.е. со времени, когда по просьбе херсонеситов в Таврику были введены римские гарнизоны и масштабы римского военного присутствия здесь были расширены⁸³.

До настоящего времени были известны имена четырех военных трибунов, командовавших римскими войсками в Таврике. Это уже упоминавшийся Тиберий Плавтий Феликс Феррунтий, а также Флавий Сергиан Сосибий, Атилиус Приммиан и Аррий Алквиад⁸⁴. Теперь этот список может быть дополнен и Антонием Валентом, который занимал должность военного трибуна I Италийского легиона в третьей четверти II в.⁸⁵ Общий список трибунов I Италийского легиона, известных по источникам, теперь составляет более 20 человек⁸⁶.

В публикации, посвященной надгробию Юлия Валента, всадника I алы Атекторигианы, указывалось, что пока неясно, входили ли солдаты этого подразделения в состав херсонесской вексилляции или же составляли самостоятельную тактическую единицу римской армии, расквартированную на территории современной Балаклавы⁸⁷. Теперь, на основе анализа вновь найденных эпиграфических памятников, этот вопрос может быть решен окончательно.

Исходя из упоминания во второй из публикуемых надписей о восстановлении храма Юпитера Долихена вексилляции, можно заключить, что войска, дислоцировавшиеся здесь, составили отдельный военный отряд, выделенный из состава войск Нижней Мезии. Упоминания в надписях центурионов I Италийского и XI Клавдиева легионов свидетельствует о том, что во главе этой вексилляции, как и в других местах Таврики, и в частности в Херсонесе⁸⁸, стоял офицер в ранге легионного центуриона, который непосредственно на месте осуществлял строительство. В свою очередь этот римский военный отряд был подчинен военному трибуну I Италийского легиона в ранге прелозита, который осуществлял оперативное руководство всеми римскими военными силами в этом районе со штаб-квартирой в Херсонесе⁸⁹. В пользу именно такого заключения свидетельствует тот исключительно важный факт, что восстановление храма Юпитера Долихена было осуществлено солдатами под командованием (*sub cura*) военного трибуна, но под непосредственным руководством центуриона – командира вексилляции. Более того, в посвящении Геркулесу прямо указано, что оно поставлено Антонием Валентом, трибуном I Италийского легиона, не самостоятельно, а *per* – «через» или «при содействии, помощи» и т.п. центуриона того же легиона, командовавшего римским гарнизоном. Все это позволяет заключить, что на территории современной Балаклавы дислоцировался гарнизон, в оперативном отношении подчиненный высшему римскому военному командиру в ранге военного трибуна.

Говоря о вновь найденных эпиграфических памятниках в Балаклаве, следует обратить

⁸² *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи с Юга России // ИАК. 1909. 33. С. 8. Ср. *Тудор Д.* Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960. С. 247; *Sarnowski T.* Wojsko gzumskie w Mezji Dolnej i na Polnocnym wybrzeżu Morza Czarnego. Warszawa, 1988. S. 143; *Беляев.* Ук. соч. С. 128; *Зубарь.* Херсонес Таврический... С. 58.

⁸³ *Зубарь.* Херсонес Таврический... С. 43 сл.

⁸⁴ *Соломоник.* Латинские надписи... С. 20–27. № 1; С. 37–38. № 9. *Соломоник Э.И.* Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округа // НЭ. 1974. Т. 9. С. 34–36. Недавно в портовом районе Херсонеса в ходе раскопок под руководством С.В. Дьячкова найден фрагментарный алтарь с плохо сохранившейся латинской надписью, в которой упоминается еще один военный трибун Луций Юлий Муказенус (см. *Сапрыкин С.Ю., Дьячков С.В.* Алтарь с латинской надписью из Херсонеса Таврического // Древности. 1997/1998 (в печати).

⁸⁵ Совершенно неправомерным представляется предположение, что Тиберий Плавтий Феликс Феррунтий был первым и последним командиром всех римских подразделений в Северном Причерноморье. См. *Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 82.

⁸⁶ *Sarnowski T.* Die ritterlichen Tribunen der legio I Italica // Prosopographica. Poznań, 1993. S. 63–80.

⁸⁷ *Зубарь, Антонова, Савелья.* Ук. соч. С. 107 сл.

⁸⁸ Подробнее см. *Зубарь.* Херсонес Таврический... С. 58; *Sarnowski, Zubar.* Op. cit. S. 233 f. Ср. *Сон Н.А.* Тира римского времени. Киев, 1993. С. 34 сл.; *Зубарь.* Стн. К интерпретации... С. 185 сл.

⁸⁹ Подробнее см. *Зубарь.* Херсонес Таврический... С. 58.

внимание на имя центуриона I Италийского легиона Новия Ульпиана, который непосредственно осуществлял надзор за восстановлением храма Юпитера Долихена и поставил статую Геркулеса от имени Антония Валента, трибуна того же легиона. В Херсонесе сравнительно давно известны клейма на черепице с легендой OPUSNOV⁹⁰. Аналогичные клейма найдены и при раскопках на территории Балаклавы⁹¹. В свое время В.В. Борисова вслед за Б.Н. Граковым восстановила его легенду как *opus nov(um)* и считала, что черепица с такими клеймами была специально изготовлена для каких-то новых построек⁹². Однако позднее была высказана мысль, что вторую часть клейма следует считать именем собственным и, следовательно, оно может быть интерпретировано как обозначение продукции мастерской, принадлежавшей некоему гражданскому лицу, имя которого начиналось на Nov⁹³. находка алтаря в Балаклаве позволяет несколько уточнить этот вывод. Имя Новий сравнительно редкое в латинской просопографии⁹⁴. Поэтому есть все основания отождествить имя в клейме с именем «Новий Ульпиан» (Novius Ulpianus), которое принадлежало центуриону, являвшемуся командиром римского военного отряда, дислоцировавшегося на территории современной Балаклавы в середине третьей четверти II в. Несмотря на то что на кровельной черепице клеймо только с легендой OPUSNOV и нет наименования воинского подразделения⁹⁵, все-таки нельзя говорить о выпуске кровельной черепицы Новием Ульпианом как частным лицом. В данном случае, видимо, он выступал как военное должностное лицо в этом пункте дислокации римских войск, а изготовление черепицы осуществлялось силами подчиненных ему солдат и под его непосредственным руководством. Идентичность глины и технологии изготовления черепицы с этими клеймами, как и керамид с аббревиатурой XI Клавдиева легиона из Херсонеса, позволяет с известной долей риска предполагать, что все они были изготовлены в мастерских римских вексиляций.

Археологические исследования 1996 г. на территории рассматриваемого культового комплекса свидетельствуют, что в его существовании можно выделить два сравнительно продолжительных периода. К первому относятся не только строительные остатки, но и надпись с упоминанием Юпитера Долихена, фрагменты прямоугольных плит на ножках с надписями в честь этого же божества, фрагментарная статуя и рельефы, связанные с божествами пантеона Юпитера Долихена, колонна, украшенная растительным орнаментом, и постамент статуи с посвящением Геркулесу. Затем, как свидетельствуют следы пожаров и разрушений, культовый комплекс погиб, но вскоре был восстановлен. Именно к этому времени, согласно стратиграфическим наблюдениям, относятся алтарь с посвящением Вулкану от имени центуриона XI Клавдиева легиона и колонна, зафиксированная *in situ* рядом с ним на 26–28 см выше уровня пола первого строительного периода (рис. 11). Отмеченная близость шрифтов всех эпиграфических памятников свидетельствует в пользу вывода о том, что гибель храма произошла через сравнительно непродолжительный период времени после его реконструкции и установки статуи Геркулеса, возможно, еще в период правления Марка Аврелия.

Пока нет данных, которые позволяли бы более или менее точно датировать разрушения на территории храма. Но из недавно опубликованных херсонесских декретов в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды и его жены Паулины 174 г., известно, что незадолго до этого в Херсонесе прибыл римский прокуратор провинции Нижняя Мезия⁹⁶. Принимая восстановление этого документа, предложенное Ю.Г. Виноградовым⁹⁷, следует согласиться и с тем, что чествуемый в декрете, вне всякого сомнения, прибыл в Херсонес не с каким-то дипломатическим поручением⁹⁸, а во главе военного отряда, который ликвидировал угрозу Херсонесу в период активизации варварских народов Северного Причерноморья в связи с

⁹⁰ См. Борисова В.В. Черепица с клеймами римских легионов // СХМ. Вып. 2. 1961. С. 41 сл. Рис. 3.

⁹¹ Савеля. Работы... С. 237.

⁹² Борисова. Ук. соч. С. 42, 45.

⁹³ Зубарь В.М., Антонова И.А. Об интерпретации и датировке клейм с аббревиатурой VEM I из Херсонеса // ВДИ. 1991. № 2. С. 82 сл. Рис. 2, 1; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 98. Рис. 44, 1.

⁹⁴ Schultze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. В., 1933. S. 202, 364, 482; Múcsy, Feldmann, Marton, Szilágyi. Op. cit. P. 204.

⁹⁵ Подробнее см. Зубарь, Антонова. Ук. соч. С. 83. Прим. 18.

⁹⁶ Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 58–86.

⁹⁷ Виноградов Ю.Г. Новое документальное дощье императорской эпохи из Херсонеса. (О превратностях судьбы херсонеситов и их лапидарного архива) // ВДИ. 1996. № 1. С. 48–60.

⁹⁸ Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 72, 74.

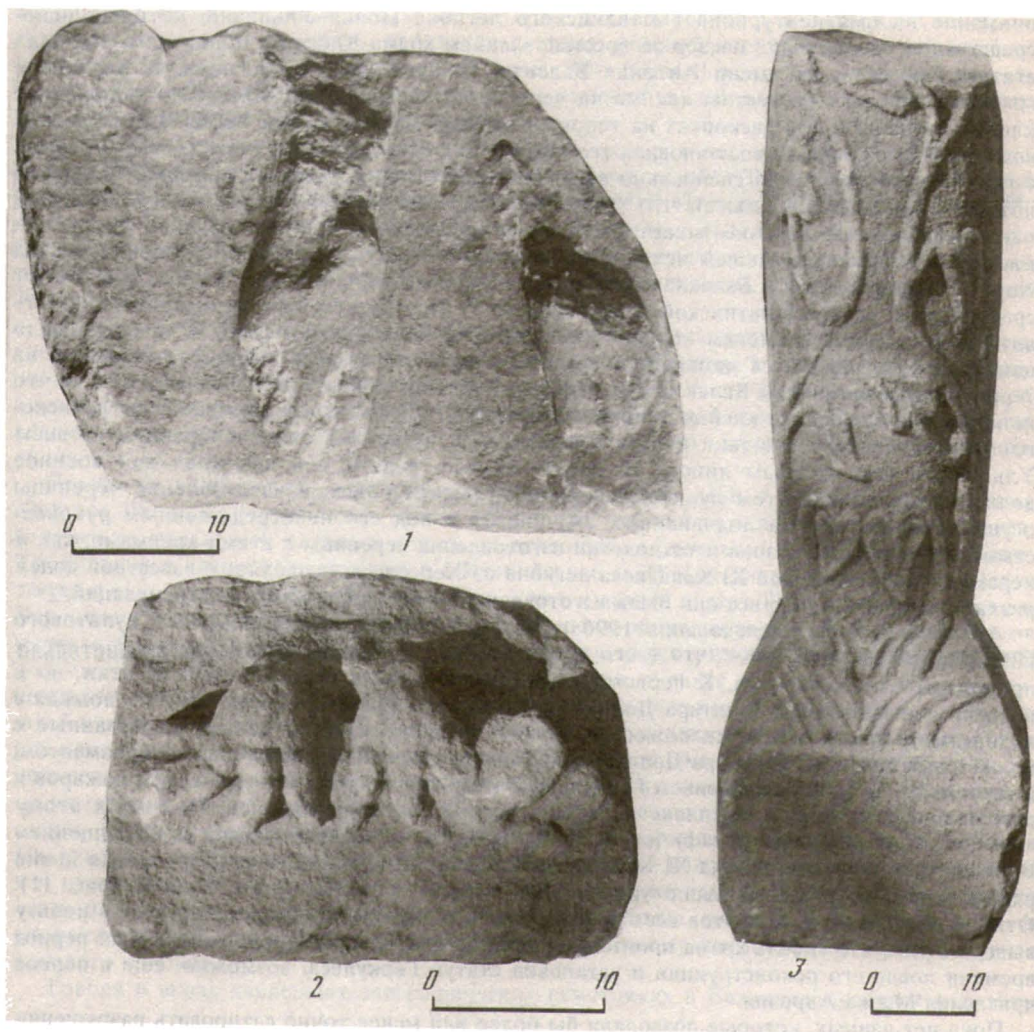

Рис. 11. Колонна и фрагменты постаментов скульптурных изображений

так называемой Сарматской войной⁹⁹. Именно поэтому Т. Аврелий Кальпурниан Аполлонид, поставленный императорским распоряжением во главе военного отряда, назван в декрете «спасителем»¹⁰⁰. Так как нам неизвестны другие события хронологически близкие гибели храма Юпитера Долихена на территории Балаклавы, то можно предположить, что не только угроза самому Херсонесу, но и разгром варварами сравнительно крупного римского опорного пункта в его окрестностях, и возможно, ощутимые потери, которые понесли при этом римляне, могли быть непосредственной причиной появления столь высокопоставленного лица провинциальной администрации в Таврике.

Сейчас трудно сказать, когда рассмотренный культовый комплекс окончательно прекратил свое существование. Однако наличие клада римских денариев, обнаруженного в 1992 г. при раскопках по ул. 40-летия Октября, последняя монета которого датируется временем

⁹⁹ Виноградов. Ук. соч. С. 57 сл.; ср. Свенцицкая И.С. Еще раз о новом херсонесском декрете // ВДИ. 1996. № 3. С. 138 сл.; Смышляев А.Л. Карьера, миссия и статус Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1996. № 3. С. 141–147. В пользу вывода об очередном натиске варваров на Херсонес в это время свидетельствуют и другие эпиграфические памятники. Подробнее см. Виноградов. Ук. соч. С. 57. Прим. 23.

¹⁰⁰ Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 76.

правления императора Александра Севера (222–235 гг.)¹⁰¹, позволяет пока говорить о том, что римский опорный пункт существовал на территории современной Балаклавы по крайней мере до этого времени. Не исключено, что прекращение его функционирования в первую очередь следует связывать с изменениями военно-политической обстановки в Подунавье, из состава римских вооруженных сил которого формировались вексиляции для защиты греческих центров Северного Причерноморья. Еще М.И. Ростовцев указывал на то, что, судя по данным нумизматики, из Харакса римские войска были выведены около 244 г.¹⁰² Если принять это соображение, то тогда вывод римских вооруженных сил из Таврии можно связать с подготовкой Филиппа Араба (244–249 гг.) к военным действиям против варваров, угрожавших Мезии и Фракии¹⁰³. Вероятно, в это время часть римского войска была выведена и из Херсонеса¹⁰⁴. Но как бы там ни было, римский гарнизон, по крайней мере ок. 250 г. стоял в Херсонесе, о чем свидетельствует латинская надпись о строительстве Марком Ратином Сатурнином школы принципалов на территории херсонесской цитадели¹⁰⁵. Однако, если о присутствии римских войск в Херсонесе вплоть до третьей четверти III в. можно говорить более или менее определенно, то вопрос о дислокации римских вооруженных сил в других пунктах Таврики и на территории современной Балаклавы еще предстоит решить на основе новых археологических исследований и скрупулезной обработки материалов из них. Пока же присутствие римского гарнизона на территории современной Балаклавы следует ограничить хронологическими рамками второй четверти III в.

В.М. Зубарь, О.Я. Савеля, Т. Сарновский

NEW EPIGRAPHICAL MONUMENTS FROM A ROMAN TEMPLE
IN THE ENVIRONS OF CHERSONESUS TAURICA

V.M. Zubar, O.Ya. Savelya, T. Sarnovsky

In 1996 the ruins of a Roman temple of Jupiter Dolichenus were discovered on the territory of Balaklava. Fragments of a dedicatory inscription to Jupiter Dolichenus were extracted from a building trench in the temple portico. In the cell of the temple, *in situ*, were found: an inscribed pedestal of a statue of Hercules, an altar dedicated to Vulcanus, lower parts of two limestone columns, one of which was decorated with ivy sprouts. Nearby, also *in situ*, two rectangular limestone slabs standing on legs were found. Below the level of the pedestal of Hercules statue there were discovered two more rectangular slabs, broken during the destruction of the temple, with dedications to Jupiter Dolichenus and images of masks on them, fragments of a statue and sculpture images, reliefs, fragments of tile with Latin stamps, ceramical pieces, etc. The NE wall of the temple has not yet been excavated, so its fuller description is still to come.

The excavations unearthed five inscriptions. One of them says that the temple dedicated to Jupiter the Best and Most High Dolichenus (*Jovi Optimo Maximo Dolicheno*) was restored by soldiers of Lower Moesia vexillation commanded by Antonius Valens, a military tribune of the 1st Italic Legion, with the help of Novius Ulpianus, a centurion of the same legion. Side faces of two sacrificial tables also bore the name of Jupiter Dolichenus. Another inscription was carved on the pedestal of Hercules' statue. It allows to conclude that the statue was dedicated to Hercules for the well-being of Emperor Antoninus Augustus and Marcus Aurelius Caesar by Antonius Valens, a tribune of the 1st Italic Legion, with the help of the same Novius Ulpianus. The last inscription was carved on the altar dedicated to Vulcanus by Antonius Proclus, centurion of the XI Claudian Legion, *ex voto*.

Epigraphic as well as some other evidence make it possible to regard the discovered temple as the sanctuary of the Roman garrison stationed here in the 2nd half of the 2nd century A.D. At present it can be maintained that on the territory of Balaklava quite a numerous Roman garrison was stationed, which can be associated, besides the temple, with the remains of some 2nd–3rd centuries buildings.

¹⁰¹ Савеля. Работы... С. 237; *он же*. Некоторые результаты работ... С. 90. Полная публикация этого клада готовится к печати.

¹⁰² Ростовцев. Римские гарнизоны... С. 157; *он же*. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. 23. С. 4.

¹⁰³ Zosim. I. 20. 1; Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954. С. 36–39.

¹⁰⁴ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 127 сл.

¹⁰⁵ Там же. С. 126 сл.; Антонова И.А. Административные здания Херсонесской вексиляции и фемы Херсона // ХСБ. 1996. VIII. С. 13 сл.; Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А. Schola principaliū in Херсонесе // НЭ (в печати).

ВЫСТАВКА «ЗОЛОТО ТРОИ» В ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА

© 1999 г.

РИТУАЛЬНЫЕ МОЛОТЫ-ТОПОРЫ ИЗ ТРОЯНСКОГО КЛАДА L

(К вопросу о датировке данного археологического комплекса)

Эпохальными раскопками древней Трои Генрих Шлиман не только явил миру новую, не известную до той поры эгейскую культуру. Не подозревая того, он открыл очень ранний пласт средиземноморской, европейской и переднеазиатской культуры, представившей свидетельства об интересных связях между многими территориями древнего мира еще в III тыс. до н.э.

Найденные Шлиманом троянские клады, ставшие сразу же знаменитыми (как бы критически мы ни оценивали метод их извлечения), дали исключительно важный для науки материал. В наши дни он позволяет говорить о самых разных проблемах: о Трое I, II и раннем этапе в развитии эгейской культуры, складывавшейся на разных территориях Средиземноморья; о Трое и древней Анатолии; о Трое и культурах Балкан, в частности о Трое и протофракийцах; об опосредованных связях Трои и Месопотамии и т.д. Благодаря этому создается панорамная картина очень большого диапазона, во многом корректирующая наши прежние представления. Теперь уже очевидно, что древняя Анатолия, Киклады, Балканы, Крит, Кипр, Сиро-Финикия, Палестина, Кавказ и все области Причерноморья были единым регионом, имевшим по-разному выраженные, но безусловные связи и культурно-исторические традиции.

Долгое время предметы троянских кладов, попавшие в Россию в результате второй мировой войны, были практически недоступны для изучения, поэтому так важна была выставка «Сокровища Трои» в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и прошедшая там научная конференция.

Материалам троянских кладов, как известно, посвящен целый ряд работ¹. Однако выставка и конференция, посвященные «Сокровищам Трои» показали всю актуальность продолжения исследований данного круга памятников, необходимость изучения их на современном уровне, сочетая старые и новые методы.

Даты, полученные механическим, более или менее совершенным путем, вовсе не исключают, как нам кажется, аналитических уточнений и поправок, особенно в таком сложном археологическом комплексе, как Троя. Диктуют в конечном счете не даты, диктуют памятники. А памятники, представленные на выставке и отраженные в ее большом каталоге, свидетельствуют о том, что материал этот не вполне однороден. Клад L, найденный уже в 1890 г., в последний год работы Г. Шлимана на Гиссарлыкe, на наш взгляд, явно «вырывается» из общего раннего контекста. Основной материал шлимановских кладов связан, как мы знаем, с эпохой ранней бронзы, в основном со второй половиной – концом III тыс. до н.э., клад же L имеет, по нашему мнению, значительно более позднее происхождение, что мы и попытаемся показать в этой работе.

¹ См., например: *Schmidt H.* Heinrich Schliemann's Sammlung Trojanischer Alterthümer. B., 1902; *Matz Fr.* Kreta, Mykene, Troja. Die minoische und die homerische Welt. Stuttgart, 1956; *Siebler M.* Troia-Homer-Schliemann. Mythos und Wahrheit. Mainz, 1990; *idem.* Troia. Geschichte. Grabungen. Kontroversen. Zaberns Bildbände zur Archäologie. 17. Mainz, 1994; *Goldmann K.* Der Schatz des Priamos. Zum Schicksal von Heinrich Schliemanns Sammlung Trojanischer Alterthümer // «Heinrich Schliemann: Grundlage und Ergebnisse». 1992. S. 377–390; *Schliemanns Gold und die Schätze Alteuropas aus dem Museum für Vor- und Frühgeschichte.* Mainz, 1993.

Главными в составе рассматриваемого клада L являются известные ритуальные каменные молоты-топоры, замечательные произведения древней материальной и художественной культуры, которые неизменно привлекают внимание специалистов и зрителей исключительным совершенством своего исполнения и красотой цветного камня². Поскольку вычленив данные предметы из состава археологического комплекса невозможно и неправомерно, эти уникальные памятники древнего ремесла и искусства (а два эти понятия неразрывно связаны между собой у всех древних народов) будут рассматриваться нами в сочетании с другими предметами этого клада: с наверхшими кинжалов из горного хрусталя, с так называемыми линзами, спекшимся металлом, бусинами из сердолика и янтаря и т.п.³

Метод комплексного, разностороннего исследования, которому мы всегда отдаем предпочтение, делает достаточно важными отдельные его аспекты (в данном случае – семантический, типологический, художественно-стилистический и технологический анализы). Такой сложный подход к памятнику, рассмотрение его в конкретном археологическом комплексе, в связи с соответствующей культурно-исторической средой всегда дает положительный результат, независимо от того, с какой именно исследовательской проблемой это прежде всего соотносится. Исходя из особенностей памятника, самого характера изучаемого предмета всегда может быть выделен один из аспектов, но это не исключает необходимости комплексного подхода в целом.

Поскольку в нашем случае на первый план выдвигается проблема датировки, причем не только самих молотов-топоров, но и всего клада L как совокупности предметов, особое значение приобретает, как кажется, тщательный технологический анализ данных памятников: именно он может дать наиболее точные хронологические координаты.

Однако начать следует все-таки с содержательной стороны основных предметов клада L – с семантического анализа каменных молотов-топоров, который может дать важные хронологические посылки, необходимые в дальнейшем ходе исследования.

Прежде всего, видимо, не поддежит сомнению тот факт, что рассматриваемые молоты-топоры, выполненные с таким художественным и техническим совершенством из дорогого цветного камня и представленные в количестве сразу четырех однотипных предметов, не имели непосредственно функции боевого оружия. По своему характеру они явно были предметами сакрального уровня, предметами ритуальными, связанными с властными божественными функциями верховного жреца либо царя-жреца, выступавшего в этой роли.

Священные топоры служили образом силы и божественной власти абсолютно у всех древних народов, в том числе и у народов Средиземноморья и Передней Азии: у египтян и шумеров, италиков и этрусков, минойцев и ахейцев, ликийцев и карийцев, хеттов и хурритов. Топор – предмет, постоянно использовавшийся в ритуалах и отраженный в древних письменностях, наряду с кинжалом, стрелой, открытой рукой. Он встречается в иероглифическом письме Египта и Крита, в эгейском линейном A и B, в этрусской письменности.

Знак топора как общий для древнего мира властный божественный символ имеет тем не менее несколько смысловых аспектов, несколько уровней в своем толковании, с явным перемещением акцентов с течением времени на протяжении от IV до I тыс. до н.э. Как всякий символ, он должен, видимо, рассматриваться только в его историческом развитии, в связи с конкретной локально-исторической и культурно-исторической средой.

На раннем этапе, в IV и первой половине III тыс. до н.э., судя по разнообразному изобразительному материалу, подчеркивается прежде всего функция топора как реального боевого оружия, устрашающего, карающего врагов этой земли и защищающего благодаря покровительству верховных богов данный род, племя, номовое государство, поселение или образовавшуюся в результате объединения древнюю державу, как это было в Египте. В этом своем значении образ топора близок изображениям булавы, кинжала, меча, копья. Правитель – вождь или царь – с таким оружием в руках выступает как победитель, как защитник своей территории и всех живущих на ней. Постепенно символический образ топора начинает выступать одновременно и в качестве средства ирреальной защиты, защиты от действия злых, разрушительных потусторонних сил, связанных главным образом с миром мертвых, однако в ранний период эта функция скорее только намечается, она не проявлена в достаточной мере и вторична по отношению к основной.

По мере развития древних религий и культов символический образ топора усложняется в своем значении, обретает более выраженную магическую сущность, открытую связь с

² Сокровища Трои. Из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. М., 1996. № 166–169.

³ Там же. № 170–230.

хтоническими представлениями. Это характерно уже для второй половины III и особенно для II тыс. до н.э. Топор на этом этапе – не только символ героизированной земной верховной власти, божественной по своей природе, а потому находящей поддержку самых действенных божественных сил; он вместе с тем и символ жреческой власти, значение которой все более возрастает. Символический образ топора является связующим между мирами: миром небесным, земным и подземным. Как атрибут он может служить различным мужским божествам, прежде всего верховным божествам-громовникам, культы которых получают особое значение на азиатских территориях и в Средиземноморье. Топор, брошенный таким божеством, будь то Баал, Тешшуб или позднее Зевс, обычно приносил на землю не только гром, но и животворную влагу дождя, несущую плодородие⁴. Не случайно во многих древних земледельческих культурах образ топора был связан одновременно и с урожайной магией (отголоски этого сохранялись и в более поздних культурах земледельцев, в том числе у всех славянских народов). Будучи символом жертвенной смерти и посылаемого богами плодородия, топор становится не только знаком силы, возмездия, смерти, но и победы над смертью, знаком вечной жизни, которая может продолжаться за смертью. Хтоническое значение этого образа расширяется, он мыслится теперь как символ возможного возрождения через смерть. Такого рода инверсии, как мы знаем, были характерны для многих древних религий. Понятно, почему модели глиняных и золотых топоров клали в гробницы⁵, а знаменитый двойной бронзовый топор-лабрис из дворца в Като Закро на Крите (XVI в. до н.э.) полностью покрыт плотным рельефным тростниковым плетением. То же значение имеют и двойные топоры на алтаре, который представлен в одной из композиций известного расписного саркофага из Агия Триады (XV в. до н.э.). Между двумя вертикально закрепленными на постаменте монументальными топорами-лабрисами изображен сосуд для возлияний, а на вершине каждого из них – фигурка сидящей птицы, т.е. души умершего.

В качестве фетишизированного объекта топор и сам мог быть предметом поклонения. Такие сакральные топоры, мыслившиеся как божество, становились недостижимыми объектами культа как статуи и хранились в святилищах в течение многих столетий. Хетты, например, поклонялись богу топора, богу меча точно так же, как богу горы или богу ворот. Это показывают, в частности, скальные рельефы из Язылыкайя.

Топор, таким образом, выступал как символ верховной земной власти и власти небесной, вместе с тем он – символ власти загробного мира и возрождения, жертвенной смерти. Причем, в осмыслении этого символического образа превалирует именно сложное хтоническое значение и «жреческий аспект». Формы сакральных топоров, использовавшихся в ритуалах, могли быть разными (топор, топор-молот, двойной топор-лабрис), но суть их была одна и та же.

Ситуация несколько меняется к концу II и особенно в I тыс. до н.э. На первый план снова выдвигается властная и карающая функция данного предмета. Топор – сакральное орудие царя-жреца или божества, с помощью которого решается судьба жертвы. Топор – это знак священной царской власти (через этрусков он придет и в Рим) и одновременно знак правосудия – хтонический символ, напоминающий о подземном мире и смерти. Топор – орудие смерти, это видно и на примере этрусских и греческих памятников. Аспект возможного возрождения, перехода к вечной жизни после смерти, который, как это показывают сами предметы, достаточно определенно был выражен в произведениях предшествующего этапа, во II тыс. до н.э., теперь почти исчезает или значительно ослабевает. Происходит как бы возврат к исходному значению, но на ином уровне.

Троянские молоты-топоры по своему образу и содержанию, как это нетрудно увидеть, оказываются особенно близкими кругу эгейских ритуальных предметов, хотя одновременно имеют и переднеазиатские параллели (о них еще будет сказано ниже). Критские и микенские лабрисы XVI–XV вв. до н.э. и каменные ритуальные молоты-топоры из клада L, изготовленные из нефритоида, нефрита и породы, близкой к лазуриту, выполненные в очень сложной технике, имитирующей изделия из металла (бронзы, золоченой бронзы или

⁴ Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 114–121.

⁵ На Крите в святилищах и захоронениях обнаружены многочисленные двойные топоры: золотые, бронзовые, агатовые, янтарные. Изображения на них различны, они связаны главным образом с культом верховного мужского божества или культом верховного мужского и женского божества в их сочетании (это – лилии, бабочки, диагонали и зигзаги-молнии, концентрические круги, головы птиц, быков, стебли растений). См. о votivных двойных топорах из золота, найденных в святилище в Аркалохори в центральной части Крита (между 1550–1450 гг. до н.э.): Higgins R. Minoan and Mycenaean Art. L., 1994.

золота), на наш взгляд, вполне сопоставимы друг с другом. Они создают очень убедительный зрительный ряд, заставляющий задуматься о реальном хронологическом определении знаменитых троянских памятников. Наличие рядом с каменными молотами-топорами в том же кладе L нескольких наверху из горного хрусталя, совершенно аналогичных хрустальным наверху кинжалов из микенских царских гробниц круга А, только усиливает сомнения по поводу датировки рассматриваемого археологического комплекса, обнаруживая дополнительно еще одну связующую нить с кругом памятников эгейской художественной культуры.

Функционально и символически двойные топоры, распространенные в Средиземноморье и Малой Азии (топоры-молоты, в которых само лезвие-лопасть и обух равнозначны, но разделены пластически, и так называемые лабрисы – двухлопастные топоры), очень близки друг другу и, видимо, связаны своим происхождением с одной территорией – Малой Азией. Двухчастность этих предметов усиливала не только функциональную, но, по-видимому, и чисто символическую их значимость.

То, что молоты-топоры из клада L выполнены в дорогом и очень твердом цветном камне, разумеется, тоже не случайно. Символически и сам материал, и те эффекты, которые определены приемами его обработки, символически и характер декора этих предметов – отдельные его элементы и общее художественное решение.

Известно, что у многих древних народов существовало табу на металл при изготовлении некоторых ритуальных предметов, особенно тех, которые были связаны с обрядом жертвоприношения. Именно поэтому данные предметы часто создавались из камня, а при особой их значимости – из очень дорогого камня. Камень, с древнейших времен применявшийся в таких случаях, считался более угодным богам, – все древние были, как известно, исключительно консервативны во всем, что касалось культа.

Однако при обработке камня мастера могли имитировать и изделия из металла. Иногда этого требовала, быть может, сама типология предмета, имевшего в металле более сложную и развитую форму, но чаще – защитные магические свойства металла. Уже одним своим видом, как считали древние, он должен был внушать страх, напоминать о своей великой разрушительной силе. Металл отпугивал злых духов, поэтому оружие из твердого металла у всех древних народов имело как бы двойную прочность: реальную и символическую.

Кузнечное ремесло было весьма почитаемым на всех металлоносных и металлопроизводящих территориях древнего мира, особенно в Малой Азии – древнейшем центре металлургии, где оно получило исключительное развитие. Кузнецы, создатели предметов из металла, по представлениям древних, существовали в какой-то особой пространственной зоне, пограничной между мирами. Они были связаны с энергией Огня и Солнца, которую самым непосредственным образом передавали и изготавливаемым предметам. Топор-молот у греков, например, как мы знаем, – атрибут Гефеста, и это неслучайно.

Реминисценции древних магических обрядов присутствовали во всех ритуалах и культовых предметах вплоть до позднейших исторических периодов. Троянские молоты-топоры убедительно подтверждают исключительную символическую многоплановость и емкость основных культовых предметов, особенно – атрибутов верховной божественной власти.

Как уже говорилось, символически не только сама форма троянских молотов-топоров, которая как всякая сакральная форма отличается особым совершенством исполнения и художественного оформления, символически и материал – цветной камень, из которого были сделаны эти предметы. В двух случаях это нефритоид (минерал, близкий нефриту), в одном случае – нефрит (говорить о жадеитите без спектрального анализа пока, на наш взгляд, невозможно) и в последнем, четвертом случае – метаморфическая порода с включениями лазурита (не сам лазурит). Для древних это очень ценные и очень значимые породы камня, к которым никогда не обращались случайно: они, и это хорошо известно, имели одновременно и определенную магическую силу. «Божественное» их происхождение обуславливало и их исключительные физические свойства, и замечательную красоту.

Нефритоиды, как и сам нефрит, будучи ярко- или темно-зелеными камнями, у всех древних народов были связаны прежде всего с культом плодородия, а кроме того, конечно, и с представлениями о загробной жизни (так было, например, у древних китайцев, шумеров, вавилонян, народов древней Анатолии). Этот минерал повсюду ценили за его необычайную твердость (для нефритоидов она колеблется от 4,5 до 5,5; для нефрита равна 6,5–7; для жадеитита она еще выше – 7–7,5 и даже 8). Очень рано люди узнали о его целительных свойствах и, конечно, всегда восхищались глубиной его окраски, необычной волокнистой фактурой, еще более увеличивавшей его красоту и прочность. В первобытную эпоху нефритоиды и нефрит использовали в качестве материала для изготовления орудий, затем –

исключительно для создания ритуальных предметов, которые археологи находят теперь и в святилищах, и в погребальных комплексах. Расколоть этот минерал практически почти невозможно, его можно только распиливать. Тайны его обработки постигались постепенно, хотя довольно рано (особенно в Китае) научились делать из него различные предметы.

Лазурит, как и породы, приближенные к нему, у всех древних народов считался небесным камнем – подобное значение имела и бирюза. Ассоциировался он с ночным звездным небом. Благодаря мелким блестящим включениям, золотым или серебряным, он обладал удивительным таинственным мерцанием и глубиной, особой космической силой зрительного воздействия. Ценность этого минерала всегда была очень велика, использовали его только в придворном искусстве, для памятников самого высокого назначения. С III тыс. до н.э. лазурит получает распространение преимущественно на азиатских территориях, прежде всего на территориях, близких к основному его месторождению в Бадахшане (это подтверждают памятники из знаменитых царских гробниц Ура). Со II тыс. до н.э. этим материалом пользовались уже более широко: он известен во всем Средиземноморье и Египте, хотя круг его применения по-прежнему ограничивается придворным, официальным искусством. Традиционно лазурит применялся в сочетаниях с драгоценными металлами, золотом и серебром и соотносился с культами верховных богов, об этом свидетельствуют памятники разных культур. Твердость этого минерала довольно высока (5,5–6,5), и обработка сопряжена со многими сложностями, зато эффект готового изделия превосходит все ожидания. Очень ценили и любили использовать этот камень и в эгейском мире, что отражено, в частности, в самом языке греков-ахейцев (микенских греков). Среди слов, относящихся к ахейскому святилищу, в табличках линейного письма В есть слова, обозначающие ценные ритуальные предметы из этой породы камня, например, *Kuwapoŋ* – «сделанный из лазурита»⁶.

Прозрачный горный хрусталь, как и алмаз, тоже считался у древних небесным камнем, и именно поэтому охотно использовался при изготовлении разного рода ритуальных предметов. Он ассоциировался с чистой водой и небесных вод, казался окаменевшим льдом, что запечатлено в его названии у греков.

Можно говорить не только о символике цветного камня, выбранного для изготовления троянских молотов-топоров. Как уже отмечалось, речь идет и об определенных символических эффектах, достигнутых в результате его обработки. Символична сама поверхность рассматриваемых предметов, причем, символична вдвойне. Во-первых, потому что она передает блеск металла, который явно имитирует, во-вторых, потому что благодаря своей отполированности (не отшлифованности, а именно отполированности) имеет совершенно зеркальную поверхность, способную к отражению. Сходство с зеркалом – предметом, который в представлениях древних всегда открывал прямой контакт между мирами, имело, наверняка, большое значение и в данном случае. Кроме того, обращает внимание и характер декоративной накладки, имитирующей когда-то реально существовавшую в древних топорах накладку из меди или золоченой бронзы. Ровные ряды гвоздиков-заклепок, которые выступающими округлыми головками так напоминают золотое небесное семя, брошенное в борозды мифического поля, конечно, тоже не могли не иметь, на наш взгляд, символического значения.

Воспроизведенный ритуальных топоров в памятниках изобразительного искусства III–I тыс. до н.э. огромное количество: хеттские и хурритские печати и монументальные рельефы, близкие им памятники Ликии, Карии, Лидии и Фригии, произведения эгейской торевастики, глиптики, скульптуры и живописи, росписи этрусских гробниц и этрусские зеркала, рисунки на греческих вазах. Эти предметы встречаются в основном в сценах триумфа царей и богов, в сценах торжественных культовых шествий и ритуальных жертвоприношений, в сценах наказания врагов. В памятниках I тыс. до н.э. изображения этого символического предмета (и это вполне понятно, если вспомнить об историческом развитии этого символа) являются только напоминанием о древнейшем ритуале жертвоприношения. Архаического вида каменные топоры есть символ смерти и правосудия, но ими уже не пользуются как орудием казни. Таким топором жрецы, видимо, либо указывали на жертву, либо касались ее, убивали же прислуживавшие им, преимущественно с помощью кинжала. Это отражено в некоторых памятниках (см., например, живописное изображение в одной из этрусских гробниц – сцену жертвоприношения пленных в «гробнице Франсуа» IV в. до н.э.). Каменный топор в руке демона смерти имеет здесь сугубо символическое значение. Сходный образ встречается и в греческой краснофигурной вазописи, например, в сценах

⁶ Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнегреческой письменности. М., 1988. С. 144.

убийства Агамемнона, где каменный топор служит всего лишь знаком начертанной богами судьбы.

И во II тыс. до н.э. ритуальные каменные топоры тоже уже по большей части не имели, видимо, непосредственно функционального значения. Они, как отмечалось, являлись культурными предметами, которые находились в распоряжении жрецов и хранились в святилищах вместе с другими ритуальными предметами; их использовали в различных ритуалах, почитали и берегли как святыню.

Мы уже достаточно хорошо представляем себе уровень общественных отношений и идеологию древних обществ в эпоху бронзы на разных ее этапах, в том числе и в том широком регионе, в который так хорошо вписываются рассматриваемые троянские топоры-молоты (Эгеида с Критом, Малая Азия, Сиро-Финикия и Палестина, Кавказ и Причерноморье). Эта картина культурного развития отражается в разнообразных письменных источниках (прежде всего в хеттских), в мифах и эпических сказаниях (эпос Угарита), в религиозных обрядах (хеттских и хурритских), в произведениях изобразительного искусства⁷.

Очевидно, уникальные по своему художественному уровню и довольно крупные по размеру троянские молоты-топоры изначально были связаны с сокровищницей какого-то троянского святилища. В момент опасности вместе с другими особо ценными предметами они были спрятаны, а уже потом перезахоронены как клад. Именно поэтому они и попали на большую глубину, к фундаменту одной из сакральных построек. Наша уверенность подтверждается другим археологическим комплексом, который также включает предмет близкого характера. Речь идет о хорошо датированном сакральном сооружении – доме G в Азине, где были найдены *in situ* все хранящиеся там ритуальные предметы позднемикенского времени (расписные керамические сосуды, крупные и мелкие, культовые статуэтки и довольно похожий на наши троянские каменный топор-молот⁸). Комплекс в Азине, открытый археологами еще в 20–30-е годы, сам по себе, разумеется, не дает каких-то абсолютных хронологических вех, зато дает представление о том реальном контексте, в котором могли находиться и предметы троянского клада L (не только молоты-топоры, но и хрустальные наверхия кинжалов, так называемые линзы и т.п.).

Важную часть нашего исследования составляет и типологический анализ предметов клада L, прежде всего, конечно, молотов-топоров. Для хронологического определения топоров и клада в целом типологический анализ имеет, конечно, гораздо большее значение, чем анализ семантический.

Типологических параллелей рассматриваемым троянским молотам-топорам в пределах III–I, или уже – III–II тыс. до н.э., достаточно много. Прототипы их, в камне и бронзе, связаны прежде всего с Анатолией и Юго-Западной Азией. Однако это не значит, что топоры-молоты III тыс. до н.э., найденные в Аладжа-Хююке, Мерсине, Дараке, Алишаре, Кайя-Пинаре, Эския-Паре или Полиохни, могут быть непосредственно соотнесены с троянскими⁹. Их можно считать архетипами, на основе которых происходит дальнейшее развитие этих форм. Троянские молоты-топоры намного сложнее, чем памятники эпохи ранней бронзы, и этого нельзя не увидеть, сравнивая их. На основе архетипов III тыс. до н.э. в эпоху средней бронзы развивается широкое производство втульчатых топоров такого вида на очень многих территориях, контактировавших с Малой или Юго-Западной Азией. Это – Северный Кавказ и Южная Украина, Венгрия, Румыния, Болгария, прежняя Югославия, Греция и острова Эгейского моря¹⁰. Однако и каменные молоты-топоры, происходящие из

⁷ Шифман И.Ш. Угаритский эпос. Введение / Пер. с угаритского и комментарий. М., 1993; Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

⁸ Hagg R. The House Sanctuary at Asine Revisited // Sanctuaries and Cults in the Aegean Bronze Age. Stockholm, 1981. Acta Instituti Atheniensis Regni Suecial. Ser. 4. XXVIII.

⁹ Stronach D.B. The Development and Diffusion of Metal Types in Early Bronze Age Anatolia // Anatolian Studies. 1957. V. 7. P. 89 f.; Przeworski S. Die Metallindustrie Anatoliens. Leiden, 1939; Müller H. Handbuch der Vorgeschichte. Bd III. München, 1974; Бонгард-Ленин Г.М., Деоник Д.В., Деревянко А.П., Кучера С.Р., Массон В.М. Археология зарубежной Азии. М., 1986. Гл. 5; Авшлова Л.И., Черных Е.Н. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989 (типологическая таблица втульчатых топоров – с. 49).

¹⁰ Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the 2nd Millennium B.C. Göteborg–Prague, 1985; Müller. Handbuch...; Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. 1960. 93. Гл. 4. С. 99; Нечитайло А.П. Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев, 1991. С. 90; Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. Гл. 3. С. 254 слл.

этих мест, в общих чертах достаточно близкие рассматриваемым троянским, не могут служить им прямыми аналогиями. Их форма очень функциональна, техника обработки камня (а это часто те же нефритовиды) очень высока, тем не менее они не достигают того уровня совершенства, которым отличаются топоры из клада L – памятники не только материальной культуры, но и выдающиеся произведения художественного ремесла, творчества искусства. Сложность троянских молотов-топоров, неповторимость, уникальность их формы, на наш взгляд, в том, что она является пластической или, точнее, декоративно-пластической имитацией древнейших образцов, но выполненной уже в более позднее время. Отсюда такая изощренность и свобода в обработке камня. Сам факт использования имитационной техники (а это на таком уровне по силам только очень развитым культурам) может служить серьезным аргументом в пользу передатировки этих троянских памятников. Совершенство самой формы и технического исполнения свидетельствует, на наш взгляд, вовсе не о раннем этапе, а о периоде наступившей зрелости в эпоху бронзового века. Троянские молоты-топоры из клада L могли появиться, как мы думаем, только при переходе от средней к поздней бронзе, т.е. уже во II тыс. до н.э., и скорее всего в интервале между 1700–1500 гг. до н.э.

Поскольку молоты-топоры были предметами культовыми, ритуальными, а следовательно, исключительно устойчивыми, почти неизменными в своей типологии, естественно, при их изготовлении отталкивались от очень древних образцов, но осмысливали их, уже исходя из возможностей и потребностей своего времени. Именно поэтому они и не имеют типологических подобий.

Между тем говорить о довольно близких типологических параллелях все-таки возможно. Вполне закономерно, что они обнаруживаются на территориях, связанных с Тройей торговыми и культурными контактами. Это Угарит (т.е. Северная Сирия) и Мегиддо (Северная Палестина)¹¹. Не случайно Герман Мюллер в связи с европейскими молотами-топорами подобного вида говорит иногда о «сирийском» типе. Дата, которую дают обе названные аналогии нашим топорам – 1900–1600 гг. до н.э. – никак не противоречит предложенной нами. Подтверждают ее и другие типологические аналогии. Это нефритовые топоры-молоты и секира-молот из знаменитого Бессарабского (Бородинского) клада, хранящегося в Государственном Историческом музее в Москве¹². Состав этого клада достаточно сложен, однако среди разнообразных предметов есть и хорошо его датирующие, в частности, кинжал микенского типа, того, что встречается и в микенских шахтовых гробницах круга А. Дата, принятая для всего археологического комплекса Бессарабского клада, – XVI–XV вв. до н.э. (1550–1450 гг. до н.э.) в настоящее время общепринята и возражений не находит.

Нефритовые молоты-топоры из Бессарабского клада – это, пожалуй, самая близкая параллель троянским. Они тоже отличаются совершенством изысканной, вытянутой в пропорциях формы и очень высоким мастерством обработки камня. Они не имеют того богатого декора, которым отличаются троянские, но они и не связаны, по-видимому, с тем же уровнем ритуального использования.

Если учесть, что и в составе троянского клада L есть предметы, относящиеся к кругу кинжалов микенского типа (а они хорошо изучены и дают прямые аналогии шести наверхам из горного хрусталя в рассматриваемом кладае), вопрос уточнения датировки данного клада окажется еще более актуальным.

Высверленные наверхия из горного хрусталя, найденные в кладае L, бесспорно, как и микенские, были важной в смысловом и декоративном отношении частью золотой рукояти ритуального оружия. Так называемые линзы вполне могли быть также инкрустационными вставками в наверхия рукояти кинжалов, но только несколько иной конфигурации. Именно такую разновидность наверхия представляют и кинжалы из самих Микен, и известный кинжал, найденный в критском дворце в Маллии. Сходное решение дают и памятники Юго-Восточного Средиземноморья, Сиро-Финикии и Палестины, в частности, опубликованный Х. Кленгелем кинжал из храма обелисков в Библе¹³. Датировка его – до начала XV в. до н.э. – пересекается с датировкой микенских гробниц.

¹¹ Müller. Handbuch... Taf. 253, 277.

¹² Кривцова-Гракова О.А. Бессарабский клад. М., 1948; Попов Г.Б. Бородинский клад. М., 1987 (датирует клад 1550–1450 гг. до н.э.); Кожин П.М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело. Население юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 16–41.

¹³ Klengel H. Geschichte und Kultur Alt-Syriens. Lpz, 1979. № 18; Рындини Н.В., Конькова Л.В. О происхождении больших усатовских кинжалов // СА. 1982. № 2. С. 30–42.

Так называемые линзы из клада L оптическими линзами, как нам кажется, быть не могли. Прежде всего они не обладают необходимой для этого полной прозрачностью (за исключением двух плоских круглых пластин, просверленных по центру)¹⁴. Большая их часть имеет внутренние трещины, которые, очевидно, были и изначально (если бы они попали в огонь, они бы выглядели иначе). Кроме того, увеличение, которое получается благодаря их использованию, ничтожно мало (всего в полтора или, в лучшем случае, в два раза). Это почти ничего не дает мастеру-ювелиру, даже если исходить из принципа «лучше что-то, чем ничего». Возможно применение этих предметов в какой-то ритуальной игре (как в царских гробницах Ура) также маловероятно. Хотя количество одинаковых «линз» довольно велико (их в кладах 18), для игры они слишком крупны и, главное, не имеют необходимой пары в другом цвете камня (не говоря уже о самой игровой доске, которая здесь отсутствует). Зажигательными линзами эти предметы также (при данном качестве камня) быть не могли; такое предположение возможно только применительно к двум плоским круглым большим пластинам из очень прозрачного горного хрусталя, о которых упоминалось выше.

В виде дополнения необходимо заметить – на наш взгляд, это очень существенно, – что широкое использование горного хрусталя в искусстве древнего мира и Средиземноморья, в частности, начинается, судя по памятникам, только во II тыс. до н.э. До этого времени использование данного материала и в глиптике, и тем более в крупных изделиях (при изготовлении сосудов и разнообразных украшений) очень редко, можно сказать – единично. Частое применение горного хрусталя, как правило, было связано с открытием так называемых хрустальных погребов. В Средиземноморье – на Балканах, на островах Эгейского моря или в Малой Азии, богатой цветным камнем и в частности кварцами, – такое месторождение вполне могло быть обнаружено во II тыс. до н.э.

Малая Азия в минералогическом отношении представляет собой такую же особую область, как и наш Урал. Здесь не просто много цветного камня, он очень разнообразен и вполне доступен в использовании. Камень, из которого выполнены ритуальные троянские молоты-топоры, явно малоазиатского происхождения. Везти его издалека не было никакой необходимости. Метаморфическая порода с включением лазурита, видимо, происходит из анатолийских районов, приближенных к Центральной Азии, к основному месторождению лазурита в Афганистане. Что же касается нефритовидов и нефрита (говорить о жадеитите без спектрального анализа, как уже отмечалось, пока затруднительно), то эти минералы могли происходить из разных мест: по территории Малой Азии проходят сразу три полосы офиолитовых пород. Нефритовиды и нефрит встречаются здесь часто в глыбах даже по берегам рек и в настоящее время в Турции выставляются на продажу крупные куски этого камня.

Вопрос технического исполнения троянских молотов-топоров очень важен, поскольку, как уже было отмечено выше, он является безусловно датирующим для всего клада L в целом.

Уже говорилось об исключительном совершенстве формы всех четырех троянских топоров, о сложности и богатстве их художественного оформления, имитирующего работу в металле. По существу все они – произведения очень высокого камнерезного искусства, памятники скульптуры из цветного камня. Высочайший уровень мастерства обработки такого сложного и твердого материала требовал столетий серьезного развития камнерезного ремесла: одно дело – мягкое, пластичное золото, другое – труднообрабатываемый камень.

Прежде всего следует отметить, что рассматриваемые нами предметы – довольно крупных размеров и веса. Обработка камня таких больших объемов, да еще с ювелирной тонкостью, требует значительного навыка и высокой точности. Длина топоров-молотов колеблется от 25,9 до 31,1 см, ширина – от 5,8 до 8,6 см; вес самого большого – 2140 г, самого маленького – 940 г; нижний диаметр конусовидного просверленного отверстия, рассчитанного на расклинивание деревянной ручки (черенка) – от 2,4 до 3,4 см, верхний диаметр, немного больший – от 2,4 до 3,6 см¹⁵.

Виртуозно выполнены и сами отверстия и ободок, оставленный для декоративной накладки. Он исключительно точно воспроизводит в камне металлическую полоску с поперечными рельефными валиками и выступающими заклепками, которые потом покрывались позолотой. Сверление крупных отверстий и прекрасная шлифовка камня – нефрита, обсидиана и других пород – были известны и в более ранние периоды (например в древнем

¹⁴ Сокровища Трои. Каталог. № 229, 230.

¹⁵ Там же, № 166–169.

Китае). Удивляет другое – идеальная отполированность основных поверхностей и применение здесь ювелирной имитационной техники, отсутствующей в каменных изделиях III тыс. до н.э.

Уже говорилось о том, что используемые в данных предметах разновидности цветного камня обладают очень высокой плотностью и твердостью. Для такой ювелирной работы, которую демонстрируют троянские памятники клада L, нужны и довольно совершенные инструменты из твердой бронзы, и непременно корундовый абразив. Твердость нефритовидов, как уже отмечалось, 4,5–5,5–6, нефрита – 6–7; твердость метаморфической породы с включениями лазурита также не менее 5–5,5. Поскольку такая скарированная порода включает в себя обычно шпаты, бокситы, диопсиды и т.п. (а они имеют разную твердость), работа с ней также доставляет много трудностей, особенно в крупных предметах, таких, как рассматриваемые.

Корундовый абразив, необходимый в процессе изготовления такого рода предметов, был и на островах Эгейского моря, например на острове Наксосе, чем в дальнейшем пользовались греки, а до них его применяли минойцы и ахейцы, был он и в Малой Азии. Только корундовый абразив, дававший твердость 8–9, позволял так свободно и совершенно обрабатывать сложные породы камня, особенно если учесть использование имитационной техники такого сложного характера. Из инструментов, которые применялись в процессе обработки, следует назвать: 1) сверла – бронзовые стержни разного диаметра (в том числе и очень тонкие с округлым выемчатым концом, предназначенные специально для исполнения рельефных заклепок); 2) полотна – бронзовые надфили для пропилов камня; 3) притирочные плиты – плоскости, на которых обрабатывали камень, делали его профилировку, полировали.

По двум топорам из клада L без особого труда прослеживается ход работы мастера, ее последовательность¹⁶. Хорошо просматривается, например, сетка квадратов в пропиленной разметке, в которые затем вписывались окружности «заклепок». Сетка из долевых и поперечных пропилов потом либо убиралась благодаря дополнительной обработке, либо сохранялась и воспринималась как своеобразный декор. Вершущи заклепок иногда могли стесываться, и это тоже давало свой особый эффект¹⁷.

Золочение большого труда не составляло. Тонкий слой золота, как фольга, накладывался на поверхность рельефно обработанного камня и закреплялся с помощью клеящего состава. Устройство простейшего станка, которым пользовались при таких работах в древности, хорошо известно: это дрель древнейшего типа – «лучковая» дрель.

Полировку камня знали давно, но для твердых пород и крупных объемов ею стали широко пользоваться по существу только во II тыс. до н.э., что подтверждает и опыт Египта, где искусство обработки камня находилось на очень большой высоте. Замечательных успехов в полировке твердых кристаллических пород здесь достигли только в эпоху Среднего царства, в основном в период XII династии.

Для черновой, предварительной полировки поверхностей камня в Египте пользовались крупным корундовым абразивом, которого много на юге, в Верхнем Египте, а в качестве связующего компонента применяли воду и растительные масла. То же делали, видимо, и на малоазиатских территориях. Для окончательной, чистой полировки применяли мелкий корундовый порошок, смешанный с маслом. В Азии был известен еще один способ (кое-где, например в Сибири, им пользуются до настоящего времени): мелкий корундовый абразив растирали с медом.

Обрабатывать крупные кристаллы горного хрусталя со сложным сверлением их на станке могли тоже только во II тыс. до н.э. Этот твердый материал очень труден в обработке из-за своей ломкости (твердость его равна 7).

Что касается сердоликовых бусин и бусин из янтаря, обнаруженных в троянском клада L, то они по своим формам и технике обработки тоже вполне вписываются в круг произведений II тыс. до н.э.¹⁸ И материал для них использовался явно средиземноморский или, точнее, анатолийский. На всех этих территориях великое множество сердолика, янтаря также встречается (есть он в Италии, на островах Эгейского моря, Украине, так что и в клада L он южного, а не северного, балтийского происхождения). Кстати, следует заметить, что почти нет находок янтаря, датированного III тыс. до н.э., и довольно многочисленны находки II тыс. до н.э.

¹⁶ Там же. № 167, 168.

¹⁷ Там же. № 167.

¹⁸ Там же. № 218–221, 227.

Наличие в комплексе клада L спекшегося металла и сами формы мелких предметов, оказавшихся в этом конгломерате, на наш взгляд, нисколько не противоречат выдвинутой нами более поздней датировке всего клада L в целом. Гвоздики и другие предметы подобной формы есть и во II тыс. до н.э.¹⁹ Половина железного наворачия (железный шлак), обнаруженная в том же комплексе клада L, является, кажется, только лишним подтверждением верности нашего определения²⁰. Ссылка на А. Гетце, считавшего, что бусины, спекшийся металл и железный шлак могли и не быть связаны с данным кладом, не слишком убедительна, тем более, что и по поводу самих ритуальных молотов-топоров Гетце высказался довольно неопределенно²¹. На наш взгляд, все эти предметы все-таки относились к данному кладу, и никаких противоречий здесь не возникает. В итоге исходя из технологического анализа рассмотренных троянских памятников с еще большей отчетливостью вырисовывается поздняя датировка клада L, – II тыс. до н.э. (1700–1500 гг. до н.э.).

Клад L, обнаруженный Шлиманом в последний год его работ в Трое, в 1890 г., действительно по всем параметрам резко выделяется среди раннего материала других кладов, который находит прямые аналоги в памятниках III тыс. до н.э. Если принять во внимание наши доказательства, то клад L связан не с Троей II, как считалось прежде, а с Троей VI. Тогда многое становится понятным: и активные связи с Микенской Грецией, которые хорошо прослеживаются на этом материале, и связи со всей художественной культурой эгейского мира, переживавшей в этот период свой расцвет. Художественно-стилистический анализ каменных молотов-топоров из клада L также подтверждает, на наш взгляд, правильность такого определения для данного археологического комплекса в целом.

Прежде всего, как уже говорилось, поражает удивительное художественное совершенство самой формы троянских молотов-топоров. С небольшими вариациями эта форма повторена четыре раза. Пластически четко выражены, разграничены, соотнесены в своих объемах и полностью уравновешены обе ее основные части: лезвие-лопасть и обух-молот. Замечательны кроме того идеальная выверенность пропорций, завершенность, собранность, отчетливость линий в ее очертаниях, что дает целостный, изящный гибкий силуэт. И наконец, просто изумительно декоративное осмысление самой этой формы: исполнение накладки с заклепками, имитирующей металл, общее оформление лопасти, обуха, втулки. Все вместе свидетельствует о высочайшем совершенстве работы мастера-ремесленника и вместе с тем – о классическом этапе в развитии данной художественной культуры, ее стиля.

Ритуальные троянские топоры-молоты по своей художественной стилистике вполне соотносятся и с критскими (минойскими) памятниками XVI в. до н.э., и с памятниками этого времени, происходящими с других островов Эгейского моря (в том числе и с о-ва Фера), а также с ранними произведениями из микенских шахтовых гробниц круга А и В. Для Крита и островов – это было временем так называемого дворцового стиля, если понимать его расширительно, как делает это Ф. Матц. Это не начальная (III тыс. и начало II тыс. до н.э.), а именно классическая стадия в развитии эгейской культуры и искусства. Поэтому рассматриваемые каменные топоры легко сравнить по стилю со стеатитовыми рельефными вазами, фигурками кносских жриц, выступающих в роли Великого женского божества (Богини-Матери), с сакральными фресками Кносса и Феры, с великолепными расписными вазами «дворцового» стиля.

Высочайшее художественное качество данных предметов тем более заставляет думать о чисто символической (не функциональной) их роли, о чем уже говорилось выше. Ими могли только прикасаться к жертве, решая ее участь, пользоваться как культовым символом в различных ритуальных действиях, праздничных церемониях. Трассиологический анализ вряд ли обнаружит на этих топорах следы какого бы то ни было действия (наличие зазубрин, царапин). Сохранность их очень хорошая, за исключением, может быть, только одного из них. Топор из лазурированной породы имеет поверхность, несколько поврежденную огнем. Видимо, он подвергся действию пожара более, чем другие. Этим объясняется и то, что он был обнаружен расколотым на две части (позднее они были соединены рсставраторами). Следы пожара видны и на других предметах клада L. Заметнее всего они, конечно, в спекшемся металле – в мелких золотых предметах и во фрагменте какого-то изделия из железа, который был определен как железный шлак (кстати, наличие железа – дополнительный аргумент для поздней датировки комплекса).

¹⁹ Там же. № 217 (для сопоставления см. Müller. Handbuch...).

²⁰ Там же. № 226.

²¹ Dörpfeld W. Troja und Ilion. Ergebnisse der Ausgrabungen in den vorhistorischen und historischen Schichten von Ilion in den Jahren 1870–1894. Athen, 1902. S. 373.

Факт пожара очень важен, и он вполне соотносится с исторической ситуацией Трои VI²².

Первоначально предметы рассматриваемого археологического комплекса, извлеченные из сокровищницы святилища, как уже упоминалось, могли быть зарыты вблизи от поверхности земли или спрятаны прямо в стену, а уже затем перезахоронены как клад на большой глубине. Таким путем они, видимо, и попали в слои Трои II, однако отношения к ней они не имеют. Для Трои, раскопанной Шлиманом, стратиграфические неувязки и смещения, как известно, не были редкостью.

То, что основные предметы клада L являются однотипными, многократными повторениями по существу одного и того же образца – факт также весьма интересный. Очевидно, мы имеем дело с местной художественной мастерской, продолжавшей традиции древнего этапа и во II тыс. до н.э. Специализировалась она, как показывает материал, на работах в золоте и цветном камне. Если это так, то помимо минойских, микенских и островных центров возникает еще один важный центр художественного производства, о котором в связи с этим временем было мало что известно. Роль Трои в художественных процессах, происходивших в эгейском мире, следовательно, еще предстоит выявить и осмыслить. Троянский клад L позволяет сделать первый шаг в этом направлении.

Н.М. Никулина

RITUAL HAMMER-AXES OF THE TROJAN TREASURE «L»

(The Problem of Dating of the Archaeological Complex)

N.M. Nikulina

On the basis of the results of a complex semantical, typological, technological and stylistic analysis the author concludes that the ritual axes and the whole of Trojan Treasure L should be dated back to a later period. Discovered by H. Schliemann in the last year of his excavations at Gissarlyk, this treasure is very different in its material from the rest of Trojan finds. In the author's opinion, the objects of this treasure have closer analogies not among the Early Bronze things, but in the following period, i.e. in the 2nd quarter of the IInd millenium B.C. (1700–1500 B.C.).

Both the famous ritual axes made of well-polished colour stone and the hilt knobs of ritual daggers are to be compared rather with Aegean monuments, first of all with the objects of Mycenaean grave circles A and B, and also with the objects of the well-known Bessarabian Treasure. The ritual axes, made in a complicated imitative technique reproducing earlier models, could be manufactured, according to the author, only with the instruments made of sufficiently hard material and by means of corundum abrasive. The presence of iron slag, rock crystal and beads of amber (not known here until III–II mill. B.C.) in the treasure also argue for its later date.

The later date of the Treasure L, alongside with the acknowledgement of its unity, could better account for its contents and confirm the links of Troy with the Aegean and Hittite worlds. It will also help us to explain the traces of burning on several objects of the treasure: it belongs not to Troy II, as it was maintained before, but to Troy IV. The objects, hidden from fire in haste, seem to have been re-buried later, and so they came to be in the depth of Early Trojan lays.

²² Блеген говорил в свое время о землетрясении и пожаре, которые завершили период существования Трои VI (*Blegen C.W. Troy and the Trojans. L., 1963*).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1999 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ М.И. РОСТОВЦЕВА РОССИИ

(К выходу книги «Скифский роман». Под общей ред.
Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997)

Каждому из выдающихся ученых была уготована своя судьба: одних фортуна одарила относительно безмятежным течением бытия, жизнь других не миновали коллизии, а порою и до крайности критические моменты, либо превозмогавшиеся силой духа подвижников науки, либо кончавшиеся трагически. Трудно все же сыскать в истории антиковедения биографию более бурную, одновременно невероятно счастливую и тяжело мученическую, чем у Михаила Ивановича Ростовцева. Достигший к своей фичѣ вершины успеха и славы как в мире, так и у себя на родине, ставший в роковом 1917 году членом Российской Академии наук, он, самозабвенно влюбленный в Россию, год лишь спустя вынужден был ее покинуть, ибо, одаренный божественной дивинацией в научном творчестве, он и здесь пророчески предвидел, какая судьба с приходом новой власти предначертана его стране, науке и ему самому.

Заслуженное возвращение великого русского ученого его родине, куда он так и не вернулся, но где все же никогда не был забыт ни его друзьями и коллегами, ни последующими поколениями российских антиковедов, началось ровно десятилетие назад публикацией на страницах «Вестника древней истории» (1989–1990) неизвестных и неизданных до того глав из II тома его эпохального труда «Скифия и Боспор», сопровождаемых очерками о жизни и творчестве ученого¹. Бесповоротный возврат М.И. Ростовцева в ряды интеллектуальной элиты России блестяще увенчивает теперь «Скифский роман» – неординарно замысленный, с душою подготовленный и великолепно изданный труд большого коллектива авторов²; вдохновителем его, главным дирижером и исполнителем большинства этюдов выступил Г.М. Бонгард-Левин.

Вышедший в издательстве «Российская политическая энциклопедия» объемистый том структурно делится на пять частей, предваренных Предисловием и снабженных Указателем имен. Авторские очерки каждого из разделов посвящены одной из кардинальных тем по биографии М.И. Ростовцева: часть 1 – описанию архивного наследия ученого в российских, американских и европейских фондах; часть 2 – его жизни и творчеству как в России, так и в эмиграции; часть 3 – личным отношениям не только с друзьями и коллегами, но и с редкими недоброжелателями; в 4-й части комментированно изданы многие неопубликованные письма самого исследователя, а в 5-й – его ранее неизвестные публичные лекции. Едва ли было бы здесь уместным пусть даже бегло обозреть каждый из богатых содержанием и свежими материалами очерков, резоннее остановиться на более существенном: на тех редкостных в нашей историографии достоинствах тома, благодаря которым он, на мой взгляд, не может не привлечь живейший интерес ученого мира и сделаться увлекательным романом для всякого культурного читателя.

¹ Они сведены вместе, снабжены комментариями и иллюстрациями в немецком издании: *Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus, Band II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Übersetzt und herausgegeben von Heinz Heinen. In Verbindung mit G.M. Bongard-Levin und Ju.G. Vinogradov. Historia Einzelschriften. Bd. 83. Stuttgart, 1993.*

² Вот перечень их имен без упоминания помощников в подготовке издания: Г.М. Бонгард-Левин, В.Ю. Зуев, И.В. Тункина, А.Н. Бадер, Г. Бауэрсок, М. Вахтель, С.В. Куланда, И.Л. Кызласова, Ю.Н. Литвиненко, Е.В. Ляпустина, С. Мэтесон.

Наипервейшее из этих достоинств состоит в том, что все главы книги без исключения построены на том же фундаменте, что и само научное творчество М.И. Ростовцева – на документах. Различие лишь в том, что ученый базировался в своих конкретных разработках и концепциях на древних, как правило, давно известных либо вновь найденных источниках, а создатели «Скифского романа» – на открытых в российских и зарубежных архивных хранилищах прежде неведомых письмах как самого Михаила Ивановича, так и адресованных ему, а также документах иного рода: протоколах, служебных записках и прочих им подобных. Заслуга отыскания этих источников в архивах Петербурга принадлежит И.В. Тункиной и В.Ю. Зуеву (см. с. 17–23, 24–34), а в архивных фондах США, Англии и других стран Европы – Г.М. Бонгард-Левину (с. 35–39). Благодаря работе над этими документами раскрылись и проявились не только многие моменты жизненного пути ученого, но и связанные с ним события, творившиеся у него за спиной, к примеру, «дело Жебелева» и изгнание его самого из Российской Академии наук (с. 101–109).

В итоге упорного исследования коллективом авторов тома прежде всего эпистолярного наследия выдающегося русского ученого и адресованных ему писем друзей и коллег, большая часть которых приведена в «Скифском романе» *in extenso*, Михаил Иванович предстает перед нами, знакомыми с ним до того преимущественно лишь по биографии и многочисленным выдающимся трудам, совсем в ином, неожиданном ракурсе – как крайне эмоциональный человек, с присущими ему переживаниями, склонностями, метаниями, замыслами. Утонченно чувствительный характер этой широко одаренной природы проявлял себя во всех сферах: на педагогическом, общественном и культурном поприще, не мог он не отразиться и на его научном творчестве, как и на взаимоотношениях со своим неординарным окружением.

Яркий пример тому изложен в одном из самых впечатляющих этюдов «Скифского романа», где повествуется о многолетней искренней дружбе М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза (с. 305–328), отношения которых, столь безоблачно начавшись, могли, однако, не только омрачиться, но и потерпеть полный крах из-за резкой по содержанию и стилю рецензии русского ученого на вышедший в 1913 г. том «Scythians and Greeks». В суровой и по сути верной критике проявилась неумная натура Михаила Ивановича – тонкого аналитика разнообразных источников, мастера ширококомасштабных исторических обобщений, генератора глобальных концепций, хоть и окрестившего в одном из писем себя самого «торопыгой и фантастом». Вся его природа противилась работам компилятивным, со скудным исследовательским ядром. Автору этих строк довелось однажды лично слышать рассказ известного гамбургского профессора Б. Снелля, у которого Ростовцев на одном из антиковедных конгрессов поинтересовался, продолжает ли и дальше школа проф. Э. Цибарта продуцировать диссертации вышеназванного пошиба, и получив утвердительный ответ, воскликнул: «Передайте ему, чтобы тотчас прекратил!» В разбираемом очерке автор тонко подметил благородную реакцию Э. Миннза, сумевшего подняться над зряшными амбициями, распознав принципиальный характер критики рецензента, его тягу к научной истине, что позволило спасти и в дальнейшем упрочить дружбу обоих, но главное – на документальном материале показать, сколь долго и мучительно терзал себя сам М.И. Ростовцев, сожалея об излишней суровости своего отзыва, особенно в тяжкие годы эмиграции, когда его английский коллега и друг неустанно оказывал ему неоценимые услуги.

«Скифский роман» существенно обогатил и расширил наше знакомство с окружением Ростовцева, простиравшимся от самых верхов, как это увлекательно изложено на основе архивных материалов в очерке о связи ученого с великим князем Константином Константиновичем, которого тот длительно и основательно консультировал при создании августейшим поэтом – бывшим к тому же и президентом Академии наук – исторической драмы о страстях Господних «Царь иудейский», поставленной на императорской эрмитажной сцене в начале 1914 г. (с. 233–247). Творцы «Скифского романа» не остановились только на исследовании связей М.И. Ростовцева с яркой плеядой коллег и учеников, в которой блистают столь славные имена, как Э.И. Бикерман, А.А. Васильев, Г.В. Вернадский, У.Л. Вестерман, С.А. Жебелев, Н.П. Кондаков, И.В. Помяловский, А.М. Талльгрэн, Ф.И. Успенский, Ч.Б. Уэллс и многие другие. Они комментированно анализируют эпистолярное наследие, позволяющее глубже проникнуть в мир политических убеждений ученого-патриота, вызывающих к нам из полусотни публикуемых писем к соратнице по партии кадетов А.В. Тырковой-Вильямс и ее мужу (с. 461–500). Но главная их заслуга бесспорно в том, что «Скифский роман» не только в корне изменил наши досель скудные представления о том высоком месте, которое Михаил Иванович занимал в русской культуре, но и попросту раскрыл перед нами впервые его благородную гуманную миссию (не мессианство!) под-

линного хранителя ее и, если угодно, спасителя. Ведь тысячу раз права была Тыркова, когда в одном из своих посланий военных лет провидчески зрела: «...а что мы с Вами, дорогой Миша, культура, этого при всем своем скептицизме Вы оспаривать не станете» (с. 462).

Еще в начале века, задолго до эмиграции, явственно обозначилась принадлежность М.И. Ростовцева тому кругу культурной элиты России, куда входили А. Блок, А. Белый, М. Добужинский, Н. Рерих, К. Сомов, Л.Д. Зиновьева-Аннибал и многие другие, регулярно собиравшиеся и у «башенного жителя» Вячеслава Иванова, и на ростовцевской квартире на Большой Морской (с. 249, 287). И те застолья и эти журфиксы отнюдь не были для Михаила Ивановича и Софьи Михайловны средством достижения именно интеллектуальных знакомств – со многими из их круга Ростовцева связывала тесная и творческая дружба. В эти годы проявилась одна его черта, которая во всей своей полноте раскрылась уже потом, за океаном – постоянное стремление придти на помощь другу, внести вклад в его – и тем самым русской культуры – духовное развитие, как это прекрасно показано в очерке о Вяч. И. Иванове, коего суровая настойчивость менено-друга заставила в конце концов завершить и выпустить в свет свою диссертацию о публикациях, хотя душа его давно уже витала на поэтическом Олимпе (с. 248–258).

Став уже респектабельным профессором Йельского университета, Ростовцев, дабы поддержать своего старинного, но малообеспеченного друга, заказывает у К.А. Сомова свой портрет, изящно украсивший цветной фронтиспис «Скифского романа» (с. 287–289). Но более всего ошеломляет этюд о Владимире Набокове (с. 290–299). И прежде было известно, что исключительно благодаря благородной протекции Ростовцева прозябавшему в Праге в нужде Г.В. Вернадскому удалось продолжить свой плодотворный научный путь в Америке, достигнув там на склоне лет всех мыслимых и немыслимых постов (с. 516). В своем гуманном порыве вызволять выдающихся ученых из нужды и застенков истинный патриот России, кстати, не выделял особо своих соотечественников, что прекрасно доказано на примере крупнейшего специалиста по древней экономике Ф. Хайхельхайма, с которым Ростовцев, более того, полемизировал по концептуальным проблемам³. Однако случай с Набоковым совершенно особенный. Дело здесь, я убежден, вовсе не в давнишней дружбе ученого с отцом Владимира, к тому же соратником по партии, и не просто в элементарном человеческом гуманизме. Настоячивые многолетние усилия Михаила Ивановича добиться для литератора Сирина места преподавателя в Йельском университете были движимы тем, что он наверняка распознал в «крупном и глубоком писателе» (с. 291) будущую крупную звезду русской литературы. Недолго оставалось Владимиру Набокову, чтобы стать причисленным к сонму великих русских писателей, да и американских тоже.

Весьма ценно первоиздание в книге самого полного на сегодняшний день списка трудов ученого и работ о нем, снабженного указателями и скромно названного его составителем В.Ю. Зуевым «Материалами к библиографии М.И. Ростовцева» (с. 200–230): он насчитывает 680 названий статей и монографий с их переизданиями! К не меньшим достоинствам я бы отнес вплетенный в середину тома альбом подобранных с душою и вкусом фотографий, разсыканных составителями в русских и зарубежных архивах, а потому попросту уникальных. С этих снимков на нас глядит М.И. Ростовцев, один и в компании, в разных ситуациях и в разные периоды жизни, а также его супруга, друзья, коллеги, ученики и выдающиеся современники. Впечатляют и снимки мест, где Михаил Иванович жил, творил, трудился, скончался.

Завершая руждутья о жизни великого соотечественника и оценивая посвященный ему том, отмечу, что коллектив создателей «Скифского романа» во главе с его вдохновителем поставили перед собой благотворную, но вместе с тем и необходимую задачу – попытаться понять Михаила Ивановича Ростовцева (ср. с. 462), к чему они всем содержанием книги призывают и читателя. Без колебаний скажу, что с этой задачей им удалось не просто справиться, но безусловно превзойти поставленную цель. Ибо сами переполняющие издание документы, их исследование и комментарии к ним высветили для нас неумный и неукротимый дух этой выдающейся личности, который только и позволил ученому превозмочь все трагические перипетии своей бурной жизни, не допустил затем, успокоенно и в достатке устроившись, до конца дней стать на якорь в тихой гавани за океаном, но без устали подвигал к новым замыслам и начинаниям, таким как раскопки в Дура Эвросос. Ошеломляющим откровением книги оказалось раскрытие в личности ученого природного

³ См. Шоу Б. Два историка в изгнании: переписка М.И. Ростовцева и Ф.М. Хайхельхайма // ВДИ. 1994. № 2. С. 171–183.

инстинкта сохранения родной культуры, бескорыстной помощи лучшим ее носителям и продолжателям, в славном ряду коих судьба назначила ему одно из ведущих мест. Поклонившись создателям «Скифского романа», нам остается лишь нетерпеливо ждать его продолжения.

Ю.Г. Виноградов

© 1999 г.

АНДОКИД. Речи, или история святотатцев. Перевод с древнегреческого, вступительная статья, комментарии и примечания Э.Д. Фролова. СПб.: «Алтейя», 1995. 256 с.

Рецензируемая книга «Андокид. Речи, или история святотатцев», вышедшая в свет в Санкт-Петербургском издательстве «Алтейя» в серии «Античная библиотека» (раздел «Античная история»), содержит в себе перевод речей известного афинского оратора Андокида – одного из канона 10 выдающихся аттических ораторов. Эти речи были произнесены Андокидом на так называемом «процессе святотатцев или гермокопидов» (разрушителей герм) и посвящены его собственной защите по обвинению в осквернении святынь и разрушении герм.

В небольшой, но весьма информативной вступительной статье проф. Э.Д. Фролова, озаглавленной «Из истории политической борьбы в Афинах в конце V века до н.э. (Андокид и процесс гермокопидов)», читателю предложен обзор основных моментов, касающихся самого процесса (обращает на себя внимание богатое фактами изложение его предыстории), а также кратко рассмотрены все вопросы, имеющие отношение к самому Андокиду. При изложении биографии Андокида учтены все возможные источники ее изучения, что позволяет, с одной стороны, воссоздать картину жизни оратора вплоть до мелочей, однако, с другой стороны, очевидной представляется трудность подлинной реконструкции, так как все имеющиеся материалы о его биографии в силу разных причин не вполне достоверны. Также сомнительной является принадлежность именно Андокиду всех четырех дошедших до нас под его именем речей – этому вопросу посвящен небольшой, но интересный филологический анализ литературного наследия Андокида.

Особое внимание Э.Д. Фролов обращает на ценность речей Андокида: во-первых, этот оратор – современник, очевидец и непосредственный участник процесса святотатцев, а во-вторых, его речи на фоне скудости сведений, сообщаемых другими авторами об этом процессе, едва ли не единственный достоверный источник для изучения этого события, оказавшего большое влияние не только на социально-политическую историю Афин того времени, но и сыгравшего значительную роль в дальнейшем развитии Греции после окончания Пелопоннесской войны. К тому же речи Андокида являются ценнейшим источником по истории Афин в конце V – начале IV в. до н.э., а в некоторых случаях служат важным и существенным дополнением к историческим трудам его современников Фукидида и Ксенофонта, особенно по вопросам внешней и внутренней истории Афин того периода (экономическая ситуация, социальные группы, религиозные таинства и др.). При этом, разумеется, не следует забывать о литературной ценности речей Андокида, оценка которой, впрочем, отнюдь не однозначна. Во вступительной статье Э.Д. Фроловым представлены две основные точки зрения по этому вопросу. С одной стороны, критика уже в античности ораторских способностей и риторической техники Андокида (и это наряду с тем фактом, что позднеэллинистические риторы включили его в канон 10 выдающихся аттических ораторов), а с другой стороны, настоящая апология риторического творчества Андокида у большинства современных исследователей, среди которых надо назвать и автора, подготовившего эту книгу.

Настоящее издание – первое, где публикуется полный перевод на русский язык всех четырех речей, дошедших до нас под именем Андокида: «О мистериях», «О мире с лакедемонянами», «О своем возвращении», «Против Алквиада». Необходимость в подобном издании очевидна: раньше, как замечает автор, переводились лишь небольшие отрывки из речи «О мистериях», которые (без указания переводчика) приводились в ряде пособий и хрестоматий по древней истории.

Что касается самого перевода, то трудность его заключается в том, что Андокид – представитель своеобразного безыскусного, близкого к естественной речи стиля. Квин-

тилиан в X книге «О воспитании оратора» (X. 5. 2), говоря о полезности перевода для риторических упражнений, отмечает, что большую трудность для переводчика представляют именно речи, написанные в простом стиле. Рассматриваемый перевод речей Андокида вполне передает его стиль и манеру ведения речи: с одной стороны, некоторую небрежность в построении речи, отсутствие четкого членения на периоды, очень малое число риторических фигур, а с другой стороны, живость, простоту и естественность изложения, изобилующего разговорными выражениями. Стоит, однако, заметить, что иногда переводчик несколько отстает от оригинала, разбивая, в частности, длинные и неравномерные периоды на несколько предложений (см., например, «О мистериях». § 2, 9).

Ценность настоящего издания состоит еще и в том, что оно снабжено всеми необходимыми и исчерпывающими материалами, касающимися как самого Андокида, так и процесса святотатцев. Это прежде всего помещенные в качестве приложения фрагменты недошедших речей Андокида, сохранившиеся в виде цитат у позднейших греческих писателей; кроме того, автором включены в издание отрывки, не имеющие прямого отношения к речам оратора, но в которых упоминается имя Андокида. Подобные отрывки, более интересные для истории греческого языка, чем для характеристики Андокида как оратора, тем не менее, помогают создать полное представление о литературном наследии Андокида.

Издание содержит подборку всех параллельных свидетельств, имеющих отношение к процессу гермокопидов, а именно сообщения об этом процессе у древних авторов – Фукидида, Псевдо-Лисия, Плутарха (извлечения из их сочинений даны в уже имеющихся переводах; имена переводчиков указаны в примечаниях), а материалы других авторов – Исократ, Диодора, Псевдо-Плутарха, Корнелия Непота – переведены заново для настоящего издания. В числе параллельных свидетельств особо хотелось бы отметить так называемые Аттические стелы – найденные в Афинах при раскопках агоры столбы с высеченными на них надписями. Эти надписи, представляющие собой списки конфискованного и проданного с торгов имущества лиц, осужденных за совершение преступлений против религии в 415–413 гг. до н.э., содержат, несмотря на осязаемый фрагментарный характер, довольно большое количество различных бытовых подробностей, сведения о земельных владениях, домах, мебели, рабах и прочем имуществе, принадлежавшем «святотатцам», в том числе и Алкивиаду – знаменитому полководцу и популярному политику, неожиданно вовлеченному в процесс гермокопидов. Благодаря этому Аттические стелы являются ценным эпиграфическим материалом, позволяющим реконструировать отдельные элементы внутреннего устройства древнегреческого полиса, касающегося, в частности, его хозяйственной жизни. Наиболее полное издание надписей Аттических стел вместе с комментарием осуществлено американскими учеными У.К. Притчеттом и Д.Э. Эмиксом¹. В настоящем издании содержится перевод этих надписей на русский язык, публикуемый впервые. Наличие в книге столь ценного реального эпиграфического материала не только помогает создать читателю полное представление о процессе, но и позволяет почувствовать живое дыхание античности, чем, как кажется, может похвастаться отнюдь не каждая книга, посвященная описанию того или иного исторического события.

В издании имеется словарь специальных терминов, содержащих объяснения более ста понятий. Если принять во внимание ориентацию издания (как отмечено в аннотации) на «всех, интересующихся античной историей и риторикой», то книга действительно нуждается в достаточно подробном словаре и примечаниях. Однако несколько неоправданным кажется включение в словарь наряду с терминами, требующими объяснения даже для специалистов (как-то: «апатурии», «керик» и некоторые другие), таких понятий, как «оракул», «риторика», «демос», «олигархия», «папирус» и др.

Что касается комментариев и пояснений, которыми снабжены как речи Андокида вместе с параллельными свидетельствами, так и вступительная статья, то большинство из них, за исключением комментариев к Аттическим стелам, выполнены автором, при этом с учетом запросов самого требовательного читателя². Комментарии, составленные Э.Д. Фроловым, полностью соответствуют той цели, которую сформулировал автор – «предложить читателю по возможности полную подборку материалов по знаменитому делу святотатцев в

¹ Pritchett W.K., Amyx D.A. The Attic Stelai. Pt. I–III // *Hesperia*. 1953. V. 22. № 4. P. 225–299 (pt. I); 1956. V. 25. № 3. P. 178–328 (pt. II); 1958. V. 27. № 3. P. 163–254; № 4. P. 255–310 (pt. III).

² Вообще, роль комментариев к русским переводам древних текстов становится все более значимой на фоне живого интереса читателей к античности. Учитывая, однако, что для большинства современных читателей античная культура остается все-таки экзотичной, все яснее становится необходимость в выработке нового типа большого комментария, представляющего собой как бы мини-словарь античности.

Афинах в 415 г. до н.э.» (с. 245), а также «... облегчить дальнейшие занятия тем, кто глубже заинтересуется судьбой афинского оратора и его сограждан в самую трагическую для них эпоху на рубеже V–IV вв. до н.э.». Комментарии служат прекрасным подспорьем при чтении и изучении речей: в них даются необходимые пояснения исторических реалий, шире представлен исторический контекст, обращено внимание на риторические приемы и особенности ведения ораторской речи. К достоинствам комментариев необходимо отнести приводимые переводчиком фразы из текста подлинника в спорных случаях, когда он как бы предлагает читателю участвовать в решении сомнительных мест (например, с. 199, прим. 11). При этом в комментариях обязательно есть ссылки на источники и материалы других авторов.

Издание снабжено «Указателем имен и географических названий», научным аппаратом, а также подробной библиографией по основным четырем разделам: «Издание речей Андокида», «Литература об Андокиде и его речах», «Литература о процессах святотатцев в Афинах в 415–413 гг. до н.э.», «Аттические стелы».

В заключение еще раз хотелось бы отметить несомненную историческую и филологическую ценность издания (впервые опубликован полный перевод всех речей, представлены параллельные свидетельства, эпиграфические документы и материалы), безукоризненный как с литературной, так и с риторической точки зрения перевод речей, высокий уровень комментариев и научного аппарата. Нелишним кажется также отметить превосходное качество издания, которым на протяжении вот уже почти пяти лет радует и читателей, и авторов Санкт-Петербургское издательство «Алетейя».

А.А. Качалкин

Ch.J. SMITH. Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000 to 500 B.C. Oxf., 1996, 290 p.

Монография доктора Кристофера Джона Смита посвящена истории Лация и Центральной Италии от конца бронзового века до конца VI в. до н.э. Используя археологический материал, оказавшийся в распоряжении исследователей в последние два–три десятилетия, а также новые теоретические модели его интерпретации, автор стремится представить раннюю историю Рима и Лация в контексте истории Центральной Италии (включая Кампанию и Этрурию) в соответствии с направлением современной историографии, именуемым «региональная история».

Монография К. Смита состоит из двух частей. Первая охватывает период от конца бронзового века до начала VI в. до н.э., вторая – посвящена VI веку. Если для первой части основным источником являются археологические свидетельства, то во второй используются также данные письменной традиции, но только как дополняющие и разъясняющие археологический материал. Наличие литературной исторической традиции, фиксирующей события VI в. (и даже более раннего времени) не является, с точки зрения автора, основанием для отнесения VI века к историческому времени в сравнении с предшествующим доисторическим периодом. Грань между доисторией и историей не может быть установлена без решения проблемы о степени достоверности письменных сообщений о Риме и Лации.

Из всех археологических памятников автор отдает предпочтение погребальным комплексам, поскольку погребальная практика тесно связана с характером и структурой общества, практикующего тот или иной тип погребений. Поэтому первая часть монографии сводится главным образом к детальному рассмотрению погребального материала из основных некрополей, таких, как Тор де Ченчи, Остериа дель Оза, Капель ди Дечима, «Царские» гробницы в Пренесте, погребения в Лавинии. Археологический материал из этих некрополей позволил автору поставить следующие вопросы: каким было микенское влияние на развитие италийских регионов; какова стадияльная принадлежность общества создателей культуры Виллановы; в каком направлении развивались Этрурия, Альбанские холмы, Рим и Лаций в целом; какова степень карфагенского и финикийского влияний на эти процессы.

В исследовательской литературе микенское влияние на развитие различных италийских

регионов считается общепризнанным фактом¹. Это влияние было особенно ощутимым в Южной Италии и на Сицилии, способствуя развитию поселений этого региона в направлении протогородских структур уже в конце II тыс. до н.э., чего нельзя сказать о Центральной Италии и Лации, где влияние культуры поздней бронзы было минимальным². Иная ситуация сложилась в Этрурии, которая стала проводником культурных традиций эпохи поздней бронзы на Лаций и Центральную Италию, но оказалась не готовой к тому, чтобы уже в конце II тыс. до н.э. совершить определенный скачок в социальном развитии, ведущий к формированию протогородской структуры.

В истории Лация начала железного века автор выделяет две проблемы. Одна из них связана с появлением нового обряда погребения: наряду с кремацией стала распространяться ингумация. Традиционно этот факт объяснялся изменением этнической ситуации. Применительно к Риму появление ингумации связывалось с присутствием сабинян. К. Смит обращает внимание на то, что новый обряд погребения стал доминировать не только в Лации, но во всем регионе, включая Кампанию. Значит, изменения в погребальной практике имели не этническую, а социальную природу и были вызваны стремлением обозначить присутствие в некрополе определенной социальной группы.

Другая важная проблема – неравномерность развития поселений в пределах Лация. Наблюдается упадок поселений на Альбанских холмах, а отток населения с этой территории стал фактором роста поселений в других районах Лация и изменений в структуре поселений на Притибрских холмах. Однако автор опасается использовать этот факт как доказательство исторической основы римской легенды об основании Рима выходцами из Альбы Лонги. Уменьшение важности Альбанских холмов соотносится, по справедливому наблюдению автора, с развитием районов, расположенных вдоль речных и сухопутных торговых путей, обходящих малодоступные застройки на холмах. Выбор места поселения обуславливался уже не столько его защищенностью, сколько возможностью контроля над естественными ресурсами. В этом отношении территория будущего Рима выгодно отличалась от Альбанских холмов. В самом Риме к концу IX в. до н.э. отдельные поселения объединились вокруг единого некрополя, и намечился перенос захоронений с Форума и района Палатина к Эсквилину. Этот процесс, по мысли К. Смита, положил начало эволюции Рима в сторону протогородской структуры.

Однако данное утверждение автора выглядит слишком категоричным, так как появление первых могил на Эсквилине еще не означает прекращения погребений на Форуме. По оценкам некоторых исследователей, прекращение погребений на Форуме относится только к 600 г. до н.э. и связано с превращением Форума в центр, вокруг которого группировались поселения на отдельных холмах³.

Материал раскопок в Остериа дель Оза позволяет автору монографии следующим образом представить уровень социального развития Лация в IX в. до н.э.: население делилось по возрасту, полу, общественной роли и по членству в какой-либо группе. Погребальный ритуал фиксирует эти характеристики. В целом же общество остается стабильным и консервативным.

В VIII в. до н.э. экспансия финикийцев и греческая колонизация в западном направлении превратили все Средиземноморье в единую торговую зону. Последствия этого не могли не сказаться на Лации. Непосредственное присутствие финикийцев и греков в этом районе Апеннинского полуострова, по мнению Смита, не зафиксировано, а иноземная экзотика попадала в Лаций из Этрурии. Тем не менее контакты с греко-финикийским миром, хотя и опосредованные, открывали возможности для престижного потребления и стимулировали развитие аристократического общества в Лации. «Царские» гробницы в Пренесте указывают на аристократию, четко отделившую себя от остального общества и установившую связи за пределами общины.

Обширный археологический материал, относящийся к древнейшей истории Лация и Рима, Смит анализирует по трем параметрам: предметы роскоши и их социальная роль, свидетельства об экономическом развитии Лация, данные о развитии латинского общества.

Производство и потребление предметов роскоши, социальная роль которых менялась от эпохи к эпохе, обозначило определенные явления общественной жизни региона от X до конца VII в. до н.э. Часть предметов роскоши представляла собой пиршественную утварь,

¹ Историография этого вопроса изложена в кн.: *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983. С. 78–83.

² К. Смит приходит к выводу об отсутствии надежных свидетельств микенской культуры в Лации (с. 29). Иное решение данного вопроса приводится у *И.Л. Маяк* (Ук. соч. С. 85 сл.).

³ *Ogilvie R.M.* Early Rome and the Etruscans. Atlantic Highlands. Humanities Press, 1976. P. 31.

что свидетельствует, по убеждению автора, о распространении в Лации уже в последние десятилетия VII в. практики, аналогичной греческому симпозию. Социальная значимость симпозиа как средства консолидации определенной социальной группы – аристократии – стала предметом изучения в последнее время⁴. Опираясь на уже сделанные в науке выводы, К. Смит трактует археологические свидетельства о распространении пиров на территории Центральной Италии и Лация как показатель формирования аристократического общества и аристократического этоса. Роскошная жизнь аристократии с конца VII в. основывалась на систематической эксплуатации человеческих ресурсов общества. Prestижное потребление сказалось также и на изменении архитектурного облика поселений: в VII в. каменные дома заменяют хижины, и к VI в. практика каменного строительства стала широко использоваться не только в частных, но и в общественных постройках, что свидетельствует уже о высокой степени организации общественного труда.

Экономическое развитие Лация рассматривается в монографии на фоне установления многочисленных связей по типу «центр – периферия» в рамках Средиземноморья. Современные теоретические модели экономического развития и международной торговли в древности обогащают археологические свидетельства, с которыми работает автор. Экономические процессы, проходившие в Лации до начала VI в., справедливо увязываются Смитом с развитием Центральной Италии в целом, которая, хотя и являлась периферией средиземноморской торговой сети, значительно воздействовала на развитие Лация.

Вторая часть монографии посвящена VI в. до н.э. Здесь автор привлекает археологический материал из трех самостоятельных районов, которые тем не менее образуют культурно-историческое единство: это – Лаций, Этрурия и Рим. Меняется и методика интерпретации археологического материала: свидетельства материальной культуры соединяются с письменными свидетельствами – литературными и документальными. В центре внимания находятся три проблемы: социальная структура Лация и Рима, отношения между Лацием и Римом, религиозная организация Лация.

Эти проблемы имеют длительную историю изучения. Начиная с Г. Нибура, А. Швеглера и Т. Моммзена исследователи пытаются найти историческое зерно в легендах, которыми окутана древнейшая история Рима. Эти легенды обрели законченную литературную форму в «Истории Рима» Тита Ливия. А потому воссоздание истории архаического Рима неизбежно превращалось в критику ливийской традиции, причем, как правило, она основывалась на внутренней критике литературного текста. Археологическое изучение Центральной Италии, Этрурии, Лация и самого Рима предоставило в распоряжение исследователей критерий определения достоверности римской исторической традиции. Легендарная история Рима и Лация подтверждалась и корректировалась одновременно⁵. К. Смит предпринимает еще одну попытку в этом направлении, которая основывается на бережном отношении к литературной традиции и тщательном анализе археологического материала.

Prestижное потребление, которое прослеживается уже по некрополям VIII в., достигает своего апогея в конце VII – начале VI в., но в дальнейшем идет на спад: в течение VI в. богатые погребения становятся редкостью. Тем не менее, по мысли автора, этот факт не дает оснований говорить об экономическом упадке Рима и Лация в VI в. и даже в V в. до н.э., который часто увязывается с постепенным закатом этрусского могущества и последовавшим в конце VI в. изгнанием этрусской династии из Рима⁶. В Риме и в Лации в VI в. наблюдается новое явление – строительство храмов, которое продолжается и в V в. н.э. Этот факт означает для К. Смита, что престижное потребление не сократилось, а лишь изменило форму. Монументальное строительство свидетельствует и о контроле над трудовыми ресурсами общины, что тесно связано с эволюцией ее социальной структуры – с оформлением стабильного слоя аристократии.

Аристократическая природа общества отразилась в таких институтах, как *gens*, *curia* и *sodalitas*. К проблеме *gens* автор обращается в монографии дважды. В первый раз, когда исследует материал из некрополей VIII в. до н.э. «Царские» гробницы в Пренесте, по мнению автора, демонстрируют существование коллектива *gentiles*, который включал несколько разросшихся семей. Но между подобными коллективами и гентильными образованиями, известными по литературной исторической традиции, не прослеживается прямой связи.

⁴ Symptica. A Symposium on the Symposium / Ed. O. Murray. Oxf., 1990.

⁵ Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxf. Univ., 1965; Gjerstad E. Legends and Facts of Early Roman History. Lund, 1962.

⁶ Staveley E.S. Roman Forms of Government // Civilization of the Ancient Mediterranean: Greece and Rome. V. 1 / Ed. M. Grant, R. Kitzinger. N.Y., 1988. P. 497.

Второй раз К. Смит говорит о римских *gentes* применительно к VII–VI вв. до н.э. Римские *gentes* этого времени представляют собой социальные группы, сложившиеся в результате взаимодействия между аристократическими семьями Лация. Именно им принадлежали гробницы и дворцы конца VII–VI вв. Однако между этими обладателями дворцов и *gentes* раннереспубликанского времени, по его мнению, тоже не отмечается преемственность. В конечном счете остается непонятным, что же представлял собой римский род (*gens*): был ли он преемником гентильных групп предшествующего времени или это искусственная конструкция раннереспубликанского времени. Возможность последнего, хотя и не бесспорно, варианта уже отмечалась в научной литературе⁷.

О курии К. Смит говорит, опираясь в основном на работу Р. Палмера⁸, и не добавляет ничего нового к уже известному. Более подробно автор монографии останавливается на проблеме *sodalitates*. Он не предлагает однозначного толкования данного термина и того социального института, который за ним скрывается: это может быть и группа воинов и группа сотрапезников, связанная с практикой симпозиа, широко распространенной в средиземноморских обществах в архаическую эпоху⁹. Действительно, изучение всего комплекса источников, в том числе и юридических, содержащих информацию о *sodales*, позволяет предположить, что термин *sodalitas* применялся к самым разнообразным формам объединения людей¹⁰. Для автора монографии важно то, что *sodalitates* являются аристократическими по своей природе и свидетельствуют об оформлении аристократического слоя в общинах Лация:

Одновременно с оформлением более устойчивого аристократического слоя происходило расширение территории Рима, что сказалось на динамике внутривнутриполитических процессов в самом Риме. Результатом этих процессов стало усиление римской армии, которое неизбежно должно было привести к конфликту с латинами. Урегулирование отношений Рима с общинами Лация вывело эти отношения на правовой уровень. Материальные свидетельства (наличие большого количества оружия в погребениях, остатки укреплений в латинских центрах и в Риме), ярко выраженные военные черты культа Марса, два праздника, связанные с победами армии (триумф и Римские игры) – все это говорит о важности войны в жизни Рима VI в. до н.э. В силу этих обстоятельств К. Смит склонен принять традиционную датировку военной реформы Сервия Туллия, однако цель реформ, с его точки зрения, должна быть пересмотрена. Автор справедливо делает акцент на неразделенности военной реформы и введения нового административного деления Рима и его окрестностей на основе территориальных единиц. Известно, что в 17-ти сервиевых сельских трибах главенствовали *gentes*, которые дали свои имена этим округам. Военное предприятие рода Фабиев, упоминание о котором сохранилось в исторической традиции (Liv. II. 50.11; Dionys. IX. 22; Plut. Camil. 19), позволяет говорить о том, что *gentes* как военные подразделения защищали территорию своей трибы, а значит, и города Рима. Реорганизация территории Рима и его окрестностей, предпринятая Сервием Туллеем, дала возможность теснее привязать сельскую округу к городу и таким образом гарантировать постоянное пополнение римской армии. По всей видимости, цель Сервиевой реформы сводилась не к включению плебеев в военную организацию, а к тому, что теперь каждая триба должна была выставлять определенное количество центурий из членов *gentes* и подвластных им людей – клиентов. Это позволяет ответить на важные для понимания истории архаического Рима вопросы: во-первых, почему складывание военной организации привело к укреплению аристократических *gentes* и объяснить их роль в военной организации и в государстве; во-вторых, чем вызвано быстрое поглощение Римом территории Лация в течение V в. до н.э., изображенное традицией как победоносное шествие римской армии. Автор монографии обращает внимание на то, что аристократия вновь занимаемых районов Лация была связана с римской через браки, институт гостеприимства и обмен подарками, а также через религиозные союзы. В этом случае процессы, характерные для Рима VII–VI вв. до н.э., мало чем отличались от тех, которые хорошо исследованы на материале Греции того же времени¹¹.

Постоянные связи между аристократическими семьями отдельных общин в границах Лация выдвинули для Рима в качестве альтернативы поглощения территории соседей

⁷ *Ranouil P.* – *Ch. Recherches sur le patriciat (509–366)*. P., 1975.

⁸ *Palmer R.E.A.* *The Archaic Community of the Romans*. Cambr., 1970.

⁹ *Rathje A.* *The Adoption of the Homeric Banquet in Central Italy in the Orientalizing Period // Symptotica...* P. 279.

¹⁰ *Кочанюк Л.Л.* *Законы XII Таблиц и проблема *sodales* // Античность Европы*. Пермь, 1992. С. 21.

¹¹ *Murray O.* *Early Greece*. Oxf., 1993. P. 41.

заклучение с ними союзных договоров. Первым случаем подобных отношений является договор Рима с Габиями, который греческий историк Дионисий Галикарнасский (IV. 58) назвал исполитгией. Можно предположить, что уже в это время закладывались основы латинского права. *Ius conubii* и *Ius commercii*, которые регулировали родственные отношения Рима и латинских поселений, создавали единое экономическое пространство в границах Лация. Картина дополняется наличием таких прав, как *Ius migrations* и *Ius exilii*, которые давали возможность жителям латинских общин свободно менять места проживания, не теряя гражданских прав в родной общине и не становясь метеками в другой.

К наблюдениям К. Смита можно добавить, что особенно отчетливо ощущается открытость латинского общества в VII – начале V в. до н.э. в сравнении с ситуацией, возникшей уже во второй половине V в. до н.э. Так, изгнанный из Рима М. Фурий Камилл обосновался у ардеатов и считал их своими новыми согражданами (Liv. V. 44.1). Но, чтобы вернуться в Рим, ему потребовалось получить официальное постановление народа, которое признавало его снова римским гражданином (Liv. V. 46.10).

С аристократической природой латинского общества автор связывает существование религиозных лиг, которые символизировали общинное единство на стадии дополисной организации. Но оформление гражданского самосознания неизбежно должно было привести к конфликтам как внутри лиг, так и между ними.

В рассмотренной монографии К. Смита можно отметить следующие положительные моменты: он критически подходит к оценке микенского влияния на Лаций; по-иному оценивает социально-экономическую ситуацию в Риме в период изгнания этрусской династии, соотносит социальное и политическое развитие Лация с аналогичными для архаической Греции процессами, подчеркивая в то же время своеобразие латинского общества. Правда, остается не ясной позиция автора в таких дискуссионных вопросах раннеримской истории, как *gens* и *curia*. Тем не менее, комплексное использование археологических свидетельств и литературной традиции для воссоздания истории архаического Лация оказалось весьма плодотворным. Лаций предстает перед нами как однородный в социальном, политическом и культурном отношениях регион, который не остался в стороне от радикальных преобразований, проходивших в Средиземноморье в конце бронзового и в начале железного веков.

Монография снабжена обширным библиографическим списком и двумя приложениями. Первое включает в себя публикацию более тридцати эпиграфических памятников конца VII – начала V в. из Рима и Лация с переводом и комментариями. Большая часть этих надписей сохранилась на керамических изделиях или их фрагментах и содержит имена владельцев или посвящения богам. Несколько надписей сделаны на металлических предметах (на бронзовой вазе из Пренесте, на спине железного льва из С. Омобони, на бронзовой таблице из Лавиния с посвящением Диоскурам) или вырезаны на камне (надпись на стеле римского Форума, известная в науке как *Lapis Niger*, надпись из храма Матер Матуты в Сатрике и на пьедестале неизвестного предмета из Тиволи). Во втором приложении собраны археологические и письменные источники об основных поселениях Лация, которые упоминаются в тексте монографии.

О.В. Сидорович

© 1999 г.

Einleitung in die griechische Philologie / Hrsg. von Heinz-Günther Nesselrath¹. В.Г. Teubner. Stuttgart – Leipzig. 1997. XVI. 773 S.

Изданный осенью 1997 г. рецензируемый том вместе с вышедшим за полгода до того сходным по плану «Введением в латинскую филологию»² составляет, по замыслу издателей, две части «Введения в науку о древности» – «Einleitung in die Altertumswissenschaft» (как оно обозначено на контртителе), призванные заменить известный под тем же названием сводный труд под редакцией А. Герке и Эд. Нордена (первое издание вышло в 1910 г., последующие перепечатки отдельных разделов предпринимались в 20–30-х годах). Необходимость в такой замене очевидна: за истекшее с тех пор почти полное столетие накопилось огромное количество нового материала, которое если и не изменило полностью образ

¹ Имена издателя на титульном листе предшествуют фамилии 25 авторов отдельных разделов, которые будут указаны ниже, при обзоре содержания тома.

² Einleitung in die lateinische Philologie / Hrsg. von F. Graf. 1997. X. 726 S.

греко-римской античности, то во всяком случае значительно его обогатило. Расшифровка линейного письма Б, породившая микенологию как самостоятельную отрасль науки о языке; новая стратификация археологических пластов в Трое, произведенная Блегеном и до сих пор уточняемая, раскопки в Лефканди и на афинской агоре; тысячи документов по истории общественных и хозяйственных отношений в эллинизированном Египте; новые тексты Архилоха, Стесихора, Менандра, Каллимаха и новые подходы к вечному гомеровскому вопросу, не говоря уже о сотнях новых томов археологических и эпиграфических отчетов, папирусных находок и каталогов вазовой живописи, – всего этого, чтобы ограничиться только древнегреческим ареалом, более чем достаточно для существенного уточнения взглядов, сложившихся во всех ветвях науки о древности к началу нашего века.

Рецензируемый том строится по следующему плану.

I. История текстов (с. 3–89). 1. Способы их сохранения и передачи в античности; книжное дело (Т. Доранди). 2. Рукописная традиция в средние века и в новое время, палеография (Г. Хунгер). 3. Критика текста (К. Довер). 4. Папирология (Д. Хагедорн). 5. Эпиграфика (Г. Петиль).

II. История греческой филологии (с. 87–132): 1–2. В древности и в Византии (Н. Уилсон). 3. В новое время (Э. Фогт).

III. История греческого языка (с. 135–168). 1. От микенского до классического греческого (К. Штрук). 2. От койне до начала современного греческого (Р. Браунинг).

IV. История греческой литературы (с. 171–362). 1. Греческая литература до 300 до н.э. (Э. Дегани). 2. Эллинизм (Р. Хантер). 3. Время Империи (Х.-Г. Нессельрат). 4. Поздняя античность (Ю. Хаммерштедт). 5. Очерк византийской литературы (А. Камбилис). 6. Греческая метрика (Р. Каннихт).

V. История греческого мира (с. 365–454). 1–2. Время архаики и классики, эллинизм (Г.А. Леман). 3. Время Империи (В. Амелинг). 4. Поздняя античность (Э. Пак).

VI. Греческая религия (с. 457–504) – раздел целиком написан Ф. Графом.

VII. Греческая философия и науки (с. 507–582). 1. Философия (Ф. Риккен). 2. Науки (А. Штюкельбергер).

VIII. Греческое искусство (с. 585–707). 1. Архаика (В. Мартини). 2. Классика (А.Г. Борбейн). 3. Эллинизм (Р. Фляйшер). 4–5. Время Империи, поздняя античность (Д. Виллерс). 6. Нумизматика (Г.А. Кан)³.

К этому надо добавить, что почти каждая глава имеет еще множество подразделов, одно перечисление которых заняло бы значительное место⁴. Ясно, что оценка подобного труда во всех деталях потребовала бы участия специалистов по истории древнего мира и античной философии, лингвистов и искусствоведов, не говоря уже о том, что по объему такая рецензия вышла бы далеко за допустимые пределы. Свою задачу я представляю себе немногим скромнее: выяснить некоторые вопросы методологического и методического порядка, неизбежно возникающие при ознакомлении с подобного рода трудом.

Прежде всего, даже из приведенного выше, по необходимости очень краткого обзора читатель уже заметил, что книга, в сущности, распадается по содержанию на две части: первые четыре раздела несомненно могут быть объединены понятием филологии, к следующим четырем оно применимо только при условии, что ему придается тот смысл, который оно имело в лучшем случае до конца XIX в. Конечно, и сегодня история, философия, искусство древнего мира являются для филолога-эллиниста предметами, в которых он обязан ориентироваться, особенно при комментировании античных авторов. Да и для специалистов в области древней истории, философии и религии сохранившиеся тексты

³ Чтобы не возвращаться к структуре тома, отметим завершающий его обширный именной и предметный указатель (с. 709–773) и два приложения – географические карты и составленную Х. Люкеном синхронную таблицу (*Synopse der griechischen Literatur*), в которой около 200 имен и названий произведений из области литературы, эстетики, философии, истории и т.д. очень наглядно соотносятся во времени с событиями исторической и культурной жизни древнего мира. Последнюю сторону сопоставления можно было бы, впрочем, и усилить за счет имен и памятников из области изобразительного искусства, добавив в качестве нижней полосы таблицы даты жизни Мирона, Фидия, Праксителя, возведения Олимпийских фронтонов, Парфенона и Пергамского алтаря, мозаики Александра и т.д.

⁴ Во всех разделах имеется библиография, причем единой системы в ее расположении нет: она может быть помещена и в начале целого раздела, и в его конце, и при каждой главе или параграфе, и даже посередине его.

служат первостепенным источником⁵. Вместе с тем, те же историки, искусствоведы или филологи едва ли согласятся с тем, что их предметы составляют всего лишь введение в нумизматику. Считали ли себя филологами, скажем, Дж. Грот, создавая в середине прошлого века «Историю Греции», или Гизела Рихтер, работая сто с лишним лет спустя над своими «Портретами греков»?

Указанное противоречие между изначальным замыслом издателей (заменить руководство под редакцией Герке–Нордена) и его воплощением (два тома введения в греческую или латинскую филологию) не сводится, конечно, к противоречию между титулом и контр-титулом. Речь идет о том, что сам термин «филология» давно потерял ту однозначность, которая когда-то позволяла включать в это понятие все знания, которыми теперь пользуются различные, часто между собой соприкасающиеся, но отнюдь не совпадающие друг с другом науки.

Ситуация эта характерна не только для классической, но и для всякой иной филологии, о чем более полувека тому назад говорил в своем неопубликованном курсе «Введение в изучение филологических наук» Г.О. Винокур: «Внутренняя связь между отдельными науками, относимыми к числу филологических, как это очевидно для всякого, с течением времени становится все более слабой... С каждым новым поколением все меньше становится лиц, которые одновременно занимались бы вопросами языка и литературы, все меньшее число лингвистов обнаруживает живой интерес к проблемам литературоведения, все большее число литературоведов утрачивает вкус к фактам языка и умение обращаться с ними»⁶. Если вспомнить, что сам автор этих слов был и замечательным лингвистом, во многом опередившим свое время, и блестящим литературоведом, и превосходным текстологом, и если добавить к его имени несколько имен из числа его сверстников (В.М. Жирмунский, И.М. Тронский) и ныне здравствующих отечественных исследователей, то можно утверждать, что и в наше время еще существуют филологи, но давно распалась на отдельные науки филология.

Участники рецензируемого тома не могут не осознавать давно возникшего противоречия между антиковедением как комплексом дисциплин и филологией как его частью. Об этом говорит во вступлении Х.-Г. Нессельрат (с. V), и Э. Фогт справедливо указывает на то, что применение к греческой филологии современных исследовательских методов, которые ассоциируются с именами М.М. Бахтина, Р. Барта и Ж. Деррида, еще больше ослабит жизненно важные для нее связи с соседними антиковедческими дисциплинами, удерживать которые и без того становится все труднее (с. 132). Однако для решения столь сложного вопроса, как взаимоотношение классической филологии («науки о слове») с древней историей, искусствоведением и другими смежными отраслями науки в древности, явно недостаточно нескольких фраз, хотя бы и сказанных очень к месту. Проблема заслуживала более обстоятельного обсуждения, которое должно было составить содержание специальной вводной главы методологического характера.

В этой же главе следовало бы ответить и на вопрос о тех хронологических рамках, в которых авторы представляют себе настоящее «Введение».

Концом древнегреческой цивилизации надо, во всем признакам, считать VI в. н.э., поскольку крушение Западной Римской империи в 476 г. не имело столь же разрушительных последствий на Востоке. В эллинизированном Египте в VI–VII вв., как это видно из папирусных находок, еще читали Гомера, Еврипида и Менандра. К VI в. относится деятельность последнего неоплатоника Иоанна Филопона и творчество Павла Силентиария, явно завершающее почти полуторатысячелетнюю историю греческой эпиграммы. Если византилисты и называют век Юстиниана уже «ранневизантийским» (каковым он, вероятно, и являлся), то и эллинистам нельзя отказать в праве считать это столетие заключительным для древнегреческой культуры⁷.

Между тем, составители рецензируемого труда поступают не вполне логично: в то время как изложение истории философии доводится до названного выше Иоанна Филопона

⁵ Я не говорю уже о том, что историкам древнего мира полезно знать состояние затрагиваемых ими попутно вопросов из других областей науки. Тогда бы на страницах того же ВДИ нам не предлагали «вспомнить хотя бы знаменитые “три единства”, предписанные Аристотелем театральному представлению» (1998. № 1. С. 133), так как давно доказано, что требование трех единств было выдвинуто эстетикой классицизма и к Аристотелю прямого отношения не имеет.

⁶ Цит. по кн.: *Цейтлин Р.М.* Григорий Осипович Винокур. Изд. МГУ, 1965. С. 76.

⁷ Впрочем, на с. 323 началом «ранневизантийского времени» обозначаются даже 324/330 г., что представляется мне слишком смелым шагом, как и отнесение конца античности к 641 г. (см. с. 104).

(с. 559), о Павле Силентиарии речь заходит только в «Очерке византийской литературы» (с. 325), с чем связана новая проблема.

Мне представляется, что для включения указанного «Очерка» во «Введение» едва ли есть достаточные основания. Само собой разумеется, при изложении истории классической филологии и вопросов рукописной традиции обращение к византийским филологам (см. с. 109–119) является совершенно необходимым. Но имеют ли прямое отношение к введению в античность история самой греческой литературы во время Византийской империи или развитие греческого языка на подступах к новогреческому? Судьба отдельных жанров греческой литературы в византийское время (например, диалога, романа, пародийного эпоса и даже трагедии, как это видно на примере «Христа-Страстотерпца», слепленного из «Прометей» и «Вакханок») не безразлична для специалиста, исследующего влияние античных памятников на культуру последующего времени, но то же самое можно сказать о месте античных мотивов в средневековой и ренессансной литературе, – не посвящать же этой теме целую главу во введении в *Altertumswissenschaft*!

Если включение в настоящий том главы о византийской литературе не нанесло ему существенного вреда (не считая занятого ею места, которое можно было бы употребить на предлагаемое нами вступление), то более серьезные сомнения возникают при определении в нем нижней хронологической границы античности.

Рассуждая здраво, началом всякой ранней цивилизации надо считать время, когда на данной территории появились носители определенного языка, который будет ее обслуживать. При таком подходе исходным пунктом для отсчета древнегреческой цивилизации вполне естественно взять переселение на юг Балканского полуострова говоривших по-гречески ахейцев, т.е. рубеж III и II тысячелетий. Так, собственно, и ставится вопрос в начале раздела V, где упоминается «микено-раннегреческая культурная ступень» (с. 365), но самой микенской эпохе уделяется каких-нибудь полторы страницы; перечисляются единым духом ее главнейшие центры (Микены, Пилос, Афины и т.д.), сообщается о ее падении под натиском «народов моря» (что отнюдь не является единственным признанным объяснением), и тем дело кончается. Ни о том, как была открыта эта самая «культурная ступень», ни об оценке периода, наступившего после гибели микенских дворцов (Dark Age или известная преемственность?)⁸ нет ни слова. Оценить эту сверхлапидарность в состоянии только человек, и без того имеющий свое представление о восьми столетиях греческой истории от вторжения ахейцев до конца микенской эпохи, между тем как «Введение» явно рассчитано на менее осведомленного читателя.

Примерно такая же картина возникает в разделах, посвященных религии и искусству. В первом из них по крайней мере признается образование греческого пантеона в микенское время и содержатся сведения, которые имеют на этот счет в табличках с линейным письмом B (с. 496, 498). С другой стороны, в главе о мифе (с. 477–483), речь идет преимущественно о теоретических вопросах: определением мифа, его функции в обществе, взаимоотношение с религией. Само по себе это очень полезно, однако, отнюдь, не помешали бы несколько абзацев о формировании в микенское время циклов героических мифов, об их прикреплённости к историческим центрам микенского времени, о хронологической соотношенности друг с другом. Троянская война упоминается как бесспорный факт, хотя именно на этом примере можно было показать законы оформления мифа и принципы его циклизации, не говоря уже о том, что без достаточно квалифицированного подхода к мифологическому материалу для античника остается недоступным смысл девяти десятых греческой литературы.

Еще более странным представляется почти полное умолчание о памятниках искусства микенского периода в разделе VIII (одна фраза на с. 587 о преемственности, существующей между субмикенской и раннегеометрической керамикой, и даже илл. 1 общей картины не мнят). За пределами книги по необъяснимой причине остается все изобразительное искусство XVI–XII веков: кносские и тирийские фрески, кубки и ювелирные изделия, словом – огромный пласт художественной культуры, открытие которого в свое время перевернуло все прежние представления о греческой цивилизации.

Вероятно, отказ от сколько-нибудь систематического освещения микенской эпохи возник как раз из-за неопределенности методологической установки, которой руководствовались составители рецензируемого издания. Введение в науку о древности невозможно без специальной главы о Микенах – недаром такая глава присутствует во всех

⁸ Впервые об этом – только в нескольких фразах на с. 587, в разделе VIII.

«Греческих историях», опубликованных в Германии, начиная со 2-го издания одноименной книги Г. Бузольта (1893) и кончая трудом Г. Бенгтсона (3-е изд., 1965), вышедшим в известной серии «Handbuch der Altertumswissenschaft». Что касается «Введения» в греческую филологию в узком смысле слова, то участники рецензируемого издания, по-видимому, сочли, что для него достаточно тех сведений о микенском периоде, которые там содержатся. Такую предпосылку нельзя считать верной, поскольку именно выходы из разрушенных греческих центров эпохи поздней бронзы принесли с собой в Ионию предания о златообильных Микенах и семивратных Фивах, о походах ахейских вождей на Трою и ее окрестности, о конфликтах в домах ахейских царей, — словом, весь тот комплекс многочисленных сказаний, без учета которых немыслимо понимание не только архаического эпоса, хоровой лирики и трагедии V в., несомненно входящих в понятие филологии, но и всей греческой культуры. Отрезав от ее изложения огромный пласт микенской предыстории⁹, составители тома сильно ограничили научный горизонт тех читателей, которым он адресован. И уж во всяком случае надо было достаточно доказательно (если это возможно) обосновать такой отказ в специальном вступлении методологического характера.

Если теперь оставить в стороне сожаления о том, чего нет в рецензируемой книге, и обратиться к тому, что в ней есть, то следует начать с той цели, которую поставили перед собой ее составители: дать изучающим греческую филологию в комплексе со смежными дисциплинами учебное и справочное издание «надежного руководителя и советника в их странствиях по запутанным тропинкам» различных областей науки о древности. Как видно из обзора содержания, задачу эту можно считать выполненной, и при том, на вполне современном научном уровне, поскольку в качестве авторов разделов были привлечены авторитетные специалисты во всех областях знания, использовавшие не только новейшую литературу каждого вопроса¹⁰, но часто и свой собственный опыт практической работы над источниками (см. главы 2–5 в разделе I). Поэтому у читателя, как правило, нет основания сомневаться в достоверности сообщаемых конкретных данных¹¹ (например, таких, как датировка III в.н.э. Трифиодора и Квинта Смирнского). Другое дело, что к этим данным можно было бы кое-что прибавить.

Так, в последнее время неоднократно ставился вопрос о формировании уже в микенское время поэтического наддиалекта, который послужил впоследствии базой как для эпоса, так и для лирики. В разделе III об этом ничего нет, и общность между языком Гомера и других поэтических жанров по-прежнему объясняется влиянием на них эпического образца (с. 148, 151), хотя и следовало упомянуть о новом взгляде на эту проблему, даже если автор раздела с ним не согласен.

В книге неоднократно говорится об использовании мифа различными поэтами¹² и об оценке его философами, но в уже упоминавшейся специальной главе «Миф» полезно было бы дать более обстоятельную характеристику взаимоотношений литературы с мифом и ее памятников как источника наших знаний о нем, а заодно сообщить о его рационалистически-аллегорическом толковании, которое не исчерпывается деятельностью Геродора из Гераклеи (с. 213) и «Гомеровскими аллегориями» (с. 95)¹³, и о систематизации мифов во времена Империи. Сейчас из «Введения» можно узнать о не утратившем своего значения издании псевдо-аполлодоровой «Библиотеки», выполненном в 1782 г. Хр. Г. Хайне (с. 124), но нет ничего ни о самом Аполлодоре, ни о мифографах вообще, к которым достаточно часто приходится обращаться в качестве источника.

⁹ Исключение составляет, естественно, раздел III, с. 136–143, так как история греческого языка без привлечения микенского материала в наше время просто невозможна.

¹⁰ С удовлетворением отметим здесь обращение к работам наших соотечественников, в том числе отсылку к капитальному демокритовскому корпусу С.Я. Лурье и к вышедшей в 1984 г. в немецком переводе книги И.Д. Рожанского «Античная наука» (оригинал – 1980), причем автор соответствующего раздела «Введения» начинает его с определения античной науки, данного русским исследователем.

¹¹ Не слишком ли рано появление письма датируется концом IX в. и постулируется его быстрое распространение (с. 367), и каким образом примирить оценку оборонительного вооружения как «в высшей степени дорогостоящего», которое могли приобрести только «самые зажиточные голплиты» (с. 369), с мнением, высказанным недавно на страницах ВДИ. «Удешевление оружия привело к тому, что каждый общинник среднего достатка мог теперь иметь полное вооружение» (1998. № 1. С. 24)?

¹² Правда, о влиянии на Гесиода тетро-хурритской теогонии можно прочитать только там, где этого меньше всего приходится ожидать, — в параграфе о колонизации (с. 373), а вовсе не в главе о мифе, а об отношении Эсхила к мифу, к сожалению, вообще ничего нет.

¹³ См. ВДИ. 1988. № 3. С. 219–222.

В разделе VII диалектика понимается главным образом как развитое Зеноном, Геракли- том и Платоном (с. 515, 521, 529 сл.) искусство выявления противоречий в суждении и в восприятии действительности, и ничего не говорится о диалектически противоречивом содержании самой действительности, впервые раскрытом в философии Гераклита. Любопытно, что о диалектике в развитии общества в V–IV вв., о взаимопроникновении традиций и новаторства в философии, истории, трагедии и комедии классического периода говорится только в главе VIII в связи с развитием в это время изобразительного искусства.

Как несомненную заслугу авторов следует отметить, что в большинстве случаев им удалось преодолеть те трудности, которые возникают при необходимости уложиться в неизбежно ограниченный объем. (Насколько я могу судить по изложению в наиболее близкой мне области греческой литературы периода классики и эллинизма, в нем не оставлены без внимания ни один факт и ни одно имя, заслуживающие упоминания.) Особенно удачными в этом отношении в первой половине «Введения» представляются мне следующие главы и параграфы: критика текста (I. 3), греческая филология в новое время (II.3); Гомер (IV.1.2.2, где на трех страницах дается характеристика и самих гомеровских поэм, и их исторического фона, и гомеровского вопроса с его предысторией и современным состоянием); Менандр (IV.2.2.3); греческая метрика (IV.6 – с очень наглядными схемами, особенно на с. 355, где показано в сравнении употребление анапестов в речитативе и в лирических строфах). Специалисты в других областях наверняка найдут такие примеры исчерпывающей краткости и в разделах V–VIII.

Не меньшую трудность, чем краткость изложения, представляло собой согласование отдельных разделов. Например, о Солоне и Демосфене пришлось писать в разделах IV и V, о Гесиоде – в IV и VI, о Платоне и Аристотеле – в IV и VII и т.д. Чаще всего авторы соответствующих разделов прибегают в этих случаях к системе перекрестных отсылок, которая позволяет им достигнуть необходимой в такого рода коллективных трудах взаимосвязи. Иногда, впрочем, распределение материала между разделами кажется мне не совсем убедительным. Так, рассмотрение эстетических взглядов Платона и Аристотеля (с. 539 сл.) было бы, на мой взгляд, уместнее в разделе IV, чем в VII, а сведения о сократических школах, имевших в общем отдаленное отношение к литературе, как и сам Сократ, – в разделе VII, нежели в IV.

Непосредственное отношение к структуре книги имеет и принятый в разделе IV принцип изложения истории литературы по жанрам, не всегда себя оправдывающий. Если о творчестве Каллимаха в главе «Эллинизм» говорится в четырех параграфах¹⁴ (2.3: ямбы; 2.4.2: «Гексала»; 2.5.2: «Причины»; 2.6: гимны), при том что вне поля зрения так и остаются его эпиграммы, то для читателя становится достаточно затруднительной задачей составить себе сколько-нибудь цельное представление о художественном облике этого автора, который заслуживал отдельного параграфа не меньше, чем Ликофрон с его загадочной «Александрой»¹⁵.

Поскольку составители рассматривают «Введение» как справочное издание, нет необходимости объяснять, насколько важно было соблюсти в нем единство во всех деталях. В этом отношении, к сожалению, к нему может быть предъявлен целый ряд претензий. Вот некоторые из них.

Как правило, имя каждого впервые вводимого исторического персонажа или ученого нового времени сопровождается датами его жизни. Это распространяется и на наших современников (см. с. 132), но напрасно искать даты жизни Перикла. Примерные даты Каллимаха, Феокрита, Аполлония Родосского читатель найдет если и не в тексте, то хотя бы в синхронной таблице, что же касается Гермесианакта, то так и остается неизвестным, когда он жил, был ли старше Каллимаха или моложе.

О трагедии «Прикованный Прометей» речь идет, естественно, в параграфе, посвященном Эсхилу, причем затрагивается и снова активно обсуждаемый в последнее время вопрос о ее подлинности. Как бы его не решать, ясно, что не знающий об этой полемике читатель будет искать в указателе отсылку к «Прометею» при имени Эсхила – и совершенно напрасно, так как там он не упомянут, а дан отдельно под названием трагедии. Странно выглядит в том же указателе вынесение имени ученого перед его фамилией (например, Roland Barthes после Varrabas-brief). Конечно, пробегаая глазами букву F, читатель найдет отсылку к обоим Френкелям, но при взгляде на August Meineke и Philipp Melancthon, помещенными между Meidias-Maler и Melannipides, читателя, привыкшего к современной лексикографии, невольно

¹⁴ И при этом в библиографии четырежды дается ссылка на одну и ту же книгу Камерона!

¹⁵ Также оказался «расщепленным» на три параграфа Плутарх (IV.3.4.2 и 3.5, а затем VII.1.4.5).

берет оторопь. Добавим, что при отсылке к Иосифу Флавию принята другая система, и он выглядит как *Flavius Josephus*, помещенный между другим *Josephus* и *Jota adscriptum*.

В списке сокращений читатель не найдет расшифровки аббревиатур QUCC и PLLS (см. с. 187, 249).

Оставляет желать лучшего также обращение во «Введении» с именами собственными. Перефразируя Льва Толстого, в области транслитерации каждая страна несчастна по-своему. Правда, немецкий язык не испытывает знакомых нам затруднений с передачей греческой *тэты* и глухого интервокального *s* (*Theseus*), дифтонгов *ei* и *eu*, но уже с дифтонгом *ai* возникают неувязки (ср. *Aischylos*, *Aigina*, но *Ägypten*, *äolisch*), равно как и с передачей конечного *os* (*Archilochos*, но *Plutarch*). Преодолеть эти восходящие к длительной традиции несогласованности не может, конечно, никакое «Введение», но от него по крайней мере можно было бы ожидать, что количество их не будет увеличиваться. Между тем мы находим здесь такие пары, как *Athenaios* (в указателе) и *Athenaeus* (в тексте, с. 192, 255, 278), *Basilius* (указатель и почти повсюду в тексте) и *Basileios* (с. 30), *Menander* и *Epikur* (в тексте) наряду с *Menandros* и *Epikuros* (в синхронной таблице), *Iambus*, *iambisch* (почти везде), но *Jamben* (с. 355) и *jambisch* (с. 299). Особенно не повезло в этом смысле Дионисию Галикарнасскому, имя которого упоминается то как *Dionysios* (с. 219, 279), то как *Dionys* (с. 162, 222, 288)¹⁶ и в довершение всего встречается в обеих формах на одной и той же с. 269! Если составители не могли договориться между собой по этому трудному вопросу, то что делать в таком случае студенту-первокурснику?

В заключение скажем, что рецензируемое «Введение», конечно, принесет немалую пользу и студентам, и преподавателям высшей школы, так как оно отражает современное состояние наук о древности, предлагает достаточно продуманный отбор в библиографии и побуждает тех, кто захочет им воспользоваться, к дальнейшей работе. Но оно могло бы быть значительно лучше, если бы его составители и руководитель авторского коллектива более четко определили методологические критерии, которым они следовали, и были более требовательны к оформлению материала.

В.Н. Ярхо

¹⁶ Такая же горестная участь постигла христианского автора Дионисия из Александрии (ср. с. 292 и 301); написание остальных восьми Дионисиев осталось при своей греческой форме на -ios.

К 70-летию Ирины Сергеевны Свенцицкой

Читатели и авторы «Вестника древней истории», антиковеды из российских городов и весей отмечают юбилей одного из заслуженных деятелей нашего цеха и шлют юбиляру свои поздравления. С чем поздравить человека, отдавшего жизнь, как говаривали наши предки, служению науке?

Для начала, разумеется, с полным академическим *cursus*'ом. Профессор, доктор, автор без малого 150 научных работ, опубликованных в российской и зарубежной периодике, многолетний заведующий кафедрой древней истории в столичном вузе, эксперт по вопросам происхождения христианства, бессменный член бюро Российской Ассоциации антиковедов; как опять же говаривали наши предки – и прочая, и прочая.

Еще с чем? С увлеченной, плодотворной педагогической деятельностью. Результаты ее, как правило, положительные, ученики, в том числе те, кто давно уже защитили свои диссертации, студенты и коллеги неоднократно выражали Ирине Сергеевне свое уважение, привязанность, благодарность.

Но все это тем не менее не самое главное.

Зрелость и масштаб историка *проявляются в способности*, с одной стороны, сохранить реальное знание, накопленное предыдущими поколениями ученых, не предать то, чему они тебя научили, а с другой – слышать императивы обновляющейся культуры и своей движущейся вперед науки. Поколению Ирины Сергеевны дано было услышать эти императивы в 1970-е годы, она вняла им, на них откликнулась и сумела пойти по новым для нее путям. Это и есть главное.

В числе публикаций нашего юбиляра есть обзор советской историографии по проблемам эллинизма (Дармштадт, 1980. На нем. яз.). Основное место в нем занимают труды ученых, принадлежащих к поколению учителей Ирины Сергеевны – С.И. Ковалева, С.Я. Лурье, К.К. Зельина. Можно лишь удивляться цельности их научного мировоззрения и четкой очерченности круга тем, их привлекавших, – классовая борьба, формы личной зависимости, политические и административные структуры, ими детерминированные, аграрные отношения, община. Как переживал все это человек эпохи эллинизма, их не интересовало, сам вопрос казался им лежащим за пределами серьезной науки. Но какое знание своего материала, какое владение документами эпиграфики, какая сдержанность и ответственность в формулировании выводов! Свою науку они передали ученикам, Ирине Сергеевне в том числе. Предмет ее докторской диссертации (1971 г.) – «развитие земельных отношений и форм зависимости непосредственных производителей в сельском хозяйстве»; вывод – «происходит замена одной системы *внеэкономических ограждений* (и принуждения) – другой, более индивидуализированной»; основной источник – надписи.

Но в мире, окружавшем диссертантку, история на глазах переставала быть надличностной силой, которую можно исследовать как объект, и становилась процессом, который каждому приходится ежедневно переживать. Акцент смещался с изучения закономерностей исторического процесса как таковых, в их полноте, чистоте и объективности, к познанию того, как они реально складываются в отношениях и сутолоке повседневной жизни из *переживания человеком истории*, непосредственно ему данной, ее проблем, конфликтов и перспектив. История тем самым становилась неотделимой от культуры как формы и субстанции такого переживания. Опасности складывающегося таким образом культурно-антропологического

Ирине Сергеевны дано было услышать эти императивы в 1970-е годы, она вняла им, на них откликнулась и сумела пойти по новым для нее путям. Это и есть главное.

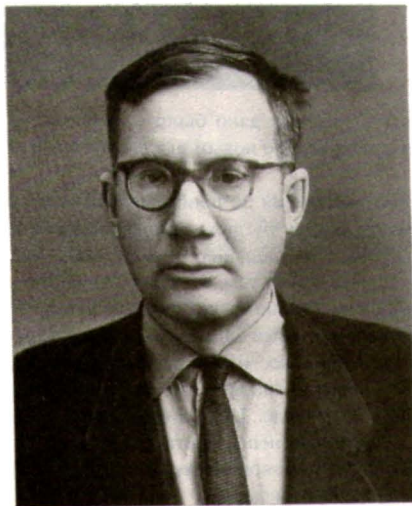
подхода к изучению истории постепенно становились очевидны, но столь же очевидной становилась и его важность. Ирина Сергеевна осознала ее, столкнувшись прежде всего с проблемой так называемых малых групп – фиссов, гетерий, оргеонов в Греции, *collegia tenuiorum* и иных в Риме (см. ВДИ. 1985. № 4). Они отражали социальную стратификацию, но возникали потому и были тем, чем были, не из-за стратификации, а из-за постоянно жившей в античном человеке с родоплеменных и общинных времен потребности ощутить себя членом тесной, малой, обжитой группы «своих» – потребности, без которой остается непонятной античность как тип истории и культуры, от которой ничего не оставалось в огромной бюрократизированной и отчужденной Империи и которая гнала в эти сообщества и содружества сотни тысяч людей от Дакии до Беттики. Дальше на этом же пути возникла статья о возрождении в греческих полисах автономии и былой полисной системы ценностей (Быт и история в античности. М., 1988). Ныне они уже не имели под собой никакой реальной социально-экономической и политической основы, но возникали из той элегической ретроспекции, без учета которой непонятными остаются и деятельность римских кураторов, и сочинения Плутарха, и вся духовная атмосфера полисов этого времени, где вырисовывались первые контуры христианства. Переход отсюда к известным книгам Ирины Сергеевны по раннему христианству был абсолютно естествен. По его проблемам она увлеченно работает и сейчас.

Ирина Сергеевна Свенцицкая принадлежит к цеху историков, которые идут своим путем в рамках общего движения науки. Поздравим же ее.

Г.С. Кнабе

Редсовет, редколлегия и редакция журнала также присоединяются к поздравлениям Ирине Сергеевне Свенцицкой, многоуважаемому автору нашего журнала и члену его Редакционного совета, со славным юбилеем и желают ей здоровья и активного творческого сотрудничества.

К 80-летию Алексея Михайловича Ременникова

10 ноября 1998 г. исполнилось 80 лет со дня рождения и 50 лет научно-педагогической деятельности профессора, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан Алексея Михайловича Ременникова.

Выпускник исторического факультета МГУ, участник Великой Отечественной войны А.М. Ременников в 1946 г. поступил в аспирантуру кафедры истории древнего мира истфака МГУ, где под руководством проф. С.Л. Утченко написал и успешно защитил кандидатскую диссертацию. В 1950 г. он начал работать в Казанском государственном педагогическом институте. Здесь он стал профессором, заведующим кафедрой, известным ученым, крупным специалистом в области древнего мира.

Свою работу в КГПИ (ныне Казанском государственном педагогическом университете) А.М. Ременников начал как вполне сформировавшийся научный работник. Его кандидатская диссертация «Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке» была издана в 1954 г. Институтом истории АН СССР. В последующие годы Алексей Михайлович расширил сферу своих исследований, поставив задачу рассмотреть ход и историческое значение

войн племен Подунавья с Римом в III–IV вв. н.э. Результаты своих исследований он публиковал в «Ученых записках КГПИ», в журнале «Вестник древней истории», других центральных изданиях и за рубежом. Итогом многолетней работы стал большой труд «Историческая роль племен Подунавья в падении Римской империи», защищенный им в качестве докторской диссертации в 1971 г. в ученом совете исторического факультета МГУ.

Продолжая исследования и публикуя новые работы, Алексей Михайлович большое внимание уделял внедрению их результатов в учебный процесс: значительный интерес вызвали два учебных пособия.

написанные им на основе собственных исследований. Одновременно он вел большую учебную нагрузку и не только по истории древнего мира. Своиственные А.М. Ременникову добросовестное отношение к делу и стремление добиваться лучших результатов особенно проявились на посту декана историко-филологического факультета КГПИ и заведующего кафедрой всеобщей истории, которую он возглавлял свыше четверти века. Как видный историк, крупный специалист по истории древнего мира, Алексей Михайлович в течение многих лет входит в Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций исторического факультета Казанского государственного университета.

А.М. Ременников никогда не был научным работником, оторванным от жизни. Прибыв в Казань из Москвы, он глубоко заинтересовался жизнью нашей республики и ее столицы, изучил татарский язык и постоянно в нем совершенствуется. Он включился в работу Комитета при Кабинете министров РТ по реализации Закона РТ о языках народов Республики Татарстан. В любой аудитории его выступлениям присущ яркий и образный язык, они окрашены юмором, содержат мудрые мысли и практические советы.

Родина высоко оценила ратный подвиг, педагогический труд и успехи в развитии науки А.М. Ременникова: он награжден орденом Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги», Орденом почета, Почетной грамотой Татарского обкома КПСС и Совета министров ТАССР, знаком «Отличник высшей школы».

В коллективе факультета и университета ценят прекрасные человеческие качества Алексея Михайловича, его такт, внимание к людям и заботу о них, готовность прийти на помощь. Неутомимый труд, высокие нравственные качества снискали ему симпатии, любовь и уважение преподавателей, сотрудников и студентов. Поздравляя его с 80-летием, все искренне желают ему здоровья и творческого долголетия.

И.Х. Кидыров

Редсовет, редколлегия и редакция «Вестника древней истории» поздравляют своего давнего автора А.М. Ременникова со столь славным юбилеем и присоединяются к пожеланиям его коллег.

© 1999 г.

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С.Л. УТЧЕНКО

(К 90-летию со дня рождения)

2 декабря 1998 г. в отделе античной истории Института всеобщей истории РАН состоялись научные чтения, посвященные 90-летию со дня рождения крупнейшего ученого-антиковеда С.Л. Утченко. В юбилейном заседании приняли участие историки институтов РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и других научных учреждений и вузов.

В своем вступительном слове зав. отделом античной истории Л.П. Маринович говорила о новаторстве и плодотворности идей С.Л. Утченко, к которым постоянно обращаются антиковеды, о важности его исследований для отдела в работе над проблемой «Человек и общество в античном мире». Далее Л.П. Маринович поделилась некоторыми воспоминаниями о Сергее Львовиче, о совместных поездках в Грецию, Египет и Северную Африку, а затем предложила по традиции начать заседание с чтения материалов из архива С.Л. Утченко.

А.И. Павловская сообщила, что не удалось найти большую и интересную рукопись С.Л. Утченко автобиографического характера и потому вниманию слушателей предлагаются два последних небольших фрагмента из его рукописного наследия: «О времени историка (развернутые тезисы)» и тезисного характера набросок «Трагедия истории». В первом из них Сергей Львович пишет: «В отличие от времени – научной абстракции (физическое время) и времени-ощущения (психологическое время) время историка есть время-переживание... Историк всегда не наблюдатель, но участник, и такое участие – деятельный творческий акт... В чем суть этой деятельности, каков ее определяющий и инвариантный показатель? Осознанное или подсознательное (но всегда неизбежное!) проецирование опыта настоящего (т.е. современного историка общественного сознания) на прошлое». Специфика времени историка – «это пафос расстояния (не пространственного, а временного) от события до настоящего времени, до момента *теперь*... историк должен творчески пережить названный выше пафос расстояния от события до *теперь* и таким образом сделать любое рассматриваемое событие *теперешним*, т.е. живым, звучащим, актуальным. В этом и только в этом суть творческого акта, и только в этом – что бы ни говорилось! – задача историка».

Во втором фрагменте «Трагедия истории» С.Л. Утченко предполагал рассмотреть следующие вопросы: история и «точные науки», история и жизнь, история и правда, о биологической константе, об изменении мироощущения, о будущем. Он ставит вопрос: «История наука точная или нет?» И дает такой ответ: «Один из аспектов трагедии истории: невозможность в принципе (!) стать точной наукой (т.е. научить управлять общественными процессами!). Прелесть истории – в ее неисточности!». Далее он ставит вопрос о соотношении понятий «история общества» и «жизнь общества»: «Что богаче – жизнь или история общества? (второй аспект трагедии истории!)». Рассматривая следующий вопрос: «Писали ли когда-либо историки правду?.. Может ли историк писать правду?», он пишет: «Дихотомичность нашего восприятия действительности. Альтернативность и свобода выбора. Миф как объект исследования. Мифопорождающие ситуации. Третий аспект трагедии истории!». Далее он предполагал обсудить проблему биологической константы в соотношении с социальными-экономическим развитием (характерна его фраза: «Подлец во всех формациях остается подлецом!»), вопрос о понятии «мироощущение эпохи» («три кризиса мироощущения» – геоцентрическое, гелиоцентрическое и метагалактическое воззрения). В разделе «О будущем» лишь намечены вопросы, о которых он намеревался писать – атом, демографический взрыв, Восток и Запад, о проблеме гуманизма, отчуждения, интеллектуализма.

После чтения материалов из архива С.Л. Утченко перешли к слушанию и обсуждению научных докладов.

А.И. Павловская (Москва) выступила с докладом «“От гражданина к подданному” – имел ли место этот процесс в классической Греции?» Напомнив о предложенной С.Л. Утченко в его последней монографии краткой формуле для описания пути античного мира – от полиса к империи, от гражданина к подданному, она поставила вопрос: применима ли эта формула к истории греческих полисов периода кризиса полисной системы и столкновения с Македонской державой? Докладчик показала, что понятие «подданные», т.е. подвластные как в политическом, так и в экономическом плане возникло ранее и в греческом мире

(*δημόσιος*), и в республиканском Риме (*dediticii*), но эти понятия были связаны с межгосударственными отношениями. Внутри своего полиса человек сохранял свой гражданский статус. Как показали многочисленные исследования, имущественное расслоение влекло за собой (и в греческих полисах, и в римской *civitas*) ослабление связей гражданина с полисом, но в Греции это было характерно лишь для полярных слоев общества – наиболее зажиточных и самых бедных. В Риме ситуация была иной: разложение гражданского коллектива римской *civitas* в значительной мере было обусловлено превращением Рима в средиземноморскую державу. Однако вплоть до начала кризиса III в. Е.М. Штаерман отмечает сохранение элементов гражданственности в среде муниципальной знати.

Устойчивость полисной структуры при любой форме политической власти обусловлена тем, что полис был основной социально-политической организацией, которая стояла между гражданином и внешними силами, оберегая и защищая его и в период независимости, политической самостоятельности полисов, и в период включения в состав той или иной державы – Македонии, эллинистических царств, Римской империи. Едва ли, замечает докладчик, там, где существовали полисы (и пока они существовали, в том числе и в форме муниципия) можно проследить завершённый переход от «связей соучастия» к «связям подчинения», так как гражданин прежде всего продолжал участвовать с теми или иными ограничениями в экономической и социально-политической жизни своего полиса и лишь как член гражданского коллектива подчинялся вышестоящей государственной власти. Следовательно, заключает докладчик, рассматривая взаимоотношения гражданина и государства с таких позиций, можно говорить о «связях соподчинения», т.е. не прямого, а опосредованного полисными институтами подчинения государственной власти.

С докладом «Фукидид, Пелопоннесская война и Олимпийские игры» выступил *В.И. Кузичин* (Москва). Он сказал, что Фукидид создал впечатляющую картину Пелопоннесской войны как одного из самых жестоких, драматических событий греческой истории, подрывающих основы существования культуры и самой жизни эллинов. Эта концепция стала общепризнанной и господствует до сих пор в мировой историографии. Фукидид, используя свой блестящий талант профессионального историка и мастерство цезаурядного художника трагедийного жанра, создал художественные образы и композиции огромной эмоциональной силы. При этом он как бы отводит на второй план реальные события и ситуации, в которых проявлялся механизм сдерживания, мирные инициативы, развивающиеся под влиянием бедствий войны. Таким сдерживающим началом был древний институт священного перемирия – *экехейрия* – на время проведения общегреческих празднеств – Пифийских, Немейских, Истмийских и особенно Олимпийских игр. Перерыв военных действий на месяц остужал воинственность, внедрял в сознание враждующих идеи эллинского единства и мирного сосуществования полисов с разным политическим строем и этническим составом населения. Фукидид упоминает эти празднества и выражает уважение к институту перемирия, однако он не акцентирует внимания на этих вопросах. И это не случайно. По мнению докладчика, подчеркивает резкая антивоенная концепция Фукидида была бы ослаблена введением в структуру повествования иных концептуальных подходов.

С докладом «Сципионова легенда. Опыт исторической реконструкции» выступила *Т.А. Бобровникова* (Москва). Она отметила, что так называемая «Сципионова легенда» – это целый комплекс представлений, сложившихся вокруг Сципиона Старшего. В XX в. эта легенда привлекла особое внимание ученых. Вкратце она сводится к следующему: 1. Сципион был сыном бога; 2. Он постоянно общался с богами; 3. После смерти он и сам стал богом. Автор доклада пытается звено за звеном восстановить все элементы этой легенды и приходит к выводу, что легенда почти целиком сложилась при жизни Сципиона и в ближайшие несколько лет после его смерти. Она является феноменом духовной жизни III–II вв. до н.э., так как никаких аналогий ей в истории римской республики не имеется. Причины этого явления видятся докладчице в переломном характере эпохи (III–II вв.), полной религиозных поисков и метаний, а также в личности самого Сципиона, который воспринимался современниками как посредник между богами и людьми.

И.С. Свенцицкая (Москва) сделала доклад «Веспасиан – спаситель человечества». Докладчица обращает внимание на то, что культ императора, не только умершего и официально причисленного к богам, но и правящего (прежде всего в восточных провинциях) оформлялся постепенно в течение всего первого века. Первые восторженные надписи в честь Августа были поставлены городами Малой Азии, особенно пострадавшей в течение Митридатовых и гражданских войн. Установление мира было для них величайшим благом, и неудивительно, что в дошедших до нас надписях Август именуется как спаситель космоса (Миры Ликийские), спаситель рода человеческого (Галикарнасс), а его рождение провозглашается началом благих вестей (евангелий – Приена – SEG IV. 490; Апамея – SEG V. 815). Вряд ли эти надписи были инспирированы сверху: это было выражением веры в харизматического лидера, действительно спасшего империю от ужасов гражданских войн. Однако затем «экуменистический» пафос и искренняя восторженность сменяется достаточно стереотипными, хотя и пышными формулами титулатуры императоров, все чаще называвшихся богами. Набор эпитетов стал устойчивым ко времени Адриана, а воздаяние императорам божественных почестей становится обязательным выражением лояльности. Полисные религиозные традиции сохранялись посредством объединения культа императора с культом собственных богов-покровителей (в Эфесе – с Артемидой, в Пергаме – с Асклепием). Почитание императора было общей установкой власти, но выбор конкретной титулатуры вряд ли регулировался сверху. Поэтому в I в. встречается и отклонение от распро-

страпанных в то время формул. На одной из таких надписей – постановлении в честь Веспасиана из Идимы – и останавливается автор доклада.

Надпись интересна во многих отношениях. Городок Идима в Карию – ничем не примечательное небольшое поселение, не имеющее даже статуса полиса, а всего лишь «союз идимейцев». Идима входила в родосскую Перею; она упоминается в надписи Родоса эллинистического времени в честь стратега, вернувшего земли идимейские, писийские и килландийские. Формула чествования не стереотипна: наряду с эпитетом эвергет, который встречается в надписях того же региона в честь представителей династии Флавиус (в частности, посвящения Домициану и Домицию), Веспасиан назван спасителем всех людей без какого-либо указания на связь с благодеяниями, оказанными самой Идиме. Обращает на себя внимание несоответствие своего рода «захолустности» поселения, воздающего почести, и экуменистическое восприятие правителя. Веспасиан, вероятно, вообще не знал о существовании союза идимейцев, да и краткость постановления указывает на то, что особых благодеяний для них совершено не было. Возможно, поводом для этого почетного декрета послужило окончание гражданских войн, во время которых города восточных провинций страдали от денежных поборов. Не исключено, что среди них были и жители Идимы. Но, как пишет Тацит в «Истории» (II, 84), ситуация не изменилась и после установления мира, так что вряд ли Веспасиан мог – в отличие от Августа – именоваться «спасителем всех людей». По мнению докладчицы, фразеология этой надписи связана с тем, что маленькая Идима начинает ощущать свою включенность в огромную империю, стремится осознать себя частью всего человечества. Можно предположить, что именно для небольших поселений, не имевших древних полисных традиций, связь с «большим» миром становилась все более важной, она как бы компенсировала их незначительность, особенно в условиях формальной или фактической зависимости от крупных полисов (Родос для Идимы, Стратоникея для Панамары). Веспасиан, таким образом, стал символом этой включенности, и чествование его позволяло говорить идимейцам как бы от имени всего человечества, чувствовать себя полноценной и самостоятельной частью огромной державы.

Докладчица обращает внимание и на другой интересный момент – употребление в надписи слова «евхаристия» – благодарение. Это существовавшее достаточно редко встречается в надписях и обычно обращено к божествам. В данном случае это указывает на стремление придать особую торжественность постановлению, а также, возможно, здесь содержится скрытый намек на божественность Веспасиана. Употребление этого слова, как и возрожденный «экуменистический» титул, свидетельствует о том, что надпись была следствием инициативы самих идимейцев (а не была инспирирована сверху), которые надеялись на передышку в поборам и стремились громко заявить о себе властям и соседям, используя достаточно необычное для того времени словоупотребление, означавшее, что Идима осознает свою связь с императором и «всеми людьми», т.е. всеми его подданными.

Докладчица также отметила, что слово «евхаристия» (как и «евангелия» в надписях в честь Августа) стало одним из важнейших понятий первых христиан. Наличие этого слова в рассматриваемой надписи свидетельствует о том, что оно входило в культурные представления населения Малой Азии. Христиане использовали его (как и слово «евангелие»), полностью изменив значение, противопоставив свою «евхаристию» язычеству. Таким образом, заключает докладчица, маленькая надпись маленького малоазийского городка может раскрыть изменения в социальной психологии части жителей огромной империи и повлиять в какой-то мере на наше понимание процессов, происходивших внутри нее.

Доклад Ю.К. Колосовой (Москва) «"Варвары" в понятии римских историков времени ранней Империи» посвящен понятию «варвар» в историографии ранней Империи. Автор останавливается на политических, а также на философских идеях греческого общества, заимствованных римлянами в эллинистический период. Возникший в это время термин «ойкумена», как обитаемый мир, означал общество людей, живущих в цивилизованном мире, на краю которого обитают варвары. С крушением эллинистических государств понятие ойкумены утратило свое прежнее значение. Теперь ойкумена означала господство Рима над всем кругом земель, над всем orbis terrarum. Для греков в понятии «варвар» главной была особенность языка, а не свойства и культурные привычки самих варваров. У римлян в понятие «варвар» входили черты прагматического свойства, поскольку римский мир знакомился с миром варваров главным образом в результате военных действий. Поэтому варвары предстают как люди грубые, нецивилизованные, необразованные, их отличает тупость и жестокость. Они коварны, хитры, корыстолюбивы, обладают душами диких зверей, а телами большими, чем человеческие, они унижаются в несчастях и превозносятся в счастье. В описании варваров преобладают скорее свойства физического и нравственного характера, но по мере знакомства с римским миром у варваров появляется больше культурных черт. Продвижение Pax Romana на варварские земли способствовало ознакомлению мира варваров с римскими государственными и правовыми институтами, что нашло отражение в политическом и культурном сотрудничестве римлян с миром варваров. Главной целью этого сотрудничества, замечает докладчик, являлась защита рубежей Империи от варваров. При этом римской император выступает всегда как властелин всего мира – и римских земель, и земель варваров. По мере социально-экономического и культурного развития в варварском обществе происходят перемены этнического и социально-правового характера. Как свидетельствуют источники, в последний период существования Империи договоры заключались с варварами на основании их собственного племенного права

и по желанию самого племени. При этом варвары выступают хозяевами своих земель. В римской литературе начала IV в. появляется выражение *Barbaricum (solum)*, т.е. «Страна (земля) варваров», подобно *Romanum solum* («Страна римлян»). Докладчик подчеркивает, что это отражает возникновение в римском обществе новой политической мысли: весь обитаемый мир (*orbis terrarum*) теперь окончательно признан разделенным на два мира – мир варваров и мир римлян, мир чужой и мир свой. Этот чужой мир был представлен отныне странами, землями и народами, находящимися вне пределов Империи, и он определялся в источниках как *Suebia, Alamannia, Germania, Sarmatia, Gothia*. И варварские племена, населявшие эти земли, названные совокупно как *Barbaricum*, противопоставят Риму.

С докладом «Пушкинский перевод первого стиха десятой сатиры Ювенала» выступил Г.С. Кнабе (Москва). В центре доклада – перевод А.С. Пушкиным в августе 1836 г. десятой сатиры Ювенала «О тщете земных вожделений, алчности и славолюбия». По просьбе князя П.Б. Козловского поэт взялся за перевод одного из самых любимых стихотворений князя. Однако переведенными оказались только стихи 1–14 и 188–193. Для понимания роли и характера античного наследия в творчестве А.С. Пушкина, сказал докладчик, особый интерес представляет начальный стих первого из переведенных мест: «От западных морей до самых врат восточных». Слова «врат» в латинском подлиннике нет (*Omnibus in terris qui sunt a Gadibus usque // Auregem et Gangem*). Эта деталь внесена Пушкиным. Но внесена она не случайно. Есть множество свидетельств того, что римляне видели свою Империю как свою ойкумену, как освоенное цивилизацией полисное, «устроенное» пространство, открытое во внешний, незнакомый и варварский мир лишь в некоторых точках-проходах-заставах, запирающихся воротами – *claustra*. Докладчик замечает, что в Оксфордском словаре, этом мини-гезаурусе латинского языка, содержатся 10 текстов, где слово *claustra* употреблено именно в таком значении. Примечательно географическое распределение мест, к которым применялось обозначение «врат», открывающих Империю во внешний мир: в двух случаях оно относится к Риму и Италии, в трех – к Греции и в пяти – к восточным рубежам Империи – Африке, Египту и Кавказу. Докладчик отмечает, что словопотребление Пушкин опирается здесь не на лексику переводимого текста, а апеллирует поверх него к культурно-историческому сознанию, где как бы размыкаются, *patent*, преимущественно на Востоке, пределы Империи. Важно и другое обстоятельство: это представление зафиксировано в текстах, Пушкину, судя по всему, не известных – в «Истории» Тацита (I. 6; II. 82), у Лукана (VIII. 222; X. 509), у Силия Италика (V. 44). Силия Пушкин не знал, Лукан упомянут во всем корпусе его сочинений только один раз и то ошибочно, ссылки на Тацита касаются первых книг «Истории», которые Пушкин почти определенно не читал. Таким образом, подчеркивает докладчик, перед нами апелляция к особенностям римского культурно-исторического сознания не только поверх переводимого источника, но и поверх достоверно доступной поэту исторической информации в целом.

Отмеченная особенность знания Пушкиным античности – в первую очередь и почти исключительно римской – была и свое время названа академиком М.П. Алексеевым «пушкинским чувством древности». Она проявляется в творчестве Пушкина в двух формах. Первая состоит в том, что антично-римские реалии, ситуации и образы живут у Пушкина на грани ясной памяти и смутного припоминания, уходя в образно-эмоциональные глубины подсознания. Подтверждением и иллюстрацией может служить работа поэта над отрывком из «Путешествия Онегина» «Воображенью край священный...». Вторая форма пушкинского «чувства древности» связана с поразительной способностью проникать в глубину исторической ситуации через детали, сами по себе подчас переданные ошибочно, сохраненные в памяти неточно, но пробуждающие безошибочную образно-историческую интуицию – образы, ею созданные, получают подтверждения в сфере академической науки, выводы которой в данных пунктах Пушкину известны не были. Примеры: черновой набросок к 6-й главе «Евгения Онегина» «И Кесарь слезы проливал...» или строки «И заповеданной ограда, касаясь жгучим колесом» в переводе оды Горация I. 1. Перевод Пушкиным первой строки X сатиры Ювенала, заключает Г.С. Кнабе, еще одно подтверждение сказанного.

В.М. Смирин (Москва) прочитал доклад «Свобода раба и рабство свободного». Докладчик остановился на нескольких аспектах вопроса о связи понятий «свободы» и «рабства» с общей системой нравственных ценностей и социальной жизни римской гражданской общины, доказывая, что полностью противоположные статусы «свободного» и «раба» в римском обществе сплошь и рядом не могли быть установлены с достаточной достоверностью (распространенность судебных процессов о статусе – *causa liberalis*), а рабы, при всей приниженности их положения, были интегрированной частью социального организма. Через посредство личности господина (во власти которого раб состоял и который мог сделать раба гражданином путем *манумиссии* с соблюдением всех формальностей) раб оказывался опосредованно связан с гражданской общиной, становясь латентным гражданином.

В обсуждении докладов приняли участие В.А. Головина, Ю.К. Колосовская, А.И. Павловская, С.Ю. Сапрыкин, М.К. Трофимова, И.С. Свенцицкая, Л.П. Маринович и др.

Закрывая научные чтения памяти С.Л. Утченко, Л.П. Маринович отметила высокий уровень сделанных докладов и поблагодарила всех выступавших, а также участников чтений.

Л.Л. Селиванова

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС RCRF ПО ИЗУЧЕНИЮ РИМСКОЙ КЕРАМИКИ

Эфес-Пергам (Турция), 27 сентября – 4 октября 1998 г.

С 27 сентября по 4 октября 1998 г. в Турции проходил XXI Международный конгресс RCRF по изучению римской керамики, организованной совместно Австрийским археологическим и Германским археологическим институтами. Работа конгресса проходила в г. Сельчук (Эфес), одно из заседаний было проведено в Пергаме на базе Германского археологического института.

Организация RCRF (Rei Cretariae Romanae Fautores) была создана в 1957 г. и ставит перед собой основную задачу – изучение всех видов керамики римского времени. В настоящее время RCRF является основной структурой, координирующей деятельность всех специалистов в области изучения римской керамики. Конгрессы собираются один раз в два года (предыдущий проходил в Йорке (Великобритания), следующий будет проведен в Лионе (Франция)¹. RCRF выпускает свои Акта, куда в первую очередь входят доклады, прочитанные на конгрессах, а также большую серию «Приложений», в которых издаются монографические работы членов организации. Кроме того, выпускается ежегодник RCRF *Communications*, который посвящен в первую очередь новейшей библиографии римской керамики по разным странам².

В ВДИ уже публиковалась краткая информация о симпозиумах по изучению эллинистической керамики, которые проводятся на территории материковой или островной Греции³. Два эти конгресса – по эллинистической и римской керамике – тесно связаны между собой общей тематикой и дополняют друг друга.

Как и на большинстве других конгрессов, где число участников переваливает за 150 человек, часть докладов была представлена в виде устных сообщений, а часть – в виде стендовых докладов (постеров). В кратком сообщении нет необходимости перечислять все доклады и постеры, представленные на конгрессе, поэтому я сознательно ограничиваю свой обзор лишь кратким показом основных направлений работы конгресса. Центральной темой нынешней встречи стала восточная сигиллата – центры производства, хронология, распространение и т.п.

Одной из важнейших тем на конгрессе была проблема производства керамики на востоке Римской империи. Большинство докладов было посвящено исследованию недавно открытых групп керамики. Так, обширный доклад Ж. Поблома (Бельгия) был посвящен краснолаковой керамике из Сагалассоса. Этот центр производства был выделен недавно группой бельгийских исследователей⁴. Л. Зороглу (Турция) рассказал о последних исследованиях керамической мастерской II–IV вв. н.э. в Астре, где были обнаружены фрагменты тарелок и крупных горшков, изготовленных в печах этой мастерской; часть формы с оттиском пальметты, а также штампы для клейма в виде розетты. У. Маидел (Германия) посвятила свое выступление киндским ойнофорам, широко распространенным во всем Восточном Средиземноморье, а также в Причерноморье, особо обратив внимание на то, что в настоящее время существуют серьезные основания датировать начало керамического производства рельефной керамики на Книде не второй половиной II–III вв. н.э., как считалось ранее, а более ранним временем. Вопросам керамического производства в Пергаме и распространению пергамской продукции на западе Малой Азии в позднеэллинистическое и римское время был посвящен пространственный доклад В. Радта (Германия) и Г. Де Лука (Италия). К сожалению, не был прочитан указанный

¹ Работу предыдущих конгрессов ранее возможно было проследить по кратким обзорным публикациям в журнале «Археология» (София); см., например: Димитрова-Милчева А. XVI Международный конгресс по римской керамике // Археология. 1989. 2. С. 66–67 (единственный конгресс RCRF, где присутствовали четыре представителя от СССР из Ленинграда и Симферополя); Кабакчиева Г. XVII Международный конгресс по римской керамике // Археология. 1990. 3. С. 66 и т.д.

² Отмечу, что библиография российских публикаций римской керамики за последние годы, подготовленная Г. Кабакчевой, включает в себя лишь... одну (!) опубликованную в 1997 г. статью (RCRF *Communications*. 1998. 40. P. 29), что делает необходимым широкое распространение информации о исследованиях римской керамики на территории юга России и Украины. Ср., например: Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения (краткий обзор отечественной литературы) // Эллинистическая и римская керамика Северного Причерноморья. I. Тр. ГИМ. Вып. 102. М., 1998. С. 31–51.

³ Журавлев Д.В. V Международный симпозиум по эллинистической керамике. Ханья (о. Крит, Греция), 6–13 апреля 1997 г. // ВДИ. 1997. № 4. С. 214 сл.

⁴ См. *Poblom J. Sagalassos Red Slip Ware. Typology and Chronology. Vrepols, 1998*. Распространенная на конгрессе библиография исследования этой группы керамики уже сегодня насчитывает более сорока наименований.

в программе докладов *О. Бунзгру* (Германия) и *С. Эрдемгил* (Турция) о мастерских по производству пергамской сигиллаты, недавно раскрытых турецкими археологами в ходе охранных исследований в долине Кетиос.

Большая серия докладов была посвящена изучению керамики из Эфеса. Основным в этой группе стал обзорный доклад *В. Митсопулос-Леон* (Австрия), посвященный основным проблемам исследования эллинистической и римской керамики в Эфесе. Из остальных докладов хочется выделить постер, подготовленный *С. Забелитски-Шеффенеггер* (Австрия) и *Г. Шнайдером* (Германия), посвященный выделению на основании новейших естественнонаучных методов эфесской группы аппликативной керамики, еще недавно считавшейся исключительно пергамской. В ряде докладов рассматривались отдельные находки амфор и столовой посуды из керамических комплексов Эфеса (*Р. Мерич*, *С. Ландитаттер*, *Т.Б. Беззский* и др.).

К.В. Слейн (США) на примере материалов из Коринфа рассмотрела основные группы привозной краснолаковой керамики 40-х годов I в. до н.э. – конца VII в. н.э. Присутствие значительного количества понтийской сигиллаты в Коринфе автор выступления объясняет важностью последнего как транзитного пункта на пути из Черного моря в Западное Средиземноморье. *Г. Хюбнер* (Германия) рассмотрела влияние иконографии пергамских сосудов с аппликативными рельефами на арретинские чаши августовского времени. Ряд исследователей посвятили свои доклады различным группам эллинистической и римской керамики и их распространению: рельефной керамике – *С. Кюнцел* (Германия), «мегарским» чашам – *Дж. Филко* (США), так называемой «серой» керамике и ее возможной связи с металлическими прототипами – *В. Андерсон-Столянович* (США). В небольшом докладе *С. Шмидт* (Швейцария) показал материалы керамических комплексов из Эретрии (о-в Евбея), которые он связывает с событиями 87/86 г. до н.э., когда во время I Митридатовой войны многие греческие города примкнули к понтийскому правителю, а потом, подобно Афинам, могли быть разрушены Суллой⁵.

Авторы нескольких докладов обратились к изучению распространения различных видов керамики в Дакии (*Д. Исак*), Фракии (*Г. Кабакчиева*, *Г. Кузманов*, *А. Милчева*), Верхней Мезии (*Т. Сметичанин* и др.). *А. Матей* (Румыния) показал материалы из открытой в Дакии печи для обжига керамики, а *М. Негру* (Румыния) сделал доклад «Введение в изучение местной гончарной керамики из римской Дакии». Три доклада были посвящены Северному Причерноморью. *Д.В. Журавлев* (Россия) рассказал о краснолаковой керамике из Юго-Западного Крыма, особо выделив доминирующую роль понтийской сигиллаты в этом регионе. Автор доклада отметил также неоднородность понтийской сигиллаты и возможность выделения внутри нее больших групп, которые уже в ближайшем будущем могут получить литерные или цифровые обозначения. Тем же автором был представлен постер «Тета sigillata и краснолаковая керамика из Пантикапея. I–III вв. н.э.» с кратким обзором основных групп находок в столице Боспорского царства. *К. Домжалски* (Польша) посвятил свой постер позднееримской керамике IV–VII вв. н.э. с территории Боспорского царства, как привозной (из Северной Африки, Фокеи, с Кипра и т.п.), так и местной. Особое место уделялось выделенной автором местной группе керамики IV–V вв. н.э., которая получила название Pontic Red Slip Ware. Косвенно понтийский регион затронула *Х. Добржанска* (Польша), обобщившая в своем постере находки различных видов восточной тета sigillata с территории Польши, которые, как она полагает, могли попасть в бассейн Вислы с территории Причерноморья.

Ряд докладов (*Н. Туна* и др.) был посвящен кухонной посуде. Распространение в Словении кухонной керамики из мастерских Эгеиды стало темой сообщения *Я. Иштенич* (Словения). Исследования кухонной керамики особенно важны для отечественных специалистов, учитывая, что у нас этой категории материала посвящено не так много современных исследований⁶. В частности, мне было очень интересно узнать, что широко распространенные в Причерноморье горшки, кубки и кастрюли второй половины I–II вв. н.э., часто со слабоканнелированным туловом, которые традиционно считались местными изделиями, были изготовлены в мастерских Фокеи⁷, что подтверждается большой серией анализов глины. Проблема импорта кухонной керамики, таким образом, также заслуживает самого серьезного внимания.

Много внимания на конгрессе было уделено амфорам. Родосским амфорам и их распространению в Средиземноморье посвятил свой доклад *Дж. Финкельштейн* (Израиль), а клеймам на этих амфорах – *М. Паласчик* (Швейцария). Постер *А. Мартина* (Италия) был посвящен амфорам из Олимпии; сообщение *А. Опайта* (Канада) – амфорам раннеримского времени из Туниса. В ряде докладов освещались проблемы амфор позднееримского времени. Так, например, *С. Деместича* (Греция) рассказала о печи для производства амфор, недавно открытой в Пафосе (Кипр).

⁵ Материалам из комплексов афинской агоры, датированных временем разрушения Афин войсками Суллы, был посвящен доклад *С. Ротроф* на симпозиуме по эллинистической керамике в г. Ханья (о-ва Крит) в 1997 г. Текст доклада будет опубликован в материалах конференции.

⁶ Из недавно вышедших работ можно указать только раздел в монографии: *Крипичина В.В. Оливия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 101–104.*

⁷ См., например: *Hübner G. Zur Küchen- und Grobkeramik aus Patras // RCRF Acta. 1997. 35. S. 89–95; Gassner V. Das Südost der Tetragonos-Agora. Keramik und Kleinfunde. Mit Beiträgen von A. Hansel, D. Jäger-Wersönig, S. Jilek, H. Liko, P. Lindenbauer, K. Wölfl // Forsch. in Ephesos. XIII/1,1. Wien, 1987. S. 173–181.*

С. Бендер (Германия) посвятил свой доклад рассмотрению малоазийских глиняных патер (или ковшей) с рельефными ручками, прообразом которых выступали металлические оригиналы. Замечу, что эта тема сейчас находится в центре внимания многих специалистов⁸.

Важным направлением в современных исследованиях древней керамики является археометрия. Главным докладом в этой секции стало выступление Г. Шнайдера (Германия), который, кратко остановившись на основных методах, применяемых при исследовании античной керамики, посвятил свой доклад слабоизученной до настоящего времени керамике восточного производства. В настоящее время лабораторией автора доклада сделано более 700 анализов, иллюстрирующих картину распространения различных групп восточной сигиллаты (А, В, С, D, понтийской и т.п.), а также позднеримской краснолаковой керамики в Средиземноморье и Причерноморье. Положение, к сожалению, осложнено тем, что для восточной части Римской империи мы не имеем анализ керамики непосредственно из мастерских и вынуждены констатировать идентичность центра производства, если фрагменты принадлежат к одной гомогенной химической группе. Несмотря на это данные исследования чрезвычайно информативны и важны.

Серия докладов и постеров (Ф. Берти, К. Уэлса и др.) была посвящена наиболее хорошо изученной группе керамики – итальянской сигиллате. Итальяскому влиянию в римской Дакии на примере terra sigillata и светильников с волютами (типы Loeschke I A и I C) был посвящен постер А. Диконеску, В. Рузу-Болиндет и К. Роман (Румыния).

Выступление П.М. Кенрика (Великобритания) было посвящено подготавливаемому им переизданию монументального «Corpus Vasorum Arretinorum»⁹, который по сей день является настольной книгой всех специалистов по итальянской керамике. Этот свод подготавливался А. Оксэ с 1896 по 1943 г. После его смерти дело продолжил Х. Комфорт, издавший этот каталог в 1968 г. За три десятилетия, прошедшие с момента выхода книги, накоплено множество новых клейм (8,5 тысяч типов в новом издании против 3 тысяч в первом), уточнены датировки, что делает переиздание каталога, к тому же давно ставшего библиографической редкостью, не просто важным, но и необходимым.

Немало споров вызвал доклад Ж. Поблома, О. Броле (Бельгия) и О. Бунегру (Германия) «Концепция terra sigillata: регионализм или интеграция?» Рассмотрев феномен сигиллаты и ее распространение на западе и на востоке Римской империи, авторы пришли к выводу, что terra sigillata является одним из своеобразных индикаторов римской культуры. Ее находки зафиксированы от Британии до Северной Африки¹⁰ и от Испании до Танаиса. Вероятно, возникнув в восточных провинциях, сигиллата проникает в Италию и уже отсюда распространяется по всему римскому миру, оказав влияние не только на восточные центры производства столовой посуды, но и на многие другие группы керамики¹¹ (подражания terra sigillata известны во многих провинциях и в окружающих их варварских землях). Сигиллата была максимально стандартизована: интеграция в производстве прослежена во многих регионах.

Одним из важных моментов конференции стало выступление Дж. Хейса (Великобритания) «От Рима до Бейрута и дальше: торговые отношения Малой Азии и Восточного Средиземноморья». Доклад был посвящен главным направлениям развития античной торговли в римское и позднеримское время, в основном на базе новых материалов из Ливана и Сирии, над которыми Дж. Хейс работает в настоящее время. Лишь небольшая их часть была недавно опубликована в его последней книге¹². В докладе были кратко затронуты все основные группы сигиллаты, амфор, кухонной посуды, причем отмечалось острая необходимость уточнения датировок многих уже ставших классическими комплексов, опубликованных много лет назад¹³.

Интересной формой работы стали выставки керамики на базе Австрийского археологического института в Сельчуке, немецкого археологического института в Пергаме и музея г. Сельчук в Метрополисс. Ке-

⁸ См., например: *Bender S. Bemerkungen zu einer kleinasiatischen Sigillatakasseroille mit reliefiertem Griff aus dem türkischen Kunstande* // Hellenistische und kaiserzeitliche Keramik des östlichen Mittelmeergebietes. (Kolloquium Frankfurt 24. – 25. April 1995). Frankfurt a.M., 1996. S. 31–34; *Poblom J. Decorated Handles of Sagalassos Red Slip Ware Found at Site L and Roman Silver Plate // Sagalassos IV. Report on the Survey and Excavation Campaigns of 1994 and 1995*. Leuven, 1997 (Acta Archaeologica Lovaniensia. Monographiae. 9).

⁹ См. *Oxé A., Comfort H. Corpus Vasorum Arretinorum. A Catalogue of the Signatures, Shapes and Chronology of Italian Sigillata*. Bonn, 1968 (Antiquitas. Reihe 3. Bd 4).

¹⁰ На конгрессе был прочитан интересный доклад В. Сван (Великобритания), посвященный связям между Северной Британией и Северной Африкой во времена Антонинов. Доклад был основан на находках в Британии керамики, идентичной по формам североафриканской и, вероятно, произведенной legionaribus из Северной Африки на новом месте службы.

¹¹ Ср. *Lund J. From Archaeology to History? Reflections on the Chronological Distribution of Ceramic Fine Wares in South Western and Southern Asia Minor from the 1st to the 7th c. AD* // Hellenistische und kaiserzeitliche Keramik... S. 105–125.

¹² *Hayes J.W. Handbook of Mediterranean Roman Pottery*. L., 1997.

¹³ См. подробнее *Hayes J.W. Recent Work on Roman Imported and Local Pottery from the Athenian Agora and the Isthmian Sanctuary* // Hellenistische und kaiserzeitliche Keramik... S. 7–17.

радика была разложена прямо на столах, и все участники конгресса могли «вживую», а не на картинках и слайдах ознакомиться с продукцией крупнейших мастерских Малой Азии, а также керамическим импортом из других регионов Средиземноморья, в том числе и с понтийской сигиллатой. Просмотрев сотни фрагментов типичных образцов керамической продукции из Малой Азии, лишней раз убеждаешься, что эта керамика не имеет ничего общего с так называемой «малоазийской» краснолаковой керамикой, находки которой во множестве представлены на всех памятниках понтийского региона, выделенной еще Т.Н. Клипович (за исключением, разумеется, восточной сигиллаты А, В и С, а также керамики производства Пергама, находки которых также распространены в Северном Причерноморье). Интересно, что среди керамики в Пергаме, а также в ряде других музеев, было обнаружено несколько фрагментов, несомненно, относящихся к понтийской сигиллате. Вопрос о керамическом импорте из понтийского региона в Восточное Средиземноморье (по информации, любезно предоставленной мне Дж. Хэйсом, находки понтийской сигиллаты во множестве представлены на памятниках Малой Азии, Греции и даже Северной Африки) пока открыт и еще ждет своих исследователей.

Отмечу, что даже в изучении керамики из Малой Азии еще немало белых пятен. Для множества фрагментов в качестве места производства до сих пор указывается «неизвестный центр». Практически неисследованной остается керамика, покрытая глазурью¹⁴.

Во время работы конференции состоялись экскурсии по Сельчуку, в Эфес, Пергам, Асклепион. Большой интерес вызвало посещение небольшого городка Метрополь на дороге из Смирны в Эфес, пока еще малоизвестного в научном мире, где в последние несколько сезонов был открыт театр великолепной сохранности, а также бульвартерий со стоящими *in situ* декретами и лежащими на полу помещения многочисленными мраморными статуями¹⁵. Для участников конференции было организовано посещение традиционной керамической мастерской в районе древних Тралл (центре производства восточной сигиллаты В), где все с интересом ознакомились с процессом изготовления керамики, чрезвычайно близкой как по форме, так и по структуре глины той, о которой шла речь во все дни заседания. По окончании конференции были организованы туры по знаменитым городам региона (Милет, Приена, Дидимы, Гераклея, Афродисиада, Гиераполь-Памуккале и др.).

Все материалы конгресса будут опубликованы в ближайшем томе RCRF Acta.

Д.В. Журавлен

¹⁴ Единственное существующее на настоящий момент обобщающее исследование – *Hochuli-Gysel A. Kleinasiatische glasierte Reliefkeramik (50 v. Chr. bis 50 n. Chr.) und ihre oberitalischen Nachahmungen*. Bern, 1977 (Acta Bernensia VII) – уже давно нуждается в существенных коррективах.

¹⁵ См. предварительную информацию: *Meriç R. Metropolis. Excavations: The First Five Years, 1990–1995*. Selçuk, 1996.

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1999 г.

Philonis Alexandrini

QUOD DETERIUS POTIORI INSIDIARI SOLEAT

Филон Александрийский

О ТОМ, ЧТО ХУДШЕЕ СКЛОННО НАПАДАТЬ НА ЛУЧШЕЕ

Перевод с древнегреческого и примечания *И.А. Макарова**

Трактат Филона Александрийского «О том, что худшее склонно нападать на лучшее» (Περὶ τοῦ τὸ χεῖρον τῷ κρείττονι φιλεῖν ἐπιτρέσθαι), известный под этим заголовком уже Оригену (Comm. in Mat. 15.3) и Евсевию Кесарийскому (Praep. Evang. 11. 15. 7), представляет собой часть непрерывного аллегорического комментария к первой книге Пятикнижия. Посвященный 8–15 стихам четвертой главы книги Бытия, он продолжает другое сочинение Филона – «О жертвоприношениях Авеля и Каина», толкующее Быт. 4: 2–4, и, в свою очередь, находит продолжение в трактате «О Каиновом потомстве», где рассматривается Быт. 4:16. Филоновский комментарий имеет построчный характер и строится, как правило, по схеме: библейская цитата – апория – разрешение атории средствами аллегорического толкования, подкрепленного многочисленными примерами из текста Пятикнижия. Соотношение стихов библейского текста и параграфов трактата следующее: Быт. 4:8 – §1–56; 4:9 – §57–68; 4:10 – §68–95; 4:11 – §96–103; 4:12 – §104–140; 4:13 – §141–149; 4:14 – §150–166; 4:15 – §167–178. Как и другие аллегорические сочинения Филона Александрийского, данный трактат призван обнаружить идейную взаимосвязь между Пятикнижием Моисея и греческой философией. Отсюда постоянные отсылки Филона к традиционной проблематике современных ему философских направлений и школ (определение блага, условия достижения добродетели, природа души, природа страстей, место риторики в философском образовании), представляющие Ветхий Завет своеобразным источником греческой философии. Особо отметим, что перед нами единое в тематическом плане произведение, содержание которого полностью соответствует его заглавию.

Перевод сделан по изданию: Philo in Ten Volumes (and Two Supplementary Volumes) with an English Translation by F.H. Colson and G.H. Whitaker. L. – Cambr. (Mass.), 1949. На сегодняшний день отсутствуют публикации данного трактата, как, впрочем, и большинства текстов

* Работа над переводом и примечаниями выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Подготовка издания: "Филон Александрийский. Собрание сочинений. 1–4 тома"» (код проекта 96-04-06111).

Филона, снабженные систематическим комментарием. Английский перевод сопровождают немногочисленные, но полезные примечания Ф. Колсона. Подспорьем могут служить также примечания И. Фойер и Г. Лейзеганга к французскому и немецкому переводу (Philon d'Alexandrie. *Quod deterius potiori insidari solet*. Introduction, traduction et notes par I. Feuer. P., 1965; Die Werke Philos von Alexandria. 3 Teil. Breslau, 1919). В дальнейшем при ссылках на эти примечания указывается только имя автора и номер соответствующего параграфа. Указания на источник библейских цитат содержатся в скобках в основном тексте. Текст Библии цитируется Филоном по Септуагинте. По этой причине русский перевод библейских цитат может отличаться от синодального и приближаться к церковнославянскому переводу – особенно, когда это необходимо для адекватной передачи мысли автора. В ряде случаев это специально оговаривается в примечаниях.

* * *

(1) «И сказал Каин Авелю, брату своему: "Выйдем на поле". И случилось, когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт. 4:8). Желание Каина таково: вызвать Авеля на спор и с помощью правдоподобных и убедительных софизмов сделать его своей добычей¹. Ведь мы утверждаем, заключая о неясном на основании очевидного, что поле, на которое он призывает его явиться, – знак борьбы и сражения². (2) В самом деле, мы видим, что и в мирное и в военное время большинство соревнований происходит на полях. В мирное время к стадионам и просторным полям устремляются все, кто ведет борьбу, участвуя в гимнастических состязаниях. А во время войны пехота и конница обыкновенно сражается не посреди холмов: ведь места сражения в случае их негодности могут, пожалуй, причинить ущерб больший, чем тот, что наносят друг другу противники.

(3) Но вот важнейший знак. Упражняющийся в знании³, который воюет с противоположным состоянием – невежеством, всякий раз предстает взору на поле, когда он, вразумляя и умеряя неразумные силы души⁴, как бы пашет их. Это явственно доказывает, что поле – знак соперничества. Действительно, «послав, Иаков призвал Лию и Рахиль на поле, где стада⁵» (Быт. 31:4). (4) Зачем же он зовет их?⁶ «Вижу лицо отца вашего, – сказал он, – что оно ко

¹ Автор интерпретирует встречу Каина и Авеля как состязание в речах, называя ее словом συζητησις (букв.: соискание), служившим началом с эллинистического времени для обозначения философского диспута (Gnom. Vatic. 74; ср. *Philod. In. 19, 26; Cic. Fam. 16, 21, 4; Rhet. 1, 241, 9 Sudhaus*). Отсюда упоминание ораторских приемов (σοφισματα – ср. *Longin. Subl. 17, 2*) и традиционно предъявляемых к риторическому искусству требований – вероятности и убедительности (ср. *Arist. Rhet. 1404b 18; Philod. Rhet. 2, 136 Sudhaus; ср. также Sacr. 12*).

² В данном случае Филон использует широко применявшийся в эпикурейской и стоической философии принцип умозаключения на основании «знака» (σημεῖον). Ср. *Diog. Laert. 10, 32; Philod. Sign. 11, 32; Sext. Empir. Adv. math. 8, 152*.

³ «Упражняющийся в знании» (ὁ ἀσκητὴς ἐπιστήμης) или «упражняющийся в добродетели» (ὁ ἀσκητὴς ἀρετῆς) – регулярно встречающееся обозначение Иакова (ср. ниже §45; *Leg. 3, 93; 3, 190* etc.). Согласно Филону (*Abg. 52*), каждый из трех ветхозаветных патриархов олицетворяет одно из необходимых условий достижения добродетели: Авраам – обучение (διδασκαλία, μάθησις), Исаак – природу (φύσις), Иаков – упражнение (ἀσκησις). В основе этой триады лежит формулировка Аристотеля (*EN 1179b 20; EE 1214a 14; Diog. Laert. 5, 18*), принимавшаяся не только перипатетиками, но также стоиками и платониками (*Stob. 2, 118, 5; Diog. Laert. 7, 8; Alcin. Didask. 182, 5; Plut. De lib. educ. 2a 9*).

Источником аллегорического толкования образа Иакова послужила, с одной стороны, известная сцена из книги Бытия (32:24), с другой стороны – этимологизация его имени. Филон называет Иакова ὁ πτεριότης τῶν παθῶν – «отгоняющий страсти» (*Leg. 2, 89* etc.), сближая данное имя с евр. אֲבִיב – «пятак» (по-гречески ἡ πτέρη) и греческим глаголом πτερίζω – «лягать», «отгонять» (ср. *Быт. 25:26, 27:36*).

⁴ Филон неизменно следует принятому в платонизме принципу разделения души на рациональную и иррациональную части. Как правило, первая часть отождествляется с умом (νοῦς), рассудком (διδόσις) или ведущей способностью (ἡγεμονικόν) – см. *Leg. 1, 70–73; 2, 6; 3, 115; Conf. 112; Her. 232; Opif. 117; ср. Aer. Plac. 4, 4, 1 = Doxogr. p. 389a 10–390a 4; Alcin. Didask. 156, 35*. Вторая часть может подразделяться вслед за Платоном на страстную и вожделющую, или, как, например, в данном случае, отождествляться с чувствами, где они названы неразумными силами (ἄλογοι βιωτικαί) – см. *Mut. 110; Agr. 63; Migr. 213; ср. Alcin. Didask. 159, 31; 176, 35; Gal. Plac. Hipp. et Plat. 5, 7, 7*).

⁵ Неразумные силы души как стадо – обычный филоновский образ (*Sacr. 45; Poster. 66* сл.; *Agric. 30, 42*).

⁶ Аллегорически Лия – добродетель рациональной части души и связана с философией, а Рахиль – добродетель иррациональной части и связана со свободными искусствами, подготавливающими к философии (*Сопг. 26, 32; Ерг. 46–53*). Суть толкования библейского текста в том, что в борьбе с неразумными силами души упражняющемуся в знании требуются две указанные добродетели.

мне не таково, как было вчера и третьего дня. Но Бог отца моего был со мною» (Быт. 31:5). Пожалуй, я ответил бы: «Ты не нуждаешься в Лаване, потому что с тобой Бог». Ведь в той душе, в которой более всего почитается внешнее чувственно воспринимаемое, не найти подобного⁷ рассуждения. А в той, в которой повсюду ступает⁸ Бог, не считается благом внешнее чувственно воспринимаемое – Лаван, получивший от него имя и являющийся его обозначением⁹.

(5) Те, которые по примеру отца украшают себя продвигающимся разумом¹⁰, также избрали поле в качестве подходящего места чтобы переучивать на новый лад неразумные движения души¹¹. Не случайно говорится Иосифу: «Братья твои не пасут ли в Сихеме? Пойди, я пошлю тебя к ним». Он же отвечал: «Вот я». Он же сказал ему: «Пойди, посмотри, здравствуют ли братья твои и овцы, и поведай мне». И он послал его от долины Хеврона, и он пришел в Сихем. И нашел его человек блуждающим в поле, и спросил его человек: «Что ты ищешь?» Он же сказал: «Я ищу братьев моих. Поведай мне, где они пасут? Сказал же ему человек: они ушли отсюда, ибо я слышал, как они говорили: пойдём в Дотан» (Быт. 37: 13–17). (6) Из сказанного видно, что в поле они управляют неразумным силами внутри них. Иосифа же посылают к ним, чтобы должное и полезное разъяснили ему более мягкие учителя, ибо отцовскую науку он вынести не в силах из-за ее чрезмерной суровости¹². Ведь его основоположения, очень пестрые и имеющие многочисленные сплетения, сотканы из разного. Поэтому Моисей и говорит, что «хитон ему изготовили пестрый» (Быт. 37:3), показывая, что он проводник учения лабиринтоподобного и губительного. (7) Философствую скорее ради государственных дел, чем ради истины, он сводит воедино и связывает три рода благ – внешние, телесные и душевные, хотя они отделены друг от друга всей своей

⁷ ἀστέος – букв.: городской, утонченный. Слово, приобретшее в стоицизме специальное значение «добродетельный» (SVF 4, s.vv.; о развитии термина ср. Schofield M. *The Stoic Idea of the City*. Camb., 1991. P. 136–140).

⁸ Т.е. в душе добродетельного человека (ср. ниже прим. 14 к §9). Источником этого образа, нередко встречающегося у Филона (например, Post. 122; Mutat. 266 и др.), является текст книги Левит (26:12), на что указывается в трактате «О снах» (2. 248).

⁹ Согласно Филону, имена персонажей Пятикнижия представляют собой не условные обозначения, а выражение природы этих персонажей (Cher. 56; Leg. 2. 14–15; близкие идеи присутствовали в стоицизме, платонизме и пифагорействе – Plat. Crat. 430a слл.; SVF 2. 146. 2. 895). В силу этого аллегорическое толкование образа тесно связано с этимологией его имени. Ср. Dillon J. *The Middle Platonists*. L., 1977. P. 180 слл.

Филон переводит имя Лаван (ср. евр. laḇan) как «белый» (Fug. 44: λευκός) или «окрашивание в белый цвет» (Agric. 43: λευκαορός). Белизна – осязаемое качество тела (Migr. 28), поэтому Лаван оказывается символом чувственно воспринимаемого мира (Migr. 214) и неразумной души, только осязаемое считающей благом (Agr. 42). Белый цвет – обычный пример осязаемого в философских сочинениях (см., например, Sext. *Empir. Adv. math.* 7. 344).

¹⁰ «Продвигающийся разум» (λόγος ὁ προκόπτων; ср. в том же значении выражение ψυχή προκόπτουσα – Fug. 202; 213) – обозначение процесса нравственного совершенствования человека, его продвижения к добродетели. В данном случае примером продвижения являются сыновья Иакова. Продвижение (προκοπή) часто выступает в паре с упражнением (ἀσκησις) и характеризует человека в среднем состоянии между порочным (φαῦλος) и совершенным (τέλειος – ср. Fug. 213). Многие библейские образы соотносятся Филоном с идеей продвижения (Авраам и Иаков на определенном отрезке жизни, Аарон). Филон отмечает, что продвигающемуся свойственна «умеренность в страстях» (μετριοπάθεια), а мудрецу – бесстрастие (ἀπάθεια – Leg. 3. 132). Восходящая, видимо, к перипатетикам (Stob. 2. 116. 19; *Diag. Laert.* 7. 127) и принимаемая Филоном традиция «порок – продвижение – добродетель», обнаруживает соответствия у средних платоников, постулировавших вопреки ортодоксальному стоицизму (ср. SVF 3. 530–543) среднее состояние души между пороком и добродетелью (Alcin. Didask. 183. 34; *Apul.* 2. 3, p. 224; 2. 19, p. 246; *Plur. Quomod. quis in virt.* 75b слл.; *De comm. not.* 1062e). Однако, приписывая мудрецу бесстрастие, Филон расходится с присутствующим в среднем платонизме представлением о мудреце как «умеренном в страстях» (μετριοπαθής) – ср. Alcin. Didask. 184. 28; *Anon. Londin.* 2. 18; Подробнее см. Lilla S.R.C. *Clement of Alexandria: A Study in Christian Platonism and Gnosticism*. Oxf., 1971. P. 99 слл.

¹¹ αἱ ψυχῆς ἀλογοὶ φораί, т.е. страсти (πάθη), умерение которых является задачей продвигающихся к добродетели (Sac. 45 слл.; 106 сл.; Agr. 94). Ср. содержащееся у Алкиноя (Didask. 185. 26 слл.) определение страсти как иррационального движения всей души, возникающего из-за неподконтрольных уму движений иррациональных частей души.

¹² Иаков, который выше служил примером упражнения в добродетели, теперь выступает олицетворением мудрости (о произошедшей в нем перемене см. Agr. 42; Ebr. 82). Отсюда определение его науки – «слишком суровая» (ἀστροπότερα). Суровость – одно из свойств стоического мудреца, поскольку он по определению лишен жалости (SVF 3. 394; ср. 3. 637 сл.).

природой¹³. Он считает возможным доказывать, что каждый род нуждается в каждом и все – во всех и что из их совокупности складывается безупречное и действительно полное благо, а то, из чего оно собрано, – только части или первоэлементы блага, но не совершенные блага. (8) Мол, как мироздание – это не огонь, не земля и не что-либо из четырех, из которых было создано целое, но сочетание и смешение этих первоэлементов, таким же образом и счастье обнаруживается не исключительно во внешнем, телесном или душевном самом по себе (ведь каждое из названного приблизительно соответствует частям и первоосновам), но в совокупности их всех.

(9) Итак, чтобы исправить это мнение его посылают к людям, только прекрасное считающим благом¹⁴. Оно, по их убеждению, исключительное достоинство души как таковой, в то время как внешние и телесные преимущества лишь называются благами, не будучи ими на самом деле. «Вот, – говорит он, – твои братья пасут» и властвуют над каждой неразумной частью из тех, что внутри них, «в Сихеме» (Быт. 37:13), что переводится как «плечо» – знак изнурительного труда¹⁵. Ведь любящие добродетель берут на себя очень тяжелую ношу – противостоять телу и телесному удовольствию, а также внешнему и порождаемым им наслаждениям. (10) «Пойди, я пошлю тебя к ним» (Быт. 35:13), то есть ответ на приглашение и приходи, после того как рассудок сделает добровольным твое устремление¹⁶ к изучению лучшего. Однако до настоящего времени ты только делаешь вид, будто приветствуешь истинное воспитание. В самом деле, когда ты произносишь: «Вот я», ты говоришь, что готов пойти в ученики, хотя внутренне ты еще не согласился с этим. Эти самые слова, кажется мне, не столько выражают твою готовность учиться, сколько разоблачают твою опрометчивость и легкомыслие¹⁷. Доказательством этого служит то, что истинный человек¹⁸ немного позднее обнаружит тебя блуждающим на дороге (Быт. 37:15). Между тем ты не заблудился бы, если бы вступил на путь упражнений после здравого размышления. (11) Кроме того, и увещательная речь отца совершенно ни к чему не принуждает, с тем чтобы ты устремился к прекрасному по своему собственному желанию и побуждению. Не случайно он говорит: «Пойди, посмотри», разгляди, обдумай и досконально изучи предмет», то есть «тебе прежде следует познать то, к чему ты намерен прилагать усилия, и уж затем приступать к занятиям». (12) А когда, взглядевшись и обзрев, целиком рассмотришь целое, в дополнение подвергни проверке и тех, которые уже взялись за дело и упражняются в нем: верно ли, что, делая это, они «здравствуют», а не безумствуют, как заявляют ради поношения и насмешки любящие удовольствие. Однако не закрепляй в себе ни образ увиденного, ни суждение о здравомыслии упражняющихся, пока не «поведаешь» и не сообщишь отцу, ПОТОМУ ЧТО у только начавших учиться решения переменчивы и не крепки, а у тех, кто уже преуспел в мудрости, тверды. От них и другим необходимо перенять свойство неколебимости.

¹³ Излагаемая этическая доктрина принадлежала Аристотелю и его последователям. Ее основная идея в том, что одной добродетели недостаточно для счастья (*Arist. Eth. Nic. 1098b 12; Polit. 1323a 24; Diog. Laert. 5. 30; τῆν ἀρετὴν μὴ εἶναι αὐτάρκη πρὸς εὐδαιμονίαν*). Во II в. до н.э. этой позиции, по свидетельству Цицерона и Ария Дидима, придерживался перипатетик Критолай (фр. 19–21 Wehrli). Определение философии Иосифа как политической (πρὸς πολιτείας) также следует понимать как намек на последователей Аристотеля – перипатетики придавали особенно большое значение участию в государственной жизни (ср. *Cic. Fin. 4. 2. 5; 5. 4. 11*). По определению Филона, политическая деятельность требует частой смены взглядов, этим обстоятельством он и объясняет пестроту одежд Иосифа (ср. *Ios. 32: ποικίλων ὑφ᾽ ἑσθίων καὶ πολύτροπων*).

¹⁴ Идея о самодостаточности добродетели ассоциируется в первую очередь с философией Стои (SVF 1. 187; 3. 29–45, 49–67). В соответствии с этой идеей благом и злом является лишь нравственное благо и зло, отождествляемое, соответственно, с прекрасным и безобразным. Помимо стоиков эту идею высказывали и представители платонизма (*Alcin. Didask. 180. 33; Apul. De Plat. 2. 238; Plut. De virt. et vit. 100c–d*). Филон возвращается к ней в *Post. 95; 133; Spec. 2. 48; 2. 73*.

¹⁵ Ср. евр. שֵׁקֶם – «плечо».

¹⁶ Мысль Филона такова: устремление к истинному благу, т.е. добродетели, может быть только рациональным и, следовательно, свободным, в то время как стремление к мнимым благам иррационально и тем самым невольным (та же мысль – *Alcin. Didask. 184. 37*). Ср. трехкратно повторяющуюся в §10–11 тему свободного выбора (βρῆτι ἐκούσιος – παρὰ σαυτῶ ὀμολογηκώς – ἐβελουργὸς καὶ αὐτοκείμευτος; ср. *Deus. 47; Mit. 270 etc*).

¹⁷ Опрометчивости и легкомыслию (εἰκαιότης καὶ εὐχέρεια), характеризующим «перипатетика» Иосифа противопоставлена неколебимость (τὸ ἀκλίβεσ) «стоического мудреца» Иакова (ср. *Gig. 49; Deus. 22; Mit. 87; SVF 3. 548; 3. 112; Alcin. 154. 29*).

¹⁸ См. ниже прим. 32 к §22.

(13) Если ты, рассудок¹⁹, именно таким образом будешь исследовать открытые иерофан-тами²⁰ Божьи слова, являющиеся законами²¹ для любящих Бога людей, тебе не понадобится допускать ничего низкого и недостойного их величия. К примеру, как сможет кто-нибудь из здравомыслящих допустить то самое, о чем сейчас идет речь? Разве правдоподобно, что у Иакова, обладателя царского изобилия, столь большой недостаток рабов и помощников, чтобы сына отправлять на чужбину за вестями о здоровье остальных детей и тем более овец? (14) Его дед помню многочисленных пленников, которых он захватил. Низложив девять царей, держал больше трехсот домашних рабов²². Причем ничего в доме не убывало, напротив с течением времени все во всех отношениях имело прирост. Так что, располагая многочисленной прислугой, не пожелал бы Иаков послать самого любимого сына с поручением, которое легко выполнил бы даже самый никчемный человек. (15) Далее, ты видишь, что Моисей намеренно указывает на местность, откуда тот его заставляет уйти, а именно: «от долины (κοιλῆς) Хеврона» (Быт. 37:14), почти открыто убеждая отказаться от буквального понимания. Хевроном же, сопряжением и сотовариществом²³, иносказательно именуется наше тело, так как оно соединено с душой и как бы установило с ней товарищество и дружбу. Его впадины (κοιλῆδες) – органы чувств, крупные емкости для всего внешнего чувственно воспринимаемого. Черная бесчисленные качества²⁴ и выливая их из емкостей на рассудок, они захлестывают и затопляют его²⁵. (16) Поэтому в законе о проказе предписывается: «когда в доме обнаружатся "зеленоватые или красноватые впадины"» (Лев. 14:37 слл.), вынуть камни, на которых они появились, и заменить другими», то есть: «когда различные качества, произведенные наслаждениями, вожделениями и родственными им страстями²⁶, обременяющими и угнетающими всю душу, делают ее более впадой²⁷ и низкой, чем прежде, – болезненные рассуждения уничтожить, а вместо них дать ход здоровым через законное наставление или же правильное воспитание».

(17) Итак, видя, что Иосиф целиком спрятался в телесные и чувственные полости, он призывает его выйти наружу из нор и вдохнуть свободного воздуха выносливости в общении с теми, кто прежде в ней упражнялся, а теперь обучает. Но оказывается, Иосиф продолжает блуждать, хотя мнит, что он уже вышел на дорогу. Ведь Моисей говорит: «нашел его человек блуждающим в поле» (Быт. 37:15), показывая, что благом является не труд как таковой, а труд в соединении с умением. (18) И правда, как музыке следует осваивать, согласуясь с музыкой, грамматику – согласуясь с грамматикой, да и вообще, каждое умение – не отрицая умения и не пренебрегая им, но согласуясь с умением, – точно так же разумность следует осваивать не с помощью хитрости, воздержность – не с помощью расчетливости и скупости, не с помощью дерзости – мужество, не с помощью суеверия – благочестие, да и любое другое из знаний добродетели, – не отрицая знания. По общему соглашению, все это – отклонение от пути. Для того и дан закон «справедливо преследовать спра-

¹⁹ Характерный для стиля диатрибы риторический прием ἀποτροφή, часто встречающийся в аллегорических сочинениях Филона. Адресатом в этих случаях является душа или рассудок (ср. Deus. 4; Gig. 44; Cher. 52; Sacr. 20). В данном случае отступление посвящено обоснованию аллегорического подхода к тексту Пятикнижия.

²⁰ Мистериальный термин ἱεροφαντεῖν употребляется Филоном по отношению к автору Пятикнижия Моисею (Virt. 163) и Семидесяти толковникам (Mos. 2. 37; Cher. 42), а также по отношению к самому Ветхому Завету (Deus. 62; Conf. 149; Somn. 1. 207; Virt. 108). См. Riedweg Chr. Mysterienterminologie bei Platon, Philon und Klemens von Alexandrien. В.-N.Y., 1987. S. 97, 114.

²¹ О Боге как законодателе ср. Mos. 2. 48. Тема, восходящая к Платону (Tim. 41e: 42b), получила развитие в среднем платонизме и стоицизме (Alcin. Didask. 172. 10; Apul. De Plat. 1. 12. 206; Cic. Nat. deor. 1. 36). Ср. Runia T.D. Philo of Alexandria and the Timaeus of Plato. Leiden. P. 254 сл.

²² Ср. Быт. 4: 1–14.

²³ Ср. евр. הברг – «сосдинять».

²⁴ «Качества» (ποιότητες) обозначают у Филона область чувственно воспринимаемого. Употребление этого термина напоминает описание данной категории у Аристотеля (Cat. 9 ab). Ср. также упоминание «качеств» души ниже в §16.

²⁵ Поскольку рассудок нередко сравнивается Филоном с хранилищем идей и впечатлений (ср. Deus. 34, 42; Det. 87), данное описание должно, вероятно, вызвать образ затопляемой кладовой.

²⁶ Пара «наслаждения и вожделения» (ἡδοναὶ καὶ ἐπιθυμίαι) встречается уже у Платона (Symp. 196c; Resp. 430e; Tim. 86c). Часто в подобных случаях Филон пользуется стоическим канонem четырех главных страстей (πάθη). См. Orif. 79; Mut. 72; Abr. 236; Ios. 79; ср. SVF 3. 378.

²⁷ В основе толкования лежит совпадение корней слов «долина» (κοιλῆς) и «низ живота» (κοιλία), где по представлениям платоников находилась вожделеющая часть души (Leg. 3. 115; 138; 159; Migr. 66; Spec. 1. 206; ср. Tim. 70c; 71d; Diog. Laert. 3. 67; Alcin. Didask. 173. 14).

ведливос» (Второз. 16 : 20)²⁸, чтобы мы достигали справедливости и каждой из добродетелей родственными, а не противоположными ей делами²⁹.

(19) Если ты видишь, что кто-то в надлежащее время не принимает пищу и питье или отказывается от омовений и умащений, или не заботится о покровах для тела, или стелит на земле и спит под открытым небом, и затем на этом основании приписывает себе самообладание, посетуй о его заблуждения и покажи истинный путь самообладания. Ведь все, что он делает, – бесцельные и бесконечные труды, голодом и прочими страданиями уничтожающие не только тело, но и душу. (20) Пусть некто, пачкающий грязью свой рассудок, очищает с помощью омовений³⁰ или очищений тело; пусть он, далее, от избытка богатства воздвигает храм, принимая на себя величайшие расходы и издержки, или совершает гекатомбы и не перестает жертвовать быков, или украшает дорожками дорожки дорогого серебра и золота – он не должен числиться среди благочестивых. (21) Ведь и этот человек блуждает в стороне от пути к благочестию, чтя обряды вместо праведности, и дарит подарки неподкупному, который никогда не примет ничего подобного, и льстит равнодушному к лести, который любит искреннее почтение и презирает поддельное. Искренним же является почтение души, приносящей истину как одну-единственную жертву, а поддельным – все, что делается напоказ от изобилия внешних благ.

(22) Собственное имя³¹ человека, нашедшего его «блуждающим в поле» (Быт. 37 : 15), не названо, – считают некоторые, поскольку и сами словно заблудились из-за неспособности ясно видеть правильный ход вещей. В самом деле, не будь у них повреждено око души, они поняли бы, что это и есть самое подходящее и точное имя для истинного человека³² – «человек», – название, лучше всего соответствующее членораздельному³³ и мыслящему рассудку. (23) Этот «человек», живущий в душе у каждого, порой оказывается правителем и царем, порой судьей и распорядителем жизненных состязаний, а иной раз избочивает нас, выступая в роли невидимого внутреннего свидетеля или обвинителя: не давая даже рта раскрыть, крепко натянутые вожжи сознания останавливают самоуправный и безудержный бег языка. (24) Этот избочиватель³⁴ задал вопрос душе, когда заметил ее блуждания: «Что ты ищешь?» (Быт. 37 : 15) Разумности? Почему же ты шагаешь дорогой хитрости? Или воздержности? Нет, эта тропа ведет к расчетливости. Или мужества? Тут рядом дерзость. Или ты идешь за благочестием? Этот путь – к суеверию. (25) А если она скажет, что ищет слов знания и тоскует по ним, ибо они – братья, ближайшиe родственники, ни за что не станем ей верить, так как в этом случае она спросила бы: «где они пасут», а не «где они кормят»³⁵.

²⁸ Так в Септуагинте. В синодальном переводе: «справды, правды ищи».

²⁹ Здесь заканчивается мысль, начатая в § 10. Как показывают приводимые аргументы, ошибка Иосифа в том, что нравственно нейтральное он принимает за благо, в результате чего добродетель, к которой он стремится, оборачивается пороком. Близкий ход рассуждения обнаруживается в трактате «О херувимах», где Филон опирается на стогическое различие «надлежащего» (καθήκον) и «нравственного действия» (κατόρθωσις) (Сег. 14 = SVF 3.513; ср. SVF 3.516; Cic. Fin. 3.59).

³⁰ περὶ ῥαυτῶν, речь идет о сосудах с освященной водой, которые ставились у входа в святилище.

³¹ Филон пользуется восходящим в Хрисиппу различием имени собственного (κῆρυον ὄνομα) и нарицательного (προσηγορία), обозначая таким образом то имя, которое должно соответствовать природе обозначаемой им вещи (SVF 2.147; ср. Leg. 1.75; Mut. 11–15).

³² Образ «истинного человека» (ὁ πρὸς ἀλήθειαν ἀνθρώπος), отождествляемого с умом, встречающийся уже у Платона (Resp. 588–589; Нир. mai. 304 d) и Аристотеля (Eth. Nic. 1166 a 22: δόξειε δ' ἂν τὸ νοῦν ἕκαστος εἶναι ἢ μάλα), многократно используется в сочинениях Филона (Fug. 71: τοῦ μὲν γὰρ πρὸς ἀλήθειαν ἀνθρώπου, ὅς δι' νοῦς ἐστὶ κавάρωτατος, εἰς ὃ μῖσος θεῶς διμιοῦρός; Нег. 231; Decal. 87; Somm. 1.215 etc.).

³³ Согласно Филону (Сег. 4), человеческая речь членораздельна (ῥησιμότης) постольку, поскольку она получает это свойство от рассудка (δύναμις). Показательно, что способность произносить артикулируемые звуки Филон связывает с деятельностью рассудка (ср. Det. 22; Anim. p. 171 = SVF 2.734). Этимологическое сближение слов «человек» (ἀνθρώπος) и «членить» (ἀρβῶν) присутствует и в других сочинениях Филона (Som. 1.29; Post. 106).

³⁴ Обозначая понятие «совесть», Филон обычно пользуется двумя словами: «избочиватель» (ἐλεῦχος) и «сознающая [часть души]» (τὸ συνειδός). См. Nikiprowetzky V. La doctrine de l'elenchos chez Philon, ses résonances philosophiques et sa portée religieuse // Philon d'Alexandrie. Colloques Nationaux du CNRS. P., 1967. P. 255; Milgrom J. On the Origins of Philo's Doctrine of Conscience // Studia Philonica. 1974–1975. V. 3. P. 41.

³⁵ Автор противопоставляет два синонимичных глагола: употребленный в тексте Септуагинты (Быт. 37 : 16) βόσκειν и ποιμαίνει, объясняя первый как «выкармливать», а второй как «пастись».

Дело в том, что «кормящие» дают неразумному и ненасытному животному чувств в пищу все чувственно воспринимаемое, из-за чего мы, не умея справляться с собой, и оказываемся несчастными, а «пасущие» с их властью правителей и вождей, сдерживая рост вождельний, укрощают одичавших. (26) Итак, если бы она искала тех, кто истинные упражняется в добродетели, она пыталась бы найти их среди царей, а не виночерпиев, пекарей или поваров. Ведь одни подготавливают то, что служит наслаждениям, а другие повелевают наслаждениями.

(27) Поэтому человек, заметив обман, правильно отвечает: «Они ушли отсюда» (Быт. 37 : 17). Он указывает на телесную сферу, давая понять, что все, кто трудится в состязаниях за обладание добродетелью, приняли решение оставить близкую к земле область и подняться ввысь, не увлекая за собой ни одной из телесных язв. (28) Не случайно, мол, он слышал как они говорили: «Пойдем в Дотан» (Быт. 37 : 17), что в переводе значит «достаточное отрешение»³⁶, доказывая, что не средним образом³⁷, но в совершенстве научились они оставлению и отрешению от всего не содействующего добродетели. Именно в таком смысле сказано: «У Сарры перестало быть женское» (Быт. 18 : 11)³⁸. Ибо страсти имеют женскую природу, и следует заботиться об отрешении от них и достижении мужских черт благострастия³⁹. Таким образом, на поле, то есть в борьбе рсчей, находится и сбившийся с пути Иосиф, проводник пестрого учения, приспособленного скорее для государственных дел, чем для истины.

(29) Среди соревнующихся бывают и такие, которые благодаря сложению тела получают венок без борьбы, поскольку противники от них отказываются. Не успев даже посыпать себя песком, они первенствуют как непрезойденные силачи. Обладая подобной силой рас-судка, самого божественного из того, что внутри нас, Исаак⁴⁰ «выходит в поле» (Быт. 24 : 63), но не для того, чтобы с кем-то соревноваться, ибо все соперники уже пали ниц перед величавостью и совершенным превосходством его природы⁴¹. Он лишь хочет остаться в одиночестве и наедине беседовать с Богом – спутником и направляющим его пути и души. (30) И вот самое ясное свидетельство того, что отнюдь не смертный общается с Исааком. Стойкость Ревекка⁴² спросит у раба: «Кто сей человек, идущий навстречу нам?» (Быт. 24 : 65) – ведь она видит одного и лишь одного запечатлевает. Дело в том, что душа, постоянно держащаяся прекрасного, хотя и способна воспринять не имевшую учителей мудрость, именуемую Исаак, но еще не в состоянии увидеть предводителя мудрости, Бога. (31) Потому раб и отвечает, показывая на одного Исаака: «Сей есть господин мой» (Быт. 24 : 65), – в подтверждение того, что он не способен воспринять не имеющего видимого

³⁶ В качестве источника Филоновской этимологии Г. Лейзганг (ad loc.) указывает два еврейских корня: *daj* – «достаточно» и *l'nu'a* – «сопротивление».

³⁷ Т.е. не просто оставили порок, но стремятся к добродетели. Понятие «средний», находящийся посередине между пороком и добродетелью (ср. разделение состояний души у Алкипия – 187.25: 157.1), возможно, связано со стоическим делением действий на добродетельные (*κατορθώματα*), порочные (*ἀμαρτήματα*) и шитые, или средние (*μέσα καὶ ἀδιάφορα* – SVF 3.491 сл.). На уровне образования «посередине» Филон помещает «свободные искусства» (*τὰ ἐυκίβητα, μέση τέχνη*), которые могут служить как пороку, так и добродетели, оставаясь нравственно нейтральными. Ср. Prov. 60; Fig. 213.

³⁸ Жены патриархов толкуются Филоном как их добродетели. Приведенное место книги Бытия рассматривается Филоном как указание на две функции образа Сарры, которую он отождествляет с видовой и родовой добродетелью (Сегр. 7: 41; Мул. 78; Авр. 99). Родовые (*γενεϊκαί*) и видовые (*εἰδικαί*) добродетели различаются Филоном соответственно как умопостигаемая идея и ее материальная, уничтожимая форма (Евр. 138; Fig. 176).

³⁹ Согласно стоической этике, мудрец, несмотря на бесстрастие (*ἀπάθεια*), не является бесчувственным, поскольку ему свойственны разумные эмоциональные состояния – «благострастия» (*εὐπάθειαι*). См. SVF 3.431.

⁴⁰ Филон обращается к эпизоду встречи в поле Исаака и Ревекки, который, на первый взгляд, не соответствует предложенному толкованию поля как символа борьбы. Отсюда необычное появление Исаака в атлетическом контексте.

⁴¹ См. прим. 3 к § 3. Природная добродетель Исаака часто противопоставляется достигнутой обучением и упражнением добродетели Авраама и Иакова (Сacr. 7; Мул. 88; Post. 78; Som. 1. 168; Ios. 1; Praem. 27). Отсюда регулярные эпитеты Исаака – *αὐτοδαής* и *αὐτοδίδακτος* («обучившийся самостоятельно»), указывающие на его «природную» мудрость (Сongr. 37).

⁴² Филон переводит имя Ревекка как «стойкость» (*ὑπόμονή*) и «постоянство» (*ἐπιμονή*). Перевод, в свою очередь, определяет толкование данного образа – стойкая душа мудреца (Lcg. 3.88) и приверженность благу (Plant. 170) и добродетели (Сongr. 37). Ср. примеч. 38 § 28.

облика и общающегося незримо. И правда, неестественно указывать на одного, когда перед глазами двое. Но он не увидел того, на которого невозможно указать, ибо тот незрим для всех средних⁴³.

(32) По-моему, уже достаточно ясно, что поле, на которое Каин вызывает Авеля, является иносказанием борьбы и сражения. Далее, зададимся вопросом, что служит предметом их исследования, после того как они выступили вперед. Очевидно, противоположные и противоборствующие мнения. Ведь Абель, все возводящий к Богу, – это учение, любящее Бога, а Каин (что в переводе значит «приобретение»), все возводящий к себе, – учение, любящее себя⁴⁴. Причем, если любящие себя, разделились и обсыпались песком для схватки с почитателями добродетели, то они не прекращают биться, как панкратиасты, до тех пор, пока не откажутся взять верх или пока полностью не уничтожат противника. (33) Они, по известному выражению, передвигают любой камень⁴⁵ заявляя: «Разве тело не дом души? Отчего же тогда нам не заботиться о том, чтобы дом не обрушился? Разве глаза, уши и сонм остальных чувств не являются в своем роде оруженосцами и друзьями души? А соратников и друзей не следует разве чтить наравне с самим собой? Неужели удовольствие и вкушаемые в течение всей жизни наслаждения природа изобретала не для живых, а для умерших или даже вовсе не рождавшихся?»⁴⁶ Почему мы должны отказываться от приобретения богатства, славы, почестей, власти и всего такого, что позволяет жить не просто безупречно, но и счастливо?⁴⁷ (34) Ведь жизнь свидетельствует: так называемые почитатели добродетели почти все бесславные, презренные, приниженные, испытывающие недостаток в самом необходимом, обладающие меньшим достоинством, чем подданные и даже рабы, грязные, бледные, иссохшие до костей, с голодными из-за отсутствия пищи глазами, более всего подверженные болезням, упражняющиеся в смерти⁴⁸. А те, кто печется о себе, славные, богатые, ведущие, хвалимые, чтимые, здоровые, дородные, сильные, утонченные, изнеженные, не знающие трудов, живущие среди удовольствий, несущих к всепреемлющей⁴⁹ душе по всем чувствам приятные ощущения».

(35) После того как их речь завершит дальний бег⁵⁰ наподобие этого, кажется, что они одержали победу над теми, кто не привык мудрствовать. Однако причиной победы является не сила победителей, а слабость в этих вещах их соперников. Ведь среди стремящихся к добродетели одни доверили сокровища прекрасного только душе: они упражняются в похвальных делах⁵¹, и даже во сне не приснятся им хитросплетения слов; вторым же удалось и то и другое: благоразумием и благородными поступками изрядно укрепить рассудок, а словесным искусством – речи. (36) Состязаться с кем-либо в искусстве спора подобает таким, как они, – располагающим средствами, чтобы с легкостью отразить противника. А первые совершенно беззащитны. И правда, какие люди сумеют без оружия оказать

⁴³ См. прим. 37 к § 28.

⁴⁴ Исходя из народной этимологии, Филон переводит «Каин» как «приобретение» (Cherub. 52; ср. евр. קָיִן – «приобретать»). Ср. Post. 35, где упоминается Протагор, названный «потомком бессовестного Каина» и Som. 2.193, где сказано, что, согласно Моисею, не человек, а Бог – мера всех вещей. Как указывает Г. Лейзеганг (ad loc.) перевод имени Абель («все возводящий к Богу») основан на его сближении с двумя еврейскими корнями: 'el – бог и hbj – «давать».

⁴⁵ Ср. Eurip. Heraclid. 1002.

⁴⁶ Намек на платоническую идею предсуществования и загробного существования индивидуальных душ (Plat. Phaed. 80 e; Phaedr. 248; Tim. 42 b; Alcibi. Didask. 177. 20 сл.).

⁴⁷ Смысл аргументации: безупречную жизнь гарантирует добродетель, а счастливую – добродетель, дополненная внешними благами (богатством, почестями и т.д.). Ср. похожие доводы Антияха Аскалонского, излагаемые Цицероном (Acad. 1. 22).

⁴⁸ Ф. Колсон (ad loc.) приводит в качестве параллели к заключительной характеристике Gig. 14, указывая на источник Филона – Plat. Phaed. 64 a.

⁴⁹ παιδεχῆς – vox Platónica. Строго говоря, это определение применимо только к разумной части души (в терминологии Филона – νοῦς, διάνοια, ἡγεμονικόν), поскольку в ее функцию входит воспринимать и аккумулятировать впечатления (ср. Leg. 1.61; Sacr. 135; Deus. 42; Leg. 3.36). С этим связана и метафора ума как «хранилища и кладовой» понятий и мнений (см. ниже § 68). Образ, судя по всему, восходит к платоновскому «Тезетету» (191 с), хотя словом παιδεχῆς сам Платон определяет другую реальность – первичную материю (Tim. 51 a). Сходными образами, говоря о чувственном восприятии, пользовались стоики (SVF 2.83; 2.847), Антиях Аскалонский (Cic. Acad. 2. 30) и платоники (Alcibi. Didask. 155.14).

⁵⁰ δόλιχος – спортивная метафора.

⁵¹ Похвальный (ἑταίρετός – ср. Post. 75) – регулярное определение нравственно прекрасного в стоической философии (SVF 3.29; 3.208 etc.; ср. Alcibi. Didask. 184.39).

достойное сопротивление одетым в доспехи, при том что, и вооружись они, борьба будет несправная? (37) Что касается Авеля, то он не изучал искусство речей и знает прекрасное лишь благодаря рассудку. Поэтому ему следовало, отыскав предлог, не приходиться на поле и пренебречь вызовом неприятеля. Ведь любая нерешительность лучше поражения. Эту нерешительность враги называют трусостью, а друзья – осторожностью⁵². Но верить следует скорее друзьям, чем неприятелям, ибо они не лгут.

(38) Разве ты не видишь, что Моисей находит предлог, чтобы избжать живущих в теле-Египте⁵³ софистов, которых он называет колдунами, потому что уловки и чары софизмов как бы околдовывают и губят благородные нравы? Он говорит, что он не «доблоречив» (Исх. 4 : 10), что значит не способен к витийству, творящему подобия добрых и убедительных речей. Затем ниже он утверждает, что не только не «доблоречив», но и совсем «бессловесен» (Исх. 6 : 12). Бессловесен же (но не в том смысле, в каком мы говорим так о неразумных животных) тот, кто не считает возможным пользоваться возникающим в голосовом органе словом, но в одном лишь рассудке начертывает и запечатлевает основоположения истинной мудрости, противоположной лживому мудрствованию. (39) Поэтому он пойдет в Египет и вступит в борьбу с его софистами не прежде, чем достигнет вершины, упражняясь во внешнем слове⁵⁴, после того как Бог явит и доведет до совершенства все виды изложения⁵⁵ избранием брата Моисея Аарона, которого Он обыкновенно называет «устаами» (Исх. 4 : 16), «излагающим»⁵⁶ и «пророком» (Исх. 7 : 1). (40) И правда, все это приуще слову, брату рассудка. Ведь рассудок является источником слов⁵⁷, и слово для него устье, потому что через него вытекают наружу, подобно льющимся из источника водам, все умозаключения; оно же излагает принятые в его совете решения; и, разумеется, оно пророчествует и возглашает оракулы, беспрестанно доносящиеся из его заповедных и незримых святилищ.

(41) Такой способ борьбы против умеющих оспаривать учения полезен, так как, упражнявшись в видах речей, мы уже не будем валиться с ног из-за неискушенности в софистических приемах, но поднимемся, примем стойку и ловко освободимся от их умелых захватов. И как только они будут однажды разоблачены, окажется, что они обладают умением бойцов, сражающихся не с соперником, а со своей тенью. Ведь и последние славятся тем, что ловко действуют руками, сражаясь сами с собой, но, выйдя на состязание, навлекают на себя немалый позор. (42) Если тот, кто не изучал искусство речей, хотя и

⁵² Ср. ниже § 45, где сказано уже не «осторожность» (ἀσφάλεια), а «осмотрительность» (εὐλάβεια), которая определена как добродетель. Эта же синонимичная пара встречается в сочинении «О добродетелях» (Virt. 24). В данном случае Филон явно расходится со стоическим употреблением понятий «нерешительность» (δύσως) и «осмотрительность». Согласно стоикам, нерешительность является разновидностью одной из четырех страстей – страха (SVF 3.407), которому соответствует здоровое эмоциональное состояние – осмотрительность (SVF 3.431). Филон же определяет нерешительность как разновидность добродетели осмотрительности и противопоставляет ей порок – трусость (δειλία). Можно предположить, что словоупотребление Филона восходит к перипатетической классификации (Arist. De virt. et vit. 1250 b 12 и 1251 a 15, где осмотрительность выступает разновидностью добродетели – воздержности (σωφροσύνη) и порока – трусости (δειλία): ср. также Arist. fr. 80.75 Rose, где нерешительность и трусость стоят в одном ряду).

⁵³ Египет рассматривается автором как аллегория тела и страстей (Leg. 2.59; 2.77; Sacr. 48; Post. 62; Congr. 83 etc.).

⁵⁴ Филон пользуется понятиями «внешняя речь» (λόγος προφορικός) и «внутренняя речь» (λόγος ἐνδιάθετος), очевидно, заимствуя их у стоиков (Sext. Empir. Adv. math. 8.275), различавших таким образом фонетическую и семантическую стороны человеческой речи. Особенность филоновского использования этих понятий заключается в их проекции на основополагающее для платонизма противопоставление рациональной и иррациональной частей души. отождествляя внешнюю речь с телесной фонетической способностью, Филон отмечает ее иррациональный аспект (Abr. 29; Fug. 92). С другой стороны, в случае подчинения «внешней речи» рациональному началу подчеркивается ее разумная природа (Migr. 78; Mos. 2.127). Отсюда и признание Филоном определенной ценности риторики, поскольку благодаря ей достигается необходимая ясность изложения (Mos. 2.129; Spec. 4.69).

⁵⁵ Ф. Колсон (ad loc.) указывает, что понятие «виды изложения» (αἱ πρὸς ἕρμενεῖαν ἰδέαι) является термином риторики, характеризующим стиль литературного произведения, и в качестве примера приводит трактат Гермогена Περὶ ἰδεῶν, в котором выделялись семь соответствующих видов (σαφήνεια, μέγεθος, κάλλος и др.).

⁵⁶ Этого определения нет в тексте Септуагинты.

⁵⁷ Ср. Plat. Soph. 263 e; SVF 1.148.

украсил душу всяческими добродетелями, не ответит на вызов, он обретет легкодостижимую награду безопасности, но если он, подобно Авелю, выйдет на софистическое соревнование, то будет брошен на землю раньше, чем примет стойку. (43) Среди врачей одни, хотя и умеют лечить чуть ли не любые страдания, болезни и недомогания, однако обо всем этом не могут сказать истинного или правдоподобного слова. Другие же, наоборот, будучи искусны в речах, очень хорошо излагают все, из чего складывается искусство — признаки, причины и способы лечения заболеваний, но крайне слабы в том, что касается ухода за больным телом, и не в состоянии предложить даже простейшее из лекарств. Подобным же образом упражняющиеся в мудрости посредством дел часто не заботятся о речах, а изучившие искусства с помощью речей не хранят в душе ни одного прекрасного образца. (44) Поэтому нет ничего удивительного в самонадеянной дерзости, свойственной их необузданному языку, ибо они обнаруживают бессовестность, которую воспитывали в себе с самого начала. А тем, как врачам, изучившим искусство исцеления болезней и язв души, необходимо ждать, пока Бог не создаст наилучшего истолкователя, напитав источники речи и явив их ему.

(45) Таким образом, Авелю подобало бы оставаться дома, следуя спасительной добродетели осмотрительности, и по примеру стойкости-Ревекки не принимать вызова на жаркую схватку спорщиков. Ведь когда почитатель порока Исав угрожает убийством упражняющемуся в добродетели Иакову, она требует, чтобы тот, против кого направлен злой умысел, удалился и не возвращался до тех пор, пока другой не перестанет упорствовать в своей ярости (Быт. 27 : 45). (46) И правда, Исав прибегает даже к какой-то неслыханной угрозе: «Да приблизятся дни плача отца моего, дабы я убил Иакова, брата моего» (Быт. 27 : 41)⁵⁸. Иными словами, он заявляет о своем желании, чтобы Исаак, единственный бесстрастный вид внутри становления⁵⁹, которому был оракул «не ходить в Египет» (Быт. 26 : 2)⁶⁰, испытал неразумную страсть, — чтобы, как я думаю, его ранило стрекало удовольствия, или печали, или какой-либо другой страсти. При этом он дает понять, что менее совершенный и в трудах продвигающийся вперед будет не просто ранен, но погибнет совсем. Однако милосердный Бог, разумеется, сделает недостижимым для страсти вид, принадлежащий к неуязвимому роду⁶¹ и не даст обезумевшему и жаждущему крови погубить упражнение в добродетели⁶².

(47) Поэтому и следующие слова «восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт. 4 : 8) лишь на первый взгляд подразумевают, что уничтожен Авель, а при более тщательном рассмотрении — что сам Каин уничтожен самим собой. Тем самым следует читать: «восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил себя», а не другого. (48) Естественно, что с ним это случилось, так как душа, уничтожив в себе учение, любящее добродетель и Бога, уже не живет добродетельной жизнью. Стало быть, Авель — и это удивительнее всего — и уничтожен, и жив; он уничтожен в рассудке безумца, но живет в Боге счастливой жизнью⁶³. Свидетельством будет изречение оракула, где он, совершенно очевидно, обладает «голосом» и «волиет» о том, что он претерпел от подлого сородича. И правда, разве может разговаривать тот, кого уже нет?

(49) Итак, мудрый, кажущийся мертвым в тленной жизни, живет нетленной жизнью, глупец же, живя порочной жизнью, мертв в жизни счастливой. Дело в том, что, когда речь идет о разделенных⁶⁴ телах, живых и прочих, легко допустить, что действующими являются одни, а претерпевающими — другие. Например, когда отец для вразумления бьет сына или

⁵⁸ В еврейском тексте сказано: «приближаются». Чтение Септуагинты — «пусть приблизятся».

⁵⁹ Это необычное словосочетание (τὸ μῦθον ἀπαθὲς εἶδος ἐν γενέσει), очевидно, является перифразой понятия мудрец (ср. Plat. 166: τὸ τῆς σοφίας εἶδος). Вид (εἶδος) у Филона противопоставляется идее (ἰδέα) и роду (γένος) как имманентная и уничтожимая форма трансцендентной и неуничтожимой сущности (Leg. 2.12; Det. 78; Mh. 78). По поводу различия вида и идеи в философии первых веков нашей эры см. Senec. Ep. 58.20; Alcin. Didask. 155.40.

⁶⁰ См. прим. 53 к § 38.

⁶¹ ἄρτυθον γένος, т.е. мудрость как род и идея (ср. Migr. 28: 125: τὸ σοφίας γένος; Somn. 1.12).

⁶² Речь идет соответственно о мудреце Исааке и упражняющемся в добродетели Иакове.

⁶³ Ср. Fug. 61; 174; Deus. 12.

⁶⁴ Классификация тел, используемая Филоном (ср. Aet. 79), отражает стоическую схему, согласно которой различаются тела 1) единенные (ἡμιμέγιστα), т.е. от природы обладающие цельностью (животное, растение и т.п.); 2) связанные (συνημμέγιστα, συναπτόμενα), т.е. искусственно соединенные в одно (корабль, дом); 3) разделенные (διεστώτα), т.е. состоящие из отдельных самостоятельных объектов (пародное собрание, войско). См. SVF 2. 366–368; 1013; SVF 3. 160; Sen. Adv. math. 7. 102.

учитель – ученика, один является бьющим, а другой побиваемым. А когда речь идет о единенных телах, обнаруживается, что действие относится к тому же телу, к которому относится и претерпевание, причем делается и претерпевается не разное и не в разное время, а одно и то же в одно и то же время. Так, когда борец натирает себя для упражнения, он непременно является натираемым. И, разумеется, всякий, кто ударяет или поражает себя, является ударяемым и поражаемым. И тот, кто увечит или убивает себя, является увечимым и убиваемым. (50) Так к чему я сказал это? К тому, что душа, относящаяся не к разделенному, а к единенному⁶⁵, неизбежным образом претерпевает то, что она, по ее собственному мнению, делает. Так, бесспорно, и в нынешнем случае: решив, что она уничтожила учение, более всего любящее Бога, она уничтожила себя. Об этом свидетельствует Ламех, потомок Каинова нечестия, который говорит своим женам, двум безрассудным мнениям: «Я убил мужа в язву мне и юношу в рану мне»⁶⁶ (Быт. 4:23). (51) Ведь, очевидно, что всякий, убивающий слово мужества, поражает себя противоположным ему недугом трусости, и что всякий, уничтожающий расцветшую благодаря упражнению в прекрасном силу, наносит себе раны и великие увечья, сопряженные с немалым позором. Не случайно и стойкость-Ревекка говорит, что, если будет уничтожено упражнение и продвижение, она потеряет не только одного потомка, но и остальных, оказавшись совершенно «бездетной»⁶⁷ (Быт. 27:45).

(52) Как причиняющий вред доброму очевидным образом наказывает себя, так и предоставляющий преимущества лучшим совершает благо как будто для них, а на деле приобретает его для себя. В пользу моего рассуждения свидетельствует природа и сообразные ей законоположения⁶⁸, в которых открыто и ясно предписано следующее: «Чти отца и мать, чтобы тебе было хорошо» (Исх. 20:12). «Тебе», гласит закон, а не «тем, кого чтят». Ведь если мы будем почитать ум, так как он отец нашей смешанной⁶⁹ природы, и способность ощущения, так как она ее мать, благо от них будет нам самим. (53) Почетъ уму – служить ему тем, что полезно, а не тем, что приятно, – полезно же все, берущее начало от добродетели. Почетъ способности ощущения – не отпускать ее нестись в общем потоке к внешнему чувственно воспринимаемому, но держать ее в узде при помощи ума, опытного кормчего и возничего для неразумных сил внутри нас. (54) Итак, если каждый из двух – и способность ощущения и ум, получит названную мной почетъ, то я, их обладатель, неизбежно буду принимать благоденствия от обоих.

С другой стороны, если ты, уведя рассуждение в сторону от ума и способности ощущения, воздашь честь отцу, родившему космос, и матери – мудрости, давшей целому завершенность⁷⁰, ты сам будешь вознагражден. В самом деле, ни Бог в его полноте, ни знание, достигшее вершины совершенства, не нуждаются в чем бы то ни было. Поэтому заботящийся о них служит не тьме, на кого обращена его забота, ибо они лишены потребностей, но

⁶⁵ Филон намеренно опускает определяемое слово «тела», поскольку он придерживается платонического мнения о бестелесности души (ср. Det. 159; *Alcin. Didask.* 177. 22).

⁶⁶ Смысл текста Библии: я совершил убийство в ответ на мою рану и язву.

⁶⁷ Аллегория, видимо, объясняется из отождествления Ревекки с душой, а ее детей Иакова и Исава с ее разумной и неразумной частями (ср. *Fug.* 23). «Бездетность» души в этом случае равнозначна ее гибели.

⁶⁸ Филон не раз высказывает близкую стоицизму идею о единстве природы и закона. Ср. *Orif.* 3: «Космос находится в согласии с законом, а закон – с космосом. Законопослушный человек, будучи поистине гражданином космоса, совершает действия с волей природы, в соответствии с которой управляется и весь космос». Ср. также *Praem.* 23; *Mos.* 2. 48; *Cont.* 2; *Ios.* 29 = *SVF* 3. 323; *Ebr.* 141, где закон отождествляется с *δρῶς λόγος*; *Cic. De re publ.* 3. 33.

⁶⁹ τὸ σὺκρῶσα – часто используемое Филоном обозначение человеческой природы, состоящей из души и тела, которые в свою очередь также представляют собой сочетание различных частей и элементов (*Leg.* 2. 2; 3. 191; *Post.* 58, 68; *Deus.* 111 etc.). По отношению к живым существам, состоящим из четырех первоэлементов данное понятие употребляется Хрисиппом (*SVF* 2. 413).

⁷⁰ Филон говорит о том, что Бог вместе с мудростью порождает чувственно воспринимаемый мир (ср. *Ebr.* 30; *Fug.* 109; *Leg.* 2. 49). Данная схема близка к платоновскому «Тимею» (50 d), где материя сравнивается с матерью, идеальный образец – с отцом, а мир становления – с их порождением. Проблема интерпретации филиновского образа заключается в том, как Филон мог сопоставить мудрость, которая, как правило, выполняет у него функции логоса, с «восприимчивой», или материей Платона. Как полагает Д. Винстон, это может объясняться влиянием неопифагорейской концепции, согласно которой, один из аспектов пифагорейского Ума-Логоса является умопостигаемой материей (νοητὴ ἕλη). Следы этой концепции обнаруживаются также у Филона (*QE* 2. 122). См. *Winston D. Logos and Mystical Theology in Philo of Alexandria.* Cincinnati, 1985. P. 20; *Runtia.* Op. cit. P. 133 слл.

более всего – самому себе. (55) Так, например, всадническое искусство и искусство выращивания собак, являясь умением заботиться о лошадях и собаках, дает животным то полезное, в чем они нуждаются. Не делая этого, оно, пожалуй, не отвечало бы своему назначению. Однако относительно благочестия, хотя оно представляет собой заботу о Боге, недопустимо утверждать, что оно приносит пользу божеству. Ему ничто не приносит пользу, так как, во-первых, у него нет потребностей, и, во-вторых, не может вещь принести благо тому, что во всех отношениях ее превосходит, – напротив, божество постоянно и непрерывно помогает всем. (56) Поэтому когда мы говорим, что благочестие является заботой о Боге, мы имеем в виду что-то вроде службы рабов, умеющих незамедлительно выполнять повеление хозяев. Но и здесь будет то различие, что хозяева нуждаются в услужении, а Бог – нет. Первым оказывают услуги, которые приносят им пользу, а служащие второму не предложат ничего, кроме образа мыслей, исполненного любви к хозяину. Ведь они не обнаружат ничего, что они могли бы усовершенствовать, так как все дела хозяина изначально устроены наилучшим образом, однако себе они принесут великие блага, стараясь обратить на себя внимание Бога.

(57) Теперь, думаю, достаточно сказано относительно тех, которые думают, что добро или зло они делают другим: ведь обнаружилось, что и то и другое они делают самим себе. Давайте рассмотрим дальнейшее. Это вопрос: «Где Авель, брат твой», на который он отвечает: «Не знаю, разве я сторож брату моему» (Быт. 4:9). В таком случае стоит выяснить, возможно ли, строго говоря, чтобы Бог о чем-либо осведомлялся. Ведь спрашивающий или осведомляющийся спрашивает и осведомляется о том, чего он не знает, в поисках ответа, из которого будет знать прежде неизвестное. Однако Богу известно все – не только настоящее и прошлое, но и будущее. (58) И какой прок от ответа, который ничего не прибавит к постижению осведомлявшегося? Следовательно, мы должны признать, что эти слова не могут употребляться в собственном смысле по отношению к Причине. Однако как можно утверждать ложное, не будучи лгуном, точно так же можно задавать вопрос или осведомляться, не будучи вопрошающим или осведомляющимся.

Тогда для чего, – скажет, наверно, кто-нибудь – произносятся эти слова? Для того чтобы душа, которой предстоит дать ответ, одна, в отсутствие как обвинителя, так и защитника, сама себя изобличила в добрых или злых решениях. (59) Ведь и когда Он спрашивает мудреца: «Где твоя добродетель?» (Быт. 18:9), – я имею в виду Авраама, которого спрашивают о Сарре, – Он задает вопрос не по незнанию: ведь Он считает, что Авраам должен ответить, с тем чтобы похвальное слово исходило от него самого. В самом деле, Моисей говорит, что он ответил: «Здесь в шатре» (Быт. 18:9), то есть в душе. Что же в этом ответе достойно похвалы? Он говорит: «Здесь у себя я храню добродетель как некое сокровище, и именно поэтому я счастлив⁷¹». (60) Ибо быть счастливым – это пользоваться и наслаждаться добродетелью, а не просто-напросто обладать ею. Но я бы не мог ею воспользоваться, если бы ты не дал ей стать беременной, ниспослав с неба семя, и она не произвела бы на свет Исаака – порождение счастья. Счастье же я понимаю как умение пользоваться совершенной добродетелью в совершенной жизни⁷². Поэтому, обрадовавшись мыслям Авраама, Он и соглашается в надлежащее время исполнить его желание.

(Продолжение следует)

⁷¹ В результате конъектуры, принимаемой Ф. Колсоном (*ad loc.*), предложение получает смысл: «по не только поэтому я счастлив».

⁷² Данное определение счастья принадлежит Аристотелю (*Arist. MM 1. 4. 1184 b 25 слл.; ср. Stob. 2. 50–51; Diog. Laert. 5. 30*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века. Вып. 10. 1973
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- ВВ – Византийский временник
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
- ИАК – Известия Археологической комиссии
- Изв. ЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского НИИ. Цхинвали
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- МАЗИТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика
- СА – Советская археология
- Сб. МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии
- Сооб. ГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
- СЭ – Советская этнография
- СХМ – Сообщения Херсонесского музея
- ТДВАК – Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции
- Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея
- ХСб – Херсонесский сборник
- AAAS – Les Annales archéologiques de la République Arabe Syrienne. Damas, 1966–...
- AAH – Acta Archaeologica Hungarica
- AAS – Les Annales archéologique de Syrie. Revue d'archéologie et d'histoire syriennes. Damas, 1951–1965
- AO – Archiv für Orientforschung
- AMS – Asia Minor Studien
- ANRW – Aufstieg und Niedergang der römischen Welt
- AO – Acta orientalia
- ARE – Breasted J.H. Ancient Records of Egypt. I–V. Chicago, 1906–1907
- ASFNA – Annuaire de la Société française de numismatique et d'archéologie
- ATL – The Athenian Lists
- BASOR – Bulletin of the American School of Oriental Researches
- BCH – Bulletin de correspondance hellénique
- BEI – Bulletin des Études Indiennes
- BIFAO – Bulletin de l'Institut française d'archéologie orientale du Caire
- BIDR – Bulletin dell' Istituto di diritto romano. Roma
- BMC – British Museum Catalogue
- CAH – The Cambridge Ancient History
- Calderini. Diz. – Calderini A., Daris S. Dizionario dei nomi geografici e topografici dell' Egitto greco-romano. Cairo – Madrid – Milano, 1935–...
- Choix – Choix d'inscriptions de Délos. P., 1960.
- CIETA – Centre International d'Études textiles anciennes. Lyon
- CLL – Corpus Inscriptionum Latinarum
- CRAI – Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres
- DOP – Dumbarton Oaks Papers
- EA – Epigraphica Anatolica
- EI – Epigraphica Indica
- FD – Fouilles de Delphes
- FS Talmon – Fishbane M., Tov E., eds. «Sha'arei Talmon». Studies in the Bible, Qumran, and the Ancient Near East Presented to Smearyahu Talmon. Winona Lake, Indiana. 1992
- GM – Göttinger Miszellen
- IDR – Inscriptiones Daciae Romanae
- IOSPE. I – Latyshev B.B. Inscriptions antiquae Graeci et Latini orae septentrionalis orae Ponti Euxini
- ISM – Inscriptiones din Scythia Minor. 1983, 1980
- Ist. Mitt. – Istanbulische Mitteilungen
- JA – Journal asiatique
- JAH – Journal of African History
- JARCE – Journal of the American Research Center in Egypt
- JCS – Journal of Cuneiform Studies

JEA	– Journal of Egyptian Archaeology
JOI	– Journal of Oriental Institute. Baroda
JRS	– Journal of Roman Studies
KTU	– Dietrich M., Loretz O., Sanmartín J. Die keilalphabetischen Texte aus Ugarit. <i>Alter Orient und Altes Testament</i> 24/1 1976
LIMC	– Lexicon iconographicum mythologiae classicae
MARI	– Mari. <i>Annales de Recherches interdisciplinaires. Edition Recherche sur les civilisations</i>
MH	– Museum Helveticum
NC	– Numismatic Chronicle
OGIS	– Dittenberger W. <i>Orientalis Graecae Inscriptiones Selectae.</i> Lipsiae, 1903–1905
OMS	– Robert L. <i>Opera minora selecta.</i> Amsterdam
P. Cairo Zen.	– Edgar C.C. <i>Zenon Papyri.</i> Le Caire, 1925–1940
P. Col. Zen.	– Westermann W.L., <i>ect.</i> <i>Zenon Papyri.</i> N.Y. 1934–1940
P.L. Bat. XXI	– Pestman P.W., <i>ect.</i> <i>A Guide to the Zenon Archive.</i> Leiden, 1981 (=Papyrologica Lugduno-Batava. V. XXI)
P. Mich. Zen.	– Edgar C.C. <i>Zenon Papyri in the University of Michigan Collection.</i> Ann Arbor, 1931
PP	– Peremans W., Van't Dack F. <i>Prosopographia Ptolemaica.</i> Louvain, 1950–...
PRU	– Le Palais Royale d'Ugarit
PSI	– Vitelli G., <i>etc.</i> <i>Papiri greci e latini.</i> Firenze, 1917–...
Pulpudeva	– Pulpudeva. <i>Semaines philippolitaines de l'histoire et de la culture thrace</i>
RA	– <i>Revue d'assyriologie et archéologie orientale</i>
RB	– <i>Revue Biblique</i>
RE	– <i>Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaften. Neue Bearbeitung. Begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll</i>
RdE	– <i>Revue d'Égyptologie</i>
REA	– <i>Revue des études anciennes</i>
RHA	– <i>Revue hittite et asiatique</i>
RIDA	– <i>Revue internationale des droits de l'antiquité</i>
RSO II	– Ras Shamra-Ougarit. <i>Publications de la Mission Archéologique de Ras Shamra-Ougarit sous la direction de Marguerite Yon. Les textes hippatriques.</i> P., 1986.
RSO V	– Ras Shamra-Ougarit. <i>Publications de la Mission Archéologique de Ras Shamra-Ougarit sous la direction de Marguerite Yon. La trouvaille épigraphique de l'Ougarit.</i> P., 1989–1990
RSO XI	– Ras Shamra-Ougarit. <i>Publications de la Mission Archéologique de Ras Shamra-Ougarit sous la direction de Marguerite Yon. Les pays d'Ougarit autour de 1200 av. J.-C. Actes du Colloque International. Paris, 28 juin – 1er juillet 1993.</i> P., 1995
SAA	<i>South Asian Archaeology</i>
SB	– <i>Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten</i>
SDHI	– <i>Studia et documenta historiae et iuris.</i> Roma
SC	– <i>Studi classici</i>
SCI	– <i>Scripta classica Israelica</i>
SCO	– <i>Studi classici e orientali</i>
Syria	– <i>Revue d'art orientale et d'archéologie</i>
UF	– <i>Ugarit Forschungen</i>
ZA	– <i>Zeitschrift für Assyriologie.</i> B.
ZDMG	– <i>Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.</i> Leipzig, Wiesbaden
ZDPV	– <i>Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins</i> Wiesbaden
ZDPE	– <i>Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik</i>

СОДЕРЖАНИЕ

Баскакова Т.А. (Москва) – Модели религиозного развития древних ближневосточных обществ (Асмановская концепция «теологического дискурса» в Египте и вопрос о ее применимости к религиозной истории других ближневосточных обществ II – начала I тысячелетия до н.э.)	3
Литвиненко Ю.Н. (Москва) – Сатрап Птолемей и Сострат Книдский: захват Мемфиса	32

ПУБЛИКАЦИИ

Каковкин А.Я. (Санкт-Петербург) – Коптские памятники с изображением «похищения Европы»	50
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Древние империи (Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)

Вигасин А.А. (Москва) – К интерпретации надписей Ашоки. Agabhūtisūsā	61
Норман К.Р. (Кембридж) – Как происходила рассылка эдиктов Ашоки	71

Киммерийцы: проблемы исторической и культурной интерпретации

Иванчик А.И. (Москва) – Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии.....	77
---	----

Историческая география античного Причерноморья

Суриков И.Е. (Москва) – Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла	98
Габелко О.Л. (Москва) – Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект	114

Эллинизм: политическая практика и культурные традиции

Зайцев Ю.П. (Симферополь) – Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы)	127
--	-----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Стародуб-Шарр К.А. (Москва) – Развитие дворцового комплекса в Угарите	149
Кофанов Л.Л. (Москва) – Пифагорсизм в римском авгуральном праве	166
Абрамзон М.Г. (Магнитогорск) – Тема борьбы с племенами Европейской Сарматии и Скифии в монетной чеканке Римской империи	177
Орел В., Фролов С. (Иерусалим) – Exegetica 3–5	187

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Зубарь В.М. (Киев), Савелья О.Я. (Севастополь), Сарновский Т. (Варшава) – Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического	197
--	-----

ВЫСТАВКА «ЗОЛОТО ТРОИ» В ГМИИ им. А.С. ПУШКИНА

Никулина Н.М. (Москва) – Ритуальные молоты-топоры из Троянского клада «L» (К вопросу о датировке данного археологического комплекса)	218
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Виноградов Ю.Г. (Москва) – Возвращение М.И. Ростовцева России (К выходу книги «Скифский роман». Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997)	229
---	-----

<i>Качалкин А.А.</i> (Москва) – Андокид. Речи, или история святотатцев. Перевод с древнегреческого, вступительная статья, комментарии и примечания Э.Д. Фролова. СПб., 1995	232
<i>Сидорович О.В.</i> (Москва) – Ch.J. Smith. Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000 to 500 B. C. Oxf., 1996	234
<i>Ярхо В.Н.</i> (Бордо) – Einleitung in die griechische Philologie / Hrsg. von Heinz-Günther Nesselrath. B.G. Teubner. Stuttgart und Leipzig, 1997	238

PERSONALIA

К 70-летию Ирины Сергеевны Свенцицкой	245
К 80-летию Алексея Михайловича Ременникова	246

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Селиванова Л.Л.</i> (Москва) – Научные чтения, посвященные памяти С.Л. Утченко (К 90-летию со дня рождения)	248
<i>Журавлев Д.В.</i> (Москва) – XXI Международный конгресс RCRF по изучению римской керамики (Эфес–Пергам. 27 сентября – 4 октября 1998 г.)	252

ПРИЛОЖЕНИЕ

Филон Александрийский. О том, что худшее склонно нападать на лучшее. Перевод с древнегреческого и примечания И.А. Макарова (Москва)	256
---	-----

CONTENTS

<i>T.A. Baskakova</i> (Moscow) – The Models of Religious Development of Ancient Near Eastern Societies	3
<i>Yu.N. Litvinenko</i> (Moscow) – Satrap Ptolemy and Sostratus of Cnidus: the Capture of Memphis	32

PUBLICATIONS

<i>A.Ya. Kakovkin</i> (St.-Petersburg) – Coptic Monuments Depicting the Rape of Europe	50
--	----

DISCUSSION

Ancient Empires: New Approaches to the Study of Ancient Empires of West and East

<i>A.A. Vigasin</i> (Moscow) – Agabhutusūsā in the XIII RE of Aśoka	61
<i>K.R. Norman</i> (Cambridge) – The Transmission of the Aśokan Edicts	71

Cimmerians: Problems of Historical and Cultural Interpretation

<i>A.I. Ivantchik</i> (Moscow) – The Modern State of the Cimmerian Problem. Summarizing the Discussion	77
--	----

Historical Geography of the Black Sea Region

<i>I.Ye. Surikov</i> (Moscow) – Historico-Geographical Problems of Pericles' Pontic Expedition	98
<i>O.L. Gabelko</i> (Moscow) – Heraclea Pontica and Bithynia in the Early Hellenistic Period: Political-Geographical Aspect	114

Hellenism: Political Practice and Cultural Traditions

<i>Yu.P. Zajtsev</i> (Simferopol) – Skiluros and His Realm: New Discoveries and New Problems... ..	127
--	-----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>K.A. Starodoub-Scharr</i> (Moscow) – The Development of the Palatial Complex in Ugarit	149
<i>L.L. Kofanov</i> (Moscow) – Pythagoreanism in the Roman Augural Law	166
	271

<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk) – The Motif of Struggle against the Tribes of the European Sarmatia and Scythia in the Roman Imperial Coinage	177
<i>V. Orel, S. Frolov</i> (Jerusalem) – <i>Exegetica</i> 3–5	187

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

<i>V.M. Zubar</i> (Kiev), <i>O.Ya. Savelya</i> (Sevastopol), <i>T. Sarnovsky</i> (Warsaw) – New Epigraphical Monuments from a Roman Temple in the Environs of Chersonesus Taurica	197
---	-----

THE EXHIBITION «TROJAN GOLD» IN THE PUSHKIN MUSEUM OF FINE ARTS

<i>N.M. Nikulina</i> (Moscow) – Ritual Hammer-Axes of the Trojan Treasure Hoard «L» (<i>The Problem of Dating of the Archaeological Complex</i>)	218
--	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL

<i>Yu.G. Vinogradov</i> (Moscow) – M. I. Rostovtsev's Return to Russia (<i>Towards the Rublishing «Scythian Novel»</i> . Ed. by G.M. Bongard-Levin. M., 1997).....	229
<i>A.A. Kachalkin</i> (Moscow) – <i>А н д о к и д. Реchi, ili istoriya svyatotatseva</i> . Translation, Commentaries and Notes by E.D. Frolov. St.-Petersburg, 1995	232
<i>O.V. Sidorovich</i> (Moscow) – <i>Ch.J. Smith. Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000 to 500 B. C.</i> Oxf., 1996	234
<i>V.N. Yarkho</i> (Bordeaux) – <i>Einleitung in die griechische Philologie / Hrsg. von Heinz-Günther Nesselrath</i> . B.G. Teubner. Stuttgart und Leipzig, 1997	238

PERSONALIA

The 70th Birthday of Irina Sergeevna Svetsitskaya	245
The 80th Birthday of Aleksei Mikhailovich Remennikov	246

SCIENTIFIC EVENTS

<i>L.L. Selivanova</i> (Moscow) – Readings in Memory of Prof. S.L. Utchenko (<i>To his 90th Birthday</i>)	248
<i>D.V. Zhuravlev</i> (Moscow) – XX1st International Congress RCRF on Studying Roman Pottery (Ephesus – Pergamum. September 27 – October 4, 1998)	252

SUPPLEMENT

<i>Philonis Alexandrini. Quod deterius potiori insidiari solcat</i> . Translation and Commentaries by <i>I.A. Makarov</i> (Moscow)	256
--	-----

Технический редактор *Н.С. Евсеева*

Сдано в набор 20.02.99	Подписано к печати 22.03.99	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл. печ. л. 22,1 + 2 вкл.	Усл. кр.-отт. 28,7 тыс.
	Тираж 1284 экз.	Уч.-изд. л. 26,8
		Бум. л. 8,5
		Заказ 2378

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-56-28; 938-19-12
Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О Б Ъ Е Д И Н Е Н Н Ы Й
КАТАЛОГ'99российские и зарубежные
газеты, журналы, книги, учебники**УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!**

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!

АФР

Академия Почт России

А Р Г У М Е Н Т Ы
И С Ф Р А К Т Ы

АРПИ

Академия Почт России
Почта и Телеграфы России

УГОДИЕ